Библиотека
всемирной литературы

Серия третья ***

Литература XX века

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗОРИ

●

МОРИС МЕТЕРЛИНК

ПЬЕСЫ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1972

Вступительная статья
Л. Андреева

И (Бельг)
В 36

Иллюстрации
Б. Свешникова

7-4-4
Подп. изд.

О ДВУХ ЗНАМЕНИТЫХ БЕЛЬГИЙЦАХ

В конце XIX века в созвездии имен, представляющих классику всемирной литературы, появились имена бельгийские. Появились они с большим запозданием и, в сущности, неожиданно. До того времени хорошо были известны фламандские имена, но то были имена не писателей, а художников из старой «фламандской школы» (Рубенс, Иорданс, Ван-Дейк и др.). К новому же времени и живопись пришла в упадок в той части Европы, которая после тяжелой и долгой предыстории лишь в 1830 году превратилась в самостоятельное бельгийское государство.

Знаменитый французский критик Ипполит Тэн в конце 60-х годов прошлого века сделал по поводу бельгийской литературы безапелляционное заключение: «Такой литературы почти не существует».

Можно сказать, что не успел Тэн произнести свой приговор, как он был опровергнут самым убедительным образом. В последние дни 1867 года появилась «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях» Шарля де Костера. В те времена имя де Костера не было известным не только за пределами, но и в пределах Бельгии. Тем не менее «от поэмы Шарля де Костера произошла бельгийская литература», по категорическому, но в общем верному определению Ромена Роллана.

«Быть собой» стремилась литература, чье развитие было ускорено борьбой за независимость страны. В границах государства бельгийского после революции 1830 года были объединены две различные народности — фламандцы, чей язык принадлежит германской группе и близок голландскому, и франкоязычные валлоны. «Бельгийского» языка не существует. Если представить себе к тому же десятки бытующих на территории Бельгии фламандских и валлонских диалектов, то картина получается весьма и весьма пестрая. Тем более, что буржуазное бельгийское государство, едва успев сложиться, до предела довело национальную рознь.

Желание бельгийцев «быть собой» сразу же вобрало в себя два сплетенных в труднорасплетаемый узел стремления — центростремительное и центробежное, желание «быть бельгийцем» и желание «быть фламандцем», «быть валлоном», «быть брюссельцем». Первое, центростремительное, сыграло свою роль в XIX веке, отразив борьбу за национальную независимость, за самостоятельную культуру. Второе, центробежное, берет верх ближе к нашему времени, когда развиваются составляющие Бельгию народности, а патриотические лозунги «едипой Бельгии» превращаются в ура-патриотическую демагогию, призванную укрепить буржуазное государство и идеализировать его.

С самого начала французский язык неизменно использовался бельгийской буржуазией для наступления на права фламандцев и их языка, для укрепления унитарного государства, основанного на неравенстве. Однако, при парадоксальном и противоречивом развитии этой страны,— в определенный момент, в XIX веке, в эпоху Верхарна,— именно французский язык сыграл роль исключительную и особенную. Под лозунгом «быть собой» развивалась фламандская литература, давшая в прошлом веке таких значительных писателей, как Хендрик Консьянс, Гвидо Гезелле, Стейн Стревелс. Но де Костер, и Верхарн, и Метерлинк, и Роденбах, и Лемоннье, то есть писатели, которым принадлежит первостепенное значение в формировании самостоятельной бельгийской культуры,— все они писали по-французски.

Французский язык в Бельгии прошлого века сыграл роль могучего рычага, который помог бельгийской литературе «стать собой», выйти из плачевного состояния и достичь мировых литературных стандартов. «Защищая французскую культуру, я защищаю свою культуру, защищая французский язык, я защищаю свой язык» — так определял свое отношение к языку Эмиль Верхарн. Во времена Верхарна именно французский язык позволил бельгийской литературе подняться над провинциализмом, над узким, националистическим толкованием лозунга «быть собой». И не помешал тому «открытию Бельгии», которое совершали литераторы, сражавшиеся за самобытную бельгийскую культуру. Нет сомнения в том, что внезапный выход бельгийской литературы на мировую арену — прямое следствие этого процесса самоутверждения, этой потребности в открытии себя, вызвавшей необычайную активизацию духовных сил маленькой Бельгии.

Став собой, выдающиеся бельгийские писатели приобрели интерес для других. Интерес этот лишь отчасти питается бельгийской экзотикой, этнографической ценностью де Костера или Верхарна. Интенсивное познание себя, своей страны, своего времени вывело крупнейших бельгийских писателей к главным закономерностям эпохи, к ее доминирующим признакам. Это и сделало их крупнейшими бельгийскими писателями и писателями всемирной литературы, ушедшими далеко за те

деревенские околицы, которые казались горизонтом немалому числу писателей, отождествивших Бельгию со своей деревней, а магистрали современности — с родной улочкой.

Отсюда проистекает значение Эмиля Верхарна. Верхарн кажется осью бельгийской литературы, стержнем, на который нанизываются главные из ее свойств, основные ее увлечения, направления ее развития. Дело тут не только в одаренности поэта, одаренности, конечно, исключительной. Дело в непрестанной потребности «быть собой», которая породила органическую потребность «непрестанно наблюдать реальность», превратив Верхарна в великого бельгийского реалиста. Став выразителем духа своего народа, Верхарн с необычайной силой выразил демократические, революционные тенденции целой эпохи. Когда русский революционер Владимир Ленин по ночам зачитывался бельгийцем Верхарном, когда в предреволюционной России (Верхарн приехал в Россию в конце 1913 г.) его с восторгом встретили русские пролетарские поэты, это было — смеем высказать предположение — не только потому, что Верхарн поэт первоклассный, но и потому, что на пороге XX столетия его поэзия предвещала суть нового века как века революций, века великих свершений человечества.

А Метерлинк? Метерлинк тоже выбрался за бельгийскую «околицу», тоже преодолел бельгийский провинциализм и стал у порога XX века как характерная и выразительная фигура. Но прежде чем и он заговорил о возможностях человека, он представил его существом, лишенным каких-либо возможностей. Создатель символистского «театра смерти», Метерлинк стал классической фигурой международного декаданса. В этом, само собой разумеется, тоже заключен пророческий смысл.

Верхарн и Метерлинк — две ключевые фигуры, возникшие в преддверии новой эпохи, как ее олицетворение, как обозначение исторической границы.

* * *

Эмиль Верхарн родился в 1855 году, Морис Метерлинк — в 1862. Верхарн родился в Сент-Амане, что возле Антверпена, Метерлинк — в Генте. Таким образом, оба они из одной провинции, из Восточной Фландрии, оба фламандцы. Вышедшие из буржуазных семей, Верхарн и Метерлинк получили сходное, обычное для тогдашних обеспеченных молодых людей образование — сначала в иезуитском коллеже (в одном и том же коллеже города Гента, но Метерлинк поступал, когда Верхарн оканчивал), где обучение шло на французском языке и вообще «по-французски», потом в университете. Оба изучали право, и оба к юриспруденции никакого интереса не проявили.

И Верхарн, и Метерлинк проявили интерес к поэзии, к искусству. Начали они со стихов: в 1883 году выходит первый сборник стихотво-

рений Верхарна («Фламандки»), и тогда же несколько стихотворений Метерлинка появляются в журнале «Молодая Бельгия».

Оба писателя сотрудничали в этом журнале, который сыграл исключительную роль в развитии бельгийской литературы. «Молодая Бельгия» выходила с 1881 года, под громко звучавшим тогда в Бельгии лозунгом — «будем собой». Однако очень скоро в движении за самоопределение бельгийской литературы наметился раскол, обозначилось два направления этого движения. Одно из них определилось как искусство «социальное», другое — как «асоциальное». В недрах первого созревал реализм, в недрах второго — символизм и другие декадентские школы.

Пути Верхарна и Метерлинка довольно быстро разошлись по этим главным направлениям бельгийского литературного процесса. В начале 90-х годов Верхарн и Метерлинк оказываются на различных полюсах бельгийской, а вместе с тем и мировой литературы: один приступает к созданию монументальной социальной трилогии, великому документу реализма и романтизма в поэзии, другой пишет символистские драмы из цикла «театра смерти».

К социальной трилогии Верхарн шел с первых же шагов в поэзии, с первого сборника, с «Фламандок». За «Фламандками» в 1886 году появились «Монахи». Родина — вот над чем раздумывает поэт, вот чей портрет он создает. Разбросанные на равнинах северной Бельгии фермы, монастыри, церкви — все это приметы бельгийского пейзажа, признаки родного края, его поэтизируемая повседневность. Уже первые стихи Верхарна поражают монументальностью и демократичностью. Стремясь «стать собой», изображая родину, бельгийские писатели преимущественно писали о народе, о деревне, именно там разыскивая специфичность и близость природе, способность к «сохранению себя». Для бельгийской литературы времени Верхарна не редкость «рассказы в деревенских башмаках», произведения, намеренно «обутые» в простую доступную форму.

«Фламандки» воспевают деревню и ее обитателей, ведут читателя на ферму, в амбар, на кухню, рисуют быт крестьянина со множеством совершенно прозаических деталей. Героем поэзии Верхарна оказывается простолюдин, крестьянин, точнее крестьянка, «фламандка», воплощение силы, естественной красоты, которая не нуждается в «румянах», ибо прекрасна, как сама природа. Поэта привлекают монументальные фигуры, могучие страсти — будь то плотские страсти крестьян или же исступленная вера монахов.

«Фламандки», «Монахи» — первая стадия наблюдения реальности в творчестве Эмиля Верхарна. Пока еще это наблюдение извне, улавливающее внешние приметы, внешнюю красоту, игру красок. «Картинное» изображение деревни подчиняется романтической концепции. «Фламандки прошлых времен» (так и называется завершающее сбор-

ник стихотворение) — образ в немалой степени условно-литературный. Он кажется срисованным с натюрмортов старой фламандской школы, срисованным, правда, рукой настоящего мастера. В простоте раннего Верхарна есть нарочитость стилизации.

«Эпические монахи» Верхарна тоже не свободны от стилизации, от романтического преувеличения. Но во втором сборнике приоткрылся идейно-эстетический смысл романтизма раннего Верхарна. В «Монахах» заметнее первые результаты изучения современной реальности. И результаты эти неутешительны. «Фламандки» — статичны, в «Монахах» фиксируется движение, эволюция, в основе которой соотнесение и характеристика различных периодов человеческой истории. «Агония монахов» в стихах Верхарна — символ всеобщей деградации, символ движения от прошлого времени, где было нечто яркое, мощное, к нынешнему времени, когда все поблекло, когда «все рушится и умирает».

Перед лицом этого мира Верхарн тотчас же растерял свои романтические иллюзии. Возникает под его пером то, что может быть названо «трагической трилогией»,— три сборника второй половины 80-х годов: «Вечера» (1887), «Крушения» (1888), «Черные факелы» (1890).

Верхарн был поэтом универсальным, и первый резкий поворот его искусства, сверкающего самыми различными гранями, заключается в стремительном переходе от поэзии описательной, безличной, к стихам лирическим, поражающим своей искренностью. Трагическая трилогия, однако, не стала документом субъективизма. Для Верхарна изоляция от внешнего мира была просто-напросто делом невозможным. Считая искренность признаком истинной поэзии, Верхарн даже в исповеди поэта видел связь с временем.

Исповедь самого Верхарна в те годы была окрашена в тона трагические. Освобождаясь от романтической идеализации плотской красоты фламандок и религиозного исступления монахов, поэт оказывался перед пустотой. «Нет ничего»,— восклицал он и бесконечно варьировал этот мотив, мотив опустошения, безысходности, абсурдности бытия.

Пессимизм Верхарна питался и литературными влияниями. Именно в это время он знакомится с французским декадансом, его поражает Бодлер, увлекают символисты, особенно Малларме и меланхолическая поэзия Верлена. Поэзия самого Верхарна соприкасается с символизмом — появляются стихотворения («Числа» и др.), похожие на ребусы, содержащие чисто субъективный образ обезумевшей, потерявшей всякий смысл действительности. Образы смерти, гибели, распада, гниения наводняют стихи Верхарна.

Именно в это мгновение пересекаются пути Верхарна и Метерлинка: «Черные факелы» и классическое произведение «театра смерти» пьеса «Слепые» относятся к одному и тому же 1890 году. Можно поэтому счесть 1890 год полюсом в развитии бельгийского декаданса.

Но для поэзии Эмиля Верхарна это было всего лишь мгновение, одна — и не главная — грань его универсальности. Потребность наблюдать реальность, доверие к реальности тут же вывели Верхарна из плена субъективизма. Вот почему трагическая трилогия оказалась не только символистским моментом в движении поэта, но и периодом перехода от романтизма к реализму. Реализму в познании и внешнего мира, и мира внутреннего. Лиричность трагической трилогии была признаком того внезапного открытия «я», которое совершил автор «Фламандок» и «Монахов», обогатив тем самым и свою собственную поэзию, и поэзию вообще.

В трагической трилогии создан потрясающий по искренности, по правдивости, по силе эмоционального впечатления образ страдающей души, повергнутой в отчаянье, в неслыханные муки, оказавшейся на грани самоистязания. Верхарн в те годы был тяжело болен; его стихи правдивы и в силу того, что они воссоздают — искренне, честно — тяжелое физическое состояние поэта. Во множестве произведений, вышедших из-под пера декадентов конца прошлого столетия, воспевалась смерть и воссоздавалась всевозможная патология. Но нередко это были литературные страдания, дань декадентскому мировосприятию. Верхарн же не сочинял страдания — он страдал.

И он выковывал в себе способность к сопротивлению, к преодолению отчаяния. Замечательная особенность трагической трилогии состоит в том, что она отразила формирование незаурядной личности, воспитание мужества, воли к сопротивлению.

Лиризм преобразил поэзию Верхарна. На смену величавому, эпическому александрийскому стиху, который господствует во «Фламандках» и «Монахах», приходит более гибкая, более свободная система стихосложения, соответствующая драматизму, крайней эмоциональности трагической трилогии. На смену подчеркнутой предметности, буквальности образов первых двух сборников приходит сложная метафорическая система. Поэзия Верхарна насыщается символами, внешний мир приобретает смысл иносказательный, отражая настроения и мысли поэта, намекая то и дело на его внутреннее состояние.

Но символика Верхарна выдает и еще одно непременное качество его поэзии. Поэт не мог оторваться от реальности, к идее он идет именно от нее, сохраняя наглядность и зримость образа. Внутреннее состояние поэта даже в трагической трилогии постоянно ищет себе соответствия во внешнем мире. При этом внешний мир лишь в редких случаях —тогда мы имеем дело с символизмом — порабощается, совершенно поглощается миром внутренним. Верхарн чаще тяготеет к созданию реалистических картин внешнего мира, соответствующего миру внутреннему. «Да, ваша скорбь — моя, осенние недели... деревьев плач — мой плач»,— восклицает поэт (стихотворение «Осенний час») и рисует правдивую картину осени, когда «под гнетом северным хрипят и стонут ели».

Не случайно именно в трагической трилогии, в большей степени, нежели в «Монахах», возникает облик современности как мира жалкого, пустого, безобразного:

И я оцепенел, и ноги прилипают
К земной грязи, и вонь мне не дает дышать.

(«Вдали»)

Уже не извне созерцает поэт равнины и города своей родины. Он втянут в их трагедии, он страдает вместе с ними. При этом облик настоящего времени социально конкретизируется. В трагической трилогии не только холод, свирепый ветер, осенняя грязь распоряжаются на фламандских равнинах — но и нищета, которая «лачуги сгорбила худые» («Соломенные кровли»). Холодные, равнодушные структуры, сдавившие человека,— порождение враждебных людям законов, прибежище какого-то бесчеловечного общественного механизма («Законы»). Возникает впервые и важнейшая для социальной лирики Верхарна тема города. Сначала город описывается как бы со стороны, со стороны полей, как чуждое им и опасное для них инородное тело, как некое чудище, средоточие порока и грязи, грохота и суеты. Затем этот образ расчленяется, конкретизируется, обретает социальный смысл («Города»).

Социально уточняется уже в трагической трилогии и потребность поэта в сопротивлении, в протесте. В «Черных факелах» есть стихотворение «Мятеж». При всей отвлеченности и экзотичности картины мятежа, чувствуется, что он, как магнит, влечет поэта, что душа поэта там, где взметнулось пламя гнева, мести, борьбы.

Итак, даже трагическая трилогия, которую нередко — и ошибочно — целиком считают декадентским творением Верхарна, помещая заодно всю его поэзию в рубрику символизма конца века, даже трагическая трилогия показывает, сколь естественным для Верхарна был выход к социальной трилогии, стремительное освобождение от плена декаданса.

Были причины, которые ускорили это освобождение. Среди причин называют обычно появление на пути Верхарна женщины, возникновение любви, которая преобразила поэта. Верхарн и сам много раз писал об этом, а главное, отразил свои чувства в циклах стихотворений, посвященных любимой женщине. «Ранние часы» (1896), «Послеполуденные часы» (1905), «Вечерние часы» (1911) — замечательный образец интимной лирики, еще одна грань искусства Верхарна. И опять-таки поражает неспособность поэта забыть о мире, уйти в себя, замкнуться.

Любовная лирика Верхарна в свою очередь знаменует постоянное для бельгийского поэта открытие мира, внимание к реальности. Лирика выражает возникновение и расцвет любви. Мало этого: как и ранее, поэт неизменно ищет соответствия между внутренним состоянием и внешним миром. Поэтому вновь и вновь рисуется этот внешний мир, пишутся проникновенные картины природы. Необыкновенно поэтича-

ским, очищенным любовью, предстает мир окружающих обыденных вещей. «Ранние часы» — образец пейзажной лирики.

И все же, несмотря на все это, возникновение рядом с «Ранними часами» грандиозной социальной трилогии — поразительное свидетельство универсальности Верхарна, его потребности в познании мира. Поэзия Верхарна жадно всасывает в себя действительность. Но это не натуралистическое подбирание с пуги всего, что на пути попадется,— нет, Верхарн создает, творит, он тщательно отбирает строительный материал, берет существенное, главное.

Этому отбору содействовала не только исконная наблюдательность и вкус поэта к реальности. К началу 90-х годов Верхарн обретает революционное понимание действительности. С этого времени его поэзия — одно из бесчисленных свидетельств того процесса сближения искусства с социалистическими идеями, который стал характерным признаком конца XIX — начала XX века. 80—90-е годы в Бельгии — время решительных выступлений пролетариата, мощных забастовок. Рабочая партия Бельгии одерживает крупные победы, социалистическая идеология увлекает интеллигенцию. Бельгийские социалисты организуют в 90-е годы довольно широкое просветительское движение, пытаясь установить прямой контакт творческой интеллигенции и народа, содействовать духовному раскрепощению масс. Верхарн принял участие в деятельности организованных социалистами Народных домов и Новых университетов, читал там лекции.

Все говорило о выходе Верхарна из состояния депрессии, все свидетельствовало о том, что поэт вновь обрел идеал — но уже не романтический, не условно-литературный. Идеал Верхарна основывается теперь на реальности, на познаваемой им сути современного общества, он обращен в будущее, а не в прошлое.

Социальная трилогия — это сборники стихов «Поля в бреду» (1893 г., к нему примыкают «Призрачные деревни» и «Двенадцать месяцев»), «Города-спруты» (1895) и драма «Зори» (1897). Вновь мы оказываемся на тех же полях, на улицах тех же городов, что и в сборниках 80-х годов. Однако уже не картинных фламандок видит поэт на равнинах Бельгии — он видит толпы изможденных людей, бредущих по нескончаемым дорогам. Трагическое восприятие мира, присущее сборникам конца 80-х годов, окончательно сменилось изображением подлинных жизненных трагедий. То, что вызывало у поэта лишь болезненно-острую эмоциональную реакцию, теперь им анализируется, изображается на полотнах социальной трилогии.

Какими категориями мыслит поэт, с какими понятиями он имеет дело — деревня, город, настоящее, будущее! Причем монументальность теперь лишена того привкуса романтической гиперболизации, который оставляют образы крестьян и монахов из ранних сборников Верхарна.

Монументальность — от глубины анализа и от широты взгляда, от революционного миропонимания.

Здесь и деревня, изображение трагедии крестьянства, разоряемого быстрой капитализацией,— такой процесс действительно имел место в Бельгии конца прошлого века. Здесь город, чья социальная функция «пожирателя деревень» олицетворяется образом спрута, мощного и грозного. Уточняя социальное содержание понятий деревни и города, Верхарн освобождает их от зашифрованности и неопределенности. Теперь Верхарн предпочитает несложные метафоры, которые в конкретном, наглядном облике представили бы самую суть изображаемого явления. Даже зловещие, кошмарные видения сумасшедшего (семь «Песен безумного» в сборнике «Поля в бреду») лишь усиливают впечатление от подлинно кошмарного существования крестьян, от их беспомощности. Безумцу кажется, что мир прогрызли крысы, а итоговое стихотворение «Полей в бреду», «Заступ», изображает деревню, равнину, ставшую кладбищем, прибежищем смерти. Для эпической поэзии Верхарна характерны чрезвычайная обобщенность и удивительная наглядность. Верхарн как бы мыслит полотнами, он имеет в виду явления, но явления в его стихах живут, они конкретны.

Для реализма Верхарна особенно показателен созданный им образ города. Сборник «Города-спруты» принес поэту славу великого урбаниста, одного из зачинателей современной поэзии. Пристально наблюдавший реальную жизнь, Верхарн очень быстро к конфликту деревни и города добавил те конфликты, которые присущи самому городу. «Город-спрут» — образец поэтической живописи. Цельная картина возникает из-под пера Верхарна, картина не внешних признаков, не архитектурных особенностей, а картина социального бытия города в приметах кипучей и бурной городской жизни, образ сути, «души города».

Именно образ города привнес в поэзию Верхарна подлинное движение. На разоряемых равнинах он видел бегство, бесперспективный исход из «никуда и в никуда» («Исход»). Перспектива возникла с возникновением образа города — «все колеи стремятся в город». Город, в отличие от деревни, представлен поэтом не как нечто застывшее, подвластное лишь гибели, но как концентрация человеческой истории, как сгусток энергии. Город вобрал в себя прошлое, Историю. Но он оказывается и кузницей будущего.

Со сборника «Города-спруты» поэзия Эмиля Верхарна поворачивается к будущему. Стихи великого поэта становятся формой предчувствия грядущего. Они были стихами реалистическими в той мере, в какой это предчувствие основывалось на точном анализе социальных противоречий современности, на характеристике тех именно сил, которые путь к будущему намечают.

Само по себе это было делом уникальным, исключительным. Ведь

осуществив точный социальный анализ своей эпохи, Верхарн не перестал быть поэтом, не превратил поэзию в политическую публицистику.

Если пытаться дать ответ на вопрос, в чем секрет огромной популярности Верхарна на рубеже веков, то следует прежде всего ответить: потому что он был поэтом. И, будучи поэтом, доказал, что «поэзия все может».

Развитие поэзии Верхарна было отмечено всесторонностью, сочетанием лиризма и масштабности, монументальности социальных тем и кажущейся камерности тем личных. Поэзия Верхарна похожа на могучий поток, который стремится охватить все, вовлечь в свое течение само существование человека и общества.

Вот в этой колоссальной силе, в этой способности к безграничному обогащению — секрет успеха поэзии Верхарна, его значения для мировой поэзии на рубеже XIX—XX столетий. В те годы очевидным стало, что западноевропейская поэзия импрессионизма, а тем паче символизма идет путем отстранения от земных источников. Для мэтра символизма Стефана Малларме мир существовал, чтобы возникла книга. Для Эмиля Верхарна книга была отражением существования мира, воссозданием бытия.

Необыкновенное обогащение содержания у Верхарна влекло за собой обогащение формы. В социальной трилогии утверждается свободный стих. Верхарн был одним из первых франкоязычных поэтов, заменивших строгие, регламентированные формы традиционного, «правильного» стиха стихом свободным. Случилось это оттого, что Верхарн искал путь к наиболее точному выражению мысли, он искал поэтическую форму, которая позволила бы и помогла бы воспроизвести бесконечное богатство реального мира.

Совершенно прав был Валерий Брюсов, поклонник Верхарна и первый его русский пропагандист, когда писал, что «во власти Верхарна столько же ритмов, сколько мыслей». Форма поэзии Верхарна поразительно подвижна, гибка; жанр, ритм и звуковая система постоянно меняются в зависимости от мысли, от содержания стихотворения. Форма стихов Верхарна отражает верхарновский динамизм, его потребность в движении, в предчувствии и поэтическом предвещании грядущего. Разве сама форма, могучий разворот стиха не воссоздает «душу города» («Душа города») как нечто могучее и живое, подвижное, развивающееся? Достаточно сравнить подобное стихотворение с натюрмортами, изображающими деревню, чтобы ощутить соответствие формы содержанию, поиски жанров, ритмов, которые в состоянии передать богатство реальности с ее законом безостановочного движения, развития к грядущему. Разве суть города не передается свободным ритмом стихотворения «Город» с его подвижными строфами, то тяжеловесными, то сжимающимися, с резкой амплитудой строк, то разбегающихся по странице, то концентрирующих смысл в одном, ударном слове?

Изображение города в стихах Верхарна буквально с каждым стихотворением подчиняется мысли поэта о том, что движение — это порыв к будущему, это созидание нового. Динамика «городов-спрутов» — революционная динамика. «В мысли и в поте гордых рабочих рук» видит Верхарн обещание «новой мечты». Поэт вливается в толпы восставших и вместе с ними — в экстазе, в радостной надежде на будущее — выходит на улицы города.

Так Верхарн, еще не достигнув порога XX века, увидел смысл и значение новой эпохи в социальных преобразованиях, в революции, ощутил и с исключительной силой передал это ощущение вздымающейся, неодолимой волны мятежа. Поэзия Верхарна уподобилась сейсмографу, удивительно точно фиксирующему суть приближающегося века как века преобразований. Помимо социальных — преобразования научные; рядом с восстанием — «искания», воспеваемый Верхарном бесконечный процесс познания мира, разгадка тайн природы. Увидев поэзию в труде рабочего и ученого, Верхарн показал благородное нравственное значение труда и познания, совершенствование человека в этом единоборстве с природой. Социальная и научная революция для Верхарна — единый порыв человечества, доказательство его всемогущества, его способности самоусовершенствоваться и усовершенствовать мир, уничтожить все то зловещее, губительное, что населяет стихи «Полей в бреду», «Призрачных деревень». Грядущее для Верхарна — мир прекрасный, царство добра и красоты, царство возвышенной идеи.

Грядущее стало темой третьей части социальной трилогии, пьесы «Зори». (Помимо «Зорь», Верхарном были написаны три драмы — «Монастырь», «Филипп II», «Елена Спартанская».)

«Мы живем в дни обновлений» — вот вывод Верхарна, который доминирует в «Зорях». Пьеса о революции, «Зори» показывают те социальные противоречия буржуазного общества, которые, будучи доведены до предела войной, разрешаются в революционном взрыве. Недавно Верхарн писал о гибели деревни — теперь он пишет о «смерти одного мира», о гибели целой общественной системы.

Мощь революции отражена в образе главного героя пьесы, вождя восставших Эреньена. Нравственная функция революции воплощена этим совершенным человеком, способным отдать себя целиком, отдать даже жизнь свою великой задаче, человеком благородным, чистым, нежным, предназначенным для любви. И это нисколько не противоречит задаче уничтожения старого мира, революционной задаче, которая для Верхарна есть акт гуманный, высшее проявление гуманизма, любви к ближнему, доверия к человеку.

С таким героем Верхарн вплотную приблизился к XX веку. А Метерлинк?

Можно считать, что Метерлинк сконденсировал в себе «фламанд-

ский мистицизм», которому Верхарн отвел лишь одну грань в многогранном облике своего соотечественника. Дело, впрочем, тут не только в свойствах «фламандской души».

В те же 80-е годы прошлого века, в годы крупных побед рабочей партии и широкого распространения социалистических идей, атмосфера в Западной Европе — атмосфера fin de siècle [1] — была густо насыщена мистицизмом. Так было даже во Франции, с ее сильными традициями рационализма, просветительства и атеизма. Что же касается Бельгии, то за «фламандской душой», повторяем, прочно закрепили мистицизм как ее обязательное свойство. Во всяком случае, давней, укоренившейся традицией была в этой стране традиция реакционного романтизма, тесно связанного с религиозными идеями и мистикой. К этому следует добавить руководящую роль католиков в жизни страны. С 1884 года у власти в Бельгии стояла католическая партия. Святые отцы ухитрились примкнуть к движению за национальное искусство, что помогало им укрепить свои позиции. Возрождая к жизни «фламандский дух» под столь актуальными в XIX веке для Бельгии патриотическими лозунгами, католики убеждали, что фламандец якобы «религиозен по инстинкту».

Вот и Метерлинк детство свое, как он сам вспоминал, «провел меж двумя монастырями», там «полный почтения слушал речи о добром господе, о святой деве, об ангелах и небесном блаженстве». Затем попал в иезуитский коллеж, где интенсивно внедрялась в учеников «святость». Метерлинк, по его признанию, провел среди отцов иезуитов «самое неприятное время» своей жизни. Хотя Метерлинк как будто и не был в прямом смысле слова религиозным человеком, однако благодаря мистицизму трудно уловимой стала грань между верой в бога и мировоззрением Метерлинка. Место бога в этом мировоззрении было занято еще более безликим и неопределенным понятием, Неизвестным. Трибуной Неизвестного стал символистский театр Метерлинка, «театр смерти».

До цикла символистских драм Метерлинк написал немного — в мае 1886 года в одном, очень недолго прожившем, парижском журнале появилась прозаическая миниатюра «Избиение младенцев» («переложение», по словам Метерлинка, картины Брейгеля), а в 1889 году Метерлинк собрал написанные к тому времени стихи в сборник «Теплицы». Позаимствовав у матери 250 франков, Метерлинк издал в том же 1889 году в Брюсселе свою первую пьесу, «Принцессу Мален». Штук пятнадцать книг было раскуплено, с десяток автор раздарил друзьям — и все. Громом среди ясного неба было появление в парижской «Фигаро» 24 августа 1890 года статьи Октава Мирбо, в которой сообщалось, что некто Морис Метерлинк («Я не знаю, откуда он и кто он, стар или молод, богат или беден») создал «самое гениальное произведение нашего

[1] Конца века *(франц.)*.

времени». Восторженный отклик — чрезмерно, конечно, восторженный — парижского критика привлек внимание к никому не известному бельгийцу. С этого факта начинается путь Метерлинка к славе,— путь, который был для него недолгим и нетрудным.

«Принцесса Мален» явилась введением в символистский театр Метерлинка. В громоздкой пятиактной сказке уже вырисовывался облик главного героя «театра смерти» — Неизвестного. Теоретически оправдать его появление Метерлинк попытался в большом эссе «Сокровище смиренных» (1896). Это было первое из двадцати четырех опубликованных Метерлинком произведений прозаического жанра, удовлетворявших чрезвычайную потребность этого писателя в комментировании своих драм и в поучении. Судя по «Сокровищу смиренных», философия Метерлинка была одной из многих попыток идеалистической мысли конца XIX века подыскать подходящую замену скомпрометированной идее бога («бог умер»), найти ему аналогию, которая была бы, однако, свободна от церковных несообразностей и была бы философски более или менее респектабельной.

Философия Метерлинка до крайности проста, она построена из немногих, самых стандартных деталей философского идеализма. Исходная идея состоит в том, что всем распоряжается Неизвестное, господствуют «невидимые и роковые силы, намерения которых никому не известны». Порой Неизвестное принимает облик смерти, но лишь порой — дальнейшая конкретизация этой загадки невозможна. Человек — жертва Неизвестного, бессильное и жалкое существо, «без видимой цели отданное во власть безразличной ночи». Соответственно, «наша смерть руководит нашей жизнью, и наша жизнь не имеет иной цели, чем наша смерть». Вполне понятно поэтому, что «надо жить... без дела, без мысли, без света» и лучше молчать, ибо «истинная жизнь создается в молчании».

Пьесы «Непрошеная» (1890), «Слепые» (1890), «Семь принцесс» (1891) — иллюстрация к этим размышлениям о Неизвестном. Правда, иллюстрацию выполнил исключительно одаренный художник. Метерлинку удалось выдумать, создать мир, который живет по законам его философии. Конечно, это выдуманный мир, нереальный, но своей внутренней логикой он обладает. Если считать «заразительность» признаком искусства (как то считал Л. Толстой), то признак этот налицо в «театре смерти».

Метерлинк сумел добиться эффекта присутствия Неизвестного на сцене своего театра. Только символизм мог дать необходимые для этого средства. Символизм — это такое искусство, которое намекает на иррациональную суть бытия. Все символично и в «театре смерти», все лишь намек на Неизвестное. Метерлинк выводит на сцену мир обыденный, до предела сокращает внешние аксессуары. В «Слепых» — обычный лес, в «Непрошеной» — комната старого замка. Метерлинк отказывается от внешних приемов устрашения, которых немало в «Принцессе Мален»

с ее зверскими убийствами и гибелью одного персонажа за другим. В «театре смерти» человек оставлен наедине с загадкой, с Неизвестным. Драматургический конфликт сужен, все перипетии, все возможные усложнения сняты. И чем обыденнее обстановка, чем обыкновеннее то, что изображено, тем сильнее эффект, тем заметнее безликое Неизвестное.

«Театр смерти» — театр статичный. Пьесы стали небольшими, одноактными. Метерлинк сразу же после «Принцессы Мален» отказался от традиционной композиции, от деления на несколько актов, ибо такая композиция предполагала действие, развитие. В «театре смерти» дело обходится «без дела, без мысли». Персонажи Метерлинка не способны к действию, они абсолютно беспомощны. Как кролик перед удавом, застыли они перед таинственным Неизвестным в томительном ожидании. Вот это состояние ожидания, какой-то угрозы Метерлинк передал очень сильно. Действие внешнее заменяется в «театре смерти» быстрой эволюцией внутреннего состояния персонажей, нарастанием беспокойства, тревоги и напряжения.

Персонажи «театра смерти» — не характеры, не личности. Это безымянные, безликие статисты в драме, герой которого один — Неизвестное. Персонажи Метерлинка превращены в органы чувств, регистрирующие присутствие Неизвестного одной, неизменной реакцией — страхом. В «Непрошеной» на сцене группа «недействующих лиц», которые чего-то ждут. Дело вовсе не в приходе того или иного из персонажей; дело не в том, о чем ведется на сцене разговор. Что-то происходит вокруг; слышатся шумы, источник которых неясен. То ли входит кто-то куда-то, то ли выходит откуда-то. Дело не в зловещей концовке, знаменующей вторжение смерти,— дело в том ожидании Неизвестного, к которому и сводится пьеса. В «Слепых» самые мирные шорохи леса повергают в ужас людей, которые стали вместилищем страха, которые тем более беспомощны, что они слепы, заблудились, затерялись.

Естественно, что «театр смерти» стал «театром молчания». Неизвестное вынудило умолкнуть «недействующих лиц» драм Метерлинка. Да и что можно сказать о Неизвестном? В символистских пьесах Метерлинка мало говорят, очень часто персонажи погружаются в молчание. Но и слово меняет свою функцию, перестает что-либо значить, что-либо сообщать, перестает связывать людей. Слово здесь — намек, слово — оформление внутреннего состояния человека, чем-то придавленного и исторгающего по этому поводу вопль. «Недействующие лица» из «театра смерти» перестают слушать друг друга — они прислушиваются к Неизвестному и регистрируют свое состояние краткими, предельно эмоциональными репликами. «Театр смерти» соседствует с экспрессионистической «драмой крика». Диалоги «театра смерти» надо слушать, а не вдумываться в их смысл. Они призваны настраивать, вызывать страх перед Неизвестным.

Метерлинк намеревался создать «театр марионеток». Марионет-

ками в изображении бельгийского символиста стали люди. Может быть, именно это качество «театра смерти» особенно наглядно показывает противоположность Метерлинка и Верхарна. Даже тогда, когда пути их пересеклись, даже в годы создания трагической трилогии Верхарн не мог умертвить человека, лишить его души, мысли, лишить его способности к сопротивлению и права на сопротивление. Недаром в поэзии Верхарна появился эпический образ Кузнеца (в сб. «Призрачные деревни») — прямая противоположность марионеткам Метерлинка, образ человека, которого не дергают за ниточки, а который сам, своим трудом создает целый мир, выковывает будущее. Трагическая трилогия воссоздает образ лирического героя, для которого мерой вещей является мужество, стойкость, способность к сопротивлению.

Символист Метерлинк обожествил незнание, неизвестность; Верхарн темой поэзии сделал открытие истины и саму поэзию превратил в способ познания мира. Верхарн пытается вобрать в искусство всю полноту жизни, Метерлинк— свести к воплощению схемы. Все остановилось в «театре смерти»,— движение было признаком жизни для Верхарна.

На чьей стороне была победа в этом резком столкновении двух философий, двух эстетик? На стороне Верхарна, конечно. Живому Верхарн ближе, Метерлинк ближе обреченному. За Верхарна правдивость его искусства — Метерлинк ведь выдумал царство Неизвестного, он писал декадентские сказки для взрослых людей.

То, что Верхарн одержал победу, видно из того, что Метерлинк довольно быстро сдал свои позиции и попытался приблизиться к Верхарну.

«Театр смерти» был первой фазой драматургии Метерлинка. Уже в следующих пьесах — «Пеллеас и Мелисанда», «Алладина и Паломид», «Там, внутри», «Смерть Тентажиля» (1894) начинается отход от главных его принципов, а пьесу «Аглавена и Селизетта» (1896) сам Метерлинк считал поворотной, поскольку ему «показалось честным и разумным удалить смерть с трона» и на этот трон водрузить «любовь, мудрость или счастье». К началу XX века Метерлинк превращается в крупную фигуру прогрессивно-романтической драматургии.

Отчего такой быстрый поворот от символизма к романтизму?

Для эволюции Мориса Метерлинка найдено было такое же, как для Верхарна, объяснение: Метерлинк тоже повстречал женщину, его очаровавшую. Французская актриса Жоржетта Леблан, наверное, сыграла в жизни бельгийского драматурга свою роль. Не в ней, однако, дело.

Быстрый поворот Метерлинка — доказательство узости, надуманности идеалистических схем «театра смерти», узости, быстро осознанной драматургом. Метерлинка нередко именуют предтечей современного модернизма, «антитеатра», нашумевшего через шестьдесят лет после появления «театра смерти». Близость «театра смерти» и «антитеатра»

очевидна, что доказывает относительность так пропагандируемой новизны модернистских школ. Но есть и различие. Прежде всего, оно состоит в том, что антигуманность «театра смерти» была не столько программой, задачей, сколько следствием избранной Метерлинком философской позиции, последствием мистицизма. Ощутив, поняв это, Метерлинк отшатнулся от придуманного им Неизвестного.

Здесь следует обратить внимание на то, что Метерлинк всегда в той или иной степени тяготел к романтизму. Даже в «театре смерти» ощущается привкус романтизма, то и дело попадается реквизит романтической сказки. Еще будучи студентом, Метерлинк познакомился в Париже с французским романтиком Вилье де Лиль-Аданом. Никто никогда так не потрясал Метерлинка, по его признанию. Метерлинк заявлял, что принцесса Мален, Мелисанда, Астолен, Селизетта и прочие его «призраки» родились в атмосфере, созданной Вилье де Лиль-Аданом, что всем он, Метерлинк, ему обязан.

Так ли это важно, что Метерлинк был потрясен именно автором «Жестоких рассказов», столь близких декадансу конца века, порой от него неотличимых? Очень важно. Конечно, реакционный и консервативный романтизм конца прошлого века — ближайший родственник декаданса. Поэтому Метерлинк и превратился столь стремительно в классика символизма. Но для романтика Метерлинка символизм все же был крайностью, от которой он вскоре отошел.

С каждой из последующих пьес Метерлинк — все меньше символист и все больше романтик, все меньше певец Неизвестного. Наиболее близки «театру смерти» пьесы «Там, внутри» и «Смерть Тентажиля». Но угроза уже здесь перестает быть всесильным Неизвестным, она локализуется за счет отождествления со смертью. Это уже не столько «театр смерти», сколько пьесы, рассказывающие о смерти, о трагизме жизни. И хотя Тентажиль на глазах тает, гибнет от неизвестной причины, персонажи этой пьесы делают попытки во имя любви сразиться с Неизвестным. Пока еще попытки неудачны, но они превращают Неизвестное из метафизической загадки в злую силу, которую желательно одолеть, а героев в «действующих лиц» из «лиц недействующих».

Скорее «театром любви», чем «театром смерти» можно назвать «Пеллеаса и Мелисанду», «Алладину и Паломида», «Аглавену и Селизетту». На передний план выдвигаются лица, действующие во имя любви, носители возвышенных чувств. Их преследуют не загадочные силы, а ревнивцы, нехорошие люди, благодаря чему в пьесах возникают обычные житейские ситуации. Если и чахнут герои, то это кажется уже анахронизмом, данью «театру смерти», лишенной смысла.

Окончательно воцаряется любовь в «Аглавене и Селизетте». Там же главным персонажем становится деятельная и мужественная женщина. Селизетта, правда, гибнет, но ее гибель — дело рук не Неизвестного,

а самой героини, берущей свою судьбу в свои руки и жертвующей собой во имя любви. Такая же мужественная женщина изображена в следующей сказке — «Ариана и Синяя Борода, или Бесполезное освобождение» (1899).

И, наконец, она же становится героиней нашумевшей в свое время драмы «Монна Ванна» (1902). Впервые из ситуации сказочной Метерлинк переносит своих героев в ситуацию реально-историческую, в Италию XV века. Нельзя считать, что Метерлинк создал реалистическую драму, «Монна Ванна» — произведение романтическое с исключительными ситуациями и исключительными героями. Но как высоко романтизм поднял героя Метерлинка! Монна Ванна далеко ушла от марионеток первых драм, она вплотную приблизилась к героям Верхарна. Персонажи «Монны Ванны» не ждут от неизвестности решения своей участи, а сами вырабатывают принципы своего поведения.

В «Монне Ванне» изображены «реальные несчастья», при всей романтической условности обстоятельств. Родина в опасности, город Пиза осажден, народ голодает,— вот перед какими фактами ставит теперь Метерлинк своих героев. Он как будто сохраняет любовный «треугольник» — Монна Ванна, ее муж Гвидо и обожающий Ванну Принчивалле. Но «треугольник» этот отнюдь не традиционный. Принчивалле командует осаждающими город Пизу войсками, а к тому же он наемник. Благодаря этому взаимоотношения главных героев сплетаются в сложный клубок; они со страстью обсуждают не только проблемы любви, но проблемы долга, отношения к родине.

В горячих дискуссиях (каким далеким кажется теперь «театр молчания»!) герои вырабатывают высший критерий оценки нравственности — им оказывается общественный долг, долг перед родиной, перед народом. Монна Ванна говорит: «Спасение моих сограждан для меня выше всего». Действуя в соответствии с этим пониманием долга, Монна Ванна и превращается в подлинную героиню, в олицетворение высшего понимания любви.

Объяснить появление такой героини появлением на пути Метерлинка Жоржетты Леблан было бы легкомысленным. Главное тому объяснение можно найти в эссе Метерлинка «Наш общественный долг» (1907). В начале XX века Метерлинк пришел к убеждению, что буржуазное общественное устройство несправедливо и безнравственно. Заложенная с самого начала в фундамент философии Метерлинка жалость к человеку, сострадание (ощутимое даже в «театре смерти») довольно быстро перерастает в жалость к бедным и в возмущение социальной несправедливостью. Само собой разумеется, что это было ускорено теми же причинами, которые Верхарна сделали певцом революционных Зорь. Даже Метерлинк не остался в стороне от процесса переоценки ценностей, который бурно развертывался на рубеже веков вследствие кризиса капи-

тализма, его идеологии. В 90-е годы и Метерлинк приобщается к социалистическому движению, хотя и без того увлечения, которое охватило Верхарна. Он пришел даже к радикальному выводу — им однажды высказанному — о необходимости «упразднения частной собственности».

Ставя под сомнение традиционные понятия и вековые догмы, Метерлинк в начале XX века пробует найти истину в реальных обстоятельствах, в человеческом опыте, в жизни природы. Вновь намечается точка соприкосновения с Верхарном — Метерлинка тоже охватила жажда познания. Одну за другой он выпускает большие книги, посвящая их то «Жизни пчел», то «Разуму цветов», то термитам, то муравьям, то спиритизму, то оккультизму. Метерлинка влечет природа, но он не естествоиспытатель, а моралист, он пытается уточнить «наше положение на земле», решить проблемы нравственные, определить участь человека.

Метерлинк не был сильным и самостоятельным мыслителем. Даже в пору размышлений о «нашем общественном долге» он не освободился от острейших противоречий; вернее, противоречия его крайне обострились к началу нашего века. Метерлинк не смог полностью освободиться от своего мистицизма, стал дуалистом. Смело объявляя, что властвующие над человеком боги — всего лишь неизвестная часть неизвестного, он тут же напоминал о бессилии разума справиться с «загадочными потемками», о всесилии загадочной «бесконечности». Даже на высшей точке своего развития мысль Метерлинка оставалась непоследовательной и неустойчивой.

Не удивительно, что непоследовательным было и искусство Метерлинка. «Монна Ванна» ознаменовала утверждение драматурга на прогрессивно-романтических позициях. Прогрессивный романтизм — как это часто бывает — дал ростки реалистические. Об этом свидетельствует пьеса «Чудо святого Антония» (1903), переносящая зрителя в маленький провинциальный городок, в обычный буржуазный дом. Возможности, предоставленные сказкой, Метерлинк использовал для сатирического изображения буржуазии. Столкнув святого сначала со служанкой («в грубых деревянных башмаках на босу ногу, окруженная ведрами, тряпками, метлами и щетками»), а затем с буржуа («большинство — с полным ртом»), Метерлинк добился двойного эффекта: святой снижен до уровня быта заурядной передней (он сам ей под стать — «на нем грязный, плохо сшитый, заношенный и во многих местах порванный подрясник»), в которую святого (святого!) не допускает служанка, а буржуа превращены в деталь этого неряшливого даже внешне, не говоря уже о существе, фона. Метерлинк обыграл классическую для реализма ситуацию: только что в тот мир отправился богатый человек — и уже его труп, точнее говоря, оставленное им наследство, обступила толпа близких, жаждущих получить кусок пожирнее. Такая ситуация, обостренная внезапным появлением святого, способного воз-

вращать покойников к жизни, позволяет драматургу показать суть отношений и связей, которые устанавливаются в буржуазном обществе с его эгоизмом, с коренящейся в нем несправедливостью.

Таковы буржуа в изображении Метерлинка. А вот и бедные люди — они появились в пьесе «Синяя птица» (1905). Тильтиль и Митиль лишь мечтают о том, чтобы святочный дед хоть что-нибудь им принес. Пока что все попадает в дом напротив — дом богатых.

Все симпатии Метерлинка на стороне бедных. Не из богатого дома, а из хижины дровосека Фея начнет поход за Синей Птицей,— лишь обитателям бедных хижин Метерлинк доверяет поиски истины. Поиски символической Птицы противопоставляют не только бедных богатым. Они противопоставляют романтическую «Синюю Птицу» символистской драматургии Метерлинка. Там был застывший, мертвый мир — здесь все в движении, здесь смысл в поиске, в походе. Там все было заранее задано, все изначально обусловлено, и человек был марионеткой в руках идеалистического детерминизма — здесь все впереди, все зависит от поисков, от инициативы, смелости искателей истины. И сам процесс поисков, само движение возвышает людей, совершенствует их, открывает перед ними новые горизонты.

Конечным пунктом похода Метерлинк сделал ту же хижину. Она, правда, стала «гораздо красивее», потому что его обитатели вернулись иными людьми. Значит, это не простое возвращение на линию старта — в героях пьесы не угаснет страсть поисков, обещанием искать и поймать Птицу завершается пьеса. Но облик сказочной Синей Птицы странно совпал с горлицей, принадлежавшей Тильтилю. Оказывается, нечто похожее на исконный идеал всегда находилось в хижине. Следовательно, ценностью обладают только сами поиски, сам поход за Птицей, само желание идеала.

Возвращение к исходной точке поисков свидетельствует о том, что Метерлинк немногое обещает своим готовым к новым походам героям. Его программа сводится к самоусовершенствованию, к воспитанию морально совершенной личности, противостоящей буржуазному эгоизму, готовой к подвигу так, как была готова к нему Монна Ванна. Прекрасно, но какие практические, жизненные задачи призван решить такой герой? Для чего следует готовить себя? Метерлинк не может дать определенного ответа на такой вопрос. Его программа до крайности абстрактно гуманистическая.

Недаром все так расплывается в пьесах, написанных тогда же, когда создавались «Монна Ванна», «Синяя птица», «Чудо святого Антония». «Жизель» (1903) вновь говорит о высшей, неэгоистической форме любви, о самопожертвовании. Но «Жизель» — бледное напоминание о «Монне Ванне», здесь все гораздо более условно, абстрактно, вновь возникают примелькавшиеся атрибуты романтической сказки, дворец,

море, идеальные любовники. Еще одним оттиском с «Монны Ванны», потерявшим многие из ярких красок оригинала, кажется «Мария Магдалина» (1909). Снова идеальная женщина, готовая принести себя в жертву, вновь прославление высшей формы любви. Но все это показано на материале, столь же удаленном, как и «Жизель», от действительности, от современности, на ситуации сказочной, легендарной.

Нет ничего удивительного в том, что, вновь вернув нас, пьесой «Обручение» (1918), в идеализированную им хижину дровосека, Метерлинк пойманную, наконец, птичку видит в соседской девушке. Ее-то Тильтиль избирает — после долгих поисков — в свои невесты, а она и собой хороша, и добродетельна, и богата к тому же.

Таким образом, приблизившись к Верхарну в начале нашего века, воспев познание и поиски, Метерлинк быстро подрезал крылья своему созданию, романтической Синей Птице. Впрочем, ставить их рядом нелегко, ведь Верхарн далеко увел человека за стены идеализированной Метерлинком хижины. Синяя Птица Верхарна вела в суть эпохи, помогала увидеть грядущее, окинуть взором всю землю...

После социальной трилогии один за другим выходят сборники стихов Верхарна — «Лики жизни» (1899), «Буйные силы» (1902), «Многоцветное сияние» (1906), «Державные ритмы» (1910). «Все движется, можно сказать — горизонты в пути»,— вот какое настроение доминирует здесь. Постоянно возникающий теперь символический образ — образ моря, символ беспредельности, вечного движения и обновления, символ бурь, навстречу которым шагает лирический герой Верхарна. Он покинул пределы маленькой Бельгии — он идет по всей земле, по всем материкам, пересекает океаны, он оглядывает своим дерзким и проницательным взором вселенную, видит многоцветное сияние планет и звезд.

Верхарн изображает все лики жизни, он улавливает буйные силы бытия, слышит державные ритмы нового времени. В стихах Верхарна возникает небычайная картина; словно бы какой-то исполин гигантской кистью нарисовал панораму человеческого существования, набросал очертания материков, океанов и планет. Набросал, не забыв при этом человека: герой Верхарна под стать такому пейзажу, это бунтарь, вырастающий в титана. Верхарн поет гимн человеку — созидателю, борцу Его герой стряхнул с себя цепи капиталистического рабства, золото для него — символ уже прошедшего времени, буржуазного общества, уходящего в прошлое, анахронического.

Верхарн сумел шагнуть через те неисчислимые препятствия, которые буржуазная система нагромождает на пути к свободному, творческому труду. На самом пороге нового века Верхарн увидел, ощутил ту историческую задачу, которая перед этим веком поставлена, высо-

кое гуманистическое его предназначение — освобождение человека, его поистине безграничных способностей и возможностей. Свободно, без боязни, по-хозяйски идет герой Верхарна по земле, восхищаясь ее красками, ее ритмами.

Стихи Верхарна начала века — философские стихи. Миропонимание поэта в них не только раскрывается, оно воспевается, ибо исходным и главным является убеждение Верхарна в мудрости бытия, в красоте существования и в благости слияния с природой. Верхарн не устает петь гимны жизни.

Бытие — и человек, человек, познающий мир, всесильный («все постижимо»). Таково соотношение сил в философской поэзии Верхарна, соотношение, прямо противоположное тому, что было десять лет назад предложено «театром смерти» Метерлинка. Верхарн не забыл о смерти, он помнит о зле, но считает смерть, страдание, боль — признаком существования потому, что человек подлинный создан для борьбы, он способен смотреть несчастью в лицо и подниматься над ним.

Жизнь — деяние, по Верхарну, жизнь — это море, ветер, это движение, кипение, это мощь и сила. И высшее выражение силы жизни — сам человек. Поэзия Верхарна начала века — это акт возведения на престол человека. Верхарн сбрасывает с этого престола богов, он видит новое божество в самом человеке, ибо только человек всесилен. Творцом вместо бога стал человек. Всесилен труженик, искатель, бунтарь — герой поэзии Верхарна, олицетворение нового века.

И сама поэзия Верхарна предстает актом познания и созидания жизни. Пространство и время, слово и дело, вода и твердь — вот какими понятиями оперирует Верхарн, складывая из них прекрасное здание бытия.

Герой поэзии Верхарна — идеальное существо, выражение идеала поэта, его мечты. Он воссоздавал, правда, и портреты действительно существовавших титанов, людей гениально одаренных (Микеланджело), сыгравших исключительную роль в истории (Мартин Лютер). В стихах Верхарна покоряет «буйная сила» лирического героя. К лучшим стихам из сборников начала века относятся те, что возвращают нас к уже знакомому по предшествовавшим стихам образу человека необыкновенно мужественного, обладающего неисчерпаемой энергией. Исступленно зовет он бури и штормы. Процесс познания — это преодоление разочарований и сомнений, это борьба и с самим собой, это нелегкий труд, в который лирический герой Верхарна вкладывает всю свою душу.

Лиризм философских циклов приблизил мечту, сделал утопию реальностью, реальностью чувств и мыслей лирического героя. Грядущее сосредоточено в энергии, мудрости, бунтарстве этого героя. Воспев душевную красоту, силу и ум человека-преобразователя, Верхарн преобразовал настоящее по облику и подобию своего героя.

Конечно, в таком герое и в так изображенном мире воплотились не только наблюдения Верхарна над его эпохой, но и мечта поэта о совершенстве, об идеале.

Уже и реалистическая социальная трилогия завершалась романтическим финалом. Герой пьесы «Зори» Эреньен тоже был титаном. В его титанизме — правдивое отражение мощи и величия революции. Но Верхарн по-романтически преувеличиваст масштабы отдельной личности, конструирует образ героя исключительного, поднимающегося над прочими, противопоставленного прочим людям. «Культ личности» наделяет революционера выдуманнымп чертами нового божества, мессии, появления которого масса ждет как второго пришествия. Титан Верхарна головой уходит в небо, к звездам — а тем самым возникает опасность отрыва от жизни, от той социальной конкретности, которую так поразительно воссоздал поэт в социальной трилогии. Все крупно, все колоссально под пером Верхарна — но не все крупно в действительности, не все на самом деле лики жизни столь многоцветны и величавы, как в поэзии Верхарна начала века. Отсюда — некоторая риторичность этой поэзии.

Верхарн умел рисовать удивительные пейзажи даже из чистых идей (стихотворение «Мыслители»), быть наглядным даже на уровне крайней абстракции, к которой он пришел в сборнике «Многоцветное сияние»: там остались лишь «звезды и люди». Но все же к финалу серии философских сборников идеи зажили своей жизнью; они так высоко поднялись над конкретной, социальной реальностью, что уже и оторвались от нее. Начали они отрываться и от конкретного образного выражения, что порождает декларативность, крайнюю отвлеченность некоторых стихотворений Верхарна.

Однако, забираясь так высоко, к звездам, Верхарн не покидал родных полей и городов. Потребность в конкретном, в земном была для него слишком сильной. В 1900 году появился сборник «Маленькие легенды», потом в пятитомный цикл «Вся Фландрия» сложились стихи сборников «Первая нежность» (1904), «Гирлянда дюн» (1907), «Герои» (1908), «Островерхие города» (1910), «Равнины» (1911). Затем появились «Волнующиеся нивы» (1912). Таково удивительное многообразие Верхарна — рядом с могучими ритмами романтической поэзии, воспевшей титанов, уживались стихи, фиксировавшие повседневную жизнь рядового труженика, крестьянина, его быт, его радости и горести. Влюбленным взором окидывает поэт родную землю и с большим чувством описывает поля, деревни, улочки уютных городков. Вновь возвращается в поэзию Верхарна картинность, словно возрождаются к жизни оставшиеся далеко позади натюрморты «Фламандок». Верхарн, конечно, не возвращается назад; кроме всего прочего, надо помнить, что стихи о Фландрии представляют собой только одну часть поэтического диптиха. Однако получилось так, что все бури расположились на первой, романтической

части, а на другой мало-помалу воцаряется идиллия. Фламандские стихи Верхарна начала века поэтому — шаг назад от социальной трилогии, в которой фламандское и социальное не расщеплялись. Романтизм все же уводил социальные противоречия и трагедии с фламандских полей во все более абстрагировавшийся мир буйных сил и державных ритмов.

Пути Верхарна и Метерлинка еще раз пересеклись — в последний раз. Началась мировая война. Оба писателя оказались во Франции: Метерлинк уже давно обосновался на юге этой страны, а Верхарн лет двадцать как делил свое время между Парижем и Бельгией. Верхарн и Метерлинк объединились в общей для них реакции на мировую бойню, на оккупацию их родины. Оба с болью писали о муках Бельгии, с восторгом — о героизме своих соотечественников: Верхарн — в книге «Окровавленная Бельгия», в стихах сборника «Алые крылья войны», Метерлинк — в пьесах «Бургомистр Стильмонда», «Соль жизни».

Война оборвала жизнь Эмиля Верхарна. Он погиб в 1916 году, в Руане, попав под поезд. Морис Метерлинк прожил еще более трех десятков лет, пережил вторую мировую войну, умер в 1949 году. Писал он много. К этому времени относится почти половина из всех написанных Метерлинком пьес. Но Метерлинка-драматурга знают по «театру смерти», по романтическим пьесам конца прошлого — начала нашего века. К кануну первой мировой войны слава Метерлинка достигла зенита, тогда он был увенчан лаврами Нобелевского лауреата. Потом он был иждивенцем этой славы.

Из полутора десятков поздних драм Метерлинка мало что опубликовано, и не случайно. Они звучат как заигранная пластинка, в которой трудно, а то и невозможно расслышать прелесть некогда созданной мелодии. Без конца варьируется все тот же мотив жертвенности, самоотверженной любви, иллюстрируемой ситуациями псевдоисторическими и псевдосовременными, а то и вовсе искусственными, вымученными. Очень часто жертвенность оказывается признаком святости, и таковая демонстрируется без всякого стеснения. К святым относимы теперь и мужчины, но, как и прежде, Метерлинк предпочтение отдает женщине — от просто некоей Татьяны, жертвующей собой ради любимого в пьесе «Несчастье проходит» (1925), до графини, повторяющей жертвенный акт Татьяны, но уже во времена Директории в пьесе «Мария Виктория» (1927), от австрийской императрицы Елизаветы и фаворитки императора Австрии, в пьесе на современный, так сказать, сюжет «Императрица без короны» (1942), до всех, отошедших в лучший мир, ибо все очищены смертью и оживают для иной, праведной жизни, выходят из могил и начинают общаться меж собой, сбросив одежду земных грехов, в фантастической пьесе «Страшный суд» (1941).

Лишь однажды, неожиданно, краски ожили, и Метерлинк доказал, что талант его не зачах. Это случилось в начале второй мировой войны

и, возможно, под ее влиянием. Вновь героиней стала жертвующая собой женщина, но на этот раз ею была Жанна Д'Арк. Может быть, сам найденный Метерлинком пример, сам образ Жанны не позволил ему просто «проиграть» еще раз все ту же пластинку.

«Жанна Д'Арк» доказала, что необычная писательская судьба Метерлинка,— не результат естественного, с возрастом нередко происходящего угасания таланта. Да и какой возраст: угасание ведь заметным стало накануне первой мировой войны, а тогда Метерлинку было всего около 50 лет!

Нет, дело не в возрасте. Ответ можно получить в произведениях излюбленного Метерлинком жанра, в бесчисленных его эссе. После первой мировой войны им было написано шестнадцать книг — размышлений по разным вопросам и поводам. Поражает несоответствие огромного проделанного труда, множества исписанных страниц -- и незначительного результата. Кажется, что писатель работает на холостом ходу. Почему же? Метерлинк жил и писал в такое время, был свидетелем таких исторических событий, которые сами по себе были ответом на многие, поставленные перед человечеством вопросы. Метерлинк был современником 1917 года, он был очевидцем второй мировой войны, разгрома фашизма. Но как трудно его представить писателем эпохи возникновения социалистического лагеря!

До крайности абстрактный гуманизм увел Метерлинка так далеко от реальных забот человечества, что и гуманизм позднего Метерлинка сомнителен. Метерлинк брал уроки у насекомых, он у термитов увидел «образ нашей судьбы» и «модель будущего общества». Абсолютная социальная дезориентация привела его к тому, что он с сочувствием приглядывался даже к фашизму (итальянскому и португальскому). Не удивительно, что в поисках ответов Метерлинк со все возраставшим вниманием всматривался не в социальную реальность, а в пустоту «возле нас», туда, где, как ему казалось, возник поучительный для живых опыт жизни усопших. Не удивительно и то, что размеры неизвестного, неизведанного не уменьшались в ходе трудов Метерлинка, а все увеличивались, и в итоге многолетней деятельности этого писателя возник вывод: «Бог — всё и всё — бог».

Вот и не удивительно, что такими безжизненными и надуманными были на протяжении почти сорока лет художественные произведения этого очень одаренного человека. Консервативный романтизм превратил Метерлинка в писателя из давно прошедшего времени.

Тогда как умевший наблюдать реальную жизнь Эмиль Верхарн остается необычайно актуальным, хотя довелось ему видеть лишь зори двадцатого века. Можно с уверенностью сказать, что актуальность Верхарна еще впереди, еще дело будущего.

Л. АНДРЕЕВ

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ФЛАМАНДКИ

СТАРЫЕ МАСТЕРА

В столовой, где сквозь дым ряды окороков,
Колбасы бурые, и медные селедки,
И гроздья рябчиков, и гроздья индюков,
И жирных каплунов чудовищные четки,
Алея, с черного свисают потолка,
А на столе, дымясь, лежат жаркого горы
И кровь и сок текут из каждого куска,—
Сгрудились, чавкая и грохоча, обжоры:
Дюссар, и Бракенбург, и Тенирс, и Крассбек,
И сам пьянчуга Стен сошлись крикливым клиром,
Жилеты расстегнув, сияя глянцем век;
Рты хохотом полны, полны желудки жиром.
Подруги их, кругля свою тугую грудь
Под снежной белизной холщового корсажа,
Вина им тонкого спешат в стакан плеснуть,—
И золотых лучей в вине змеится пряжа,
На животы кастрюль огня кидая вязь.
Царицы-женщины на всех пирах блистали,
Где их любовники, ругнуться не боясь,
Как сброд на сходбищах в былые дни, гуляли.
С висками потными, с тяжелым языком,
Икотой жирною сопровождая песни,
Мужчины ссорились и тяжким кулаком
Старались недруга ударить полновесней.
А женщины, цветя румянцем на щеках,
Напевы звонкие с глотка́ми чередуя,

Плясали бешено,— стекло тряслось в пазах,—
Телами грузными сшибались, поцелуя
Дарили влажный жар, как предвещанье ласк,
И падали в поту, полны изнеможенья.
Из оловянных блюд, что издавали лязг,
Когда их ставили, клубились испаренья;
Подливка жирная дымилась, и в соку
Кусками плавало чуть розовое сало,
Будя в наевшихся голодную тоску.
На кухне второпях струя воды смывала
Остатки пиршества с опустошенных блюд.
Соль и́скрится. Блестят тарелки расписные.
Набиты поставцы и кладовые. Ждут,—
Касаясь котелков, где булькают жаркие,—
Цедилки, дуршлаки, шпигалки, ендовы,
Кувшины, ситечки, баклаги, сковородки.
Два глиняных божка, две пьяных головы,
Показывая пуп, к стаканам клонят глотки,—
И всюду, на любом рельефе, здесь и там,—
На петлях и крюках, на бронзовой оковке
Комодов, на пестах, на кубках, по стенам,
Сквозь дыры мелкие на черпаке шумовки,
Везде — смягчением и суетой луча
Мерцают искорки, дробятся капли света,
Которым зев печи,— где, жарясь и скворча,
Тройная цепь цыплят на алый вертел вздета,—
Обрызгивает пир, веселый и хмельной,
Кермессы царственной тяжелое убранство.

Днем, ночью, от зари и до зари другой,
Они, те мастера, живут во власти пьянства:
И шутка жирная вполне уместна там,
И пенится она, тяжка и непристойна,
Корсаж распахнутый подставив всем глазам,
Тряся от хохота шарами груди дойной.
Вот Тенирс, как колпак, корзину нацепил,
Колотит Бракенбург по крышке оловянной,
Другие по котлам стучат что стало сил,
А прочие кричат и пляшут неустанно
Меж тех, кто спит уже с ногами на скамье.
Кто старше — до еды всех молодых жаднее,
Всех крепче головой и яростней в питье.
Одни остатки пьют, вытягивая шеи,

Носы их лóснятся, блуждая в недрах блюд;
Другие с хохотом в рожки и дудки дуют,
Когда порой смычки и струны устают,—
И звуки хриплые по комнате бушуют.
Блюют в углах. Уже гурьба грудных детей
Ревет, прося еды, исходит криком жадным,
И матери, блестя росою меж грудей,
Их кормят, бережно прижав к соскам громадным.
По горло сыты все — от малых до больших;
Пес обжирается направо, кот налево...
Неистовство страстей, бесстыдных и нагих,
Разгул безумный тел, пир живота и зева!
И здесь же мастера, пьянчуги, едоки,
Насквозь правдивые и чуждые жеманства,
Крепили весело фламандские станки,
Творя Прекрасное от пьянства и до пьянства.

РАВНИНЫ

Вкруг малого села, приземистых домов,
Где колоколенка, алея черепицей,
Встает, увенчана позолоченной птицей,
Где кузнецов меха, где сети рыбаков,
Здесь, где нежданно вид перегораживаем чащей,
И здесь, где черные мычат в траве быки,
Где с сеном движутся воза, как бугорки,
Где парус вдалеке виднеется торчащий,
На фоне радужном весь красный, о волнах
Напоминающий и песне, что в просторе
Поутру моряки поют, пускаясь в море,
О солнечной реке, блестящей в лезвиях,—
Всё клевер да овес, луга и луговины,
Повсюду — поле льна, повсюду — поле ржи,
До горизонта, вплоть до пурпурной межи,
Безбрежность зелени — равнины и равнины.

КАТО

Слюну с могучих морд коровьих отерев,
Перекидав навоз и освежив подстилку,
В рассветном сумраке дверь хлева отперев
И подобрав платок, сползающий к затылку,

Засунув грабли в ларь и подоткнув подол,
Като, дородная и дюжая девица,
Садится на скамью. Скрипит дощатый пол,
А в полутьме фонарь мигает и дымится.

Ступни в больших сабо. Подойник между ног.
Передник кожаный стоит на ней бронею.
Шары-колени врозь. И розовый сосок
Она шершавою хватает пятернею.

Струя тугая бьет, и пузыри кипят,
И ноздри скотницы вдыхают запах вкусный
Парного молока — как белый аромат,
Которым нас весной дурманит ландыш грустный.

И приходя сюда три раза в день, она
Лениво думает о будничной работе,
О парне-мельнике и о ночах без сна,
О буйных празднествах неутолимой плоти.

А парень ей под стать: в руках подковы мнет;
В возне любовной с ней он неизменно пылок,
Таскает он кули. А как она придет —
Он жирный поцелуй влепляет ей в затылок.

Но держит здесь ее коровьих крупов строй.
Коровам нет числа: их десять, двадцать, тридцать...
Стоят они, застыв, хвостом взмахнут порой,
Чтоб от докучных мух на миг освободиться.

Чисты ль животные? Лоснится шерсть всегда.
Откормлены ль? Мяса́ мощны у них на диво.
От их дыхания бурлит в ведре вода;
Кой-где от их рогов стоят заборы криво.

Желудков и кишок вместительных рабы —
Всегда они жуют, ни голодны, ни сыты,
Муку иль желуди, морковь или бобы.
Сопят, довольные, и тычутся в корыта.

Иль пристально глядят, как пухлая рука
Проворно полнит таз нарубленной ботвою,
Иль устремляют взор на щели чердака,
Где сено всклоченной их дразнит бородою.

Из глины, смешанной со щебнем, слеплен хлев;
А крыша — чуть сидит на скошенных стропилах:
Солома ветхая, изрядно подопрев,
От ливня сильного укрыть уже не в силах.

Гнетет животных зной, безжалостен, суров;
Порой полуденной стоят в поту коровы,
А в предвечерный час на мрамор их задов
Ложится, как рубец, заката луч багровый.

Как в топке угольной, в хлеву пылает жар;
От мест, належанных в подстилке животами,
И от навозных куч исходит душный пар,
И мухи сизые жужжат везде роями.

От глаз хозяина и бога вдалеке —
Ни фермер, ни кюре в хлеву не станут рыскать —
Тут с парнем прячется Като на чердаке,
И может вдоволь он и мять ее и тискать,

Когда скотина спит, хлев заперт на засов
И больше не слыхать протяжного мычанья,—
И только чавканье проснувшихся коров
Тревожит полноту огромного молчанья.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

О, трепетная рань святого захолустья,
Когда еще река вся в золоте стрекоз,
И в про́мельках ветвей и камышовых слез
Еще кленовый мост на солнце нежит брусья!

Цветущих луговин пестреющие устья,
И цоканье подков в конюшне, и оброс
Свинарник визгами веселий и угроз:
Даянья скотницы исчезли в жадном хрусте!

О, утренняя тишь! Блаженный час, когда
Накидок и чепцов покорные стада
Вплывают в городок, где божий храм беленый,

Где млеют яблоки, где шпанских вишен звоны,
Где в томной синеве над самой головой
Внезапных простынь залп с веревки бельевой!

КРЫТЫЙ ТОК

Он высится в лугах громадою беленой.
Оштукатуренный и крытый камышом,
На расстоянии заметен он большом,
А сбоку, под стрехой, ютится мох зеленый.

Вот дикая лоза к стене прильнула сонной.
На кровле горлица воркует с голубком.
А скирды, ровные, как срезаны ножом,
Стоят по сторонам ограды отворенной.

Теперь затишье тут. А некогда цепы
Звучали поступью шагающей толпы,
Иль поступью солдат, под грохот барабана.

Казалось, сердце здесь безмерное стучит.
Звук падал и взлетал. И вечер, с песней слит,
К поляне припадал, и таяла поляна.

ПЛОДОВЫЕ САДЫ

В сады, где воробьи и черные дрозды
Нашли себе приют меж мшистыми стволами,
Сверкающий апрель внес солнечное пламя,
Сплетя благих ветвей несчетные ряды.

Пусть в завязи еще сладчайшие плоды,
Но пчелы, меж ветвей сквозными куполами,
Влекут грядущий мед. И тяжкими сосцами
Коровы — сочных трав касаются, горды.

Мерцающий туман окутал утром рано
Сонм яблонь. Пелена молочного тумана
Развеялась, легло на ветви бремя дня.

А в предвечерний час, под гневным небосклоном,
Струилось золото по всем ветвям червонным,
По всем излучинам бессмертного огня.

НИЩИЕ

Их спины нищета лохмотьями одела.
Они в осенний день из нор своих ушли
И побрели меж сел по ниве опустелой,
Где буки вдоль дорог алеют издали́.

В полях уже давно безмолвие царило,
Готовился покрыть их одеялом снег,
Лишь длился в темноте, холодной и унылой,
Огромных мельничных белёсых крыл разбег.

Шагали нищие с сумою за плечами,
Обшаривая рвы и мусор за домами,
На фермы заходя и требуя еды,

И дальше шли опять, ища своей звезды,
По рощам и полям, как будто псы, слоняясь,
Порой крестясь, порой неистово ругаясь.

ВЫПЕЧКА ХЛЕБА

Субботним вечером, в конце дневных работ,
Из тонко сеянной отборнейшей крупчатки
Пекут служанки хлеб. Струится градом пот
В опару, до краев наполнившую кадки.

Разгоряченные, окутаны дымком
Тела их мощные. Колышутся корсажи.
И пара кулаков молотит теста ком,
Округлый, словно грудь,— в каком-то диком раже.

Слегка потрескивают поды от жары.
Служанки, ухватив упругие шары,
Попарно в пе́чи их сажают на лопатах.

А языки огня с урчанием глухим
Бросаются на них ватагой псов косматых
И прыгают, стремясь в лицо вцепиться им.

ШПАЛЕРЫ

Во всю длину шпалер тянулся веток ряд.
На них зажглись плодов пунцовые уборы,
Подобные шарам, что в сумерки манят
На сельских ярмарках завистливые взоры.

И двадцать долгих лет, хотя стегал их град,
Хотя мороз кусал в предутреннюю пору,
Цепляясь что есть сил за выступы оград,
Они вздымались вверх, все выше, выше в гору.

Теперь их пышный рост всю стену обволок.
Свисают с выступов и яблоки и груши,
Блестя округлостью румяных сочных щек.

Пускает ствол смолу из трещинок-отдушин,
А корни жадные поит внизу ручей,
И листья — как гурьба веселых снегирей.

ЗИМОЙ

Вновь холодно, земля твердеет, подмерзая,
Роясь пушинками, вновь первый снег идет
И по навесам крыш соломенных кладет
Свои подушечки, свисающие с края.

И снова, жалуясь, шуршит стерня сухая,
Над наготой полей опять молчанья гнет;
Голодная, зимы почувствовав приход,
Уже слетается к жилью воронья стая.

Зато, лишь серая задернет небо мгла,
Опять по-зимнему вся ферма весела,—
Сидят и греются пред алою жаровней;

И зарождается любовь у парня с ровней,—
По вечерам, когда кипящий чан поет,
Где сусло варится, бурливо, как живот.

МАРИНА [I]

В дни холодов сырых, пронзительных ветров
На волны светлые ложился мглы покров;
Меж грязной зелени, по пашням и дорогам,
Влачился паводок огромным осьминогом.

Тростник сухой свисал оборками. Стеснен
Стенами темноты, гремел со всех сторон
Иль зюйд, иль норд, всю ночь гудели глухо дали.
Белесым отсветом во тьме снега мерцали.

Но лишь мороз, ряды чудовищные льда
Сползали,— шумные, обширные стада,—
Толкаясь и давясь, как сбившиеся горы.

В часы, когда в лесу и в поле был покой,
Они со скрежетом шли друг на друга в бой,
Громовым грохотом тревожа сел просторы.

МАРИНА [III]

Река была полна снастями, парусами,
А небо на нее всем весом налегло
И почву жарило вокруг и жгло лучами,
Как будто подобрав под знойное крыло.

А около плотин кипели ил и тина,
Иглой сверкал тростник от солнечной игры,
И судна трескалась смоленая махина,
Томясь под бременем расплавленной жары.

А в узком месте, там, где волны вдруг немели,
Из вод песчаные выпячивались мели
И белым стаи птиц пятнали их пером.

Поселок весь пылал, как в воздухе горнила,
Грозившего ему медлительным огнем,
И уголья волна горящие влачила.

МОНАХИ

МОНАХИ

Я призываю вас, подвижники-монахи,
Хоругви божии, кадила, звездный хор,
Свет католичества затеплившие в прахе
И в ослеплении воздвигшие собор;

Пустынножители на скалах раскаленных,
Навеки в мраморе веленье, гнев и зов,
Над покаяньем толп коленопреклоненных
Каскад молитвенный тяжелых рукавов;

Живые витражи в сиянии восхода,
Неистощимые сосуды чистоты,
Благие зеркала, в которых вся природа,
Как в тихом озере прибрежные цветы;

Провидцы, чья душа задолго до кончины
В сверхчеловеческом таинственно жила,
Утесы посреди языческой пучины,
Над Римом дикие горящие тела;

Мосты, взлетевшие изгибами в пространство,
Тяжеловесные устои в серебре,
Со стороны зари — потоки христианства
По направленью к нам, к другой своей заре;

Фанфары звучные пришествия Христова,
Громоподобные набаты в тишине;
От солнца вечного, от пламени святого
Распятий ваших свет в небесной вышине.

МОНАХ ЭПИЧЕСКИЙ

Он как будто пришел из дремотных пустынь,
Где глотают во сне раскаленную синь

Одинокие львы, чья свирепая сила
На горячих горах величаво почила.

Был он ростом велик, этот дикий монах,
Сотворен, чтобы жить в беспрестанных трудах;

Сил хватило бы в нем хоть на целую вечность.
До глазниц — борода, из глазниц — бесконечность.

С пешеходом таким не сравнится никто.
Нес монах на плечах лет без малого сто.

Каменела спина от усталости этой.
Был он весь — как утес, власяницей одетый.

Повергая во прах за кумиром кумир,
На ходу попирал он поверженный мир;

Как железный, возник он по воле господней,
Чтобы мог раздавить он змею преисподней.

Лишь такой человек из эпохи мечей
Жизнь бросает свою прямо в стих эпопей.

И зачем бы пришел он, апостол ужасный,
В этот суетный век, век больной и несчастный?

Ни один монастырь бы теперь не вместил
Изобилье таких необузданных сил,

И себя потонуть бы монах не заставил
В современной грязи предписаний и правил.

Нет, подобной душе лишь пустыня под стать.
На горах бы ему, пламенея, сгорать,

Испытав на жаре всевозможные казни,
Изнывая весь век в сатанинском соблазне,

Чтобы губы ему обжигал сатана
Красной плотью блудниц, чтобы ночи без сна,

Чтобы в жадных глазах вожделенное тело,
Как в озерах закат, исступленно алело.

Представляешь его одиноким всегда.
Остается душа в искушеньях тверда.

Он, как мраморный, бел перед всякою скверной.
Он один со своей чистотой беспримерной.

Мимо гулких морей, мимо топких болот,
По лесам и полям он упрямо идет.

В каждом жесте восторг и безумье провидца.
Это Риму таким он дерзает явиться,

Безоружный монах под защитой креста.
Императорам крах возвещают уста,

В неподвижных очах темнота грозовая;
Варвар в нимбе, грядет он, богов убивая.

МОНАСТЫРИ

В те времена, когда тиары и кресты,
Бросаясь в ярые бои средневековья,
Внезапно падали, ломаясь о щиты,
И, словно скипетры, окрашивались кровью,—
Епископы, почти до самых облаков
Воздвигнув грозные, с зубцами, укрепленья,
Владели землями, судили бедняков,
Чудесным объявив свое происхожденье.
Сердца их были — медь, и, как колокола,

Гудели их мозги желаньем бранной славы.
В сраженьях, в пышности эпоха та текла;
Прогресс жестокие, безжалостные нравы
Сравнять своим скребком тогда еще не мог,
И вот — кровавая слагалась эпопея.
Всем управлял монах, неумолим, жесток,
Распятье в руку взяв — и шпагою владея.
Он ниц заставил пасть трепещущий народ,
Земные короли его признали силу,
Шептал он кесарям, что небо власть дает,
И оглушал рабов, чья мощь уже страшила.

Так феодальные монастыри в лесах
Возникли, тайнами и глухоманью скрыты,
Храня святых могил чудотворящий прах.
Они у королей нашли себе защиту
И золото взамен дарили корслям.
С годами ширились селений их границы,
И города росли. Покорна чернецам,
Земная власть впряглась в их солнца колесницу,
И брызнули на мир зловещие лучи,
И в блеске золота, в дыханье ароматов,
На троне пурпурном, под сенью из парчи
Спесь оплела сердца готических аббатов.
Одеты в мантии, как и князья земли,
Величьем мертвенным слепя народы мира,
У трона папского приют они нашли,
Застыв у ног его, как медные кумиры.
В скитах учение, которое Христос
Дал человечеству, раскрыв для всех объятья,
Ковать свою судьбу упрямо принялось,
Точить оружие... горели страстью братья,
Но их сердец булат чрезмерно был тяжел,
Чтоб хрупкий разум мог служить ему основой —
И рог войны трубил, что добрый бог пришел,
На стягах боевых Христово рдело слово,
Был рукоятью крест для доблестных мечей,
Архангел Михаил топтал стопой Беллону,
И в Риме вознеслась над сонмом королей
Святая папская, из трех венцов, корона.

Так гордо высилось надменное чело
Монастырей! Но вот дыхание Эллады

Неискушенную Европу обожгло,
Как дуновение, исполненное яда,
И ожил старый мир, душою обновясь,
Но мудрость новую впитали и аббаты;
Из крепких дланей в мозг их сила поднялась:
Титаны-воины, которые когда-то,
Развив знамена, в бой летели напролом,
Явились как ума и знания титаны.
Пред верой изгнанной, пред изгнанным Христом
Они своих сердец суровую охрану
Воздвигли, и, как встарь, их пламень запылал,
Хотя, казалось, тьмой уже грозил им жребий,—
И был мистический и бледный идеал
Воздвигнут вновь, и крест опять возник на небе.
Вот были каковы. И гордой их спины
Согнуть не в силах был полет тысячелетий.

А нынче, жалкие, толпой оскорблены,
Поруганы, бледны, одни на целом свете —
И все же гордые,— они мертвы лежат,
Мертвы, навек мертвы под тяжким черным сводом,
Где нет ни ладана, ни плача, ни лампад,—
Гиганты-мертвецы, презренные народом.

МОНАХ ПРОСТОДУШНЫЙ

Серой рясой прикрыт от соблазна мирского,
Сердцем он походил на Франциска Святого.

Преисполнен любви, доброты, чистоты,
В монастырском саду поливал он цветы.

Словно пламя, в перстах лепестки трепетали,
Наяву и во сне ароматом питали

Эту кроткую жизнь, и любил он за них
Царство красок дневных и видений ночных

И прохладную тьму в предрассветных туманах
С теплым золотом звезд на небесных лианах.

Весь в слезах, как дитя, слушал он допоздна,
Сколько лилий в былом затоптал сатана

И какие тогда были синие дали,
Если там, в синеве, серафимы летали

И процессии дев по просторам земли
Зелень свежую пальм, как молитву, несли,

Чтобы смерть небеса, наконец, даровала
Тем, кто золото чувств отдавал ей, бывало.

Майским утром, когда день-младенец во сне
В крупных брызгах росы улыбался весне

И когда вдалеке, в светлых нимбах мелькая,
Трепетали крыла на окраинах рая,

Был он, кажется, всех на земле веселей,
Украшая алтарь в честь любимой своей

Пресвятой госпожи, богородицы-девы,
Ей вверяя себя, и сады, и посевы.

Ей хотел он отдать все, чем был он богат,
Чтоб могла вознестись в богородицын сад

Белой розой душа, непорочной и чистой,
Лишь восход пережив, благодатно лучистый.

И когда ввечеру, не жалея ничуть,
Отлетала душа в свой таинственный путь,

Не оставив клочка обездоленной жизни
На колючих кустах в этой тусклой отчизне,

Вечный запах цветов, нежный тот фимиам
С давних пор хорошо был знаком небесам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОНАХОВ

1

Разбрызган мрачный блеск по зеркалам болот,
Нахмурился пейзаж. Кругом ложатся тени.
Пересчитав свои вечерние ступени,
Прощальный свой привет равнинам солнце шлет.

Как бы невидимой лампады отраженье,
Прозрачная звезда из глубины ночной,
Омытая речной медлительной волной,
Среди проточных вод подвижна без движенья.

Дождем исхлестанный, в ухабах, что ни шаг,
Еловые леса и зелень полевую
Прорезав полосой, в седую мостовую
На перекрестке вдруг врезается большак.

Лишь вдалеке окно зияет слуховое
На крыше глоданной, и в черную дыру
Луч погружается последний ввечеру,
Как будто естество зондируя живое.

Мистический привет повсюду, словно вздох,
И в металлическом своем ночном покое
Вселенная хранит безмолвие такое,
Что чувствуется в ней, как в базилике,— бог.

2

В монастыри свои тогда спешат монахи,
Утешив засветло убогих горожан,
Усталых пахарей, примерных прихожан,
Рвань христианскую, тех, кто в предсмертном страхе

Один среди равнин, весь грязный, весь во вшах,
И тех, кого чужой на свалке зарывает,
И тех, которым глаз никто не закрывает,
Тех, кто, заброшенный, на улице зачах;

Тех, кто искусан весь голодной нищетою,
Кто с животом пустым, тащась на костылях,
С пути сбивается, измученный, в полях
И топится в прудах, покрытых темнотою.

Монахи белые среди ночных полей
Напоминают нам библейских исполинов,
Которые бредут, густую тень раздвинув
Просторною льняной одеждою своей.

3

И колокол тогда молчанье нарушает.
Скончается и вновь родится мерный звон,
И звуком явственным уже со всех сторон
Молитвенный призыв окрестность оглашает,

Монахам возвестив благочестивый миг:
Пора в монастырях пропеть молитвы хором,
Чтобы тоскующим и покаянным взором
В глубины совести своей монах проник.

Здесь все они, все те, кто, встав зарею ранней,
Пахал и боронил, терпением богат;
Толковники, чей дух раскрылся, как закат,
Над каждою строкой апостольских посланий;

Аскеты, чья душа, сгорев сама собой,
В уединении томительном прозрела;
Святые постники, чье скрюченное тело
Взывает к небесам кровавой худобой.

4

И наступает ночь, и молятся монахи,
Утешив засветло убогих горожан,
Усталых пахарей, примерных прихожан,
Рвань христианскую, всех, кто в предсмертном страхе;

Монахи молятся, и шепчут их уста,
Что в пустошах глухих на вересковом ложе,
Быть может, при смерти какой-нибудь прохожий
И следует о тех теперь молить Христа,

Кто съеден заживо голодной нищетою,
Кто с животом пустым, тащась на костылях,
С пути сбивается, измученный, в полях
И топится в прудах, покрытых темнотою.

И литаниями тогда наполнен храм.
Всех в мире мертвецов монахи отпевают,
И мертвецам глаза безмолвно закрывают
Господни ангелы, летая здесь и там.

ДИКИЙ МОНАХ

Бывают и теперь монахи, что — порой
Нам кажется — пришли из древней тьмы лесной.

Как будто в сумрачных изваяны гранитах,
Они всегда живут в монастырях забытых.

Полночный ужас чащ смолистых и густых
Таинственно гудит в их душах грозовых,

По ветру треплются их бороды, как серый
Ольшаник, а глаза — что ключ на дне пещеры,

И в складках длинных ряс, как будто в складках мглы,
Похожи их тела на выступы скалы.

Они одни хранят в мельканьях жизни новой
Величье дикости своей средневековой;

Лишь страхом адских кар смутиться может вдруг
Железной купиной щетинящийся дух;

Им внятен только бог, что в ярости предвечной
Греховный создал мир для казни бесконечной,

Распятый Иисус, ужасный полутруп,
С застывшей скорбью глаз, кровавой пеной губ

И смертной мукою сведенными ногами,—
Как он немецкими прославлен мастерами,—

Великомучеников облики святых,
Когда на медленном огне пытают их,

Да на песке арен терзаемые девы,
Которым лижут львы распоротое чрево,

Да тот, кто взял свой хлеб, но, о грехах скорбя,
Не ест и голодом в ночи казнит себя.

И отживут они в монастырях забытых,
Как будто в сумрачных изваяны гранитах.

ВЕЧЕРА

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

О, вечера, распятые на сводах небосклона,
Над алым зеркалом дымящихся болот...
Их язв страстна́я кровь среди стоячих вод
Сочится каплями во тьму земного лона.
О, вечера, распятые над зеркалом болот...

О, пастыри равнин! Зачем во мгле вечерней
Вы кличете стада на светлый водопой?
Уж в небо смерть взошла тяжелою стопой...
Вот... в свитках пламени... в венце багряных терний
Голгофы — черные над черною землей!..

Вот вечера, распятые над черными крестами,
Туда несите месть, отчаянье и гнет...
Прошла пора надежд... Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распятые закрыли небосвод...

ПОД СВОДАМИ

Сомкнулись сумерки над пленными полями,
Просторы зимние огородив стеной.
Мерцают сонмы звезд в могильной мгле ночной;
Пронзает небеса их жертвенное пламя.

И чувствуешь вокруг гнетущий медный мир,
В который вплавлены громады скал гранитных,
Где глыба каждая — каких-то первобытных
Подземных жителей воинственный кумир.

Мороз вонзил клыки в углы домов и башен.
Гнетет молчание. Хотя б заблудший зов
Донесся издали!.. Бой башенных часов
Один лишь властвует, медлителен и страшен.

Ночь расступается, податлива как воск,
Вторгаются в нее безмолвие и холод.
Удары скорбные обрушивает молот,
Вбивая вечность в мозг.

ХОЛОД

Огромный светлый свод, бесплотный и пустой,
Стыл в звездном холоде — пустая бесконечность,
Столь недоступная для жалобы людской,—
И в зеркале его застыла зримо вечность.

Морозом скована серебряная даль,
Морозом скованы ветра́, и тишь, и скалы,
И плоские поля; мороз дробит хрусталь
Просторов голубых, где звезд сияют жала.

Немотствуют леса́, моря, и этот свод,
И ровный блеск его, недвижный и язвящий!
Никто не возмутит, никто не пресечет
Владычество снегов, покой вселенной спящей.

Недвижность мертвая. В провалах снежной тьмы
Зажат безмолвный мир тисками стали строгой,—
И в сердце страх живет пред царствием зимы,
Боязнь огромного и ледяного бога.

СОЛОМЕННЫЕ КРОВЛИ

Склонясь, как над Христом скорбящие Марии,
Во мгле чернеют хутора;
Тоскливой осени пора
Лачуги сгорбила худые.

Солома жалких крыш давно покрылась мхом,
Печные покосились трубы,
А с перепутий ветер грубый
Врывается сквозь щели в дом.

Склонясь от немощи, как древние старухи,
Что шаркают, стуча клюкой,
И шарят вкруг себя рукой,
Бесчувственны, незрячи, глухи,

Они запрятались за частокол берез;
А у дверей, как стружек ворох,
Опавшие листы, чей шорох
Заклятий полон и угроз.

Склонясь, как матери, которых гложет горе,
Они влачат свои часы
В промозглой сырости росы
На помертвелом косогоре.

В ноябрьских сумерках чернеют хутора,
Как пятна плесени и тленья.
О, дряхлой осени томленье,
О, тягостные вечера!

ЛОНДОН

Вот Лондон, о душа, весь медный и чугунный,
Где в мастерских визжит под сотней жал металл,
Откуда паруса уходят в мрак бурунный,
В игру случайностей, на волю бурь и скал.

Вокзалы в копоти, где газ роняет слезы —
Свой сплин серебряный — на молнии путей,
Где ящерами скук зевают паровозы,
Под звон Вестминстера срываясь в глубь ночей.

И доки черные; и фонарей их пламя
(То веретёна мойр в реке отражены);
И трупы всплывшие, венча́нные цветами
Гнилой воды, где луч дрожит в прыжках волны;

И шали мокрые, и жесты женщин пьяных;
И алкоголя вопль в рекламах золотых;
И вдруг, среди толпы, смерть восстает в туманах...
Вот Лондон, о душа, ревущий в снах твоих!

МОРСКИЕ СКИТАЛЬЦЫ

Они пускались в путь, услышав странный зов
Из глубины веков, из океанской дали,
Где голоса сивилл порою окликали,
Подобно эху скал и отгулу холмов.

Ряды волшебных лун сияли на причале,
Пускались в путь суда под флагом золотым,
И смеху черных юнг, спеша к бортам крутым,
Раскаты белых волн в лагунах отвечали.

И обнимал покой плывущих сквозь года,
И взгляды млечных звезд мерцали в небе черном,
И теплый ветер был попутным и упорным,
Толкая корабли — с которых пор? Куда?..

Гиганты-города взносили башни-руки
Над блеском серых крыш, над радугой стекла,
Над окнами, чей взгляд печаль обволокла,
С чьих век слеза текла в ненастный миг разлуки.

Ревели впереди вулканы-острова,
И рыжих солнц клыки сверкали в бездне синей
Над алостью песка, над каменной пустыней,
Где только смерть одна всегда, во всем права.

Забытые места, где бронзовые храмы
В гербах укрыли прах ревнителей креста,
Где древние цари, давно замкнув уста,
На тронах всё сидят, недвижны и упрямы.

Народов тяжкий быт, которые в своей
Гордыне вековой давным-давно устали;
Народов красный гнев, которые восстали,
Проснувшись на заре и веря только ей.

И пьедесталы гор, и черные оскалы
Таинственных пещер над грозной мастерской,
Где великан морской с повадкой нелюдской
Кувалдой водяной раскалывает скалы.

И грохоты портов, и вспышки маяков,
Поднявших гордо лбы, несущих свет и силу.
Но в предзакатный час ты вспомнишь вдруг могилу,
Где спят отец и мать под шорохи венков.

И вспомнишь тихий дом и звон часов знакомый
На ратуше простой в родимом городке.
Скитаниям конец. Ты где-то вдалеке,
Но ты плывешь назад, самим собой влекомый.

Пора вам отдохнуть на милом берегу
Под сенью старых лоз, в молочной мгле тумана.
Но те, кто были там, в просторах океана,
Останутся пред ним заведомо в долгу.

Не знать вам ласки дней, не ведать вам вовеки
Покоя жизни той, что спит на дне души.
Вас будут вечера в предательской тиши
Виденьями томить, пронзая солнцем веки.

И будет ваша боль пожизненно долга,
И снова и опять в портале бирюзовом
Вас будут окликать мечты усопшей зовом
Иные небеса, иные берега.

УМЕРЕТЬ

Багровая листва и стылая вода.
Равнина в красной мгле мала и незнакома.
Огромный вечер, там, над краем окоема,
Выдавливает сок из тучного плода.

И вместе с октябрем лениво умирая,
Пылающую кровь роняет поздний сад,
И бледные лучи ласкают виноград,
Как четки в смертный час его перебирая.

Угрюмых черных птиц приблизился отлет.
Но листья красные сметает ветер в груду,
И, длинные усы протягивая всюду.
Клубничные ростки кровавят огород.

И бронзы тяжкий гул, и ржавый лязг железа
Все ближе, но пока проходит стороной.
А лес еще богат звенящей тишиной
И злата у него побольше, чем у Креза...

Вот так, о плоть моя, мечтаю умереть —
В наплыве дум, лучей и терпких ароматов,
Храня во взорах кровь и золото закатов
И гибнущей листвы торжественную медь!

О, умереть, истлеть, как слишком налитые
Огромные плоды; как тяжкие цветы,
Повисшие теперь над краем пустоты
На тоненькой своей зелено-желтой вые!..

Для жизни на земле мы непригодны впредь.
В спокойствии немом лучась багряной славой,
Дозрели мы с тобой до смерти величавой,
Мы гордо ей в глаза сумеем посмотреть.

Как осень, плоть моя, как осень — умереть!

КРУШЕНИЯ

МЕЧ

С насмешкой над моей гордынею бесплодной
Мне некто предсказал, державший меч в руке:
Ничтожество с душой пустою и холодной,
Ты будешь прошлое оплакивать в тоске.

В тебе прокиснет кровь твоих отцов и дедов,
Стать сильным, как они, тебе не суждено;
На жизнь, ее скорбей и счастья не изведав,
Ты будешь, как больной, смотреть через окно.

И кожа ссохнется, и мышцы ослабеют,
И скука въестся в плоть, желания губя,
И в черепе твоем мечты окостенеют,
И ужас из зеркал посмотрит на тебя.

Себя преодолеть! Когда б ты мог! Но, ленью
Расслаблен, стариком ты станешь с юных лет;
Чужое и свое, двойное утомленье
Нальет свинцом твой мозг и размягчит скелет.

Заплещет вещее и блещущее знамя,—
О, если бы оно и над тобой взвилось! —
Увы! Ты истощишь свой дух над письменами,
Их смысл утерянный толкуя вкривь и вкось.

Ты будешь одинок! — В оцепененье дремы
Прикован будет твой потусторонний взгляд
К минувшей юности,— и радостные громы
Далёко в стороне победно прогремят!

ИСТУПЛЕННО

Пусть ты истерзана в тисках тоски и боли
И так мрачна! — но все ж, препятствия круша,
Взнуздав отчаяньем слепую клячу воли,
Скачи, во весь опор скачи, моя душа!

Стреми по роковым дорогам бег свой рьяный,
Пускай хрустит костяк, плоть страждет, брызжет кровь!
Лети, кипя, храпя, зализывая раны,
Скользя, и падая, и поднимаясь вновь.

Нет цели, нет надежд, нет силы; ну так что же!
Ярится ненависть под шпорами судьбы;
Еще ты не мертва, еще в последней дрожи
Страданье под хлыстом взметнется на дыбы.

Проси — еще! еще! — увечий, язв и пыток,
Желай, чтоб тяжкий бич из плоти стон исторг,
И каждой по́рой пей, пей пламенный напиток,
В котором слиты боль, и ужас, и восторг!

Я надорвал тебя в неистовой погоне!
О кляча горестей, топча земную твердь,
Мчи одного из тех, чьи вороные кони
Неслись когда-то вдаль, сквозь пустоту и смерть!

ОСЕННИЙ ЧАС

Да, ваша скорбь — моя, осенние недели!
Под гнетом северным хрипят и стонут ели,
Повсюду на земле листвы металл и кровь,
И ржа́веют пруды и плесневеют вновь,—
Деревьев плач — мой плач, моих рыданий кровь.

Да, ваша скорбь — моя, осенние недели!
Под гнетом холода кусты оцепенели
И вот, истерзаны, торчат в пустых полях
Вдоль узкой колеи, на траурных камнях,—
Их рук — моих, моих печальных рук размах.

Да, ваша скорбь — моя, осенние недели!
В промерзшей колее колеса проскрипели,
Своим отчаяньем пронзая небосклон,
И жалоба ветвей, и карканье ворон —
Стон сумрака — мой стон, затерянный мой стон.

ВДАЛИ

Вплывают блики крыл в угрюмые ангары,
Ворота черные все голоса глушат...
Кругом — унынье крыш, фасады, и амбары,
И водосточных труб необозримый ряд.
Здесь глыбы чугуна, стальные стрелы, краны,
И эхом в щелях стен вся даль отражена:
Шаги и стук копыт, звенящий неустанно,
В быки мостов, шурша, врезается волна...
И жалкий пароход, который спит, ржавея,
В пустынной гавани, и вой сирен вдали...
Но вот, таинственно сквозь мрак ночной белея,
В далекий океан уходят корабли,
Туда, где пики скал и ярость урагана...
Душа, лети туда, чтоб в подвиге сгореть
И чтоб завоевать сверкающие страны!
Какое счастье жить, гореть и умереть!

Взгляни же в эту даль, где острова́ в сиянье,
Где мирры аромат, коралл и фимиам...
Мечтою жаждущей уйди в зарю скитаний
И с легкою душой вручи судьбу ветрам,
Где океанских волн блистает свет зеленый...
Иль на Восток уйди, в далекий Бенарес,
К воротам древних Фив, в руины Вавилона,
В туман веков, где Сфинкс, Афина и Гермес,
Иль к бронзовым богам на царственном пороге,
К гигантам голубым, или во тьму дорог,
Где за монахами медлительные дроги

Неповоротливо ползут из лога в лог...
И взор твой ослепят лучи созвездий южных!
О бедная душа, в разлуке ты с мечтой!
Уйди же в зной пустынь, в прозрачность бухт
жемчужных,
Путем паломника в пески земли святой...
И может быть, еще в какой-нибудь Халдее
Закатный вечен свет: он пастухов хранит,
Не знавших никогда и отблеска идеи...
Уйди тропой цветов, где горный ключ звенит,
Уйди так глубоко в себя мечтой упорной,
Чтоб настоящее развеялось, как пыль!..

Но это жалкий бред! Кругом лишь дым, и черный
Зияющий туннель, и мрачной башни шпиль...
И похоронный звон в тумане поднимает
Всю боль и всю печаль в моей душе опять...
И я оцепенел, и ноги прилипают
К земной грязи, и вонь мне не дает дышать.

ЧЕРНЫЕ ФАКЕЛЫ

ЗАКОНЫ

Печален лик земли среди угрюмых зданий,
Где жизнь заключена в прямоугольный плен,
Где предопределен удел моих страданий
Всей тяжестью колонн и непреклонных стен.

Вот башенки наук, вот лабиринты права,
Где человечий мир в законы водворен,
Где мозг одет в гранит — и не посмеет он
Поколебать столпы священного устава.

Гордыня бронзы там нисходит с высоты,
Чугунная плита сдавила все живое...
О, сколько нужно дум и страстной чистоты,
Чтоб волновался ум, чтоб сердцу быть в покое —

Дабы оно могло багряный купол свой
Просторно изогнуть в глубокой, нежной сини,
Где б не посмело зло коснуться той твердыни,
Той мудрой доброты и ясности живой!

Но в бездне вечеров, уже чреватых бурей,
Лучами черных солнц охвачен башен ряд,
И мчатся тучи к ним толпою грозных фурий,
Швыряя молний блеск на крутизну громад.

И лунный желтый глаз великой лженауки
В тех небесах, куда устремлена сейчас
Готическая мощь, ужели не погас
От старости своей, от вековечной скуки?..

МЯТЕЖ

Туда, где над площадью — нож гильотины,
Где рыщут мятеж и набат по домам!
Мечты вдруг, безумные,— там!

Бьют сбор барабаны былых оскорблений,
Проклятий бессильных, раздавленных в прах,
Бьют сбор барабаны в умах.

Глядит циферблат колокольни старинной
С угрюмого неба ночного, как глаз...
Чу! Бьет предназначенный час!

Над крышами вырвалось мстящее пламя,
И ветер змеистые жала разнес,
Как космы кровавых волос.

Все те, для кого безнадежность — надежда,
Кому вне отчаянья радости нет,
Выходят из мрака на свет.

Бессчетных шагов возрастающий топот
Все громче и громче в зловещей тени,
На дороге в грядущие дни.

Протянуты руки к разорванным тучам,
Где вдруг прогремел угрожающий гром,
И молнии ловят излом.

Безумцы! Кричите свои повеленья!
Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера.

Зовут... приближаются... ломятся в двери...
Удары прикладов качают окно,—
Убивать — умереть — все равно!

Зовут... и набат в мои ломится двери!

ГОРОДА

Нефть, ворвань, и асфальт, и дух дубленой кожи!
Воспоминанием каких-то черных снов
В чудовищном дыму, в закатной красной дрожи
Неисходимый град вздымает строй домов.
Клубком гремучих змей стремят свои ущелья
Проспекты черные вкруг доков и мостов,
Где газ и керосин в безумии похмелья,
Как жесты дикие, как маски паяцов,—
Бой золота и тьмы,— в вечерней мгле клокочут.
Огромный шум воды струится ночь и день,
Приливы медленно граниты молов точат,
Качают корабли и вновь уходят в тень,
В свободные моря, а между тем заводы
Неукротимые, из камня и стекла,
Стремя зубцы колес и шумные приводы,
Возносят над водой, как черные тела,
Что четвертованы и так окаменели,
Свои маховики, как вечной скуки знак.
Вдали, все в копоти, ревущие туннели,
Их пасти черные, что поглощают мрак;
Вдруг вопли, скрежет, лязг взвиваются над бездной:
То мчатся поезда, ввергая в дрожь мосты,
То правят поезда по рельсам бег железный,—
И холм глотает их зияньем пустоты,
Чтоб изрыгнуть их там, под сводами вокзалов,—
То поезда гремят, несутся поезда.

Шерсть, масло, нефть, смола, обломки минералов!
Вот пальм распиленных тяжелая гряда,
Вот связки шкур сухих с их мертвыми когтями,
Вот зубы буйволов и антилоп рога,
И аллигаторы, покрытые щитками.
О, слава царственных пустынь! Рука врага
В продажу кучами ее несет кичливо:
Надменных кондоров и тигров золотых,
Медведей бронзовых и львов с тяжелой гривой —

Сахара и Клондайк внимали реву их.
Цари полдневных стран, владыки древней силы!
Увы! Теперь для вас граниты мостовой,
И дроги гулкие, и погреба-могилы,
Тюки и ящики, и мрак вечеровой —
Туманы Севера, где умирают светы,
Где разлагается светил кровавых рой.
Вот Лондон бешеный, в пивной туман одетый,
Где бродит золотых и черных грез настой,
Рождающий тоску и гнет кошмаров рдяных;
Вот старый Лондон, вот его река шумит,
Как вечный сон во сне; вот высится в туманах
Строй верфей и контор и в темноту бежит,
В глубь улиц спутанных, как в лабиринт кротовий;
И в небе цинковом иглится полоса
Крыш, башен, куполов — сквозь дымы цвета крови —
Смятеньем сумрака и камня — в небеса.

Наживы пламенность и кошелька экстазы!
О, руки, к золоту летящие с мольбой,
О, души, чахлые от золотой заразы,—
А там шагов, шагов бесчисленных прибой
О скалы золота,— в величии мечтаний
Над общим пламенем и напряженьем сил.
Крик, шепот, стон тоски, уходит день в тумане,
Ночь движется — вновь крик, смятение и пыл,
Остервенелый труд, безумные сраженья,
Гусиных перьев скрип во глубине контор,
Где газа пленного трепещут отраженья,
Борьба вчерашняя и завтрашний напор,—
Банк движется на банк, и злато губит злато...

Да, уничтожиться в кипении борьбы,
В прах истереться в ней! Вот дроги и лопата,
Чтоб золото вспахать, и черные гробы
Для пахарей стоят. О дух мой исступленный,
Безумный и больной, с бичами бурь в борьбе!
О дух чудовищный, заблудший, осквернённый,
Умри — от черного презрения к себе!
Вот город в золоте пылающих алхимий!
Ты в тигелях его расплавься, точно воск,
Противоречьями себя язви глухими,
Чтоб молнии впились в твой обнаженный мозг!

Верхарн. «Фламандки»

МЕРТВЕЦ

В одеждах цветом точно яд и гной
Влачится мертвый разум мой
По Темзе.

Чугунные мосты, где мчатся поезда,
Бросая в небо гул упорный,
И неподвижные суда
Его покрыли тенью черной.
И с красной башни циферблат,
Где стрелки больше не скользят,
Глаз не отводит от лица
Чудовищного мертвеца.

Он умер оттого, что слишком много знал,
Что, в исступленье, изваять мечтал
На цоколе из черного гранита
Для каждой вещи лик причины скрытой.
Он умер, тайно восприяв
Сок познавательных отрав.
Он умер, пораженный бредом,
Стремясь к величьям и победам,
Он навсегда угас в тот миг,
Когда вскипел закат кровавый
И над его главой возник
Орлом парящим призрак славы.
Не в силах более снести
Жар и тоску смятенной воли,—
Он сам себя убил в пути,
В цепях невыносимой боли.
Вдоль черных стен, где прячется завод,
Где молотов раскат железный
Крутую молнию кует,
Влачится он над похоронной бездной.
Вот молы, фабрик алтари,
И молы вновь, и фонари,—
Прядут, медлительные пряхи,
Сияний золото в тоске и страхе.
Вот камня вечная печаль,
Форты домов в уборе черном;
Закатным взглядом, скучным и покорным,

Их окна смотрят в сумрачную даль.
Вот верфи скорби на закате,
Приют разбитых кораблей,
Что чертятся скрещеньем мачт и рей
На небе пламенных распятий.

В опалах мертвых, что златит и жжет
Вулкан заката, в пурпуре и пемзе,
Умерший разум мой плывет
По Темзе.

Плывет на волю мглы, в закат,
В тенях багряных и в туманах,
Туда, где плещет крыльями набат
В гранит и мрамор башен рдяных,—
И город жизни тает позади
С неутоленной жаждою в груди.
Покорный неизвестной силе,
Влачится труп уснуть в вечеровой могиле,
Плывет туда, где волн огромных рев,
Где бездна беспредельная зияет
И без возврата поглощает
Всех мертвецов.

У ДОРОГИ

ЧАСЫ

Ночью, в молчании черном, где тени бесшумные
бродят,—
Стук костыля, деревянной ноги.
Это по лестнице времени всходят и сходят
Часы, это их шаги!

Вокруг устарелых эмблем и наивных узоров
Цифр под стеклом утомительный ряд.
О, лу́ны угрюмых, пустых коридоров:
Часы и их взгляд!

Деревянный киоск роковых откровений,
Взвизги напилка, и стук молотков,
И младенческий лепет мгновений,—
Часы и их зов!

Гроба́, что повешены всюду на стены,
Склепы цепей и скелетов стальных,
Где кости стучат, возвещая нам числа и смены...
Часы и весь ужас их!

Часы!
Неутомимы, бессонны,
Вы стучите ногами служанок в больших башмаках,
Вы скользите шагами больничных сиделок.

Напрасно вас молит мой голос смущенный.
Вы сдавили мой страх
Циркулем ваших безжалостных стрелок.

ДЕКАБРЬ

Под бледным небом по полям туман ползет,
Земля от холода вся в трещинах глубоких,
На рыжих склонах инея налет,
И над безмолвием трещат, кричат сороки.

Как стая гарпий злобных и жестоких,
Кусты сражаются, и ветер листья рвет,
Тряпье осеннее, и там, в полях далеких,
Как будто кто по наковальне бьет.

Зима унылая! Твой холод беспрестанно
Сжимает душу мне своей рукой титана,
И тот же звон глухой плывет издалека,

Тоскливый звон из церковки соседней
Твердит, что там собрали в путь последний
И в землю опускают бедняка.

СМУТНОЕ

Цветок увидеть, хрупкий и беспечный,
Который на качели стебелька,
Раскачиваясь, хрупкий и беспечный,
Спит, а потом увидеть мотылька,
Как он горит алмазом на лету
Иль вдруг в луче закатном замирает;
Потом увидеть парусник в порту,—
Он в путь готов, лишь ветра ожидает,
И моряки-фламандцы, торопливо
Прощаясь, выбирают якоря,
Чтоб выйти на просторы до отлива.
Увидеть все, что мне дала заря
Вечерняя, и вопрошать тревожно:
Вдруг упадет цветок? Не станет мотылька?
Иль белый парусник войдет неосторожно

В стремнину бурную, как горная река,
И станет жалкою игрушкою стихии
Там, где вздымаясь пенятся валы
И грозно ходят горы ледяные?..
Воспоминанья о тебе плывут из мглы,
Как облака в последний час заката.
Цветок, и мотылек, и парус над волной,
И ты — все в ночь уходит без возврата,
Лишь боль и золото закатное — со мной!

ГИМН

I

Хотел бы я иметь, чтобы тебя воспеть,
Глас торжествующий и грозный океана,
Неукротимое дыханье урагана.

Хотел бы заглушить гремящих молний медь
И грома дальнего в ночи слова глухие,
Чтоб славили тебя одну стихии!

О, как хотел бы я, чтоб разом все моря
На берег хлынули, и чтобы пела пена
Земле, как ты прекрасна и священна.

Еще хотел бы я, чтоб, в небесах горя́,
Над ревом бурь и грозами шальными
Кометой ярче звезд твое сияло имя!

II

Как ящерицы, те, что солнце пьют,
Зеленым длинным телом извиваясь,
К тебе мои желания ползут.

В полдневный зной я над тобой склоняюсь;
Вокруг поля, и полыхает рожь,
И не унять томительную дрожь.

Ласкает ветер нас, мы от жары устали.
Среди холмов Эско сверкает там и тут,
Все небо в золоте, и необъятны дали.

Как ящерицы, те, что солнце пьют,
Ты предо мной лежишь, бесстыдно сладострастна,
И снова я горю, и наша страсть прекрасна!

ПРИТЧА

Над золотом глади озерной,
Где белые лилии спят,
Усталые цапли скользят,
В воде отражаются черной.

Их крыльев широк размах,
Медлительны их движенья;
Плывут они в небесах,
Гребут в воде отраженья.

Но рыбак туповатый и важный
На них расставляет сети,
Не видя, что птицы эти
Гребут в высоте отважно,

Что в мокрые сети скуки
Птицы не попадают.
Напрасно он в тине их ищет,—
Птицы все выше взмывают,

И мчатся, как призраки, мимо,
Безумны и неуловимы!

ЛОДКА

Морозит к ночи. На деревьях иней
Алмазами сверкает под луной.
И в чистом небе тучки ни одной:
Плывет луна над белою пустыней.

Как сталь с серебряным узором, черный лед,
И звезды смотрят на́ реку в печали:
Там лодка вмерзла, весла в плен попали,
Одна, недвижна, но чего-то ждет.

Вдруг сокрушит оковы ледяные
Какой-нибудь герой, и лодку поведет
В моря, где пламенем охвачен небосвод,
В далекий рай, к теплу, в края иные?

А может быть, она обречена
Следить, в безмолвье белом прозябая,
Как птицы вольные над ней за стаей стая
Летят туда, где вечная весна?

НЕ ЗНАЮ, ГДЕ

Это где-то на севере, где, я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это — холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер;
Это — иней, что точит, морочит — бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это — полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это — полночь, что точит, морочит, хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали́ полуно́чной безвольной
Это смолкнувший звон колокольный,
Это убранный снегом и льдами собор.

Это хор похоронный, с которым без слов я рыдаю,
Литургия Великого Холода в мире стальном.
Это где-то,— не в старом ли северном крае? — не знаю!
Это где-то,— не в старом ли северном сердце? — в моем!

ДУРНОЙ ЧАС

С тех пор как схлынули прощальные огни,
Все дни мои в тени, всё тяжелей они.

Я верил в разум мой, где не гнездились тени,
И мысль моя (в ней солнца шар пылал,
В ней гнев светился, яростен и ал)
Кидалась некогда на скалы заблуждений.

Надменный, радость я немую знал:
Быть одиноким в дебрях света;
Я верил лишь в могущество поэта
И лишь о творчестве мечтал,
Что нежно и спокойно возникает
И движется (а путь широк и прям)
К тем очагам,
Где доброта пылает.

Как темен был тот вечер, полный боли,
Когда сомненьями себя душа сожгла
Дотла
И трещины разъяли стену воли!

Вся твердость рухнула во прах.
Персты? Без сил. Глаза? Пусты. Надменность?
Смята.
Стучится кровь печальная в висках,
И жизнь, как пьявками, болезнями объята...

Теперь, сходя во гроб, летя невесть куда,
О, как хотел бы я, чтобы над мглой бездонной,
Как мрамор, пыткою и славой опаленный,
Мое искусство рдело бы всегда!

НОЯБРЬ

Вот листья, цвета гноя и скорбей,—
Как падают они в моих равнинах;
Как рой моих скорбей, все тяжелей, желтей,—
Так падают они в душе моей.

Лохмотьями тяжелых облаков
Окутавши свой глаз слепой,
Поник, под ветра грозный вой,
Шар солнца, старый и слепой.

Ноябрь в моей душе.

Над илом ивы чуть видны; в туманы,
Мелькая, черные уносятся бакланы,
И льется крик их, долгий, точно вечность,
Однообразный,— в бесконечность.

Ноябрь в моей душе.

О, эти листья, что спадают,
Спадают;
О, этот бесконечный дождь
И этот вой средь голых рощ,
Однообразный, рвущий все в душе!..

ГДЕ-ТО ТАМ

Блаженство тишины и ладан ароматный,
Плывущий от цветов в закатный час глухой,
И вечер медленный, прозрачный, необъятный
На ложе золотом покоится с землей
Под алым пологом,— а тишина все длится!

Блаженство тишины, и облаков простор,
И жемчуг островов, и берег серебристый,
Коралл и перламутр, а дальше, в выси чистой,
Неуловимых звезд в листве мелькнувший взор;
На небесах река молочная струится
В неведомую даль, в недостижимость сфер,
Чтоб, оторвавшись, ускользнуть
В похожий на любовь палящий тихий путь,
Ушедший в дым легенд, как плаванье галер.

НЕКОТОРЫЕ

За далью всех светил пред ними возникает
Виденье города — безбрежный черный бред,
В триумфе траура, как склеп, где жизни нет...

Земля? Ушла во мрак. А небо? Чуть мерцает!
Гигантский мир теней раскинулся кругом,
Туманный горизонт покрыл, как саван, горы,
Могильные холмы теперь предстали взору,
И в них погребена вся память о былом.
Толпа немых людей бредет во мгле заката,
И горбит их тоска, и путь их одинок.

И гнет прошедших лет на них надгробьем лег,
Как память тусклая о том, что жгло когда-то;
Им одинаково страшны добро и зло,
Бескровны их сердца, бесцветна страсти сила,
Душа в борьбе за жизнь о божестве забыла.
В глазах застыла мысль, молчанье в них вошло,
И неподвижность льдом сковала их навеки...
Мертвы желанья в них, раскаянье и страх;
Они мечтать — увы! — не могут о крестах,
И алой смерти свет им не закроет веки!

ПРЕДСТАВШИЕ НА МОИХ ПУТЯХ

ВИДЕНИЕ НА ГОРИЗОНТЕ

Гляжу в окно, войдя в покинутый маяк,
Дождем бичуемый: вдали — туннели в саже,
Громады поездов и хлопья дымной пряжи,
Где кровью фонари пропитывают мрак.

В асфальтных берегах дремал огромный порт,
Как масло, зыбилась его вода густая;
Железным кулаком ствол мачты подымая,
Чернел подъемный кран, в пустую ночь простерт.

И в пестром мраморе текучей тьмы сверкал
Ряд редких фонарей, бегущий по ущельям
В кварталы кабачков, где все полно весельем,
Где похоть рыскает меж золотых зеркал.

Как рана страшная алея, подошел
Раздутый на ветру громадный парус к молам,
И тут явился *он* с упорным и тяжелым
Лбом, где начертано томленье скук и зол.

Как меч сверкающий в железные ножны,
Он заключил в себя свой гнев и пламень дикий,
И эхо берегов его разбили крики,
Пересекая мрак и тишину волны.

Из океана *он*. Он одряхлел, поник,
Устал, хлеща простор, измятый бурей черной,
И слыша, что всегда, всему вразрез, упорно
К терзаньям вечера его взывает крик.

Он казни собственной хотел. Себя он знал
Рабом желания. И на кресте распятый,
И кровью исходя, и пламенем объятый,—
Изведал он всю смерть, что так упорно звал.

А жизнь его? Она тем пронзена была,
Что существует он, себя страшась жестоко;
Он острой молнией своей души глубокой
Упрямо бичевал в себе кипенье зла.

Ужасен, устрашен, он жаждал полететь
Туда, где вся бы жизнь сияла чудесами,
Где знаки вещие горели б над скалами,
Где шелестел бы дуб и говорила б медь;

Где было б гордостью: впивая дикий страх,
Слыхать вокруг себя богов глубокий голос,
Пока бы грудь земли в куски не раскололась
Под хладным золотом, пролитым в небесах.

И много тысяч лет он бьется, над волной
Вздувая паруса и мчась путем ужасным
В неведомую даль, к невыносимо красным
Созвездьям, чей хрусталь дробится под волной.

ИНАЯ РАВНИНА

Над ликами растений золотых
Заря свой лик пурпурный клонит,
То эту ветвь, то эту нежно тронет,
Сверкая в поцелуях золотых.

В мясистых, точно губы, алых
И сочных ягодах тая́ лучи,
Под лозами, где прячутся ключи,
Горит заря, сгущаясь в гроздьях алых.

Каскады в беглых блестках и лучах
По светлым лестницам смеются,
И бабочки сияющие вьются
У голубых зеркал, горя в лучах.

Листва поет. И вот уж вьются снова
Полетов ленты над игрой росы,
И медленно вращаются часы
Вкруг глаз подсолнечника золотого.

СТРАХ

Растет мой древний страх в равнине ледяной,
Где Пастырь Ноябрей трубит, безмерно старый.
Стоит он, как беда над робкою отарой,
Трубит он, клича смерть из глубины земной.

Над совестью моей, над грустною страной
Трагический рожок напрягся в муке ярой.
Кричит он вдалеке, грозит он смутной карой
Над кровью ивняка, над стылою волной.

И овцы черные с клеймом багрово-красным
Вернулись под бичом тем вечером ненастным
В загон моей души, как скопище грехов.

Мой неуемный страх растет во мгле морозной,
Где в мертвой тишине трубит о буре грозной
Старейший изо всех жестоких пастухов.

ЗАТИШЬЕ

Сегодня тучи в ледяном просторе,
Убелены летучей сединой,
Пришпоренные молнией стальной,
Копытами взлохмачивают море.

Они в упряжке ранних непогод
Грохочут от надира до зенита,
И, кажется, расколот небосвод
На глыбы серо-черного гранита.

И, как распятья, мачты над водой
Склонились перед близкою бедой,
А паруса на гафелях повисли,
Виденьем смерти мне изранив мысли.

Встает стеной чудовищный прибой.
Неистовые волны рвутся в бой,
Оскалив пасти, блещущие пеной,
На стены крепости многоступенной.

Сегодня Север темен и жесток.
Но там, где просветляется Восток
Сверкающими бляхами лазури,
Накинута узда на морду бури.

И радуги высокая дуга
Из моря встала, словно из кристалла,
Неизъяснимо, дивно дорога
Душе моей, что так давно устала.

ПОЛЯ В БРЕДУ

ГОРОД

Все колеи стремятся в город.

Из глубины туманов
Нагроможденьем этажей,
Сплетеньем лестниц, бе́гом ступене́й,
Несущихся все выше, все быстрей,—
Он возникает как виденье, в небо прянув.

Там,
Хребты железные согнув, мосты
Стремят прыжки в зиянье пустоты;
Там ввысь влиты стволы колонн,
Украшенные ликами горгон;
Там башни у пределов пашни;
Там крылья крыш над чернотою ниш
Застылый свой полет в свинцовый свод несут;
То — город-спрут
Лег
У дорог лавиной над равниной.

Багровый свет,
Воздет
В шарах стеклянных,
Горит и в полдень в дымчатых туманах
Глазами золотыми,

А солнца алое жерло
В туман ушло,
Исчезло в дыме.

Река, смолу и нефть качая,
Бьет в набережные и сваи;
Судов свирепые гудки
Ревут от страха и тоски,
И с мачт зеленый глаз глядит сквозь слой тумана
В огромное пространство океана.

Гранит от грохота фургонов изнемог;
Как петли ржавые, скрежещет стая дрог;
Железные весы отбрасывают тени,
Дрожащие под натиском огня;
Мосты, что раздвигаются, звеня,
Висят в багровом мраке дня
Громадой виселиц средь мачтовых сплетений,
И в буквах медных скрыт и заключен весь мир,
И тяготят они, бросая блеск в эфир,
Все крыши, своды, все дворцы, все рынки,
Лицом к лицу, как бы на поединке.

Кругом — движенье кебов, стук колес,
Бег поездов, полет усилий
К вокзалу, что, как корабельный нос,
Свой золотой фронтон вознес,
Путей железных осеняя мили.
И рельсы тонкие змеятся под землей,
Врезаются во мрак ночной
Туннелей, чтобы вновь средь грохота и пыли
Сверкнуть, как тонких молний жгут.
То — город-спрут.

Вот улица — ее струи
Вкруг памятников вьются, как канаты,—
Бежит, ведет сплетения свои.
И толпы, меж домами сжаты,—
В руках безумие, и ненависть в шагах,
И жар горячечный в глазах,—
Вонзают зубы в мчащееся время,
И ночи напролет и дни
Свирепо, гневно, нехотя они

Бросают наугад щетинистое семя
Труда, что тотчас исчезает без следа.
Конторы, чьи угрюмы взоры,
Бюро коварные, что крашены пестро,
Огромный банк, хранящий как в пещере
Металл тяжелый,— раскрывают двери
Под натиском ветров безумья и труда.

А там — комками красной ваты
Сгорают смутные закаты,
В стекле окон отражены;
И тяжко бродят жизнь и сны,
Заквашенные алкоголем. Бары
Волною ярой льют на тротуары
Своих зеркальных скиний свет,
Где отражаются борьба и бред.
Вдоль стен скользит слепая,
Свет в коробóчках продавая.
Бескровный голод и разврат
Совокупляются в своих берлогах сорных,
И муки плоти черный танец мчат,
Смертельный танец, в переулках черных.

И похоть в громе уличном растет,
И делается ярость ураганом,
И в давке дикой мчит людей вперед
Стремленье к наслажденьям пьяным
Из золота и фосфора. Идет
Строй бледных идолов — то женщин строй тяжелый,
В чьих косах спутанных таятся знаки пола.
И сажей полная коричневая тьма
От солнца прячется за мрачные дома.
И точно крик — всеобщее влеченье
Несется к свету в громе и смятенье;
Дворцы, дома, проулки и базары
Хрипят и пенятся, объяты страстью ярой,
И умирающие ждут
Хоть несколько минут
Молчанья,
Чтобы глаза сомкнулись без страданья.

Когда же вечерá ваяют черный свод
Эбеновыми молотками,

То город над равниною встает,
Как черное надежд огромных пламя.
Возносит он желанья, жизнь и свет.
Его свечения в ночное небо всходят,
Кустами золота горящий газ воздет,
И рельсы тонкие уводят
Глаза к обманчивой мечте,
Сопровождаемой удачею и силой.
Как армия, встает бескрайних стен прибой,
И мгла его и дым застылый
В равнины кличут светлою трубой.

То — город-спрут,
Горящий осьминог,
Костехранилище, скелет, великий остов.

И бесконечные сплетения дорог
К нему от пастбищ и погостов
Ведут.

ТОТ, КТО ДАЕТ ДУРНЫЕ СОВЕТЫ

Вдоль по дорогам, меж дюн и болот,
Рыщет и свищет
Тот, кто дурные советы дает.

Ездит в двуколке зеленого цвета,
Ездит по хляби, где тонет сапог,
И сумасшедшая ждет его где-то
На перекрестках размокших дорог.
Делая дело свое втихомолку,
Он оставляет ей лошадь, двуколку...
Лошадь пасется, а ливень молотит
Ржавую воду в соседнем болоте...
Тучи висят, как сырые лохмотья.

В каждой деревне, как вечер придет,
Ждут, что появится бог весть откуда
Тот, кто дурные советы дает.

С гнусной ухмылкой, со взглядом косящим
Ходит он, бродит по фермам пропащим,
Где поселилась лихая беда,

Где безысходна нужда.
Стукнет в ворота неведомый кто-то...
Кто это — друг или враг?
Он тут как тут, когда бледный хозяин
Смотрит в тоске, нищетою измаян,
На помертвелый очаг.
Стерто лицо, и одежда — дрянцо...
Он достает из кармана
Баночки, банки, флаконы и склянки
С ядами, зельями, с пакостью разной.
Гаденький, сморщенный и безобразный,
Вроде крестьянин, а все ж — не поймешь:
Скользкой повадкой он очень похож
На шарлатана.
Тихо гнусавит свои заклинанья,
Словно читает святое Писанье.

Шепотом сладким, назойливо-страстным,
Он подстрекает к поступкам опасным.
Тех, чья земля — лишь коряги да кочки,
Он соблазняет поодиночке;
Хочет втереться в доверье, проныра,
К людям, которым, когда им не спится,
Мнится, что пялит пустые глазницы
Смерть из просторов зловещего мира.

Если заложен твой дом или продан,
Крысами и нищетою изглодан,
Лампа погасла и выхода нет,—
Он подает тебе мудрый совет:
Дескать, не худо бы броситься с ходу
В омут, в стоячую, липкую воду;
Выбрав местечко, где топь глубока,
Плюхнуться на своего двойника!

А стариков, чья бессильная плоть
Вяло висит на скелете,
Словно лоскут, что терзают и рвут
Ветры в течение десятилетий,
Не устает он шпынять и колоть:
Тех — сыновьями, а тех — дочерьми,
Что оставляют отца за дверьми,
Как ты их в детстве ни холь, ни корми...

Девушек он уговаривать мастер
К пропасти сделать последний шажок.
В сердце девчонки, чей взгляд — как ожог,
Он распаляет порочные страсти.
Ум ее бедный он держит в плену,
Яд обещаний вливая ей в ухо.
Хочет он, подлый, чтоб самка и шлюха
В ней задушили и мать и жену,
Чтобы была она только товаром,
Мертвая — словно на старом погосте
Камни да кости.

Он присоветовал ростовщикам
Соки сосать из несчастного края,
Все разъедая, как опухоль злая,
Все прибирая к рукам.
Он им советы дает по дешевке,
Учит их гнусной паучьей сноровке
Стискивать жертву, попавшую в сеть;
Им, превращающим в золото хлам,
Льстит он, твердя, что самим королям
Власти подобной вовек не иметь.

Он хоть кого доведет до греха.
Часто случается под воскресенье —
Пламя охватит селенье:
Красного кто-то пустил петуха!
Сжечь все дотла! Когда колокола
Спят и, бесстрастна, нема и глуха,
Смотрит лишь ночь на людские дела,
Он выбирает гумно иль сарай:
Здесь поджигай!
Ставит он метки, проворный и юркий,
На штукатурке.

Всех окропляет и ядом и жёлчью,
В души вселяет он ненависть волчью,
Мерзко хихикая: «Всем насолю!»
Он отвращение к жизни внушает
И на свиданье прийти приглашает
К старой осине: «Припас я петлю...
Дерном я холмик потом устелю...»

Так он блуждает по жалким и голым
Призрачным селам;
По деревням, где встречают дрожа
Дни платежа;
Про́клятый всеми и всеми хулимый,
Но неизбывный и неистребимый —
С клячей, с двуколкой, с безумною нищей,
Что его ждет там, где по голенище
В хляби сапог утопает, где хлесткий
Ветер беснуется на перекрестке.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Куда бредут крестьяне-старики
Под тяжким гнетом страха и тоски
В закатный час, по обагренным пашням?

С ожесточеньем мельница вертится
И, словно обезумевшая птица,
Крылами хлопает, сминая ветер злой.

И чаек стон издалека плывет,
И гулом весь наполнен небосвод,
Как будто бьет в ночи набат зловещий.

Все в этот час бедою угрожает;
В своей повозке Ужас проезжает.
То — старый Дьявол обагренных нив.

Какой же стариков влечет призыв
В полях, одетых в златотканый траур?

Уж, верно, порчу насылает кто-то;
Тут чья-то, знать, особая забота —
Раз каждый колос, как солома, пуст.

Ушла вода от жаждущих семян,
На выжженных полях пророс бурьян.
Уж верно, кто-то шутит с родниками.

Особая забота тут видна:
Недаром жизнь вся выпита до дна
Какой-то жадной, ненасытной глоткой.

Куда ж гонимы старики, как плеткой,
В полях, одетых в златотканый траур?

В апреле здесь страшнейший из злодеев
Прошел по нивам, плевелы посеяв,
И старики почуяли его.

Иные же в те дни видали сами:
Он портил рожь, склонившись над ростками,
Как буря, был он молний полн.

Боясь, чтоб он не возвратился вновь,
Чтоб жуткий хохот, леденящий кровь,
Не грянул снова, дружно все молчали.

Но все же старикам известно средство,
Как обезвредить страшное соседство
Того, кому подвластен урожай.

Куда же старики бредут, дрожа,
В полях, одетых в златотканый траур?

Сам злобный сеятель, поодаль стоя,
Глядит на это шествие немое
И скалит зубы, над людьми глумясь.

Он знает, что в измученных сердцах
Еще таится неизбывный страх
Пред грозною нечистой силой,

Что стариков, вдыхавших запах серный,
Религией связал он суеверной,
Сияющей, как полночь цвета ртути,

Что суждено им вечно трепетать:
Не обесплодит ли он землю-мать,
И слать мольбы и чтить его, как бога...

К какому ж алтарю ведет дорога
В полях, одетых в златотканый траур?

Хозяин страшный выжженных полей,
Владыка околдованных людей,
Что крестятся тайком рукою левой,—

Одет огнем и мглой,— стоит упорно,
Стоит, прильнув к какой-то глыбе черной,
Которая шевелится подчас.

Кому могла такая явь присниться?
Глаза его как угли, а ресницы
Подобны мертвому чертополоху.

Почувствовали пленники судьбы,
Что он услышал тихие мольбы,
Что разгадал он тайные надежды.

Еще тесней сомкнув уста,
Свершая жертвоприношенье,
В знак своего благоговенья
Они, не проронив ни слова,
В костер из хвороста сухого
Живого бросили кота.

И кот издох, в мучениях стеня,
От боли корчась в языках огня.

Понуро побрели они потом
К своим домам, продубленным ветрами,
Оставив гаснуть жертвенное пламя,
Не зная ничего и ни о чем.

МОР

Смерть себе спросила крови
Здесь, в трактире «Трех гробов».

Смерть уходит, на прилавке
Бросив черный золотой.
Кто попросит о прибавке?

«Вам на траур и на свечи!»
Вышла, бросив золотой.

Смерть пошла, качая свечи,
Тихим шагом старика
Поискать духовника.

Вот кюре понес причастье,
Рядом — мальчик со звонком
— Слишком поздно! —
В дом,
Где уже царит несчастье,
Где уже закрыты окна.

Смерть себе спросила крови
И теперь пьяна!

«Матушка-Смерть! Пощади, пощади!
Пей свой стакан не до дна!
Матушка-Смерть! Погляди, погляди!
Наша мольба на ладонке видна!
Матери мы, деревенские тетки,
Как бесконечные четки,
Тянемся мы, без надежд бормоча,
В рваных платках, костылями стуча.
И отражаются в старческом взоре
Годы и горе.
Мы — снедь для могильных червей,
Цель для косы твоей!»

Полно вам, старухи!
Смерть — пьяна.
Капли крови, как вина,
Ей забрызгали колет,
Покрывающий скелет.
Пьяные на просьбы глухи.
Голова ее качается,
На плечах как шар катается.
Даром денег Смерть не бросит,
Что-нибудь за деньги спросит
Здесь, в трактире «Трех гробов»,
С бедняков.

«Матушка-Смерть! Это мы, ветераны
(Много нас, много! Болят наши раны!),
Черные пни на просе́ке лесной,
Где ты гуляла когда-то с войной!
Знаем друг друга мы. В дыме и гуле
Ты нам была и видна и слышна:

Ты перед нами несла знамена́,
Ядра катала и сыпала пули.
Гордая, строгая, виделась ты
На кругозоре гудящей мечты,
Быстро вставала на бой барабанов,
Первая в битву бросалась вперед...
Матушка-Смерть! Наша слава! Оплот!
Выслушай нас, стариков ветеранов:
Нас огляди, сыновей не губя,—
Где малышам постоять за себя!»

Полно вам болтать без толку!
Разойдитесь втихомолку!
Что сей старый ваш костыль!
Смерть пьяна; сидит, качается,
Голова ее катается,
Как в дорожных рвах бутыль.
Ей катать бы бочки крови
По полям зеленой нови!
Посидев у вас в трактире,
Погулять желает в мире,
Посреди людских племен,
Под случайностью знамен!

«Матушка-Смерть! Это я, богородица.
Видишь, в короне своей золотой
Я на коленях стою пред тобой.
Я из часовни, с горы, богородица.
Вышла тебя попросить за село.
Тысячи лет уж прошло,
Как в мою душу скорбящую,
Перед крестом предстоящую,
Горе, как меч беспощадный, вошло.
Матушка-Смерть, это я, богородица.
Жителям здешним дала я обет
Их защищать в дни несчастья и бед...
Вот и тебя умолять мне приходится...»

Матерь божья! И на слове
Благодарны мы тебе.
Только Смерть — как не в себе,
Снова хочет крови!
В отуманенном сознанье

У нее одно желанье...
Смерть пьяна!
Тихих просьб она не слышит!
Надоели ей
Руки матерей!
Смерть пьяна и злобой дышит:
Злость ее несется вскачь,
Словно мяч,
Через мост,
Из деревни на погост.

«Смерть! Это я — Иисус и твой царь!
Создал я сам тебя, древнюю, встарь,
Чтоб исполнялся закон
Вещей и времен.
Мои пригвожденные руки
Благословили последние муки.

Смерть! Я был мертв и воскрес,
Я — манна с небес.
На землю сошел я смиренно
Вернуть заблудших овец.
Я — твой царь и отец,
Я — мир вселенной!»

Череп к огню наклоня,
Смерть сидит у огня,
Пьет за стаканом стакан и качается,
Полузакрыв глаза,
Улыбается.

У господа гром, а у Смерти коса!

Хочет кто пить, так садись перед ней —
Всех угостит из бутылки своей,
Сколько вздумаешь, пей,
Лишь не проси за детей, за внучат!
Каждый пьет на свой лад.

И Смерть пила, пила, пила;
Христос ушел — она не встала,
Подобной дерзостью немало

Смущая жителей села.
Но дни и дни, опять и вновь
(Как будто позабыв о мире),
Сидела Смерть у них в трактире
И в долг пила без счета кровь.

Потом, однажды утром, встала,
Худую клячу оседлала;
Ей на спину мешок взвалив,
Поехала в раздолье нив.

И к ней из каждой деревушки
Спешили матери-старушки,
Несли ей хлеба и вина,
Чтоб здесь не зажилась она;
Несли ей хлеба и свинины,
Большие с грушами корзины,
А дети роем — весь приход —
Несли ей мед.

Смерть странствовала много, много
По всем дорогам,
Уже без гнева и не строго
Оглядывая всех: она
Была пьяна.

На ней был рыжий плащ убогий
С блестящей пряжкой на отлет,
И с перьями колпак двурогий,
И сапоги, как для болот.
Ее заезженная кляча,
По грязным рытвинам маяча,
Тащилась медленно вперед.
И толпы шли за ней в тревоге,
Следя, как медлит на дороге
Хмельной и дремлющий костяк,
Ведущий к далям без зазренья
Свой темный ужас. Но не всяк
Мог слышать терпкий запах тленья
И видеть, как под платьем ей
Впивался в сердце рой червей.

ИСХОД

Взяв кошек, взяв худых собак,—
Бог весть куда, за шагом шаг,—
Во тьму по выбитой дороге
Народ из деревень идет,
Туманом пьян, бурьяном сыт.

Народ из деревень, как скопище бродяг,
Глядит в ничто, во мрак,
В бескрайность выбитой дороги.

У каждого на жерди белой
Платок с каемкой голубой,
Узлом завязанный платок,
В руке усталой, онемелой,
Большая жердь, на ней платок,
В платке надежды лоскуток.

Народ из деревень идет
Дорогой в никуда, вперед.

Идет народ из деревень.
Харчевня на пути, как тень;
Под сводом крыши водят мыши
И крысы хоровод.

Харчевню лихорадка бьет:
Прогнили балки потолка,
Крыльцо и стены плесень съела
И на ветру окостенела
Ослизлой вывески рука.

Народ из деревень пуглив:
Крестом несчастье осенив,
Он в путь идет, дрожа.
Его душа давно остыла,
В ней головни чадят уныло,
Кресты из головней.

В бескрайнем вечере, на выбитой дороге,
Колоколов далекий отголосок
Все громче, все слышней:

То кличут одинокие мадонны,
Как птицы позабытые,— печально
И монотонно.

Народ из деревень пуглив,
А храм покинут, сиротлив,
Темно и пусто в нем.
Лишь иногда в немые ниши,—
Все реже, медленней и тише,—
Цветок ложится за цветком.

Народ из деревень боится мглы полей,
И мертвой птицы у порога,
И в озере луны двурогой...
Народ из деревень чурается людей!

Народ из деревень топорен,
Тяжеловесен, непроворен,
Безволен, но упрям.
Живет он мелочно и скупо
И пересчитывает тупо
Нужду по медякам.

Как четки, протянулись годы;
От непогоды гибли всходы;
Под яростным нажимом рук
Пахал одни лишь камни плуг;
Народ зубами и ногтями на клочья землю рвал.

Взяв кошек, взяв худых собак,
Взяв птиц и птичьи клетки,
С бедой соразмеряя шаг,—
Питье — вода, еда — объедки,—
Покинув кров и край родной,
Усталой, медленной толпой
Народ из деревень бредет
Дорогой в никуда, во тьму, вперед.

Ревет и воет, ковыляя,
Держась за юбки матерей,
Орава грязная детей;
Не отрываясь и мигая,
Глядят беззвучно старики

На свой клочок земли любимой,
Которую глодали зимы,
И засухи, и сорняки;
Шагают парни по дороге,
Как плети руки, вялы ноги,
Нет мужества и даже нет
Стремленья к счастью прежних лет,
Нет сил, чтобы ускорить шаг
И сжать себя в тугой кулак
И выпрямиться для борьбы
С угрюмой яростью судьбы.

Полей и пажитей народ
Сполна узнал несчастья гнет.

Под градом, ливнем, снегопадом
Тележки катятся вперед,
Размалывая день-деньской
Хребет дороги столбовой.
Одни — как хрупкие скелеты;
На их оглоблях амулеты
Дрожат и дребезжат;
Другие жалобно визжат,
Как заржавелых ведер дужки;
На третьих — фонари и побрякушки;
Четвертые поджары, длинноносы,
Как древние суда, а их колеса,
Где знаки зодиака уцелели,
Как будто целый мир везут к незримой цели.

За шагом шаг идут, похожи на костяк,
Усталые, больные клячи;
Возница вертится и чуть не плачет,—
Как мельница, которую с ума
Свела ночная тьма,—
Потом он наудачу
Швыряет камнем в небо, где маячит
Густая туча воронья́ судьбы незрячей.

Народ из деревень в беде
И крест несет всегда, везде.

По глине, по пескам, минуя реки, рощи,
Замучены, понуры, тощи,

Бредут стада.
Их тоже вывела бог весть куда
Тугая плеть неурожая.
О камни спотыкаются бараны,
Быки ревут, к ним смерть плывет через
туманы,—
Коровы тащатся, водянкой налитые,
Соски их дряблы, как мешки пустые,
К бокам ослов, изъеденных паршою,
Раскинув руки, смерть приникла головою.

Народ из деревень и скот
Бредут дорогой старой,
Которая в ночи ведет
Вокруг земного шара.
Бредет народ со всех сторон
Сквозь сумрак судеб и времен,
Вдоль нив, лугов, селений нищих,
Спокойно спит лишь на кладбищах,
Спускается из лога в лог
По петлям траурных дорог,
Зимою, осенью, весной,
Без отдыха, в мороз и зной,
Из никуда и в никуда.

А там, вдали,
Где дымный небосвод спустился до земли,
Там, величавый, как Фавор,
Днем серый, вечером — пылающий костер,
Далёко щупальца-присоски простирая,
Людей из деревень примапивая и вбирая,
Одетый в мрамор, в гипс, и в сталь, и в копоть,
и в мазут,—
Разлегся город-спрут.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

АПРЕЛЬ

ВЕТЕР

Мчится ветер, и вдруг его плащ
В тесноте остролистовых чащ
Злые иглы пронзили насквозь —
И бедняге рвануться пришлось.

Нежный ветер искрист и лучист,
И, как небо рассветное, чист.

Но когтями рванул остролист
Этот пух, этот блеск, этот шелк —
И веселый шебечущий свист
На мгновенье умолк.

Остролист — это ярость и злость,
Это розга и крепкая трость,
И зазубренный тонкий кинжал
С мириадами жал.

А хохочущий ветер бежит
И звонит бубенцом.
Он в промозглых кустах не дрожит
И приветлив лицом.
Блещет лоб его, словно просвет

Верхарн. «Города-спруты»

В непроглядном, дремучем лесу,
Он оставил невидимый след:
Запах трав, отряхнувших росу.

Остролист — это гибель земли,
Он железо убийцы-зимы.
Это детище тьмы,
Что скопилась вдали.
Острия, что всегда на весу,
Рассекают, хуля и гоня,
Молодую красу
Беззаботного дня.

Это ярость и злоба того,
Кто вонзает их даже в себя,
Ничего, никого
Не любя.

Ветер — искренний друг.
От земли отгоняя недуг,
Поцелуем развеял он вдруг
Мо́рок белого сна.
Ветер — это весна.

Остролист — это смерть и беда,
Скука стужи, бесчувствие льда.

Свежий ветер поет на лету,
Набирая в лучах высоту.
Он, как жаворонок, без конца
Заливается в три бубенца;
Запускает скворцовую трель
И щебечет, как сто воробьев;
Дарит звоны ручьев,
Дарит влагу и прель,
Будит в теплой земле семена.
Ветер — это апрель.
Ветер — это весна,
Весна!

Заплетается, вихрится он,
Расплетается вновь на бегу,
И берет небывалый разгон,

И, колючему на́зло врагу,
Рвется в синюю высь, невесом,—
А сады расцветают вокруг
И павлинами белыми вдруг
Распускают хвосты колесом.

Остролист, сиротлив и ревнив,
Укрывается в недрах лощин,
Этих горьких, глубоких морщин
Одряхлевших, покинутых нив,—
Он сжимается молча, в тоске,
И ютится на мелком песке.

Юный ветер взлетает, как шар,
Надувает он щеки, смеясь,
И врывается в облачный пар,
Назревающих гроз не боясь.
Он взметает полет мотыльков,
Многоцветных листков,
И к огнистым краям облаков
Лепит рой лепестков.

И грядущей сирени краса
Ликованья полна:
Ей жемчужная нитка-роса
Щедрым ветром дана.

По холмам, где овечьи стада
Расплеснули живое руно,
Мчится ветер, не зная — куда.
Ведь ему все равно!..

Он среди виноградных шпалер
И на кровлях домов.
И с небесных спяющих сфер,
В гуле первых громов,
По ступенькам подвешенных им
Тонких лестниц, сама
Жизнь спускается к детям своим.

Бойся жизни, зима!

Остролист, наконец, побежден!
Он склоняется, мелко дрожа,
И, к земле сам собой пригвожден,
Не посмеет поднять мятежа.

И, неся свой лазоревый флаг,
На котором пестрят мотыльки,
Словно вышитые от руки,—
Через реку и через овраг
Всепобедно шагнула весна,
И легли ей под ноги цветы.
Милый ветер, она —
Это ты!

Это вздохи деревьев густых,
Зеленеющих влажной стеной.
Это перьев твоих золотых
Нежный блеск над природой земной.

ОКТЯБРЬ

ОХОТА

Ползут белесые туманы.
Деревья желты и багряны.
Покинув зыбкие сучки,
Болтливых листьев язычки
Легли на блеклые поляны;
И, словно в синие врата,
Туда, где в тучах блеск разрыва,
Покинув здешние места,
Шагнуло лето молчаливо,—
Горячее, ушло от нас,
Ища иного приключенья...
И входит осень в должный час,
Влача тяжелый дух гниенья
Подвешенных на пояс птиц,
Несущих ночь на дне глазниц.

Входи же, осень молодая,
В свои охотничьи края,
Где мчится ветер, обдавая

Пьянящим запахом зверья! —
Тягучий запах, жирный запах
Бегущих на когтистых лапах
И на копытистых ногах
В полях и стынущих логах!..

Под всадниками рвутся кони,
Войдя в жестокий раж погони.
Мелькают пурпур, бархат, шелк,
Несутся гик и свист, и хохот,
И топота ритмичный грохот —
Как будто скачет целый полк.
Все это в отдаленье тонет,
И воздух потрясенный стонет.
Кипит охота вдалеке,
А листья бьются на песке,
Охлестанные ураганом
Нетерпеливых скакунов...
Ты, осень, в исступленье пьяном,
С руками, кровью кабанов
До плеч обрызганными яро
В пылу жестокого угара,
Ты, осень, в бешенстве своем
Как будто заревом пожара
Заполонила окоем!..

Внизу, в долине — деревушки,
В которых церковок макушки —
Как разноцветные игрушки,
А площадь — словно кегельбан;
А ветер — словно шарабан,
Плетущийся в пыли дорожной...
Там жизнью тихой, осторожной,
На берегу стоячих вод
Живет безденежный народ.
О нем ты, осень, позабыла —
Ведь участь бедных так уныла!

Вперед! И пышный твой кортеж
В цветах убийства пролетает
И длинной молнией блистает,
И запах крови снова свеж,
Хотя дымящиеся лужи

Гниют, не ожидая стужи.
Висят на гривах жеребцов
Клочки порохового дыма.
Охота мчится мимо, мимо,
Туда, где ждет в конце концов
Раздел невиданной добычи —
Неисчислимой крупной дичи.

Смеркается в урочный час.
И вот закат уже погас.
Костры пылают на полянах,
И факелы вечерний мрак
Сгоняют в чащу и в овраг.
Огромный лось в глубоких ранах,
Еще живой, стоит в кустах,
Одолевая боль и страх.
Кругом хрипящие собаки
В его и в собственной крови
Готовы к продолженью драки —
Беснуются, как ни зови.

Вдали от солнца и свободы
Сейчас он рухнет, гордый зверь,
В своем лесу проживший годы,
Уничтожаемый теперь.
Его рога земли коснутся,
И взгляд его на крик похож,
И зубы в пах ему вопьются,
И в горле повернется нож,
И точка, и конец, и сразу
Настанет в мире тишина,
Как по неслышному приказу
Таинственно водворена.

Лишь колокольный стон в долине,
Надтреснутый прощальный звон,
Печалится об исполине,
Упавшем в глубину времен.

Устало катится над нами,
Рожденный медью долгий звук,
Летящий над людскими днями,
Над слепотой звериных мук...

Тот звон благословляет осень —
Ее задумчивую просинь,
Зальдевших вод ночную твердь,
И свет, и мрак, и жизнь, и смерть.

ДЕКАБРЬ

ГОСТИ

— Откройте, люди, откройте дверь мне!
Стучусь в окно я, стучусь в косяк.
Откройте, люди! Я — зимний ветер,
Из мертвых листьев на мне наряд.

— Входи свободно, холодный ветер,
Живи всю зиму в печной трубе;
Тебя мы знаем, тебе мы верим,
Холодный ветер, привет тебе!

— Откройте, люди! Я — неустанный,
В неверно-серой одежде дождь.
Я чуть заметен в дали туманной,
На фоне неба и голых рощ.

— Входи свободно, дождь неустанный,
Входи, холодный, входи, глухой!
Входите вольно, дождь и туманы,
Есть много трещин в стене сырой.

— Откройте, люди, дверные бóлты,
Откройте, люди! Я — белый снег.
Все листья, ветер, в полях размел ты,
Плащом я скрою их всех, их всех.

— Входи свободно под крики вьюги
И лилий белых живой посев
Разбрось щедрее по всей лачуге
До самой печи, о белый снег!

Входите смело, снег, дождь и ветер,
Входите, дети седой зимы!
Мы, люди, любим и вас и север
За скорбь, что с вами познали мы!

ГОРОДА-СПРУТЫ

РАВНИНА

Равнину мрак объял: овины, нивы
И фермы с остовом изъеденных стропил;
Равнину мрак объял, она давно без сил;
Равнину мертвую ест город молчаливо.

Огромною преступною рукой
Машины исполинской и проклятой
Хлеба́ евангельские смяты,
И смолк испуганно задумчивый оратай,
В ком отражался мир небесный и покой.

Ветрам дорогу преградя,
Их загрязнили дым и клочья сажи;
И солнце бедное почти не кажет
Свой лик, истертый струями дождя.

Где прежде в золоте вечернем небосвода
Сады и светлые дома лепились вкруг,—
Там простирается на север и на юг
Бескрайность черная — прямоугольные заводы.

Там чудище огромное, тупое
Гудит за каменной стеной,
Размеренно хрипит котел ночной,

И скачут жернова, визжа и воя;
Земля бурлит, как будто бродят дрожжи;
Охвачен труд преступной дрожью;
Канава смрадная к реке течет
Мохнатой тиной нечистот;
Стволы, живьем ободранные, в муке
Заламывают руки,
С которых, словно кровь, струится сок;
Крапива и бурьян впиваются в песок
И в мерзость без конца копящихся отбросов;
А вдоль угрюмых рвов, вдоль путевых откосов
Железо ржавое, замасленный цемент
Вздымают в сумерках гниенью монумент.

Под тяжкой кровлею, что давит и грохочет,
И дни и ночи
Вдали от солнца, в духоте
Томятся люди в страдной маете:
Обрывки жизней на зубцах металла,
Обрывки тел в решетках западни,
Этаж за этажом, от зала к залу
Одним кружением охвачены они.
Их тусклые глаза — глаза машины,
Их головы гнетет она, их спины;
Их пальцы гибкие, которые спешат,
Стальными пальцами умножены стократ,
Стираются так скоро от напора
Предметов жадных, плотоядных,
Что оставляют постоянно
След ярости на них, кровавый и багряный.

О, прежний мирный труд на ниве золотой,
В дни августа среди колосьев хлеба,
И руки светлые над гордой головой,
Простертые к простору неба,—
Туда, где горизонт налился тишиной!

О, час полуденный, спокойный и невинный,
Для отдыха сплетавший тень
Среди ветвей, чью лиственную сень
Качали ветерки над солнечной равниной!

Как будто пышный сад, раскинулась она,
Безумная от птиц, что гимны распевали,
Высоко залетев в заоблачные дали,
Откуда песня их была едва слышна.

Теперь все кончено, и не воспрянуть нивам;
Равнину мрак объял, она без сил:
Развалин прах ее покрыл
Размеренным приливом и отливом.

Повсюду черные ограды, шлак, руда,
Да высятся скелетами овины,
И рассекли на половины
Деревню дряхлую стальные поезда.

И вещий глас мадонн в лесах исчез,
Среди деревьев замерший устало;
И ветхие святые с пьедестала
Упали в кладези чудес.

И всё вокруг, как полые могилы,
Дотла расхищено, осквернено вконец,
И жалуется все, как брошенный мертвец,
Под вереском сырым рыдающий уныло.

Увы! Все кончено! Равнина умерла!
Зияют мертвых ферм раскрытые ворота.
Увы! Равнины нет: предсмертною икотой
В последний раз хрипят церквей колокола.

ДУША ГОРОДА

Во мгле потонули крыши;
Колокольни и шпили скрыты
В дымчато-красных утрах,
Где бродят сигнальные светы.

По длинной дуге виадука
Вдоль тусклых и мрачных улиц
Грохочет усталый поезд.
Вдали за домами в порте
Глухо трубит пароход.

По улицам душным и скучным,
По набережным, по мостам
Сквозь синий сумрак осенний
Проходят тени и тени —
Толпы живущих там.

Воздух дышит нефтью и серой,
Солнце встает раскаленным шаром,
Дух внезапно застигнут
Невозможным и странным.
Ревность к добру иль клубок преступлений,—
Что там мятется средь этих строений,
Там, где над крышами черных кварталов
Тянутся ввысь на последней метé
Башни пилонов, колонны порталов,
Жизнь уводящих к огромной мечте?

О, века и века над ним,
Что так славен прошлым своим,—
Пламенеющим городом, полным,
Как и в этот утренний час, призраков!
О, века и века над ним
С их огромной преступною жизнью,
Бьющей — о, сколько лет! —
В каждое зданье, в каждый камень
Прибоем безумных желаний и гневов кровавых!
Сперва — вблизи двух-трех лачуг —
священник-пастырь!
Приют для всех — собор, и сквозь узор оконниц
Сочится свет церковных догм к сознаньям темным.
Стена, дворец и монастырь, зубцы на башнях,
И папский крест, которым мир овладевает.
Монах, аббат, король, барон, рабы, крестьяне,
Каменья митр, узорный шлем, камзол и ряса.
Борьба страстей: за честь герба, за честь хоругви;
Борьба держав... и короли неполновесный
Чекан монет хотят прикрыть гербами лилий,
Куют ударами меча свои законы
И суд вершат на площадях, слепой и краткий.

Потом рождается — как медленно! — гражданство:
Те силы, что хотят из права прорасти,
Народа когти против челюстей правителей...

И яростные морды в тени, в подпольях завыванье,
Бог весть к какому идолу, сокрытому в туманах,
Набаты плавят в вечерах неведомые ярости;
Слова освобожденья и надежды — в атмосфере,
Насыщенной кипеньем мятежей;
Страницы книг, внезапно просветленных,
Жгут чувством истины, как Библии когда-то;
Герои светлые, как золотой ковчег, откуда
Выходят совершенья вооруженными и крепкими;
Надежда безумная во всех сердцах
Сквозь эшафоты, казни и пожары,
И го́ловы в руках у палачей...

Городу — тысяча лет —
Терпкому долгому городу...
Не устает он противиться
Страстному натиску дней,
Тайным подкопам народов.
Сердце его — океан, нервы его — ураган!
Сколько стянула узлов эта упорная воля!
В счастье сбиратель земель,
Сломленный — ужас вселенной,—
Всюду в победах своих и разгромах
Он остается гигантом.
Гудит его голос, имя сверкает,
Светы его среди ночи пылают
Заревом медным до самого звездного свода,
О, века и века над ним!

В эти мрачные утра душа его
Дышит в каждой частице тумана
И разодранных туч:
Душа огромная, смутная, подобная этим соборам,
Стушеванным дымною мглою;
Душа, что скрывается в каждой из этих теней,
Спешащих по улицам мрачных кварталов;
Душа его, сжатая спазмами, грозная,
Душа, в которой прошедшее чертит
Сквозь настоящее смутные лики наступающих дней,
Мир лихорадочный, мир буйного порыва,
С дыханием прерывистым и тяжким,
Стремящийся к каким-то смутным далям;
Но мир, которому обещаны законы

Прекрасные и кроткие,— они
Ему неведомы, и он добудет их
Когда-нибудь из глубины туманов.
Угрюмый мир, трагический и бледный,
Кладущий жизнь и дух в один порыв,
И день, и ночь, и каждый миг несущий
Всё — к бесконечности!

О, века и века над ним, городом буйным!
Старая вера прошла, новая вера куется,
Она дымится в мозгах, она дымится в поте
Гордых работою рук, гордых усильем сознаний.
Глухо клокочет она, подступая к самому горлу
Тех, кто несет в груди уголь желанья
Громко крикнуть ее, с рыданьями кинуть в небо.
Отовсюду идут к нему —
От полей, от дальних селений,
Идут испокон веков, из незапамятных далей
Нити вечных дорог —
Свидетели вечных стремлений:
Этот живой поток —
Сердца его биенье.

Мечта, мечта! Она превыше дымов
Отравленных вознесена,
И даже в дни сомненья и уныний
Она царит над заревом ночей,
Подобно купине, пылающей звездами
И черными коронами...

Но что до язв? То было и прошло...
Что до котлов, где ныне бродит зло? —
Коль некогда сквозь недра туч багровых,
В лучах изваянный, сойдет иной Христос
И выведет людей из злой юдоли слез,
Крестя огнем созвездий новых!

ПОРТ

Все к городу стремятся океаны!

Огромный порт его — зловещий лес крестов:
Скрещенье рей и мачт на фоне облаков.

Его огромный порт сквозь дым и мглу маячит,
Где солнца красный глаз струями сажи плачет.

Его огромный порт весь полон кораблей,
Дымящих в темноте незримо для людей.

Его огромный порт весь мускулист от рук,
Затерянных в сети причалов и канатов.

Его огромный порт гудит весь от раскатов
Цепей и молотов, стальной кующих звук.

Все к городу стремятся океаны!

И легких волн беспечный бег,
Зеленых гребней пепный снег —
На кораблях приносят мир огромный,
Чтоб град всосал его своею пастью темной.
Восток, и тропики, и белый льдистый норд,
Безумьем схвачены, плывут в широкий порт;
Все числа алчные, чьи сердцу снятся суммы,
Все изобретенья, все яростные думы,
Что мощный человек поит, растит в себе,—
Все тянутся к нему, к его огню, к борьбе.
Он сотрясается от пыла споров страстных;
Над ним сияние плывет богатств всевластных;
И моряки его эмблему, кадуцей,
На красной коже рук наивно вытравляют,
Когда закаты мраком одевают
Простор океанических зыбей.

Все к городу стремятся океаны!

О, Вавилон, возникший наконец!
Народы смешаны в единый стук сердец;
Наречья слиты воедино;
И город, как рука, раскрывшая персты,
Весь мир сжимает, подчинив хребты,
Смирив пучины.

О, эти доки, полные до крыш!
Леса, и горы, и пустыни,
Там, как в сетях, плененные отныне
В зиянье ниш!

О, эти глыбы вечности: металлы
И мраморы — сиянья и венцы;
О, сумрачные мертвецы,
Немые жертвы этой бури алой!

Все к городу стремятся океаны!

Всегда свободные моря,
Что держат душу в равновесье полном,
Моря, где жив закон, что толпам дан и волнам,
Где вечно токи вод чертят простор, горя;
Моря и волны их сплошные,
Что разрушают стены скал
И, в блеске пенных покрывал,
Вновь растворяются в родной стихии;
Моря, в которых каждый вал
То веет нежностью, то злобы полон дикой,
Моря, тревожащие красотой великой
Их лика.

Все к городу стремятся океаны!

И порт раскинулся в мучительных огнях,
Что с кранов в высоте роняют рдяный прах.

И порт щетинится зубцами башен спящих,
В чьих недрах — вечное теченье вод хрипящих.

И порт отяжелел от глыб, где взор горгон
Сплетеньем черных змей, как нимбом, окружен.

И порт — как сказочный, в нем смутно сквозь туманы
Под бушпритом судов богинь белеют станы.

И порт — торжественен: он укротитель бурь
Меж молов мраморных, прорезавших лазурь.

ЗРЕЛИЩА

В глубинах зала, где лучей поток
Ласкает крылья серого тумана,
По вечерам является Восток —
И вы во власти этого обмана.

Сверкает сцена, словно медный щит,
Поддельных солнц алмазный блеск неистов...
А воздух разбиваемый трещит
Под молотками рьяных цимбалистов.
Шумит, вопит сидящая толпа.
Раздернут занавес. Тела танцорок,
Сплетаясь в розовый кустарник па,
Маячат в мареве кисейных сборок.
Распались ветви гибкого куста,
И каждая прельстительная дева
Исходит негой в танце жпвота,
Изнемогает в беснованье чрева.
И этот зал, где в центре потолка
Круглится люстра, где нависли ложи,—
Напоминает сам издалека
Тугой живот с буграми мышц и кожи.

Взлетают ляжки резво и легко,
Трепещут груды обнаженной плоти...
Оборки, рюши, кружева, трико,—
Все это — сбруя, нужная в работе:
В запряжке похоти, где лошадей
Изображает взнузданная пара
Свинцово-бледных скачущих грудей,
Взбесившихся от гиканья и жара,
Лоснящихся в белилах и в поту...
А руки, в корчах, просят подаянья
И кажут вам объятий пустоту
И всю тщету
Желанья.

Одна из дев, глаза полузакрыв
И одержимо, позабывши роздых,
Бесстыдной страсти выразив порыв,
Переполняет ею самый воздух;
Другая отведенною ногой
Вниманье притянула, как магнитом,
И паутиной оплела тугой
Сидящих в зале, похотью залитом...

О блеск проклятья в платье золотом,
Ожог на красоте самой природы!
В искусстве искалеченном, пустом
Возникли эти яркие уроды.

О наслаждение,— здесь твой позор!
Отбросов гроздья на тебе повисли,
Дурманишь ты, мечте наперекор.
Ты — алкоголь для взора и для мысли!..

А некогда, блистая красотой,
С руками свежими, с челом открытым
Ты шествовало к радости простой
С достоинством, доселе не забытым.
Тебе кивали кроны, шелестя,
А ты в потоке лепета и звона,
Наивное, как светлое дитя,
Не зная ни преграды, ни закона,
Сквозь плоть вбирало в душу их дары,
Как поцелуи радости нетленной
Самой природы и самой вселенной,
В одной любви сливающей миры.

О наслаждение, любовь была
Твоим богатством, но беспечность мота
Тебя до краха быстро довела,
И вот — несостоятельность банкрота.
Ты разлагаешься,— идет распад
На множество сверкающих песчинок;
И каждой завораживает взгляд,
С душой вступая в смертный поединок.
Разбухшее, вползаешь ты в нее
Тысячеоким леденящим взглядом,
И адское дыхание твое
Ослепший разум душит серным смрадом.

И новое родится существо,—
Мужчина, женщина, старик, подросток
Как бы сплелись, образовав его,
И каждый жгут в нем ядовит и жесток.

О, преступленье, о, бесчестье толп,
Весь город захлестнувших мертвой зыбью,
Где каждый фонарем венчанный столб
Направит к цели душу полурыбью!..

А сцена блещет, как павлиний хвост,
Как веер страсти, вздыбленный жестоко...
И радуга фантазии свой мост
Вдруг перекинула к садам Востока.
Там, вдалеке — узорный минарет...
И тянется сюда из отдаленья,
Голубоватым пламенем прогрет,
Квартал, где блещут белые строенья,
И, очевидно, вы в одном из них...
Откуда-то, из незаметной дверки —
А зал рокочущий на миг притих —
Цепочкой выплывают баядерки...
Темп ускоряется, они летят...
И вновь плывут... А в роли подмастерьев
К ним подбегает стайка арапчат
В тюрбанчиках с султанами из перьев...
А идиотский шутовской припев
Уже готовит вас к апофеозу,
Где каждая из распаленных дев
Вдруг примет ужасающую позу,
И новых тел бушующий поток
Внезапно хлынет на подмостки сбоку...
И, победивший приступом, порок
Программы всей раскроет подоплеку:
Одежда лопнет, словно шелуха,
И в урагане гнусных содроганий
Возникнет облик свального греха,
Отображенье случки обезьяньей.

А музыка... О, музыка — она
Всей оргии содействует покорно!..
Послушна спазме каждая струна
Визгливой скрипки. Сиплая валторна
Блудливой псицей взвыла в нужный миг
На мыслимом пределе исступленья,
И звук фагота гадину настиг,
Изображая хрип совокупленья...

Но полночь бьет. И пламя гаснет вдруг.
И мгла клубится над людским угаром...
И, растекаясь в улицы вокруг,
Толпа ползет по черным тротуарам.

Кусками мяса рдеют фонари,
Кровавой плотью зачиная сутки...
А там, под ними, в соке их зари
Продрогшие застыли проститутки.

СКОЛЬЗЯЩИЕ В НОЧИ

Ряды куртин и фонарей вдоль галерей,
В которых вьются так неторопливо
Шаги созданий, молчаливо
Несущих траур по душе своей...

На купола, на колоннады,
Воздвигнутые там и тут,
Отпугивая тьму, текут
Огней холодных мириады.

Пылает газ, и, как алмаз,
Вкрапленный в диадему ночи,
Любой светильник нежит очи,
Кого-то приводя в экстаз.

А круг воды в лучах голубоватых
Блестит, как днем,
И часть колонны, отраженной в нем,
Подобна торсу в медных латах.

Растут костры, как желтые кусты,
На площадях разбрызгав ртуть и серу,
Волшебной сделав атмосферу
И мрака раздробив пласты.

Громадный город блещет, словно море,
И волны электричества бегут
По всем путям, туда, где стерегут
Свое молчанье, с трауром во взоре,
Скользящие по грани темноты.
Они томятся, дожидаясь утра,
И держат в коготках из перламутра,
Как водоросли, сникшие цветы.

Скользят медлительно, влача воланы, рюши
И кружева, прикрывшие позор...
Они друг друга знают — с коих пор? —
Взаимные, болезненные души.

Они плывут, как будто по ковру,
Вздымая перья шляп и рыжие шиньоны...
У них свои жестокие законы,
Полузабывшие пути к добру.

На пальцах, сжатых в горьком исступленье,
В их перстнях дорогих под сенью галерей,
Подобные глазам ночных зверей,
Играют камни, пряча преступленье.

А их глаза ушли под бледный лоб.
Лишь иногда, безмолвной схватке рады,
Они так яростно вперяют взгляды,
Как будто гвозди забивают в гроб.

Но лбы — как белые повязки
На мыслях раненых. А губы — два цветка,
Что на воде качаются слегка
И сходятся почти без ласки.

Глаза понурые глядят,
Пустые, в пустоту без бога,
Хоть в сердце пламя и тревога,
И звон его — набат.

Я знаю женщин в траурных одеждах,
Но в туфельках нарядно-золотых;
А в косах, черных и густых,
Сверкает серебро, и на былых надеждах

Поставлен крест, и колкий остролист —
Их диадема. Траур тот, однако,—
Креп овдовевших без мужей, без брака,
Избравших путь, который лишь тернист.

И здесь, в ночи, глухой порой бесстрастья,
Наедине с трагической судьбой,
Они постигли всё и плачут над собой,
Держа в руках ключи потерянного счастья.

Вдоль галерей, сверкающих, как млечный
Холодный путь, когда кругом — ни зги,
Скользят бесшумные шаги
Несущих траур бесконечный.

ЗАВОДЫ

Глазами окон друг на друга мрачно глядя,
Покоясь тенями огромными на глади
Прямых каналов, меж разводов нефтяных,
Вдоль набережных, в сумерках ночных,
Близ города, в предместном захолустье,
Где плачет нищета, истерзанная грустью,—
Стоят заводы, грохоча.

Надгробия из кирпича,
Прямоугольные гранитные громады,
И длинные — на много льё — ограды,
И трубы, что, змеистый дым струя,
Вонзили в небо, словно шилья,
Громоотводов острия,
Сараи, полные туманом ядовитым,
И грязные дворы, где полуголый люд
Свершает — в отблесках огня — свой труд,
И чад, и копоть, и кипящий битум,
И уголь, и над всем — угроза смерти злой,
И души и тела, глубо́ко под землей
Изведавшие ад мучений беспощадных,
И фонари в шеренгах безотрадных
Вдоль стоков смрадных.

Не отрывая друг от друга черных глаз,
Там, где струятся смоляные воды,
Грохочут день и ночь заводы,
Не умолкая ни на час.

О ржавые промозглые кварталы!
И женщины в рванье, печальны и усталы,
И скверы, что изъел жестокий кариоз,
Где пробиваются сквозь щебень стебли роз,
Иссохнувших в мечтах о влаге рос.

Везде, на перекрестках улиц,— бары,
И медь, и зеркала, сверкающие яро,
И поставцы, что чернотой — как смоль,
И запечатанный в бутылках алкоголь,
Бросающий свой блеск на тротуары,
И кружки — пирамидами корон —
На стойке, изукрашенной, как трон,
И толпы посетителей безмолвных,
Глотающих не торопясь
Янтарный эль и виски — как топаз.

Близ города, в предместном захолустье,
Где плачет нищета, истерзанная грустью,
Где сонмы бед, одна другой лютей,
И ненависть, между собою
Разъединившая людей,
И кражи среди тех, кто обойден судьбою,—
Дни, ночи напролет
Ударами глухими круглый год
Заводы сотрясают неба своды.

Под кровлями, что искрятся, светлы,
Вращает пленный пар машинные валы,
Захваты разевают пасть, как рыбы,
И молот, с высоты обрушившись, в листы
Расплющивает золотые глыбы,
И брызжется в углу литье — оно
Рукою властной будет смирено.

А вот станки с проворными руками
Из нитей трепетных и тонких — челноками —
Под мерное жужжание и гуд
Сукно неутомимо ткут.

В огромных залах многолюдных
Безостановочно, в усильях обоюдных
Соединив со шкивом шкив, бегут ремни,
И крутятся большие шестерни,
Как крылья мельниц безрассудных
Под натиском ветров.

Из огороженных дворов,
Сквозь запотевшие подвальные оконца,

Едва сочится свет полуденного солнца
На труд рабочих, что без слов
Отлаживают ход часов,
В чьем шумном тиканье и бое —
Безумство, порожденное алчбою,
Горячечный нелепый бред,
Сжирающие с яростью слепою
Людскую речь — теперь на ней запрет.

Ночная тьма — тревожна и угрюма.
И все растет, растет стена из шума.
Но вот внезапно рушится она —
И поглощает все обломки
Разлившаяся тишина.
И снова — гневный клич, пронзительный и громкий,
И, оглушительно резка,
Трель отдаленного свистка
Вдоль фонарей, что в копоти и дыме
Стоят кустами золотыми.

Весь город, тонущий в пыли,
Кольцом невучие строенья оплели.
Мосты, и маяки, и пристани, и доки,
Вокзалы — в вечной суматохе,
Заводы, тягостно мрачны,
Литейни, кузницы и адские чаны,
Что нефтью и смолой начинены,
Откуда иногда в небесные просторы
Взмывают огненные своры.

По берегам одетых в камень вод,
За черными путями, мостовыми,
Там, на окраинах, где все невыносимей
Тяжелый гнет невзгод,—
Дни, ночи напролет
Ударами глухими круглый год
Заводы сотрясают неба своды.

Испачкалась заря сама
О прокопченные дома,
И светлый полдень, как слепец убогий,
В тумане сумрачном плутает без дороги...
Лишь по субботам, ввечеру,

Упорный, в лихорадочном жару,—
Труд замирает. Так над наковальней
Могучий молот виснет, недвижим.
И выползает ночь из дымки дальней,
Пронизанной сияньем золотым.

БИРЖА

Проспект чудовищный, строеньями объятый;
Сжимает пену толп его крутой гранит,
Пробитый окнами, где млеет и горит
Последний ореол пурпурного заката.

И, торсом каменным вздымаясь в высоту,
Храня в своей нечистой тайне
Тревожный дух земли бескрайней,
Встал памятник златой, сияя в темноту.

Вокруг него строй банков черных;
Гераклы медные, сжимая кулаки,
Несут фронтонов гнет, победных и упорных,
Как денежные сундуки.

Вот площадь, где дает он грозный бой.
Она вбирает ярости прибой,
Влекущийся к его магнитам скрытым.
Вот площадь, скверы и мосты,
Где гроздья газа голубые
Бросают с темной высоты
Лучи и мглу на мостовые.

Грез и огней водоворот
Согласной яростью течет
И во дворец безумный хлещет.
Там золото горит и блещет,
И жажда золота во всех сердцах трепещет,
По городу летит из дома в дом
И раздувает жар страстей кругом.
Конторы грузные грохочут, как гроза,
Завистливая роскошь бьет в глаза,

И вдруг банкротства, как удар,
На площадной валятся тротуар,
Раскраивая резким взмахом
Лбы буржуа, объятых страхом.

Горячка в полудневный час
Еще растет и всходит,
Глядит с карнизов сотней глаз
И в залах биржи бродит,
Клубится у недвижных ламп,
Струится вдоль перил и рамп,
Мятется, вьется, и сверкает,
И прячется в тяжелых складках
Драпри, и снова возникает
На лестницах и на площадках.

И ярость, вспыхивая вновь
При проблеске надежды вздорной,
Восходит, красная, как кровь,
Над этою геенной черной,
Где бьется с грабежом грабеж.
Сухие языки, и взгляды точно нож,
И жесты дикие, и в мыслях — миллионы,
Монет сверкающих безумные циклоны,
И то надежд, то ужасов мираж.

Там спешка заменяет смелость;
Там судорожно чертит карандаш
Тоску, что в платье цифр оделась;
Там продают и покупают гром,
Что на краю земли народы убивает;
Химеры носятся кругом,
И шансы то растут, то убывают.
«Даю, беру, даю, беру»,—
В жару ведут свою игру;
Пылает воздух. Цифры, обезумев,
Пакетами, тюками, в адском шуме,
Вверх, вниз, вверх, вниз летят, летят,
Переполняя этот ад,
Пока не прозвонит на башне час,
Вещающий, что бой их тяжких масс
Угас.

В те дни, когда кругом кряхтят крушенья,
Самоубийствами их утверждает смерть,
И, в траурном величье, погребенья
Торжественно сияют в твердь.
Но в тот же вечер бледный пыл победный
Вновь воскресает, и игра
Свирепая мятется, как вчера.

С улыбками, рыча, все рвутся в бой, пока
Не доведут врага до петли и крюка.
Там, как котел, клокочет злоба
Вкруг тех, кому она готовит сумрак гроба;
Там твердо, без ненужных слов,
Обкрадывают бедняков;
Там плутовство окутывают в честность,
Чтоб все прельстить, все заманить,
Чтобы к деньгам позорным, в неизвестность
Всеобщее безумие взвихрить.

О, золото! Как башня в облаках,
Оно возносится, блестящий сея прах.
Металл чудовищный! И миллионы рук
К нему простерты, замыкая круг;
Мольба всеобщая к нему летит, все шире
Раскатываясь в беспредельном мире.

Там кубы золота на золотых треногах,
И к ним стремят безумный свой полет
Удачники, чей долго зрел расчет
В бессонницах, томленьях и тревогах.

О, золота, как пищи и питья!
В умах же,— злей той жажды,— как змея,
Слепая вера в темный случай,
В пляс прихоти его зыбучей,
В игру бессмысленных чудес,
В которой древний рок воскрес.
Игра! Ось адская, вокруг которой яро,
В дыму и золоте, средь грома и угара,
Завьется пагубная страсть,
Затем лишь, чтоб в уродства и надрывы,
В безумной похоти приливы и отливы
Упасть.

Так, торсом каменным вздымаясь в высоту,
Храня в своей нечистой тайне
Тревожный дух земли бескрайней,
Встал памятник златой, сияя в темноту.

ТОРЖИЩЕ

Большое торжище гудит в предместье алом,
Хлопот по горло зазывалам;
Под всякой всячиной тут ломятся лотки,
И, корчась, извиваются над входом
Перед мятущимся народом
Букв золоченых странные витки.

Купец с утра расхваливает рьяно
Приправы, снадобья, румяна,
И бриллианты утренней росы
Пускает он в продажу, на весы.

В закатный час для взора торгаша
Милей, чем луч, мерцание гроша.
Сбывает он по сходным ценам,
Угрюмого злорадства полн,
Лучи, омытые в морском просторе пенном
Руками розовыми волн.

Огромен рынок. Сводчатая крыша
Покоится на двух рядах столбов;
Здесь много галерей и погребов,
А на стене — гигантская афиша
Слепящим светом залита:
На ней два цирковых шута,
С нахальным хохотом, в знак своего неверья,
У ангела выщипывают перья.

И ночью рынок тоже неспокоен:
Со скотобоен,
С заводов, с кладбищ — отовсюду
Сюда везут товаров груду.
По грязи тащится обоз,
Не утихает скрип колес,
И содрогаются в ночи
Земля и корпусов окрестных кирпичи.

Кто здесь бывал, тому, конечно, ведом
Ряд лавок, где торгуют без стыда
Любовью, что в старинные года
Божественной казалась нашим дедам.
Здесь продаются боги всех религий
В сиянье вечности и неземных красот;
Торговец по частям их продает
И богохульные сует в придачу книги.

Лежат на полках страсти, плесневея...
Давно поник и смолк их ураган.
Слова, звучавшие в молитве иерея,
Мусолит первый встречный хулиган.
Безмерность в тесные шкапы заключена,
Полна кровоточащих ран она...
И в стертых исчисляется монетах
Цена великих дел, поэтами воспетых.

Большое торжище гудит в предместье алом;
Причудлив танец букв над необъятным залом,—
И черная несметная толпа,
Жадна, и легковерна, и глупа,
Валом валит из всех дверей,
Вливаясь в лабиринт проходов, галерей,
Чтобы прильнуть к прилавкам поскорей.
Поток свои спирали вихревые
На лестницы взметает винтовые.

Трепещет наверху бессмертная Идея.
Толпа, постичь ее творений не умея,
Едва их замечает на ходу.
А те, кто, на свою беду,
Умом пытливым обладает,
Стоят смущенные, их бьет озноб,
Но все ж они упрямо пробивают
Надменной Тайны медный лоб,
И откровенья вылетают
Сквозь трещину высокого чела,
Раскинув белые крыла.
Глумясь над смельчаками, торгаши
Без колебаний и сомнений
Эксплуатируют их гений
И загребают барыши.

О, рай земной — мечта провидцев вдохновенных,
Проникших в смысл законов сокровенных!
О, их стремленье мир преобразить
Так, чтоб он стал похож на идеал,
Являвшийся им в снах, которые забыть
Они теперь уже не в силах...
О, сколько в их глазах любви и доброты,
Когда, вернувшись в мир, который породил их,
Из далей никому не ведомой мечты,
Готовые принять страдания за всех,
Достойные, как боги, преклоненья,
Они встречают брань и грубый смех!

Бушует торжище в неистовом круженье,
Смешались в хаосе безумном люди, вещи,
Волною золото вздымается и плещет...
И мнится, некий зверь, во весь поднявшись рост,
Нарушить хочет страшным рыком
Гармонию недвижных звезд
В пространствах, стынущих в безмолвии великом.

В МУЗЕЕ

Превыше скипетра и трона
Лежит огромная корона
На лбу фигуры восковой,
Поправ надменно и законно
Чело империи самой.

Блестят в холодном этом зале
Полупомеркшие глаза,
И словно тусклая слеза
Мерцает в трещинках эмали.

А лоб грозой могучей был,
Пока не приковали годы
Судьбу, лишенную свободы,
К предмету, что мертвей могил.

И челюсть, потеряв управу
Над всем, что было ей дано,
Полуотвисшая давно,
В зубах не удержала славу.

И лишь на рыжих волосах
Расселась тяжкая корона,
Главу сгибая неуклонно,
Стремясь вдавить ее во прах.

Она по гибельному праву
Сдавила собственный оплот —
Империи былую славу,
Высокий лоб, жестокий рот.

Она душила и блистала,
Она гасила жар сердец,
Она для будущего стала
Эмблемой страха наконец.

А сторож в одеянье черном
Пред этой смертью напоказ
Живет в усердии упорном,
С короны не спуская глаз.

Не понял он, бродя уныло
В своей покорности слепой,
Какая власть руководила
Разбушевавшейся толпой.

Слуга увенчанного лика,
Вдали от мира, от людей,
Не слышит яростного крика
И пенья грозных площадей.

ИСКАНИЯ

Лаборатории, музеи, башни
Со сфинксами на фризах, и бесстрашно
Глядящий в бездну неба телескоп.
Клинки лучей, прошедшие сквозь призму,
Откуда брызнул
Свечений драгоценных дивный сноп;
Огромные кристаллы; тиглей ряд,
Где плодоносным пламенем горят
Соцветья атомов, чьи превращенья —
Венок чудес; тончайшие сплетенья
Пружин и рычагов; приборы — существа,

Похожие на насекомых стройных...
Все дышит жизнью страстной, беспокойной
В пылу борьбы за тайну вещества.

То строится науки зданье,
Стремящейся сквозь факты в даль познанья.

О, сколько времени низверглось в бездну лет!..
О, сколько здесь тревог и упований было;
Каких умов огонь усталость погасила,
Дабы забрезжить мог уверенности свет!

А заблужденья!.. А темницы веры,
В которых разум воздуха лишен!..
И на горé, вверху, победы возглас первый,
Что ропотом толпы мгновенно заглушен!

Вот жар костров, орудия позора,
Распятий лес, костей на дыбе хруст,—
С бескровных лиц глядят безумья взоры,
Но слово истины летит с кровавых уст!

То строится науки зданье,
Стремящейся сквозь факты в даль познанья.

Вооруженный взгляд, не знающий преград,
Идет в глубины — к атомам, к светилам,
К началам всем, к вершинам и могилам,
И дело движется на лад:
Огромная вселенная до дна
Обшарена пытливыми глазами,
Как солнца жаркими руками
Морей холодных взрыта глубина.

Здесь каждый действует с упорством смелым
В потоке общих дум, удач и неудач,
Один лишь узелок развязывая в целом,
Составленном из тысячи задач.
Все ищут, к истине вплотную все подходят,
Все правы — но единственный находит.
А он!..
О, из какой прекрасной дали
Он шествует, неся великий свет!

Какою пламенной любовью он согрет!
Какие ум его надежды волновали!
Как часто, как давно трепещет он,
Тому же ритму подчиненный,
Что и закон,
Победно им провозглашенный!..
Как скромен он и чист перед вещами!
Как он внимателен, едва лишь мрак
Подаст ему желанный знак
И шевельнет губами!
Как он стремительно, прислушавшись к себе,
В зеленой чаще жизни настигает
Нагую истину, и миру возвещает
Ее, подобную судьбе!

Когда такие же — и бóльшие, чем он,—
Своим огнем земную твердь расплавят
И высших тайн врата скрипеть заставят,
Минуя ночи, дни, стенаний миллион,
К небытию во мраке обращенных,
Угасшие порывы укрощенных
И разъяренных океанов рев,—
Тогда сумеет простодушный гений
Упорных, гордых, вольных поколений,
Как острый шпиль, вонзить в небесный кров
Луч постиженья всех миров.

И вознесется перед нами зданье
Единого и полного познанья.

ИДЕИ

Над ужасами города, незримо,
Но явно и непобедимо
Царят идеи.

Порою кажется, что там, над нами рея,
Живут они средь неземных миров.
Они плывут в сумятице ветров.
Как зори алые, как полдни золотые,
Горячим соком налитые.

В глубинах неба вечностью дыша,
Бессмертье обретает их душа.

Вот первая из них, чье имя — Сила,
Вскипавшая в морях и в облаках,
Пока себя еще не проявила
В тяжелых торсах и тугих руках,
Или в уме молниеносном, ясном,
След оставляющем в веках.
Сквозь мглу кровавую над золотом ужасным,
Сквозь ярость плоти, страх и нищету,
Сквозь муть безумия, мы узнаем в ней ту,
Кто сдерживает нас иль гонит в пустоту.
С тех пор как жадно пожирают
Иль жизнью оплодотворяют
Миры друг друга — в атоме она
К захватам новым вся устремлена.
Ее неукротимое дыханье
В горниле города вздувает пыл восстанья.
Она рождает славу и позор.
Она, как молнии полночной взор,
Внезапно зажигает преступленье
И сеет гибель в диком исступленье.

Вот Правосудие и Состраданье,
Божественные сестры-близнецы,
Благие матери, чьи нежные сосцы
Струят лишь милосердия сиянье.
Хотят их меж собой поссорить мудрецы,
Друг друга осыпающие бранью;
Христа при этом поминают без конца —
Владыку гневного иль доброго отца,—
В зависимости от истолкованья.
Закон из божества стал идолом, который
Владеет кодексов натасканною сворой,
Вселяя только страх. Но должен расцвести
Мир свежий, как цветок огромный,
Чьи лепестки не преградят пути
Живой любви, которая найти
Сумеет свой предел в ночной глуши бездомной.

О, будущего пламенные страны,
Что так прекрасны, так мечте желанны,

Которая всему наперекор
Стремится в нескончаемый простор,
Сквозь долгий мрак — туда, где поколенья
Сольют в одно своих сердец горенья,
И выжгут ненависть, и утвердят любовь!..
Людская совесть вновь и вновь
Так утончается, так вдохновляет разум,
Что высшим исполняется экстазом
И чудеса великие творит.
Грядущее — жар-птица, что парит,
Пылающие перья к нам роняя,
Надежду в нас волшебно сохраняя,
Что справедливость землю озарит.

А там над Силой и над Правосудьем,
Над истиной, над ложью, надо всем,
Что дорого иль ненавистно людям,—
Сияет Красота. Могущественна тем,
Что миф двойной в себе объединила —
Минерву кроткую с Горгоной роковой,—
Она вошла во храм всемирный свой.
Даны ей гении в жрецы. Как два светила,
Горят ее глаза, даруя благодать.
Грядут, блистая славою нетленной,
Века, что призваны благословенной
Ковчегами даров священных стать.
Разрозненные молнии вселенной
Она хватает, чтобы их сплести —
Чтоб мир переиначить и спасти.
Египет розовый, Эллада золотая
Возвысились, ее богиней почитая;
А прежний бог, развенчанный, бежал.
Флоренция, Париж — кто только не дрожал,
Став алтарем под этими стопами,
Крылатыми и светлыми, как пламя!..

Сквозь дымку вечности она ведь и сейчас,
Полудоступная, глазами манит нас
И радостным, горячим, нежным телом.
Скользя по пальцам, до поры несмелым,
Огонь чарует и зовет.
Но современность молотами бьет,

И гул такой стоит во мгле ненастной,
Что заглушается призыв напрасный.

Но все же — вот она, гармония сама,
Владычица и сердца и ума!
Сквозь все усилия, что скепсис называет
Столь бесполезными, она нам открывает,
Как некий ключ, круги времен людских.
Мы страстно веруем в расцвет и славу их,
В эпоху новую, где грянет строй могучий
Никем еще не слыханных созвучий.

Кто к ней стремится, тот над часом стал,
Что черный маятник сегодня отстучал.
Когда толпа, с мечтой своей в разлуке,
Бессильно опускает руки —
Призыв грядущего услышишь ты
Из вещих уст проплывшей Красоты.

Над ужасами города, незримо,
Но явно и непобедимо
Царят идеи.

ГОРОДА И ПОЛЕ

К БУДУЩЕМУ

О странник вечности! О человек!
Почувствовал ли ты, откуда
Так неожиданно, в единый миг,
Твоих великих сил возникло чудо?

От глубины морей до яркого убранства
Светил, блуждающих, но собранных в узор,
Из ночи в ночь, в пространство из пространства
Стремится к высоте пытливый взор.

А здесь, внизу, весь темный сонм столетий,
Почивший в устланных забвением гробах,
Вновь вызван к бытию, встает, истлевший прах,
Былыми красками сверкает в новом свете.

В неистовстве все знать, все взвесить, все измерить
Проходит человек по лесу естества,
Сквозь тернии кустов, все дальше... Время верит,
Что он найдет свои всемирные права!

Он в пыли, в атомах, в химических началах
Ликующую жизнь стремится подсмотреть.
Все, все захвачено в раскинутую сеть:
Миры вскрываются в песчинках малых!

Герои, мудрецы, художники, пророки —
Все стену тайн долбят, кто ломом, кто рукой;
Одни сошлись в толпу, другие — одиноки,
Но чувствует земля себя уже иной!

И это вы, о города,
Как стражи, ставшие по странам, на полянах,
Вместили в свой затвор достаточно труда,
И света нового, и сил багряных,
Чтоб опьянить безумием святым
Умы, живущие тревогой неизменной,
Разжечь их жар и дать упорство им:
В рядах недвижных числ,
В законах — воплотить весь смысл
Вселенной!

Но дух полей был мирным духом бога,
Он не хотел борьбы, исканий, мятежа;
Он пал. И вот шумит враждебная тревога
На четырех концах родного рубежа.

Поля кончают жизнь под страшной колесницей,
Которую на них дух века ополчил,
И тянут щупальца столица за столицей,
Чтоб высосать из них остаток прежних сил.

Фабричные гудки запели над простором,
Церковные кресты марает черный дым,
Диск солнца золотой, садясь за косогором,
Уже не кажется причастием святым.

Воскреснут ли, поля, живые дали ваши,
Заклятые от всех безумств и лживых снов:
Сады, открытые для радостных трудов,
Сияньем девственным наполненные чаши?

Вас обретем ли вновь, и с вами луч рассветный,
И ветер, и дожди, и кроткие стада —
Весь этот старый мир, знакомый и заветный,
Который взяли в плен и скрыли города?

Иль вы останетесь земли последним раем,
Уже покинутым навеки божеством,
Где будет сладостно, лучом зари ласкаем,
Мечтать в вечерний час мудрец пред тихим сном?

Кто знает! Жизнь кипит, исполнена сознанья,
Что радость в буйстве сил, в их полноте. Так что ж!
Права и долг людей — лишь беглые мечтанья,
Что на пути надежд пленяют молодежь!

ПРИЗРАЧНЫЕ ДЕРЕВНИ

РЫБАКИ

Сплошными белыми пластами
Туман залег вокруг домов.
Клубится он среди холмов
И над прибрежными кустами.

В тумане смрадная река
Несет останки жертвы бедной.
Луна утопленницей бледной,
Всплывая, пенит облака.

На черных челноках ныряет
Свет одиноких огоньков
И спины старых рыбаков,
К воде пригнутых, озаряет.

За разом раз они в тоске
Вытягивают сеть, и снова
Ее влекут в гнилой реке,
Невольники ночного лова.

На темном дне вражда судьбы
Подстерегает их, как рыбу,
Которую, морщиня лбы
И молча восходя на дыбу
Суставы рвущего труда,
Они добудут иногда.

Колокола звонят в селенье.
Надтреснутый, охриплый звон
Протяжно тонет в отдаленье,
Вещая людям утомленье
Земли, зовущей зимний сон.

Дыханьем запада изрыта
Ночная стылая река.
Лохмотьями едва прикрыто
Худое тело рыбака.

Туман, туман... В его накрапе
Темно и сыро, как в траншее,
И на видавшей виды шляпе
Сгустившись, он течет по шее.

Поодаль дышат еле-еле
Подслеповатые лачуги —
Они совсем оцепенели
В тревожном ожиданье вьюги.
Безмолвен лес, пустынный, голый,
Объятый думою тяжелой.
Лишь осень выросла, окрепла
В наплыве каплющего пепла.

Но рыбаков угрюмый труд —
Занятье тех, что лучшего не ждут.
Закидывая сеть и веслами гребя,
Товарищей не окликая,
Здесь ловит каждый только для себя,
Из желтой мути первым извлекая
Дары неведомой вражды:
Всю мелюзгу своей нужды,
Все неудачи, все болезни,
Гнездившиеся где-то в бездне
Зловонной, медленной воды.

А вот его сосед,
Озлобленный, не зная утешенья,
Вытаскивает память прежних бед —
Обломки кораблекрушенья
И угрызенья совести своей...
Но некогда ему возиться с ней.

Слепа, глуха к людским печалям,
Река течет к незримым далям,
В камнях и камышах ворча
И на излуках клокоча.
Туман сырой, туман холодный,
Туман, как белый войлок плотный,
Окутал низкие челны.
Они, закинув якоря,
Туман кровавя нимбом фонаря,
В безумье тихое сейчас погружены.
Владельцы их, ночному бденью
Над колыханием волны
Предавшись, разъединены
Трудом, ведущим к разоренью.
О, если бы они могли кричать и петь —
Им легче было бы не отупеть!..
Но нет — они, безмолвны и сутулы,
Склонили лбы и каменные скулы,
И взгляд вперили в красный огонек.
Им, обездоленным, наверно, невдомек,
Что над рекой, бездонной, как могила,
Над лентой белой мглы, горят светила,
Чей блеск людскую мысль манит,
Как удивительный магнит.

Седая ночь миры в туманах прячет
И в тусклых душах монотонно плачет.
В привычной муке рыбаки
Застыли посреди реки.

Они молчат. Они устали.
Гудят невидимые дали —
Плывет, плывет со всех сторон
Осенний погребальный звон.

МЕЛЬНИК

Столетний мельник с ветхой, черной
Забытой мельницы,— он был
Схоронен глухо, как и жил,
Среди растительности сорной
В кругу покинутых могил.

А почва, что горбатой грудой
Над ямой свежею ждала,
Казалась пеплом и цикутой;
Метался ветер, стыла мгла,

И тощий пес бродил, хромая,
Меж покосившихся оград,
Уныло морду поднимая
На догорающий закат.

Звеня, терзала грунт лопата,—
Блестящий зуб кромсал и грыз,
И комья прыгали куда-то
В ночную бездну, вниз...

И солнце падало покорно,
Кровавя небосвод...

Могильщик действовал проворно,
Как всполошённый крот.
Лопата бешено скакала
В его руках.
Но яма все-таки зияла
И ширилась впотьмах,
И жуть из мрака наплывала,
Впивался в душу страх.

Ведь на селе никто
Не дал гвоздей, чтоб сбить убогий гроб.

Не провожал никто,
Когда усопшего несли.

Не подошел никто,
Чтоб осенить крестом огромный лоб.

Не захотел никто
В могилу кинуть горсть земли.

Пред этим мертвецом в рогоже,
Чья жизнь была селянам ненужна,

Которого всегда, похоже,
Сопровождала ненависть одна,
Могильщик сам в какой-то миг
Все одиночество свое постиг.

Там, на холме вечеровом,
Безвестно жил старик угрюмый
Наедине с пытливой думой;
Дышал в просторе ветровом
В согласии с полетом бурь,
С дыханьем Севера суровым,
Гонящим облачную хмурь
К закатам серным и багровым...
Он чутким сердцем слушал тьму
И золото ночей бескрайных,
Шептавших запросто ему
О звездах, о великих тайнах,
Не приоткрытых никому.

Старейшие не помнили, когда
Он поселился на отшибе,
На исполинской серой глыбе
Холма,
И жил, вперяя в никуда
Свой взор, следящий знаки молний,
Каким-то исступленьем полный
Безбожного ума.

Никто бы не узнал о том,
Что смерть пришла в крылатый дом
И повлекла жильца к могиле,—
Когда бы крылья, что с трудом
Взносились в утренней мольбе,
Вдруг не застыли, став крестом
На завершившейся судьбе.

Могильщик видел зыбь растущей тени,
Безликой, как толпа,
И что деревня тает в отдаленье,
Как на ладони снежная крупа.
Враждебная неясность этой дали
Холодными касаньями плела
Сеть ужаса и яростной печали,

До той секунды, как могильщик вдруг
Почуял рядом чащу цепких рук,
Швырнул невесть куда лопату,
Рванулся опрометью прочь,
Перемахнул через ограду
И канул в ночь.

Заполненная тишиной,
Казалась яма необъятной,
Бездонной трещиной земной,
Казалась пастью почвы жадной,
Глотавшей прах и перегной.
Лишь ненасытная равнина
Дохоронила мертвеца,
Чья жизнь была с ней так едина
До самого конца.

И лишь равнина, лишь она сама,
Своею тайной
Дала ему восторг бескрайный,
Жизнь безграничную, перед которой
Бессилен Север с дикой сворой
Ветров.
И так бессильна
Тьма.

ТИШИНА

Последний гром отгрохотал устало,
И вслед за ним настала тишина,
И вересковых зарослей она
С тех пор уже не покидала.

Болтаются порой колокола,
То звонкогласны, то басисто тяжки...
Три этажа нагруженной упряжки
Вползают в ельник с улицы села,
И колесо в натуге постоянства
Скрипит, скрипит, как старая кровать...
Но мертвой напряженности пространства
Уже ничто не может разорвать.

Угомонились летние раскаты,
А тишины запасы непочаты,
И вереск, поглотивший вечера,
И голая песчаная гора,
И перелески, сникшие в печалях,
Себя продлили в беспредельных далях.
Когда ушла последняя гроза,
Невозмутимой тишины глаза
Открылись медленно в лесных озерах,
И дремлет в этих отвлеченных взорах
Лишь бледная дневная бирюза.
Ничто не дрогнет в стынущих просторах,
И лиственниц осенних желтизна
В безветрии светла и холодна.
И редко-редко пролетает птица,
Чтоб где-то в чаще молча опуститься...
Кругом слышна сплошная тишина.

Стерпев железный грохот кузни летней,
Ужаленная искрою последней,
В осенней мгле расширилась она,
И ею чаща вереска полна,
И с четырех концов ее владенья
Одеты пеленой немого бденья.

Под нею, сидя меж кустов ольхи,
Столетние согнулись пастухи,
Разобщены и вместе с тем едины.
Собаки воют, глядя на нее,
В лохмотьях шерсти существо свое
Сокрыть пытаясь посреди равнины.

А деревушка неподалеку
В солому крыш упрятала тоску
И ждет луну, дрожа и негодуя,
С само́ю очевидностью враждуя.
Но в тишину она вплетает страх,
Боясь увидеть сквозь разрыв тумана,
Сквозь пелену самообмана,
Разгадку тайны в блещущих мирах.

СНЕГ

Неутомимо снег идет,
Ложится на поля, как длинные заплаты,
Как длинные клочки уныло бледной ваты,
Безлюбый, ненавидящий, косматый.

Неотвратимо снег идет,
Как маятника мерный ход,
Как миг за мигом, снег идет.
Снег падает, кружится, вьется,
Ложится мерно на дома,
Украдкой проникает в закрома,
Снег падает и вьется,
Летит в могилы, в ямы и в колодцы.
Передник свой недобрая зима
Вытряхивает над землею древней,
И падают на тихие деревни
Болезни, стужа, тьма.

Мороз живет в крови, в костях,
Нужда — в амбарах и клетях,
Нужда и снег в сердца вползают,
Вползает под навес беда,
И стынут, коченеют, замерзают
Сердца и очаги под коркой льда.

У перекрестков, где дорог слились потоки,
Как мертвецы, деревни одиноки;
По берегам канав, каналов, рек
Ракиты клонят веток сталактиты,
По пояс погрузившись в снег;
На косогорах, словно в землю врыты,
Седыми мхами инея увиты,
Старухи-мельницы, как западни, встают;
Под шквальным ветром, яростным и грубым,
Столбы, подпорки, кровли, трубы
Сражаться с ноябрем не устают,—
А снег идет, идет, бесшумный и мохнатый,
Ложится на поля клочками бледной ваты.

Тяжелый снег, как саван, лег
На всех развилинах дорог,
Повсюду снег бесплодный, белый,

Снег призрачный и омертвелый,
Снег призрачный и неизменный,
Неистово-самозабвенный
В безмерной темноте и холоде вселенной.

СТОЛЯР

Столяр, искусник бородатый,
Да и упрямец пребольшой,
Постигнув мудрость всей душой,
Творит круги, потом квадраты,
А в них — незыблемый закон,
В них ясность творческих времен.

На вывеске его угластой
Раздвинут циркуль голенастый.
В его лучах родной очаг
Сверкает, словно позолота.

Столяр берет свои долота
И движет их навстречу тем
Дремучим дебрям теорем,
Где побеждает рук проворство
И взора хитрого упорство,
Где все увертки и крючки
Провидят строгие очки.

В громоздких переплетах рам
Томится солнце по утрам,—
О, эти солнечные муки
В каморках старости и скуки!

Подкручивая по старинке
Винты, зажимы и струбцинки,—
Корпя над верстаком-столом,
Строгая крест, бубня псалом,
Вертя латунный транспортир,
Столяр творит окрестный мир.

Столяр колдует дни и ночи,
Слезятся старческие очи,—
О, ухищренья ремесла,
Строптивых трудностей лавина!

Казнись, потей, чтоб крестовина
Черты Спасителя несла!

О, эти стружки, эта дранка,
И мирозданья высота,
И в кротких доводах рубанка
Нагих гипербол правота!
Безмерность лет, слепых и вещих,
Загадок бытия зловещих,
Нам объяснит столяр и резчик.

И не затем ли, не затем ли
Он, обольщеньям Тайны внемля,
Так верит в утреннюю землю?

Он властелин противоречий,
Смутивших разум человечий;
Ведя воинственные речи,
Он тех, кто мирозданье сузил,
Многажды в спорах оконфузил!

Священник с ним вступает в спор
И эскулап, плетущий вздор.
Их доводы неистощимы
И все-таки несовместимы!

Их колебанья и сомненья
Развеял он без сожаленья
И, насладившись мнений сшибкой,
Назвал их доводы ошибкой!

Заказчиков по пальцам счесть
Нетрудно. Впрочем, паства есть:
Ее, решеньем всех вопросов,
К себе привлек столяр-философ.

Трудом живет старик упрямый.
Звонок лепечет день-деньской,
И циркуль, окруженный рамой,
Висит над дверью мастерской.

Старик угрюмый все осилит;
Вот он шлифует, режет, пилит,—
Есть, верно, у него своя
Простая тайна бытия!

Когда ж помрет старик-мастак,
Рассыплется его верстак,
В забавы детской скоротечность
Мгновенно превращая вечность,
Ту, что творил угольник странный
С линейкою четырехгранной!

ЗВОНАРЬ

Нежданный ураган взмычал во мгле, как стадо,
Казнимое внезапной слепотой,—

И в готику соборного фасада
Вонзился молнии осколок золотой.
Удар в небесной вышине —
И звонница в огне!

Спешит, от страха безголосый,
Старик-звонарь простоволосый
К своим колоколам.

А там,
В сплетеньях туч, и призраков, и чар,
В дымах, подобных щупальцам воздетым,
Растет пожар.
Весь город озарен каким-то странным светом.
Из окон стрельчатых, недавно полных мглой,
Кровавость пламени глядит с усмешкой злой!

И вот, в простор полей, сквозь черный дым и гарь,
Безумный свой набат швырнул старик-звонарь.

Колокола гудят,
Набат, набат, набат,—
И грозный небосклон, кровавым ветром движим,
Распахнут отсветам, блуждающим и рыжим,—
Все озарил вокруг пламенноокий дождь,
И аспидная кровля раскалилась,
И пламенем пространство окрылилось
От города до отдаленных рощ.

Исторгнуты из тьмы, домишки и лачуги
Колышутся в огнях багрянокрылой вьюги.

Обрушилась стена, все озарив окрест,
В проломах — пламена́, и копоть очи ест,
И гневного костра шипящие излуки
Блаженно лижут крест,
Чтобы сложить в мольбе трепещущие руки!

Вновь, не жалея сил, звонит звонарь-старик —
Тревога! Злой огонь в небесный рай проник!

Пожар, пожар!
Крепчает вихрь — и вот
Из окон пламя бьет в сумятице раздольной:
Уже обглодан им кирпичный свод
В раскатах грозной меди колокольной.
Издав безумный крик,
В огне воро́ны мечутся и совы,
И, тычась сослепу в оконные засовы,
Сгорают на лету, обугливаясь вмиг.
Их гонит ужас, и они с размаха,
Перед толпой, слепой от страха,
Спешат уткнуться головой
В булыжник мостовой.

Старик-звонарь глядит, как, темень расколов,
Льнут пальцы пламени к губам колоколов.

Собор
Каменнолик и медноуст,
Он весь как некий исполинский куст,
Охваченный огнем багряным;
Уже огонь, летя во весь опор,
По балкам и брускам струится деревянным.
Огонь живые лижет медноустья.
Уже стропила корчатся в огне,
В заоблачной угрюмой вышине
Готовы запылать тугие брусья,
И уронить — сквозь гарь и черный дым —
Святую медь, подвешенную к ним!

Звонарь звонит — и гибнущая медь
Несчастного торопится отпеть.

Горящий храм
Теперь открыт всем четырем ветрам,
И сверху донизу собор расколот,—

Обломки штукатурки, прах и срам!
Подобный огнедышащим горам,
Готов он превратиться в лед и в холод...
Так глохнет умерщвляемого крик.

Звонарь-старик
Колоколов умерил ярость,—
И вот
Вослед за ярусом вали́тся ярус,
Валится медь, настал ее черед:
Она мерцает, темнолица,
Обрушиваясь в черный дым,
Чтоб прямо в землю погрузиться
Всем грозным бременем своим.

Обуглились тугие тяги,
Огонь погас, осела гарь,
И под землей старик-звонарь
Спит в гулком медном саркофаге.

ВЕТЕР

Над бесконечной вересковой чащей
Вот ветер, в медный рог трубящий,
Вот ветер, над осенней чащей
Летящий.
Он в клочья рвет себя среди полей,
Его дыханья бьются в зданья
И в скалы,—
Вот ветер одичалый,
Свирепый ветер Ноябрей.

И над колодцами у ферм
Железные бадьи и блоки
Звенят;
Над водоемами у ферм
Бадьи и блоки
Скрежещут и кричат,
Вещая смерти шаг далекий.

Свирепый ветер вдоль полей
Листы опавшие метет;
Свирепый ветер Ноябрей,

Исполнен злобы,
С деревьев птичьи гнезда рвет,
Вдали сугробы
Железным гребешком скребет;
Вот ветер старый
Зимы неистовой и ярой,
Свирепый ветер Ноябрей.

На крышах, в нишах
Разбитых слуховых окон
Безумно треплет он
Лохмотья тряпок и бумаги,
Свирепый ветер Ноябрей.

А на холме, что сторожит овраги,
В которых притаилась мгла,
Вверх-вниз, вверх-вниз свистящие крыла́
Тяжелых мельниц косят ветер,
Зловещий ветер,
Ветер,
Свирепый ветер Ноябрей.

На корточки присели домы
Вкруг колоколен и церквей,
С их крыш слетают вороха соломы,
Навесы и столбы
Кричат под тяжестью борьбы
С жестоким ветром,
С безумным ветром Ноябрей.
На тесных брошенных кладбищах
Кресты, как руки старых нищих,
Простертые с мольбой,
Вдруг падают с могилы ледяной.

Свирепый ветер Ноябрей,
Свирепый ветер,—
Встречался ль вам безумный ветер
На перекрестках тысячи дорог,
Летящий темною громадой,
Трубящий с тяжкою надсадой
В свой рог?
Встречался ль вам безумный ветер,
Все уничтоживший, что мог?

Видали вы, как в эту ночь
Луну он сбросил прочь,
Когда, терпеть не в силах боле
Свой страх, деревни выли в поле,
Как волчья стая,
Взыванью бури отвечая?

Там, средь полей,
Над вересковой чащей,
Вот он — летящий,
Вот ветер, в медный рог трубящий,
Свирепый ветер Ноябрей.

ПЫЛАЮЩИЕ СТОГА

В вечерней глубине пылает вся равнина,
Набат со всех сторон прыжками мечет звон
В багровый небосклон.

— Вот стог пылает! —

По колеям дорог бежит толпа,
И в деревнях стоит толпа, слепа,
И во дворах псы лают у столба.

— Вот стог пылает! —

Огонь ревет, охватывая крыши,
Солому рвет и мчится выше,
Потом, извилист и хитер,
Как волосы пурпурные, змеится,
И припадает, и таится,—
И вновь взметается костер,
В безумье золотом и пьяном,
Под небо черное — султаном.

— Вот стог другой мгновенно загорелся! —

Огонь огромен,— вихрем красным,
Где вьются гроздья серных змей,
Он все быстрей летит в простор полей,
На хижины, где в беге страстном
Слепит все окна светом красным,

— Вот стог пылает! —

Поля? Они простерлись в страхе;
Листва лесов трепещет в дымном прахе
Над ширью пашен и болот;
Дыбятся жеребцы с остервенелым ржаньем,
И птицы мечутся и сразу с содроганьем
Валятся в уголья,— и тяжкий стон встает
С земли,— и это смерть,
Смерть, обожженная в безумии пожара,
Смерть, с пламенем и дымом, яро
Взлетающая в твердь.

На миг безмолвие, но вот внезапно там,
В усталых далях, смел и прям,
Взрыв новый пламени в глубь сумерек взлетает.

— Вот стог пылает! —

На перекрестках сумрачные люди
В смятенье, в страхе молятся о чуде,
Кричат и плачут, дети, старики
Стремят бессильный взмах руки
К знаменам пламени и дыма,
А там, вдали, стоят неколебимо
Умалишенные и тупо смотрят ввысь.

— Вот стог пылает! —

Весь воздух красен; небосклон
Зловещим светом озарен,
И звезды — как глаза слепые;
А ветер огненных знамен
Колеблет гроздья золотые.
Огонь гудит, огонь ревет,
Ему из дали вторит эхо,
Реки далекий поворот
Облекся в медь чудесного доспеха.
Равнина? Вся — огонь и бред,
Вся — кровь и золото,— и бурей
Уносится смертельный свет
Там, в обезумевшей лазури.

ЛОЗЫ МОЕЙ СТЕНЫ

НА СЕВЕР

С темными бурями споря
Возле утесистых стен,
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьею сирен.

Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и горды.
Ветер попутный, сырой и усталый,
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожиданье
С берега молча глядела...
В море, сквозь сумерки синие,
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы,
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.

В бледном мерцанье тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья,
Вставший со дна океана.
Золото, пурпур и тело...
Море шумело...

Ширились белые крылья
Царственной пены...

И пели сирены,
Запутаны в снасти,
Об юге, о страсти...

Мерцали их лиры.
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя дрожали
Высокие груди...
Но в море глядевшие люди
Их не видали...

И мимо прошел торжествующий сон,
Корабли, подобные лилиям,
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Как серый мрамор — тучи. В гневе
Неистовствует вышина.
«Эй, берегись, луна!»
Просторы — в лоскуты, в куски,
И слышит ухо, как смеются глухо
И глухо плачут от тоски
Деревья.

«Эй, берегись, луна!»
Твой хрупкий, твой хрустальный лик
В пруду растрескается вмиг,
Захлестнут будет желтой мутью.
Деревья гнутся, словно прутья.
В разбойной удали, неукротим и рьян,
Срывает с крыш солому ураган.
Сегодня осень с ветром льнут друг к другу.
«Эй, берегись, луна!»
Куда ни кинешь взгляд,

Неловок и тяжеловат,
Ласкает ветер, сельский хват,
Свою рыжеволосую подругу.

«Эй, берегись, луна!»

Ты, среди сонма звезд витая,
Плывешь, как Дева Пресвятая:
Тебя отвергнул этот мир,
Где ветер с осенью справляют брачный пир
И где от дрожи их, от криков их истомных
В чащобах темных
Раскачиваются тела
Стволов, раздетых догола.

Блуждают в рощах своры алчных псов.
И по полям несется, точно зов,
Тяжелый запах, запах тленья.
Все яростнее буря вожделенья
В природе исступленной. Быть беде!
На юге и на севере — везде
Бушует ветер, в страсти жаркой
Сплетаясь с осенью-дикаркой.
«Эй, берегись, луна!»
По-волчьи воют псы без сна.

УТРОМ

О изумленный край: раздвинувшийся лес,
Лужайка, вся в росе, играет ясным ликом,
И два больших пруда в пейзаже полудиком —
Как поцелуй двойной восторженных небес!..

И мох как рыжий мех, и вся в плодах лещина,
И свесил старый бук узор своей листвы,
И молния стрижей касается травы,
И словно молоком заполнена лощина.

И щебнем золотым сверкавшая вода
Становится опять сияющим зерцалом,
Где только свет и тень и, как большое в малом,
Проходит иногда белесых туч гряда.

И утро в этот час внимать любви готово,
И жизнь в тиши вещей божественно чиста,
И кажется, вот-вот багряного листа
Чуть задрожат уста — и народится Слово!

ПОБЕДИТЕЛИ

В порту, где сумерки сквозят
И раздаются перегуды,—
Влача цветов увядших груды,
Ладьи кровавые скользят.

И волны черно-золотые
Устало зыблются в порту,
Где люди мертвую мечту
Свалили, как снопы простые.

Одеты в киноварь, суда,
У памяти своей во власти,
Несут пылающие снасти
Сюда, где чутко спит вода.

Но в горизонты голубые,
Танцуя на тугом ветру,
Они рванутся поутру
Встречать превратности любые.

Глядите, вновь они плывут,
Пытаясь обойти друг друга,
Пытаясь вырваться из круга,
Пока надежды в них живут!

И пусть от красного пыланья
Глаза прищурены — вперед!
Пусть каждый путник соберет
Свои цветы в лугах желанья!

В какой стране, в каком краю —
Кто знает!.. Время торопливо,
И свет недолог. Терпеливо
Ищите вы мечту свою!

Вам суждено ловить химеру
И перекраивать судьбу,
Вступая с гибелью в борьбу,
Крепя слабеющую веру.

Обетованный край далек.
И в час печали благодатной
Вы заспешили в путь обратный,
Но ваш букет уже поблек.

Зажглись ночные изумруды,
Закинут якорь в темноте,
И вот в порту, как дань мечте,
Лежат цветов усопших груды.

ЛИКИ ЖИЗНИ

НА НАБЕРЕЖНОЙ

Там, в ландах, к жизни мирной и оседлой
Привыкли люди. В крепких и простых
Суконных платьях и сабо своих
Они шагают медленно. Средь них,
О, жить бы мне в стране бездумно светлой!

Туда, где, отразив закат,
Заливы золото дробят,
Я плыл немало лет подряд.
О, жить бы там,—
У пристани, где спят суда,
Свой бросить якорь навсегда
Тому, кто долгие года
Плыл по волнам!

К надеждам зыбким в те края,
Смирив гордыню, путь направил я.

Вот славный город с тихими домами,
Где кровля каждая над узкими дверями
На солнышке блестит, просмолена.
Вверху колокола с рассвета до темна
Так монотонно
Плетут все ту же сеть из ветерка и звона.

Я плыл по дальним рекам, что суровы
И горестно-медлительны, как вдовы.

Свеж будет уголок чудесный,
Что станет в чистоте воскресной
Служанка старая держать,
Где стену будет украшать —
В тяжелой золоченой раме
С причудливой резьбой, с церковными гербами —
Ландкарта Балеарских островов.
А на шкапу,— о, моря зов! —
В бутылку спрятана умело,
Расправив крылья парусов
Из лоскутков, по ветру смело
Плывет малютка каравелла!

Я миновал в ночном звенящем гуле
Теченья мощные, что землю обогнули.

Вблизи канала, в кабачке,
Я, как обычно, в час вечерний
Усядусь и увижу вдалеке
На мачте корабля свет фонаря неверный.
Горит, как изумруд, его зеленый глаз...
Я из окна увижу в этот час
Шаланд коричневых и барок очертанья
В огромной ванне лунного сиянья.
Листва над синей пристанью темна
И в дремлющей воде отражена...
Недвижен этот час, как слиток золотой.
Ничто не дрогнет в гавани. Порой
Лишь парус там, над сонною волной,
Чуть заполощет, но повиснет вскоре
В ночном безветрии...

О, море, море!

Неверное и мрачное, оно
Моею скорбью до краев полно.

Уж десять лет, как сердце стало эхом
Бегущих волн. Живу и грежу ими.
Они меня обворожили смехом,

И гневом, и рыданьями своими.
О, будет ли под силу мне
Прожить от моря в стороне?
Смогу ли в доброй, светлой тишине
Забыть о злом и ласковом просторе,
Жить без него?

О, море, море!

Оно живительной мечтой
Согрело ум холодный мой.
Оно той гордой силой стало,
Что голову мою пред бурей поднимала.

Им пахнут руки, волосы и кожа.
Оно в глазах моих,
С волною цветом схожих.
Его прилив, отлив его
В биенье сердца моего.

Когда на небе золотом и рдяно-серном
Раскинула эбеновый шатер
Царица-ночь, возвел я страстный взор
За край земли
В такой простор безмерный,
Что до сих пор
Он бродит в той дали.

Мне часа каждого стремительный удар,
И каждая весна, и лета жар
Напоминают страны
Прекрасней тех, что вижу пред собой.
Заливы, берега и купол голубой
В душе кружатся. И сама душа
С людьми, вкруг бога, вечностью дыша,
Кружится неустанно,
А в старом сердце скорбь,
С гордыней наравне,—
Два полюса земных, живущие во мне.

Не все ль равно, откуда те, кто вновь уйдет,
И вечно ль их сомнение грызет,
В душе рождая лед и пламя!

Мне тяжело, я изнемог,
Я здесь остался б, если б мог.
Вселенная — как сеть дорог,
Омытых светом и ветрами.
И лучше в путь, в бесцельный путь, но только
в путь,
Чем возвращаться в тот же дом и, за трудом
Одним и тем же сидя вечерами,
В угрюмом сердце ощутить
Жизнь, переставшую стремленьем вечным быть!

О, море, нескончаемое море!
О, путь последний по иным волнам
К стране чудесной, незнакомой нам!
Сигналы тайные ко мне взывают,
Опять, опять уходит вдаль земля,
И вижу я, как солнце разрывает
Свой золотой покров пред взлетом корабля!

ТОЛПА

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
С пеньем, с криками, с проклятьями, кипя,
Как в котле, трагические толпы;
В городах, внезапно потрясенных
Мятежом иль паникой,— во мне,
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысячеренная душа.
Лихорадка с зыбкими руками,
Лихорадка в буйный свой поток меня
Увлекает и несет, как камень, по дорогам.
Разум меркнет,
Сердце рвется к славе или преступленью,
И на дикий зов единокупной силы
Я бегу из самого себя.

Ярость ли, безумие, любовь ли —
Все пронзает молнией сердца;
Все известно прежде, чем сознанье
Верной цели в мозг впилось, как гвоздь.

Факелами потрясают руки,
Рокот волн на папертях церквей,
Стены, башни, вывески, вокзалы —
Пляшет все в безумье вечеров;
Простирают мачты золотые светы
И отчаянья огни,
Циферблаты отливают кровью;
И когда трибун на перекрестке
Говорит, то ловишь не слова —
Только жест, которым исступленно
Он клеймит венчанное чело
Императора и рушит алтари.

Ночь кипит и плещет грозным шумом,
Электричеством напитан воздух,
Все сердца готовы отдаться,
Душа сжимается безмерной тревогой, разрешаясь
Криками... и чувствуешь, что каждое мгновенье
Может вознести иль раздавить рождающийся мир.
Народ — тому, кому судьба судила
Ру́ки, владеющие молнией и громом,
И власть открыть средь стольких смутных светов
Ту новую звезду, которая пребудет
Магнитом новой всемирной жизни.
Чувствуешь ты, как прекрасно и полно
Сердце мое
В этот час,
В сердце мира поющий и бьющий?

Что нам до ветхих мудростей, до солнц
Закатных, отпылавших истин?
Вот час, кипящий юностью и кровью,
Вот ярый хмель столь крепкого вина,
Что всякая в нем гаснет горечь;
Надежда широкая смещает равновесья,
Что утомили души;
Природа ваяет новый лик
Бессмертья своего;
Все движется, и сами горизонты идут на нас.
Мосты, аркады, башни
Потрясены до самых оснований.
Внезапные порывы множеств
Взрывают города,

Настало время крушений и свершений,
И жестов молнийных, и золотых чудес
На высотах Фаворов осиянных.

Как волна, потерянная в реках,
Как крыло, ушедшее в пространство,
Утони, душа моя, в толпе,
Бьющей город победоносной яростью и гневом.
Посмотри, как каждое безумье,
Каждый ужас, каждый клич калятся,
Расплавляются и прыщут в небо;
Собери в единый узел миллионы
Напряженных мускулов и нервов;
Намагниться всеми токами,
Отдайся
Всем внезапным превращеньям
Человека и вещей,
Чтоб ощутить внезапно, как прозренье,
Грозный и жестокий закон, что правит ими,—
Написанным в тебе.
Жизнь согласи с судьбою, что толпа,
Сама того не зная, возглашает
Этой ночью, озаренной томленьем духа.
Она одна глубинным чувством знает
И долг и право завтрашнего дня.
Весь мир и тысячи неведомых причин
Поддерживают каждый ее порыв
К трагическим и красным горизонтам,
Творимым ею.
Грядущее! Я слышу, как оно
Рвет землю и ломает своды в этих
Городах из золота и черни, где пожары
Рыщут, как львы с пылающею гривой.
Единая минута, в которой потрясены века,
Узлы, которые победа развязывает в битвах,
Великий час, когда обличья мира меняются,
Когда все то, что было святым и правым,
Кажется неверным,
Когда взлетаешь вдруг к вершинам новой веры,
Когда толпа — носительница гнева,—
Сочтя и перечтя века своих обид,
На глыбе силы воздвигает право.

О, в городах, внезапно потрясенных
Кровавым празднеством и ужасом ночным,
Чтоб вознестись и возвеликолепить себя,
Душа моя, замкнись!

ОПЬЯНЕНИЕ

В подвале, у стены — пузатых бочек строй,
Одна, в двойном ряду, насупротив другой.

Снабжавший корабли скульптурными богами
Украсил бочки те имперскими гербами.

А брюха в обручах, распертые вином,—
Как животы пьянчуг, сидящих за столом.

За каждым их дубовым волоконцем —
Румяный виноград, насквозь прогретый солнцем.
А над отверстьем — солнечный венец,
Прорезанный в доске, тяжелой, как свинец.
И словно вижу я похмелья огневые:
Кутилы прежних дней толпятся, как живые...
Вхожу я в погребок, былое помянуть
И счастья аромат с глотком вина вдохнуть.

Стаканов геральдические рати,
Построившись в ряды, ждут винной благодати,
Поблескивая в темном уголке;
И рожи добрые на низком потолке
Взирают из-под пыльной оболочки
На гномиков, спускающихся с бочки;
А деревянный фавн стоит на сундуке,
Готовый к пляске, с дудочкой в руке.
А через дверь в коротком коридоре
Виднеется распахнутое море,
И мачты там, в порту, где дремлют корабли,
Привязанные пленники земли;
Виднеется гора, чье имя знаменито
И с именем вина в сознанье нашем слито,
И лозы растеклись, раскинулись по ней,
Легко плодонося на лоне мирных дней.

Сливалась гавань с этою горою,
Когда вскипал прибой желанного труда
И пышной фиолетовой порою
Пылала виноградная страда.
Холмы стояли в пурпурных повязках,
И сборщики — они же рыбари —
Полуобнажены, гребли в сияньях вязких
Расплавленного золота зари.
Вздымались лозы, как фонтаны света,
И отблески сверкали меж камней.
Феерия бушующая эта
Воспламеняла тысячи огней.
Всю жизнь прирейнской солнечной долины
Тот виноград могучий воплотил,
И для него скользили бригантины
Под гроздьями полуночных светил.

Пред этим видом, где соединились
Веселье, труд и раздробленный свет —
И в сказочное чудо воплотились,—
Впивал я влагу, коей равных нет.

Сквозь губы, меж зубами, небывало
Медлительно и сладостно текла
Струя, созревшая в глуби подвала...
Душа моя свободу обрела
И над землей блаженно воспаряла,
Как нежный луч, как облачная мгла.
В стакане темном огоньки дрожали.
Казалось — пламя сделалось вином,
И вялый дух мой под его дрожжами
Сам становился пурпурным огнем.
И в дряблом теле сила закипала,
И дух летел из мрачного подвала
Туда, туда, к холмам вечеровым,
К бескрайным горизонтам огневым,
Где порожденные войной руины
Покоились в объятиях равнины.

Я приобщался к скорбным небесам
И плотью мира становился сам,
И тысяча неведомых общений
Возможной сделалась, благодаря любви

Ко всем вещам, таящейся в крови,
Сулящей глуби новых превращений.
В упругих разветвлениях лозы
Обрел я снова мускулы тугие,
Обрел я плечи мощные, нагие,
Возжаждавшие солнца и грозы.
И, стоя неподвижно подо мною,
Гора казалась глыбою моей
Победной воли, высотой земною,
А чувства все укоренились в ней;
А кровь моя впитала соки жизни,
Которая бродила, жилы жгла
И пела сердцу: жаркой влагой брызни
В стакан бездонный, где огонь и мгла!

Я в погребок вошел с душой веселой.
Надолго я засел за стол тяжелый,
Держа сосуд, где, покидая дно,
Закваска мира бродит неуемно.

И стало сердце, как земля, огромно,
Когда благословенное вино
Своей воистину великой властью
До беспредельности раздвинуло мое
В себе самом застрявшее житье
И представленье жалкое о счастье.

ЛЕС

Прекрасен мощный лес, подперший небосвод!
Сейчас он только птиц просторное жилище,
Вернувшихся весной на пепелище
Багряных вечеров у края сонных вод.

Он вечен, этот лес. Он вечен потому,
Что не обязан жизнью никому,
Что сами выросли дубы, чьи кроны
Напоминают голову Горгоны.

Он вечен потому, что в давние года
Блистающая жизнь с надмирного престола
Сошла к нему и время поборола,
Безмерная в своем «всегда» и «никогда».

Он вечен, этот лес, непостижим и вечен,
Предавшийся мечте над сменою времен.
То молнией с налету изувечен,
То солнцем без пощады опален,
В кипучих ливнях воскресает он
И радостно шумит, забыв тяжелый сон.

Здесь все, что в оны дни посеяно богами
В пространстве нищем и нагом,
Звенит и блещет на ветру тугом
Над золотыми берегами.

Здесь каждый стебель, ощущая мир,
Затрепетал и смело разветвился,
Как будто в нем хохочущий сатир,
Сожженный небом, воплотился.

И ореады, нимфы гор,
У склонов, блещущих слюдою,
Склоняют свой влюбленный взор
На пастухов, что над водою
Спокойно дремлют в сильный зной,
Осенены листвой резной.

Вода лесных озер бездонных,
Отобразивших облака,
Всегда прохладна и сладка —
Ведь в ней гамадриад зеленых
Купались гибкие бока!..

В цветочной красочной одежде
Прелестных фей душистая толпа
Кивает на лужайках, как и прежде.
И там, где сходит к озеру тропа,
Сильфиды, гномы и ундины,
Лесной причудливый народ,
В забавах праздничных едины,
Снизались в яркий хоровод
И, словно искры в темноте камина,
Промчались быстрой гаммой в чаще тмина...

И все, что зачалось тогда,
Порою той первоначальной,

Где завершился пир венчальный
Весны и почвы в блеске льда,
Здесь разродилось наконец
И превратилось в эти крупы
Округлых крон и в дрожь сердец
Несчетных листьев. Буков купы —
Как бы зеленые стада,
Бредущие невесть куда...
Любое царственное древо
Под синевой огромной дня,
В наплывах птичьего напева,
Вдыхает белизну огня.
И почва — темная берлога,
Где корни длинные живут,
Заплетшиеся в мощный жгут
Под самым дном лесного лога;
И разращеньями ветвей
Рога зеленых сохачей,
Могучей жизни воплощений,
Сплелись, как узел всех вещей
На лоне вечных превращений.

А мириады летунов
И ползунов полузнакомых —
Неисчислимых насекомых —
На ткани лиственных обнов
И в чашечках цветов играя,
Плодятся, пожирая их —
Но также оплодотворяя
Кормильцев стонущих своих.

Блеск солнца, утром разрезая
На лоскуты ночную тень,
Роняет их под буков сень,
И там они, кору лаская,
Лежат прохладой целый день...
А вечер снова их сшивает
В просторный траурный наряд,
И все ночное оживает,
И в травах светляки горят,
И дышит существом огромным
Раздувшийся, безликий лес

В зияющем просторе темном
Под млечным куполом небес.

Для взоров тех, кто к сказке равнодушны,
Он лишь гнездовье птиц, могучий этот лес,—
Шатры его древес прекрасны и воздушны,
Но явно лишены каких-либо чудес.

А ты, чей лоб дорожной лихорадкой
С рожденья опален, чья жилистая плоть
Так часто пронзена певучей дрожью сладкой,
Которую нельзя рассудком побороть,—
Ты прошлое и будущее сплавил
В горниле сердца и ума
И мир в бесценный сплав оправил,
Чтоб стала жизнь чудеснее сама.
В порыве непрерывном и высоком,
Себя доверив огненным словам,
Ты отдал кровь лесным бродячим сокам
И стольким существам!..

Почувствуй же всю эту беспредельность,
Как воздух счастья, в собственной груди.
Почувствуй всю раздробленность и цельность
Великой жизни, ждущей впереди.
Вбери в себя столь глубоко все это,
Чтоб вечной тайны сумрачный покров
Истаял в жгучем токе света,
Чтоб ширилась любовь поэта,
Одета в пурпур этих вечеров!

ВОДА

Моря́, и солнца диск, и берег в белой пене!
Я буду петь о них!
Там неприступных пиков тени
И скал и облаков червонные ступени.

Я буду петь о тайниках морских,
О жажде жить существ исконных
Во мгле пещер холодных и бездонных.

Я телом так устал,
Мой взор, мой шаг бессильным стал,
Я слабым телом так устал,
От срывов и усилий изнемог,
Бродя во тьме запутанных дорог,
И рук иссякли силы
В работе, раскаленной, как горнило.

В бреду, в жару, безумными ночами
Спалило губы мне души горящей пламя,
И пот меня ожег, как едкая смола
Кору ствола.

Спою про океан, безгрешный и безлюдный,
Проникший в душу мне мечтою изумрудной.

Спою про ветер я, спою про ветер дикий...
Схватить его, поймать бы между скал,
Которые отшлифовал
Прибой, где гаснут меди блики.

Спою про фосфором горящие просторы,
Трагических течений путь,
И даль, без края даль, к которой бы прильнуть,
Любить, и пить ее, пить каждой жадной порой.

Спою про ласковый, обнявший мир закат,
То в нежных облаках, то в пышном блеске алом,
Когда лучи небес, нам чудится, звучат
Торжественным хоралом.

О, как тогда прозрачны и чисты
Мечты;
Как волны мыслей вольно мчатся в дали
По золотой эмали,
Над светлой глубиной морских горизонталей.

Заснуть бы возле волн, заснуть, как засыпали
Рожденные эпохой первозданной,
Стать морем, стать склоняющимся днем,
Сливаясь с их зеркальным серебром
И с их Голконд грядой багряной!

Ждать перевоплощенья, чтобы вновь,
Уйдя от человечьего закона,
Стать существом Атлантики студеной,
Где вечера хмельны, а на заре — любовь.

В пещерах под прозрачною волной
Как будто панцирей сверкают блики,
Цветы огромные плывут,
Цветы — как лун подвижных лики...
Под их текучей пеленой
Сирены, слышу я, поют,
Целуясь под волной.

На скалах-скакунах, несущих горделиво
Гранитные тела и пенистые гривы,
Резвятся в золотых лучах сирены.
Их океан алмазами одел,
И, словно радуга, блестят извивы тел.
Одна — мешают кудри ей взглянуть —
Вздымает над водою грудь,
И тело издали сверкает ярче глаз.

Она зовет к себе, она встает над пеной,
И все мечтатели, вдоль всех морей вселенной,
Раскрыв объятия, стремятся за сиреной.

Спою, как сказочен вечерний голос волн,
И как на севере своем
Его, дрожа, мы ждем,
И как летим за ним, с безумием не споря,
Не ведая, на радость или горе,
Чтоб обновить себя в бродильных чанах моря,
Еще дымящихся у крайних граней волн.

К МОРЮ

На вечном трепетанье струй,
Как вещи хрупкие,— вдали
Спят золотые корабли.

И ветер — нежный поцелуй —
Чуть шепчет вслух,

И пена волн,
Лаская челн,—
Как пух.

На море праздник, воскресенье!

Как женщины с богослуженья,
Идут к земле и в небеса —
Там облака, здесь паруса:
На море праздник, воскресенье!
Порой вдали сверкнет весло,
Как ограненное стекло.

Собой и часом просветленный
И в перламутровый убор
Вперяя взор свой ослепленный,
Кричу я в блещущий простор:

«О море! Ты, как царь, одето
В атлас отливный, в шелк цветной!
Ты мощь немеркнущего лета
Сливаешь с ласковой весной!

И ряд твоих зеркал качая,
С волны сбегая на волну,
Кочуют ветры, зажигая
Их голубую глубину.

Ты — пламенность; скользя по волнам,
Хотели б гимны петь лучи,—
Но молкнут в золоте безмолвном
Твоей блистающей парчи!

О море, общее наследство
Простой, начальной красоты!
Мое мечтательное детство,
Мой юный возраст — это ты!

Ты исступленный, благодатный
Восторг давно прошедших дней!
Ты полно негой невозвратной
Безумной юности моей!

Сегодня, в день твой просветленья,
Прибоем пенистым маня,
На новый бой, на достиженья
Прими в прилив свой и меня!

Я буду жить с душой освобожденной
Под взорами глубоких, ясных лиц,
Что вниз глядят с таинственных границ,
Как рвемся мы к их высоте бездонной;
Вещей живой водоворот
Меня помчит и увлечет
В поток единый превращений;
Я буду грезой скал, я буду сном растений,
В артерии мои вольется кровь богов,
И, как стрелу, направлю в даль веков
Я власть моих хотений!

Во мне ложится тень. Как колея
Обходит глубоко вкруг вспаханного поля,
Обведена годами мощь моя,
Уж не всегда, как меч, моя багряна воля,
И гордость не всегда, как дерево, в цвету,
И с меньшей страстностью своим лицом зеленым
Хватает буйный ветер на лету —
Тот, что в людских лесах проносится циклоном.

О море! Чувствую, как сякнут родники
В моей душе — равнине пожелтелой...
Еще хоть раз огнями облеки
Мое измученное тело,
Пока последний час, отмеченный судьбе,
Его не возвратит, уже навек,— тебе!

Да! В неистомный вихрь зачатий и рождений,
О море, примешь ты когда-нибудь мой прах!
Ты будешь мчать его в бушующих волнах,
Ты с красотой своей мои смешаешь тени;
Гробницей будет мне безмерность сил твоих,
Их тайные труды, их подвиг сокровенный,
И существо мое в котле вселенной
Исчезнет, растворясь среди естеств других,—
Но возвратится вновь, чрез тысячи столетий,

Вновь диким, девственным, как в мир приходят
дети:
Ничтожный ком земли, взглянувший в небеса,
Мгновенье новое сознанья,
Едва заметное сверканье,
Недвижной вечности зажегшее глаза!»

На тихом трепетанье струй,
Как яркие гроба,— вдали
Спят золотые корабли.

Но ветер — нежный поцелуй —
Чуть шепчет вслух,
И пена волн,
Лаская челн,—
Как пух.

На море праздник, воскресенье.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЕГЕНДЫ

ПИЛИГРИМ

Мешая с ядом сладкий мед
И с грубой руганью — моленья,
Минуя вереска поля, селенья,
В путь дальний пилигрим бредет.
Шагает тяжело песками без конца:
Засунули ему в сабо куски свинца.

Бредет и морщится, но не роняет вздоха:
Чтоб бог к его мольбам внимательнее стал,
Колючек он в штаны понапихал
И в рукава — чертополоха.

Его отправил в путь больной,
Что там, на ферме, изнывает,
Чье сердце в страхе замирает,
Когда в безмолвной тьме ночной
Собаки лают под луной.
И день и ночь больной все ждет,
Что исцеленье от невзгод
Мадонна Монтегю ему пошлет.

Когда из дома вышел пилигрим,
Легко над ним

Дышало утро свежестью живою;
Кричал петух с обычной хрипотою;
Котел, лежащий на дворе,
Как будто «Здравствуй!» говорил заре;
Служанки медленно зевали,
Еще не отряхнув остатки сна,
На чердаках своих, где листья трепетали
У залитого золотом окна.
Пересекая первый городок,
Увидел пилигрим
На площади веселье буйных танцев,
Орущих пáрней, пьяных в дым,
С цветами на фуражках,— новобранцев.
Они тащили девок в свой кружок,
Их оглушая песней непристойной.
Он рядом сел — и важный и спокойный —
И кружку осушил одним глотком.

Пробило полдень в городке другом.
У церкви свадьба в круг влилась народный.
Шли парни в блузах, в новых башмаках,
Ведя степенно кумушек дородных.
В «Зеленом кролике» уселись на скамьях
Испытанные пьяницы в жилетах,
Увидев пира верные приметы,
И все орали страннику, чтоб он
За них молился, и со всех сторон
Ему тянули кружки в знак почтенья.
Он к ним подсел и осушил глоток
За их души спасенье.

А проходя последний городок,
Он повстречался с шумною кермессой.
Кружились буйно пары на свободе,
Гудели скрипки под листвы навесом,
Плясали старики по прежней моде
Или курили с наслажденьем
Из трубок, чистых, словно воскресенье.
Когда глазел он на веселый пляс,
Один сказал ему: «Сядь с нами!
Ты, друг, христианин. Пей пиво! Мы ведь сами
К мадонне Монтегю ходили — и не раз».

И странник в добрый час
Всю кружку выпил, удержав дыханье,
И дальше поплелся, шатаясь, по поляне.

А вечер пепел свой уж сеял над страною.
Вдали вставал собор с высокою иглою —
То было Монтегю в тени
Под звездным куполом. Огни
То там, то тут светились по жилищам.
И пилигрим прошел кладбищем,
А чтобы шаткий шаг прохожих не смутил,
Скользнув в часовню, дверь он притворил.
Перед мадонной, в кружево одетой,
С глазами восковыми,— без конца
Висели ракушки, пластинки и сердца —
Дар исцеленных, амулеты.

Она ему внимает благосклонно.
«О добрая мадонна!
Быть может, и нетверд мой шаг,
И вижу смутно я сквозь мрак,
Как лик твой блещет красотою,
Но мне ль сравниться мудростью с тобою?
Ты свой святой не покидаешь дом,
А я вот выпил — каюсь в том.
Но мой хозяин так горюет:
Сын умирает у него,
Он кровью кашляет, не ест он ничего
И терпит лихорадку злую.
Вот видишь ли, мы у его постели
В молитвах многие уж провели недели.
За эти месяцы он на глазах иссох.
Как спички — руки. Да, совсем он плох.
Когда он молится, то всех берет нас жалость.
А чуть забылся сном,
Нам кажется он мертвецом
В той комнате, куда недавно рожь ссыпалась.
От матери ему
Арпанов пятьдесят досталось бы надела.
Отец его как старый дуб замшелый...
Внемли, владычица, моленью моему!
Я правду говорю. Спаси нас в скорби тяжкой!
Сама пощупай — сохранил

Я, хоть и брел сюда почти лишенный сил,
Свинец в моих сабо, репейник под рубашкой».

Когда же вышел пилигрим,
То повстречался с ним
Привратник, что пришел закрыть в часовне двери.
Луна взошла. Голубоватый вереск
Простерся бледной пеленою,
Куда лишь взор хватал, под полною луною.

Обратным он пошел путем
Домой к себе, дорог не выбирая.
Был слышен Angelus [1]. Равнины ширь немая
Ловила мерный звон в спокойствии ночном.
И хмель прошел. Хотя был слышен гам,
Вой скрипки, песен рев по ближним городкам
И топот ног в сабо под деревом густым,—
Он шел и был глухим
К призывам празднества, летящим издалека.
В царапинах, в крови, не слыша рук и ног,
Во рву на листьях он прилег
Соснуть хоть малость. Одиноко
Поля вкушали мирный сон.
Заря уже зажглась, когда увидел он
Ту ферму, где его больной ждал в нетерпенье.

Старик, пасущий около селенья
Трех индюков и четырех овец,
Воскликнул: «Он здоров! Свершилось наконец!
Святая дева тронулась мольбою».
А мельник помахал рукою
В знак дружбы из чердачного окна.
Сбежались люди. Площадь вся полна.
По улице, где кумушки болтали,
Паломника сопровождали
Мальчишки шумною гурьбой.

Его увидя, зарыдал больной.
Паломник молвил: «Сделал все, что надо.
И коль мадонна вам не бросит взгляда,

[1] Благовест *(лат.)*.

То тут причина в ком-нибудь из вас!»
Несут ему и мяса и колбас,
В большую кружку до краев льют пиво.
А он: «Я угощался там на диво.
Я пил, но из сабо не вынимал свинца,
Чертополох донес я до конца.
Не беспокойтесь же! Держу я крепко слово.
Удача мне во всем. Могу спасти любого
И даже в Рим пойду, чтоб были вы здоровы!»

Смех загремел кругом.
Больной поправился. И ожил дом.
Был праздник, воскресенье.
Паломник вытряхнул колючие растенья,
Служанка унесла их. А старик
Десятка два денье ему отсыпал вмиг.

СТАТУЭТКА

Слывя средь кегель самой редкой,
Завидной целью игроков,
В наряде радужных цветов
Она была старинной статуэткой
Времен богов.

Никто не знал — Венерой иль Дианой
Она возникла в древности туманной,
В какой пещере или храме
Была она добыта моряками
И как, все повидавшая на свете,
Во Фландрию дошла через столетья.

Один из прихожан рассказывал: «Бывало,
При прежнем-то кюре у нас
Она часовню нашу украшала,
Была одета в бархат и атлас,
Как дева пресвятая,
И мать моя, мольбы ей воссылая,
Жгла свечи перед ней не раз».

Другой клялся, что статуэтку эту
Его отец у маршала достал.

Она давно уж странствует по свету,
И к нам был путь ее немал
Из Рима иль Испании далекой...
Ее в те годы каждый видеть мог
На перекрестке четырех дорог
В пустых полях, под липой одинокой.

И доброю она была и чтимой,
В окрестных деревнях любимой.
Больным умела помогать
Ее святая благодать.

Нуждались все в ее чудесном даре,
Расслабленным она давала исцеленье,
И если б не викарий,
Который на язычество гоненье
Вел все упорней год от года,
Свет имени святого б не исчез —
Ведь с ним немало связано чудес
В истории прихода!

И в реку брошена была она
Глухою полночью на вечное забвенье.
Но, поднимая встречное теченье,
Ее к плотине выпесла волна,
И там она у берега осталась,
Где в кегли Фландрия с Брабантом состязалась.
Хотя из дерева она была,
Но дерево то тверже, чем скала,
И вазу контуры ее напоминали
С гирляндой роз на пьедестале.

Лишь игрокам она обязана спасеньем.
Торжественно поставили они
Ее средь кегель. Было воскресенье,
Весенний Духов день. Тогда в деревне
Настали солнечные дни.
Жужжали пчелы. Девушки в харчевне
В чепцах крахмальных, глаженных красиво,
Носили на подносе кружки пива,
И хлопали прилежно все кругом
Тому, кто первый пред толпою

Фигуру эту с древнею резьбою
Сбивал шаром.

Почет был и другим
Из игроков, что вслед за ним
Своею меткостью блистали
И кеглю главную пять раз подряд сбивали.
Но первый, что нанес
Удар по цели,
Вдруг побледнел: в полях горели
Его амбары, и навоз
Подсушенный объяло пламя,
Зловеще отраженное прудами.

Потом,
Шесть дней спустя, один из игроков,
Что метко бил и выпить был здоров,
Вернувшись ночью в дом,
Глазам своим не веря,
Нашел дочь, замертво лежащую у двери.

Сначала он не понял ничего,
Но уж его
Тянуть не стало больше в воскресенье
В харчевню «Белый крест» для развлеченья.

И, наконец,
Весьма почтенный старшина-купец,
Что снял все кегли под один удар,
Увидел, что его амбар
Обрушил возведенные леса,
Убив в саду и пастуха и пса.

И страх с тех пор во все сердца проник.
Страх рос, он стал велик.
И как-то раз
Хозяйка «Белого креста» одна
Пошла в сарай в вечерний час,
Где дров сухих набрать была должна.

И вот во тьме, вокруг стоящей,
Возник пред ней
Бессмертной статуэтки взор горящий.

Деревня в ужасе. Кюре скорей
Спешит заклясть молитвою своей
Все кегли от врага людского рода.
И не было б покоя для прихода,
Когда б тот странный дерева кусок
В плаще из бархата, с каймой узора,
Не помещен был в прежний уголок
У алтаря святого Христофора!

Смещен был слишком уж суровый
Викарий и назначен новый.
Обычаи времен былых
Вновь ожили. Все свято чтили их.
И вновь Венера — может быть, Диана —
Творила неустанно
Большие чудеса по милости своей,
И ноготь на ноге у ней
Был стерт лобзаньями — за много лет —
Людей, произносивших здесь обет,
Чтоб уберечь себя от зол и бед.

БУЙНЫЕ СИЛЫ

ИСКУССТВО

Одним прыжком,
Копытом пробуждая гром,
Навстречу солнцу и экстазу
В пространство прянул сразу,
Кося зрачком и не боясь погонь,
Стремительный Пегас, крылатый гордый конь.

Полны томленья
Танцовщиц грациозные движенья
На зеленеющих холмах вдали...
То музы хоровод вели.
Сплетались их тела, как веточки омелы.
Невдалеке Амур усталый спал;
Вечнозеленый лавр густую тень кидал
На лук и на разбросанные стрелы.
Олимп и Геликон вздымались к облакам,
Потоки горные по склонам их бежали,
И храмы белые, подобные венкам,
Воспоминаньями долины озаряли.
То — Греция. Вот мрамор Парфенона,
Вот славная оракулом Додона...
Вся Греция, чьих гор и городов
Названья мелодичны,

Раскинулась ристалищем привычным,
Где лиры славили деяния богов.
Но дальше мчится конь, копытом вновь ударив.

В тумане прошлого встает пред ним из марев
Искусство Фив, Мемфиса и Микен:
Изида, многогруда и огромна,
Сжимала диск, сверкавший ночью темной.
Тысячелетья здесь текли без перемен...
Вот белая Гатор на розовом пилоне,
Вот царство Ур, вот башня в Вавилоне,
Висячие сады — дивился им весь мир,
Вот Ниневия, вот многоколонный Тир,
Вот Индии дворцы, вот сказочные храмы
Загадочных богов индийских — Шивы, Брамы.
Как каменный костер, они взметнулись ввысь...
А дальше на востоке поднялись
Террасы, пагоды в сияющей лазури,
Беседки пестрые, в эмали и глазури,
Где кукольные лица мудрецов
Гляделись в гладь прудов,
Смеясь над зыбкостью забавных отражений
И над никчемностью своих движений.

И песнопения неслись со всех сторон:
Одни — похожие на стон,
Другие — веселы, а третьи — заунывны...
Пегас их такт копытом отбивал.
Порой он узнавал
Мотив протяжный и наивный,
Как будто гимны те в минувшие века
Он слышать мог издалека,
Стремя полет орлиный
На горные вершины.

Но не одну эмаль и бронзу видел он:
Поэты шли сквозь тьму времен
И побеждали смерть, подобно Геркулесу.
Звучали в строфах их веления царей,
И мудрость пела в них, и новизна идей.
Их ясные слова срывали с тайн завесу,
Дабы источник жизни бил ключом
Кристально чистым и прозрачным

Для человечества, охваченного сном —
Младенческим сном, радостным, не мрачным.

Пространства не боясь,
Пегас
Вновь ринулся вперед, взмахнув крылами.
Вот он летит, и взоры мечут пламя.

Летит... Иные страны и моря
Раскинулись пред ним широко.

Он Запад увидал. Грядущего заря,
Как золото горя,
Вставала там, затмив все чудеса Востока.

Не храмы, полные античной простоты,
Украсили леса, долины, горы:
Вонзали в небеса угрюмые соборы
Сиянье излучавшие кресты.
Здесь каждый город был загоном,
Куда собрали стадо рыжих крыш:
Роскошные дворцы, лачуг сырой камыш
И кружева из камня над амвоном...
Струились реки там в гранитных берегах,
В садах деревья старые дремали;
Знамена развернув, по улицам шагали
Под барабанный бой солдаты. На холмах
Сверкали по ночам огни лабораторий,
Заводов, мастерских; по ветру стлался дым...
Молитвы, битвы, труд — все было перед ним,
Всего в избытке: славы, счастья, горя.

То были Рим, Париж, и Амстердам,
И Лондон, и вдали — Америки просторы:
Труд лихорадочный, сдвигавший с места горы,
Свет ослепительный, открывший путь умам.
Весь шар земной был покорен, измерен,
И ярче звезд сияли там огни,
Как будто были вехами они
Для мысли, чтоб ее полет был верен.
И снова, как в былые времена,
Поэты шли: Гюго, Шекспир и Данте.
Их жизнь вселенной всей была посвящена,
Величие веков в могучем их таланте.

Увидев это все, затрепетал Пегас.
Не только не погас,
Но ярче прежнего сверкнул огонь во взорах.
И без удил, узды, воспламенясь, как порох,
Покинул он заоблачный эфир:

Его ристалищем отныне стал весь мир.

ЛЮБОВЬ

ВЕНЕРА

Венера, все мертво
В саду блаженном тела твоего.
И руки-лилии, и губ шиповник рдяный,
И гроздий пламень пьяный
На пышных лозах тела твоего —
Отныне все мертво.

Вот птицы мрачные осенних вечеров,—
Ложится на сады их перьев траур серый;
Сквозь траурный покров
Осенних вечеров
Едва мерцают факелы Венеры.

Умолкли голоса чудесные в былом!
Распятье скорбное на пепельном закате —
Прочерчена лазурь его ночным крылом.
Среди лесов густых — рыдающий псалом!

Венера,
Покойся безмятежно
В печали сада мертвенной и нежной
Среди слабеющих лучей;
Но плотской прелести твоей
Могучий аромат пускай пьянит сильней!

Пыланье глаз твоих стремилось к вышине,
В мир звездный, вечный, необъятный,
И вечность становилась внятной
И ясной в этом радостном огне.

Руками, словно мед прозрачный и душистый,
Срывала ты, богиня, с древа дней
Первины молодости чистой,
И кудри купиной раскинулись лучистой.

Твой стан в округлостях сияющих, нетленный,
Был точно в солнцах мощных небосвод;
Когда же у груди твоей лежал Эрот,—
Дышала эта грудь любовью всей вселенной.

Как факел, ты вставала над морями
И отдавалась всем, как щедрая земля,
С ее озерами, весенними лучами,
С ее могильными холмами.

Но к Неизвестному влечет
Людской неугомонный род.
Тебе же суждены забвенье и покой
В саду среди ветвей и сонных ароматов,
И роза, осенью истерзанная злой,
С последней нежностью свисает над тобой.

МАГДАЛИНА

Оденься в белое, Христа иди встречать,
Стань Магдалиною смиренной из Венеры.
И дух его в тебя войдет и благодать,
А ноги нежные покроет пепел серый.
Пускай же золото нетленное грудей
И глаз, где ясное не отгорело пламя
За все века любви, становится тусклей
Под ниспадающими скорбно волосами.
Земля измучилась, и крови вечеров
Устало напилась, и воззвала, тоскуя,
К Голгофе, к сумраку ее ночных крестов.

Оденься в белый лен и доброту живую.
Вот бог твой, благостью и кротостью великий,
Вот образ на платке в руках у Вероники,
Вот гвозди острые, копье и пелена.

Да, в мире новая возникла тишина:
Впервые человек, томясь от ожиданья,
Целует очи своего страданья!

Венера, кровью окропляет мир
Безумья христианского потир.
Вот сердце жениха — как уголь раскаленный.
Горящий куст! Костер живой!
Склонись теперь над чашей золотой,
Чтоб наполнять ее любовью исступленной!

Безумна плоть, душа на крест готова,
Все существо надеждой зажжено,
Но здесь ему не суждено
Найти последнее решающее слово!

Ну что же, плачь с улыбкой на устах,
Сливая с нежностью благочестивый страх,
И бормочи молитвенно и сладко,
Чтоб, загорясь пророческим огнем,
Душа твоя, как белая облатка
Причастья,— стала божеством!

Оденься в белое, иди встречать Христа.
Венера, вот его властительные руки!
Пускай от власяниц, гвоздей, камней
И жестче телу будет и больней!
Пускай сменяются слепой восторг и муки!
О, стены — саваны монастырей-могил!
Их смерть упрямая воздвигла беспощадно,
Чтоб трепет заглушить и крики жизни жадной.
О, пытки долгие, что выпьют кровь из жил
Под ненавидящей луной в ночи ужасной!
Открытых ран твоих уста томятся страстно —
Их огненной тоски никто не утолил!

Оденься в белое и до конца влачи
Ярмо своей любви, хотя уже лучи
Кругом, и сумрак отступил,
И закатилась, отблистала
Звезда, что некогда над Вифлеемом встала.

ТЕРУАНЬ ДЕ МЕРИКУР

Год революции кровавой и суровой.
Венера, в красное оденься. Вот багровый
Закат, и бегство королей,

И эшафот — скала среди зыбей
Народной ярости, гудящей все грозней.

Стань роковой и гневной Теруанью,
Будь яснооким разумом восстанья,
Как святостью была и негою влюбленной.
Всем отдаешься ты душой смятенной,
Когда-то кроткой, ныне огневой,
Становишься для нас то голосом живой
Любви, то к милосердию призывом,
То к справедливости святой.
Сквозь кровь и хмель, восторг и слезы — голос твой,
Орлиный крик, ликующий прибой,
Горячей окрылен мечтой
И жертвенным порывом.

Весь город — в буре, в яром клокотанье,
Но ненависть его — как чистое сиянье.
Вот молний-воль в умах внезапный блеск,
Вот руки подняты, в них молоты и пики,
Но юных соков полон этот лес.
В народах говорит какой-то гром великий,
Их голосом гремит и им кует мечи.
Надменности богов ревнивые лучи
Уже не страшны тем, кто здесь услышал зов
Грядущих, братством радостных веков,
Когда на скипетрах, как на стеблях усталых,
Увянет цвет гордынь и цвет пороков алых.

Венера, будь отныне торжеством
Над всякой смертью, будь ее грозой, потопом,
Пролей свой жар и юность толпам,
Отдайся им и будь, как прежде, божеством!
Пусть в их мозгу, едва проснувшемся, в жестоко
Карающих руках кипит седого рока
Взбодрившаяся кровь; пусть убивают ныне
Во имя будущего чаемой святыни,
Чтоб эти голоса нестройно, хрипло пели
У мира нового багряной колыбели.

Венера, из глубин твоей души и тела
Пускай в отваге этой грозовой
Любовь поднимется и овладеет смело

Высоким разумом. Люби весь род людской,
Что рвется к счастью с гневом и тоской.
Мы все зовем тебя. Будь нашей — не с богами,
Не в гордых небесах и не у ног Христа
Простертая, но стой, прекрасна и проста,
О мать людей, стой тут же, рядом с нами.

ТРИБУН

Как мощных вязов грубые стволы,
Что деды берегли на площади соборной,
Стоит он между нас, надменный и упорный,
В себе связав безвестных сил узлы.

Ребенком вырос он на темных тротуарах
Предместья темного, изъеденного злом,
Где каждый, затаив проклятья, был рабом
И жил, как под замком, в тюрьме укладов старых,

В тяжелом воздухе мертвящего труда,
Меж лбов нахмуренных и спин, согбенных долей,
Где каждый день за стол садилась и нужда...
Все это — с коих пор! и это все — доколе!

И вдруг — его прыжок в шумящий мир борьбы,
Когда народ, сломав преграды вековые
И кулаки подняв на темный лик судьбы,
Брал приступом фасады золотые,
И, с гневом смешанный, шел дождь камней,
Гася по окнам отблески огней
И словно золотом усыпав мостовые!

И речь его, похожая на кровь,
На связку стрел, разрозненных нещадно,
И гнев его, и ярость, и любовь,
То вместе слитые, то вьющиеся жадно
Вокруг его идей!

И мысль его, неистово живая,
Вся огневая,
Вся слитая из воли и страстей!
И жест его, подобный вихрю бури,

В сердца бросающий мечты,
Как сев кровавый с высоты,
Как благодатный дождь с лазури!

И стал он королем торжественных безумий.
Всходил и всходит он все выше, все вперед,
И мощь его растет, среди восторгов, в шуме,
И сам забыл он, где ее исход!
Весь мир как будто ждал, что встанет он; согласно
Трепещут все сердца с его улыбкой властной;
Он — ужас, гибель, злоба, смерть и кровь;
Он — мир, порядок, сила и любовь!
В нем тайна воли одинокой,
Кующей молоты великих дел,—
И, полон гордости, что знают дети рока,
Он кровью вечности ее запечатлел.

И вот он у столба распутья мирового,
Где старые пути иным рассечены,
Которым ринутся искатели иного
К блистательной заре неведомой весны!
Он тем уже велик, что отдается страсти,
Не думая, всей девственной душой,
Что сам не знает он своей последней власти
И молний, вверенных ему судьбой!
Да, он — загадка весь, с ненайденным решеньем,
И с головы до ног он погружен в народ,
Что, целен и упрям, живет его движеньем
И с ним умрет.

И пусть, свершив свой путь, пройдя, подобно грому,
Исчезнет он с земли в день празднеств иль стыда,
И пусть шумит за ним иль слава, иль вражда,
Пусть новый час принадлежит другому!
Не до конца его друзья пошли
На пламенный призыв пророческого слова.
И если он исчез, то чтоб вернуться снова!
Его душа была в грядущем, там, вдали,
В просторах моря золотого.
Отлив, пришедший в свой черед,
Ее на дне не погребет!
Его былая мощь сверкает в океане,

Как искр бессчетность на волнах,
И в плоть и кровь вошел огонь его мечтаний,
И истины его — теперь во всех сердцах!

БАНКИР

Он — в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Немного сгорбленный; порывистым пером
Он пишет за своим заваленным столом,
Но мыслью он не здесь — там, на краю вселенной!

Пред ним Батавия, Коломбо и Капштадт,
Индийский океан и гавани Китая,
Где корабли его, моря пересекая,
То с бурей борются, то к пристани спешат.

Пред ним те станции, что строил он в пустынях,
Те иглы рельс стальных, что он в песках провел
По странам золота и драгоценных смол,
Где солнце властвует в просторах слишком синих;

Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
И шахты темные его богатых копей,
И звон его контор, знакомых всей Европе,
Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских;

Пред ним властители народов, побежденных
Его влиянием: он может их рубеж
Расширить, иль стеснить, иль бросить их в мятеж
По прихоти своих расчетов потаенных;

Пред ним и та война, что в городах земных
Он, как король, ведет без выстрелов и дыма,
Зубами мертвых цифр грызя неутомимо
Кровавые узлы загадок роковых.

И, в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Порывисто чертя узоры беглых строк,
Своим хотением он подчиняет рок,—
И белый ужас в рог трубит по всей вселенной!

О, золото, что он сбирает в разных странах,—
И в городах, безумствующих, пьяных,
И в селах, изнывающих в труде,
И в свете солнечном, и в воздухе — везде!
О, золото крылатое, о, золото парящее!
О, золото несытое, жестокое и мстящее!
О, золото лучистое, сквозь темный вихрь горящее!
О, золото живое,
Лукавое, глухое!
О, золото, что порами нужды
Бессонно пьет земля с Востока до Заката!
О, злато древнее, краса земной руды,
О вы, куски надежд и солнца! Злато! Злато!

Чем он владеет, он не знает.
Быть может, башни превышает
Гора накопленных монет!
Но, все холодный, одинокий,
Он, как добычу долгих лет,
С какой бы радостью глубокой
Небес охране вековой
Доверил самый шар земной!

Толпа его клянет, и все ему покорны,
Ему завидуя. Стоит он, как мечта.
Всемирная алчба, сердец пожар упорный
Сжигает души всех, его ж душа — пуста.
И если он кого обманет, что за дело!
Назавтра тот к нему стучится вновь несмело.
Его могущество, как ток нагорных вод,
С собой влечет в водоворот
(Как камни, листья и растенья)
Имущества, богатства, сбереженья
И малые гроши,
Которые в тиши
Копили бедняки в поту изнеможенья.

Так, подавляя все Ньягарами своей
Растущей силы, он, сутулый и угрюмый,
Над грудами счетов весь погружаясь в думы,
Решает судьбы царств и участь королей.

ТИРАН

Блистательный тиран, чьей власти нет границ,
В чертоге, где, даря двусмысленный совет,
На пурпурную тень ложится солнца свет,
Как золото корон на пурпур багряниц,

Пирует, слушая восторженные клики,
И видит, как толпа ликует в исступленье
Лишь при одном его безмолвном появленье.
Им царства сметены, им свергнуты владыки,

Он когти обрубил народу, и когда
Пред ним, единственным, поверглись все во прах,
В пресыщенной душе он ощущает страх:
Увы, он одинок, отныне — навсегда.

Невольно он в раба преображает друга,
Любовь сжигает он своею жаркой славой,
Как бешеный вулкан, неукротимой лавой
Испепеляющий живую зелень луга.

Достигнутая им безлюдна высота,
И тщетно хочет он найти там божество.
Молчит усталое желание его,
И гордость алчная давно уже сыта.

Он отрицает сам себя. Злорадно плавит
Он слиток золотой своей огромной власти
На сумрачном огне жестокой, жгучей страсти
К ниспровержению того, что люди славят.

Однако ото всех он ужас прячет свой;
Он нем, как цитадель, где ночи напролет
Лишь эху собственных шагов внимает тот,
Чей плещется штандарт на башне угловой.

Священен он для всех. И кажется порою,
Что лучезарная божественная сила
Его наполнила собой и окружила
Непостижимостью, как дерево — корою.

Но знает лишь небес всевидящая твердь,
Что часто по лесам блуждает он один,
По топким берегам обманчивых трясин,
Где плесень царствует и где таится смерть.

В болотах, где живут гонимые растенья,
В зловонных логовах, в местах, где боязливо
Цветут чертополох, терновник и крапива,
Он жизнь опальную ласкает в упоенье.

Он полон нежности и состраданья к ним,
Колючим, замкнутым, озлобленным цветам;
Они принадлежат ему, и только там
Он познает любовь и верит, что любим.

С пылающей душой спешит он к ним склониться,
К их сумеречным снам, к печали их вечерней;
Он обнимает их, не убоясь их терний,
И жжет его шипов живая власяница.

И только потому за праздничным столом
В сверкающем дворце, где пурпурная тень
И золото лучей скрестились в этот день,
Сидит он с поднятым, сияющим челом,

Что отдает себя он поцелуям алым,
Что тайно ото всех, в него вперивших взгляды,
Он может мучиться, любить, просить пощады,
Подставив грудь свою вонзающимся жалам.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Причалил свой корабль я к острову мечты,
Который плавает в просторах океана;
Вдали от шумных толп, вдали от суеты,
Причалил свой корабль я к острову мечты,
Где птицы распевают неустанно.

О, пестиков слияние с пыльцой!
Весь воздух похотью напитан ядовитой;
Магнолии, из поцелуев слиты,
Сверкают белизной.

Сердцам подобные, пылают упоенно
Великолепные пионы;
Трепещут от любви, вздыхая, ветерки.

Тень, как прикосновение щеки,
Тепла и ласкова. Ветвей печальных слезы
Кропят траву сверкающим дождем;
На ложе из фиалок тихим сном
Забылись ирисы и розы.

Причалил свой корабль я к острову мечты,
Где рдеют в зелени приманчивые кисти,
Где, облаченные в искрящиеся листья,
Колышутся деревья и кусты,
Где, как бушующее пламя, счастье
Дыханием своим палящим обдает,
Цветы сплетаются в объятьях сладострастья
И по ночам луна свое безмолвье льет.

— О ты, которую напрасно призывали
Мольбы моей души — сюда, на остров мой,
Обвитый белою змеящейся каймой,
Появишься ли ты из бледно-серой дали?

Откликнешься ли ты когда-нибудь на зов?
Мой остров сотворен для твоего расцвета.
Я ароматы шлю — прими моих гонцов! —
Из сада, полного причудливого света.

Явись! Поля, и лес, и рыжий небосвод —
Всё будем славить мы, не зная лени.
Ты, щедрая, подаришь мне колени,
Свой рот, и грудь свою, и нежный свой живот,—
И я в неистовстве вспашу твой луг весенний.

Причалил свой корабль я к острову, что весь —
Скопленье яростных желаний;
Какой-то гордый рок их собирает здесь,
Как стонов, криков и призывов смесь
На поле брани.

Верхарн. «Призрачные деревни»

Лазурные глаза задумчивых прудов
Нам устремятся вслед с глубоким восхищеньем,
И птицы, радужно сверкая опереньем,
Споют нам песнь свою в молчании лесов.

Пойдем по склонам гор, объятые покоем,
Туда, где бьют ключи, прозрачнее стекла.
Потоки воздуха нам обновят тела,
Вливаясь в легкие целительным настоем.

Мы будем созерцать, погружены в экстаз,
Глубины наших душ неутомимым взором.
Отравой опоить мы не позволим ссорам
Любовь, которая соединяет нас.

В одно сольемся мы, друг другу сердцем вторя,
Нас приглашает жизнь на свой великий пир.
Мы, как самих себя, полюбим этот мир,
Природу и инстинкт, вселенную и море.

Да будет наша страсть похожа на родник,
Где может всякое стремленье утолиться!
Брать, чтобы разделить, давать, чтоб насладиться,
И светлой радостью наполнить каждый миг!

О, погрузиться в мир, как в океан бездонный,
Освободив себя от всех цепей и пут,
И ощутить, как в нас всемирные законы
Свою мелодию, ликуя, запоют!

АМАЗОНКА

По скалам, по долинам и холмам
Отважно скачет амазонка.
Стучат копыта звонко,
И стан наездницы так гибок и упрям!
Назад отброшено пространство...
Звенит
Ее оружье и убранство:
Копье, и лук, и меч, и щит.
Леса, ручьи, озера, рощи — мимо!
Она летит как ветер, как стрела,

Вся — мускулов комок, гибка, неутомима.
Конь взмылен весь, и в пене удила.
Ее галоп пугает птичьи стаи
В лесной глуши, где тень лежит густая
И где стволы блестят, как чешуя.
Струятся в них и днем и ночью соки,
Разбуженные солнцем токи.
Кусты, цветы и травы у ручья —
Все солнце пьет и к солнцу все стремится,
Как всадница, что без дороги мчится.

Отвагой, силой, радостью лучится
Ее улыбчивый и светозарный лик.

Мужчин — тиранов грубых и владык —
Поколебалась мощь и ослабела.
Власть перешла
К воительнице смелой...
Честь ей, хвала,
Прекрасной, грозной, стройной,
Оружия достойной!

Ей не страшна грядущая борьба
Со смертью: ведь она сама — судьба.
Нет рук сильней: то — варварам преграда.
Струится, золотясь, волос ее волна,
Сияют звезды глаз среди их водопада.
Грудь правую сожгла себе она,
Чтоб та в бою ей не мешала,
И, гордая, на горизонте встала,
К победе, к славе вся устремлена.

В пещере, где зарей мрак вечный не тревожим,
Изранено до крови жестким ложем,
Напрасно взор вперяя в темноту,
Ждет Человечество, кусая кляп во рту,
Ждет, побежденное, утратившее веру,
В цепях, и с уст его невольно рвется стон,
И сторожит его уродливый дракон,
Свернувшийся у входа в ту пещеру.

Но амазонка здесь, готовая на бой
С жестоким чудищем. Ей велено судьбой

Сразиться с гадиной стоглавой,
Хоть каждой головы оскаленная пасть
Грозит, готовая напасть,
И дышит смрадом и отравой.
Дракон, рассвирепев, и страшен и могуч,
Похож на дерево с корой шероховатой,
И хвост чешуйчатый бьет в злобе бесноватой,
И яд струящийся невыносимо жгуч.
Огонь, и кровь, и желчь внезапно изрыгая,
Он извивается, врага подстерегая,
И множество когтей, клыков, и жал,
И щупалец готовы впиться сразу...
Распространяя вкруг зловонье, как заразу,
Весь ощетинившись, дракон ей угрожал.
Полна и отвращения и гнева,
Разит его копьем воинственная дева.

И снова прерывающийся стон,
Стон Человечества несется в дали,
И жалобно он эхом повторен,
Как будто, полные печали,
На этот стон просторы отвечали.

Чудовище взвилось, безжалостно, как рок...
Когда бы не коня отчаянный прыжок —
Спасенье к всаднице пришло бы слишком поздно...
Встает пред нею смерть неотвратимо-грозно,
И телом — не душой! — овладевает страх.
Все лихорадочней огонь в ее глазах,
Но вновь она кидается на зверя,
Подняв свой меч, в победу твердо веря.

И хрип, и лязг, и треск, и гром
Кругом
Отражены далекими горами.
Сжимает рукоять меча,
Рубя сплеча,
Воительница мощными руками.
Сверкает молнией губительный металл,
Но не слабеет вихрь и щупалец и жал:
Срубила голову — две новых вырастают...
И силы амазонки иссякают.

О пораженье думает она,—
И вот заранее побеждена.
В последний раз в руке ее усталой
Меч заблестел... Потом он опустился.
Нависли тучи, мрак сгустился,
Лишь неба край — во мгле кроваво-алой.
Оружье, падая, звенит... В зенит
Несется стон отчаянья и боли.
Как вырваться из плена, из неволи?
Воительница храбрая мертва...
Светила, словно жернова,
Вращаются во мраке тщетно...
До цели далеко заветной.
И вдаль Печаль свой устремляет взор.
И вторит ей в долине скорбный хор:
О скалы бьется ветер, воя,
Шумит река — ей не найти покоя...
А может быть, то слез журчит родник,
И Человечества, не ветра, крик,
Несчастную оплакивая, рвется?
Оно в цепях, как раньше, остается,
В то время как дракон,— которого Персей
Бесстрашно укротил спустя немало дней
Не силой — только мыслью, взглядом,—
Улегся рядом,
На все живое злобно зашипев
И вновь разверзнув ненасытный зев.

ГОРОДА

О, эти города, напитанные ядом гнилого золота!
О, каменные вопли, взлеты и жесты дыма,
И купола, и башни, и колонны
В звенящем воздухе средь кипени труда...

Ты возлюбил ли ужас и тоску их,
Странник,
Печальный и задумчивый,
На огненных вокзалах, что опоясали вселенную?

О, вихрь колес сквозь горы и пространство!

Набат глухой и тайный, что лихорадил душу твою,—
Он в городах гудел по вечерам; их пламя
Неисчислимое и красное твой озаряло лоб,
Их черный лай, и мстительные крики, и улюлюканье
охоты
Были лаем, криком и травлей твоей души;
Все существо твое глубоко искажалось их
Богохульствами,
И воля твоя была добычей их потока:
Вы ненавидели друг друга, обожая.

О, взлеты их, кощунства, преступленья,
Вонзенные, как в спину нож, закону!
Сердца колоколов и лоб их колоколен
Забыли их жертв число;
Чудовищные их нагроможденья заслоняют небо;
Ужас века сосредоточен в них;
Но их душа таит тот вечный миг,
Что в неиссчетных днях собою метит время.
История была плодотворима
Из века в век приливом их идей;
Их мозг и кровь питались новой кровью,
Что в старый мир вливается надеждой
И гением.

Они калят дерзанья, причащают
Пространства и колдуют горизонты,
Их притяжения вникают в дух, как яд;
И каждый вознесенный над другими —
Ученый, иль апостол, иль поэт —
Несет свой пламенник в пыланье их пожаров.
Они в неведомое строят лестницы
Для восхожденья дерзостных исканий,
Светлыми ногами топчут ложь, что приковала цепью
Мир к человеку, человека к богу.
Видали ль ночью вы короны их огней
И храмы из стекла и золота, откуда
Чудовищные взгляды одетых медью стекол
Устремлены к созвездьям сивиллинским?
В кварталах молчаливых посещали ль
Лаборатории, в которых неотступно
От вывода до вывода, от связи и до связи

Сквозь бесконечности преследует ученый
Мельчайший трепет жизни?

Тот человек, что судит, мыслит, волит,
Ими весит и мерит сам себя.
Все тайны, все загадки мира
Им служат ставкой уже целый век
В борьбе великой с судьбами.
О, ярость знаний и осторожность схваток!
Загадка здесь — ее следят, и травят,
И настигают, как зверя свирепого,
Чтоб уловить мгновенье, когда
Ее глаза, раскрытые внезапно, разорвут
Покровы тьмы и истину откроют.
Тогда пусть ветры, волны, и небеса, и звезды,
И тяжкие мосты, что давят глыбы устоев каменных,
Базальты порта, городские стены
Трепещут на четыре стороны пространства,
Они не потрясутся столь полной радостью,
Как страстный дух искателя
Над новою победой.
Нечто в мире внезапно изменилось
Этим взрывом света из темноты;
И все равно, прославят или ославят гений того,
Кто выломал враждебные ворота,
Что защищали тайну,—
Сила его поглощена великой силой городов:
Их бытие еще полнее ею.

Так те, что мыслят, будущему мира
От времени до времени несут ярь мозга своего:
А между тем встают еще иные,
Те, что горят с толпой и для толпы.

Подвижники и мученики грезы,
Они провидят ее идущей по садам мучений
И крови — к светлому свершению времен,
Когда дух справедливости проникнет в человека.
Ложь издала законы — тексты черных истин:
Их надо грызть всечасно,
Ожидая, пока не сломят их тараны мятежа;
А если надо кровавых удобрений для светлых всходов,

Если нужен великий гнев для полноты любви,
Если надо исступленье для сердца рабьего —
То гулы набатов черных взмоют города
Рыкающим приливом вкруг новых прав.

Там, наверху, в кварталах старых, в тусклых залах,
Где светы газа безграничат жесты,
А голоса, и кулаки, и крики трибунов светлых
Утверждают потребность всех, как истинное право;
Таблицы, тексты, правила, системы и библии
Даются в передержках торжественных речей;
Для человека в мире нет господина иного, чем он сам,
И в нем самом владычествует мир;
Оратор говорит и сильно и высоко, слово его сверкает,
Косматo и истребительно, как полеты кометы,
Как знамя безумное, простертое к победе;
А если он берет толпу трамплином —
Что до того? Он тот, чья воля полна через край
Вскипающими токами расцветов;
Отчаянья, и ярости, и гневы,
И грозовое молчание горят в его руках:
Как некий тайный властелин, он видит
Подземное глухое набуханье тайных сил.
Когда ж в согласье простом и неизбежном сопрягутся
Полет искателя с порывами трибуна,
То нет у неба такой грозы,
Таких громов у власти, у порядка такого произвола,
Чтоб раздавить собой победу мировую.

НАУКА

Да будут святы те, кто, в творческом пылу
Исследуя весь мир, открыли в нем законы
И первобытный страх взорвали, как скалу,
Где груды золота скрываются исконно.

Еще недавно смерть и поклоненье ей
Держали нас во тьме, как в некой преисподней,
Пытаясь укрепить поддержкою своей
Империю греха и догмы, но сегодня

Ночь исполинских тайн уже не так мрачна:
В ней разливается сиянье золотое,
И скоро, может быть, рассеется она,
И знание взойдет, как солнце, над землею.

Все неизвестное, все бредни старины
Добычей стали для искателей пытливых,
Их книги, пламенем живым озарены,
Таят в себе плоды усилий кропотливых.

Они вещают нам, ложь повергая ниц,
Что единением все связано в природе.
О этот рыжий лес, не знающий границ,
Где половодное бушует плодородье!

О вы, разведчики, что по путям веков
Ведете за собой передовые цепи,—
Как башни в солнечных лучах среди лугов,
Вы гордо выситесь в своем великолепье!

Вы слышите призыв, отважные: «Вперед!
Границы нашего познания раздвиньте!»
Рассудок верную дорогу изберет
И не заблудится в абстрактном лабиринте.

О, битвы точные, где воины — умы!
О, заблуждения, что спор вскрывает пылкий!
Все тайны бытия! Их выпускаем мы
Из заточения, как духа из бутылки!

Весь беспредельный мир, который населен
Несметным множеством логических гипотез;
Сплав мрака с золотом — надменный небосклон,
Куда взлетел расчет, за истиной охотясь;

Идеи, как рои трудолюбивых пчел,
Что собирают мед, обкладывая данью
Цветы, которые усеивают дол
Величественных тайн, царящих в мирозданье;

Мыслители, чей нож сознание рассек;
Порядок и хаос в единстве неразрывном;
Зародыши людей, чей рост из века в век
Воспроизводит жизнь в круговороте дивном,

И мысль, которая, куда ни посмотри,
Свой неустанный труд вершит все вдохновенней,
Вливая свой огонь в мерцание зари,
Предшествующей дню великих откровений!

Мы там раскинули владения свои,
Где ужас царствует, властитель бестелесный,
Где атомы ведут между собой бои
От глубины земной до вышины небесной.

Похищенный огонь опять у нас в руках.
Пусть изменяются с веками наши души,
Все та же в них любовь, чья буря, словно прах,
В одно мгновение сметает равнодушье.

Поэты славу ей поют в стихах своих,
Но боги не сойдут, как прежде, в мир наш дольний,
Что бледен до сих пор от прорицаний их
И от низринутых из их чертогов молний.

Уже намечен путь к вершинам голубым,
Широкий и прямой,— и, не жалея пота,
Век принимается, могучий, за работу
Со всем безудержным упорством молодым.

Нам чуждо Фауста уныние! Благие
Провидим цели мы под небом синевы.
Жар возродился в нас, сомнения мертвы,
И мы уж верим в то, что будут знать другие.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Вдоль берегов морских в безвестность дюны шли.
Припадочные зимы
Взрывали, мяли, рвали небосвод,
Стонали толщи вод,
Клыками бурь гонимы,—
И дюны шли
Огромными шагами великанов
Вкруг океанов,
И дюны шли,
Глухие к стонам непогоды,
Сквозь дни и годы

К прозреньям жалости, к любви живой,
И дюны шли,
Как вечные скиталицы природы,
На запад, вдоль морей, сквозь ветер грозовой.

На берегах, сквозь ветер грозовой,
На берегах, в морском огромном гуле,
Века мелькнули,
И вот однажды маяки,
Взойдя на вздыбленные древние пески,
Победный гимн своих огней послали
В морские дали.

И стала ночь прозрачна и светла.
Подводных рифов грозные наросты
И мысы, где всегда ревут норд-осты,
Развенчанная обнажила мгла,
И свет, мигая, разгонял туманы,
И мраку жизнь лучи его несли,
И пьяные простором корабли
Шли завоевывать неведомые страны,
И смело человек с пучиной в бой вступал.
Пространство, сплющенное между скал,
Смотрело на него горящими глазами.
Валы, как встарь, захлестывали бриг,
Но по снастям, по мачтам, точно знамя,
Сверкающий метался блик.

Свет стройных маяков, а не светил опальных,
Отважных вел теперь дорогой странствий дальних.
Стихиям яростным наперекор,
Их провожал земли любимый взор,
В борьбе с грозой и штормом помогая.
С незнаемого сорван был покров;
Опасность откровенная, нагая,
Предстала взорам смельчаков.
Слепая и беспомощная сила,
Прозрев, стихии победила,
И властелином человек взошел
На свой престол.

Вдоль берегов морских в безвестность дюны шли
И сквозь туманы, бури, ураганы
Несли в руках большие фонари,

И, словно в свете утренней зари,
Бледнели на́ небе светила,
И дюны шли
И день и ночь дорогой вдоль морей,
Которая, как змей,
Империи и царства охватила;
А если обрывался путь, они
Спешили водрузить, как знамя,
На грудь утесов мирные огни.

Спокойно протекли года,
Но день настал, когда
Искусно и бесстрастно люди сами
Спасительное погасили пламя.

И ненависть, как нож остра,
В любовь исподтишка вонзилась,—
Вкруг маяков засуетилась
Людских раздоров мошкара.

Затмилось гордое свеченье,
Не останавливали на́ море в ночи
Бессонные друзья-лучи
Тех, кто на гибель шел по зову приключенья.

Горячие и добрые огни,
Свидетели открытий и свершений,
На одинокой страже погребений
Стояли мрачно в эти дни.

О современники мои, как вы уныло жили,
Когда в опасности вас вновь одела мгла
И лишь убитых маяков тела
Опорой вам служили!

Одни глядели молча в дали,
Угрюмо растянувшись на песке,
Потом, в тревоге и тоске,
По лабиринту снов блуждали;

Другие — те, кто был сильней душой,—
Старались терпеливыми руками
Разжечь сверкающее пламя
И ужас разогнать ночной;

А третьи, чьи сердца не знали утоленья,
Твердили: «Все равно, мы в путь пойдем,
Затем что жизнь в могуществе своем
Превыше истины и заблужденья».

ЧАСЫ ТВОРЧЕСТВА

Глаза мне закрывает мрак
Рукою смуглой сновиденья,
И вот покой, и вот предчувствие свершенья,
И вот веселый, легкий шаг
Подкравшегося к памяти забвенья.

Вчера опять весь день владел мой дух надменный
Всем существом моим — неведомой вселенной,—
И чувствами схватить я мог
Желаний огненный пучок
И пред собой как шпагу, как угрозу
Нести его в слепящем свете.

На берегах — весна в расцвете,
И, яркая, похожа мысль на розу,
Она растет, и разум ширью пьян,
Как океан.

С высоких, неприступных гор
В долинный золотой простор
Загадки мироздания спустились
И человеческой пытливости открылись.
Как молнией, все озарилось вдруг,
И только страшно, что из рук
Добыча разума уйдет пугливо.

Жизнь простирается широко, горделиво,
По ней надежда мчит во весь опор,
И воля человека в общий хор
Сливается с желаньями вселенной.
Могущества источник сокровенный
Рождается в душе. Спешишь вперед идти,

И кажется преграда на пути
Лишь камнем, чтоб на нем точить и править силы.

И юной гордости тугие жилы
Вздувает плодоносный сок,
И жизнь, взойдя спокойно на порог,
К уверенности спящей входит в гости.
Кровь, нервы, мышцы, кости
Тем тайным трепетом напоены,
Которым воздух и лучи полны.
Себя в пространстве легким ощущаешь
И счастья в сердце не вмещаешь.
Все постижимо — принцип, связь, закон;
В душе любовь, и разум опьянен
Идей всесильным хмелем.

Часы, овеянные маем и апрелем!
Вы сердцу смелому, вы зрелому уму
Восторги, что ни год, дарите,—
Часы завоеваний и открытий,
Часы, свергающие тьму!
Вас память прославляет, воспевает
Сейчас, когда мне мрак беззвучно закрывает
Рукою смуглой сновиденья
Глаза, зажженные огнем свершенья.

НЕВОЗМОЖНОЕ

Пусть невозможного в стремительной погоне
Достичь ты хочешь, человек,—
Не бойся, что замедлят бег
Дерзанья золотые кони!

Твой ум уклончивый ведет тебя в обход,
Ища проторенных тропинок,
Но ты вступи с ним в поединок:
Дать радость может только взлет!

Кто вздумал отдохнуть, пройдя лишь полдороги,—
Ему ли одолеть подъем?
Жить — значит жечь себя огнем
Борьбы, исканий и тревоги.

Что виделось вчера как цель глазам твоим,—
Для завтрашнего дня — оковы;
Мысль — только пища мыслей новых,
Но голод их неутолим.

Так поднимайся вверх! Ищи! Сражайся! Веруй!
Отринь все то, чего достиг:
Ведь никогда застывший миг
Не станет будущего мерой.

Что́ мудрость прошлая, что́ опыт и расчет
С их трезвой, взвешенной победой?
Нет! Счастье жгучее изведай
Мечты, несущейся вперед!

Ты должен превзойти себя в своих порывах,
Быть удивлением своим;
Ты должен быть неутомим
В своих желаньях прозорливых.

Пускай же каменист и неприступно крут
Твой путь за истиной в погоне:
Дерзанья золотые кони
В грядущее тебя взнесут!

УТРО

С утра привычными дорогами-путями,
Через сады, леса, поля,
Иду беспечен, весел я,
Овеян ве́трами, одет в рассвета пламя.

Иду бог весть куда. Иду — и жизни рад.
Как в праздник, грудь полна отрады...
Что мне законы и преграды,
Когда под каблуком булыжники звенят?

Иду и горд: люблю и воздух я и землю!
Безумный, безграничный, я
Всю необъятность бытия,
Весь первобытный хмель всем существом
приемлю.

Как были в древности шаги богов легки!
Я жадно зарываюсь в травы
И там, где гуще тень дубравы,
Цветов горящие целую лепестки.

Меня манит река рукой своей студеной.
Даю я телу отдохнуть,
Потом опять пускаюсь в путь
Тропинками лесов, жуя листок зеленый.

Все то, чем в жизни я до этих пор дышал,
Все не живым, а мертвым было.
Нам книги вырыли могилы,
И не один мудрец был увлечен в провал.

Не может быть, чтоб все вчера существовало
И чтобы в ярком свете дня
Уж кто-то видел до меня
Багряный блеск плодов и роз румянец алый!

Сквозь океан ветвей как будто в первый раз
Прорвался ветер, багровея...
Я, смертный, времени сильнее:
Все ново вкруг меня, все юно в этот час.

Люблю свои глаза, кровь, мышцы, руки, тело
И гриву светлую свою,
И жадной грудью воздух пью,
И становлюсь сильней, впивая космос целый.

Вперед! Поляна, лес, крутой оврага склон...
И я, смеясь, крича и плача,
Себя в восторге щедром трачу,
Иду и сам собой, безумец, опьянен.

ВПЕРЕД

Раскрыв окно свое ночное,
Не в силах дрожи нервов превозмочь,
Впиваю я горячечной душою
Гул поездов, врывающихся в ночь.

Мелькают, как пожар, их огненные пасти,
Скрежещет по мостам железо их колес...
Так кратер истекает лавой страсти,
Так в бездну рушится утес.

Я весь еще дрожу от грохота и света,
А поезда, летя в провалы тайн ночных,
Грозой своих колес уж пробуждают где-то
Молчанье, спящее в вокзалах золотых.

Но в мускулах моих чудесным отраженьем
Все отзывается, все вновь живет,
И нервы шлют в мой мозг, мгновенье
за мгновеньем,
Бегущих поездов грохочущий полет,

Несут с собою хмель, несут с собой тревогу
И страсть во всей ее бунтарской широте,
И эта быстрота — лишь новая дорога
Все к той же издавна знакомой красоте.

О, трепет всех существ! О, голоса земные!
Их воспринять в себя и воплотить их зов,
Быть отголоском вод, и вихрей, и лесов,
Материков и грозовой стихии!

Стремиться, чтоб в мозгу затрепетал весь мир,
Сгустить трепещущий эфир
В ряд огневых изображений!
Любить ту молнию, и тот огонь, и гром,
Который поезда бросают нам в своем
Всепожирающем движенье.

ЗНАНИЕ

О, знанье наших дней, где все переплелось —
Сомненье, страх, расчет, надежда, заблужденье;
Мечи, разящие и сообща, и врозь,
Гармоний и противоречий звенья,
Тупые, острые мечи,— без сожаленья
Меня пронзили вы насквозь.

И все же, признаюсь, сильнее
Я наслаждения еще не испытал,
Чем чувствовать в груди жестокий ваш металл.

О, я не стал бы жить, в невежестве коснея!
Кто мыслит — совершает подвиг тот:
Он, свергнув власть богов, в награду обретет
Взгляд, проникающий в любые тени.

О, творчество его в уединенье!
О, продвижение сквозь вековую ложь!
Терпение, чьих зерен пышны всходы!
Раздвинув наших представлений своды,
Он создал мира целого чертеж.

Не перечесть им сделанных открытий:
Законы выведены им,
Чьи, незаметные глазам людским,
Вселенную опутывают нити.

Но доступа еще к той высшей тайне нет,
Которую мирьяды лет
Материя хранит в объятиях железных.

О, эта истина, затерянная в безднах,—
Нас ожидает издавна она!
Так выхватим ее из тесных ножен!
Путь отступления отныне невозможен.
Отыщем слово, что из горных скал
Выводит, наконец, на перевал,
Откуда взору
Широкие откроются просторы.
Горя стремлением одним,
Усилия свои объединим,
Ведомые неутомимой верой,
Проникнем в неизведанные сферы.

О мозг! Всех горестей и радостей исток!
Величия дворец и подземелье пыток!
Сосуд, где бродит, словно винный сок,
Проблем отравленный напиток!
Ты, торжествующий и скорбный, мной любим,
В часы триумфа или пораженья,

В здоровье истины, в недуге заблужденья,
Неколебим,
Ты возвышаешься, как волнолом,— и смело
Смиряешь волей радость и печаль.
Ты, как великие, стремишься вдаль,
А до других тебе — нет дела!

ТЕМ, КТО ОТПЛЫВАЕТ

Меж тем, как, трепетом объятые,— блистая,
Проходят паруса вдали,
За ними, в водяной пыли,
Золотокрылые — ветра несутся стаей.
Пускай, как горы велики,
Встают валы,— в путь, моряки!

Сияет гордо день, восстав из водной глуби.
Здесь пролегает тот порог,
Откуда вдоль и поперек
Моря безбрежные обрыщет честолюбье.
Пускай, как горы велики,
Встают валы,— в путь, моряки!

Вот порт. Плывите же вдогонку за мечтою,
В края, где зной извечно лют,
Где обитает смуглый люд,
Мечам отточенным подобный прямотою.
Пускай, как горы велики,
Встают валы,— в путь, моряки!

На покорение неведомого мира
Валы отправились в поход.
Они под самый небосвод
Уходят лестницей из пены и сапфира.
Пускай, как горы велики,
Встают валы,— в путь, моряки!

Мелькают среди волн плывущие короны...
Чье дерзновенное чело
Внезапно озарят светло
Лучи могущества, что рушит все препоны?
Пускай, как горы велики,
Встают валы,— в путь моряки!

МНОГОЦВЕТНОЕ СИЯНИЕ

МИР

Мир состоит из звезд и из людей.

Там, в высоте,
Спокон веков, таинственно далеких,
Там, в высоте,
В садах небес, роскошных и глубоких,
Там в высоте,
Вкруг солнц, бесчисленных и сходных
С огнистым улеем, там, в высоте,
В сверкании пространств холодных,
Вращаются, впивая дивный свет,
Рои трагических планет.

Неведомо когда,
Как рою пчел, им жизнь дала звезда,
И вот они летят — пылинки мира —
Среди цветов и лоз, в садах эфира;
И каждая из них, свой вечный круг чертя,
Сверкая в тьме ночной, а днем в лучах сокрыта,
Уйдя далёко, вспять бежит своей орбитой
И к солнцу-матери влечется, как дитя.

Там, в белой немоте, есть строй неколебимый
В движенье яростном тех золотых шаров
Вокруг костра огня, вокруг звезды родимой,—

В круговращении неистовом миров!
Что за чудовищность бессчетных порождений!
Листва из пламени, кустарник из огней,
Растущий ввысь и ввысь, живущий в вечной смене,
Смерть принимающий, чтоб вновь пылать ясней!
Огни сплетаются и светят разом,
Как бриллианты без конца
На ожерелье вкруг незримого лица,
И кажется земля чуть видимым алмазом,
Скатившимся в веках с небесного лица.

Под цепким холодом, под ветром тяжко влажным
В ней медленно остыл пыл буйного огня;
Там встали цепи гор, вершины леденя;
Там ровный океан взвыл голосом протяжным;
Вот дрогнули леса, глухи и высоки,
От схватки яростной зверей, от их соитий;
Вот буря катастроф, стихийный вихрь событий
Преобразил материки;
Где бились грозные циклоны,
Мысы подставили свои зубцы и склоны;
Чудовищ диких род исчез; за веком век
Слабел размах борьбы — ударов и падений,—
И после тысяч лет безумия и тени
Явился в зеркале вселенной человек!

Явился господином,
Меж всех земных существ единым,
Стоявшим прямо, к небу поднимавшим очи.
Земля, ее и дни и ночи,
Пред ним распростирала круг
С востока к западу и с полночи на юг,
И первые полеты первых мыслей
Из глуби человеческой души
Державной,
Взнесясь в таинственной тиши,
Незримыми гирляндами повисли.

Мысли!
Их яростный порыв, их пламень своенравный,
Их ярость алая, аккорд багряный их!
Как там, на высоте, меж облаков седых,
Горели звезды, так они внизу сверкали;

Как новые огни, неслись к безвестной дали,
Всходя на выси гор, на зыбях рек горя,
Бросая новое всемирное убранство
На все моря
И все пространство.

Но чтоб установить и здесь согласный строй,
В их золотом и буйственном смятенье,
Как там, на высоте, да, как и там, вдали,
Священной чередой,
Как солнц небесных повторенье,
Возникли гении меж расами земли.

С сердцами из огня, с устами как из меда,
Они вскрывали суть, глася в среде народа,
И все случайные полеты разных дум,
Как улей, собирал их озаренный ум,
И тяготели к ним приливы и отливы
Исканий пламенных, разгадок горделивых;
И тень прислушалась, впивая их слова;
Дрожь новая прошла по жилам вещества:
Утесы, воды, лес почувствовали нежно,
Как дует ветер с гор иль ветерок прибрежный;
Прибой возжаждал пляск, листок обрел полет,
И скалы дрогнули под поцелуем вод.
Все изменилося до глубины заветной —
Добро, зло, истина, любовь и красота;
Живыми нитями единая мечта
Соединила все в покров души всесветной,
И мир, откуда встал невидимый магнит,
Признал закон миров, что в небесах царит.

Мир состоит из звезд и из людей.

СЛОВО

Мой дух, устав от книжных толкований,
Рванулся в давний мир, где первые впервой,
Восторженно крича, почуяв разум свой,
Вещам дарили тысячи названий.

Они, еще не зная ничего,
Искали русло века своего.

Их мысль, отважна и быстра,
Распознавала, как могла,
Источники страданья — зла
И наслаждения — добра.

Они сопоставляли с миром
Нутро души, где свет и тьма —
И это было первым пиром
Новорожденного ума.

Меж миром и душой стирались грани.
При этом жар был так велик,
Что вырывался резкий крик
Из распалившейся гортани.

Застряли в сетке нервов те рывки,
Вздувая грозно мускулы руки;
А крики — золотые стрелы
Души, напрягшейся как лук —
В наплыве жизнетворных мук,
Летели за ее пределы;
И было утреннее слово
Стать мыслью подлинной готово.

Иные ранние слова
Бывали робкими сперва,
Теряясь в пестроте оттенков.
Другие пикли в тесноте застенков
Непониманья. Но порою, вдруг,
От почвы к небу, отряхнув испуг,
Они взмывали.
Они как будто воспевали
Божественное изумленье рук,
Разверстых губ, ушей, ноздрей, очей —
Пред благодатными плодами,
Цветами, во́дами, ветрами
И золотыми блестками над нами,
Сверкающими в сумраке ночей.

Слова соединенные, слова
Свирепые, чужие, дорогие!
Как медленно вступали вы в права,
Как медленно язык пласты тугие

Выталкивал из каменного рта!..
Но все же покидали вы уста,
И человек лепил вас будто глину,
И все привольнее дышал,
И все уверенней свою судьбу решал,
Полузвериную расправив спину.
И жизнь двоилась в яростном уме,
Когда блуждал он, как во тьме,
В блистающем так ярко мире.
А между тем вскипал все шире
И рос алмазною горой,
Рожденный внове,
Мир беспредельный, мир второй,
Возникший в слове.

О, эти ритмы всей вселенной!..
Как зыбкие видения обнять,
Как все звучанья перенять
Живой, мгновенной,
Кипучей речью,
Несущей силу человечью?!
Их отобрать у океана,
У гор, громов и урагана,
У нежных девичьих шагов,
У совести, томящей так жестоко,
У разума, первоистока
Земных богов?!
Схватить немую бесконечность
И удержать ее, как бы назло врагу,
В одном-единственном мозгу
Даря ей высшую, иную вечность?!

О, сколько тысяч лет ушло с тех пор!
И сколько королей, народов и племен
Встречалось на путях морей, равнин и гор,
Взрывая речью тишину времен!..
Творила исполинская толпа,
Порой глупа, порой глуха, порой слепа,
Разноязычный вавилон...
И лишь поэты,
Огнем своей любви прогреты,
К согласью звали под набатный звон.
Живые мысли, звучным шагом

Поправ ступени мертвых книг,
Бессмертным наполняют благом
Существованья день и миг.

И снова повелитель слова
В него влагает ясный жест,
И с рифмой заодно живая речь готова
Звучать окрест.

МЫСЛИТЕЛИ

Вокруг земли, несущей все живое,
Сквозь дни, сквозь ночи, сквозь года —
Всегда —
Летит скопленье мыслей грозовое.
Седые великаны-облака
Крутыми этажами громоздятся,
Которые, казалось бы, годятся
Стоять века...
Но вновь и вновь они клубятся
При вздохе ветерка.
Нам ощущение знакомо,
Что вся голубизна,
Вся беспредельность окоема
Их зодчеству тесна.
И взоры тех, кто снизу вечерами
Глядит с надеждою на них,
Всё жаждут в арабесках золотых,
Играющих летучими огнями,
Схватить над бездной темноты
Грядущего пресветлые черты.

Селенья у подножий горных
И города средь пашен и лесов
Объемлет вечный гул упорных
И ясных голосов.
Они на кровлях и фронтонах,
Они под складками знамен,
В глубинах памяти бездонных
И на устах времен.

Мыслитель, дерзновенный гений,
Свой лоб несущий средь огня и льда,

Идеи многих поколений
В гармонию приводит иногда.
Но размывает ветер новый
Громады мраморно-свинцовой
Величественный силуэт —
И нет ее, как прежних нет.

О ярость мудрецов! О цели,
Которые на сотнях языков
Потоку жизни подчинять умели
Разгул небесный мыслей-облаков!
И жизнь влекла их под крутые своды
Незыблемых систем,
Лишить божественной свободы
Бессильна вместе с тем.

И вот в стенах ажурных павильонов,
Среди когорт
Изящных труб и блещущих реторт
Вершится поиск фактов и законов.
Материя разъятая дрожит,
Исследована каждая пылинка —
И тайна, в результате поединка,
Теперь уму принадлежит.
И вот еще: на выси ледяной,
При помощи огромного кристалла,
Краса и суть картины неземной
Земному взору, наконец, предстала.
Пусть, рассекая темноту,
Глядят миры сквозь пустоту,
Но эта первозданная гордыня
Божественно сверкающих небес
Обуздана. Теперь имеет вес
Лишь алгебры надежная твердыня.
И вот еще: на мраморном столе
Лежит мертвец в угрюмом зале морга.
Над ним анатом, с думой на челе
И ощущением восторга,
Склоняется. Прослеживает он
Пути любого нерва и сосуда
В мозгу и сердце — чтоб извлечь оттуда
Сокровища для завтрашних времен.

Идет по ступеням науки
Мыслителей высокий путь,
Мозолящих в экспериментах руки,
Отдавших голову и грудь
Единой страсти постиженья
Земного и небесного движенья.

Картезий, Лейбниц, Гегель, Кант, Спиноза,
Вы, в ком срастились логика и греза,
Чей мощный мозг был так вооружен
Для схватки с миром, о, скажите,
Какими был бы он сетями окружен,
Тисками сжат — коль вы, кто дорожите
Его единством, обрели бы власть
Гнуть ради целого любую часть?!
Вы насаждали постоянство
Концепций неподвижных, как скала,
Там, наверху, где облачная мгла
Переполняет синее пространство.
Все было предусмотренным, но вдруг
Все рушилось вокруг.
Весь горизонт клубился от сплетений
Каких-то новых ясностей и теней.
Просветы новые взреза́ли муть,
И каждый был как новый путь
К иному синтезу, иному обобщенью,
Могучей думы воплощенью.
Потоки воздуха взносились к небесам,
К великолепью солнца,
Ломившегося в синие оконца,
Всесильного к двенадцати часам —
И разлетались белые громады,
Остались единицы от армады,
Казались одинокими они
В слепящем блеске и в тени,
До дня очередного появленья
Колоссов отвлеченного мышленья.

И снова громоздятся облака,
И ветра торопливая рука
Их снова разрушает своевольно.
Мы ими восхищаемся невольно,
Когда глядим на них издалека.

Но их творцы пытались — и не раз —
Оправить вечность, как алмаз,
В металл всемирной, абсолютной,
Недвижной истины, в надежде смутной
Решить всё разом. Дерзкая мечта
Была напрасной.— Разве солнце может
Не плавить лед и ждать, пока стреножит
Его разбег слепая мерзлота!

ХВАЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ТЕЛУ

В сиянье царственном, что в заросли густой
Вонзает в сердце тьмы своих лучей иголки,
О девы, чьи тела сверкают наготой,
Вы — мира светлого прекрасные осколки.

Когда идете вы вдоль буксов золотых,
Согласно, весело переплетясь телами,
Ваш хоровод похож на ряд шпалер живых,
Чьи ветви гибкие отягчены плодами.

Когда в величии полуденных зыбей
Вдруг остановится одна из вас, то мнится:
Взнесен блестящий тирс из плоти и лучей,
Где пламенная гроздь ее волос клубится.

Когда, усталые, вы дремлете в тепле,
Во всем похожи вы на стаю барок, полных
Богатой жатвою, которую во мгле
Незримо пруд собрал на берегах безмолвных.

И каждый ваш порыв и жест в тени дерев,
И пляски легкие, взметая роз потоки,
В себе несут миров ритмический напев
И всех вещей и дней живительные соки.

Ваш беломраморный, тончайший ваш костяк —
Как благородный взлет архитектуры стройной;
Душа из пламени и золота — маяк
Природы девственной, и сложной и спокойной.

Вы, с вашей нежностью и тишью без конца,—
Прекрасный сад, куда не досягают грозы;

Рассадник летних роз — горящие сердца,
И рдяные уста — бесчисленные розы.

Поймите же себя, величьте власть чудес!
Коль вы хотите знать, где пребывает ясность,
Уверуйте, что блеск и золото небес
Под вашим светлым лбом хранит тепло и страстность.

Весь мир сиянием и пламенем покрыт;
Как искры диадем, играющих камнями,
Все излучает свет, сверкает и горит,
И кажется, что мир наполнен только вами.

ВО СЛАВУ ВЕТРА

Ты, убегающий вперед
По всем путям земли огромной,
Ты, непреклонный, ты, бездомный,
Куда твой дух тебя влечет?

Люблю я воздух, ветр, пространство,
Иду, куда — не знаю сам;
Как ветр, свистящий по лесам,
Несет меня непостоянство.

Под солнцем ветер раскален,
Но в комнате прохладен он;
Смотри: перстами рук багряных
Лаская целый небосклон,
Он травы клонит на полянах.

Юг, север, запад и восток,
Как мяч, руками огневыми
Иль кулаками ледяными
Бросают вдаль воздушный ток.

Он был в Неаполе, а после был в Мессине;
Он жестом божества зажег верхи валов;
Изрезав, положил пески в немой пустыне
Узором белым вкруг зеленых островов;
Истомен вздох его, дыханье слабо; с видом
Смущенным перед ним трава дрожит чуть-чуть;

А он меж тем, летя, коснулся к пирамидам
И сфинксу древнему бросал песок на грудь.

Но дни меняются, и ветр летит поляной,
В одежде из дождя, в лохмотьях из тумана,
Вот он приходит к нам из стран безвестной мглы,
С Британских островов, с холодных скал Джерсея,
Где тонут в небесах созвездия, бледнея,
Где белым инеем сверкают скал углы.
То — ветр без радости и без лучей; он стонет,
По океану он блуждает, как слепой;
Но лишь коснется он скалы иль камень тронет,
Подъемлет бездна грозный вой.

Когда весна поля к воскресшей воле будит,
Зеленую траву ветр беспощадно студит.

Вот он приходит к нам оттуда, где в Москву
Глядится древний Кремль и золотые главы,
Бросая в небеса багряный отблеск славы;
Где ветр, озлобленный и дикий, наяву
Вонзает зубы в степь; летит с полей Украйны
В Германию и рвет кустарники, крича
Медяным голосом, чтоб после, словно тайны,
Легенды повторять, тде льется Рейн, журча...

Ветр, тот же ветр, зимой, в сияющие ночи,
И даль и небеса белит и жгуче точит.

Он с полюса пришел, где к леднику ледник
Дворцы молчания возвел на белом снеге;
Спокойный, дерзостный, упорствуя в разбеге,
Как острие копья он заостряет пик;
Овеяв хмурый Зунд, коснулся он Урала,
Во фьордах пробежал, к Исландии проплыл,
И над безбрежностью седых морей устало
Он перья снежные отряхивает с крыл.

Откуда б ветер ни пришел,
Он, возвращаясь из блужданий
По степи, лесу иль поляне,
Весь — блеск, здоровье, произвол.
Он землю целовал губами золотыми
Везде,

Над радостями был людскими
И был с людьми в беде.

Надежды, гордость, страсть, все, что бессмертно
в мире,

Что жажда вечная во глуби душ зажгла,
Всё раздували в нас его четыре
Крыла!
В нем словно сердце есть, великое, святое,
Что бьется, плачет, буйствует, дрожит,
Он отдает его и в холоде и в зное,
И там, где счастье ждет, и там, где скорбь грозит.

О ветр! Тебя люблю, дивлюсь тебе, с волненьем
Тебя пою,
И твой текучий хмель, живучий, с умиленьем
До дна я пью.
Он существо мое величит, он, который,
Пред тем как проскользнуть сквозь легкие и поры
В меня и пламенем взыграть в моей крови,—
То грубо-сильно, то глубоко-нежно,
Безбрежно
Мир обнимал объятием любви.

РАДОСТЬ

О, щедрость этих дней — родящей почвы сила
И запахи полей, объятых тишиной!
Спокойный городок захлестнут их волной,
И к радости рывок душа моя свершила.

Спасибо вам, глаза, тебе спасибо, грудь,
Что немощи слеза не запретит вдохнуть
И благодатный бриз, и ярость урагана,
И огненную синь, и нежные лучи
Звезды, глядящей вниз, на спящие в ночи
Громады гор, пустынь, лесов и океана!
Благодарю тебя, моя земная плоть,
За то, что ты пока проворна и упряма,
За то, что, жизнь любя, ты держишься так прямо
И можешь старика во мне перебороть!

О, долгий праздник утр спокойных и прекрасных:
Вся свежесть росных лиц новорождённых роз,
И сад, который мудр, поскольку он возрос
Для этих белых птиц, для этих мыслей ясных!

Люблю я гул толпы и улиц зеркала́.
Люблю извив тропы, которою пришла
Несущая мою судьбу в ладонях милых;
Люблю я вас, поля, где хлеб еще не сжат;
Люблю тебя, земля, где пращуры лежат
В своем родном краю, в своих простых могилах!

Да, я живу во всем,— в болотах и лесах,
На берегу, на дне, в стремительных созданьях,
Пронзивших водоем, скользящих в небесах...
И все живет во мне, в моих воспоминаньях.

Я беспределен в том, что ширится вокруг,—
В пространстве золотом, где слиты лес и луг;
И я горжусь тобой, могучей жизни древо,
Где узловой наплыв на треснувшей коре —
Мой волевой порыв на утренней заре,
Не сломленный судьбой в ночи труда и гнева.

Как поцелуй огня — на лбу в струях волос
Коснувшийся меня душистый пламень роз.
Я на ветру продрог, но в стонах наслажденья
Вибрирует моя смятенная душа.
На лоне бытия, размножиться спеша,
Я сердцем изнемог и жду освобожденья.

И тело в этот миг само себя сожгло,
И в оперенье книг растет мое крыло,
Порою вознося в такую беспредельность,
Где множественность вся, преображаясь в цельность,
Распахивает мир так щедро предо мной,
Что я не наг, не сир в бездомности земной.

Мужайся, человек, не сетуй никогда,
Не жалуйся вовек на трудные года!
Ведь ты вкусил плода чудеснейшего сладость —
И, вечностью горда, душа впивает радость,
Огромную, как свет, который к берегам

Неведомым летит. Сумел ты, взлет орлиный
Направив против бед, в какой-то миг единый
Себя взнести в зенит и приравнять к богам.

ДАЛЕКО ЗА ВОКЗАЛАМИ, ВЕЧЕРОМ

Все тонет в сумерках, закатом обагренных,
И только, словно ножницы, в ночи
Сверкают, темноту взрезая на перронах —
От фонаря до фонаря — лучи.

Как раззолоченная рака, изукрашен
Вокзал — весь в ярких отблесках стекла.
Повисли хлопья копоти и мгла
На крышах и на шпилях башен.

По подъездным путям, в пыли, в дыму,
Ползут вагоны похоронным цугом.
Гробы зловещие, толкаясь, друг за другом
Они скрываются в густеющую тьму.

А вслед им тянется рука в прощальной ласке,
Взлетает над толпой надрывный чей-то крик...
То постоит недолго паровик,
То снова мчится — в грохоте и лязге.

Его вбирают, с ужасом в груди,
То рощи дикие, то пашни, то долины.
Вот позади тоннель — и путь окончен длинный;
Все море распахнулось впереди.

Здесь, по волнам, сияя в позолоте,
Проходят бриги утренней порой.
Их флаги пестрые — в стремительном полете,
И рею каждую — усеял птичий рой.

Диковинно изогнуты их кили.
Рули шафрановы и рыжи кливера.
Прочны канаты их — тугая жила к жиле;
Высоким мачтам не страшны ветра.

Верхарн. «Зори»

Матросы из краев неведомых и древних
Поют на палубе. Так нежен их напев,
Движенья так усталы. На форштевнях
Драконы раскрывают грозный зев.

Мечты идут войною против буден...
А волны в гавани свершают свой побег
Вдоль старых, тихо зыблемых посудин
В страну, где пылкости не остужает снег.

И вдруг — забыто все: отгрохотали
Вагоны, и замолк вокзальный гул.
Полны неистовства, нас призывают дали,
И мир все двери настежь распахнул.

СМЕРТЬ

— Душа печальная моя,
Откуда, об руку с луною,
Пришла ты говорить со мною,
Последней правды не тая?

— Оттуда я, где огнекрылы
Дворцы зари, где ночь светла.
Смотри: я розы принесла
Для завтрашней твоей могилы.

— Душа бессмертная моя,
Ты знаешь: одержим я страхом
Однажды стать холодным прахом,
Уйти во мрак небытия.

— Но ты боишься только света,
Боишься вечной высоты,
Где жизнь и смерть свои цветы
Сплетают на челе поэта.

— Скажи, прекрасная моя:
Ты видишь время, призрак черный,
С косой в руке над этой сорной
Травой, которой стану я?

— Не бойся жалких привидений.
Не нам с тобой во тьме лежать.
В пространстве время удержать
Способен плодоносный гений!

ДЕРЕВО

Среди полей,
Вздымаясь царственно громадой одинокой,
В дни ласковой весны и в дни зимы жестокой,
С жарой и холодом равно ведя борьбу,
Оно всегда полно стремлением единым:
Навязывать свою державную судьбу
Равнинам.

Уж сколько раз, пока над ним текут века,
Зарею новою сменялся день вчерашний;
Всё те же стелются вокруг луга и пашни.
Давно ушедшие во тьму небытия
Исчезнувшие поколенья
Следили, как его сучков рождались звенья,
Коры сплеталась чешуя.
Крестьяне видели в его спокойной силе
Оплот своих трудов; в тени его ветвей
Полдневный отдых свой обычно проводили,
И дети их под ним нередко находили
Приют любви своей.

В деревне по нему любой из стариков
Предскажет — будет дождь иль ясная погода:
Оно посвящено и в замыслы ветров,
И в откровения восхода.
Извечную печаль тоскующих полей
Оно хранит в своей тяжелой древесине,
Но лишь снега растают на равнине
И сок в его стволе задвижется быстрей,—
Мильоном пробужденных клеток,
Губами почек и руками веток,
Всем существом своим в грядущее оно
Устремлено.

Из солнечных лучей, из струй весенних ливней
Оно плетет листвы живые кружева,

К покорным небесам все выше, все призывней
Вздымается его могучая глава;
Его настойчивые пористые корни
День ото дня жадней, год от году упорней,
Всё ненасытнее из почвы сок сосут,
Верша таинственный и исступленный труд.

Но, чтоб в могуществе державном утвердиться,
В какой свирепый бой
Оно должно вступить с суровою зимой,
Как с ураганами отчаянно сразиться!
Повсюду ненависть, и ярость, и вражда;
Метели севера и град востока
Обрушиваются, казня его жестоко;
Опилки инея, иголки льда
Вонзаются в его кору глубоко,
Но никогда,
Ни на мгновенье
Не прекращает дерево труда,
Идя путем упорства и терпенья
К поре прекрасного весеннего цветенья.

И в октябре, когда в его листах блистало
Густое золото и пурпур гордый рдел,
Придя издалека, как пилигрим усталый,
Светло и радостно я на него глядел.
Оно своей листвы торжественное пламя
Вздымало заревом огромным в небеса;
Казалось, что оно живыми существами
Населено и в нем слышны их голоса.
И я ласкал его своим влюбленным взглядом,
Завидя, как оно трепещет на ветру,
Я подходил к нему и становился рядом
И гладил пальцами шершавую кору.
Я грудью припадал к его стволу, и грубо,
Со страстью, с жадностью его я обнимал
И прижимал к нему пылающие губы,
И дивный ритм его мне в сердце проникал.
Так я сливался с ним душой своей и телом,
Был как бы ветвь его среди других ветвей,
Примером вдохновлен блистательным и смелым,
Я жизнь все преданней любил и горячей;
Я твердость черпал в нем, и мощь, и постоянство,

Былую легкость мышц я ощущал в себе,
И был способен сжать в своих руках пространство,
И не боялся вновь противостать судьбе.
И восклицал я: «Сила — это благо.
Благословенны мощь, и стойкость, и отвага!
Пусть человечество их изберет как стяг:
Сметет преграды грозный их кулак
И нам откроет путь к земле обетованной».
И жарко целовал я узловатый ствол...
Когда же небосвод закатом алым цвел
И вечер на поля сходил благоуханный,
Я, светлым, радостным безумием объят,
Стремительно шагал, куда глаза глядят.

ЗАВОЕВАНИЕ

Земля дрожит раскатом поездов,
Кипят моря под носом пароходов;
На запад, на восток, на север и на юг
Они бегут,
Пронзительны и яростны,
Зарю, и ночь, и вечер разрывая
Свистками и сигналами.
Их дымы стелются клубами средь туманов
Безмерных городов;
Пустыни, отмели и воды океанов
Грохочут гулами осей и ободов;
Глухое, жаркое, прерывное дыханье
Моторов взмыленных и паровых котлов
До самых недр глубинных потрясает
Землю.

Усилья мускулов и фейерверк ума,
Работа рук и взлеты мыслей дерзких
Запутались в петлях огромной паутины,
Сплетенной огненным стремленьем поездов
И кораблей сквозь пенное пространство.
Здесь станция из стали и стекла —
Там города из пламени и теней;
Здесь гавани борьбы и сновидений,
Мосты и молы, уголь, дымы, мгла —
Там маяки, вертясь над морем бурным,

Пронзают ночь, указывая мель;
Здесь Гамбург, Киль, Антверпен и Марсель —
А там Нью-Йорк с Калькуттой и Мельбурном.
О, этих кораблей огромный караван!
О, груз плодов и кож для неизвестных целей,
Идущий сквозь моря самумов и метелей,
Сквозь раскаленный штиль и гневный ураган!
Леса, лежащие на дне глубоких трюмов,
И недра гор на спинах поездов,
И мраморы всех пятен и цветов,
Как яды темные запекшиеся руды,
Бочонки и тюки, товаров пестрых груды
И надписи: Кап, Сахалин, Цейлон.
А возле них, кипя со всех сторон,
Взмывает, и бурлит, и бьется в исступленье
Вся ярость золота!.. Палящее виденье!

О, золото! Кровь беспощадной вседвижущей силы.
Дивное, злое, преступное, жуткое золото!
Золото тронов и гетто, золото скиний,
Золото банков-пещер, подземное золото,
Там оно грезит во тьме, прежде чем кинуться
Вдоль по водáм океанов, изрыскать все земли,
Жечь, питать, разорять, возносить и мятежить
Сердце толпы,— неиссчетное, страстное, красное.

Некогда золото было богам посвященным,
Пламенным духом, рождавшим их молнии.
Храмы их поднимались из праха, нагие и белые,
Золото крыш отражало собою их небо.
Золото сказкою стало в эпоху русых героев:
Зигфрид подходит к нему сквозь морские закаты,
Видит во тьме ореолы мерцающей глыбы,
Солнцем лежащей на дне зеленого Рейна.

Ныне же золото дышит в самом человеке,
В цепкой вере его и в жестоком законе,
Бродит отсветом бледным в страстях его и безумье,
Сердце его разъедает, гноит его душу,
Тусклым бельмом застилает божественный взор.
Если же вдруг разражается паника — золото
Жжет, пепелит и кровавит, как войны, как мор,
Рушит безмерные грезы ударами молота.

Все же
Золото раз навсегда в человеке вздыбило
Волю к завоеванью безмерного.
О, ослепительный блеск победителя-духа!
Нити металла — носители быстрого слова —
Сквозь сумасшедшие ветры, сквозь сумасшедшее
море
Тянут звенящие нервы одного сумасшедшего мозга.
Все повинуется некоему новому строю.
Кузня, в которой чеканят идеи,— Европа.
Расы древних культур, расчлененные силы,
Общие судьбы свои вы вяжете вместе с тех пор,
Как золото жалит ваш мозг общим желаньем!
Гавани, молы, покрытые дегтем и варом,
Черные склады, кипящие штольни, гудящие домны,
Ваша работа вяжет всё у́же узлы паутины
С тех пор, как золото здесь, на земле,
Победило золото неба!
Золото жизни иль золото смерти — страстное золото
Азию тянет петлей, проливается в Африку;
Золото — скиптр океанов, бродячее золото,
С полюсов белых срывается к рыжим экваторам.
Золото блещет в победах, в разгромах мерцает,
Золото кружится в звездных орбитах веков,
Золото властно ведет в державно намеченных планах
Мачты своих кораблей, рельсы своих поездов
Вдоль по пустыням земли, вдоль по вода́м океанов...

ЖИЗНЬ

Залюбоваться всей вселенской суматохой,
Чтоб творчески взорлить над тщетной суетой,
Над всеми корчами бескрылости пустой;
Стать вровень с временем, с трагической эпохой,
Вином реальности суметь упиться всласть,
Чтоб в сердце — власть огня, в мозгу — похмелья
власть!

О, ясность мудрая отборных крупных злаков!
О, пламень, избранный из тысячи огней,—
Нет обольстительней его и холодней!
О, мужество! Всегда твой жребий одинаков:

Твой путь высок и крут, а встреча далека,
И гордость светлая разит верней клинка!

Сметать препятствия, смелее с каждым разом,
И, шествуя вперед, уверенность храня,
По тропам времени и перепутьям дня,
Знать, что с тобой твои терпенье, воля, разум,
И, стало быть, в простом величии своем,
Ты сам становишься сильнее с каждым днем!

Любить, но не себя. Любить друзей, в которых
Твои достоинства. Друзья всегда с тобой:
За ту же будущность они вступают в бой
И мыслят так, как ты. И каждый сердца шорох
У них, как у тебя, и каждый сердца звук,
И тот же перечень тревог и черных мук!
В них упоение все той же вечной сечей,
В них отсвет трепетный чудовищных атак
И гневных приступов. В них звездный зодиак,
И человечья боль, и подвиг человечий;
Так сердцем доблестным благой закон прими,
Что правит звездами, мирами и людьми!

ИДЕИ

Незримо царствуя в сознании людей
Над спесью городов, над грозной их судьбиной,
Превыше горестей и радости невинной,
Парит летучий рой живительных идей.

Светильнику небес был разум равносилен
Уже в начале дней, когда, освободясь,
Летуньи светлые вспорхнули в синь и в ясь
Из лабиринта золотых извилин;
Их крылья широко простерты в небесах,
В них сонм людских надежд и весь наш смутный страх,
В них наши радости и наши упованья,
И наших всеблагих заветов толкованья!

Они у нас в сердцах, они у нас в мозгу,
В них Вещь и Человек, Предмет и Человечность;
Сквозь веки их глядит седая бесконечность,
Седых безгранностей провидя мелюзгу.

Вот так они парят в материи безмерной,
Окольцевав огнем разбег земных дорог,
Купаясь в ясности предвечно-беспримерной.

Так человек, узрев их золотой чертог,
Так сам создавший их, пленясь красой безмерной,
Внезапно захмелел и молвил: «Это бог!»

Чем большей точности со временем достичь
Сумеют мудрецы; чем пламенней их души
Воспрянут; чем скорей во тьму предвечной чуши
Ученые метнут слепящих молний бич;
Чем больше озарят они голов людских,
Чтоб жадный к мудрости — во всем ее достиг,—
Чем ревностней они, в соперничестве здравом,
Под ветхой синевой рванутся к новым славам,
Тем беспредельнее, красивей и пышней
Распустится в веках цветок живых идей!

ДЕРЖАВНЫЕ РИТМЫ

ГЕРАКЛ

Что совершить еще для умноженья славы?

Увы! Уж сколько лет
Он утомлял закат и утомлял рассвет.
Увы! Уж сколько лет
Он утомлял моря, болота и дубравы
И хмурые хребты в морщинах лавы!
Как долго он терзал и ужасал весь свет
Громами подвигов, грозою величавой
Своих побед!

Хотя былой огонь пылал в груди Геракла,
Порою думал он, что мощь его иссякла;
Герои юные, покамест он старел,
Успели совершить так много славных дел.

И пусть он по земле еще шагал широко,—
Шаги его уже звучали одиноко.

Шар солнца поднялся к зениту над горой
И опустился вновь, и дали потускнели,—
И Эта целый день смотрела, как герой
Блуждал без цели.

Средь множества дорог свой путь определив,
Он колебался;
Он шел вперед и снова возвращался,

Настороженностью сменяя свой порыв;
В смятенье
Он видел пред собой путей переплетенье.
Вдруг охватил его слепой и ярый гнев,
И в пальцы рук его вселилось нетерпенье.
Того, что делает, осмыслить не успев,
Он к лесу бросился, расталкивая скалы;
Рыча, как дикий зверь, в неистовстве борьбы,
Он начал вырывать с корнями, как бывало,
Дубы.

Когда же гнев остыл и прояснился разум,
Как в блеске молнии ему предстала разом
Вся жизнь прошедшая, весь путь его судьбы,
И детства грозного могучие забавы,
Когда в пылу игры он истреблял дубравы.
И мышцы мощные отяжелели вдруг,
Меж тем как всё вокруг,
Казалось, с явною насмешкою кричало,
Что возвратился он, замкнув огромный круг,
В свое начало.

Горячий пот стыда покрыл его чело;
Но все же дикое и глупое упорство
Превозмогло:
Он тяжело,
Себе назло,
С природой продолжать решил единоборство.
И в сумерках, когда последний солнца луч,
Прощаясь, покидал последнюю вершину,
Геракл безумствовал, неистов и могуч,
И грузные стволы, покорны исполину,
Катились, грохоча, подпрыгивая, с круч
В долину.

Громадой страшною кровоточащих тел
Деревья мертвые заполнили равнину.
Геракл растерянно и сумрачно смотрел
На мечущихся птиц, что оглашали воздух
Стенаньями о разоренных гнездах.

И наступил тот час, когда ночная мгла
Величие своих глубин в луне и звездах

Зажгла.
Увы, Гераклу ночь с собой не принесла
Успокоенья;
Был смутным взор его, бесцельными — движенья.

Вдруг зависть к небесам в безумный мозг вошла
И породила в нем безумную причуду:
Поджечь всю эту груду
Стволов, корней, ветвей, листвы, коры,
Чтоб зарево костра оповестило
Далекие миры,
Что сотворил Геракл здесь, на земле, светило.

И вот,
Стремительно взмывая в небосвод,
Как стая птиц морских над пенными валами,
Затрепетало пламя.
Густеет, ширится тяжелый черный дым,
Стволов окутывая груду;
И ветки тонкие, кора со мхом сухим
Трещат и здесь, и там, и дальше, и повсюду.
Огонь ползет в обход и рвется напрямик,
Он пряди рыжие вздымает, грозно воя;
Внезапно, словно бы шутя, лизнул героя
Огня язык.

Геракл почувствовал ожоги,
Но, побеждая боль, не хочет отступать;
Как в юности, когда он призван был карать,
Он должен задушить врага в его берлоге.
И вот, одним прыжком, сомнения гоня,
Он — в логове огня.
Шаги его легки, во взгляде снова ясность,
Вновь крепок дух его, вновь мысль его остра;
Уже на гребне он гигантского костра,
И не страшит его смертельная опасность.
Когда огонь простер вокруг него крыла,
Он понял, наконец, к чему судьба звала:
Он понял, что в дыму багровом
Еще раз удивит он всю земную твердь
Последним подвигом, завоеваньем новым,—
Осилив смерть.

И пел он с вдохновенной силой:
«О ты, ночь звездная, ты, ветер быстрокрылый,
Мгновенье прошлого и будущего час,
Прислушайтесь, остановитесь!
Геракл встречает смерть и воспевает вас.
Всю жизнь я окружен был пламенною славой:
Я гибкость получил от Гидры многоглавой;
В моей крови живет неукротимый гнев,
Которым одарил меня Немейский лев;
Шаги мои звучат в лесах олив и лавров,
Как звонкие прыжки стремительных кентавров;
Пред силою моей, оторопев, поник
Тяжелой головой свирепый Критский бык;
Из глубины лесов привел я за собою
Лань златорогую, настигнутую мною;
Я, сдвинув горы с мест и повернув поток,
Конюшни Авгия один очистить смог;
Подобно молнии, стрела моя блистала,
Разя ужасных птиц на берегах Стимфала;
Я долго странствовал, чтобы прийти туда,
Где страшный Герион растил свои стада;
Была моей рукой одержана победа
Над кровожадными конями Диомеда;
Пока Атлант в саду срывал чудесный плод,
На собственных плечах держал я небосвод;
Мечи воительниц стучали в щит мой звонкий,
Но захватил в бою я пояс Амазонки;
Смирил я Цербера, чудовищного пса,
Заставив стража тьмы взглянуть на небеса».

Внезапно из-под ног Геракла клубы дыма
Взметнулись, и огонь вокруг него взревел,
Но непоколебимо
Стоял герой и пел:
«Прекрасно то, чем я владею:
Сплетенье мускулов моих —
Мышц рук и ног, спины и шеи;
Ритм подвигов бушует в них.
Так много долгих лет с неутолимой жаждой
Трепещущую жизнь впивал я по́рой каждой,
Что в этот час, когда сгораю я в огне,
Я чувствую, что вся вселенная — во мне:
Я — ураган, и тишь, и ясность, и ненастье;

Я знал добро и зло, изведал скорбь и счастье;
Я все впитал в себя, я, как водоворот,
Упорно всасывал поток текущих вод.
Иола кроткая, Мегара, Деянира,
Для вас, трудясь, борясь, я обошел полмира.
И пусть безрадостен и долог был мой путь,—
Я все же не давал судьбе меня согнуть.
И вот теперь, в огне, в час муки и страданья,
Встречаю смерть свою я песнью ликованья.
Я светел, радостен, свободен и велик,
И в этот миг,
Когда на золотом костре я умираю,
Я благодарно возвращаю
Вам, горы и леса, вам, реки и поля,
Крупицу вечности, что мне дала земля».

И вот уже заря над Этой заалела,
Рождался новый день, ночную тьму гоня,
Но гордо реяли полотнища огня,
И песнь торжественно, как гимн сиянью дня,
Гремела.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Когда вошел в Сикстинскую капеллу
Буонарроти, он
Остановился вдруг, как бы насторожен;
Измерил взглядом выгиб свода,
Шагами — расстояние от входа
До алтаря;
Счел силу золотых лучей,
Что в окна бросила закатная заря;
Подумал, как ему взнуздать коней —
Безумных жеребцов труда и созиданья;
Потом ушел до темноты в Кампанью.

И линии долин, и очертанья гор
Игрою контуров его пьянили взор;
Он зорко подмечал в узлистых и тяжелых
Деревьях, бурею сгибаемых в дугу,
Натуру мощных спин и мышцы торсов голых
И рук, что в небеса подъяты на бегу;

И перед ним предстал весь облик человечий —
Покой, движение, желанья, мысли, речи —
В телесных образах стремительных вещей.
Шел в город ночью он в безмолвии полей,
То гордостью, то вновь смятением объятый;
Ибо видения, что встали перед ним,
Текли и реяли — неуловимый дым,—
Бессильные принять недвижный облик статуй.

На следующий день тугая гроздь досад
В нем лопнула, как под звериной лапой
Вдруг лопается виноград;
И он пошел браниться с папой:
«Зачем ему,
Ваятелю, расписывать велели
Известку грубую в капелле,
Что вся погружена во тьму?
Она построена нелепо:
В ярчайший день она темнее склепа!
Какой же прок в том может быть,
Чтоб тень расцвечивать и сумрак золотить?
Где для подмостков он достанет лес достойный:
До купола почти как до небес?»
Но папа отвечал, бесстрастный и спокойный:
«Я прикажу срубить мой самый лучший лес».

И вышел Анджело и удалился в Рим,
На папу, на весь мир досадою томим,
И чудилось ему, что тень карнизов скрыла
Несчетных недругов, что, чуя торжество,
Глумятся в тишине над сумеречной силой
И над величием художества его;
И бешено неслись в его угрюмой думе
Движенья и прыжки, исполнены безумий.
Когда он вечером прилег, чтобы уснуть,—
Огнем горячечным его пылала грудь;
Дрожал он, как стрела, среди своих терзаний,—
Стрела, которая еще трепещет в ране.
Чтоб растравить тоску, наполнившую дни,
Внимал он горестям и жалобам родни;
Его ужасный мозг весь клокотал пожаром,
Опустошительным, стремительным и ярым.

Но чем сильнее он страдал,
Чем больше горечи он в сердце накоплял,
Чем больше ввысь росла препятствий разных груда,
Что сам он воздвигал, чтоб отдалить миг чуда,
Которым должен был зажечься труд его,—
Тем жарче плавился в его душе смятенной
Металл творенья исступленный,
Чей он носил в себе и страх и торжество.

Был майский день, колокола звонили,
Когда в капеллу Анджело вошел,—
И мозг его весь покорён был силе.
Он замыслы свои в пучки и связки сплел:
Тела точеные сплетеньем масс и линий
Пред ним отчетливо обрисовались ныне.
В капелле высились огромные леса,—
И он бы мог по ним взойти на небеса.
Лучи прозрачные под сводами скользили,
Смыкая линии в волнах искристой пыли.
Вверх Анджело взбежал по зыбким ступеням,
Минуя по три в раз, насторожён и прям.
Из-под ресниц его взвивался новый пламень;
Он щупал пальцами и нежно гладил камень,
Что красотой одеть и славою теперь
Он должен был. Потом спустился снова
И наложил тяжелых два засова
На дверь.

И там он заперся на месяцы, на годы,
Свирепо жаждая замкнуть
От глаз людских своей работы путь;
С зарею он входил под роковые своды,
Ногою твердою переступив порог;
Он, как поденщик, выполнял урок;
Безмолвный, яростный, с лицом оцепенелым,
Весь день он занят был своим бессмертным делом.

Уже
Двенадцать парусов он ликами покрыл:
Семь прорицателей и пять сивилл
Вникали в тексты книг, где, как на рубеже,
Пред ними будущее встало,
Как бы литое из металла.

Вдоль острого карниза вихри тел
Стремились и летели за предел;
Их золотые спины гибкой лентой
Опутали антаблементы;
Нагие дети ввысь приподняли фронтон;
Гирлянды здесь и там вились вокруг колонн;
Клубился медный змий в своей пещере серной;
Юдифь алела вся от крови Олоферна;
Скалою Голиаф простер безглавый стан,
И в пытке корчился Аман.
Уверенно, без исправлений,
Без отдыха, и день за днем,
Смыкался полный круг властительных свершений.
На своде голубом
Сверкнуло Бытие.
Там бог воинственный вонзал свое копье
В хаос, клубившийся над миром;
Диск солнца, диск луны, одетые эфиром,
Свои места в просторе голубом
Двойным отметили клеймом;
Егова реял над текучей бездной,
Носимый ветром, блеск вдыхая звездный;
Твердь, море, горы — все казалось там живым
И силой, строгою и мерной, налитым;
Перед создателем восторженная Ева
Стояла, руки вздев, колена преклонив,
И змий, став женщиной, вдоль рокового древа
Вился, лукавствуя и грудь полуприкрыв;
И чувствовал Адам большую руку божью,
Персты его наполнившую дрожью,
Влекущую его к возвышенным делам;
И Каин с Авелем сжигали жертвы там;
И в винограднике под гроздью золотою
Валился наземь Ной, упившийся вином;
И траурный потоп простерся над землею
Огромным водяным крылом.

Гигантский этот труд, что он один свершил,
Его пыланием Егóвы пепелил;
Его могучий ум свершений вынес бремя;
Он бросил на плафон невиданное племя
Существ, бушующих и мощных, как пожар.
Как молния, блистал его жестокий дар;

Он Данта братом стал или Савонаролы.
Уста, что создал он, льют не его глаголы;
Зрят не его судьбу глаза, что он зажег;
Но в каждом теле там, в огне любого лика —
И гром и отзвуки его души великой.
Он создал целый мир, такой, какой он смог,
И те, кто чтит душой благоговейно, строго
Великолепие латинских гордых дел,—
В капелле царственной, едва войдя в предел,
Его могучий жест увидят в жесте бога.

Был свежий день: лишь осень началась,
Когда художник понял ясно,
Что кончен труд его, великий и прекрасный,
И что работа удалась.
Хвалы вокруг него раскинулись приливом,
Великолепным и бурливым.
Но папа все свой суд произнести не мог;
Его молчанье было как ожог,
И мастер вновь в себя замкнулся,
В свое мучение старинное вернулся,
И гнев и гордость с их тоской
И подозрений диких рой
Помчали в бешеном полете
Циклон трагический в душе Буонарроти.

ВЛЕЧЕНИЯ

I

В Голландии, чье сердце пронзено
Хитросплетеньем рек кровоточащих,
Близ пустошей, в забвенье уходящих,
Любовь их родилась давным-давно.
Покинутый, нелепый флигелек
Их пережил, легендою облек
И полувоскресил
Воспоминанье о полузабытых —
В краю, где позолота на бушпритах
Огромных кораблей, едва ль не вросших в ил.

К возлюбленным пришла беда.
В тот знойный августовский день

Он уезжал бог весть куда,
Но знал, что, возвратясь
Из тысяч дней
Борений и побед,
Он снова будет с ней,
Что ей он принесет — с душою вдохновенной
И ясностью очей и силой крепких рук —
Круг бесконечности, сомкнувшийся вокруг
Вселенной!

Он увидал морей безмерных переливы,
И в дебрях зарослей — заветные заливы;
И как в лесной глуши, обуглен и багрян,
Колдует сонм ветвей над знойным небом бури,
И белых обезьян, проказниц обезьян,
На вервиях ветвей, сплетенных из лазури!
В кораллах островов ему открылась даль,
Воскрылья странных птиц и клювов их эмаль,
И в злате, в пурпуре, в роеньях перламутра,
В миражах дальних гор пред ним вставало утро.
Он брел по влажному нездешнему песку
И погружался вдруг в сладчайшую тоску,
Как будто нет уже ни скорби, ни разлуки,
Как будто по вискам скользят любимой руки,
Которые из той, из отческой земли,
Чрез беспредельность волн в лазоревой пыли,
Отраду и любовь скитальцу принесли!

А там, в Голландии, в стенах, плющом увитых,
Она средь пустошей и палуб деловитых
Одним лишь им жила, и письма берегла...
На этом бархате влюбленные лежали!
(Мореный дуб шкафов, и кресел, и стола,
Подушек вмятины — благой любви скрижали!)
Вот зе́ркала кристалл — ужель и вправду в нем
Скрещались взоры их, пылавшие огнем?
Так, вплоть до слов любви в резном ларце кургузом,
Все здесь, немотствуя, звучало их союзом!

Порою, под вечер, закатный небосклон
К сквозной ограде льнул, угрюм и утомлен,—
И руки милые, с медлительностью верной,
Касались губ ее, грудей и щек и глаз;

Казалось ей, что в них был набожный экстаз,
Благоговейный пыл и зов и зной безмерный!
Какою радостью она цвела, какой
Веселостью цвела! Ни бури, ни печали,
Ни горести — ее ничуть не омрачали,
Затем, что в ней царил волшебный непокой,
Когда она, во мгле свою лелея муку,
Лобзала пылкую и дерзостную руку.

Казалось, что сердца их связаны навек!

В краю угрюмых скал и полноводных рек,
Везде, где он шагал с опасностью бок о бок,
В равнинах и в степях, в трясинах и в чащобах,
И в полночь лунную, под золотом огней,
Ее он чувствовал и думал лишь о ней;
И, заключив ее в своей душе и теле,
Сквозь все препятствия он шел к далекой цели!

II

Но как-то под вечер, в какой-то дивный час,
Он, возвратясь в страну, где рекам счет потерян,
Где каждый клок земли на совесть перемерян,
Где над лачугами — кирпичный акведук,
В столпотворении церквей и водокачек,
Он город увидал, и сердце, будто мячик,
Запрыгало в груди — и обновилось вдруг.

Гранитно-золотым
Навис тот город садом,—
Весь в рокоте глухом,
В крови, в дыму седом;
И раскаленных волн безжалостный содом
Морскою солью льнул к сверкающим фасадам,—
И в комья копоти вонзались, как клинки,
Внезапные свистки,
И от цистерн несло зловоньем керосина,
Но свежестью лесной дышала древесина
У пирсов гавани, где пасмурность болот
Гудками хриплыми будил торговый флот.
Висячих фонарей мерцающий оскал

Нежданно озарял весь этот мрак летучий,
Где башня — теменем — сливалась с черной тучей
И крытый рынок в ночь проемами сверкал.
И веера́ лучей цвели на влаге пенной,
И высился маяк, своим лучом разжав
Туман, чтоб корабли из варварских держав
Сюда держали курс со всех концов вселенной.

Великим скопищем трагедий и тревог
Тот город-исполин с его срастался телом,
Кичился волею и упованьем смелым
И подводил всему логический итог.
С чудесной ясностью пришелец ощутил
В душе недремлющей прилив блаженных сил,—
Как бы увидел он, вместить пространство силясь,
Что в зеркале души контрасты отразились!
Так, в сердце пестуя грядущую грозу,
Он слился с толпами людскими, там, внизу,
Чтоб повторять потом, с людьми другими вместе,
Их крики и шаги. Быть с ними в каждом жесте.

Как были мускулы его напряжены,
Когда, ему в лицо дыша волшебным жаром,
Всхрапнул локомотив, окутав мятым паром
Могучие свои стальные шатуны!
Вот так в душе его, податливой и кроткой,
Был город утвержден, со всей его походкой,
Со всею поступью горячечных недель,
Со всею ритмикой вибрирующей стали,—
Гигант, прядущий времени кудель!

Ну, а любимая? Увы! В какой печали
Терзалась бедная! Молитву сотворя,
Душа ее рвалась куда-то за моря!
А в сердце тяжкое забвенье и усталость,—
В пустом пространстве грез вдруг сердце заметалось:
Все вещи стали вдруг угрюмей и бедней,
Нахмурился диван, свидетель лучших дней,
Постыдно выцвела обивка милых кресел;
А ветер под вечер в деревьях куролесил,
Угрюмый, сумрачный, жестокий, как палач;
И в сердце властвовал его охрипший плач!

III

Пока в ее душе, истерзанной тоской,
Сменялись образы печали колдовской,
Он в битву ринулся, и все клинки запели,
Внезапно закалясь, как в огненной купели.
Судьбу в дугу сгибать он волею привык,
Так вихрь с востока гнет податливый тростник;
И молниями гроз над ним цвело крылато
Все озарившее чудовищное злато!
Он стал повелевать, сжигая, как огонь,
Все наважденья бед, препятствий и погонь.
Но, мощью овладев поистине державной,
Он чаровал людей своей улыбкой славной.
Он верил в добрый свет высокого ума
И в то, что движет им История сама.
Искатели его, ведомые гордыней,
Бурили землю там, где вечный лед и иней,
Он знал, что их кирки вопьются в землю впредь
Лишь там, где прячутся от глаз свинец и медь,
Где олово лежит, и серебро, и злато.
...Большие корабли, груженные богато,
Сокровища всех стран, кряхтя, везли ему,
Он именем своим украсил их корму.
Он подчинил их так, как волны не смогли бы.
Случалось, что слова, тяжелые, как глыбы,
Срывались с губ его. В неведомый предел
Под лампой, вечером, не видя, он глядел,
Над письменным столом, на славу поработав
И чуть не опьянясь от всех своих расчетов.
Он подчинил себе винты и якоря,
И мрак пакгаузов, и синие моря,
В безмерном ритме дней взманил он всё на свете —
Экватор, полюса́, ночных созвездий сети,—
Он в грудь свою вобрал восторг, и блеск, и зной,
И стужу льдистую в безгранности земной!

IV

Недавние часы затишья и отрады,
Счастливые часы, о, как вы хороши!
Всей силой любящей души
Она его ждала, забыв про все преграды.

Но в дальней стороне, несправедлив и строг,
Он зовом любящей жестоко пренебрег;
Пути предвечных сил в его душе скрещались,
Он многое постиг, ликуя и печалясь;
Повиновался он, познав волшебный страх,
Закону, что царит в космических мирах;
В нем счастья времена тускнели, как в старинных
Полотнах: все цвело на фоне золотом,
Но выцвело потом
Очарованье сцен картинных!
О, эта зимняя трагическая ночь,—
Упало зеркальце, где их любовь томилась,
Где, взоры их скрестив, томленье затаилось,
Упало на паркет, упало и разбилось,—
Из пальцев любящей выскальзывая прочь.

И сердце сделалось надгробьем роковым,
Что память озарит светильником живым.
Тускнея, как цветок, как зеркальца осколок,
Она узнала, сколь осенний вечер долог!
А те, которые вернулись в старый свет,
При ней всегда блюли молчания обет.
И ни одна волна в эфирном океане
Не выплеснулась к ней в часы рассветной рани.
Но в синеву пучин впивался нежно вдруг
Взор, хорошеющий от неизбывных мук.
И расцвела любовь с такою силой шалой
В ее больной душе, тенистой, и усталой,
И полной нежности слепой,
Что смерть скользнула к ней незримою тропой;
И зимним вечером, когда белым-бела
Равнина плоская под кровлей снега зыбкой,
Любимого простив с блаженною улыбкой,
Неслышная, она неслышно умерла.

И вот теперь,
В Голландии, чье сердце пронзено
Хитросплетеньем рек кровоточащих,
Близ пустошей, в забвенье уходящих,
Где родилась любовь давным-давно,
Покинутый, нелепый флигелек
Их пережил,— легендою облек
И полувоскресил

Воспоминанье о полузабытых,—
В краю, где позолота на бушпритах
Огромных кораблей, едва ль не вросших в ил.

МОЛИТВА

Когда моя душа, почуяв близость битвы,
В грядущее стремит полет —
Во мне растет,
Как в детстве, пламенный, давно забытый пыл,
С каким я некогда твердил
Слова молитвы.

Иные, повзрослев, я бормочу слова,
Но прежняя мелодия жива
И сердце мне волнует неизменно
И в такт его биениям поет,
Когда во мне восторга молот бьет
И я себя люблю самозабвенно.

О, искра, что блестит из глубины времен,
Молитва новая, иной святыне!
Грядущее! Тобой я вдохновлен,
Не бог, а ты владычествуешь ныне.
Ты будешь в людях жить, веселых и простых,
Ты станешь мыслями, глазами, плотью их.

Далекие! Пусть вы в мечтах не таковы,
Какими будете, планеты заселяя,
Не все ль равно мне, если вы
Мой пробудили дух, величьем окрыляя?

Как близки мне ваш трепет, ваш восторг,
О люди дней грядущих,
Потомки тех, чей труд еще не всё исторг
Из недр, так долго ждущих!
Я посвящаю вам, хозяева земли,
Весь жар моей любви, безмерно одинокой.
Пытались погасить его, но не могли
Дни вереницею жестокой.
Я не из тех, кто в прошлое влюблен,
Кто тишиной его дремотной усыплен.

Борьба, опасности, что требуют усилья,
Влекут меня... Хочу лететь в зенит,
И не могу себе подрезать крылья,
И неподвижность мертвых мне претит.

Люблю я наших дней глухое беспокойство,
Волнующее веянье идей,
Труды и подвиги, стремления, геройство
Бесстрашных тех людей,
Что пролагают путь, дерзая и творя,
Хотя еще не занялась заря.

В чем радость? Воспарять душою окрыленной
В великие часы, когда гремит прибой
Проклятий и угроз, когда самим собой
Становишься, забыв о вере обыденной.
В чем радость? Отогнать весь рой сомнений прочь.
И в бой не опоздать, и страх свой превозмочь,
Быть храбрым, и любить стремительность порыва,
И молодости слать привет вольнолюбивый.

В чем радость? Подарить властительный свой стих
Народу: он поймет всю горечь строф твоих,
Всю пылкость их поймет и, может быть, прославит.
В чем радость? Смысл вложить в ту цепь страстей людских,
Которая так душит нас и давит,
Затем соединить могучей цепью той
Век нынешний и век грядущий золотой.

В чем радость? Отступать лишь для того в борьбе,
Чтоб силы накопить для схватки новой,
И, зная, что потомкам, не тебе
Достанется венок лавровый
И что не вовремя отважный подвиг твой,—
Все ж ратоборствовать с рутиной и с судьбой,
Грядущего во всем провидеть очертанья.
И, пронеся сквозь страх, отчаянье и тьму,
Хранить, наперекор всему,
Огонь заветный упованья,

И чувствовать в закатный час,
Что у тебя в душе светильник не погас,
И в ней трепещут вновь молитвы,

И новой веры в ней рождается порыв,
Все чаянья веков в закон объединив,
Чтоб мир и человек вздохнули после битвы.

КОРАБЛЬ

Мы мирно курс ведем под звездными огнями,
И месяц срезанный плывет над кораблем.
Нагроможденье рей с крутыми парусами
Так четко в зеркале отражено морском!

Ночь вдохновенная, спокойно холодея,
Горит среди пространств, отражена в волне,
И тихо кружится созвездие Персея
С Большой Медведицей в холодной вышине.

А снасти четкие, от фока до бизани,
От носа до кормы, где светит огонек,
Доныне бывшие сплетеньем строгой ткани,
Вдруг превращаются в запутанный клубок.

Но каждый их порыв передается дрожью
Громаде корабля, стремящейся вперед;
Упругая волна, ложась к его подножью,
В широкие моря все паруса несет.

Ночь в чистоте своей еще просторней стала,
Далекий след кормы, змеясь, бежит во тьму,
И слышит человек, стоящий у штурвала,
Как весь корабль, дрожа, покорствует ему.

Он сам качается над смертью и над бездной,
Он дружит с прихотью и ветра и светил;
Их подчинив давно своей руке железной,
Он словно и простор и вечность покорил.

ВСЯ ФЛАНДРИЯ

ШАГИ

В зимний вечер, когда запирались
С пронзительным визгом ставни
И зажигались
В низенькой кухне лампы,
Тогда звенели шаги, звенели шаги,
Вдоль стены, на темной панели — шаги, шаги.

Уже дети в постелях закутались,
Их игры спутались;
И деревня сгустила тени крыш
Под колокольней;
Колокол бросил в мир дольний из ниши
Часы — один — и один — и два.
И страхи, страхи без числа;
Сердца стуки — вечерние звуки.

Воля моя покидала меня:
К ставне прильнув, я слушал томительно,
Как те же шаги, все те же шаги
Уходят вдаль повелительно,
Во мглу и печаль, где не видно ни зги.

Я различал шаги старушки,
Фонарщиков, дельцов

И мелкие шажки калечной побирушки
С корзиной мертвых барсуков;
Разносчика газет и продавщицы,
И Питер-Хоста, шедшего с отцом,
Воздвигшего вблизи распятья дом,
Где золотой орел блестит на легком шпице.

Я знал их все: одним звучала в лад клюка
Часовщика; другим — костыль убогий
Монашенки, в молитвах слишком строгой;
Шаги пономаря, что пьет исподтишка,—
Я различал их все, но остальные чьи же?
Они звенели, шли — бог весть, откуда шли?
Однообразные, как «Отче наш», они звучали ближе,
Или пугливые — то сумасшедшие брели вдали,—
Иль тяжкие шаги,— казалось,
Томленьем всех времен и всех пространств обременялась
Подошва башмака.
И был их стук печален и угрюм
Под праздник Всех Святых, когда протяжен шум,—
То ветер в мертвый рог трубит издалека.
Из Франции влачили ноги,
Встречались на большой дороге,—
Когда сошлись, куда опять ушли?
И, углубясь опять, бредут в тени бессменной
В тот мертвый час, когда тревожные шмели
По четырем углам вселенной
Звенели, как шаги.

О, дум их, их забот бесцельные круги!
О, сколько их прошло, мной всё не позабытых!
Кто перескажет мне язык их странствий скрытых,
Когда я их стерег, зимой, исподтишка,
Когда их шарканий ждала моя тоска,
За ставней запертой, на дне деревни старой? —
Раз вечером, в телеге парой,
Железо, громыхая, провезли
И у реки извозчика убитого нашли;
Он рыжий парень был, из Фландрии брел к дому.
Убийцу не нашли с тех пор,
Но я... о! чувство мне знакомо,
Когда вдоль стен моих царапался топор.
А вот еще: свой труд дневной кончая,

Наш пекарь, весь в муке, ларек свой запирал
И даму странную однажды увидал,—
Колдунья здесь она, а там — святая,—
Соломой золотой одета, за углом
Исчезла — и вошла на кладбище потом;
А я, в тот самый миг, в припадке,
Услышал, как плаща свернулись складки:
Так землю иногда скребут скребком.
И сердце так стучало,
Что после долго — из глубин
Души — мне смерть кивала.

А тем,— что делать им среди равнин,
Другим шагам, несметным и бесплодным,
Подслушанным на Рождестве холодном,
Влекущимся от Шельды, сквозь леса? —
Сиянье красное кусало небеса.
Одних и тех же мест алкая,
Издáвна, издали, в болотах, меж травы,
Они брели, как бродит сила злая.
И вопль их возлетал, как хрип совы.
Могильщик шел с лопатой следом
И хоронил под ярким снегом
Громаду сложенных ветвей
И окровавленных зверей.

Душа еще дрожит, и ясно помнит разум
Могильщика с лопатой на снегу,
И призраки сквозь ночь мигают мертвым глазом,
Взметенные в пылающем усталостью мозгу,—
Шаги, услышанные в детстве,
Мучительно пронзившие меня
В сторожкие часы, во сне, в бреду мучений,
Когда душа больна и стиснуты колени,
Они бегут, в крови ритмически звеня.

Из тéней дальних, далей синих
Угрюмо-грузные, в упорной и тяжелой тишине.
Земля пьяна от них. Сочти их!
Сочти листы, колосья, снег в небесной вышине!
Они, как вести грозной мести,—
С раскатным шорохом, вдали,

В ночной тени, верста к версте, опи
Протянут тусклые ремни,
И от одной страны, и от одной петли
Замкнется обруч их вдоль всей земли.

О! как впились и плоть прожгли
Шаги, шаги декабрьской тьмы,
И светлые пути зимы,—
Со всех концов земли — сквозь комнату прошли!

КРОВЛЯ ВДАЛИ

О, дом, затерянный в глуши седой зимы,
Среди морских ветров, и фландрских дюн, и тьмы!

Едва горит, чадя, светильня лампы медной,
И холод ноября, и ночь в лачуге бедной.

Глухими ставнями закрыт провал окна,
И тенью от сетей расчерчена стена.

И пахнет травами морскими, пахнет йодом
В убогом очаге, под закоптелым сводом.

Отец, два дня в волнах скитаясь, изнемог.
Вернулся он и спит. И сон его глубок.

Ребенка кормит мать. И лампа тень густую
Кладет, едва светя, на грудь ее нагую.

Присев на сломанный треногий табурет,
Кисет и трубку взял угрюмый старый дед.

И слышно в тишине лишь тяжкое дыханье
Да трубки сиплое, глухое клокотанье.

А там, во мгле,
Там вихри бешеной ордой
Несутся, завывая, над землей.
Из-за крутых валов они летят и рыщут,
Бог весть какой в ночи зловещей жертвы ищут.
Безумной скачкой их исхлестан небосклон.
Песок с прибрежных дюн стеной до туч взметен...

Они в порыве озлобленья
Так роют и терзают прах,
Что, кажется, и мертвым нет спасенья
В гробах.

О, как печальна жизнь средь нищеты и горя
Под небом сумрачным, близ яростного моря!

Мать и дитя, старик в углу возле стола —
Обломок прошлого, он жив, но жизнь прошла.

И все-таки ему, хоть велика усталость,
Привычный груз труда влачить еще осталось.

О, как жестока жизнь в глуши седой зимы,
Когда валы ревут и вторят им холмы!

И мать у очага, где угасает пламя,
Ребенка обняла дрожащими руками.

Вой ветра слушает, молчит она и ждет,
Неведомой беды предчувствуя приход,

И плачет и скорбит. И дом рыбачий старый,
Как в кулаке гнездо, ноябрь сжимает ярый.

ГИЛЬОМ ДЕ ЖЮЛЬЕ

Ведя ряды солдат, блудниц веселых круг,
Ведя священников и ворожей с собою,
Смелее Гектора, героя древней Трои,
Гильом Жюлье, архидиакон, вдруг
Пришел защитником страны, что под ударом
Склонилась,— в час, когда колокола
Звонили и тоска их медная текла
Над Брюгге старым.

Он был горяч, и юн, и жаркой волей пьян;
Владычествовал он над городом старинным
Невольно, ибо дар ему чудесный дан:
Везде, где б ни был он,—
Быть господином.
В нем было все: и похоть и закон;
Свое желание считал он высшим правом,

И даже смерть беспечно видел он
Лишь празднеством в саду кровавом.

Леса́ стальных мечей и золотых знамен
Зарей сверкающей закрыли небосклон;
На высотах, над Кортрейком безмолвным,
Недвижной яростью застыл
Французов мстительных неукротимый пыл.
«Во Фландрии быть властелином полным
Хочу»,— сказал король. Его полки,
Как море буйное, прекрасны и легки,
Собрались там, чтоб рвать на части
Тяжелую упрямую страну,
Чтоб окунуть ее в волну
Свирепой власти.

О, миги те, что под землею
Прожили мертвые, когда
Их сыновья, готовясь к бою,
С могилами прощались навсегда,
И вдруг щепоть священной почвы брали,
С которою отцов смешался прах,
И эту горсть песка съедали,
Чтоб смелость укрепить в сердцах!

Гильом был здесь. Они катились мимо,
Грубы и тяжелы, как легионы Рима,—
И он уверовал в грядущий ряд побед.

Велел он камыши обманным покрывалом
Валить на гладь болот, по ямам и провалам,
Которые вода глодала сотни лет.
Казалось твердою земля,— была же бездной.
И брюггские ткачи сомкнули строй железный,
По тайникам глухим схоронены.
Ничто не двигалось. Фламандцы твердо ждали
Врагов, что хлынут к ним из озаренной дали,—
Утесы храбрости и глыбы тишины.

Легки, сверкая и кипя, как пена,
Что убелила удила коней,
Французы двигались. Измена
Вилась вкруг шлемов их и вкруг мечей,—

Они ж текли беспечным роем,
Шли безрассудно вольным строем,—
И вдруг: треск, лязг, паденья, всплески вод,
Крик, бешенство. И смерть среди болот.

«Да, густо падают: как яблоки под бурей»,—
Сказал Гильом, а там —
Все новые ряды
Текли к предательски прикрытой амбразуре,
На трупы свежие валясь среди воды;
А там —
Всё новые полки, сливая с блеском дали,
С лучом зари — сиянье грозной стали,
Все новые полки вставали,
И мнилось: им глаза закрыв,
В горнило смерти их безумный влек порыв.

Поникла Франция, и Фландрия спаслась!

Когда ж, натужившись, растягивая жилы,
Пылая яростью, сгорая буйной силой,
Бароны выбрались на боевых конях
По гатям мертвых тел из страшного разреза,—
Их взлет, их взмах
Разбился о фламандское железо.

То алый, дикий был, то был чудесный миг.
Гильом пьянел от жертв, носясь по полю боя;
Кровь рдела у ноздрей, в зубах восторга крик
Скрипел, и смех его носился над резнею;
И тем, кто перед ним забрало подымал,
Прося о милости,— его кулак громадный
Расплющивал чело; свирепый, плотоядный,
Он вместе с гибелью им о стыде кричал
Быть побежденными мужицкою рукою.
Его безумный гнев рос бешеной волною:
Он жаждал вгрызться в них и лишь потом убить.

Чесальщики, ткачи и мясники толпою
Носились вслед за ним, не уставая лить
Кровь, как вино на пире исступленном
Убийств и ярости, и стадом опьяненным
Они топтали всё. Смеясь,

Верхарн. «Зори»

Могучи, как дубы, и полны силы страстной,
Загнали рыцарей они, как скот безвластный,
Обратно в грязь.
Они топтали их, безжизненно простертых,
На раны ставя каблуки в упор,
И начался грабеж оружья, и с ботфортов
Слетали золотые звезды шпор.
Колокола, как люди, пьяны,
Весь день звонили сквозь туманы,
Вещая о победе городам,
И герцогские шпоры
Корзинами несли бойцы в соборы
В дар алтарям.

Валяльщики, ткачи и сукповалы
Под звон колоколов свой длили пляс усталый;
Там шлем напялил шерстобит;
Там строй солдат, блудницами влекомый,
На весь окутанный цветным штандартом щит
Вознес Гильома;
Уже давно
Струился сидр, и пенилось вино,
И брагу из бокалов тяжких пили,
И улыбался вождь, склоняясь головой,
Своим гадальщикам, чьих тайных знаний строй
У мира на глазах цвет королевских лилий
Ему позволил смять тяжелою рукой.

ОБЩИННИКИ

Не брезговать любой добычей —
На протяжении веков
У граждан Фландрии таков
Обычай.
Урвав зубами добрый кус
От плоти мировой однажды,
Готов опять вцепиться каждый,
Войдя во вкус.

Война! — Они ее любили.
Едва скликали рать,
Они в движенье приходили,
Себя не заставляя ждать.

За гриву долго ли схватить
Коварную победу,
Ее стреножить, укротить,
Как доводилось деду,
И привязать к своей судьбе,
Взнося до неба славу —
Все это, Фландрия, тебе
Давным-давно по нраву!

Свирепый колокол мычал,
В нем было сердце гнева —
Лупить врагов он приучал
Направо и налево.
Махал он медным языком,
Что кулаком тяжелым.
Набат призывный был знаком
И городкам и селам.

Лихую думу о враге
Общинники умели
Разжечь в домашнем очаге
У самой колыбели.
А на полях, одетых тьмой,
Любя отчизну свято,
Душою Фландрии самой
Была душа солдата.

Был городок вооружен,
Покорный чувству долга.
Простой народ был ублажен,
Хотя и ненадолго.
Не шла забота со двора
И поутру будила,
И ждапных вольностей пора
Никак не приходила.

В мошну разбухшую впились
Пиявками налоги.
За дело господá взялись,
Вот-вот протянешь ноги!..
Свои князья и короли
Врагов иных почище.
Недаром на гербах росли
Всё когти да зубищи!

Добро и деньги — не пустяк!..
От хищных покушений
Упорно защищался всяк
Оружьем соглашений,
Контрактов и договоров,
Ища себе опору.
Был каждый жаден, и суров,
И яростен в ту пору.

Шли в оборот дома, земля,
Товары с весом и без веса...
Росли на складах штабеля
Мануфактуры, бочек, леса...
И парусники шли в моря
С отвагой неизменной,
Родную Фландрию даря
Всей остальной вселенной.

О, бунты, битвы и грызня
Для многих были сладки!
Порой не проходило дня
Без костеломной схватки.
Но сукновальщики, ткачи,
Жестянщики да пивовары
Промеж собою горячи
Бывали лишь на время свары.
А вырвав собственную часть,
Они, сплотившись воедино,
Немедля штурмовали власть —
Вцеплялись в глотку господина.

Пылали красные костры
В хоромах и палатах,
Взлетали к небу топоры
В ручищах волосатых.
Они рубили вкривь и вкось,
Не ждя врага иного —
И древо дряхлое тряслось
От ужаса ночного.

Вот так, дружа со смертью, жил
Фламандский буржуа когда-то,
Детей плодил и не щадил

Ни конкурента, ни собрата.
Растя на брюхе добрый жир,
Не отходя от полной кассы,
Он метил весь окрестный мир
Клеймом своей упорной расы.

СТАРЫЕ ДОМА

Дома у стен дворца, близ городского вала,
Укрыты в ваших тайниках
Богатства в крепких сундуках,
Что жадно, по грошам, провинция собрала.

Личины львиные над ручкою дверной
Глядят, оскалены и дики.
Решеток вздыбленные пики
На окнах сумрачных, как копьеносцев строй.

Дат золоченых вязь искрится и сверкает,
И, медленно вступая в дом,
Хозяин кованым ключом
Всегда торжественно запоры отмыкает.

А в праздники, когда среди сограждан он
Шагает важно и кичливо,
То сам напоминает живо
Тяжеловесный ваш и вычурный фронтон.

Вы жирное житье в себе замуровали
С его добротностью скупой,
И спесью жадной и тупой,
И затхлой плесенью затверженной морали.

И все-таки, дома в плаще туманном лет,
Хранит ваш облик величавый
Остатки отшумевшей славы
И древних доблестей едва заметный след.

Панель дубовую украсили узоры,
И лестниц взлет надменно строг,
И жутко, перейдя порог,
Вступать в безмолвные, глухие коридоры.

Там гости за столом пируют без забот.
Пылают вечером камины,
Семью сбирая в круг единый,
И плодовитостью гордится каждый род.

Дома́, ваш мир умрет! И все же будьте с нами,
Когда великий вспыхнет гнев,
И люди, факелы воздев,
Раздуют рыжее клокочущее пламя.

Но пусть навек уснут богатства в сундуках,
И жизнь будить их не посмеет,
И жар горячки не согреет,—
Пусть непробудно спят, как мертвые в гробах.

Дремота тяжкая провинцию сковала,
И все черней забвенья тьма
Над вами, старые дома
На главной улице, у городского вала.

ШАЛАНДА

Вот лодочник, весе́лый малый,
Налег на руль плечом...
Увидят все каналы
Его плавучий дом.

До блеска вымытая лодка
Скользит, красотка,
По глади вод, легка, чиста.
Не слышно даже плеска...
Зеленый ют и красные борта,
Белеет занавеска.

На палубе лохань с бельем стоит,
Над нею в клетке чиж свистит.
Собака на прохожих лает.
Обратно эхо отсылает
Ее смешную злость... А за рулем —
Сам лодочник, веселый малый.
Его плавучий дом
Увидят все каналы,

Что Фландрию прорезали насквозь,
Связав Голландию с Брабантом цепью длинной.
Он помнит Льерр, Малин и Гент старинный,
В Дордрехте и в Турнэ ему бывать пришлось,
И снова со своей шаланды
Лиловые он видит ланды.

Он возит грузы, что порой
Над ютом высятся горой:
Корзины яблок краснобоких,
Горох, бобы, капусту, рожь...
Подчас на палубе найдешь
И финики из стран далеких.

Он знает каждый холмик, каждый мыс
В стране, где вьются Шельда, Лис,
И Диль, и обе Неты;
В дороге им все песенки пропеты
Под перезвон колоколов —
Все песни сел, полей, лесов
И городов.

В далеком Брюгге мост Зеркал
Ему сверкал;
Мосты Ткачей и Мясников,
Мост Деревянных башмаков,
Мост Крепостной и мост Рыданий,
Мост Францисканцев, мост Прощаний,
Лохмотьев мост и мост Сирот —
Он знает их наперечет.

Нагнувши голову над древней аркой
В Антверпене, и в Монсе, и в Кондэ,
Он со своею легкой баркой
Проскальзывал везде.
Он парус поднимал на Дандре, Дюрме, Леке,
Из края в край несли задумчивые реки
Его суденышко, качая на воде.

Пейзаж вокруг него — в движенье,
Бегут, мелькая, отраженья,
Дробясь в волнах.
И, с трубкою в зубах,
Медлительный, спокойный, загорелый,

Пропитанный и ветром и дождем,
Тяжелым правит он рулем
Своей шаланды белой.
И день и ночь плывет она,
И в сердце входит тишина.

КОНЕЦ ГОДА

Под пебом из сырой и грязной пакли,
Откуда без конца сбегают капли,
В грязь облетая,
Под ветром резким, точно плеть,
Ложится тлеть
Одежда осени багряно-золотая.

О листья, вдоль дороги в вышине
Под ветром трепетавшие, как звуки,
Теперь, печальны, точно руки,
Вы на земле успели почернеть.

Часы устали складываться в дни;
Бродячий ветер кружит по равнине;
Вся жизнь, как будто в гробовой тени,
В глухой тоске и скоро нас покинет,
Зароется и затаится в глине.

Вы слышите ли, как сюда идет,
Спускается с неведомых высот
Под похоронный звон угрюмый рок?
Который жадною рукой сгребет
Усталый век и уходящий год
И сунет, как опавший лист, в мешок.

СТАРАЯ УСАДЬБА В ДЕНЬ ВСЕХ СВЯТЫХ

Усадьба с длинными беленными стенами
Под сенью ясеней и ольх, в день Всех Святых
Паденье медленное листьев золотых
Следит угасшими квадратными глазами,

Она все думает о тех, кого уж нет,
Кто здесь из рода в род, вослед за стариками,
Рыл землю заступом и разрыхлял руками
И сотрясал трудом равнину много лет.

И думает еще, что вот она одна,
Что трещины в стенах зияют, словно раны,
Что проникают дождь и плотные туманы
В очаг, где прячется святая старина.

А тучи налились свинцом со всех сторон,
И замки древние косятся недовольно,
И колокольне вдаль бросает колокольня
Тяжелой глыбою свой погребальный звон.

И если вдруг, стены ветшающей касаясь,
О слезы! — падает прозрачно-желтый лист,
Ей кажется, что к ней усопшие сошлись
И смотрят на нее, печально улыбаясь,
И плачут.

ЧАСЫ

РАННИЕ ЧАСЫ

* * *

Чтобы любовь жила в глазах у нас,
Отмоем их от тех недобрых глаз,
Чьи взгляды мы так много раз встречали
В дни рабства и печали.
Рассвет румяный, и росистый,
И дымкою волнистой
Подернут,
И кажется, что веера
Из нитей солнечных и серебра,
Туманы разорвав, в саду скользят по дерну.
Как чаши синей искристой воды,
Блестят пруды,
В листве мелькает изумруд крыла,
И стряхивает день, нетороплив и точен,
С дорог, с оград, с обочин
Чуть влажный пепел, где таится мгла.

* * *

У нас, в саду любви, не увядает лето:
По лугу шествует павлин, в парчу одетый;
Ковер из лепестков пушистый —
Жемчужины, смарагды, аметисты —
Расцвечивает монотонность трав;

Густая синь прудов, и к ней цветы купав,
Как поцелуи белые, прильнули;
Кусты смородины стоят на карауле;
Щекочет сердце флокса яркий жук;
Как яшма, вспыхивает луг
И пчелы, пузырьки мохнатые, роятся
Над лозами, где гроздья серебрятся.

Похож недвижный воздух на муар:
В полдневный раскаленный жар
В нем что-то светится жемчужно.
Меж тем медлительным дорогам нужно
Брести вперед,
Туда, где плавится белесый небосвод.

Но не у лета взял наш сад
Свой небывалый, свой сверкающий наряд:
То нашей радости негаснущее пламя
Его усеяло горячими огнями.

* * *

Когда меня подстерегала злоба
И ночь была черна,
Явилась ты, как огонек радушный,
Чей луч ложится из окна
На стылый наст сугроба.

Твоя душа во тьме бездушной
Меня коснулась — так легка,
Как теплая, спокойная рука.

Потом пришли и пониманье,
И прямота, и нежность, и слиянье
Доверчиво протянутых ладоней
В часы, когда звезда встает на небосклоне.

Давно настал конец снегам и мгле,
Давно и в нас, и на земле
Горячий летний день пылает

И наши помыслы огнями устилает,
И, рождена желаньем,
Любовь, как в давние года,
Сильна и молода,
Не тронутая умираньем,—
Но все мне помнится тот кроткий огонек,
Что вспыхнул встарь во тьме моих дорог.

* * *

Сегодня к нам явилась осень,
Когда померк закат,—
И вот на тропках и в канавах
Ладони листьев ржавых
Беспомощно лежат.
Но пусть уже явилась осень,
Руками ветра шаря и шурша
В вершинах сосен,
Срезая розы не спеша
И лепестки роняя у крыльца,—
Мы от ее холодного дыханья
Убережем свои сердца.

Мы сядем к очагу воспоминанья,
И огоньки нам лица обагрят,
Мы сядем и к его теплу вдвоем
Руками и коленями прильнем.
Чтоб скрыться от утрат,
От увяданья чувств, горячих и живых,
От страха нашего, от нас самих,—
Мы к очагу прильнем, где память разожгла
Огонь, который не погасит мгла.

И если ливней паутины
И длинные полотна темноты
Окутают пруды, лужайки и кусты,—
Пусть осень, омрачившая равнины,
Минует потаенный сад,
Где наших мыслей, слитых воедино,
Шаги согласные звучат.

* * *

Я радость бытия принес тебе в подарок!
Как золотистый шелк, был день сегодня ярок,
И ветер весело кружил над головою.
Блестят мои ступни, омытые травою,
Ладони бархатны — к ним ластились цветы,
Глаза блестят от слез душевной полноты,—
Я их сдержать не мог, ликующий, влюбленный
В огромный сад земли, весною обновленный.

Сверкающей рукой простор мне подал знак,
И я пошел к нему, все убыстряя шаг,
Я устремился вдаль — куда, не знаю сам,
И эхо робкое звенело в такт шагам.
Я в дар тебе принес равнин очарованье:
Не медли, залпом пей, наполни им дыханье!
Я гладил бережно тимьян, и у меня
Струится в жилах блеск и терпкий запах дня.

* * *

Прозрачна тень, и радужна заря.
С деревьев, где проснулись птицы,
Роса струится,
Цветы и травы серебря.

Так мягко день возник,
Так чист и хрупок воздух ранний,
Как будто в нем мерцают сотни граней.
Я слышу шелест крыл; я слушаю родник.

О как твои глаза прекрасны, как блестящи,
Когда рассвета луч скользящий
Горит в серебряных прудах!
Как бьются жилки на твоих висках!

И сила бытия неистово благая
В тебя вливается, как запахи полей,
И, переполнена до края,
Скрывая дрожь,
Ты отступаешь перед ней

И за руку меня берешь,
Чтобы умерить сердца своего
Смятение и торжество.

* * *

Окно распахнуто. В смятенье
Дрожат зеленых листьев тени,
Скользит горячий блик
Среди бумаг и книг,
И дом задумчив и беззвучен,—
Приучен
К спокойному насилию труда.
Цветы доверчиво алеют,
Плоды на ветках спеют, тяжелеют,
И песни зяблика, малиновки, дрозда
Звенят, звенят,
Чтобы стихи могли родиться,
Как пурпур лепестков, как щебетанье птицы,
Как золото плода,—
Прозрачны, чисты, свежи и лучисты.

Неспешным шагом ты выходишь в сад,
Сидишь в тени, по солнцу бродишь,
Я на тебя смотрю, но взгляд
Ты от меня отводишь,
Чтоб весь я мог отдаться власти слов
Вот этих добрых и простых стихов.

* * *

Когда на скорбное, мучительное кресло
Свинцовым кулаком недуг толкнул меня,
Я не мечтал о том, чтоб радость вновь воскресла,
Как воскресает луч затмившегося дня.

Цветы грозили мне, злоумышляли клены,
Полудней белый зной больные веки жег,
Разжалась вялая рука, и, утомленный,
Я счастье удержать не пробовал, не мог.

Желаний сорняки во мне теснились жадно,
Друг друга яростно терзая и глуша;
Смерзалась, плавилась и разгоралась чадно
Моя недобрая иссохшая душа.

Но ты сказала мне целительное слово,
Произнесла его так просто, так легко.
У слова грелся я, как у костра большого,
И думал — до зари уже недалеко.

Бесспорных признаков ущерба, умаленья
Во мне не видела, не замечала ты,
Но верила,— придет и час выздоровленья,
И ставила на стол неяркие цветы.

С тобою в комнату врывался запах лета,
Я слышал шум листвы, я слышал говор струй,
И запахами трав, заката и рассвета
Дышал твой ласковый и свежий поцелуй.

* * *

Я покидаю сна густую сень,
Тебя оставив неохотно,
Под сводами листвы, беззвучной и дремотной,
Куда не проникает буйный день.

Пришла пора цвести и мальвам, и пионам,
Но я иду, не глядя на цветы,
Мечтая о стихах прозрачной чистоты
С кристально-ясным звоном.

Потом я вдруг бегу домой
С таким волненьем и такой тоской,
Что мысль моя, желанием гонима,
Опередив меня, летит неудержимо,
Чтоб ветки сна раздвинуть, разомкнуть
И разбудить тебя, опять к себе вернуть.

И вот он, наконец, наш дом уютный,
Где тишина и сумрак смутный,
И щедро, горячо целуя грудь твою,
Я словно песню в честь зари пою.

* * *

Касаньем старых рук откинув прядь седую
Со лба, когда ты спишь и черен наш очаг,
Я трепет, что всегда живет в твоих очах
И под ресницами теперь, целую.

О, нежность без конца в часы заката!
Прожитых лет перед глазами круг.
И ты, прекрасная, в нем возникаешь вдруг,
И трепетом моя душа объята.

И как во времена, когда нас обручили,
Склониться я хочу перед тобой
И сердце нежное почувствовать рукой —
Душой и пальцами светлее белых лилий.

* * *

Когда мои глаза закроешь ты навек,
Коснись их долгим-долгим поцелуем —
Тебе расскажет взгляд последний, чем волнуем
Безмерно любящий пред смертью человек.

И светит надо мной пусть факел гробовой.
Склони твои черты печальные. Нет силы,
Чтоб их стереть во мне. И в сумраке могилы
Я в сердце сохраню прекрасный образ твой.

И я хочу пред тем, как заколотят гроб,
С тобою быть, клонясь к подушкам белым.
И ты в последний раз прильнешь ко мне всем
телом
И поцелуешь мой усталый лоб.

И после, отойдя в далекие концы,
Я унесу с собой любовь живую,
И даже через лед, через кору земную
Почувствуют огонь другие мертвецы.

* * *

Нет, жить тобой душа не уставала!
Ты некогда в июне мне сказала:
«Когда бы, друг, однажды я узнала,
Что я тебе мешаю, тяжела,—
С печалью в сердце, тихом и усталом,
Куда неведомо, но я б ушла».

И тихо лбом к моим губам припала.

И потом:

«Дарит разлука радости живые,
И нужды нет в сцепленье золотом,
Что свяжет, как у пристани, кольцом
Две наши тихие ладьи земные».

И слезы у тебя я увидал впервые.

И ты сказала,
Ты еще сказала:
«Расстанемся во что бы то ни стало!
Так лучше, чем спускаться с вышины
Туда, где будням мы обречены».

И убегала ты, и убегала,
И вновь в моих объятьях трепетала.

Нет, жить тобой душа не уставала.

ВОЛНУЮЩИЕСЯ НИВЫ

ПОКОЙНИК

Усопших к месту погребенья
Всегда проносят вдоль селенья.

Уже мальчишки тут как тут:
«Гляди, покойника несут!»

Глаза рукой прикрыв от солнца,
Старуха смотрит из оконца.

Столяр бросает свой верстак:
В гробах он смыслит как-никак.

А лавочник расставил ноги
И курит трубку на пороге.

От взоров досками укрыт,
Покойник в ящике лежит.

Без тюфяка он, без подушки, —
Под ним солома лишь да стружки,

А гроб из четырех досок
Не в меру узок и высок.

Носильщики идут не в ногу,
Кляня разбитую дорогу.

Злой ветер возле «Трех дубов»
Срывает гробовой покров.

Шершавым доскам будто стыдно,
Что всем теперь их стало видно.

Холодный ветер валит с ног;
Все думают: «Мертвец продрог».

Все знают: спит он, бездыханный,
В одной рубахе домотканной.

И в день, когда своих рабов
Господь поднимет из гробов,

Дрожа, в смущении великом,
Он будет наг пред божьим ликом.

Процессии дать надо крюк,
Чтоб обогнуть общинный луг.

По той полоске, рядом с лугом,
Покойный шел весной за плугом.

Он тут в погожий летний день
Косил пшеницу и ячмень.

Всем сердцем был он в жизни трудной
Привязан к этой почве скудной.

Под вечер, выбившись из сил,
Он с ней любовно говорил.

Вон там, где тянется тропинка,
Он комья подбирал суглинка,

И после трудового дня,
С соседом сидя у огня,

Он землю в пальцах мял, смекая,
Какого ждать им урожая.

Вот кладбище; как свечки, в ряд
Три кипариса там стоят.

Сплеча могильщик бородатый
Орудует своей лопатой:

Его, не побоясь греха,
Забыла разбудить сноха, —

Вон гроб уже у поворота,
А не закончена работа.

На мертвеца могильщик зол
За то, что тот его подвел, —

Нашел же времечко, постылый,—
И он плюет на дно могилы.

А гроб все близится, и вот —
Он у кладбищенских ворот.

Толпа в ограду повалила,
Перед покойником — могила.

Неистов ветер, даль черна,
Как эта яма холодна!

Могильщик с силой и сноровкой
Подхватывает гроб веревкой,

И скрип ее о край доски —
Как одинокий стон тоски.

Безмолвна скорбь, и сухи веки.
Гроб опускается навеки

В глухую темень забытья,
В объятия небытия.

АЛЫЕ КРЫЛЬЯ ВОЙНЫ

ГЕРОИ ЛЬЕЖА

Клятвопреступная смертельная война
Прошла вдоль наших нив и побережий,
И не забудет ввек под солнцем ни одна
Душа — о тех, кто чашу пил до дна
Там, в Льеже.

Была суровая пора.
Как некая идущая гора,
Все сокрушая глыбами обвала,
Германия громадой наступала
На нас...

То был трагический и безнадежный час.
Бежали все к безвестному в смятенье.
И только Льеж был в этот час готов,
Подставив грудь, сдержать движенье
Людей, и пушек, и штыков.

Он ведал,
Что рок ему в то время предал
Судьбу
И всей Британии, и Франции прекрасной,
Что должен до конца он продолжать борьбу

И после страстных битв вновь жаждать битвы
страстной,
В сознанье, что победы ждать — напрасно!

Пусть там была
Лишь горсть людей в тот час глухой и темный,
Пред силами империи огромной,
Пред ратью без числа.

Все ж днем и ночью, напролет все сутки,
Герои пламенно противились врагу,
Давая битвы в промежутке
И убивая на бегу.

Их каждый шаг был кровью обозначен,
И падал за снарядами снаряд
Вокруг, что град;
Но полночью, когда, таинственен и мрачен,
На дымных небесах являлся цеппелин,
Об отступлении не думал ни один,
Бросались дружно все в одном порыве яром
Вперед,
Чтоб тут же под безжалостным ударом
Склониться долу в свой черед...

Когда велись атаки на окопы,
Борцы бесстрашные, тот авангард Европы,
Сомкнув свои ряды, как плотную мишень
Для быстрых, ровных молний пулемета,
Стояли твердо целый день
И снова падали без счета,
И над телами их смыкалась мирно тень...

Лонсен, Бонсель, Баршон и Шофонтен
Стонали, мужество свое утроив;
Века лежали на плечах героев,
Но не было для павших смен!
В траншеях, под открытым небом,
Они вдыхали едкий дым;
Когда же с пивом или хлебом
Туда являлись дети к ним, —
Они с веселостью солдатской неизменной

Рассказывали, вспоминая бой,
О подвигах, свершенных с простотой, —
Но в душах пламя тлело сокровенно,
Был каждый — гнев, гроза, вражда:
И не бывало никогда
Полков столь яростных и стойких во вселенной!

Весь город словно опьянел,
Привыкнув видеть смерть во взорах;
Был воздух полон славных дел,
И их вдыхали там, как порох;
Светились каждые глаза
Величьем нового сознанья,
И возвышали чудеса
Там каждое существованье,
Всё чем-то сверхземным и дивным осеня...

Вы, люди завтрашнего дня!
Быть может, все сметет вдоль наших побережий
Клятвопреступная смертельная война,
Но не забудет ввек под солнцем ни одна
Душа — о тех, кто чашу пил до дна
Там, в Льеже!

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ ФЛАНДРИИ И БРАБАНТА

ПИРШЕСТВО ГЁЗОВ

Сиянье кубков золотых,
Сиянье лиц и гул беседы,
Сиянье гордое победы,
Сплотившей знатных и простых!..
И этот блеск в согласных звонах
Переходил в конце концов
Со лба безумцев распаленных
На лоб степенных мудрецов.

Но кто-то слово или фразу
Произносил — и вдруг с лица
Слетало ликованье сразу,
И красный уголь жег сердца.

В ту пору недоверье зрело,
Дойдя с низов до королей, —
Оно на дне души горело,
И каждый становился злей.
На севере монах германский
Душил сердца, давил умы,
И был порядок лютеранский
Чернее самой черной тьмы.
А за стеною пиренейской
Король Испании служил

Щитом для Рима и злодейской,
Кровавой ролью дорожил.

Общались гости на пиру высоком,
И радость озаряла лица их,
И каждый виноградным буйным соком
Соседей потчевал своих.
Одни из них себя считали строго
Апостолами праведного бога.
Другие звали подлою игрой
Костры, которые Филипп Второй
Воздвиг у набожного трона,
Как троны ужаса — дабы корона
Латинским блеском озаряла мир.
Они кричали, что король-вампир
Не может быть христианином,
Что веру не спасти огнем единым,
Сплошной завесою огня,
Который будет жечь, покой гоня,
Пока весь горизонт на небе темном
Не вспыхнет заревом огромным.

Граф Мансфельд, кубок свой подняв
И в тишине минутной встав
Над прочими гостями,
Взывал к согласью твердыми устами.

Словечки добрые и шуток рой
Порхали над игрой,
Которой занялись иные гости:
Они швыряли кости,
Не зная меж собой преград.
И каждый был другому брат,
Когда властительно и смело,
Победой наполняя дух и тело,
Гремело имя Ламораль,
Граф Эгмонт — грозное, как сталь.

И вот, на гребне высшего накала,
Где так взыграла жажда братских уз,
Что можно было заключить союз
Хоть против солнца, посредине зала
Поднялся граф Анри де Бро́дерод

И громко крикнул: «Мы — народ!»
И мигом по его сигналу
Горшков и мисок поплыла по залу
Армада, нагруженная едой.
Тянул к ней руку и сеньор седой,
И полинявший воин за свободу,
Пивавший чаще не вино, а воду.
Под радугою витражей,
Среди серебряных ножей,
В минуту чуда,
Затмила жалкая посуда
Сверкающие жарко блюда.
А сам вельможный Бродерод,
Подсев к вассалу своему,
Надев холщовую суму
И перелив полжбана в графский рот,
Воскликнул гордо, безо всякой позы:
«Мы — гёзы!
Мы — нищие! Нас обозвали так —
Пусть так и будет! Мы — вожди бродяг!
Нас не страшат ни битвы, ни угрозы!
Мы — гёзы! Гёзы!!
Гёзы!!!»

И слово полетело рикошетом
Из уст в уста,
И молнию зажгло при этом,
Какой не знали здешние места.
И приняли его знатнейшие сеньоры,
Как меч, рассечь способный горы.
Оно надежду их насытило сполна.
Оно несло их удивленье
С бравадой пополам — явленье
Обычное в те времена.
Их грубый, острый ум подвластен был капризам,
Но слово стало их девизом
И делом стало, наконец,
Прогретым яростью сердец.

Они друг другу пожимали руки
И обнимались, дав обет
Идти на смертный бой, на эшафот, на муки,
Во имя лучших лет.

И хлеб и соль они в вино бросали,
И лихорадка их была
Такою жаркой, что слова плясали
Порой без смысла. Но любовь звала
Людей на подвиг. Людям было ясно,
Что в миг безумья, страшный, молодой,
Чреватый горем и бедой,
Ничто в конечном счете не напрасно.
Что ими узел рассечен
Самой судьбы, самих времен;
Что им теперь в пылу борьбы упрямой
Дано уже до смерти самой
Струю крепчайшего вина
Пить залпом, до конца, до дна.

ЗОРИ

Посвящается Полю Синьяку

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Толпа.
Группы рабочих, нищих, фермеров, солдат, женщин, молодых людей, прохожих, мальчишек, стариков.
Жак Эреньен — трибун.
Пьер Эреньен — его отец.
Клер — его жена.
Жорж — его сын.
Эно — брат Клер.
Ордэн — капитан неприятельской армии, ученик Эреньена.
Ле Бре — сторонник Эреньена.
Дядя Гислен — фермер.
Кюре.
Офицер.
Разведчик.
Цыган.
Консул Оппидомани.
Пастух.
Нищий Бенуа.
Городской ясновидец.
Сельский ясновидец.

Группы действуют как один человек, обладающий многочисленными и противоречивыми обликами.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Обширный перекресток; справа — дороги, ведущие вверх, в Оппидомань, слева — равнины, изрезанные тропинками. Вдоль тропинок — деревья; их очертания теряются в бесконечной дали. Город осажден неприятелем, подступившим вплотную. Местность охвачена пламенем. На горизонте огромные зарева; звон набата.

В канавах группами расположились нищие. Другие группы стоят на кучах гравия, наблюдая пожар и обмениваясь замечаниями.

Нищие. Глядите: с этого холма видно, как горят села.

— Давайте влезем на деревья, оттуда виднее.

Один из нищих *(взобравшись на дуб)*. Сюда! Сюда!

Нищие *(глядя на город)*. Чем ближе к городу, тем яростней пожар.

— Слышите — разнесло пороховые погреба.

Грохот взрыва.

— Огонь подобрался к заводу переднего порта, к докам и пристани.

— Пылают нефтяные хранилища. На небосклоне, как огненные кресты, вздымаются мачты и реи.

Другие нищие *(глядя на равнины)*. А там, в дали равнин, пылают все деревни. Пламя лижет и ферму Эреньена. Во двор как попало выбрасывают мебель. Скотине завязывают глаза и выводят ее из хлева. Больного старика отца выносят на кровати.

— Пришел черед арендаторам почуять смерть за плечами.

— Какое неожиданное, чудесное возмездие! Изгонявшие нас изгнаны сами. Они толпятся на большой дороге. Наши богохульства были не напрасны; наша ярость, молитвы и проклятья не пропали даром!

Смотри, к болотам их стада бегут.
Беснуясь, рвутся жеребцы из пут
И тяжело храпят, кося багровым оком.
Вот, вырвавшись, один помчался диким скоком,
На взмыленном хребте неся пожар и смерть;
Он, морду повернув, кусает злобно пламя
И, как живой костер, летит в степную мглу,
А люди мечутся в безумье по селу,
Стараясь вилами остановить стихию.

— Колокола безумствуют в вышине. Рушатся церкви и башни. Кажется, даже бог объят страхом.

— Кто знает, почему началась война?

— Все короли зарятся на Оппидомань. О ней мечтают в самых глухих уголках земли.

Встревоженные люди бегут и рассеиваются по дорогам кто куда. Иные останавливаются и кричат: «Фермеры сваливают на телеги все пожитки и мебель; они направляются в город; они проедут здесь».

Группа нищих. Вот случай пробраться в Оппидомань.

— Последуем за ними...

Нищий Бенуа

За ними следовать? А кто же ты такой?
Когда, бездомны и гонимы,
В лохмотьях по́ миру пошли мы —
Кто, как не фермеры да эти мужики
Нуждой и голодом зажали нас в тиски?
У них ломились закрома. У нас
И корки не бывало про запас.
И в ярости огня, что ныне
Грызет их риги на равнине,
Я злобу давнюю свою,
Свой гнев, так долго спавший, узнаю́.
С тех пор как стал я нищим и бродягой,
Я призывал все кары неба
На тех, кого молил о черствой корке хлеба.
Я в их дома болезни заносил,

Выбрасывал их трупы из могил,
Я попирал презренный их закон,
Насиловал их дочерей и жен;
Где мог, вредил всему их роду
И вечно буду их врагом.
Все годно: кол, топор и лом,
Чтоб истреблять их мерзкую породу.

Старик. Зачем их убивать? Они уже безвредны, они даже несчастнее нас.

Нищий Бенуа. Молчи, ты слишком стар, ты больше не мужчина.

Новые толпы бегут по дороге в Оппидомань. Появляется группа рабочих. Один рабочий обращается к нищим.

Рабочий. Эреньен не проходил?

Нищий *(рабочему)*. Этот пастух знавал его. Спросите у него.

Рабочий *(пастуху)*. Здесь не проходил Эреньен?

Пастух *(он одет в рубище)*. Я жду его. Он кинулся на помощь к своему отцу. Я бы хотел поглядеть на него еще раз. Я его вылечил, когда он был ребенком.

Рабочий. Он должен прийти. Подождем его вместе.

Пастух. Как же он выбрался из города? Ведь даже его врагам выгоднее было бы его задержать.

Рабочий. Эреньен делает все, что хочет. Его отец в деревне, при смерти, и просил его приехать.

Пастух. Как, по-вашему, он усмирит Оппидомань?

Рабочий

А разве он не властвует народом?
Святой мудрец! Он и сквозь тьму времен
Событий ход провидит вещим оком.
В своем всеведенье глубоком
Как тонко разъясняет он,
Где надобен расчет, а где отвага,
Чтобы грядущим овладели мы.
Своею книгою он пролил свет в умы,
Народного алкающие блага.
Он, только он найти дорогу смог
В тот мир, где человек становится как бог.

Пастух. Вы — из тех, кто любит и защищает его в городе?

Рабочий

Нас сотни, тысячи, и нами он любим,
И приняли мы твердое решенье:
С его идеями, и до конца — за ним!

Рабочий выходит на дорогу, чтобы не упустить Эреньена. Снова беженцы, потом — группа крестьян с повозками и ручными тележками. Лошади, непосильно нагруженные, едва взобрались на крутизну.

Дядя Гислен. Наши клячи выбились из сил. Пускай отдохнут. Эй вы! Нищие! Этот чертов Эреньен не проходил еще здесь?

Нищий Бенуа. Дядя Гислен, замолчи.

Дядя Гислен. Мне велят замолчать! Мне велят замолчать!.. Почему?.. Из-за кого? Можно подумать, что Эреньен и впрямь хорошо знает вас!

Нищий Бенуа. Дядя Гислен, мы здесь сила и можем тебя пристукнуть, прежде чем ты раскроешь рот. Ты годами выставлял нам за дверь кухонные помои, то, чего и твоя свинья жрать не хотела. Зато мы годами приходили к тебе с нашими просьбами и мольбами. Итак, за прошлое мы квиты, а настоящее принадлежит нам. *(Угрожающе направляется к дяде Гислену.)*

Крестьянин *(подбегая)*. Дядя Гислен, дядя Гислен, с твоей фермы *Звенящие поля* огонь перекинулся на всю *Волчью равнину!*

Деревья вдоль дорог охвачены пожаром,
Весь ельник корчится и воет в вихре яром,
И пламя все круче
Взвивается к туче
И в бешеной злобе грызет небеса.

Дядя Гислен

Ну что ж! Пускай горит! Прекрасная потеха!
Пускай горят и нивы, и пустыни,
Моря и небо, вечных гор твердыни,
Пусть лопнет грудь земли, как скорлупа ореха.

(Меняя тон.)

Тот нищий угрожал меня отправить в гроб.

(Нищему Бенуа.)

Так действуй! К черту эти штуки!
Вот грудь моя, вот шея, вот мой лоб!

Метерлинк. «Непрошеная»

Вот продававшие свой труд проклятый руки,
Уже бессильные; мой сгорбленный хребет;
Морщины на лице, которым счета нет;
Вот тело, на которое невзгоды
Обрушивались шесть десятков лет.
Зачем, иссохнув как скелет,
Я на себе тащу ненужные мне годы,
Зачем живу я? Кто мне даст ответ?
Мне каждый день грозят нужда и голод.
Я поле распахал, но всходы губит холод.
Все то, что по грошам успел собрать отец,
Что выжал он, зажал, запрятал, как скупец,
Проел я с домочадцами моими.
Я вырастил детей — и был обобран ими.
Трясиной городов поглощены, они
В позорной праздности растрачивают дни.
Деревни умерли и не воскреснут вновь!
Оппидомань, ты выпила их кровь!
На наши нивы, пашни, огороды
Обрушились болезни всей природы,
Земли и солнца, неба и воды.

Крестьянин

Ваши горести — наши. Мы тоже все несчастны...

Дядя Гислен

Когда-то праздником считались дни посева,
Земля сдавалась нам с улыбкою, без гнева,
Цветами радости синели всходы льна.
Теперь — не то! Земля озлоблена.
Мы ворвались туда, где ночь царит,
Мы оскорбили все подземные святыни,
И властелином стал великий антрацит,
Дремавший в пропастях доныне.
Узлами черных рельс земля оплетена,
Кровавым золотом пылают семафоры,
Грохочут поезда, пронизывая горы,
И тонет в дымной мгле небес голубизна.
Невинные цветы и девственные травы
Вдыхают черный смрад отравы.
Настал последний час!
Победным шествием идут и топчут нас

Огонь, чугун, металлов сплавы,
Как будто ад восстал во всем величье славы.

Нищие пятятся, не угрожая больше.

Нищий

Бедняга!

Дядя Гислен. Бедняга? Как бы не так! *(Хватая одного из крестьян, указывает на горящую усадьбу.)* Вы думаете, неприятель поджег мою усадьбу? Вы ошибаетесь. *(Показывая ему свои руки.)* Ее подожгли вот эти руки. А мой лес подле болота *Блуждающих огней*? — Тоже они. А мои амбары и мельницы? — Они, опять они! Нет! Дядя Гислен — бедняга? Он, и, может быть, он один, все видит ясно. Люди перестали уважать свое поле; медлительность природы выводит их из терпения; они убивают ростки, перегревая их; они согласуют, рассуждают, составляют; земля перестала быть женщиной; она превратилась в публичную девку.

И вот над ней глумится враг жестокий.
Когда-то город наносил ей раны,
А ныне новые тираны —
Свирепствуют пожары и война.
И там, где некогда она
Давала новой жизни соки,—
Над нею пляшет смерть остервенело,
Кромсая бомбами ее нагое тело.
Нет нужды ни в дождях, ни в утренних прохладах,
Ни в реках медленных, ни в бурных водопадах;
Не нужен зимний холод, летний жар.
Пускай же сокрушительный удар
С лица земли сотрет деревни!

Крестьянин. Дядя Гислен, наверное, рехнулся.

Другой. Так поносить землю — преступление.

Третий. Не знаешь, во что и верить.

Появляется сельский ясновидец. Он напевает, подражая движениям полету воронов пожара.

Сельский ясновидец

Бегут, бегут леса, равнины мчатся в дали,
И буря встала в золотой пыли,
Подъемлются кресты на полюсах земли,—
Для Красных Воронов дни торжества настали.

Они, как призраки, теснятся на домах,
Их перья в зареве щетинятся, как пики,
И, крылья черные раскрыв во весь размах,
По крышам, каркая, кружит их табор дикий.
Неисчислимою зловещею ордой
Они летят, как вестники пожара,
Как тени, вставшие из глубины земной,
Чтоб сеять ужасы вокруг земного шара.

Прохожий, голову не смея повернуть,
За ними искоса следит оцепенело;
Их клюв вонзается, как нож, в земную грудь,
Чтобы взрывать, и разрывать,
И потрошить пласты земного тела.
И гибнут семена, и засыхают злаки,
Скирды горят блуждающим костром,
И языки огня перебегают грозно
И лижут свод небес — и кажутся во мраке
Кобыл окровавлённых табуном.

Смерть предреченная пришла.
Гремят колокола!
Земле, носящий плод, назначен жребий бренный,
Смерть предреченная пришла.
Гремят колокола! Гремят колокола!
Споем отходную вселенной.

Дядя Гислен. Да, да! Он прав, этот ясновидец, этот безумец, над которым все издевались, над которым издевался я сам и которого я никогда не понимал! Да, теперь на все проливается ужасный свет. *(Указывает вдаль.)* Он это давно предсказывал. А мы — все остальные — цеплялись за старые призраки и пытались нашим бедным маленьким здравым смыслом преградить путь грозным колесам судьбы.

Толпа деревенских парней, батраков, рабочих, скотниц, нищенок несет на носилках Пьера Эреньена. Их сопровождает кюре. Умирающий показывает знаками, что невыносимо страдает, и просит остановиться.

Жак Эреньен. Сюда, мои друзья! Кладите его осторожней. *(Помогает несущим; затем, как бы обращаясь к самому себе.)* Бедный старик! Бедный старик! Тебе не суждено умереть, как умер твой отец, в своей постели! О, войны, войны! Их нужно ненавидеть ненавистью твердой, как алмаз!

Пьер Эреньен. Эреньен! Эреньен!

Жак Эреньен. Я здесь, отец, подле тебя, перед твоими глазами, близ твоих рук. Я здесь, подле тебя, как при жизни матери, так близко от тебя, что слышу каждое биенье твоего сердца. Ты видишь меня? Чувствуешь ли, что я по-прежнему люблю тебя?

Пьер Эреньен *(коснеющим языком)*. На этот раз — конец! Ты уже не успеешь перевезти меня к себе, в Оппидоманъ. Я счастлив, вокруг меня родные равнины. Прошу тебя о милости: позволь старому кюре подойти ко мне.

Жак Эреньен. Отец мой, любое желание, любая воля твоя будут исполнены. Я должен уйти?

Пьер Эреньен. Исповедоваться можно только наедине.

Эреньен отходит в сторону. Кюре приближается. Дядя Гислен робко подходит к трибуну, желая с ним поговорить, покуда совершается исповедь.

Дядя Гислен. Господин Эреньен, я вижу, вы добры по-прежнему... а я считал вас не таким. Вы — главный человек в Оппидомани, и на наших фермах часто заходил разговор о вас... Мои сыновья за вас заступались... Быть может, они и правы... Но теперь, когда деревня умерла, откуда, скажите мне, придет к нам жизнь? Где найти уголок, чтоб посеять зерно и вырастить пшеницу? Где найти пядь земли, не отравленную дымом, нечистотами, ядом и войной? Скажите... Скажите!

Эреньен молчит. Все его внимание обращено на отца. Когда Гислен кончает говорить, он едва пожимает плечами.

Пастух *(медленно приближаясь к Эреньену)*. Жак, ты узнаешь меня?

Жак Эреньен. Как, ты жив еще, старый пастух! *(Сильно взволнованный, целует его.)*

Пастух. Я много лет провел вдалеке отсюда, я видел новые, чудесные страны. Вот так уходишь, скитаешься изо дня в день, из края в край, и потом, вернувшись, видишь, как умирают люди.

Пьер Эреньен. Простите меня все, кого я оскорбил.

Кюре. Не тревожься,— ты жил христианином и будешь спасен. *(Отпускает ему грехи.)*

Жак Эреньен *(подводя пастуха к умирающему)*. Отец, это пастух со Звенящих полей; ты знаешь его; он самый старый из твоих слуг и друзей.

Пьер Эреньен *(долго смотрит на пастуха и, внезапно узнав его, схватывает за руку и притягивает к себе. Довольно твердым голосом)*. Когда я умру, пастух, ты истребишь все ста-

рые семена. Они покрыты вредной пылью, они изъедены, они заплесневели. Не с ними торжественно обручится земля. А ты, побывавший всюду, ты посеешь на моем поле, на моей ниве новые семена — живые, свежие, прекрасные семена, которые ты видел в девственных землях.

Пауза. Пастух наклоняется и становится на колени. Нищие и носильщики делают то же самое.

А теперь поверните меня к солнцу.

Его просьбу исполняют, но на западе, где в это мгновение заходит солнце, вся местность озаряется кострами пылающих деревень; их горячее дыхание обдает умирающего.

Крестьянин *(указывая на Пьера Эреньена)*. Отсветы пожара пробегают по его лицу.

Второй. Видно, он к огню и повернулся!

Третий *(к тем, кто помогает Пьеру Эреньену)*. Осторожней... осторожней... лучше ему не видеть пламени.

Четвертый. Поверните его направо.

Пятый. Сюда... сюда... Направо... Направо...

Но старик, судорожно цепляясь за носилки, остается в том же положении, обратив лицо к закату и пожару.

Шестой. Бедный!.. Если бы он знал!

Пьер Эреньен *(почти угасшим голосом)*. Жак Эреньен, подойди ко мне, подойди поближе. Я хочу умереть, касаясь руками *(гладит его)* и видя перед собой... то, что я люблю больше всего на свете... Я был словно одержим тобой... Я никогда не отрекался от тебя, почти благословлял страдания и горести, которые ты причинял мне. Да, я любил тебя, и еще я обожал землю. Я жил вместе с солнцем — оно было моим зримым богом. Умри я ночью, в его отсутствие, я счел бы себя наказанным. К счастью, оно предо мной, и я протягиваю к нему руки. *(Приподнимается по направлению к пожару.)* Я его больше не вижу, но по-прежнему чувствую его благодетельный, победный свет...

Жак Эреньен *(шепчет)*. Отец! Отец! *(Колеблется, рассеять ли заблуждение отца или принять его слова как внезапное пророчество.)*

Пьер Эреньен. Я чувствую, я люблю, я понимаю его; даже и в этот час оно одно несет единственную еще возможную весну! *(Запрокидывает голову и умирает.)*

Жак Эреньен целует своего отца. Он приникает губами к его губам, как будто запечатывает их, как будто хочет уловить ту первую истину, которую они возвестили.

Жак Эреньен. Понимал ли он сам смысл своих слов?.. «Единственную еще возможную весну!..» *(Постепенно возвращается к действительности и овладевает собою.)*

Нищие, крестьяне, рабочие окружают его. Пастух долго пожимает ему руки. Носильщики поднимают тело и пускаются в путь. В эту минуту толпа женщин и детей, спускавшаяся по дорогам, ведущим из города, выходит на перекресток. Их сопровождают старики.

Старик *(останавливается и указывает на тело Пьера Эреньена)*. Покойник! Это Эреньена несут на носилках?

Второй. А что это за толпа?

Третий. Вся деревня хлынула в Оппидомань.

Четвертый. Не думают ли они, что там их примут с распростертыми объятиями? *(Кричит.)* Эреньен! Эреньен!

Эреньен. Кто зовет меня?

Старик. Оппидомань заперлась в своих стенах; она не примет бродяг и мертвецов, которых ей посылает равнина...

Эреньен. Я возвращаюсь домой; я потерял отца; я сам хочу похоронить его и спасти от грабежа и поругания.

Старик. Вас прогонят пулями; оттуда изгоняют всех, кто не участвует в защите.

Второй. Там взрывают мосты. Стены ощетинились войсками.

Третий. Город уже не разбирает, кого он гонит. Никто не узна́ет вас.

Четвертый. Идти туда — безумие.

Пятый. Это значит бросать вызов смерти.

Шестой *(уговаривая)*. Останьтесь с нами, ради нас. Вы нас спасете.

Эреньен. Клянусь, что я войду в Оппидомань. Если вы сомневаетесь в этом, не следуйте за мной.

Старик. Мы больше не можем.

Крестьянин. Лучше умереть у себя дома.

Старики, нищие и кое-кто из крестьян остаются на месте. Остальные — и пришедшие из города, и явившиеся с равнины — следуют за Эреньеном. Похоронная процессия медленно удаляется.

Старик. Эреньен — единственный человек, сохранивший твердость и мужество перед надвигающейся грозой. Может быть, его и примут там...

Второй. А тех, кто следует за ним, перебьют поголовно.

Третий *(поворачиваясь к равнинам)*. Посмотрите туда; враг поднимает стихии, чтобы повести их на бой. Он сдерживает, направляет, укрощает, бросает их на неприятеля.

Четвертый. И, умертвив деревни, он уничтожит города.

Старик из города
(самый старый)

О, города! О, города!
Их суета и вечное волненье,
Их ярый вой, их злоба и гоненье
На простоту, им чуждую всегда.
О! Эти грешные пред небом города!
Тупой, уродливый их строй,
Их необузданный разврат,
Их магазины, рестораны,
Где гроздьями грехи висят,
Как шесть грудей на статуях Дианы,
Нечистой жаждою воспламеняя взгляд.
О, города!
Там юность блекнет и теряет цвет,
Там в героизме смысла нет,
Забыта справедливость навсегда.
О, города, о, города!
Возникнув из земли зловонными цветами,
Они простерли щупальца, как спруты,
И, так же хищны, вкрадчивы и люты,
Сосут из мира кровь бесчисленными ртами.

Крестьянин *(старикам)*. Если бы не вы, горожане, наши нивы цвели бы, наши риги не могли бы вместить зерно! Если бы не вы, мы были бы сильны, здоровы и спокойны. Если бы не вы, наши дочери не шли бы на панель, а наши сыновья — в казармы. Вы запятнали нас своими вожделениями, своими пороками, и вы же спустили с цепи это чудовище — войну.

Горожанин *(крестьянам)*. Пеняйте на себя. Зачем вы являетесь к нам жадными полчищами? Из деревенской глуши вы приходите грабить и воровать; вы скудоумны, ваши мелкие душонки так черствы и свирепы, что вас не отличишь от разбойников. Вы поставили за всеми прилавками вашу скупость и плутовство. Вы постепенно заполнили все конторы на земле. И если наш век скрежещет бездарными, раболепными перьями,— виною миллионы ваших рук, готовых переписывать до гроба.

Крестьянин. Мы были вам необходимы. Не вы ли огласили призывами наши поля?

Горожанин. Вы — тесто, замешанное на посредственности; батальоны, занумерованные ничтожеством. Вы — причина медленного одряхления городов, их косности и тяжеловесности. Если бы не вы, город еще сохранил бы легкость, бодрость, по-

движность. Если бы не вы, по-прежнему процветали бы отвага, живость, горячность. Если бы не вы, сон не парализовал бы жизнь, смерть не напитала бы землю кровью.

Старик. Эй, не думаете ли вы, что враг, сложив руки, ждет конца ваших пререканий? Если наш город погибнет, то из всех бесполезных слов, из бесцельных споров, из многословия и красноречия, которые столетиями сыпались на него, наверное можно будет соткать ему погребальный саван. Говоруны — единственные виновники несчастий.

Второй. Все сговорились против Оппидомани. Как в падали гнездится тысяча личинок, так в ней заложены тысячи причин ее гибели. Счастье, что там, в далеких землях, еще могут появиться спасители!

Третий. Уже второй день невиданный мятеж держит в страхе весь город. Народ укрылся на кладбище, лежащем за старыми кварталами. Могилы и склепы служат ему убежищем. Он бастует. Правительственные войска отрезали ему пути.

Крестьянин. Оппидомань одновременно стала осажденной и осаждающей.

Старик. По примеру Рима — чернь ушла на Авентин.

Второй

Позор! Позор — идти с бессмысленной толпой,
Чья злоба и безумие слепое
Ввергают в ужас и шатают мир.
В такие дни, когда бунтует порох,
Она, забыв в междоусобных спорах,
Что единенье — крепости залог,
Дробится, рассыпаясь, как песок.
Какая ж истина бесспорна и крепка,
Где очевидность, аксиома века?
Где смелая и твердая рука
Смиряющего стадо вожака?
Ужели в мире нет такого человека?

Сельский ясновидец, как прежде рыщущий вокруг перекрестка, вещает.

Сельский ясновидец

Наставший день был предначертан роком,
И дивный город, зеркало вселенной,
Куда гляделся мир пытливым оком,
Чтоб самосозерцаньем насладиться,
Приблизился к закату славы бренной.
Оппидомань!
Взгляни, к твоим садам,

К твоим мостам, аркадам и соборам
Спешат все дали мира,
Чтобы твоим натешиться позором.
Оппидомань!
Взгляни, твои дома,
Колонны, башни, каждый камень —
Всё, всё кровоточит, и скорбно над тобой
Рыдает погребальный пламень.
Оппидомань! Последний час настал,
И ты погибнешь в пасти жгучей.
Спасенье только в том, чтоб об руку с тобой
На бой
Встал некто, непомерный и могучий.

Старик. О, кто бы он ни был, этот неведомый,— с каким восторгом был бы он встречен! Весь народ — и мы первые — приветственно склонились бы перед ним.

Сельский ясновидец

Тот, кого ты ждешь, старик,—
Он велик, он велик!
И долго вам расти, и долго надо ждать,
Чтобы его постичь и разгадать.

Старик. Он еще не родился.
Второй. Никто не предчувствует его прихода.
Третий. Никто не предрекает его деяний.
Четвертый. А Жак Эреньен?
Пятый. Жак Эреньен?.. Это безумец!

СЦЕНА ВТОРАЯ

У стен Оппидомани. Конный отряд заграждает ворота. Солдаты подготовляют взрыв мостов. На валах и насыпях стоят сторожевые патрули. Генерал, с биноклем в руках, осматривает горизонт и наблюдает за всем происходящим. Между тем курьер приносит офицеру, командующему отрядом, приказ.

Офицер *(читает)*. «Сим воспрещается пропускать в город кого бы то ни было; исключение сделать только для трибуна Жака Эреньена. Необходимо, чтоб он почувствовал, как велика эта милость. Для соблюдения формы сначала отказать ему в пропуске». Подписано: «Правительство Оппидомани».

Эреньен появляется на большой дороге в сопровождении множества оборванцев, женщин, рабочих, фермеров и стариков. Поняв, что проникнуть в город будет очень трудно, он выходит из толпы и один направляется к офицеру.

Эреньен. Я — из тех, кто не бросает слова на ветер. Оппидомань — это город, где я вырос, страдал и сражался за свои идеи, самые прекрасные из всех, какие может исповедовать человек. Я любил Оппидомань, когда она казалась непобедимой. Теперь я хочу занять свое место в ряду бойцов, умирающих за нее. И я хочу добиться этого для всех, кто пришел сюда вместе со мной, для всех, кого я встретил на своем пути. Я сам побудил их следовать за мною. Я направил к мужеству поток, стремившийся к трусости.

Офицер. Я знаю, кто вы, но не могу изменить полученных мною приказов.

Эреньен. Каких приказов?

Офицер. Никого не пропускать за эту преграду! *(Указывает на городские ворота.)*

Эреньен

Ужель в подобный час Оппидомань,
Когда все ужасы, вся скорбь, хулы и брань
На спесь ее низверглись разом,
Бездумным росчерком, бессмысленным приказом
Ворота заградит
И доступ воспретит
Всем, кто приносит ей свой разум,
И сердце пылкое, и кровь,
И пламенную, грозную любовь?
Ужели я, глядевший с волнореза,
Как море шумно ей несет
Огромный мир своих щедрот,—
Я, кто любил любовью неподкупной
Великий город мой, прекрасный и преступный —
Мою Оппидомань, отдав ей весь свой пыл,—
Я, кто ей сыном, кто любовником ей был,—
Ужель от стен ее уйду, как пес паршивый?

Приказ! Но ведь подобные приказы губят народ! Кто сосчитает число защитников в часы беспредельной печали? Кто помешает умереть сообща объединенным одной опасностью? Я требую, чтоб вы пропустили всех!

Офицер. Я не могу.

Эреньен приближается к телу своего отца и открывает его лицо и грудь.

Эреньен

Он двадцать лет солдатом прослужил,
Он шел на край земли за вашими вождями,
Сражался возле полюсов, в пустынях и морях,
Три раза пересек из края в край Европу
В веселой буре плещущих знамен,
Под крыльями орлов из золота и света!
Ему ли запретят войти в Оппидомань?

Офицер. Да, как и всем, кто следует за вами.

Эреньен. Так знайте же, что во имя закона, самого ясного, самого простого и самого непреложного, я обращаюсь к вашей человеческой чести. Через несколько дней эта равнина будет покрыта развалинами, трупами и кровью. Вам нужно сказать одно только слово, чтобы сохранить нам жизнь, на которую все мы имеем право. Вы, носящий оружие, вы первый должны оказать нам помощь, которую человек обязан оказывать человеку. Пред этим долгом бледнеет все остальное. Он существовал уже тогда, когда еще не знали ни слова «армия», ни слова «приказ».

Офицер. Разойдитесь, разойдитесь!

Эреньен *(оглядывается на огромную толпу, следующую за ним, прикидывает на глаз число солдат и направляется к телу отца)*. Прошу прощенья у покойника за кровь, которая прольется на его похоронах.

В этот момент генерал, наблюдавший с вала всю сцену, направляется к офицеру.

(Обращаясь к толпе.) Я исчерпал все средства, остается только одно. Вы сами догадываетесь какое... Нас — тысячи, их *(указывает на солдат)* — ничтожная кучка. Среди них находятся ваши отцы и ваши дети. Они наши... они нас пропустят... Пусть женщины идут первыми: в них не станут стрелять. *(Выступает вперед, меж тем как толпа медленно подвигается к солдатам.)* Не подчиняйтесь ему. Вы имеете право...

Но генерал уже приближается к офицеру и делает ему строгий выговор. Доносятся слова «бестактность», «безумие». Генерал быстро направляется к Эреньену и приветствует его.

Генерал. Жак Эреньен, вы войдете в Оппидомань. Правительство готово принять вас.

Эреньен. Наконец-то! Я знал, что я вам нужен, что вам же лучше, если я с вами. *(Указывая на толпу.)* Но все они последуют за мною,— старики, дети, женщины войдут к вам в

город, и все они принесут пользу. А ты, отец, будешь покоиться в могиле, где уже спят двое моих детей.

Генерал не отвечает. Солдаты расступаются. Жак Эреньен и несколько рабочих вступают в город, но как только они проходят через ворота, внезапно, по команде офицера, ряды смыкаются снова. Тело Пьера Эреньена, носильщики, старики, женщины и дети оттеснены. Подоспевшие батальоны оказывают поддержку страже.

Жак Эреньен поражен. Он пытается проложить дорогу назад. Слышны его крики: «трусость», «предательство», «подлость». Но шум свалки заглушает его голос. Его насильно вталкивают в город. А беснующаяся толпа окончательно отброшена на равнину.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Квартира Эреньена. Направо дверь. Обыденная обстановка. Чугунная печь. Вещи в беспорядке. На столе одежда, предназначенная для починки. Детские игрушки. На стульях груды книг.

Клер, жена Эреньена, зажигает лампы. Она ждет мужа. Внезапно с улицы доносятся приветственные крики. Входит Эреньен. Он обнимает жену и задерживает ее в объятиях.

Эреньен. Мы схоронили отца слева от малюток, под тисом, осеняющим наш могильный участок. Там будет он покоиться, точно у себя в деревне. Тело его растворится в стихийном бытии трав и растений, которые он так любил.

Клер. За тобой шпионили?

Эреньен начинает переодеваться, он меняет свою темную одежду на домашнюю. Вся сцена носит интимный характер.

Эреньен. Не знаю. Нас было много. На обратном пути вокруг меня собралась толпа. Мальчишки выкрикивали новости с Авентина. Какие-то люди несли факелы и пели, вырывали друг у друга газеты. Вдоль улиц и бульваров щерились продырявленные или разрушенные бомбами дома. Обломки загромождали тротуар. Фонари не горели. На площади Народов какой-то каменщик прокричал мое имя. Вот и все. Когда мне разрешили — знает бог, как долго я добивался этого — внести моего отца в Оппидомань, я обещал, что погребение состоится без участия народа. Я сдержал слово. *(Видит на столе пачку банковых билетов.)* Что это?

Клер. Тебе прислали остаток по счету. *(Вынимает из кармана записку.)* Смотри, твоя последняя книга полностью разошлась.

Эреньен *(пробегая глазами записку)*. И вот меня читают, и спорят обо мне, и ждут, и жаждут моего суда. *(Кладет письмо на стол и открывает окно. Подходит к Клер.)* Во время этих простых и скромных похорон я думал о нас. Как хотелось мне, когда гроб опускали в могилу, чувствовать рядом с собой тебя! Сердце мое было так истерзано, так полно невысказанной нежности, так одиноко, безжалостно замуровано в груди. Если бы в моих руках были твои руки, я передал бы им половину своей скорби! *(Берет ее руку.)* О моя нежная, моя смелая, ты знаешь меня! Ты понимаешь меня! Только с тобой я не терзаюсь укорами совести, я становлюсь таким, каков я на самом деле,— беззащитным человеком, не знающим покоя, безудержным в гордости, порывистым в нежности, тем более требовательным, чем сильнее он любит... А где ребенок?

Клер *(указывая на дверь направо)*. В нашей спальне. Он спит.

Эреньен. Как часто я приводил в отчаяние отца! Мои своевольные вспышки бывали так безумны, что он бил меня, и под ударами я кричал, я плакал, я выл, но все-таки настаивал на своем. Подумать только, что сейчас я задушил бы моего сына, если бы он был похож на меня.

Неподалеку от дома разрывается снаряд. Эреньен и Клер бросаются к окну. Толпа приветствует Эреньена.

Поистине, прекрасная пора для любви! Ничто так не сближает, как эти волнения и тревоги. Я снова вижу нас такими, как в первые месяцы нашей влюбленности. Ты кажешься мне все более прекрасной. Тебе одной принадлежит моя любовь, такая полная, такая пламенная, такая глубокая, как никогда!

Клер. Я люблю тебя, всю душу отдала я на служение тебе.

Эреньен. Эти похороны унесли какую-то частичку моего существа — может быть, мое детство, целую эпоху моей жизни,— они отвлекли меня от моего лихорадочного бытия, отданного всем, предназначенного для всех и посеявшего семена свои там, вдали от тебя, по всей Оппидомани. И мне казалось, что я в деревне, на горестной земле этих бредящих равнин, блуждаю вечером в зарослях вереска или скачу верхом на обезумевшем жеребенке среди отцовских полей. Я вспоминал пастухов, слуг, работниц. Я вспоминал дороги в школу и в церковь и даже размеренный звон церковного колокола. Я был так печален и счаст-

лив. Я сгорал от желанья увидеть вас — тебя и ребенка. *(Обнимает Клер.)* А теперь покажи мне глаза, твои светлые, нежные глаза: они меня любят сильнее чьих бы то ни было глаз, и для меня они — самые прекрасные светила в мире. *(Приближая лицо к лицу Клер.)* Они верны и нежны, прозрачны и кротки. Как я был жесток, заставляя их плакать!

Клер. Когда ты раздражен, твои слова обгоняют мысль.

Эреньен. О, я не из тех, кто любит смиренно! Но ты — ты любишь меня, несмотря ни на что, хотя ты знаешь мою ужасную жизнь, ту подлинную жизнь, которая дает смысл моему существованию на земле.

Клер *(с легким укором)*. Ты мне слишком часто говоришь об этом!

Эреньен *(властно)*. Я хочу говорить об этом снова, хочу тебя этим измучить, ибо моя страсть — обнажать пред тобой самые сокровенные струны души. И если мне придется утаить от тебя хотя бы ничтожный пустяк — ты больше мне не жена. Лучше мне видеть твои слезы, чем лгать тебе.

Клер. Если бы ты был другим, я меньше любила бы тебя.

Эреньен. И, кроме того, ты прекрасно знаешь, что я все преувеличиваю. В сущности, когда я говорю, что ты занимаешь такое малое место в моей жизни, я и сам заблуждаюсь, и тебя обманываю.

Клер. Будь, чем хочешь — мучителем, деспотом,— что за беда! Вся моя любовь принадлежит тебе и нашему ребенку.

Эреньен

Да, это правда: ты — моя жена.
Давно — безмолвной ночью мая —
Мне отдалась ты, страсти не скрывая.
И я поклялся пред собой самим,
Что не прильну к другим устам губами,
Другой груди не буду целовать.
Тебя — цветок долин, озер и тишины —
Сорвал я трепетным и полным юной силы,
Унес из мира дремлющей природы
В Оппидомань, но и земля и воды
Моей незабываемой страны
В лазури глаз твоих повторены.
Пребудем же растворены
В любви, освобождающей от мира,
Воспламененные божественным огнем,
Меж тем как жадный рок уносит день за днем

Года отмеренной нам жизни.
Пусть огненная смерть подстерегает нас,
Пусть вечер бредовой сменится ночью грозной,
Но с неба чистого и в этот страшный час
Спадает метеор, осколок выси звездной,
Дождем горячих брызг окутывая нас.

Сын Эреньена вбегает и хочет поцеловать отца, но тот его не замечает, как бы забыв о нем. Шум движущейся под окнами толпы все нарастает. Эреньен бросается к окну. Слышны крики: «Горит биржа!», «Горит арсенал!», «Горит порт!» Зарево пожара освещает комнату.

Ужель настал конец Оппидомани?
Ужель в кострах ее горящих зданий
Исходит дымом кровь ее?
Оппидомань! Где прошлое твое?
Где справедливость и отвага?
Ты узаконила все то, что хитрость, ложь,
Убийство, воровство, предательство, грабеж
Свершили против честности и блага.
Пьяна пороками, ты пить готова грязь,
Которая в твоих канавах собралась.
К груди прижала ты свое отродье:
Насилье, ложь, разврат, чревоугодье,
Как волки, теребят твои сосцы.
И если все прекрасные дворцы,
Театры светлые и мрачные соборы
Метнутся дымом в звездные просторы —
Зарукоплещет мир при виде их золы,
Что ветер принесет грядущему из мглы.
Но чтоб настал конец Оппидомани,
Чтобы душа грядущего — она
Была огнем истреблена,
Чтоб судьбы тех, кто был вручен ей роком,
Она из жадных рук
Бессильно выпустила вдруг,
Смирившись в испытании жестоком,—
Немыслимо! — и знай, безумен тот,
Кто в этот час ее паденья ждет.
Нет, не померкнет мощь Оппидомани!
Минуют горестные дни.
Она зажжет опять вечерние огни,
Чтоб кораблям светить в тумане,
И будет жить, пока в ней люди есть,

Которым дорога, как мне, отчизны честь,
Чьи руки будут мир, свободный от оков,
Лепить по воле будущих богов.

Клер. О, какие нам суждены потрясения и ужасы!

Эреньен. Что бы ни случилось, я запрещаю тебе жаловаться. Мы живем в дни великого ужаса, страданий и обновлений. Незримое становится Властелином. Люди могучим усилием стряхивают с себя бремя вековых заблуждений. Утопия покидает заоблачные сферы и спускается на землю. Это сознают даже те, кто нас осуждает.

Клер. Были сегодня утром известия о неприятеле?

Эреньен. Нет еще. Но то, что вчера предсказал капитан Ордэн, долго будет поддерживать огонь в моей душе. Этот капитан принадлежит к числу тех пылких людей, которые осуществляют невозможное. Подумай только — что, если ему и мне, нам двоим, удастся задушить войну, задушить ее здесь, на глазах у низложенных, бессильных вождей! Вызвать открытое примирение солдат — чужих и наших! Отдать этой высокой цели все силы своего существа, всю мощь своей веры! Какая прекрасная мечта!

Клер *(нежно-иронически)*. Какая обманчивая мечта!

Эреньен. Не надо отталкивать надежду, когда она так широко раскрыла крылья. То, что сегодня кажется невероятным, завтра станет возможным и уже осуществленным. Ордэн пока узнал только о глухом возмущении, недовольстве, глубоком, но подавленном, о тайных соглашениях и союзах. Войска протестуют против войны. Они потеряли терпение, они разбегаются. Всюду говорят о справедливости. Передают неясные слухи о соглашении. Искра уже в очаге. Я жду порыва ветра, который воспламенит солому и дрова. *(Прислушивается к враждебному ропоту на улице.)*

Звонок в дверь. В комнату входит консул Оппидомани.

Консул. Жак Эреньен, я пришел к вам от имени правительства Оппидомани, которое просит вас об исполнении великого долга. Как ни различны наши идеи, мы несомненно согласны между собой, когда речь идет о спасении города. Мне кажется, я говорю с будущим вождем народа, который мы любим разной любовью, но одинаково горячо.

Эреньен. Предисловия излишни. Я спрашиваю, что привело вас ко мне и чего вы от меня ждете? *(Жестом приглашает консула сесть.)*

К о н с у л. Положение ваших друзей там, наверху, на кладбище, весьма плачевно. Серьезной атаки они не выдержат. Вчера правительство хотело их уничтожить, но их много, они молоды, отважны, они пригодны для защиты Оппидомани. Едва ли и теперь их можно считать мятежниками. Они озлоблены, они бастуют — и только. Но, быть может, уже завтра, при виде грозных пожаров, полыхающих вдали, они и сами станут поджигателями. Ненависть толкает на безумства, и примись они за грабежи и убийства, это еще не будет концом, но уже станет позором.

Э р е н ь е н. Я чувствую отвращение к войне. А война между людьми одной страны повергает меня в ужас. Чтобы вызвать ее, вы возмутили в Оппидомани и небо и землю. Вы довели народ до полной нищеты, лишали его хлеба, отказывали ему в достоинстве, в правах, тиранили его тело и душу, злоупотребляли его невежеством, используя притворство, ложь, хитрость, оскорбляя народ презрением и насмешкой. Вы преступники и негодяи!

К о н с у л. Я полагал, что вы способны мыслить более разумно, возвышенно и трезво.

Э р е н ь е н. Я говорю с вами, как должно говорить с врагом. Я ненавижу вас, но мне вас жаль.

К о н с у л *(поднимаясь)*. Это оскорбление.

Э р е н ь е н. Это страстность и чистосердечие.

К о н с у л. Прежде всего это несправедливо.

Э р е н ь е н. Так! Доколе же твердить вам о гневе городов и страхе деревень!

Я верю памяти моей: ее оружье —
Воспоминаний острая секира;
Она ведет злодействам вашим счет,
Она насквозь вас видит и зовет
Быть справедливыми во имя блага мира,
Быть сильными, но презирать порок.
Чуть я смягчусь хотя б на малый срок,
Как начинаете вы снова
Плести обманов подлых нить.
Коварство — ваших дел основа.
Но вас самих оно толкает в пропасть,
Грозя навеки погубить.

К о н с у л. Итак, вы нам не доверяете?

Э р е н ь е н. Вы угадали.

Консул. В таком случае я удаляюсь. *(Встает, чтобы уйти.)*

Эреньен. Я жду...

Консул колеблется, делает два шага и передумывает.

Консул. Ну, все равно. Безумием было бы ставить наши поступки в зависимость от наших слов,— мы должны думать только об Оппидомани.

Эреньен. Принимая вас у себя, я думаю только о ней.

Консул. Государственный человек столь высокого ума не может не знать, как далеко мы распространили влияние и славу Оппидомани.

Ее история — история вождей
И мудрых консулов, что по земле кровавой
В багряном золоте воспламененных дней
Во все края, не ведая предела,
Водили армии, увенчанные славой.
Тогда великое стремленье в нас горело!
Народ, с его вождями наравне,
Мир изумлял отвагою в войне.
Враги сжимают нас кольцом огня и злобы,
Им памятен триумф тех легендарных дней,
Когда, взметнув безумные знамена,
Мы гнали их войска в ледовые трущобы.
Оппидомань для всех, как прежде, непреклонна.
Колосс великолепный и прекрасный,
Наш город высится в величье одиноком,
Равно прославленный и мощью и пороком.
А вы — вы силитесь найти в нем только зло...

Эреньен

Но солнце вашей славы уж зашло:
Прославленным мечом она убила право,
Но именно теперь, как дивная мечта,
Со мною к вам идет иная слава,
Нетронута, сильна и девственно чиста.

Эта слава соткана из новой и глубокой справедливости, душевного героизма, пылкой отваги и временного неизбежного насилия. Она менее блестяща, чем ваша слава, но более надежна. Ее ждет весь мир. Вы ее боитесь, я горячо ее жажду, но оба мы чувствуем, что она близка и неотвратима. Вот почему вы

просите моей помощи, вот почему я позволяю себе уже обращаться с вами как с побежденными. Что бы ни делали вы и вам подобные в этот час, вы полностью зависите от моего согласия или отказа.

Консул. Вы заблуждаетесь...

Эреньен. Нисколько! Как и я, вы знаете, что без моей помощи вы бессильны. В моих руках вся великая духовная сила Оппидомани.

Консул. Вы забываете, чем грозит крушение империи. Все древние принципы, все вековые привычки поддерживают ее. И армия за нас.

Эреньен. Армия? Скажите лучше — командиры, так как солдаты колеблются или протестуют. Они готовы примкнуть к народу. В них моя надежда и ваша гибель. Если бы все они вам повиновались, если бы не страх перед огромным восстанием народа и армии, вы бы уже бомбардировали Авентин.

Молчание.

Итак, не правда ли, вы пришли просить меня пойти туда, наверх, на гору, на кладбище, чтобы заставить угнетенных спуститься к тем, кто их поработил? О! Я прекрасно вижу всю опасность и гибельность такого поручения.

Консул. Вы ошибаетесь. Правительство просит вас объявить, что перед лицом такой грозной опасности смолкает всякая вражда. Кто верит в Оппидомань, тот должен стать героем. Наш народ таит в себе неведомые возможности.

Эреньен. Как поступят с теми, кто спустится с холма?

Консул. Солдаты вернутся в армию, остальные — к своим семьям, в свои дома. Если там за время их отсутствия водворилась нужда, она будет изгнана. Впрочем, обещайте что хотите. Вы честны, мы верим вам.

Эреньен. И вы мне все это подпишете?

Консул. Это уже сделано. *(Протягивает бумагу.)* Прочтите.

Эреньен *(читает и, видимо, удовлетворен)*. Последний вопрос. Когда со мною пришли деревенские фермеры, старики и городские бродяги, почему их прогнали от стен, в объятия врага?

Консул. Это была ошибка. Надо было послушаться вас.

Эреньен. А кому я обязан разрешением похоронить отца рядом с моими близкими?

Консул. Мне...

Эреньен. Идите же и сообщите правительству, что я пой-

ду на Авентин. *(Подходит к окну и кричит народу, все еще стоящему на улице.)* Человека, который выйдет от меня, пропустите и не тревожьтесь — он исполняет свой долг. До вечера!.. Сбор наверху, на кладбище.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Авентин *(кладбище на вершине холма)*. Народное собрание. Э н о стоит на трибуне — ею служит гробница, расположенная выше остальных. Меж могильных оград стоят ружейные пирамиды. Среди цветов высятся кресты, колонны, надгробия, обелиски. На кладбищенской стене стоят, исполняя обязанности часовых, в о о р у ж е н н ы е р а б о ч и е. Наступает ночь. Зажигают огни.

Э н о. Я, как и вчера, полагаю: если мы хотим бороться с идеями, враждебными революции, то должны уничтожать тех людей, в ком эти идеи воплощены. Следует продвигаться постепенно, не поддаваясь увлечению, не стремясь к немедленным результатам. Обдуманно и холодно каждый из нас наметит свою жертву. Мы не должны успокаиваться, пока не погибнут три правителя и два консула. Этот террористический акт будет актом спасения.

Т о л п а. Об этом молчать надо, а он кричит!

— Каждый отвечает за свой нож!

— Тише!

Э н о. Неприятель поджигает церкви, банки, общественные здания. Нам остаются Капитолий и Дворец Правительства. Уничтожим их. Ночью, небольшими отрядами, мы спустимся в Оппидомань.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в. Это невозможно. Авентин окружен.

Э н о. Всегда возможно кого-нибудь подкупить.

Т о л п а. К чему убийства?

— Один начальник умрет, другой на его место найдется.

— Надо весь народ склонить на нашу сторону.

Э н о. Надо голову срубить, чтобы зверя погубить. Когда-то в Оппидомани, если товарищи замышляли что-нибудь, никто не останавливался на полумерах. Восхищались теми, кто уничтожал и людей, и всю их собственность. Банки и театры взлетали на воздух, и прекрасные убийцы старых идей умирали бесстрашные, бесстрастные — безумцы в глазах суда, герои в глазах народа. То были времена простодушных жертв, трагических решений, быстрых исполнений. Презрение к жизни было всеобщим.

А ныне все вяло и дрябло: энергия превратилась в растянувшуюся тетиву. Чего-то ждут, рассуждают, виляют, рассчитывают — и вы боитесь побежденной Оппидомани, меж тем как во времена ее величия вы наступали на нее.

Толпа. Мы любим Оппидомань с тех пор, как ее осаждают.

— Там еще находятся наши жены и дети.

— Наша стачка ни к чему не приведет.

— Вернемся в Оппидомань!

Эно. Желая чего-нибудь, надо желать, несмотря ни на что. Настало время отчаянных действий. Что нам рыдания и горе матерей, если нашими страданиями будет завоевана новая жизнь!

Кое-кто из толпы *(указывая на Эно)*. У него нет детей!

Эно. Я бы принес их в жертву будущему.

Голоса. Это слова! Чуть дошло бы до дела, повернул бы на попятный.

Эно. Я дал вам доказательства во время восстания.

Голоса. Когда народ убивали, вы прятались.

Эно. Будь у меня тысяча рук, я действовал бы один и презирал вас...

Волнение, свистки. Эно стаскивают с трибуны.

Группа в толпе. Еще один негодяй перестанет над нами издеваться.

— Он слишком низок и труслив.

Другая группа. Мы возненавидели друг друга с тех пор, как ближе познакомились.

— Мы не умеем хотеть с тех пор, как захотели всего.

— Нас губит бездействие.

— Вернемся в Оппидомань!

Шум утихает. На трибуну всходит Ле Бре.

Ле Бре. Эно договорился до глупостей. Он обвинил нас в отсутствии смелости. Но не является ли доказательством героизма одно наше присутствие на этой горе? С минуты на минуту нас могут атаковать и перебить.

Эно. Берегитесь — вы их напугаете!

Ле Бре *(смотрит на Эно, пожимает плечами и продолжает)*. Не следует обращать друг на друга ненависть, которая всецело должна обрушиться на Оппидомань. Всего лишь неделю живем мы вместе, а распри, зависть и злоба, сомнения одних и безумие других уже подрывают наш союз, несмотря на все клят-

вы и уверения, которыми, казалось был он скреплен. К счастью, есть хорошие вести. Правительство уполномочило Эреньена прийти к нам сюда, на Авентин. *(Показывает письмо.)* Он извещает меня об этом письмом.

Толпа *(возгласы со всех сторон)*. Эреньен во всем разберется. Он успокоит нашу тревогу.

— Он знает, что надо делать.

— Он вдохнет в нас мужество.

Протестующий. Опять призывают его же?

Другой. Мы отдаемся, как женщины.

Ле Бре. Такими речами вы смущаете народ.

Протестующий. Мы открываем ему глаза; мы предостерегаем его против него же.

Ле Бре. Толпа боготворит Эреньена. Она верит в его энтузиазм.

Протестующий. Эреньен не бог. Почему в вечер стачки он покинул Оппидомань?

Ле Бре. Его отец умирал.

Протестующий. Его уход был скрытым бегством. Эреньен купил вас, оттого вы и защищаете его.

Ле Бре. Купи он меня — вы давно были бы куплены мной. У вас низменная душа, и души возвышенные вам непонятны.

Крики одобрения.

Кто-то из толпы. Надо дождаться Эреньена.

Молодой человек. Я буду следовать за ним по пятам — и смерть ему, если он нас обманет.

Ле Бре. Я отвечаю за него, как ты за себя. Эреньен необходим нам. Мы уверены в нем. Посмотрите туда.

У входа на кладбище движение.

Он приближается. Только его сила может объединить и спасти нас.

Люди влезают на кладбищенскую стену. Продолжительные приветствия. Эреньен быстро всходит на одну из могил и начинает говорить. Перед ним стоит Эно и настороженно на него смотрит.

Эреньен. Наконец я с вами! И вы и я — мы живем неполной жизнью в разлуке. В деревне, где умирал мой отец, я узнал о вашем уходе на эту гору. Я думал о временах Рима, о гордости, решимости, о мужестве, о красоте великих народов. Что бы ни случилось, этот потрясающе смелый поступок возвысит вас в глазах всего мира. Вы показали свою дружную решимость, вы

проявили храбрость, не знающую сомнений. Те, кто вам, солдаты, урéзал жалованье и вам, граждане, отказал в правосудии, из боязни, как бы вы не стали требовать того и другого,— эти люди потерпели поражение. Значит, средство, к которому вы прибегли, было превосходно. Но годится ли оно в дальнейшем? Вооруженное нападение на Оппидоманъ было бы несчастьем. Пока вы избежали его. И прочность вашего союза достойна восхищения. Я утверждаю всенародно, что ваша совместная жизнь протекала дружно лишь благодаря твердому желанию и доброй воле, объединявшей вас. Вы поняли, что будущее зависит от вашего поведения. Это хорошо!

Молчание. Все опускают головы.

Но сохраните ли вы такое единение, когда вас начнут здесь терзать нищета и голод?

Общее молчание. Эно пожимает плечами. Эреньен догадывается о недавнем споре.

(Резко меняя тон.) Я признаю, вы были в ужасном положении. С высоты этой горы смерти вы, конечно, господствовали над теми, кто ненавидит вас. Но вы тосковали по жилищу и очагу, по вашим женам, сыновьям и дочерям. Правительство, нетерпеливо ожидая минуты, когда оно сможет их задушить, держало свои жертвы в руках. Ах, это была бесконечная вереница черных часов, долгое томление души, терзаемой несчетными тревогами! Но, к счастью, все может измениться. Правительство нам предлагает мир.

Эно. Мы никогда не вступим в переговоры с правительством.

Эреньен. Если мы откажемся вести переговоры, произойдет побоище. Как! Мы, горсть энтузиастов, поступки которых решат судьбу народа, мы накануне огромной победы согласимся погибнуть, как дичь в силках.

Возгласы одобрения.

Эно. Все предложения правительства должны быть отвергнуты без разбора.

Эреньен. Нет, надо обсудить все его предложения, чтобы извлечь из них пользу. Не беда, если средства опасны! На то я человек, чтобы мне служила и молния.

Возгласы одобрения.

Э н о. Вы нас хотите одурачить.

Э р е н ь е н. Что понимаете вы в моих намерениях, надеждах, в моей жизни? Вы разрушаете, я созидаю. Кто идет за вами, тот истощает свои силы в подозрениях, заговорах, терроре. Вы свирепствуете в течение недели и добились лишь гибельных раздоров. Я пришел сюда и вижу, как ничтожно все, сделанное вами. Мне стыдно за вас.

Возгласы одобрения.

Э н о. Я не хочу, чтобы воцарился тиран.

Свист.

Э р е н ь е н. Если бы я вам позволил действовать дальше, вы сами превратились бы в тирана.

Крики одобрения.

Э н о. Вы хотите свергнуть правительство только для того, чтобы занять его место!

Э р е н ь е н. Его место! Я бы мог занять его, но пренебрегу им.

Возгласы одобрения.

Э н о. Вы соглашаетесь на самые подозрительные сделки, вы ведете торг...

Э р е н ь е н. Замолчите!.. Замолчите!.. Молчать! Не смейте сводить этот спор на личности! *(Обращается непосредственно к толпе.)* Я так ненавижу наши власти, что даже не указываю вам условий мира. Вы сами предъявите их правительству. Говорите.

Возгласы одобрения.

Г о л о с и з т о л п ы. Мы хотим, чтобы с нами обращались как с людьми. Устроив стачку, мы только воспользовались нашим правом.

Э р е н ь е н. Отлично!

В т о р о й. Мы хотим, чтобы нам возвратили наше имущество.

Э р е н ь е н. Обещаю.

Т р е т и й. Мы хотим, чтобы рабочим уплатили задержанное жалованье.

Э р е н ь е н. Правительство обязуется это сделать.

Ч е т в е р т ы й. Мы хотим вернуться в город с оружием.

Э р е н ь е н. Можете. Я прибавлю: если в ваше отсутствие

были произведены конфискации, их отменят. Ни один приговор не будет приведен в исполнение. Над теми, кто вас судил, вы сами будете судьями.

Возгласы одобрения.

Теперь, когда мы пришли к соглашению, скажите мне: не чудовищным ли преступлением была бы взаимная резня между людьми одной страны? Там, на лихорадящих улицах старых кварталов, среди пожаров и порохового дыма даже колеблющиеся умы спасаются надеждой на великое обновление. Все чаще спорят о наших программах, толкуют наши речи, ловят наши мысли. Даже армию волнуют наши мечты. Все недовольные, все оскорбленные, все обойденные, все угнетенные, все рабы подымают свой еще ни разу не звучавший голос, чтобы заставить себя слушать! Наши правители ненавидят друг друга. Их сила иссякла. Их подчиненные повинуются призраку.

Со всех сторон одобрительные возгласы.

У неприятеля тот же беспорядок, те же слабости. Среди солдат появляются мятежники. Бунтуют против жестокости начальников, против ужаса и безумия войны. Ненависть раздувает бурю. На грани отчаяния, в нужде и в безмерном страхе люди жаждут объединения человечества. Люди стыдятся быть убийцами. Поверьте мне, если пожар, раздуваемый темными страстями, погаснет, если те, кто нас осаждает, почуют в нас братские души, если внезапным соглашением мы теперь же, хотя бы частично, осуществим великую мечту человечества,— Оппидомани простят весь ее позор, все безумие, все преступления; она станет тем местом на земле, где свершилось одно из великих, священных событий. С этой мыслью должны вы следовать за мною туда, вниз, к вашим детям.

Одобрительные возгласы.

Толпа. Только он может спасти положение.

— Без него мы погибли бы.

Кто-то из толпы *(обращаясь прямо к Эреньену)*. Мы будем вам повиноваться, вы — истинный вождь.

Всеобщее ликование. Эреньена поднимают на плечи и несут по направлению к городу. Ле Бре следует за ним. Все спускаются с горы. Восторженные крики.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Две недели спустя.

Квартира Эреньена — та же, что и во втором действии. У окна с выбитым стеклом стоит рабочий стол, заваленный бумагами. По улицам бродит, то удаляясь, то приближаясь, взволнованная толпа; некоторые группы кричат: «Долой изменника! Смерть предателю! Смерть! Долой!»

К л е р. Это продолжается уже две недели! Дом — точно гибнущий корабль. Его сотрясают шквалы воплей и гнева. О, проклятое авентинское восстание! После восторгов и энтузиазма сразу вражда и ненависть!

Внезапно входит Эно.

Ты? Здесь?!

Э н о. Я!

К л е р. Чего ты хочешь?

Э н о. Так ты не слыхала о моей речи на Старом Рынке? Я ждал лучшего приема.

К л е р *(указывая на комнату Эреньена)*. Как, ты! Его соперник и враг *(указывая на улицу)*, раздувающий эту бурю ненависти!

Э н о. Теперь, когда совершилось то, о чем Эреньен не может не узнать, он примет меня лучше, нежели ты, мой друг и моя сестра.

К л е р. Я не понимаю.

Э н о. Скоро поймешь. А пока скажи мне, в каком он был настроении в эти дни бесплодного и жалкого гнева?

К л е р. О, не думай, что он побежден! Он по-прежнему прекрасен и неколебим. Он осуществляет смелый замысел: примирить Оппидомань с ее врагами.

Э н о *(указывая на улицу)*. Ну, а этот мятеж, бушующий у его дверей?

К л е р. Первые дни было тяжело. Я разделяла его негодование, окружала его любовью, служила ему, как никогда, но он дразнил воспоминаниями свою злобу, бросался к окну, грозил городу кулаком, кричал от бешенства, и слезы катились из его глаз. В своем гневе он был тем ужасным ребенком, которого ты знаешь так хорошо.

Э н о. Ах! Если бы он меня послушался, ничто никогда не разрушило бы нашего взаимопонимания. Правительство не об-

мануло бы его. Народ по-прежнему его любил бы. Но он неукротим, он никогда не умел желать терпеливо. Он движется порывами и шквалами, как ветры его родины.

К л е р. А что он должен был сделать?

Э н о. Поддержать восстание на Авентине: не укрощать его, а разжечь, превратить в гражданскую войну, обострить несчастья; силой захватить банки, общественные учреждения, силой подчинить судьбу.

К л е р. Это было невозможно.

Э н о. Все было возможно в те лихорадочные дни. Но нужен был план, холодное, последовательно проводимое решение. Прежде всего, во время стачки на горé необходимо было организовать сопротивление, затем атаку, затем резню. Надо было обеспечить ближайшее, безусловное, неотложное. Правительство — регент и консулы — было бы уничтожено. Народ начал прислушиваться к моим призывам. Эреньен пришел на Авентин в недобрый час, обстоятельства помогли ему. Он красноречив и чувствителен, у него широкие жесты, высокие слова. Он не убеждает, а гипнотизирует. Ах, когда я об этом думаю, вся моя ненависть вспыхивает снова.

К л е р. Как ты заблуждаешься!

Крики на улице. Эно и Клер не обращают на них внимания.

Э н о. Он сам не знает, чего хочет. Он рассуждает вне времени и пространства. Я никогда не могу его понять.

К л е р. Я всегда понимаю его.

Э н о. Отдать свои силы осуществлению бесплодных мечтаний... Какая бессмыслица! Нельзя перегибать палку...

К л е р. Не будем спорить. Ты одержимый, чувствующий свою беспомощность и слабость. Если ты пришел сюда, к нему, то, значит, хотел что-то выпросить. В чем дело?

Э н о *(гордо)*. Я пришел сказать тебе, что вчера я сам усмирил толпу, я, Эно, один защитил Эреньена, я вернул ему обожание народа. Мое упорство победило его злую судьбу.

К л е р. Ты это сделал... Но тогда как связать твое поведение с твоими замыслами?

Э н о. А я скажу тебе. Действуя один, я всегда терплю неудачу. Меня предают, мне завидуют. Ле Бре под меня подкапывается... В конечном счете только Эреньен при таком положении может спасти все дело. Он его запутал, пусть он его и распутает.

К л е р. И ты, ты его поддержал?

Э н о. Конечно, потому что нельзя возобновить мятеж, по-

тому что из моих рук все ускользает, потому что мне не везет. Если бы ты знала, до какой степени народ еще ребенок, как начинает он жалеть, что лишился вождя!.. О, все кончено, все кончено! Лучше бы мне найти в себе силу, чтобы исчезнуть.

Клер. Так ты лишь с отчаяния поддерживаешь моего мужа?

Эно. Не все ли равно? *(Берет свою палку и шапку, собираясь уходить.)* Прощай! Теперь ты все знаешь... Когда придет Эреньен, подготовь его к встрече со мною. *(Выходит.)*

Снова буря свистков и криков. Входит Эреньен.

Клер *(указывая на толпу)*. Как отвратительны люди, если даже лучшие из них так быстро становятся жестокими!

Эреньен. Наберись терпения. Я уверен, как тот крестьянин, который был моим отцом. Вчера эти крики преследовали меня сквозь запертые двери, они, как набат, сотрясали стены — сверху донизу, от погреба до чердака. Я чувствовал, как разгорается мой гнев, я готов был задушить, уничтожить, раздавить крикунов. Меня лихорадило от ненависти. Я отвечал на их ярость проклятиями. А сегодня я тверд. *(Вскрывает письмо.)* Слушай, вот что мне пишут: «Теперь я заверяю вас безусловно: все офицеры стали на нашу сторону и последуют за нами. Одни — из злобы, другие — из ненависти, и все — из отвращения. Вчера на тайном собрании мы пришли к соглашению. Я держу их в руках. Они будут повиноваться мне, как перо, которым я пишу, как человек, которого я к вам посылаю. С ними и вся армия — наша. Генералы? Они слишком далеко, слишком высоко; солдат не знает их. Обойдемся без них». *(Складывая письмо.)* Это пишет мне Ордэн, капитан неприятельской армии.

Новый взрыв криков: «Смерть! Долой!»

Клер. Друг мой!

Эреньен. Оставь, пусть кричат!.. В конце концов я предвидел, что правительство, даже когда оно пообещает все и от всего старого отречется, половину все-таки прибережет, спрятав ее, как ярмарочный фокусник и жонглер, в рукава. Поистине безумно было идти на Авентин! Но для того, чтобы сговориться с осаждающими, мне нужен был мой народ — мой народ и весь его пламень.

Клер. Как ты стал благоразумен!

Эреньен. Правительство хотело меня провести. Его представители, эти ничтожества, эти шуты, мерившие мое честолюбие на свою мерку, пришли сюда предложить мне остатки по-

дорванной власти правительства, как будто люди, подобные мне, не могут сами завоевать для себя первое место. Они ушли в эту дверь, как выгнанные лакеи, и с тех пор страстно ждут моего падения. Им осталось жить лишь несколько дней, и бешеная жажда моей гибели — это единственное, что заставляет их забыть о своем близком конце. Ах, если бы народ знал истину! Вся очевидность против меня! Я доверился какой-то жалкой бумажке, какой-то подписи, что может быть зачеркнута тем же пером, которое ее подмахнуло. Правительство нарушило свои обещания, поэтому и мои стали казаться лживыми. Конечно, можно было счесть меня сообщником и виновником.

Клер. Виновен народ. Ты мог обмануть его, лишь обманываясь сам. Твоя невиновность очевидна... Ах, у меня на этот счет свои мысли. Толпа так же недоверчива, злобна, глупа, неблагодарна, как те, кто правит ею. Она не допускает, что человек может быть просто благороден и чист.

Эреньен. Я запрещаю тебе так думать.

Клер. Ты сам говорил это вчера.

Эреньен. О! Я — это другое дело!..

Пауза.

Народ любит меня, и я люблю его, несмотря ни на что, наперекор всему. То, что теперь происходит,— только размолвка между нами.

На улице взрыв оскорбительных криков.

Клер. Там тысячи людей, жаждущих оскорбить нас. И это всё те же, кто недавно прославлял тебя! Ах подлые, презренные безумцы!

Новая буря криков.

Эреньен. Действительно, можно подумать, что они никогда не знали меня. *(Идет к окну, подняв кулаки.)* О, звери! Звери! Звери! *(Затем возвращается к своему письменному столу.)* Однако вчера, на собрании в Старом Рынке, меня встретили бурей восторга. Эно защищал меня с таким пылом, что я ему все прощаю. Ле Бре прибежал ночью для того только, чтоб меня успокоить и ободрить. Этого никогда еще не было. Двуличие правительства становится очевидным. Вся Оппидомань пошла снова за своим настоящим вождем. Вернулся час моего торжества. Ведь правда, скажи? *(С нетерпением.)* Ну, скажи.

Клер. Надежда есть.

Эреньен. О нет! Уверенность!

Я верю в жребий мой великий.
Пускай их тысячи, пусть яростны их крики,
Я вижу, как подъемлется вокруг
Цветник приветствующих рук.
И вот из глубины былого
Воспоминаний бурною волной
Я поднят ввысь — я стал великим снова.
(Словно думая вслух.)
Грядущее теперь — покорный пленник мой.
И те, кто роет мне могилу,
И кто со мною заодно,
Уже мою почувствовали силу.
Прекрасное во мне воплощено.
Мечта зовет бороться неустанно.
О время дивное! Тобою сердце пьяно.
И что мне суд толпы, ее нестройный хор,
Смешавший крики похвалы и брани?
Пленен видением грядущего мой взор,
И настоящее я вижу как в тумане.

Клер *(указывая на улицу.)* Если бы они видели тебя, как покорила бы их твоя уверенность!

О милый друг, как я горжусь тобою!
Я самая счастливая из жен.
Твоей душой мой дух воспламенен.
Прими же поцелуй мой благодарный!
Возьми его, носи его с собой,
Как меч, сверкающий во мгле.
Найдется ли другой мужчина на земле,
Гордившийся когда-нибудь таким
Горячим, искренним и чистым поцелуем!
(Целует его.)

Эреньен. Если бы я пал духом, то снова обрел бы себя в тебе, так много в твоем сердце моей силы! Но я настолько уверен в своей судьбе, что всё, ныне происходящее, кажется мне сновидением. Я верю в нежданное, в случай, в неведомое. *(Указывая на улицу.)* Пусть воют и ревут! Они раскаются в этом.

Гул разрастается. Глухие удары в дверь нижнего этажа. Вылетают стекла.

Если они не перестанут стучать, я им открою.

Клер. Это безумие!

Эреньен. Уже одно мое появление не раз превращалось в победу! Я никогда не прогонял их, если они стучались в мою дверь. *(Отстраняя Клер, которая хочет его удержать, подбегает к окну, раскрывает его и гордо выпрямляется, скрестив руки.)*

Гул становится более робким, потом ослабевает, полная тишина. Внезапно издали раздаются другие крики: «Долой правительство!», «Долой провокаторов!», «Да здравствует Эреньен».

Наконец-то!.. Вот настоящий народ! Тот народ, который мне рукоплескал на Старом Рынке! Сердце не обмануло меня. Оно чуяло правду, когда мой слух еще ничего не различал.

На улице волнение, свалка. Противоречивые крики. Постепенно все успокаивается.

Клер *(у окна)*. Ле Бре будет говорить. Слушай.

Эреньен *(нетерпеливо)*. Я сам хочу говорить.

Ле Бре *(на улице)*. Эреньен был искренен и прямодушен.

Ропот.

Вас здесь пятьсот человек, и вы все вопите, а между тем каждому из вас он чем-нибудь помог. Вот я, например: он вырвал меня из когтей консульского суда. В прошлом году он боролся за освобождение Эно. А вы все? Вас, голодающих, гибнущих, он спас во время этой стачки...

Эреньен *(нетерпеливо)*. Я не нуждаюсь в защите. *(Обращаясь к Ле Бре, говорящему на улице.)* Я сам хочу завладеть народом: я не желаю принимать его из чужих рук!

Толпа. Пусть говорит!

— Долой! Смерть! Он изменник!

— Пусть говорит!

— Смерть! Долой! Его подкупили!

— Дайте ему говорить!

— Замолчите!

Наступает тишина.

Эно *(на улице)*. Я, Шарль Эно, не доверял Жаку Эреньену. Он казался мне человеком подозрительным. Я боролся с ним, как вы все... Теперь я жалею об этом.

Толпа *(противоречиво)*. Да здравствует Эреньен!

— Смерть!

— Долой!

Эно. Правительство подослало к нам провокаторов. Я заметил их вчера на Старом Рынке. Они советовали другим него-

дням убить Жака Эреньена, разграбить его дом, изобразить народное мщение.

Толпа. Смерть правительству!

— Да здравствуют граждане Оппидомани!

— Да здравствует Эреньен!

Эно. Эреньен нам необходим.

Толпа. Зачем он принимает подозрительные поручения?

— Зачем он покидал наши собрания?

— Он деспот!

— Он мученик!

— Пусть защищается!

— Молчать!

— Мы должны просить у него прощения!

Эреньен. Да, просить прощения, ибо в таких людях, как я, не сомневаются. Ложь для правительства Оппидомани так же естественна, как для меня дыхание. Кирпич за кирпичом, все здание его могущества рассыпалось в прах; лоскут за лоскутом распалась мантия его власти. Оно призвало меня, чтобы сшить эти лохмотья. Оно отправило меня на Авентин с затаенной мыслью: либо завладеть мной, либо погубить меня. Поручение было трудно, опасно, заманчиво. Я выполнил его как свой долг. И что же: вами я не убит, правительством не побежден. Я остался свободным и, как всегда, отдаю все силы на служение высшей идее.

Жидкие аплодисменты.

Я слышал только что крики: «Продажная душа! Его подкупили!» *(Оборачивается и хватает с письменного стола папку с бумагами.)* Продажная душа! Чего только не делали, чтобы подкупить меня! *(Потрясает связкой бумаг.)* Все, что низость может предоставить отступнику, все, что подкуп может предложить изменнику,— все обещано в этой пачке писем. Для того, чтобы вы своими руками могли коснуться бесстыдства, хитрости, коварства, низости, слепоты правительства,— я отдаю вам эти письма. Все они сопровождались настойчивыми просьбами, все они были прологом к горячим убеждениям, все они были лишь тенью мерзости, раскрывшейся в личных переговорах. Чего не смели писать, о том говорили, чего не смели сказать вслух, о том шептали на ухо, чего не смели произнести, то подразумевалось. После каждой неудачи атака возобновлялась, на отказ отвечали более щедрым предложением. Под конец была забыта всякая гордость. Мне стоило сделать одно движение, разжать руку, чтобы захватить всю власть и воплотить в

одном себе все прошлое. Ах! Поистине я восхищаюсь самим собой, вспоминая, как упорно не разжималась моя рука. А теперь прочтите сами эти письма. (*Бросает их в толпу.*) Обсудите их, поделите на части, рассейте их на все четыре стороны, по всей Оппидомани. В них отразилось глубокое падение правительства! Вы поймете все. И если я безумно рискую, слагая оружие, то в этом риске — моя неколебимая уверенность. Добровольно, с великой радостью гублю я себя в глазах консулов; я наношу им незабываемое оскорбление и отдаю себя под защиту вашего правосудия. Отныне за мою голову отвечаете вы. Я уязвим со всех сторон, я превратился в яркую мишень, в которую будут направлены все стрелы. Так поклянитесь же мне, что, невзирая на самую черную клевету, невзирая на самую нелепую или самую правдоподобную выдумку, вы все равно пойдете за мной, закрыв глаза и распахнув души!

Клятвы, аплодисменты. Восторженные крики.

Для нас должно быть радостью и гордостью — принадлежать друг другу, одно и то же ненавидеть и любить и одинаково мыслить.

Одобрительные крики.

Я буду вашей душой, вы — моими руками, и мы озарим человечество величием таких завоеваний, что люди, увидев их во всем великолепии осуществления, объявят день нашей победы началом новой эры.

Восторженные крики, затем снова тишина. Эреньен заканчивает свою речь.

А теперь прошу Венсена Ле Бре и Шарля Эно подняться ко мне. Я хочу, чтобы между нами не оставалось никаких недомолвок.

Снова одобрительные восклицания. Эреньен оборачивается и возвращается к Клер, она обнимает его.

Ты видишь, никогда не надо сомневаться в народе. (*После минутного молчания.*) Скажи нашему разведчику, чтоб он немедленно пришел сюда. Он уже вернулся от Ордэна.

Входят Эно и Ле Бре. Клер выходит.

Ле Бре. Это подлинный триумф.

Эно. О! Вы поистине вождь! Идя против вас, я чувствую свое бессилие, но когда мы заодно, я стою тысячи бойцов.

Э р е н ь е н. Наконец-то! На этот раз наше старое правительство, по-видимому, окончательно сброшено в грязь. *(Садится.)* Несмотря на все свои обещания и клятвы, оно не оказало никакой помощи семьям восставших. Оно поручило нашим людям самую опасную работу: приготовление пороха и взрывчатых веществ. Именно туда падали неприятельские бомбы. Оно составило списки подозреваемых: у каждого из начальников имеется такой список.

Л е Б р е. Вы, вероятно, сожалеете о вашем выступлении на Авентине?

Э р е н ь е н *(резко поворачиваясь к Эно)*. Нисколько. Знаешь ли ты, Шарль Эно, что́ я задумал, когда ты поднимал против меня бурю возмущения?

Э н о. Учитель, поверьте, моя роль во всем этом...

Э р е н ь е н. Не оправдывайся и не перебивай меня — я ведь все забыл. Да, через головы, через негодующие руки побежденного ныне мятежа я осуществлял самую смелую мечту моей жизни, единственную, ради которой я живу. *(Внезапно вставая.)* Через три дня неприятель мирно войдет в Оппидомань, и мы его примем!

Э н о. Это невозможно!

Э р е н ь е н. Агенты правительства все время пытались меня соблазнить. Я терпеливо обсуждал положение с ними, расспрашивал их, внушал им иллюзии, требовал от них гарантий, доверия, то подавал им надежду, то отнимал ее, выведывая их тайны, противопоставляя их старческой тактике мою порывистость и гнев. Я играл ими дерзко, безумно — и теперь знаю лучше, чем кто бы то ни было, лучше, чем они сами, насколько близка и неизбежна их гибель. Казна их пуста, запасы истощены, склады разграблены. Нет больше хлеба, чтобы выдержать осаду; нет больше денег для защиты. В каких же оргиях, в каких безумствах и грабежах исчезли народное достояние и продовольственные запасы? Каждый обвиняет всех. Армия? Два дня назад пять батальонов отказались выступить. Решено было казнить зачинщиков. Их привели на казнь, но ни один солдат не пожелал расстрелять их,— они до сих пор живы.

На улице крики: «Да здравствует Эреньен!»

В совете консулы ссорятся. Один предлагает план, другой его отвергает, излагает свой и требует его принятия. Неделю назад министры вынесли решение о вылазке через Римские ворота; они добились общего согласия, но ни один консул не хочет встать во главе войска. Каждый из правителей подсылал ко мне

своего шпиона: эти старцы не могут сговориться даже между собой, они напоминают жалких сов в клетке на вертящихся шестах. Они приходят в ужас, кричат, и глаза их закрываются при виде всеобщего пожара. Они сваливают друг на друга свои промахи, ошибки, преступления. Они боятся ответственности. «Что делать?» — таков девиз их правления.

К л е р *(входя)*. Разведчик пришел.

Э р е н ь е н. Пусть войдет. *(Обращаясь к Эно и Ле Бре.)* Я рассказал вам, каково положение вещей здесь у нас, в городе: теперь вы сможете судить о том, что происходит у неприятеля. И вы поймете, что война больше невозможна. *(Представляет разведчика Ле Бре и Эно.)* Вот один из тех, в ком я уверен. Он знает лучше, чем все мы, настроение обеих армий. *(Разведчику.)* Расскажите им, что вам удалось узнать. *(Ходит взад и вперед по комнате.)*

Р а з в е д ч и к. В прошлый вторник ночью мой брат был послан на разведку к передовым постам. Он зашел очень далеко, чтобы узнать, повреждены ли укрепления, подвергшиеся бомбардировке, и можем ли мы сделать вылазку через Римские ворота.

Э р е н ь е н *(перебивая)*. Это та вылазка, о которой я вам говорил.

Р а з в е д ч и к *(продолжая)*. Вдруг в темноте его окликает какой-то голос, очень тихо, как бы опасаясь его испугать и обратить в бегство. Быстрый обмен дружелюбными словами. Его спрашивают,— неужели в Оппидомани не найдется решительных людей, которым надоела война?

Э р е н ь е н *(оживленно)*. Это было два дня назад, а с тех пор такие разговоры слышатся все чаще.

Р а з в е д ч и к. Брат мой ответил, что Оппидомань защищается, что против этой бойни должны восстать не побежденные, а победители. Тут подходят солдаты и говорят, что осаждающие устали, что дезертирам потерян счет, бунты вспыхивают ежедневно, армия больше не существует, что, если будет продолжаться ужасная эпидемия, опустошающая войска,— осаду придется снять поневоле. Все ждут, что беды, наконец, всей своей тяжестью обрушатся на виновников войны.

Э р е н ь е н. Так что же,— после такого доказательства солидарности враждующих кто посмеет сказать, что умы закостенели и поколебать их невозможно?

О, эти первые, несмелые признанья
Во мгле ночей, средь ужасов войны,

Когда сердца отчаянья полны,—
Порывы первые измученной души,
Затем ее прозренье, ликованье!
Ведь сами звезды в трепетной тиши
Ей с вышины внимают чутким слухом.

Э н о. Право, вы меня удивляете. Увидев скудный луч, проникший в дверную щелку, вы начинаете верить в существование огромного солнца. Ведь с тех пор как началась осада Оппидомани, вам каждый день устраивались западни. Кто же поручится за искренность этих солдат? Кто вам сказал, что Оппидомань раскроет свои ворота врагам, хотя бы и безоружным? Вы верите всему вслепую. Сила, вдохновляющая вас, столь же безумна, сколь она пламенна!

Э р е н ь е н. Но истина только в ней: служить истории, довериться великой надежде, охватившей ныне весь мир!

Э н о. Итак, вы думаете, что неприятель откажется от победы и согласится на мир без всякой выгоды?

Э р е н ь е н. Вы ничего не знаете, а беретесь рассуждать. Бродяги и крестьяне, которых в начале осады выгнали из города и которые живут бог ведает как,— между нами и нашим врагом,— изо дня в день осведомляли меня. Ордэн подтверждает их сообщения, и я проверил всё. Бомбардировку пришлось прекратить. Болезни опустошают лагерь: умерло двадцать тысяч человек, рвы укреплений переполнены трупами. Вчера один генерал был убит солдатом, внезапно сошедшим с ума. Низшие чины, по взаимному сговору, препятствуют осадным работам: заклепывают пушки, бросают в реку снаряды и порох. Скорбь, нищета, отчаяние, слезы, бешенство, общий ужас вызвали эту братскую жажду мира, эти идущие из глубины души призывы. Естественный ход событий заодно с нами.

Л е Б р е. Вы достойны восхищения! Вас считали навсегда поверженным, а вы с новой силой поднимаетесь для гигантского дела.

Э р е н ь е н. Да, мною движет вера, вера, которую примет все человечество. Я вижу в народе себя, я чувствую в народе себя, я умножаюсь в нем, я его сливаю с собой. Армия Оппидомани на моей стороне. Неприятельская армия повинуется Ордэну, моему ученику и приверженцу. Мы оба действовали с воодушевлением. Что нам старая мудрость, осторожная, расчетливая, заключенная в книгах! Она ведь тоже является частью ничтожного, уходящего в прошлое мира; моя же мудрость вступает в мир сегодня. *(Разведчику.)* Ступай, скажи тем, кто идет на

передовые позиции, что я буду с ними. Ты предупредишь Ордэна.

На улице приветственные крики. Разведчик уходит.

(Эно и Ле Бре.) Вы пойдете со мной? Ну, решайте быстрее!

Л е Б р е. Конечно.

Э р е н ь е н *(Эно)*. А вы?

Э н о. Пока начальники живы, нам грозит опасность; пока они вооружены, они будут убивать. Они — реакция, которая придет вслед за вашей победой. Начнем же с их уничтожения.

Э р е н ь е н. Они превратятся в ничтожество, в прошлое, в пыль. Итак, идете вы за мной?

Э н о. Нет.

Э р е н ь е н. Хорошо, мы совершим великие дела без вашего участия...

На улице снова восторженные крики. Эреньен, подойдя к окну, принимает приветствия.

Л е Б р е *(Эно)*. Он всегда изумляет меня. Он видит препятствия так же ясно, как мы с тобой. Как же он их надеется преодолеть, на какое он рассчитывает чудо? И кого не увлекла бы, не закружила бы огненная буря его души?

Э н о. За этого человека стоят неведомые силы жизни! *(После паузы.)* Что бы ни было, я с ним!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Разрушенный дом. Ночь. Передовые посты. С одной стороны — холмы и окопы, с другой, вдалеке, едва освещенные стены Оппидомани. Л е Б р е сидит на груде камней, против него н е п р и я т е л ь с к и е с о л д а т ы и один о ф и ц е р. Все время подходят новые безмолвные г р у п п ы.

Л е Б р е. Глава Оппидомани — народ. Правители, судьи, нотабли — в его руках. Они не подозревают неизбежности своего поражения и тешатся призраком власти. Но то, чего хочет Эреньен, сбудется.

О ф и ц е р. У нас не смеют больше прибегать к наказаниям. Все узы, связывавшие нас с нашими начальниками и королями, разорваны. Мы — жалкие слуги — стали повелителями. Подумать только, что после двадцати месяцев войны, после завоевания шести провинций и взятия десяти крепостей — теперь мы, обессиленные, сами терпим неудачу пред вашей обезумевшей столицей!

Л е Б р е. Ордэн придет?

О ф и ц е р. Я жду его.

Л е Б р е. Мне хочется поскорей его увидеть. Я его не знаю.

О ф и ц е р. Ему пятьдесят лет. Он простой капитан. В жестокие, сумрачные зимы, в оледенелых наших землях, в унылой снежной скуке маленького гарнизонного городка он покорил меня своей волей, своей верой. Он садился ночью у моего камина, возле моей лампы, и мы спорили. Творения Эреньена просветили его. Они стали и моим светочем. Ордэн разъяснял и раскрывал их смысл с такой покоряющей убедительностью, что они казались мне самой неоспоримой истиной во всей сокровищнице человеческого духа. Ах, эти дружеские пылкие ночные беседы! Вы, люди Оппидомани, никогда не поймете, какие чудеса может сотворить книга в суровых, обездоленных и высоких душах — там, в странах пустыни и мрака!

Почти одновременно с разных сторон входят О р д э н и Э р е н ь е н, за ними следуют о ф и ц е р ы и с о л д а т ы.

О р д э н. Вот и я. Эреньен, я горжусь тем, что знаю вас. Нет мысли, которой я не разделял бы с вами.

Э р е н ь е н. Я чувствовал по вашим письмам, что могу на вас надеяться. Мы оба ставим жизнь на карту, мы любим друг в друге одну и ту же идею, глубокую и прекрасную.

Пускай зовут изменниками нас,—
Мы лишь сейчас почувствовали сами,
Что стали всемогущими творцами
Грядущего. И ныне вправе мы
Глядеть на мир светло, с открытою душою.
Мы примиряем два народа меж собою.
Творим добро мятежною рукой,
И в нашем сердце мир, отрада и покой.

О р д э н. Вы правы, и хотя завтра битва, но душа моя спокойна. История уже давно оправдала наш союз.

Э р е н ь е н. Если бы понадобилось чудо, оно, наверное, свершилось бы сегодня. Воздух, которым мы дышим, небо, которое мы видим, биение крови у нас в висках, всеобщий пожар, в котором каждый из нас лишь огненная искра,— все предвещает рождение новой истины.

О р д э н. Я вел пропаганду без устали. Сначала в полной тайне. Затем надзор ослабел настолько, что осторожность стала излишней. С тех пор как маршал Гарменс, единственный подлинный вождь, впал в немилость, армия наша стала мифом.

Ничего толком не зная, солдаты все же догадываются о ходе событий. Достаточно приказа, и все пойдут к Оппидомани, счастливые, братски доверчивые. Многих погибших генералов заменили капитанами, из которых некоторые на нашей стороне. Только старых командиров, по-моему, не убедишь. Если мы начнем медлить, если не выступим завтра же, они могут стать опасными для нас.

Э н о. Как завтра? А время для подготовки...

Э р е н ь е н. Нужно действовать молниеносно.

Э н о. Но ведь необходимо, чтобы Оппидомань знала, чего мы хотим.

Э р е н ь е н. Сегодня она догадывается. Завтра — будет знать.

Э н о. Но нельзя привести в движение тысячи людей, открыть ворота города, не приняв предварительно никаких мер, не обеспечив полного успеха.

Э р е н ь е н. Все меры приняты, успех мною обеспечен. Вы один колеблетесь и трепещете. У вас нет веры, и оттого вы боитесь довериться.

О р д э н. Вот что я предлагаю: завтра в семь часов вечера, с наступлением темноты, все, кто здесь находится, и все наши друзья приказывают своим солдатам мирно идти по направлению к Оппидомани. Те из командиров, кто еще остался в живых, к этому часу соберутся для празднования своей первой победы. Мой брат с тремя преданными нам батальонами окружит железным кольцом их разгульный пир. Движение войск начнется с востока, они направятся одновременно к Римским и Вавилонским воротам, а час спустя одновременно достигнут их.

Э р е н ь е н. Римские ворота слишком близки к Дворцу Правительства. Первые отряды должны войти через Вавилонские ворота и разлиться по кварталам плебеев. Вы увидите, какой замечательный у нас народ, с каким восторгом примет он вас, с каким доверием раскроет вам свою душу, бурную и великую. По дороге вы пройдете мимо двух казарм. К вам присоединятся солдаты, и вы достигнете сердца города, когда правители будут еще крепко спать. Только тогда вы направитесь к Римским воротам. Растерянность наших правителей и их сторонников поможет вам. Только пятьсот человек — консульская охрана — останутся им верны. Все другие войска, расположенные во дворце, встретят вас с восторгом. Если между охраной и нами завяжется бой, предоставьте нашим уладить это дело. Оставайтесь в стороне от всяких столкновений. Ни одного ружейного выстрела!

О р д э н. Мы в точности последуем вашим советам.

Э р е н ь е н. Только вы, как победители, можете осуществить нашу мечту. Революция всегда начинается отменой какой-нибудь привилегии: вы откажетесь от победы.

О ф и ц е р. Войны хотел только наш король.

Э н о. Конечно, ваше нападение было несправедливым, вы начали войну...

О р д э н *(прерывая)*. Последний раз уточним роли. Мой брат задержит наших командиров. В восемь часов три тысячи человек пройдут через Вавилонские ворота. Потом откроются Римские ворота, чтобы пропустить остальные батальоны. Никаких труб, никаких знамен; ни выстрелов, ни песен. Вступление будет внезапным, мирным и безмолвным. Правильно?

Э р е н ь е н. Безусловно. Остальное зависит от нас. Оппидомань готова, она вас ждет. В течение часа вы займете весь город. А теперь разойдемся, чтоб не возникли возражения... Они тревожат и расслабляют. Внезапность и отвага будут нашей единственной тактикой. Итак, до завтра!

Пожимают друг другу руки и расходятся. Ордэн и Эреньен обнимаются.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Квартира Эреньена. Та же обстановка, что во втором и третьем действии. Р е б е н о к играет. Взволнованная К л е р не отходит от окна.

Р е б е н о к. Какое платье надеть на паяца?

К л е р. Самое красивое.

Р е б е н о к. Сегодня праздник, да?

К л е р. Самый прекрасный из всех праздников.

Р е б е н о к. Рождество?

К л е р. Нет, пасха, настоящая пасха! Первая, которую празднует мир.

Р е б е н о к. Можно мне будет пойти на праздник?

К л е р. Это праздник для взрослых; торжество, которого ты не поймешь.

Р е б е н о к. Расскажи мне, что это такое.

К л е р. Когда-нибудь ты узнаешь. Ты сможешь сказать, что устроил этот праздник твой отец, твой родной отец.

Р е б е н о к. Там будет много флагов?

К л е р. Много.

Р е б е н о к. Почему же ты говоришь, что я не пойму? Когда флаги, я всегда понимаю.

К л е р *(у окна)*. Наконец!

Входит Э р е н ь е н. Одежда его в беспорядке. Клер бросается к нему.

Э р е н ь е н *(порывисто обнимая ее)*. Ты знаешь все?

К л е р. Я ничего не знаю, но догадываюсь. Расскажи...

Э р е н ь е н. События никогда не совершаются так, как мы их себе представляем. Я думал, что у Вавилонских ворот не будет ни одного из наших командиров. Их никогда не бывает в этом месте. Вчера вечером туда явились даже старейшие. Увидя вступающие в город войска, они решили, что неприятель сошел с ума. То не были нападающие: об этом говорило движение войска, отсутствие командования, отсутствие строя. То не были парламентеры; их было слишком много. Когда солдаты подошли почти вплотную, стало видно, что одни бросают оружие, другие поднимают вверх приклады. Не говоря ни слова, кое-кто из наших бросился открывать ворота. Наши командиры суетились, бранились, кричали все сразу. Никто не слушал ни их проклятий, ни их приказаний. Вероятно, их мучили, терзали, угнетали ужасные предчувствия, боязнь измены, предательства, в которые они не решались поверить. Внезапно все разъяснилось, словно блеснула молния. Их окружили. Трое из них предпочли смерть: то были храбрецы. Они увидели неприятеля, входящего в Оппидомань; им представилось поражение, позор, капитуляция. Иные плакали. Но вот наши солдаты бросаются в объятия осаждающих. Пожатия рук, поцелуи. Все ликуют, все счастливы. Летят наземь сабли, ранцы, патроны. Неприятельские солдаты открывают свои фляги, наполненные доверху. И растущая, клокочущая волна разливается уже по городу, по площади Народов, а наши командиры еще стоят на месте, бледные, безмолвные, не смея верить глазам. «Это конец войны!» — крикнул Ле Бре в самое ухо одному из командиров. «Не победа, не поражение, а всеобщий праздник!» Тогда этот зверь, обезумев от ярости, начинает изрыгать проклятия, размахивает, как слепой, саблей и ранит свою же лошадь. Двое его товарищей, пользуясь беспорядком, скрылись. Они направились к Дворцу Правительства: они, вероятно, организуют какое-то сопротивление, и консульская стража их поддержит. Я уже видел, как вокруг нас рыщут зеленые мундиры.

К л е р. А неприятельские генералы?

Э р е н ь е н. Ну, эти в плену у своей армии! Вчера, увидев,

что войска от болезней и бегства наполовину растаяли, они с отчаяния решили пойти на последний приступ. Солдаты отказались выступать, некоторые стреляли в своих командиров. Это было концом.

К л е р. Я слышала, как толпы хлынули в Оппидомань, их гул был подобен реву океана. Никогда я не испытывала одновременно такой радости и такого страха.

Э р е н ь е н. Теперь в наших стенах находятся двадцать тысяч человек. На площадях расставляют столы. Те, кто во время осады припрятал запасы, открыли свои погреба народу. Эно говорил: «Никогда Оппидомань не унизится до того, чтобы принять своих врагов. Оппидомань никогда не позволит им ходить по своим улицам и площадям, никогда не исчезнут предубеждения в оскорбленной Оппидомани». Так рассуждают в обычное время, но не сегодня! В умах царит такое смятение, что можно было бы основать новые религии и возвестить неведомые верования. Смотри, там, наверху, пылает Капитолий. Жгут Дворец Артиллерии и Флота! Прежде чем наступит вечер, будут поделены все запасы оружия и боеприпасов. Во время осады справедливо покончили с банками и биржами. Пришла пора справедливо покончить с величайшей несправедливостью — с войною. С ней исчезнут и все остальные: ненависть деревень к городам, нищеты к золоту, бесправия к могуществу. Отжившему строю, порожденному злом, нанесен удар в сердце.

На улице крики: «Ура!»

Слышишь, там поет и безумствует всемирный праздник человечества.

Клер и Эреньен приближаются к окну и застывают в долгом объятии. Вдруг Эреньен резко отстраняет ее.

Э р е н ь е н. Одень ребенка: я пришел за ним, чтоб он увидел мое творение.

К л е р. Ребенка? Но он не поймет.

Э р е н ь е н. И все же одень его. Перед лицом погибающего мира я скажу ему слова, которых он никогда не забудет. Одень его, и я его уведу.

К л е р. А я?

Э р е н ь е н. Твой брат Эно зайдет за тобой.

К л е р. Почему не пойти нам вместе?

Э р е н ь е н. Говорю тебе, одень ребенка, и поторопись.

Клер выходит. Эреньен осматривает свой письменный стол, кладет несколько связок бумаг в карман, потом подходит к окну, откуда он говорил с толпой.

О, жизнь, о, горький путь, кипучий и мятежный!
Страданье шло за мной, как спутник неизбежный.
А ныне что? — Любовь, и слава, и покой!
Я исполин! Весь мир склонился предо мной.
Да, он изменится, моей покорен воле.
Подумать! Фермером, всю жизнь проведшим в поле,
Простым крестьянином подобный сын рожден,
Не видящий, не знающий препон!
Я мертвой хваткою за горло взял закон,
Я уничтожил мощь и гордость произвола.
Все вымирало. Все! Деревни, фермы, села!
А города — что там я находил?
Былому напряженью сил
Там шло на смену разложенье.
Стяжанье, алчность, вожделенье
Росли и множились, наглея с каждым днем,
Глотая золото и задыхаясь в нем.
На бирже, в казино, и в банках, и в притонах
Настало торжество инстинктов обнаженных,
А подлая, бессовестная власть
Из подданных высасывала соки
И, благоденствуя в разврате и пороке,
Всё без различия вбирала жадно в пасть.
Я молнией блеснул для всех, кто вдаль глядели,
Я озарил им путь к возвышенной их цели.
Мне помогли не ум, не знанье, не расчет,—
Мне лишь одна любовь дорогу указала
И воедино мир, весь мир со мной связала.
Я меж людьми все грани стер,—
Блуждавших розно, как в тумане,
Собрал я в стройный, мощный хор.
Я уготовил смерть былой Оппидомани,
Низвергнул догматы, убил стяжанье, гнет!
Из недр грядущего она теперь взойдет,
В громах рожденная и, наконец,— моя,
Моих заветных дум являя воплощенье,
В огне души моей изведав очищенье,
Чтоб солнцем воссиять во мраке бытия.

Раздаются ружейные выстрелы.

Клер *(из своей комнаты)*. Эреньен, на улице солдаты правительства.

Эреньен

(не слыша, продолжает)

Своею волею весь мир я изменил,
Я вывел мой народ, своих не знавший сил,
Из нор неведенья, из векового плена
К светилу гордости великой Эреньена...

Клер *(появляясь)*. Эреньен! Эреньен! Вооруженные люди следят за нашим домом; они убьют тебя, если ты выйдешь.

Эреньен. Оставь! Одень ребенка.

Новый залп.

Клер. Выстрелы приближаются к перекрестку.

Эреньен. Одень ребенка.

Клер. Тебя ждут... Тебя подстерегают... Требуют твоей жизни...

Эреньен. Одень ребенка.

Она приводит сына; он дрожит; Клер берет ребенка на руки, как бы охраняя его.

Клер. Друг мой, умоляю тебя, не подвергай себя опасности; подожди, пока они пройдут.

Эреньен. Мне некогда ждать. Я не боюсь сегодня ни за других, ни за себя самого. Я достиг той вершины человеческой мощи...

Клер. Тогда иди один, а малыша оставь со мной.

Эреньен *(резко)*. Я хочу взять ребенка. Я хочу, чтоб он был там со мной.

Клер. Он пойдет вслед за тобой. Эно приведет его.

Эреньен. Пусть, наравне с отцом, его приветствует народный восторг. Дай же его... Ну, давай же!

Клер. Я никогда не противилась тебе. Я всегда повинуюсь тебе как раба, но сегодня заклинаю тебя...

Эреньен. Отдай его, говорю тебе! *(Вырывает ребенка из объятий Клер, отталкивает ее и убегает с ним.)*

Клер. Друг мой, друг мой! Какое безумие! Его постоянное, великое и злосчастное безумие!

Внезапный залп прерывает ее слова.

(Застыв на мгновение в смертельной тоске, бросается к окну и, высунувшись, кричит.) Мой сын! Мой сын! *(Потом стремительно бежит на улицу.)*

Удаляющийся стук копыт. Смятенье. Вопли. Тишина. Наконец, покрывая все остальное, раздается голос: «Жак Эреньен убит!»

СЦЕНА ВТОРАЯ

Утро. Площадь Народов. Она построена террасами. В глубине — панорама Оппидомани, подернутой дымом пожаров. Направо, на площадке, статуя Власти. Налево догорает Военное министерство. Горожане развешивают на окнах флаги. Проходят пьяные. Ликующие хороводы проносятся через сцену. Толпы следуют за толпами. Отовсюду слышатся песни. Мальчишки бросают камни в статую Власти.

Нищий. Эй! Берегитесь, ребята, вам надерут уши!

Мальчишки. Мы побиваем камнями труп нашего правительства. *(Бросают камни.)*

— Вот в скипетр.

— А вот в корону.

Толпа

(окружает статую и поет на мотив хороводной песни)

На тройку и четверку счет!
Вот это весельчак завзятый!
Не захотел идти в солдаты,
Народу оказал почет
И старой власти дал расчет.

На двойку и на тройку счет!
Вот это весельчак завзятый!
В огне дома, дворцы, палаты,
Под небеса пожар встает,
А он смеется и поет.

Теперь на единицу счет!
Вот это весельчак завзятый!
Послал к чертям режим проклятый,
Последних вытащил вперед
И в руки прочно власть берет.

Крестьянин. Пусть меня повесят, если я думал, что снова увижу Оппидомань.

Нищие. Я закопался в нору, как зверь.

— Я поочередно служил обеим сторонам. Те, что были в Оппидомани, называли меня кротом: я сообщал им планы неприятеля. А неприятель считал меня летучим, как дым: я осведомлял его о делах в Оппидомани.

— Мы все поступали так же. Я действовал на севере.

— Я — на западе.

— Обманывали тех и других, а кончили тем, что всех помирили! *(Иронически.)* Мы заключили мир...

Цыган. То, что называлось преступлением, в один прекрасный день превращается в добродетель.

Нищий. Правда ли, что Эреньен умер?

Цыган. Он? Бросьте вы! Он теперь повелитель, король. Такие великие люди не умирают.

Нищий. Эреньена убили на пороге его дома.

Цыган. Кто?

Нищий. Консульские солдаты.

Цыган. Не может быть!

Нищий. Как они его ненавидели! Никогда еще не совершал человек столь великого дела.

Цыган. Вовсе не один человек,— это мы все совершили его.

Пастух. Наконец-то мы начинаем жить!

Цыган. Мы? Оставьте! Чтоб свет проник в наши подвалы, нужно по-новому перепахать весь человеческий чернозем.

Война ли, мир ли,—
Нужда нас никогда не выпустит из плена,
Нас не коснется круговая смена
Добра и зла.
Хотя Оппидомань в законе обновленном
Свободу принесла народам угнетенным,
Мы будем прежнею бездомною толпой,—
Бродяги, хищники, забытые судьбой,
Подобны во́ронам, что рыщут за добычей,
Которых гнать велит безжалостный обычай,
Подальше гнать от окон и дверей.
Ведь каждый приютит под кровлею своей
Любую птицу,— только не такую.

Пастух. Как послушаешь вас, можно подумать, что правительство еще живо. Деревни возродятся. Города очистятся.

Цыган. В добрый час. То, что есть, всего лишь путь к чему-то другому, и завтра всегда будет ненавидеть сегодня.

Толпа пьяных женщин с факелами проходит через сцену. Они кричат: «К церквам! К церквам! Мы сожжем господа бога!»

(Нищему.) Ба, вот наши постоянные союзницы! Когда вы и ваши друзья решите стать людьми, вы отыщете меня, как те отыскали Эреньена. *(Уходит.)*

Рабочие *(воздвигают помост для тела Эреньена. Приносят черное сукно)*. Это небывалое несчастье!

— Две пули попали ему в лоб.

— А сын его убит?

— Нет.

— Неизвестно, кто из солдат охраны — убийца... Все они бежали. Быть может, никогда и не узнают, какой гнусный трус убил нашего трибуна. Шла битва на подступах к Дворцу Правительства. Чтоб выбить консульских приспешников, понадобился целый час. Эреньен был уже мертв.

Нищий. Говорят, удар нанес Эно.

Рабочий. Эно?! Да ты не знаешь, что говоришь! Эно страдает сильнее, чем мы все.

Нищий. Он был его врагом.

Рабочий. Замолчи! Ты бессовестно врешь!

Нищий. Я повторяю то, что мне сказали.

Рабочий. Вот именно такие люди, как ты, и распускают гнусные сплетни.

Неприятельские солдаты и солдаты Оппидомани проходят рука об руку; они собираются на террасе и ступенях.

Толпа. Праздник состоится?

— А почему бы и нет? Его назначили новые правители Оппидомани.

— Никогда еще Эреньен не казался столь великим, как в смерти!

Прохожие. Его несут, как триумфатора, через весь город.

— Я видел, как его проносили у Мраморного перекрестка. Кровавая рана пересекает его лицо. Я видел его на Гаврском мосту.

Народ рыдал. А матери и няньки
Младенцев на руках протягивали к праху,
И всё, в чем жизнь ликует и цветет,
Что молодо, светло и беззаботно,
Склонялось, горько плача, пред усопшим.
В багряном саване, под алыми шелками,
Он тихо спал в гробу, украшенном венками,
И, как прибой,
Народная любовь вокруг него кипела,
Подъемля над толпой безжизненное тело.
О, ни один король, прославленный судьбой,
Блиставший золотом и мантией кровавой,

Не шел в последний путь земной
С таким триумфом и с такою славой.

— У колоннады какой-то юноша пробил себе путь к носилкам. Он смочил свой платок в крови, еще не запекшейся на щеке покойника, а потом долго, страстно, словно это было причастие, прижимал его к своим губам.

Рабочий *(слушавший прохожих)*. Жак Эреньен будет лежать здесь, на этом помосте, среди толпы, во всем блеске своего величия.

Крестьянин. Пусть солнце увидит его.

Группа крестьян. Слезы, цветы, песни, кровь, пляски, пожары... Какие противоречивые страсти раскаляют воздух!

— Именно в такой атмосфере рождаются миры!

В толпе сильное движение. Ле Бре, в сопровождении солдат и рабочих, взбирается на крыльцо какого-то дома и делает знак, что хочет говорить. Молчание.

Ле Бре. Граждане! Спустя несколько минут на этой площади, посвященной народу, появится тело Жака Эреньена. Примите его как победителя. Пули могли закрыть его глаза, заставить окостенеть его руки, сделать неподвижным его лицо, но убить его — нет, никогда! Жак Эреньен живет еще в своих словах, в своих действиях, в своей мысли, в своих книгах; он — сила, даже в этот миг вдохновляющая нас; он желает, мыслит, надеется, действует в нас. Это не похороны его — это его последнее торжество... Посторонитесь — вот он!

Дети взбираются на плечи взрослым. Сильнейшее волнение во всех группах. Становятся на подоконники. Влезают на колонны.

Различные группы на ступенях. Какая толпа! Эта площадь не сможет вместить ее.

— Как его любили! Такие люди, как он, не должны умирать.

Группа женщин. Его жена идет за носилками.

— Она несет ребенка.

— Она настоящая христианка!

— Она настоящая римлянка!

— Замолчите: несут покойника.

Появляются носилки, их обносят вокруг площади. Одни плачут, другие что-то восклицают, третьи падают на колени, некоторые женщины совершают крестное знамение. Чтоб лучше видеть, люди становятся на ступени, повисают гроздьями на столбах и колоннах.

Молодые люди

(идут навстречу носилкам. Восторженно, как бы воссылая молитву.)

— Эреньен, Эреньен, ты был наш единственный учитель.

— Едва лишь мысль во мне, как искра, возникала,
Твой вихрь ее пожаром раздувал.
— Эреньен, Эреньен, мы смена твоя.
Мы клянемся тобой, посвящая тебе
Все, чего мы достигнем в борьбе,—
Все прекрасное, светлое, сильное, чистое,
Все несущее миру расцвет бытия.
— Эреньен, Эреньен! Память славы твоей
Будет вечно пылать в сердце будущих дней.
— Эреньен, Эреньен! Вдохновляй ныне нас,
Как недавно, в печальный и гибельный час,
В дни разлада и в дни заблуждений,
Темным силам назло,
Дав нам жизнь и тепло,
Вдохновлял нас твой пламенный гений.

Тело кладут на помост; женщины возлагают на него цветы и траурное покрывало.

Городской ясновидец

(стоя на ступени и возвышаясь над всей толпой)

Не время нам
Внимать слезам,
Пришли часы иные,
Свергая дряхлых, сумрачных богов,
Как молния из темных облаков,
Блеснула истина впервые.
Надежда плотью облеклась,
Желанье старое сияет в блеске юном,
В глазах — весна, сердца подобны струнам,
Возникла в воздухе таинственная связь.

(Указывая на катафалк.)

Пусть лягут ветви пальм, как символ обновленья,
На ложе скорбное безмолвия и тленья!
Храните в чистоте его завет.
Не оскверняйте памяти героя,

Чтобы, мятежный дух навеки успокоя,
Дала и смерть ему лишь новый, яркий свет.
Его к весне неведомой влекло,
Он шел со звездами, с веками, со вселенной,
Он жизнь завоевал рукою вдохновенной,
Он победил, взорвал и уничтожил зло.

Выступает Ордэн. Волнение. В толпе называют его имя и приветствуют его. Перешептываясь, расспрашивают о нем друг друга.

Толпа. Это он отказался уничтожить Оппидомань.

— Он сделал наших врагов нашими друзьями.

— Он велик, как Эреньен.

Ордэн *(указывая на тело)*. Я был его учеником и другом, ему неведомым. Его книги заменили мне Библию. Такие, как он, создают подобных мне — людей смиренных, долгое время остающихся в тени, но в некий громоносный день эти люди, как бы по мановению судьбы, осуществляют великую мечту своего учителя. Насколько прекрасно, незаменимо и незабвенно для сынов своих каждое отечество, настолько же гибельна и вредоносна каждая нация, отгородившаяся от мира в своих границах. Но мир покуда щетинится враждующими нациями. И наш союз возникает перед ними великим примером.

Всеобщий восторг.

Когда-нибудь они поймут бессмертное событие, свершившееся здесь, в прославленной Оппидомани, откуда во все века одна за другой исходили самые высокие идеи человечества. И впервые с тех пор, как возникло насилие, с тех пор, как человеческий мозг постиг исчисление времени, две нации, одна — отказываясь от победы, другая — смирив оскорбленную гордость, бросаются друг другу в объятия. Земля содрогнулась, вся кровь, все соки прилили к сердцу каждой твари. Союз и единение победили ненависть.

Восторженные крики.

Борьба между людьми, кровопролитная борьба, отошла в прошлое. Отныне гигантский маяк пылает на горизонте грядущих бурь. Его величие ослепит взоры, покорит умы, воспламенит желания. И пусть люди, пройдя тернистый путь испытаний и горестей, придут в ту гавань, куда зовет их этот маяк, позлащая сиянием мачты и мирные ладьи.

Всеобщее ликование; люди кричат, обнимаются. Прежние враги подходят и окружают Ордэна. Граждане Оппидомани протягивают к нему руки. Он уклоняется от объятий и слагает пальмовые ветви к ногам Эреньена. Затем говорит, обращаясь к его вдове.

Во имя жизни и ее торжества, прошу вас, Клер Эреньен, показать двум ликующим народам того, в ком мы видим воплощение Жака Эреньена: его сына. *(Протягивает руки, чтобы взять ребенка.)*

Клер *(останавливая его)*. Я сама найду в себе для этого силы.

(Встает.)

Оппидомань! Ты слышишь: в этот час,
Когда нас, наконец, надежда увенчала,
В преддверье новых дней, берущих здесь начало,
Двум нациям, забывшим свой раздор,
Превозмогая скорбь и осушая взор,
(обращаясь к толпе)
Вверяю сына. Пусть он по стопам отца
Идет — высокий долг исполнить до конца,
Пускай мечту осуществляет смело,
Которая отцом его владела.
Пусть будет он
Отныне посвящен
Грядущему, что к нам нисходит в ореоле
Восстанья, празднества, и радости, и боли,
Пред вами всеми, здесь, у древних стен,
Где спит последним сном великий Эреньен.

Клер некоторое время высоко держит сына, к которому протягиваются тысячи рук охваченной восторгом толпы; затем она передает ребенка Ордэну. И вдруг, истощив этим напряжением все силы, она, рыдая, припадает к телу Эреньена. Постепенно водворяется молчание.

Ле Бре. Все совершившееся ныне так прекрасно, так незабвенно, и такая глубокая связь объединила нас, что стыдно было бы думать о договоре и клятве! Перед лицом всего ненарушимого и святого, перед этим гениальным человеком, чье окровавленное тело и бессмертная душа вдохновляют и воспламеняют нас, мы свободно отдаем себя друг другу навеки!

Восторженные крики.

Ордэн. Когда вчера, с пылающими сердцами и раскрытыми объятиями, мы вступили в город, меня изумляло то, что человек, все это создавший, является живым свидетелем своего триумфа. Такая победа требовала жертвы. Подумайте, при каких необычайных обстоятельствах Эреньен, один, без друзей, без защиты, добровольно подставил свой лоб, быть может, по-

следней пуле,— и вы, как я, поверите, что смерть его связана с тайнами великих и необоримых сил.

Эно. Он низверг и растоптал старую власть, чье изображение еще высится на пьедестале. *(Указывает на статую.)*

Свистки, крики: «Вали ее на землю, вали!» Рабочие хватают ломы и взбираются на пьедестал.

Он уничтожил это гнилье: ее трусливых консулов, ее беззаконные законы, ее позорные обычаи, ее продажную армию.

Толпа. Долой ее! Долой!

Эно. Он освободил нас от ее воровских банков, от ее золота, парламентов и бирж, он убил все противоречия. А эта статуя глумится над его деяниями. *(Указывает на статую.)*

Толпа. Старая негодяйка!

— Проклятое чудовище!

— Продажная потаскуха!

Крики со всех сторон: «Долой ее! Долой!»

— Кинуть ее в сточную канаву!

— Ломай ее! Бей!

— Вали! Вали ее в грязь!

Голоса крестьян. Это она нас пожирала!

Голоса горожан. Это она нас позорила!

Голоса крестьян. Она была смертью!

Голоса горожан. Она была преступлением! *(Со всех сторон.)* Долой ее! Долой!

Рабочий *(стоя на пьедестале, кричит окружающим).* Берегись! Она падает!.. Падает!

Под яростные крики толпы огромная статуя начинает качаться и падает. Мгновенье мертвой тишины. Затем Эно схватывает уцелевшую голову, поднимает и, пошатываясь под огромной тяжестью, молча бросает. Голова разбивается у ног Эреньена.

Городской ясновидец. А теперь пусть загораются Зори!

МОРИС МЕТЕРЛИНК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дед — слепой.
Отец.
Дядя.
Три дочери.
Сестра милосердия.
Служанка.

Действие происходит в наши дни.

Довольно темная зала в старом замке. Дверь направо, дверь налево и маленькая задрапированная дверь в углу. В глубине — окна с цветными стеклами, главным образом с зелеными, и стеклянная дверь, выходящая на террасу. В углу большие фламандские часы. Горит лампа.

Три дочери. Сюда, сюда, дедушка! Садись поближе к лампе.

Дед. Здесь, кажется, не особенно светло.

Отец. Хотите на террасу, или посидим в этой комнате?

Дядя. Может быть, лучше здесь? Всю неделю шел дождь; ночи сырые, холодные.

Старшая дочь. А небо все же звездное.

Дядя. Это не важно.

Дед. Лучше побудем здесь — мало ли что может случиться!

Отец. Не волнуйтесь! Опасность миновала, она спасена...

Дед. По-моему, она плохо себя чувствует.

Отец. Почему вы так думаете?

Дед. Я слышал ее голос.

Отец. Но раз доктора уверяют, что можно не опасаться...

Дядя. Ты же знаешь, что твой тесть любит зря волновать нас.

Дед. Ведь я ничего не вижу.

Дядя. В таком случае надо положиться на зрячих. Днем она выглядела прекрасно. Сейчас она крепко спит. Выдался первый спокойный вечер — не будем же отравлять его!.. Я думаю, что мы имеем право на отдых и даже на веселье, не омраченное страхом.

Отец. В самом деле, в первый раз после ее мучительных родов я чувствую, что я дома, что я среди своих.

Дядя. Стоит болезни войти в дом, и кажется, будто в семье поселился чужой.

О т е ц. Но только тут начинаешь понимать, что, кроме своих близких, нельзя рассчитывать ни на кого.

Д я д я. Совершенно справедливо.

Д е д. Почему я не могу навестить сегодня мою бедную дочь?

Д я д я. Вам известно, что доктор это запретил.

Д е д. Не знаю, что и думать...

Д я д я. Вы напрасно беспокоитесь.

Д е д *(показывая на дверь налево)*. Она не слышит нас?

О т е ц. Мы говорим тихо. Дверь массивная, да и потом с ней сестра милосердия; она остановит нас, если мы заговорим слишком громко.

Д е д *(показывая на дверь направо)*. А он не слышит нас?

О т е ц. Нет, нет.

Д е д. Он спит?

О т е ц. Думаю, что да.

Д е д. Надо бы посмотреть.

Д я д я. Малыш беспокоит меня больше, чем твоя жена. Ему уже несколько недель, а он все еще еле двигается, до сих пор ни разу не крикнул — не ребенок, а кукла.

Д е д. Боюсь, что он глухой, а может быть, и немой... Вот что значит брак близких по крови...

Укоризненное молчание.

О т е ц. Мать столько из-за него вынесла, что у меня против него какое-то нехорошее чувство.

Д я д я. Это неблагоразумно: бедный ребенок не виноват... Он один в комнате?

О т е ц. Да. Доктор не позволяет держать его в комнате матери.

Д я д я. А кормилица при нем?

О т е ц. Нет, пошла отдохнуть — она это вполне заслужила... Урсула, пойди погляди, спит ли он.

С т а р ш а я д о ч ь. Сейчас, папа.

Три дочери встают и, держась за руки, уходят в комнату направо.

О т е ц. В котором часу придет сестра?

Д я д я. Думаю, что около девяти.

О т е ц. Уже пробило девять. Я жду ее с нетерпением — моя жена очень хочет ее видеть.

Д я д я. Придет! Она никогда здесь не была?

О т е ц. Ни разу.

Дядя. Ей трудно отлучиться из монастыря.

Отец. Она придет одна?

Дядя. Вероятно, с кем-нибудь из монахинь. Им нельзя выходить без провожатых.

Отец. Но ведь она — настоятельница.

Дядя. Устав для всех одинаков.

Дед. Вас больше ничто не беспокоит?

Дядя. А из-за чего нам беспокоиться? Не надо больше об этом говорить. Нам больше нечего бояться.

Дед. Сестра старше вас?

Дядя. Она у нас самая старшая.

Дед. Не знаю, что со мной, —я неспокоен. Хорошо, если бы ваша сестра была уже здесь.

Дядя. Она придет! Она обещала.

Дед. Поскорей бы прошел этот вечер!

Три дочери возвращаются.

Отец. Спит?

Старшая дочь. Да, папа, крепким сном.

Дядя. Что мы будем делать в ожидании?

Дед. В ожидании чего?

Дядя. В ожидании сестры.

Отец. Никто к нам не идет, Урсула?

Старшая дочь *(у окна)*. Нет, папа.

Отец. А на улице?.. Ты видишь улицу?

Дочь. Да, папа. Светит луна, и я вижу улицу до самой кипарисовой рощи.

Дед. И ты никого не видишь?

Дочь. Никого, дедушка.

Дядя. Вечер теплый?

Дочь. Очень теплый. Слышите, соловьи поют?

Дядя. Да, да!

Дочь. Поднимается ветерок.

Дед. Ветерок?

Дочь. Да, чуть колышутся деревья.

Дядя. Странно, что сестры еще нет.

Дед. Я уже не слышу соловьев.

Дочь. Дедушка! Кто-то, кажется, вошел в сад.

Дед. Кто?

Дочь. Не знаю, я никого не вижу.

Дядя. Не видишь, потому что никого нет.

Дочь. Должно быть, в саду кто-нибудь есть — соловьи вдруг замолкли.

Дед. Но я все-таки не слышу шагов.

Дочь. Кто-то, верно, идет мимо пруда, потому что пугаются лебеди.

Вторая дочь. Все рыбы в пруду вдруг ушли под воду.

Отец. Ты никого не видишь?

Дочь. Никого, папа.

Отец. А между тем пруд озарен луною...

Дочь. Да, я вижу, что лебеди испугались.

Дядя. Это сестра их напугала. Она вошла, по всей вероятности, через калитку.

Отец. Непонятно, почему не лают собаки.

Дочь. Сторожевой пес забрался в будку... Лебеди плывут к тому берегу!..

Дядя. Они испугались сестры. Сейчас увидим! *(Зовет.)* Сестра! Сестра! Это ты?.. Никого.

Дочь. Я уверена, что кто-то вошел в сад. Вот посмóтрите.

Дядя. Но она бы мне ответила!

Дед. Урсула, а что соловьи, снова запели?

Дочь. Я не слышу ни одного.

Дед. Но ведь кругом все тихо.

Отец. Царит мертвая тишина.

Дед. Это кто-нибудь чужой их напугал. Если бы шел свой, они бы не замолчали.

Дядя. Теперь вы о соловьях будете думать!

Дед. Все ли окна открыты, Урсула?

Дочь. Стеклянная дверь открыта, дедушка.

Дед. На меня пахнуло холодом.

Дочь. В саду поднялся ветерок, осыпаются розы.

Отец. Затвори дверь. Уже поздно.

Дочь. Сейчас, папа... Я не могу затворить дверь.

Две другие дочери. Мы не можем ее затворить.

Дед. Что случилось, внучки?

Дядя. Ничего особенного. Я помогу им.

Старшая дочь. Мы не можем притворить ее плотно.

Дядя. Это из-за сырости. Наляжем все разом. Между двумя створками что-то застряло.

Отец. Плотник завтра починит.

Дед. Разве плотник придет завтра?

Дочь. Да, дедушка, у него есть работа в погребе.

Дед. Он поднимет грохот на весь дом!..

Дочь. Я попрошу, чтоб он не очень стучал.

Внезапно слышится лязг оттачиваемой косы.

Дед *(вздрагивает)*. О!

Дядя. Что это?

Дочь. Не знаю. Должно быть, садовник. Мне плохо видно — на него падает тень от дома.

Отец. Садовник собирается косить.

Дядя. Он косит ночью?

Отец. Ведь завтра воскресенье?.. Да... Я ему сказал, чтобы он обкосил вокруг дома.

Дед. Его коса что-то уж очень громко звенит...

Дочь. Он косит вокруг дома.

Дед. Ты его видишь, Урсула?

Дочь. Нет, дедушка, — он в тени.

Дед. Боюсь, как бы он не разбудил мою дочь.

Дядя. Я еле слышу его.

Дед. А я слышу так явственно, как будто бы он косит в самом доме.

Дядя. Больная не услышит — можете не сомневаться.

Отец. Лампа что-то сегодня горит не особенно ярко.

Дядя. Надо подлить масла.

Отец. Утром я велел ее заправить. Она стала плохо гореть после того, как закрыли дверь.

Дядя. Стекло помутнело.

Отец. Сейчас разгорится.

Дочь. Дедушка заснул. Он три ночи не спал.

Отец. Он очень волновался.

Дядя. Он всегда ужасно волнуется. И ничем его нельзя успокоить.

Отец. В его годы это простительно.

Дядя. Да, еще неизвестно, какие мы сами-то будем в его годы!

Отец. Ему под восемьдесят.

Дядя. Что ж, он может себе позволить некоторые странности.

Отец. Он — как все слепые.

Дядя. Слепые слишком много рассуждают.

Отец. У них слишком много досуга.

Дядя. Им нечего делать.

Отец. А развлечений никаких.

Дядя. Тяжелая судьба...

Отец. По-видимому, к этому привыкают.

Дядя. Не могу себе представить.

Отец. Их нельзя не пожалеть.

Дядя. Не знать, где находишься, не знать, откуда идешь,

не знать, куда идешь, не отличать полдня от полуночи, лета от зимы... И эти вечные потемки, вечные потемки... Я предпочел бы умереть... И это неизлечимо?

Отец. Кажется, неизлечимо.

Дядя. Но ведь он не окончательно ослеп?

Отец. Он различает только сильный свет.

Дядя. Нам всем нужно беречь глаза.

Отец. У него часто являются странные мысли.

Дядя. Иногда с ним не очень весело.

Отец. Он говорит все, что думает.

Дядя. Но ведь прежде он не был таким?

Отец. Нет. Когда-то он был таким же разумным, как мы, ничего непонятного не говорил. Ему Урсула потворствует — отвечает на все его вопросы...

Дядя. Отвечать не надо — так лучше для него.

Бьет десять часов.

Дед *(просыпается)*. Я сижу лицом к стеклянной двери?

Дочь. Ты хорошо спал, дедушка?

Дед. Я сижу лицом к стеклянной двери?

Дочь. Да, дедушка.

Дед. Никого нет за стеклянной дверью?

Дочь. Да нет же, дедушка, я никого не вижу.

Дед. Мне показалось, там кто-то ждет. Никто не приходил?

Дочь. Никто, дедушка.

Дед *(дяде и отцу)*. А ваша сестра не пришла?

Дядя. Теперь уж не придет. Нехорошо это с ее стороны.

Отец. Меня это начинает беспокоить.

Слышатся чьи-то шаги.

Дядя. Это она! Слышите?

Отец. Да, кто-то ходит внизу.

Дядя. Наверно, сестра. Это ее шаги.

Дед. Я слышал медленные шаги.

Отец. Она очень тихо вошла.

Дядя. Она знает, что в доме больная.

Дед. Теперь я ничего уже больше не слышу.

Дядя. Она сейчас поднимется; ей скажут, что мы здесь.

Отец. Я счастлив, что она пришла.

Дядя. Я был уверен, что она придет.

Дед. Однако она где-то замешкалась.

Дядя. И все же это, должно быть, она.

Отец. Мы никого другого не ждем.

Дед. Я не слышу внизу никакого движения.

Отец. Я позову служанку; сейчас мы узнаем, кто там. *(Звонит.)*

Дед. Теперь я слышу, что кто-то идет по лестнице.

Отец. Это служанка.

Дед. Кажется, она не одна.

Отец. Она медленно поднимается...

Дед. Я слышу шаги вашей сестры!

Отец. Я слышу только шаги служанки.

Дед. Это ваша сестра! Это ваша сестра!

В маленькую дверь стучат.

Дядя. Она стучится в дверь, которая выходит на потайную лестницу.

Отец. Пойду открою сам, а то эта дверца стала очень скрипеть; ею пользуются редко — в тех случаях, когда хотят проникнуть тайком. *(Приотворяет дверь.)* Где вы?

На лестнице стоит служанка.

Служанка. Я здесь, сударь.

Дед. Ваша сестра в дверях?

Дядя. Я вижу только служанку.

Отец. Да, это служанка. *(Служанке.)* Кто вошел к нам в дом?

Служанка. Вошел в дом?

Отец. Да, кто-нибудь приходил?

Служанка. Никто не приходил, сударь.

Дед. Кто это так вздыхает?

Дядя. Служанка — она запыхалась.

Дед. Она плачет?

Дядя. Да нет! Чего ей плакать!

Отец *(служанке)*. Никто сейчас не приходил?

Служанка. Да нет же, сударь!

Отец. Но ведь мы слышали, как отворилась дверь!

Служанка. Это я затворяла дверь.

Отец. Она была отворена?

Служанка. Да, сударь.

Отец. Почему она была отворена в такой поздний час?

Служанка. Не знаю, сударь. Я ее затворила.

Отец. А кто же ее отворил?

Служанка. Не знаю, сударь. Должно быть, кто-нибудь выходил после меня...

Отец. Надо за этим следить... Да не толкайте дверь! Вы же знаете, что она скрипит.

Служанка. Да я до нее не дотрагиваюсь, сударь.

Отец. Нет, вы ее толкаете, вы как будто хотите войти в комнату!

Служанка. Нет, сударь, я от нее в нескольких шагах.

Отец. Говорите тише.

Дед. А что, огонь потушили?

Старшая дочь. Нет, дедушка.

Дед. Мне показалось, что стало темно.

Отец *(служанке)*. Ступайте! Только смотрите, не топайте по лестнице.

Служанка. Я не топала.

Отец. А я вам говорю, что вы топали! Спускайтесь осторожно, а то разбудите барыню. Если кто-нибудь придет — скажите, что нас нет дома...

Дядя. Да, скажите, что нас нет дома!

Дед *(вздрагивает)*. Этого не надо было говорить!

Отец. Не пускайте никого, кроме моей сестры и доктора.

Дядя. В котором часу должен приехать доктор?

Отец. Раньше полуночи не приедет. *(Затворяет дверь.)*

Часы бьют одиннадцать.

Дед. Она вошла?

Отец. Кто?

Дед. Служанка.

Отец. Да нет, она ушла.

Дед. Я думал, что она села за стол.

Дядя. Кто, служанка?

Дед. Да.

Дядя. Только этого недоставало!

Дед. Никто не входил в комнату?

Отец. Да нет, никто не входил.

Дед. И вашей сестры здесь нет?

Дядя. Нет, сестра не приходила.

Дед. Вы меня обманываете!

Дядя. Обманываем?

Дед. Урсула, ради бога, скажи мне всю правду!

Старшая дочь. Дедушка, дедушка, что с тобой?

Дед. Что-то случилось!.. Я уверен, что моей дочери хуже!..

Дядя. Вы бредите!

Дед. Вы не хотите мне сказать!.. Я вижу ясно, что-то случилось!..

Метерлинк. «Слепые»

Дядя. Значит, вы видите лучше, чем мы.

Дед. Урсула, скажи мне всю правду!

Старшая дочь. Мы говорим тебе всю правду, дедушка!

Дед. Твой голос звучит как-то не так!

Отец. Это потому, что вы пугаете ее.

Дед. И ваш голос тоже изменился!

Отец. Вы с ума сошли!

Отец и дядя делают друг другу знаки, показывая, что дед потерял рассудок.

Дед. Я слышу, что вам страшно!

Отец. Да чего нам бояться?

Дед. Зачем вы хотите обмануть меня?

Дядя. Да кто вас обманывает?

Дед. Почему вы погасили огонь?

Дядя. Никто не гасил. В комнате светло, как прежде.

Дочь. Мне показалось, что лампа не так ярко горит.

Отец. А по-моему, так же.

Дед. У меня перед глазами круги! Внучки, скажите же мне, что здесь происходит? Объясните мне, ради бога! Ведь вы же видите! А я один в беспросветной тьме! Я не знаю, кто сейчас сел рядом со мной! Я не знаю, что происходит в двух шагах от меня!.. Почему вы только что говорили шепотом?

Отец. Никто не говорил шепотом.

Дед. Вы говорили шепотом у двери.

Отец. Вы слышали все, что я говорил.

Дед. Вы ввели кого-то в комнату?

Отец. Говорят вам, никто сюда не входил!

Дед. Это ваша сестра или священник?.. Не надо меня обманывать... Урсула, кто это вошел?

Дочь. Никто не входил, дедушка.

Дед. Не надо меня обманывать. Меня не проведешь... Сколько нас здесь?

Дочь. Нас за столом шестеро, дедушка.

Дед. И все вы сидите за столом?

Дочь. Да, дедушка.

Дед. Вы сидите здесь, Поль?

Отец. Да.

Дед. А вы, Оливье, там?

Дядя. Ну да, ну да, я здесь, на своем месте. Что же тут необыкновенного?

Дед. Ты — там, Женевьева?

Вторая дочь. Да, дедушка.

Дед. Ты — там, Гертруда?

Третья дочь. Да, дедушка.

Дед. А ты, Урсула, здесь?

Старшая дочь. Да, дедушка, рядом с тобой.

Дед. А кто же сидит вот здесь?

Дочь. Где, дедушка? Здесь больше никого нет.

Дед. Здесь, здесь, среди нас?

Дочь. Здесь никого нет, дедушка!

Отец. Говорят вам, что никого нет!

Дед. Но вы же не видите!

Дядя. Послушайте, вы смеетесь над нами?

Дед. Мне совсем не до смеха, уверяю вас.

Дядя. Тогда верьте тем, кто видит.

Дед *(нерешительно)*. Мне показалось, что с нами еще кто-то сидит... Должно быть, мне не долго осталось жить...

Дядя. Зачем бы мы стали вас обманывать? Для чего?

Отец. Наш долг — говорить вам правду.

Дядя. Какой смысл друг друга обманывать?

Отец. Все равно мы бы не могли долго держать вас в заблуждении.

Дед *(пытается встать)*. Как бы мне хотелось просверлить взором этот мрак!..

Отец. Куда вы?

Дед. Туда...

Отец. Не волнуйтесь!..

Дядя. Вы сегодня какой-то странный.

Дед. Это вы все кажетесь мне странными!

Отец. Что вы там ищете?

Дед. Сам не знаю, что со мной!

Старшая дочь. Дедушка, дедушка! Ты что, дедушка?

Дед *(трем дочерям)*. Дайте мне ваши ручки!

Три дочери. Вот, дедушка.

Дед. Почему вы дрожите, внученьки?

Старшая дочь. Мы почти не дрожим, дедушка.

Дед. Мне кажется, вы бледны.

Старшая дочь. Уже поздно, дедушка, мы устали.

Отец. Ложитесь спать. И дедушке тоже не мешает отдохнуть.

Дед. Я все равно не засну!

Дядя. Подождем доктора.

Дед. Подготовьте меня к правде!

Дядя. Да ведь правды нет!

Дед. Что же в таком случае здесь творится?

Дядя. Говорят вам, ровно ничего!

Дед. Мне хочется побыть с моей бедной дочерью.

Отец. Вы отлично знаете, что это невозможно, не надо ее понапрасну будить.

Дядя. Вы увидите ее завтра.

Дед. В ее комнате не слышно шума.

Отец. Я бы встревожился, если б услышал там шум.

Дед. Давно я не видал мою дочь!.. Вчера вечером я брал ее за руку, а ее не видел... Не знаю, что с ней... Не знаю, какая она... Не знаю, какое у нее лицо... Должно быть, она изменилась за это время!.. Я почувствовал, как впали у нее щеки... Между мною и ею, между мною и всеми вами — темнота!.. Я не могу больше так жить. Это не жизнь!.. Все вы смотрите открытыми глазами в мои мертвые глаза, и никто из вас не пожалеет меня... Сам не знаю, что со мной творится... Человек никогда не говорит того, что ему хочется высказать... А стоит задуматься — и все тебя пугает... Почему вы вдруг замолчали?

Дядя. Какой смысл говорить, если вы нам не верите?

Дед. Вы боитесь выдать себя!

Отец. Будьте же, в конце концов, благоразумны!

Дед. Давно уже от меня что-то скрывают!.. В доме что-то случилось... Но теперь я начинаю понимать... Слишком долго меня обманывали!.. Вы думаете, что я так ничего и не узна́ю?.. Бывают минуты, когда я менее слеп, чем вы... Столько дней я слышу, как вы шепчетесь, шепчетесь, словно в доме повешенного... Я не смею открыть вам все, что узнал за этот вечер... Но я узнал всю правду!.. Я буду ждать, пока вы откроете мне правду, но я уже давно догадался, помимо вас!.. А теперь я чувствую, что вы все бледны как смерть!

Три дочери. Дедушка! Дедушка! Что с тобой, дедушка?

Дед. Я не о вас говорю, внучки, нет, не о вас... Я отлично знаю, что, если бы не они, вы открыли бы мне правду!.. К тому же я уверен, что они и вас обманывают... Вот увидите, внучки, увидите!.. Разве я не слышал, как вы все втроем рыдали?

Отец. Неужели вы правда уверены, что жизнь моей жены в опасности?

Дед. Не пытайтесь больше меня обманывать! Поздно! Мне дано знать больше, чем вам...

Дядя. Но мы-то ведь не слепы!

Отец. Хотите войти в комнату вашей дочери? Здесь ка-

кое-то недоразумение, какая-то ошибка, этому надо положить конец... Хотите?

Дед *(внезапно впав в нерешительность)*. Нет, нет, не сейчас... не сейчас...

Дядя. Он точно дитя неразумное.

Дед. Человек не может высказать все, что у него на душе!.. Что это за звук?

Старшая дочь. Это лампа мерцает, дедушка.

Дед. Мне чудится беспокойное пламя... беспокойное пламя...

Дочь. Его задувает ветер.

Дядя. Ветра нет — окна закрыты.

Дочь. Лампа, кажется, гаснет.

Отец. Масло выгорело.

Дочь. Она вот-вот погаснет.

Отец. В темноте сидеть неприятно.

Дядя. Почему?.. Я привык.

Отец. В комнате моей жены горит свет.

Дядя. После прихода доктора мы возьмем оттуда лампу.

Отец. Да нет, и так видно — свет проникает снаружи.

Дед. Разве на дворе светло?

Отец. Светлее, чем здесь.

Дядя. Я люблю беседовать в сумерках.

Отец. И я.

Молчание.

Дед. Часы, кажется, что-то уж очень стучат!..

Старшая дочь. Это потому, что мы молчим, дедушка.

Дед. Почему же вы молчите?

Дядя. О чем нам разговаривать?.. На вас сегодня не угодишь.

Дед. В комнате очень темно?

Дядя. Да, не особенно светло.

Молчание.

Дед. Мне душно, Урсула, приоткрой окно.

Отец. Да, дочь моя, приоткрой окно. И мне хочется подышать свежим воздухом.

Старшая дочь открывает окно.

Дядя. Правда, мы слишком долго сидели взаперти.

Дед. Окно открыто?

Дочь. Да, дедушка, настежь.

Дед. А кажется, что закрыто, — ни малейшего шума не доносится снаружи.

Дочь. Да, дедушка, не слышно ни звука.

Отец. Какая-то странная тишина.

Дочь. В такой тишине можно услышать полет ангела.

Дядя. Вот почему я не люблю деревню.

Дед. Мне хочется услышать хоть какой-нибудь шум... Урсула, который час?

Дочь. Скоро полночь, дедушка.

Дядя ходит взад и вперед по комнате.

Дед. Кто это ходит?

Дядя. Это я, я, не бойтесь. Мне хочется немного походить.

Молчание.

Нет, сяду — ничего не видно.

Молчание.

Дед. Я хочу уйти!

Дочь. Куда, дедушка?

Дед. Не знаю... в другую комнату, все равно куда, все равно куда!

Отец. Не прогуляться ли нам?

Дядя. Нет, уже поздно.

Молчание. Все неподвижно сидят за столом.

Дед. Что это, Урсула?

Дочь. Ничего, дедушка, это падают листья... Да, это листья падают на террасу.

Дед. Закрой окно, Урсула.

Дочь. Сейчас, дедушка. *(Закрывает окно и садится на свое место.)*

Дед. Мне холодно.

Молчание. Три дочери целуются.

А это что?

Отец. Это сестры целуются.

Дядя. Что-то они сегодня бледны.

Молчание.

Дед. А это что?

Дочь. Ничего, дедушка, это я сложила руки.

Молчание.

Дед. А это?..

Дочь. Не знаю, дедушка... Быть может, мои сестры слегка вздрогнули.

Дед. Мне тоже страшно, внучки.

Лунный свет, проходя через стеклянную дверь, разбрасывает по комнате странные блики. Бьет полночь. При последнем ударе явственно слышится шум, как будто кто-то поспешно встал с места.

(Дрожа от какого-то непостижимого страха.) Кто это вскочил?

Отец. Да никто не вскакивал!

Дядя. Я не вскакивал!

Три дочери. Я тоже!

— Я тоже!

— Я тоже!

Дед. Встал кто-то из сидящих за столом.

Дядя. Зажгите огонь!..

Внезапно в комнате направо, где находится ребенок, раздается крик, и крик этот, становясь все тревожнее, не умолкает до конца пьесы.

Отец. Слышите? Это ребенок!

Дядя. Он еще ни разу не плакал!

Отец. Пойдем посмотрим!

Дядя. Зажгите огонь! Зажгите огонь!

В комнате налево слышатся чьи-то быстрые приглушенные шаги. Затем наступает мертвая тишина. Все молча, в ужасе прислушиваются. Наконец дверь медленно отворяется, из комнаты вливается свет, на пороге появляется сестра милосердия, вся в черном; она наклоняет голову и осеняет себя крестным знамением, возвещая этим о смерти жены. Все, кроме деда, понимают ее знак и после мгновенного испуга и замешательства бесшумно входят в комнату усопшей; дядя вежливо пропускает вперед трех девушек. Слепой старик, оставшись один, встает и ощупью обходит стол.

Дед. Куда вы?.. Куда вы?.. Они оставили меня одного!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Священник.
Первый, Второй, Третий — слепорожденные.
Самый старый слепой.
Пятый слепой.
Шестой слепой.
Три слепые старухи, погруженные в молитву.
Самая старая слепая.
Юная слепая.
Слепая помешанная.

Старый-старый, первобытный северный лес под высоким звездным небом. Посредине, окутанный ночным мраком, сидит дряхлый с в я щ е н н и к в широком черном плаще. Он запрокинул голову, прислонился к высокому дуплистому дубу и застыл в мертвой неподвижности. С лица не сходит восковая желтизна, синие губы полураскрыты. Немые остановившиеся глаза уже не смотрят по сю, видимую сторону вечности, они словно налились кровью от неисчислимых, незабываемых мук и слез. Прямые и редкие пряди строгих седых волос падают ему на лицо, а лицо у него светлее и неподвижнее всего, что его окружает в чутком безмолвии угрюмого леса. Исхудалые руки он сложил на коленях. Справа ш е с т ь с л е п ы х с т а р и к о в сидят на камнях, пнях и сухих листьях. Слева, отделенные от стариков деревом с обнаженными корнями и обломками скалы, сидят лицом к ним ш е с т ь ж е н щ и н, тоже слепых. Три из них глухими голосами все время молятся и причитают. Четвертая необычайно стара. Пятая в позе, свидетельствующей о тихом помешательстве, держит на коленях спящего ребенка. Шестая поразительно молода; распущенные волосы закрывают ей стан. На женщинах, как и на стариках, широкие, мрачные и однообразные одежды. Почти все они, поставив локти на колени и закрыв лицо руками, чего-то ждут; должно быть, они давно уже отвыкли от ненужных жестов и не поворачивают голов на неясные тревожные звуки, которые раздаются на этом острове. Высокие кладбищенские деревья — тисы, плакучие ивы, кипарисы — простирают над ними свою надежную сень. Недалеко от священника в ночной темноте цветут высокие асфодели. На сцене необычайно темно, несмотря на лунный свет, который кое-где пытается хотя бы на мгновение пробиться сквозь листву и прорезать мрак.

П е р в ы й с л е п о р о ж д е н н ы й. Он еще не вернулся?

В т о р о й с л е п о р о ж д е н н ы й. Ты меня разбудил!

П е р в ы й с л е п о р о ж д е н н ы й. Я тоже спал.

Т р е т и й с л е п о р о ж д е н н ы й. И я.

П е р в ы й с л е п о р о ж д е н н ы й. Он еще не вернулся?

В т о р о й с л е п о р о ж д е н н ы й. Не слышно ничьих шагов.

Третий слепорожденный. Пора бы вернуться в приют.

Первый слепорожденный. Нужно узнать, где мы.

Второй слепорожденный. После его ухода захолодало.

Первый слепорожденный. Нужно узнать, где мы.

Самый старый слепой. Кто знает, где мы?

Самая старая слепая. Мы шли очень долго; мы, должно быть, далеко от приюта.

Первый слепорожденный. А! Женщины напротив нас?

Самая старая слепая. Мы сидим против вас.

Первый слепорожденный. Подождите, я сейчас приду к вам. *(Поднимается и идет ощупью.)* Где вы?.. Подайте голос, чтобы я услышал, где вы!

Самая старая слепая. Здесь. Мы сидим на камнях.

Первый слепорожденный *(идет вперед и натыкается на ствол дерева и обломки скалы)*. Что-то нас отделяет...

Второй слепорожденный. Лучше не трогаться с места!

Третий слепорожденный. Где вы сидите?.. Не хотите ли к нам?

Самая старая слепая. Мы не смеем подняться!

Третий слепорожденный. Почему он нас разъединил?

Первый слепорожденный. Я слышу, как женщины молятся.

Второй слепорожденный. Да, это молятся три старухи.

Первый слепорожденный. Теперь не время молиться.

Второй слепорожденный. Вы помолитесь потом, в спальне.

Три старухи продолжают молиться.

Третий слепорожденный. Я хочу знать, кто сидит со мной рядом.

Второй слепорожденный. Кажется, я рядом с тобой.

Ощупывают предметы вокруг себя.

Третий слепорожденный. Мы не можем коснуться друг друга!

Первый слепорожденный. Однако мы друг от

друга близко. *(Продолжает ощупывать вокруг себя предметы и задевает палкой пятого слепого, тот глухо стонет.)* Рядом с нами тот, кто не слышит!

Второй слепорожденный. Я не всех слышу; недавно нас было шестеро.

Первый слепорожденный. Я начинаю отдавать себе отчет. Расспросим женщин; нужно знать, что предпринять. Слышу, как три старухи всё молятся,— разве они вместе?

Самая старая слепая. Они сидят рядом со мной на камне.

Первый слепорожденный. Я сижу на опавших листьях!

Третий слепорожденный. А где красивая слепая?

Самая старая слепая. Она рядом с теми, кто молится.

Второй слепорожденный. А где помешанная с ребенком?

Юная слепая. Он спит, не будите его!

Первый слепорожденный. О, как ты далеко от нас! А я думал, ты напротив меня.

Третий слепорожденный. Мы узнали почти все, что нужно; поболтаем теперь в ожидании его прихода.

Самая старая слепая. Он велел нам ждать его молча.

Третий слепорожденный. Мы ведь не в церкви.

Самая старая слепая. Ты не знаешь, где мы?

Третий слепорожденный. Мне страшно, когда я молчу.

Второй слепорожденный. Не знаете, куда священник ушел?

Третий слепорожденный. Мне кажется, он нас покинул надолго.

Первый слепорожденный. Он одряхлел. Кажется, он тоже слепой. Он не хочет в этом признаться из страха, как бы кто-нибудь другой не занял его место у нас, но я подозреваю, что он почти ничего не видит. Нам бы нужно другого проводника. Он нас не слушает, а нас много. Он да три монахини — вот и все зрячие в нашем приюте, и все они старше нас... Я уверен, что он заблудился и теперь ищет дорогу. Куда он пошел?.. Он не смеет бросать нас...

Самый старый слепой. Он ушел далеко. Кажется, женщин он предупредил.

Первый слепорожденный. Он только с женщинами и говорит!.. А мы-то что же?.. В конце концов надо будет пожаловаться.

Самый старый слепой. Кому ты пожалуешься?

Первый слепорожденный. Пока еще не знаю. Посмотрим, посмотрим... Но куда он ушел?.. Я обращаюсь с этим вопросом к женщинам.

Самая старая слепая. Он устал от долгой ходьбы. Кажется, он на минутку присел вместе с нами. Ему не по себе уже несколько дней. После смерти доктора он стал всего бояться. Он всех сторонится. Почти все время молчит. Не знаю, что с ним случилось. Он непременно хотел выйти сегодня. Говорил, что хочет посмотреть на остров при солнечном свете в последний раз до наступления зимы. Зима будет, кажется, долгая и холодная; с севера уже приплывают льдины. Он очень беспокоился — говорил, будто вследствие сильных дождей река разлилась и прорвала все плотины. Еще он говорил, что его пугает море, оно что-то уж очень волнуется, а береговые скалы невысоки. Он хотел сам посмотреть, но ничего нам не рассказал... Теперь он, должно быть, пошел за хлебом и водой для помешанной. Он сказал, что уходит далеко... Подождем.

Юная слепая. Перед уходом он долго держал мои руки. Его руки дрожали, словно от страха. Потом он поцеловал меня...

Первый слепорожденный. О! О!

Юная слепая. Я спросила его, что случилось. Он сказал, что ничего не знает. Сказал, что царству стариков, видимо, приходит конец...

Первый слепорожденный. Что он хотел этим сказать?

Юная слепая. Я не поняла. Он сказал, что идет к большому маяку.

Первый слепорожденный. Разве здесь есть маяк?

Юная слепая. Да, в северной части острова. Думаю, что это недалеко. Он говорил, что огонь маяка виден отсюда — пробивается меж ветвей. Сегодня он был как-то особенно грустен. Мне кажется, все эти последние дни он часто плачет. Не знаю, почему, но и я плакала, сама того не замечая. Я не слыхала, как он ушел. Я больше его не расспрашивала. Я почувствовала, что он улыбнулся печальной улыбкой; я почувствовала, что он закрыл глаза и что ему трудно говорить...

Первый слепорожденный. А нам он ничего не сказал!

Юная слепая. Вы не слушаете, когда он говорит!

Самая старая слепая. Вы шепчетесь, когда он говорит!

Второй слепорожденный. Уходя, он сказал нам только: «Покойной ночи!»

Третий слепорожденный. Должно быть, сейчас поздно.

Первый слепорожденный. Уходя, он несколько раз повторил: «Покойной ночи!» — как будто отходил ко сну. Я чувствовал, что он глядит на меня и повторяет: «Покойной ночи! Покойной ночи!..» Голос меняется, когда говорящий смотрит в упор.

Пятый слепой. Сжальтесь над теми, кто не видит!

Первый слепорожденный. Кто произнес эти бессмысленные слова?

Второй слепорожденный. Это, кажется, тот, кто не слышит.

Первый слепорожденный. Молчи!.. Теперь не время для униженных просьб.

Третий слепорожденный. Куда пошел он за хлебом и за водой?

Самая старая слепая. Он пошел по направлению к морю.

Третий слепорожденный. В его годы к морю не ходят!

Второй слепорожденный. Разве мы близко от моря?

Самая старая слепая. Да. Помолчите. Вы его сейчас услышите.

Близкий и очень спокойный рокот прибоя у береговых скал.

Второй слепорожденный. Я слышу только, как молятся старухи.

Самая старая слепая. Вслушайтесь — сквозь их шепот вы услышите море.

Второй слепорожденный. Да, я слышу: что-то шумит невдалеке.

Самый старый слепой. Оно как будто бы спало. А теперь проснулось.

Первый слепорожденный. Напрасно он привел нас сюда. Не люблю я этого шума.

Самый старый слепой. Вы же знаете, что остров невелик: гул моря слышен, как только выйдешь за ограду приюта.

Второй слепорожденный. Никогда я его раньше не слышал.

Третий слепорожденный. У меня такое чувство, точно оно сегодня совсем-совсем рядом. Я не люблю слушать его вблизи.

Второй слепорожденный. Я тоже. Да ведь мы на прогулку и не просились.

Третий слепорожденный. Мы здесь никогда еще не были. Напрасно он завел нас так далеко.

Самая старая слепая. Утром было так хорошо! Он хотел, чтобы мы насладились последними солнечными днями, прежде чем нас запрут на всю зиму в приюте.

Первый слепорожденный. Я предпочитаю не выходить из приюта!

Самая старая слепая. Он еще говорил, что мы должны знать тот островок, где мы находимся. Всего острова он сам еще не осмотрел. Здесь есть гора, куда никто не взбирался, долины, куда люди неохотно спускаются, гроты, куда никто не проникал. И еще он сказал, что нельзя вечно дожидаться солнца под сводами дортуара. Он хотел привести нас на берег моря. Сперва он пошел туда один.

Самый старый слепой. Он прав: нам нужно подумать, как жить.

Первый слепорожденный. За стенами приюта не на что смотреть.

Второй слепорожденный. Мы сидим на солнце?

Шестой слепой. Не думаю. Кажется, уже поздно.

Второй слепорожденный. Который час?

Все слепые. Не знаю... Никто этого не знает.

Второй слепорожденный. Еще светло? *(Шестому слепому.)* Где ты?.. Ты немного видишь, скажи, скажи!

Шестой слепой. Думаю, что уже совсем стемнело. Когда на небе солнце, я вижу голубую черту. Я видел ее давно, а теперь ничего уже не различаю.

Первый слепорожденный. Я узнаю, что поздно, когда хочу есть, а сейчас я хочу есть.

Третий слепорожденный. Взгляните на небо! Может, что-нибудь увидите!

Все поднимают головы, за исключением трех слепорожденных, которые продолжают глядеть в землю.

Шестой слепой. Не знаю, небо ли над нами.

Первый слепорожденный. Голоса звучат, как будто мы в гроте.

Самый старый слепой. Думаю, что голоса так звучат, потому что сейчас вечер.

Юная слепая. Мне кажется, я чувствую свет луны на руках.

Самый старый слепой. Должно быть, показались звезды. Я чувствую их.

Юная слепая. Я тоже.

Первый слепорожденный. Я не слышу ни единого звука.

Второй слепорожденный. Я слышу только наше дыхание.

Самый старый слепой. Кажется, женщины правы.

Первый слепорожденный. Я никогда не чувствовал звезд.

Двое других слепорожденных. Мы тоже.

На ветви деревьев внезапно опускается стая ночных птиц.

Второй слепорожденный. Слушайте! Слушайте!.. Что там над нами?.. Слышите?

Самый старый слепой. Что-то пронеслось между небом и нами!

Шестой слепой. Что-то движется над нашими головами, а мы не можем достать.

Первый слепорожденный. Я не понимаю, что это за шум. Мне хочется обратно, в приют.

Второй слепорожденный. Нужно узнать, где мы!

Шестой слепой. Я пробовал подняться; вокруг меня терновник; я боюсь протянуть руку.

Третий слепорожденный. Нужно узнать, где мы!

Самый старый слепой. Мы не в силах это узнать!

Шестой слепой. Должно быть, мы далеко от дома. Все звуки стали мне непонятны.

Третий слепорожденный. Уже давно я слышу запах мертвых листьев!

Шестой слепой. Видел ли кто-нибудь ранее этот остров и не скажет ли он, где мы?

Самая старая слепая. Мы все были слепы, когда пришли сюда.

Первый слепорожденный. Мы никогда его не видали.

Второй слепорожденный. Что зря волноваться! Он скоро придет. Подождем еще немного. Но больше мы с ним никуда не пойдем.

Самый старый слепой. Мы не можем ходить одни!

Первый слепорожденный. Не будем совсем выходить из приюта. Я предпочитаю не выходить совсем.

Второй слепорожденный. Мы не хотели гулять, никто его не просил.

Самый старый слепой. Сегодня праздник на острове; мы всегда гуляем по большим праздникам.

Третий слепорожденный. Я еще спал, когда он тронул меня за плечо и сказал: «Вставай, вставай! Пора! Солнце уже высоко!» Разве солнце светило? Я не заметил. Я никогда не видел солнца.

Самый старый слепой. Я видел солнце, когда был совсем молод.

Самая старая слепая. Я тоже, много лет назад, когда была маленькая, но я этого почти не помню.

Третий слепорожденный. Зачем он выводит нас на солнце? Кто из нас видит солнце? Я никогда не могу сказать, гуляю я в полдень или в полночь.

Шестой слепой. Я предпочитаю гулять в полдень. Тогда мне мерещится яркий свет, и глаза мои делают усилие, чтобы открыться.

Третий слепорожденный. А мне больше нравится сидеть в столовой у печки. Сегодня она так жарко топилась!..

Второй слепорожденный. Он мог бы гулять с нами по двору — там находишься под защитою стен. Выйти нельзя, бояться нечего — дверь заперта... Я всегда ее запирал... Почему ты коснулся моего левого локтя?

Первый слепорожденный. Я тебя не трогал, я не могу коснуться тебя.

Второй слепорожденный. Кто-то тронул мой локоть!

Первый слепорожденный. Никто из нас тебя не трогал.

Второй слепорожденный. Я хочу уйти отсюда!

Самая старая слепая. Боже! Боже! Открой нам, где мы!

Первый слепорожденный. Мы не можем ждать его до скончания века!

Где-то далеко часы медленно бьют двенадцать раз.

Самая старая слепая. О, как мы далеко от приюта!

Самый старый слепой. Бьет полночь!

Второй слепорожденный. А может быть, полдень!.. Кто знает?.. Скажите!

Шестой слепой. Не знаю. Думаю, что мы в тени.

Первый слепорожденный. Ничего не понимаю — мы слишком долго спали.

Второй слепорожденный. Есть хочу!

Все. Хотим есть и пить!

Второй слепорожденный. Давно ли мы здесь?

Самая старая слепая. Мне кажется, я тут испокон веков!

Шестой слепой. Я начинаю догадываться, где мы...

Третий слепорожденный. Нужно пойти туда, где пробило полночь...

Ночные птицы злорадно хлопают крыльями в темноте.

Первый слепорожденный. Слышите?.. Слышите?..

Второй слепорожденный. Мы здесь не одни?

Третий слепорожденный. Я уже давно подозреваю: нас подслушивают... Не вернулся ли он?

Первый слепорожденный. Не знаю, что это значит,— это над нами.

Второй слепорожденный. А другие ничего не слышали?.. Вы всегда молчите!

Самый старый слепой. Мы прислушиваемся.

Юная слепая. Я слышу хлопанье крыльев!

Самая старая слепая. Боже! Боже! Открой нам, где мы!

Шестой слепой. Я начинаю догадываться, где мы... Приют стоит на том берегу большой реки; мы прошли старый мост. Он нас повел в северную часть острова. Мы недалеко от реки, и, если прислушаться, может быть, мы услышим ее шум... Нужно идти туда, если он не вернется... День и ночь там идут корабли, и матросы заметят нас. Может быть, мы в том лесу, что окружает маяк, но я не знаю, как отсюда выйти... Кто хочет пойти за мной?

Первый слепорожденный. Останемся здесь!.. Подождем, подождем!.. Мы не знаем, где большая река, а вокруг приюта — топь. Подождем, подождем... Он вернется, он должен вернуться!

Шестой слепой. Кто помнит, как мы сюда шли? Он нам объяснял на ходу.

Первый слепорожденный. Я пропустил мимо ушей.

Шестой слепой. Кто из вас слушал?

Третий слепорожденный. Вперед будем слушать его.

Шестой слепой. Нет ли среди нас местного уроженца?

Самый старый слепой. Ты же знаешь, что все мы издалека.

Самая старая слепая. Мы прибыли из-за моря.

Первый слепорожденный. Я чуть не умер во время плавания.

Второй слепорожденный. Я тоже... Мы приехали вместе.

Третий слепорожденный. Мы все трое из одного прихода.

Первый слепорожденный. Говорят, в ясную погоду отсюда видно церковь... Это в северной части... Церковь без колокольни.

Третий слепорожденный. Мы случайно пристали к берегу.

Самая старая слепая. А я из другого края...

Второй слепорожденный. Откуда?

Самая старая слепая. Не смею больше думать о нем... Я почти о нем не вспоминаю... Уж очень давно я оттуда... Там холоднее, чем здесь...

Юная слепая. Я — издалека...

Второй слепорожденный. Откуда же ты?

Юная слепая. Не сумею тебе сказать. Как я тебе объясню?.. Это очень далеко отсюда — это за морями. Мой край обширен. Я могла бы показать только знаками, но мы же не видим... Я долго скиталась... Но я видела солнце, воду, огонь, горы, лица, необыкновенные цветы... Таких на острове нет — здесь слишком темно и холодно... Я перестала узнавать их аромат, с тех пор как перестала видеть... Но я еще видела родителей и сестер... Я была очень юна и не понимала, где я... Я играла на берегу моря... Но как ясно я помню, что была зрячей!.. Однажды я смотрела на снег с высокой горы... Я начинала различать тех, кто будет несчастен...

Первый слепорожденный. Что ты хочешь этим сказать?

Юная слепая. Я и теперь временами различаю их по голосу... У меня есть воспоминания, которые становятся яснее, когда не думаю о них...

Первый слепорожденный. А у меня нет воспоминаний...

Стая больших перелетных птиц с криком пролетает над деревьями.

Самый старый слепой. Еще что-то пронеслось под небом!

Второй слепорожденный. Зачем ты прибыла сюда?

Самый старый слепой. Кому ты задаешь вопрос?

Второй слепорожденный. Нашей юной сестре.

Юная слепая. Мне говорили, что он может исцелить меня. Он сказал, что со временем я буду видеть. Тогда я покину остров!

Первый слепорожденный. Мы все хотим покинуть остров!

Второй слепорожденный. Мы останемся здесь навсегда!

Третий слепорожденный. Он очень стар — он не успеет нас исцелить!

Юная слепая. Мои веки сомкнуты, но я чувствую, что глаза мои живы...

Первый слепорожденный. Мои веки раскрыты.

Второй слепорожденный. Я сплю с открытыми глазами.

Третий слепорожденный. Не будем говорить о наших глазах!

Второй слепорожденный. Ты здесь недавно?

Самый старый слепой. Однажды вечером во время молитвы я услышал незнакомый женский голос, и по голосу я понял, что ты еще очень молода... Мне хотелось видеть тебя, слышать...

Первый слепорожденный. А я ничего не заметил.

Второй слепорожденный. Он ни о чем с нами не говорит!

Шестой слепой. Говорят, ты прекрасна, как женщина из далеких стран.

Юная слепая. Я никогда себя не видала.

Самый старый слепой. Мы все никогда не видели друг друга. Мы спрашиваем один другого и отвечаем; мы живем вместе, всегда вместе проводим время, но не знаем, кто мы!.. Напрасно мы касаемся друг друга руками — глаза знают больше, чем руки...

Шестой слепой. Иногда я вижу ваши тени, когда вы на солнце.

Самый старый слепой. Мы никогда не видали дома, где мы живем; напрасно ощупываем стены и окна — мы не знаем, где мы живем!..

Самая старая слепая. Говорят, это древний замок, мрачный и неуютный, куда не проникает свет, за исключением башни, где живет священник.

Первый слепорожденный. Тем, кто не видит, не нужно света.

Шестой слепой. Когда я пасу стадо недалеко от приюта, овцы вечером возвращаются сами, завидев свет из башни... Они ни разу не заблудились.

Самый старый слепой. Мы уже много лет живем вместе и никогда не видели друг друга! Можно подумать, что каждый из нас живет в одиночестве!.. Для того чтобы любить, нужно видеть.

Самая старая слепая. Иногда мне снится, что я вижу...

Самый старый слепой. Я вижу только, когда сплю...

Первый слепорожденный. Я вижу сны только в полночь.

Второй слепорожденный. О чем можно грезить, когда руки неподвижны?

Ветер налетает на лес; черными ворохами сыплются листья.

Пятый слепой. Кто коснулся моих рук?

Первый слепорожденный. Что-то падает вокруг нас!

Самый старый слепой. Что-то падает сверху, только я не знаю что...

Пятый слепой. Кто коснулся моих рук?.. Я спал. Не мешайте мне спать!

Самый старый слепой. Никто не касался твоих рук.

Пятый слепой. Кто взял меня за руки? Говорите громче, я плохо слышу...

Самый старый слепой. Мы сами не знаем.

Пятый слепой. За нами пришли?

Первый слепорожденный. С ним говорить бесполезно — он ничего не слышит.

Третий слепорожденный. По правде сказать, глухие очень несчастны.

Самый старый слепой. Я устал сидеть!

Шестой слепой. Мне скучно здесь!

Второй слепорожденный. У меня такое ощущение, что мы сидим далеко друг от друга... Давайте сядем теснее — становится холодно...

Третий слепорожденный. Я боюсь подняться! Давайте лучше останемся на своих местах.

Самый старый слепой. Неизвестно, что между нами.

Шестой слепой. Должно быть, у меня руки в крови... Я хотел встать...

Третий слепорожденный. Я слышу, что ты наклоняешься ко мне.

Слепая помешанная, сидя лицом к неподвижному священнику, стонет и изо всех сил трет себе глаза.

Первый слепорожденный. Я слышу еще какой-то звук...

Самый старый слепой. Кажется, это наша бедная сестра трет себе глаза.

Второй слепорожденный. Она все время трет себе глаза, я слышу это каждую ночь.

Третий слепорожденный. Она помешанная, она ничего не говорит.

Самая старая слепая. Она не говорит с тех пор, как родила ребенка... Она как будто всего боится...

Самый старый слепой. А вы разве не боитесь?

Первый слепорожденный. Кто?

Самый старый слепой. Вы все!

Самая старая слепая. Да, да, нам страшно!

Юная слепая. Нам давно уже страшно!

Первый слепорожденный. А почему ты спрашиваешь?

Самый старый слепой. Сам не знаю, почему я спросил. Мне послышалось, что кто-то из нас плачет!..

Первый слепорожденный. Не бойся. Это, наверно, помешанная...

Самый старый слепой. Тут есть еще что-то... Я уверен, что тут есть еще что-то... Меня пугает не только ее плач.

Самая старая слепая. Она всегда плачет, когда кормит грудью ребенка.

Первый слепорожденный. Так плачет только она.

Самая старая слепая. Говорят, она видит временами...

Первый слепорожденный. Не слышно, чтоб еще кто-нибудь плакал...

Самый старый слепой. Для того чтобы плакать, нужно видеть...

Юная слепая. Чувствую запах цветов вокруг нас...

Первый слепорожденный. Я лишь чувствую запах земли!

Юная слепая. Есть цветы, есть цветы возле нас!

Второй слепорожденный. Я лишь чувствую запах земли!

Самая старая слепая. На меня пахнуло цветами...

Третий слепорожденный. Я лишь чувствую запах земли!

Самый старый слепой. Они, кажется, правы.

Шестой слепой. Где цветы? Я пойду их нарву.

Юная слепая. Направо от тебя... Встань!

Шестой слепой медленно поднимается, ощупью, натыкаясь на кусты и деревья, идет к асфоделям, топчет их и ломает.

Я слышу, ты ломаешь зеленые стебли. Остановись! Остановись!

Первый слепорожденный. Не заботься о цветах. Лучше думай о том, как нам вернуться!

Шестой слепой. Я боюсь идти назад.

Юная слепая. Не возвращайся!.. Подожди... *(Встает.)* О, как холодна земля! Будет мороз... *(Уверенным шагом идет к до странности бледным асфоделям, но останавливается перед поваленным деревом и обломками скалы, близко от цветов.)* Они здесь!.. Не могу их достать. Они там, где ты.

Шестой слепой. Должно быть, это их я собираю. *(Ощупью собирает лежащие на земле цветы и отдает их юной слепой.)*

Ночные птицы улетают.

Юная слепая. Кажется, я когда-то видела эти цветы... только забыла название... Но как они болезненны, как хрупки их стебли! Я их почти не узнаю... Наверно, эти цветы мертвых... *(Втыкает асфодели себе в волосы.)*

Самый старый слепой. Я слышу шорох твоих волос.

Юная слепая. Это цветы...

Самый старый слепой. Мы никогда не увидим тебя...

Юная слепая. Я сама себя не увижу... Мне холодно.

В лесу поднимается ветер. В то же мгновение явственно слышится рокот волн, разбивающихся о ближние скалы.

Первый слепорожденный. Что-то гремит!

Второй слепорожденный. Должно быть, гроза надвигается.

Самый старый слепой. Нет, мне думается, это море.

Третий слепорожденный. Море?.. Разве это море?.. Значит, оно от нас в двух шагах!.. Совсем рядом! Оно вокруг меня!.. Нет, это что-то другое!

Юная слепая. Мне слышится шум волн у самых моих ног.

Первый слепорожденный. То, верно, листья мертвые шуршат.

Самый старый слепой. Я думаю, что правы женщины.

Третий слепорожденный. Оно подходит к нам!

Первый слепорожденный. Откуда ветер?

Второй слепорожденный. С моря.

Самый старый слепой. Ветер всегда дует с моря. Оно окружает нас со всех сторон. Ветру неоткуда больше дуть...

Первый слепорожденный. Не будем думать о море!

Второй слепорожденный. Как же не думать, когда оно нас поглотит!

Первый слепорожденный. Ты не знаешь, оно ли это...

Второй слепорожденный. Я слышу волны так близко, как будто окунул в них руки! Нам нельзя долее здесь оставаться! Волны, быть может, подступают!

Самый старый слепой. А куда идти?

Второй слепорожденный. Все равно! Все равно! Я больше не могу слышать шум волн! Идемте! Идемте!

Третий слепорожденный. Кажется, я слышу что-то еще... Прислушайтесь!

Слышно, как где-то далеко кто-то быстро шагает по сухим листьям.

Первый слепорожденный. Кто-то идет!

Второй слепорожденный. Это он! Это он! Он вернулся!

Третий слепорожденный. Шаги у него мелкие, как у ребенка...

Второй слепорожденный. Не будем его упрекать!

Самая старая слепая. По-моему, это не человеческие шаги.

Мимо слепых проходит большая собака. Молчание.

Первый слепорожденный. Кто это?.. Кто ты?.. Сжалься над нами, мы так долго ждем!..

Собака останавливается и кладет передние лапы к нему на колени.

Ай! Ай! Что ты положил мне на колени? Что это?.. Это животное!.. Кажется, это собака!.. О! О! Это собака! Это приютская собака! Поди сюда! Поди сюда! Она пришла к нам! Поди сюда! Поди сюда!

Другие слепые. Поди сюда! Поди сюда!

Первый слепорожденный. Она пришла за нами! Она прибежала по нашим следам. Она лижет мне руки, как будто мы с ней много лет не видались! Она визжит от радости! Она умрет от радости! Слышите? Слышите?

Другие слепые. Поди сюда! Поди сюда!

Самый старый слепой. За ней, может быть, идет кто-нибудь?..

Первый слепорожденный. Нет, нет, она одна... Я не слышу, чтобы за нею шли... Нам другого проводника и не нужно — лучше не найдешь. Она проведет нас куда угодно — она послушная...

Самая старая слепая. Я не решаюсь идти за ней.

Юная слепая. Я тоже.

Первый слепорожденный. Почему? Она видит лучше нас.

Второй слепорожденный. Не нужно слушать женщин!

Третий слепорожденный. Что-то изменилось на небе. Мне легче дышится. Воздух стал чище...

Самая старая слепая. Это ветер с моря гуляет здесь.

Шестой слепой. Должно быть, светлеет. Наверно, солнце встает...

Самая старая слепая. Кажется, похолодало...

Первый слепорожденный. Мы найдем дорогу. Она меня тянет!.. Она меня тянет! Она вне себя от радости!.. Я не могу удержать ее!.. За мной! За мной! Мы вернемся в приют!..

Собака тащит его к неподвижному священнику и останавливается.

Другие слепые. Где ты? Где ты? Куда ты идешь? Осторожней!

Первый слепорожденный. Подождите! Подождите! Пока не идите за мной... Я сейчас вернусь. Собака остановилась... Что здесь такое?.. Ай! Ай! Я притронулся к чему-то очень холодному!

Второй слепорожденный. Что ты говоришь? Твоего голоса почти не слышно.

Первый слепорожденный. Я чего-то коснулся!.. Кажется, я коснулся лица!

Третий слепорожденный. Что ты говоришь?.. Мы тебя не понимаем. Что с тобою?.. Где ты?.. Ты далеко от нас?

Первый слепорожденный. О! О! О!.. Я все еще не понимаю, что это такое... Среди нас мертвец!

Другие слепые. Среди нас мертвец? Где ты? Где ты?

Первый слепорожденный. Говорят вам, среди нас мертвец! О! О! Я коснулся мертвого лица!.. Вы сидите рядом с мертвецом! Должно быть, один из нас скоропостижно скончался! Говорите же все, чтоб я знал, кто жив! Где вы?.. Отвечайте! Отвечайте все!

Слепые отвечают один за другим, кроме помешанной и глухого; три старухи перестают молиться.

Я не различаю голосов!.. Вы говорите все одинаково!.. У всех голос дрожит!

Третий слепорожденный. Двое не отозвались... Где они? *(Трогает палкой пятого слепого.)*

Пятый слепой. О! О! Я спал. Не мешайте мне спать!

Шестой слепой. Это не он... Уж не помешанная ли?

Самая старая слепая. Она сидит рядом со мной. Я слышу, что она жива.

Первый слепорожденный. Мне думается... мне думается, это священник!.. Он стоит! Сюда! Сюда! Сюда!

Второй слепорожденный. Он стоит?

Третий слепорожденный. Значит, он не умер!

Самый старый слепой. Где он?

Шестой слепой. Пойдем!..

Все, кроме помешанной и пятого слепого, встают и ощупью идут к мертвецу.

Второй слепорожденный. Он здесь?.. Это он?

Третий слепорожденный. Да! Да! Я узнаю его!

Первый слепорожденный. О боже! Боже! Что будет с нами!

Самая старая слепая. Батюшка! Батюшка!.. Это вы? Батюшка, что случилось?.. Что с вами?.. Ответьте нам!.. Мы к вам пришли... О! О!

Самый старый слепой. Воды! Может быть, он еще жив...

Второй слепорожденный. Попытаемся отходить его... Может быть, он еще доведет нас до приюта.

Третий слепорожденный. Нет, бесполезно: я не слышу его сердца... Он окочепел...

Первый слепорожденный. Он умер, ничего нам не сказав.

Третий слепорожденный. Он должен был предупредить.

Второй слепорожденный. О, какой он был старый!.. Я впервые касаюсь его лица...

Третий слепорожденный *(ощупывает труп)*. Ростом он выше нас!..

Второй слепорожденный. Глаза его широко раскрыты. Он умер, сложив руки...

Первый слепорожденный. Он умер неизвестно от чего...

Второй слепорожденный. Он не стоит, он сидит на камне...

Самая старая слепая. Боже мой! Боже мой! А я и не догадалась!.. Не догадалась!.. Он давно уже был болен... Как он, наверно, мучился сегодня!.. Но он не жаловался... Он не жаловался, он только пожимал нам руки... Ведь не всегда поймешь... Да нет, не то что не всегда, а никогда... Давайте за него помолимся! Станем на колени...

Женщины, плача, становятся на колени.

Первый слепорожденный. Я боюсь стать на колени...

Второй слепорожденный. Ведь не знаешь, на что становишься.

Третий слепорожденный. Разве он был болен?.. Он нам не говорил...

Второй слепорожденный. Я слышал, как, уходя, он что-то говорил шепотом... По-моему, он говорил с нашей юной сестрой. Что он сказал ей?

Первый слепорожденный. Она не желает отвечать.

Второй слепорожденный. Ты не желаешь отвечать?.. Где ты?.. Отзовись!

Самая старая слепая. Это вы его замучили, это вы его уморили... Вы не хотели идти вперед. Вы усаживались на придорожные камни и начинали есть. Вы целыми днями роптали... Я слышала, как он вздыхал... Он пал духом...

Первый слепорожденный. Разве он был болен? И вы это знали?

Самый старый слепой. Мы ничего не знали... Мы его никогда не видели... Разве мы знали, что происходит перед нашими жалкими, мертвыми глазами?.. Он никогда не жаловался... А теперь уже поздно... Я три раза видел смерть... Но не такую!.. Теперь очередь за нами.

Первый слепорожденный. Я его не мучил... Я ничего не говорил...

Второй слепорожденный. Я тоже. Мы шли за ним безропотно...

Третий слепорожденный. Он умер, идя за водой для помешанной...

Первый слепорожденный. Что же нам делать? Куда нам идти?

Третий слепорожденный. Где собака?

Первый слепорожденный. Здесь. Она не отходит от трупа.

Третий слепорожденный. Оттащите ее! Уведите ее! Уведите!

Первый слепорожденный. Она не отходит от трупа.

Второй слепорожденный. Я не хочу стоять рядом с трупом!.. Я не хочу умирать в темноте!

Третий слепорожденный. Только не надо расходиться! Возьмемтесь за руки, сядем все на этот обломок... Где остальные?.. Идите сюда! Сюда! Сюда!

Самый старый слепой. Где ты?

Третий слепорожденный. Здесь я, здесь! Все ли мы в сборе?.. Ближе ко мне!.. Где твои руки?.. Становится холоднее.

Юная слепая. О, как холодны твои руки!

Третий слепорожденный. Что ты делаешь?

Юная слепая. Я положила руки себе на глаза. Мне казалось, что я сейчас прозрею...

Первый слепорожденный. Кто-то плачет.

Самая старая слепая. Это рыдает помешанная.

Первый слепорожденный. Она не знает всей правды?

Самый старый слепой. У меня предчувствие, что все мы здесь умрем...

Самая старая слепая. Может быть, кто-нибудь за нами придет...

Самый старый слепой. Кому теперь прийти!

Самая старая слепая. Не знаю.

Первый слепорожденный. Монахини могут прийти из приюта...

Самая старая слепая. Они по вечерам не выходят.

Юная слепая. Они никогда не выходят.

Второй слепорожденный. Нас могут увидеть люди с маяка...

Самая старая слепая. Они не сходят со своей башни.

Третий слепорожденный. А все-таки они могут нас увидеть...

Самая старая слепая. Они смотрят только на море.

Третий слепорожденный. Как холодно!

Самый старый слепой. Прислушайтесь к шороху сухих листьев — кажется, начинает морозить.

Юная слепая. О, как тверда земля!

Третий слепорожденный. Я слышу слева какой-то непонятный шум...

Самый старый слепой. Это стонет море, разбиваясь о скалы.

Третий слепорожденный. Мне показалось, что стонут женщины.

Самая старая слепая. Я слышу, как ломаются льдины.

Первый слепорожденный. Кого это так трясет? Из-за него мы все дрожим на этом камне!

Второй слепорожденный. У меня закоченели пальцы.

Самый старый слепой. Я слышу еще какой-то непонятный шум.

Первый слепорожденный. Кто это так трясется? Камень содрогается из-за его дрожи.

Самый старый слепой. По-моему, это кто-то из женщин.

Самая старая слепая. Кажется, помешанная дрожит сильнее всех.

Третий слепорожденный. Совсем не слышно ее ребенка.

Самая старая слепая. Кажется, он все еще сосет грудь.

Самый старый слепой. Он один мог бы сказать, где мы!

Первый слепорожденный. Я слышу ветер с севера.

Шестой слепой. Звезды как будто скрылись. Скоро снег пойдет.

Третий слепорожденный. Если кто-нибудь из нас заснет, нужно его разбудить.

Самый старый слепой. А меня клонит ко сну!

Вихрь крутит сухие листья.

Юная слепая. Слышите, как шумят сухие листья?.. Кажется, кто-то сюда идет...

Второй слепорожденный. Это ветер. Слышите?

Третий слепорожденный. Никто сюда не придет!

Самый старый слепой. Настают холода...

Юная слепая. Я слышу шаги вдалеке.

Первый слепорожденный. Я слышу только сухие листья!

Юная слепая. Я слышу шаги далеко-далеко!

Второй слепорожденный. Я слышу лишь северный ветер!

Юная слепая. А я говорю, кто-то движется к нам.

Самая старая слепая. Я слышу чьи-то легкие-легкие шаги...

Самый старый слепой. Женщины, кажется, правы!

Снег валит крупными хлопьями.

Первый слепорожденный. Ай! Ай! Что это падает мне на руки такое холодное?

Шестой слепой. Снег идет!

Первый слепорожденный. Прижмемся друг к другу!

Юная слепая. Слышите шаги?

Самая старая слепая. Ради бога! Помолчите минутку!

Юная слепая. Шаги приближаются! Шаги приближаются! Слышите?

Ребенок помешанной кричит в темноте.

Самый старый слепой. Это ребенок плачет?

Юная слепая. Он видит! Он видит! Должно быть, он что-то увидел, если плачет! *(Берет дитя на руки и идет туда, где раздаются шаги.)*

Другие женщины боязливо следуют за ней и потом окружают ее.

Я пойду навстречу!

Самый старый слепой. Осторожней!

Юная слепая. О, как он плачет!.. Что с тобой?.. Не плачь!.. Не бойся! Бояться нечего, мы здесь, возле тебя... Что видишь ты?.. Не бойся ничего!.. Не плачь! Что видишь ты?.. Скажи нам, что ты видишь?

Самая старая слепая. Шаги приближаются. Слышите? Слышите?

Самый старый слепой. Я слышу шорох платья, касающегося мертвых листьев.

Шестой слепой. Это женщина идет?

Самый старый слепой. Разве это шаги?

Первый слепорожденный. Быть может, это море коснулось мертвых листьев?

Юная слепая. Нет! Нет! Шаги! Шаги! Шаги!

Самая старая слепая. Сейчас мы все узнаем. Прислушаемся к мертвым листьям!

Юная слепая. Вот, вот шаги, почти что рядом с нами! Вы слышите? Вы слышите?.. *(Ребенку.)* Что видишь ты? Что видишь ты?

Самая старая слепая. В какую сторону он смотрит?

Юная слепая. Туда, где слышатся шаги!.. Смотрите все! Смотрите! Я поверну его, а он опять глядит в ту сторону... Он видит! Видит! Видит!.. Должно быть, нечто необычайное он видит!..

Самая старая слепая *(выступает вперед)*. Подними его как можно выше, чтобы он мог видеть.

Юная слепая. Отойдите! Отойдите! *(Поднимает ребенка над группой слепых.)* Шаги остановились возле нас!..

Самая старая слепая. Они уже здесь! Они среди нас!..

Юная слепая. Кто ты?

Молчание.

Самая старая слепая. О, смилуйся над нами!

Молчание. Затем раздается отчаянный крик ребенка.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В САДУ:

Старик.
Незнакомец.
Марта, Мария } внучки старика.
Крестьянин.
Толпа.

В ДОМЕ:

Отец
Мать
Две дочери
Ребенок
} без слов.

Метерлинк. «Монна Ванна»

Старый сад, в саду ивы. В глубине дом; три окна нижнего этажа освещены. Довольно явственно видно семью, сидящую при лампе. Отец — у камелька. Мать облокотилась на стол и смотрит в пустоту. Две молодые девушки, в белом, вышивают, мечтают и улыбаются тишине комнаты. Склонившись головкой на левую руку матери, дремлет ребенок. Когда кто-нибудь встает, ходит или шевелится, то благодаря расстоянию, свету лампы и неотчетливо видным оконным стеклам величественные, медлительные, скупые движения человека кажутся бесплотными.

В сад осторожно входят старик и незнакомец.

Старик. Мы в той части сада, которая за домом. Здесь они никогда не бывают. Дверь — с другой стороны. Она заперта, ставни закрыты. А с этой стороны нет ставен, и я видел свет... Да, они все еще сидят при лампе. Хорошо, что они не слышали, как мы вошли. Пожалуй, мать или девушки вышли бы, и что тогда делать?

Незнакомец. Так что же нам все-таки делать?

Старик. Прежде всего надо посмотреть, все ли они тут. Да, вон у камелька отец. Сидит, сложив руки на коленях... Мать облокотилась на стол...

Незнакомец. Она смотрит на нас...

Старик. Нет, она сама не знает, на что смотрит, глаза ее не мигают. Она не может нас видеть — на нас падает тень от высоких деревьев. Только не подходите ближе... Обе сестры умершей тоже здесь. Они спокойно вышивают, а ребенок уснул. В углу часы, они показывают девять... Никто ничего не подозревает, все молчат.

Незнакомец. Нельзя ли привлечь внимание отца, сделать ему знак? Он повернул голову в нашу сторону. Хотите, я постучу в окно? Сначала должен узнать кто-нибудь один...

Старик. Не знаю, кого выбрать... Надо действовать очень осторожно... Отец стар и хил... Мать тоже... А сестры еще так молоды... И все любили ее, как уже никогда больше любить не будут... Я такого счастливого дома нигде не видел... Нет, нет, не подходите к окну — это хуже всего... Лучше сообщить о происшедшем как можно проще, как о самом обыкновенном случае. Нам с вами нельзя быть особенно печальными, не то их печаль тотчас превысит нашу, и мы не будем знать, что́ делать... Обойдемте дом, постучим в дверь и войдем как ни в чем не бывало. Я войду первый. Они не удивятся, увидев меня,— я иногда захожу вечером, приношу им цветов, фруктов, сижу с ними.

Незнакомец. Зачем я пойду? Идите один. Я подожду, пока меня позовут... Они меня никогда не видали... Я — прохожий, я — незнакомец...

Старик. Лучше, если вы пойдете со мной: несчастье, о котором сообщает не один человек, а хотя бы двое, не так ярко и не так тяжко... Я думал об этом, когда шел сюда... Если я войду один, мне придется заговорить сейчас же; они узнают все сразу, и я уже ничего не смогу прибавить, а я боюсь молчания, которое следует за последними словами, возвещающими несчастье... Тогда-то сердце и разрывается... Если же мы войдем вместе, я скажу им, например, после долгих подходов: «Когда ее нашли, она плыла по реке, и руки ее были сложены...»

Незнакомец. Руки ее не были сложены — ее руки были вытянуты вдоль тела.

Старик. Вот видите: говоришь, что взбредет в голову... И несчастье теряется среди подробностей... Если же я войду один, то с ними, насколько я их знаю, в первую же секунду может произойти нечто ужасное, и бог знает чем еще это кончится... А если мы будем говорить поочередно, они станут слушать нас и не заглянут в лицо страшной вести... Не забудьте, что там и мать, а она чуть жива... Хорошо, если бы первая волна разбилась о несколько ненужных слов... Пусть вокруг несчастных идет разговор, лишь бы они были не одни! Даже самые равнодушные несут на себе, сами того не зная, какую-то часть горя... Так, без шума, без усилий оно и рассеется, подобно воздуху, подобно свету...

Незнакомец. Вы весь вымокли, с вас течет.

Старик. Я замочил только край плаща... А вам, кажется, холодно. Вы весь в грязи... Доро́гой я этого не заметил — темно.

Незнакомец. Я вошел в воду по пояс.

Старик. Когда я прибежал, прошло уже много времени с тех пор, как вы ее нашли?

Незнакомец. Всего несколько минут. Я шел в деревню по крутому берегу реки, было уже поздно, скоро стемнело. Я смотрел на реку, потому что она была светлее дороги, и вдруг недалеко от камышей мелькнуло что-то странное... Я спустился и увидел ее волосы — они поднялись над ее головой, и вода кружила их...

В комнате обе девушки поворачивают головы к окну.

Старик. Вы заметили, как дрогнули волосы на плечах у обеих сестер?

Незнакомец. Они повернули головы в нашу сторону... Они просто повернули головы. Я, может быть, слишком громко говорил.

Девушки принимают прежнее положение.

Они уже не смотрят... Я вошел в воду по пояс, взял ее за руку и легко вытащил на берег... Она была так же красива, как и ее сестры...

Старик. Пожалуй, она была самая красивая... Не знаю, почему на меня вдруг нашло малодушие...

Незнакомец. Какое там малодушие! Мы сделали все, что было в человеческих силах... Она уже час тому назад была мертва...

Старик. Сегодня утром она была еще жива!.. Я встретил ее при выходе из церкви... Она сказала мне, что уезжает; она пошла навестить бабушку, а бабушка живет на том берегу реки — той самой реки, в которой вы ее нашли... Она сказала, что не знает, когда мы еще увидимся... Она, должно быть, хотела у меня что-то попросить, но не решилась. Повернулась и ушла. Теперь я об этом все время думаю... А тогда не понял!.. Она улыбнулась так, как улыбаются те, которые не хотят говорить, которые боятся, чтобы их не разгадали... У нее словно была какая-то слабая надежда... Взгляд у нее был отсутствующий, она почти не смотрела на меня...

Незнакомец. Крестьяне сказали, что видели, как она до вечера бродила по берегу... Они думали, что она собирает цветы... Возможно, что ее смерть...

Старик. Неизвестно... Что мы знаем?.. Она, по-видимому, была скрытная. У каждого человека есть немало поводов, чтобы не жить... В душу не заглянешь, как в эту комнату. Скрытные натуры все таковы... Они говорят о самых обыкновенных вещах, и никому ничего не приходит в голову... Месяцами живешь рядом с тем, кто уже не принадлежит этому миру и чья душа не в силах более покоряться; ему отвечают, не подумав, а видите,

к чему это ведет... У них вид неподвижных кукол, а между тем сколько событий совершается в их душах!.. Они сами не знают, что они такое... Она жила бы, как все... Она говорила бы до самой смерти: «Сегодня будет дождь», или: «Мы сейчас будем завтракать, нас будет за столом тринадцать», или же: «Фрукты еще не созрели». Они с улыбкой говорят об увядших цветах и плачут в темноте... Ангел и тот ничего не увидел бы, а человек понимает только после того, как все совершилось... Вчера вечером она сидела там, при лампе, вместе с сестрами, и, не случись это несчастье, вы бы и теперь не видели их такими, какими их надо видеть... Мне кажется, что я вижу их в первый раз. Чтобы понять обыденную жизнь, надо что-то к ней прибавить... Они денно и нощно около вас, а вы замечаете их только в ту минуту, когда они уходят навсегда... А между тем какая у нее, должно быть, была странная душа, какая бедная, наивная и глубокая душа была у этого ребенка, если она продолжала говорить, что полагается, и продолжала поступать, как полагается!..

Незнакомец. Смотрите: они молча улыбаются...

Старик. Они спокойны... Они не ждали ее сегодня вечером...

Незнакомец. Они улыбаются не шевелясь... Но вот отец прикладывает палец к губам...

Старик. Он указывает на ребенка, уснувшего на груди матери...

Незнакомец. Она не смеет поднять глаза из боязни нарушить его сон...

Старик. Они не работают... Царит глубокая тишина...

Незнакомец. Они уронили моток белого шелка...

Старик. Они смотрят на ребенка...

Незнакомец. Они не чувствуют, что мы смотрим на них...

Старик. Они смотрят на нас...

Незнакомец. Они подняли глаза...

Старик. И все же они ничего не видят...

Незнакомец. На вид они счастливы, а между тем...

Старик. Им кажется, что они в безопасности... Они заперли двери; на окнах решетки... Они укрепили стены старого дома, наложили засовы на три дубовые двери... Они предусмотрели все, что только можно предусмотреть...

Незнакомец. Надо, однако, сказать им... Кто-нибудь может прийти и, не подготовив их, сообщить... На лугу, где лежит утопленница, собралась толпа крестьян... Вдруг кто-нибудь из них постучится...

Старик. Марта и Мария там. Крестьяне делают носилки из ветвей. Я просил мою старшую внучку сейчас же предупредить меня, как только толпа тронется в путь. Подождем ее — она войдет со мной... Нам не следовало так долго смотреть на них... Я хотел постучаться в дверь, войти, произнести несколько слов... а потом все рассказать... Я слишком долго смотрел, как они сидят при лампе...

Входит Мария.

Мария. Идут, дедушка.

Старик. Это ты, Мария?.. Где они?

Мария. У подножья последних холмов.

Старик. Они подойдут тихо?

Мария. Я просила их молиться вполголоса. С ними Марта...

Старик. Их много?

Мария. Вся деревня. Они принесли с собою свечи. Я велела потушить...

Старик. Какой дорогой они идут?

Мария. Тропинками. Очень медленно...

Старик. Пора...

Мария. Вы уже сказали, дедушка?

Старик. Ты же видишь, что мы еще ничего не сказали... Они все еще сидят при лампе... Взгляни, дитя, взгляни! Ты хоть немного поймешь, что такое жизнь...

Мария. О, как они спокойны!.. Я точно не наяву их вижу, а во сне...

Незнакомец. Осторожней! Я видел, как вздрогнули обе сестры...

Старик. Они встают...

Незнакомец. Кажется, они подходят к окну...

Одна из двух сестер приближается в эту минуту к первому окну, другая — к третьему; уперев руки в оконный переплет, они долго всматриваются в темноту.

Старик. Никто не подходит к среднему окну...

Мария. Они смотрят... Они прислушиваются...

Старик. Старшая улыбается тому, чего не видит...

Незнакомец. А у другой испуганные глаза...

Старик. Будьте осторожны! Мы не знаем, как далеко простирается человеческая душа...

Долгое молчание.
Мария прижимается к груди старика и целует его.

Мария. Дедушка!..

Старик. Не плачь, дитя мое... Когда-нибудь придет и наша очередь...

Молчание.

Незнакомец. Они долго вглядываются...

Старик. Гляди эти бедные сестры сто тысяч лет, они все равно ничего не заметят... Ночь темна... Они смотрят сюда, а несчастье приближается с той стороны...

Незнакомец. Хорошо, что они смотрят сюда... По лугу кто-то идет.

Мария. Наверно, это крестьяне... Они еще так далеко, что их шагов почти не слышно...

Незнакомец. Они идут по извилистой тропинке... Вот они, на взгорье, озаренном луной...

Мария. О, их много!.. Пока я ходила сюда, толпа набежала с окраины города... Они делают крюк...

Старик. Все-таки они скоро придут. Я их теперь тоже вижу... Отсюда они кажутся такими маленькими, что их почти не видно в траве... Можно подумать, что это дети играют при свете луны. Если бы сестры их видели, они ничего не поняли бы... Вот они повернулись спиной, но толпа все же приближается с каждой секундой. Горе растет вот уже более двух часов, и семья не в силах помешать ему расти, а те, что несут с собой горе, тоже не могут остановиться... Оно властвует и над ними, и они должны ему служить... У него есть цель, оно идет своей дорогой... Оно неутомимо, оно одержимо лишь одною мыслью... Они должны отдать ему все свои силы. Они печальны, но они идут. Они полны жалости, но они должны идти вперед...

Мария. Старшая уже не улыбается, дедушка...

Незнакомец. Они отходят от окон...

Мария. Они целуют мать...

Незнакомец. Старшая гладит ребенка, а он не просыпается...

Мария. Теперь отец просит, чтобы они и его поцеловали...

Незнакомец. Воцарилось молчание...

Мария. Они опять подходят к матери.

Незнакомец. А отец смотрит на часы...

Мария. Они точно молятся, сами не отдавая себе в этом отчета...

Незнакомец. Они точно прислушиваются к своей душе...

Молчание.

Мария. Дедушка, не говори им сегодня!..

Старик. Ну вот, у тебя тоже не хватает духу!.. Я знал, что не надо было глядеть. Мне почти восемьдесят три года, но сегодня впервые зрелище жизни поразило меня. Сам не знаю почему, все, что они делают, представляется мне необыкновенным и значительным... Они просто сидят вечерком при лампе, как сидели бы и мы. А между тем мне кажется, что я гляжу на них с высоты какого-то иного мира, потому что мне известна маленькая истина, ими еще не познанная... Ведь правда, дети мои? Но почему же и вы бледны? Быть может, есть еще что-то такое, чего нельзя высказать и от чего на глазах у нас выступают слезы. До сих пор я не знал, что в жизни столько печального и что она так страшна для тех, кто ее созерцает... И если бы даже ничего не произошло, я бы все-таки испытывал ужас, глядя, как они спокойны... Слишком велико их доверие к этому миру... Вот они сидят, отделенные от недруга хрупкими окнами... Они думают, что ничто не может случиться, раз они заперли двери. Они не знают, что в душах всегда происходит нечто и что мир не кончается у дверей домов... Они спокойны за свою маленькую жизнь и не подозревают, что другим известно о ней гораздо больше; не подозревают, что я, жалкий старик, в двух шагах от их двери держу, как большую птицу, все их маленькое счастье в своих старых руках, которые я не смею разжать...

Мария. Сжалься, дедушка!..

Старик. Мы-то жалеем их, дитя мое, а нас не жалеют...

Мария. Скажи им завтра, дедушка, скажи, когда будет светло... Им не так будет тяжко...

Старик. Может быть, ты и права... Лучше не говорить им ночью. Свет отраден скорбящим... Но что они скажут нам завтра? Несчастье делает людей ревнивыми: те, кого оно постигло, хотят знать о нем раньше посторонних. Им еще больней оттого, что их несчастье было в чужих руках... У них будет такое чувство, словно мы что-то отняли у них...

Незнакомец. Поздно. Я слышу шепот молитв...

Мария. Они уже здесь... Они за оградой...

Входит Марта.

Марта. Вот и я. Я привела их. Я велела им подождать на дороге.

Слышен детский плач.

Дети плачут... Я не велела им идти с нами... Но они тоже хотят видеть, и матери меня не послушались... Сейчас я им скажу...

Нет, смолкли... Вы уже сообщили?.. Я принесла колечко, которое было у нее на пальце... Я сама положила ее на носилки. Кажется, что она уснула... Не легко мне пришлось: волосы никак не укладывались... Я велела нарвать маргариток... Жалко, что не было других цветов... Что вы тут делаете? Почему вы не с ними?.. *(Смотрит в окно.)* Они не плачут?.. Они... Вы им не сказали?

Старик. Марта, Марта, в твоей душе слишком много жизни — ты не можешь понять...

Марта. Почему я не могу понять?.. *(После некоторого молчания, с глубокой укоризной.)* Нехорошо, дедушка...

Старик. Марта, ты не знаешь...

Марта. Я сама пойду скажу.

Старик. Стань сюда, дитя мое, и погляди.

Марта. О, как они несчастны!.. Они не могут дольше ждать...

Старик. Почему?

Марта. Не знаю... Но дольше медлить нельзя...

Старик. Поди сюда, дитя мое...

Марта. Какое у них терпение!..

Старик. Поди сюда, дитя мое...

Марта *(оборачиваясь)*. Где ты, дедушка? Мне горько не видеть тебя... Я сама не знаю теперь, что делать...

Старик. Не гляди на них, пока они не узнают...

Марта. Я пойду с тобой...

Старик. Нет, Марта, останься здесь... Сядь рядом с сестрой на эту старую каменную скамью у стены дома и не смотри... Ты слишком молода, ты не сможешь забыть... Ты не знаешь, каким становится человеческое лицо, когда перед глазами проходит смерть... Может быть, раздадутся крики... Не оборачивайся... Может быть, ничего не будет... В особенности не оборачивайся, если ничего не услышишь... Нельзя сказать заранее, как выразится отчаяние... Тихие рыдания, исходящие из глубины души,— обыкновенно этим все и ограничивается... Я сам еще не знаю, что́ со мной будет, когда я услышу их... Это уже вне жизни... Поцелуй меня, дитя мое, и я пойду...

Шепот молитв постепенно приближается.
Часть толпы входит в сад.
Слышны приглушенные шаги и тихий говор.

Незнакомец *(толпе)*. Подождите здесь... Не подходите к окнам... Где она?

Крестьяне. Кто?

Незнакомец. Где... носильщики?..

Крестьяне. Идут по аллее, что ведет прямо к дому.

Старик уходит. Марта и Мария сидят на скамейке спиной к окнам. Тихий ропот в толпе.

Незнакомец. Тсс!.. Не разговаривайте!

В доме старшая сестра встает, подходит к двери и берется за засов.

Марта. Она открывает дверь?

Незнакомец. Наоборот, запирает.

Молчание.

Марта. Дедушка не вошел?

Незнакомец. Нет... Она опять садится рядом с матерью... Другие не двигаются, а ребенок все спит...

Молчание.

Марта. Сестрица, дай мне руку!..

Мария. Марта!..

Марта и Мария обнимаются и целуются.

Незнакомец. Должно быть, он постучал... Они все разом подняли головы... Они переглядываются...

Марта. О! О! Сестрица... Я сейчас закричу!.. *(Склонившись на плечо сестры, сдерживает рыдания.)*

Незнакомец. Должно быть, он еще раз постучался... Отец смотрит на часы. Встает.

Марта. Сестра, сестра, я тоже хочу войти!.. Им нельзя оставаться одним...

Мария. Марта, Марта!.. *(Удерживает ее.)*

Незнакомец. Отец у двери... Снимает засовы... Осторожно открывает...

Марта. О!.. Вы не видите?..

Незнакомец. Кого?

Марта. Тех, которые несут?..

Незнакомец. Он приоткрыл дверь... Мне видны только часть лужайки и фонтан... Он не выпускает ручку двери... Он отступает... У него такой вид, как будто он говорит: «А, это вы!..» Он поднимает руки... Он крепко-накрепко запирает дверь... Ваш дедушка вошел в комнату...

Толпа прихлынула к окнам. Марта и Мария поднимаются и, тесно обнявшись, тоже подходят. Видно, как старик входит в комнату. Две сестры умершей встают. Встает и мать, бережно положив ребенка в кресло, с которого только что поднялась; кресло стоит посреди комнаты, и извне видно, что ребенок, склонив головку набок, спит. Мать идет навстречу старику и протягивает руку, но сейчас же отдергивает ее. Одна из молодых девушек хочет снять со старика плащ, другая придвигает ему кресло. Но старик отрицательно качает головой. Отец удивленно улыбается. Старик оглядывается на окна.

Он не решается сказать... Он посмотрел на нас...

Шум в толпе.

Тсс!..

Старик, увидев в окнах лица, быстро отворачивается. Девушка опять придвигает ему кресло; в конце концов он садится и несколько раз проводит рукой по лбу.

Он сел...

В комнате все садятся. Отец что-то быстро говорит. Наконец старик открывает рот; звук его голоса, видимо, привлекает всеобщее внимание. Но отец прерывает его. Старик опять начинает говорить, и все мало-помалу замирают. Внезапно мать вздрагивает и встает.

Марта. О, мать сейчас догадается!.. *(Отворачивается и закрывает лицо руками.)*

Снова ропот в толпе. Давка. Дети кричат — просят поднять их, чтобы им лучше было видно. Почти все матери исполняют их просьбу.

Незнакомец. Тсс!.. Он еще не сказал...

Видно, что мать тревожно расспрашивает старика. Старик произносит еще несколько слов, затем все встают и как будто спрашивают его о чем-то. Он медленно кивает головой.

Он сказал... Он сразу все сказал!..

Голоса в толпе. Он сказал!..

— Он сказал!..

Незнакомец. Ничего не слышно!..

Старик встает и, не поворачивая головы, показывает на дверь. Мать, отец и обе девушки бросаются к двери, но отцу не сразу удается открыть ее. Старик не пускает мать.

Голоса в толпе. Они выходят!..

— Они выходят!..

Давка в саду. Все исчезают за домом. Только незнакомец продолжает стоять под окном. Наконец двери дома распахиваются настежь, все выходят одновременно. При свете звезд и луны видно, как на носилках несут утопленницу. А посреди пустой комнаты, в кресле, ребенок по-прежнему спит сладким сном. Молчание.

Незнакомец. Ребенок не проснулся!.. *(Уходит.)*

СМЕРТЬ ТЕНТАЖИЛЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тентажиль.
Игрена
Беланжера } сестры Тентажиля.
Агловаль
Первая
Вторая } служанки королевы.
Третья

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вершина холма, возвышающегося над замком.
Входит Игрена, держа за руку Тентажиля.

Игрена. Твоя первая ночь на нашем острове будет неспокойна, Тентажиль. Вокруг нас уже ревет море, деревья стонут. Поздно. Луна скрывается за тополями, которые со всех сторон затеняют дворец... Мы, кажется, одни, хотя здесь нужно быть всегда настороже. Тут подкарауливают приближение самого малого счастья. Однажды я сказала себе в глубине души — сам бог с трудом бы меня подслушал,— я сказала себе однажды, что я становлюсь счастливой... Этого было достаточно: вскоре после того умер наш старый отец, а оба брата исчезли, и никто на свете не мог бы нам сказать, где они. И вот я осталась одна с моей бедной сестрой и с тобой, маленький мой Тентажиль... Будущему я не доверяю... Подойди, сядь ко мне на колени. Сначала поцелуй меня, обвей мне шею своими ручонками... Надеюсь, что их не смогут разнять... Помнишь то время, когда с наступлением вечера я уносила тебя? Ты пугался тени от лампы в длинных коридорах без окон... Я почувствовала, как моя душа затрепетала на устах, когда я вдруг снова увидела тебя сегодня утром... Я думала, что ты далеко отсюда, в безопасности... Кто тебя привез сюда?

Тентажиль. Не знаю, сестрица.

Игрена. Ты не помнишь, что́ тебе сказали?

Тентажиль. Сказали, что надо ехать.

Игрена. А почему тебе надо было ехать?

Тентажиль. Потому что так захотела королева.

Игрена. А тебе не говорили, почему она так захотела? Я уверена, что с тобой говорили о многом...

Тентажиль. Я ничего не слышал, сестрица.

Игрена. О чем же они говорили между собой?

Тентажиль. Они говорили шепотом, сестрица.

Игрена. Все время?

Тентажиль. Да, сестрица Игрена. Они не говорили шепотом, только когда смотрели на меня.

Игрена. Они ничего не говорили о королеве?

Тентажиль. Они сказали, сестрица Игрена, что королева не показывается.

Игрена. А те, что были с тобой на корабле, ничего тебе не сказали?

Тентажиль. Они говорили только о ветре да о парусах, сестрица Игрена.

Игрена. А!.. Это меня не удивляет, дитя мое...

Тентажиль. Они оставили меня одного, сестрица.

Игрена. Послушай, Тентажиль, я открою тебе все, что мне известно.

Тентажиль. Что же тебе известно, сестрица Игрена?

Игрена. Немногое, дитя мое... Мы с сестрой обретаемся здесь с самого дня рождения и не можем понять, что тут происходит... Много лет жила я на этом острове, точно слепая, все здесь мне казалось естественным... Порою птичка вспорхнет, порою лист затрепещет, порою распустится роза — иных событий я не наблюдала... Здесь царила такая тишина, что спелый плод, упавший в саду, заставлял людей подбегать к окнам... И казалось, ни у кого не возникает никаких опасений... Но однажды ночью мне стало ясно, что тут что-то кроется... Я хотела бежать, но не могла... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Тентажиль. Да, да, сестрица, я все понимаю...

Игрена. Не будем больше говорить о том, что нам неизвестно... Видишь замок — там, за мертвыми деревьями, омрачающими горизонт, ты видишь замок в глубине долины?

Тентажиль. Что-то очень черное, сестрица Игрена?

Игрена. Он и правда черный... Он в амфитеатре сумерек, в самой его глубине... Но ничего не поделаешь, надо в нем жить... Лучше бы построили его на вершине одной из окрестных гор... Днем эти горы голубые... Тогда было бы чем дышать. Видно было бы и море и — за скалами — луга... Но его предпочли построить в глубине долины, а туда свежий воздух не доходит... Замок разрушается, но никто не обращает на это внимания... Стены трескаются и как будто исчезают во мраке... Толь-

ко одну башню не тронуло время... Она — огромная... Она весь замок накрывает своею тенью...

Тентажиль. Где-то вспыхнул свет, сестрица Игрена... Видишь, видишь большие красные окна?..

Игрена. Это окна башни, Тентажиль,— только они и освещаются — там находится трон королевы.

Тентажиль. Я не увижу королеву?

Игрена. Ее никто не видит...

Тентажиль. Почему?

Игрена. Прижмись ко мне еще крепче, Тентажиль... чтобы нас не подслушала ни птичка, ни травка...

Тентажиль. Травы здесь нет, сестрица...

Молчание.

Что делает королева?

Игрена. Этого никто не знает, дитя мое. Она не показывается... Она живет в своей башне совсем одна, а те, что прислуживают ей, не выходят днем... Она очень стара: она мать нашей матери. Она хочет царствовать единовластно... Она подозрительна и ревнива; говорят даже, будто она помешана... Она боится, чтобы кто-нибудь не завладел ее престолом; должно быть, поэтому она и велела привезти тебя сюда... Приказания ее приводятся в исполнение неизвестно каким образом... Она никогда не спускается с башни, все двери там заперты и днем и ночью... Я ее никогда не видала, но другие, кажется, видели ее еще в то время, когда она была молода...

Тентажиль. Она очень безобразна, сестрица Игрена?

Игрена. Говорят, что она некрасива и что она толстеет... Но кто ее видел, тот не смеет о ней говорить... Да и как знать, видел ли ее кто-нибудь?.. Она необъяснимо могущественна, и мы, живя здесь, чувствуем неодолимую тяжесть на душе... Но пусть тебя не преследуют страхи и дурные сны — мы будем бодрствовать над тобой, мой маленький Тентажиль, и ничего дурного с тобой не случится... Только не уходи далеко от меня, от сестры Беланжеры, от нашего старого правителя Агловаля...

Тентажиль. И от Агловаля, сестрица Игрена?

Игрена. От Агловаля тоже... Он любит нас...

Тентажиль. Он такой старый, сестрица!

Игрена. Он стар, но очень мудр... Он наш единственный друг, и ему многое известно... Странно: она призвала тебя сюда, никого не предупредив... Не знаю, что с моим сердцем... Я была и печальна и счастлива, зная, что ты за морем, что ты далеко... А теперь... Я была поражена... Я вышла утром посмотреть, как

из-за гор выходит солнце,— и вдруг увидела тебя... Я сейчас же тебя узнала...

Тентажиль. Нет, нет, сестрица, это я первый засмеялся...

Игрена. Я не могла смеяться... Потом ты поймешь... Пора, Тентажиль! По морю ходит черный ветер... Поцелуй меня крепче, еще, еще, прежде чем встать... Ты не знаешь, что такое любовь... Дай мне твою руку — я ее не выпущу,— и пойдем в наш большой замок...

Игрена и Тентажиль уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в замке.
Агловаль и Игрена. Входит Беланжера.

Беланжера. Где Тентажиль?

Игрена. Здесь. Не говори так громко. Он спит в соседней комнате. Он побледнел и чувствовал недомогание. Он устал от путешествия, от долгого плавания. А может быть, воздух замка поразил его детскую душу. Он все о чем-то плакал. Я баюкала его на коленях. Пойди посмотри... Он спит на нашей кровати... У него такая важная поза, руку он положил на лоб, точно маленький печальный король...

Беланжера *(внезапно заливается слезами)*. Сестра! Сестра!.. Бедная моя сестра!..

Игрена. Что случилось?

Беланжера. Я боюсь сказать тебе то, что знаю... Я даже не уверена, действительно ли я что-то знаю... А между тем я слышала то, чего не следовало слышать...

Игрена. Что же ты слышала?

Беланжера. Я проходила около коридора, ведущего на башню...

Игрена. А!..

Беланжера. Одна дверь была полуоткрыта. Я тихонько толкнула ее и вошла...

Игрена. Куда?

Беланжера. Я никогда там не была... Я увидела другие коридоры, освещенные лампами, потом низкие галереи, не имевшие выхода... Я знала, что идти вперед запрещено... Мне

стало страшно, и я уже хотела повернуть назад, как вдруг до меня донесся еле слышный шепот...

Игрена. То были служанки королевы; они живут у подножья башни...

Беланжера. Наверное не знаю... Нас разделяло, должно быть, несколько дверей. До меня доходили приглушенные голоса... Я постаралась подойти как можно ближе... Я не уверена, но, кажется, речь шла о ребенке, приехавшем сегодня, и о золотой короне... Они как будто бы смеялись...

Игрена. Они смеялись?

Беланжера. Да, кажется, смеялись... А может быть, и плакали — я не разобрала. Их плохо было слышно — они переговаривались тихо... Но было их так много, что казалось, будто движется под сводами толпа... Они все твердили, что ребенка желает видеть королева... Вечером они, наверное, придут...

Игрена. Что?.. Вечером?..

Беланжера. Да... Да... Кажется, что так...

Игрена. Они никого по имени не называли?

Беланжера. Они толковали о ребенке, о маленьком ребенке...

Игрена. Других детей здесь нет...

Беланжера. Потом они заговорили громче, и одна из них сказала, что день еще как будто не настал...

Игрена. Я знаю, что́ все это значит, не в первый раз они спускаются с той башни... Я знаю, зачем она призвала его к себе... Но я не думала, что она так станет торопиться!.. Ну что ж, посмотрим!.. Нас трое, и у нас есть время...

Беланжера. Что ты задумала?

Игрена. Сама еще не знаю, но королева будет потрясена... Вы перед ней дрожите,— представляете ли вы себе, что значит потрясти ее?.. Сейчас я вам скажу...

Беланжера. Ну?

Игрена. Ей будет нелегко отнять его у нас...

Беланжера. Мы одиноки, сестра моя Игрена...

Игрена. Это правда, мы одиноки!.. Есть только одно средство, и оно всегда нас выручало... По примеру прошлого станем перед ней на колени... *(С иронией.)* Быть может, она над нами сжалится!.. Слезы обезоруживают ее... Мы должны пойти на любые уступки — быть может, она и улыбнется; она обыкновенно щадит всех тех, кто преклоняет перед ней колена... С незапамятных времен живет она в своей высокой башне, губит всех подряд, и никто не смеет нанести ответный удар... Она давит

нашу душу, точно могильный камень, и никто не смеет его свалить... Когда-то здесь жили мужчины, они боялись ее и повергались пред нею ниц... Теперь пришел наш черед... Увидим!.. Пора восстать... Неизвестно, на чем основано ее могущество, но я больше не желаю жить в тени от ее башни... Уходите, уходите оба! Если и вы дорожите, то пусть уж лучше я останусь совсем-совсем одна... Я жду ее...

Беланжера. Сестра, я не знаю, что́ я должна делать, но только я остаюсь с тобой...

Агловаль. И я остаюсь, дочь моя... У меня уже давно на душе неспокойно... Попытайтесь... Мы не раз пытались...

Игрена. Как, и вы тоже?.. Вы пытались?

Агловаль. Все испробовали... Но в последнюю минуту выбивались из сил... Вы это испытаете на себе... Прикажи она мне подняться к ней вечером, я покорно сложу на груди руки, и мои усталые ноги станут взбираться по лестнице не слишком медленно и не слишком быстро, хотя мне хорошо известно, что оттуда никто еще не возвращался живым... У меня не хватает мужества бороться с нею... Наши руки ни на что не годны, они никого не сокрушат... Тут не такие нужны руки... Все напрасно... Однако я готов помочь, если у вас есть надежда... Закройте двери, дети мои... Разбудите Тентажиля, обнимите его и возьмите на колени... Другой защиты у нас нет...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната.
Игрена и Агловаль.

Игрена. Я осмотрела двери, все три двери. Мы будем сторожить у самой высокой... Две другие толстые и низкие. Они никогда не отворяются. Ключи от них давным-давно потеряны, железные запоры вделаны в стены. Помогите затворить вот эту дверь — она тяжелее городских ворот... Она такая крепкая, что ее и молния не пробьет... Вы на все готовы?

Агловаль *(садится на ступеньку)*. Я сяду на ступеньку и буду держать на коленях шпагу... Мне кажется, я не впервые здесь бодрствую, дитя мое... Иное припоминается как в тумане... Все это уже когда-то было... Но я ни разу не осмелился обнажить шпагу... Сейчас шпага — вот она, передо мной: хотя

в руках моих уже нет сил, но я хочу попробовать... Когда-нибудь нужно же защищаться, хоть это и бесполезно...

Из соседней комнаты Беланжера выносит на руках Тентажиля.

Беланжера. Он не спал...

Игрена. Он бледен... Что с ним?

Беланжера. Не знаю... Он тихо плакал...

Игрена. Тентажиль!..

Беланжера. Он смотрит в другую сторону...

Игрена. Он меня не узнает... Тентажиль!.. С тобой говорит твоя сестра... Куда ты смотришь?.. Повернись ко мне лицом... Давай играть...

Тентажиль. Нет!.. Нет!..

Игрена. Ты не хочешь играть?

Тентажиль. Я не могу ходить, сестрица Игрена...

Игрена. Не можешь ходить?.. Полно, полно, что с тобой?.. У тебя что-нибудь болит?

Тентажиль. Да...

Игрена. Где тебе больно?.. Скажи мне, Тентажиль, я тебя вылечу...

Тентажиль. Я не могу сказать, сестрица Игрена,— мне везде больно...

Игрена. Пойди ко мне, Тентажиль... Ты знаешь, что мои руки нежнее, и они вылечат тебя... Дай его мне, Беланжера... Он сядет ко мне на колени — и все пройдет... Вот видишь?.. Твои сестры с тобой... Мы прогоним все болезни...

Тентажиль. Болезнь во мне, сестрица Игрена... Почему здесь темно, сестрица Игрена?

Игрена. Здесь светло, дитя мое... Разве ты не видишь висячую лампу?

Тентажиль. Да, да... Только она маленькая... А других нет?

Игрена. Зачем? И так все видно...

Тентажиль. А!..

Игрена. О, какие у тебя глубокие глаза!..

Тентажиль. У тебя тоже, сестрица Игрена...

Игрена. Утром я этого не заметила... Я видела, как что-то в них всплыло на поверхность... Нельзя быть уверенным в том, что померещилось душе...

Тентажиль. Я никогда не видал души, сестрица Игрена... А почему Агловаль сидит на ступеньке?

Игрена. Он отдыхает... Ему хотелось поцеловать тебя перед сном... Он ждал, пока ты проснешься...

Тентажиль. Что у него на коленях?

Игрена. На коленях? Я ничего не вижу...

Тентажиль. Есть, что-то есть...

Агловаль. Это так, дитя мое... Я осматривал свою старую шпагу и с трудом узнал ее... Она служила мне много лет, но с некоторых пор я потерял к ней всякое доверие и думаю, что она скоро сломается... Здесь, около рукоятки, пятнышко... Я заметил, что сталь потускнела, и я спросил себя... не помню, о чем я себя спросил... Сегодня у меня очень тяжело на душе... Что поделаешь?.. Приходится жить в ожидании неожиданного... И надо действовать так, как будто на что-то надеешься... Бывают такие полные глубокого значения вечера, когда бесполезная жизнь подступает тебе к горлу и хочется закрыть глаза... Поздно, я устал...

Тентажиль. У него раны, сестрица Игрена...

Игрена. Где?

Тентажиль. На лбу и на руках...

Агловаль. Это старые-старые раны, они уже не болят... Должно быть, сейчас на них падает свет... До сих пор ты их не замечал?

Тентажиль. Он как будто опечален, сестрица Игрена...

Игрена. Нет, нет, он не печален, он очень устал...

Тентажиль. Ты тоже печальна, сестрица Игрена...

Игрена. Да нет же, нет! Видишь, я улыбаюсь...

Тентажиль. И другая сестра тоже...

Игрена. Да нет, она тоже улыбается...

Тентажиль. Так не улыбаются... Я же знаю...

Игрена. Ну, поцелуй меня и не думай об этом... *(Целует его.)*

Тентажиль. О чем же мне думать, сестрица Игрена?.. Почему мне больно, когда ты меня целуешь?

Игрена. Я сделала тебе больно?

Тентажиль. Да... Я слышу, как бьется твое сердце, сестрица Игрена...

Игрена. Ты слышишь, как оно бьется?

Тентажиль. О-о, оно бьется, так бьется, точно хочет...

Игрена. Что хочет?

Тентажиль. Не знаю, сестрица Игрена...

Игрена. Не надо напрасно тревожиться, не надо говорить загадками... Смотри! Твои глаза влажны... Почему ты волнуешься? Я тоже слышу твое сердце... Всегда слышишь сердце другого человека, когда обнимаешь его... В это мгновенье сердца говорят о том, чего не досказывает голос...

Тентажиль. А вот сейчас я не слышал...

Игрена. Оттого что... О! Твое сердце!.. Что с ним?.. Оно разрывается!..

Тентажиль *(кричит)*. Сестрица Игрена! Сестрица Игрена!

Игрена. Что?

Тентажиль. Я слышал!.. Они... они идут!..

Игрена. Кто идет?.. Что с тобой?..

Тентажиль. Дверь! Дверь! Они стояли за дверью!.. *(Навзничь падает к ней на колени.)*

Игрена. Что с ним?.. Он... он лишился чувств...

Беланжера. Осторожней!.. Осторожней!.. Он упадет...

Агловаль *(вскакивает со шпагой в руке)*. Я тоже слышу: в коридоре ходят.

Игрена. О!

Молчание. Игрена, Беланжера и Агловаль прислушиваются.

Агловаль. Я слышу: сюда идет толпа...

Игрена. Толпа?.. Какая толпа?

Агловаль. Не знаю... Ее слышно и не слышно... Они не ходят, как другие, но они приближаются... Они трогают дверь...

Игрена *(судорожно сжимая Тентажиля в объятиях)*. Тентажиль!.. Тентажиль!..

Беланжера *(целует его)*. И я!.. И я!.. Тентажиль!..

Агловаль. Они дергают дверь... Слушайте!.. Тише!.. Они шепчутся... Они скребутся за дверью...

Слышно, как со скрежетом поворачивается в замке ключ.

Игрена. У них есть ключ!..

Агловаль. Да... Да... Я был уверен... Подождите... *(Взмахнув шпагой, становится на последней ступени. Сестрам.)* Подойдите!.. Подойдите и вы!..

Молчание. Дверь приотворяется. Обезумев от страха, Агловаль тычет шпагу в проем; острие застревает между дверью и косяком. Под грозным напором шпага со звоном ломается, осколки сыплются на ступеньки. Игрена вскакивает; на руках у нее Тентажиль; он все еще без сознания. Игрена, Беланжера и Агловаль прилагают огромные, но тщетные усилия, чтобы захлопнуть дверь, но дверь продолжает медленно отворяться, хотя никого за ней не видно и не слышно. В комнату проникает холодный и спокойный свет. Тентажиль, внезапно выпрямившись, приходит в себя, испускает протяжный крик облегчения и целует сестру. В тот же миг дверь, не оказывая более сопротивления, захлопывается, а Беланжера, Игрена и Агловаль все еще машинально держат ее.

Игрена. Тентажиль!..

Все с изумлением глядят друг на друга.

Агловаль *(прислушивается.)* Я больше ничего не слышу...

Игрена *(вне себя от радости).* Тентажиль! Тентажиль!.. Смотрите! Смотрите!.. Он спасен!.. Посмотрите на его глаза... Видны зрачки... Он скоро заговорит... Они видели, что его охраняют... Они не посмели!.. Поцелуемся!.. Поцелуй нас, прошу тебя!.. Поцелуй нас!.. Всех! Всех!.. Так, чтобы у нас захватило дыхание!..

Все четверо с полными слез глазами стоят, тесно прижавшись друг к другу.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Коридор перед комнатой третьего действия.
Входят под покрывалом три служанки королевы.

Первая служанка *(подслушивает под дверью).* Они уже не схраняют...

Вторая служанка. Незачем больше ждать...

Третья служанка. Ей приятнее, чтобы все свершилось в тишине...

Первая служанка. Я знала, что они заснут...

Вторая служанка. Открой скорее...

Третья служанка. Пора...

Первая служанка. Подождите у двери. Я войду одна. Зачем входить втроем?..

Вторая служанка. Правда! Он еще совсем маленький...

Третья служанка. Надо остерегаться старшей...

Вторая служанка. Королева не хочет, чтобы они знали...

Первая служанка. Не бойтесь, никто не услышит моего приближения...

Вторая служанка. Войди же! Пора.

Первая служанка осторожно отворяет дверь и входит в комнату.

Скоро полночь...

Третья служанка. А!..

Молчание. Первая служанка выходит из комнаты.

Вторая служанка. Где же он?

Первая служанка. Он спит между сестрами. Он обвил их шеи своими ручонками; их руки тоже сплелись вокруг него... Я не в силах свершить это одна...

Вторая служанка. Я помогу тебе...

Третья служанка. Хорошо. Ступай вместе с нею... Я буду здесь сторожить...

Первая служанка. Будьте начеку: они что-то подозревают... Они все трое боролись с дурным сновидением...

Две служанки входят в комнату.

Третья служанка. Они всегда догадываются, но не понимают...

Молчание. Две служанки выходят из комнаты.

Ну что?

Вторая служанка. Нужна и твоя помощь: их нельзя разъединить...

Первая служанка. Не успеешь разжать их руки, как они снова обвивают ими ребенка...

Вторая служанка. А дитя прижимается к ним все крепче и крепче...

Первая служанка. Он спит, прильнув головой к сердцу старшей...

Вторая служанка. И головка его то поднимается, то опускается на ее груди...

Первая служанка. Мы не сможем разнять его руки...

Вторая служанка. Он погрузил их в кудри сестер...

Первая служанка. Он стиснул золотой локон своими зубками...

Вторая служанка. Нужно будет отрезать волосы у старшей сестры...

Первая служанка. И у другой тоже, вот увидите..

Вторая служанка. А ты принесла ножницы?

Третья служанка. Да...

Первая служанка. Скорей! Они зашевелились.

Вторая служанка. Их веки поднимаются и опускаются в лад биению сердца...

Первая служанка. Да, правда. Я мельком видела голубые глаза старшей сестры...

Вторая служанка. Она смотрела на нас, но не видела...

Первая служанка. Коснешься кого-нибудь из них — другие двое вздрагивают...

Вторая служанка. Они силятся проснуться, но не могут пошевелиться...

Первая служанка. Старшая сестра хочет крикнуть — и не может...

Вторая служанка. Идемте! У них такой вид, будто они предупреждены...

Третья служанка. Старика там нет?

Первая служанка. Он с ними, он спит в углу...

Вторая служанка. Он спит, склонившись на рукоять шпаги.

Первая служанка. Он ничего не знает и не видит снов...

Третья служанка. Идемте, идемте! Пора с этим покончить...

Первая служанка. Вам будет нелегко разнять их руки...

Вторая служанка. Это правда — они ухватились друг за друга, как утопающие...

Третья служанка. Идем, идем!..

Три служанки входят в комнату. Долгое молчание прерывается вздохами и глухим стоном отчаяния, заглушаемого сном. Затем три служанки поспешно выходят из темной комнаты. Одна из них выносит на руках уснувшего Тентажиля, ручки которого, сжатые сном и агонией, полны длинных золотистых кудрей, похищенных с голов сестер. Эти кудри покрывают все тело служанки как бы золотым дождем. Служанки молча бегут, но в конце коридора Тентажиль, внезапно проснувшись, издает страшный вопль предсмертной муки.

Тентажиль *(из глубины коридора)*. О-о-о!..

Снова молчание. Потом слышно, как в соседней комнате просыпаются и вскакивают с постели обе сестры.

Игрена *(из комнаты)*. Тентажиль!.. Где он?..

Беланжера. Его нет!..

Игрена *(с возрастающей тревогой)*. Тентажиль!.. Лампу! Лампу! Зажги лампу!..

Беланжера. Сейчас... Сейчас...

В открытую дверь видно, как с лампой в руке идет по комнате Игрена.

Игрена. Дверь открыта настежь!

Голос Тентажиля *(чуть слышно, вдали)*. Сестрица Игрена!..

Игрена. Он кричит!.. Он кричит!.. Тентажиль!.. Тентажиль!.. *(Бросается в коридор.)*

Беланжера бежит за Игреной и падает без чувств на ступеньки.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Большая железная дверь под темными сводами. Входит Игрена с лампой в руке. У нее блуждающий взор, волосы распущены.

Игрена *(растерянно озираясь)*. Они не пошли за мной... Беланжера!.. Беланжера!.. Агловаль!.. Они уверяли, что любят его, и оставили меня одну!.. Тентажиль!.. Тентажиль!.. Все кончено... Я взбиралась по бесчисленным ступеням между высоких безжалостных стен, и сердце мое перестает биться... Своды как будто движутся... *(Прислоняется к колонне, поддерживающей свод.)* Я чуть не упала... О! О! Как ослабела моя жизнь! Я чувствую ее... Она на кончике моих губ и вот-вот улетит... Я не знаю, что я делала... Я ничего не видела, ничего не слышала... Там так тихо!.. Я нашла эти золотистые волосы на ступенях, на стенах, и я шла по их следам. Я подобрала их... О! О! Как они прекрасны! Мальчик-с-Пальчик... Мальчик-с-Пальчик... Что я говорю?.. Я вспоминаю... Я сама в это не верю... Теперь можно заснуть... Все это неважно и невозможно... Я сама не знаю, о чем я думаю... Просыпаешься, и... В сущности, да, в сущности, надо только подумать хорошенько... Слова говорят одно, а душа идет совсем по другому пути. Мы сами не знаем, какие мы вызываем события. Я пришла сюда с лампочкой... Несмотря на ветер на лестнице, она не потухла... В сущности, что можно предположить? Все так неопределенно... Но ведь есть же люди, которые знают, почему же они не говорят? *(Оглядывается.)* Я никогда здесь не была... Выше уже нельзя подняться... На всем запрет... Как холодно!.. И так темно, что боишься дышать... Говорят, что темнота отравляет... Здесь есть страшная дверь... *(Подходит к двери и ощупывает ее.)* О, какая она холодная!.. Она из цельного железа и без замка... Как же она отворяется? Я не вижу петель... Кажется, будто она вделана в стену... Выше уже нельзя подняться... Больше нет ступеней... *(Дико кричит.)* О, опять золотые волосы между створок!.. Тентажиль! Тентажиль!.. Я слышала звук захлопнувшейся двери!.. Теперь я вспоминаю!.. Вспоминаю!.. Надо действовать!.. *(Неистово колотит руками и ногами в дверь.)* О, чудовище! Чудовище!.. Вот ты где!.. Слушайте! Я богохульствую! Я богохульствую и плюю на тебя!..

С той стороны раздается слабый стук в дверь; потом голос Тентажиля проникает чуть слышно через железные створки.

Тентажиль. Сестрица Игрена, сестрица Игрена!..

Игрена. Тентажиль!.. Что это?.. Что это?.. Тентажиль, это ты?..

Тентажиль. Открой, скорей открой!.. Она тут!..

Игрена. О! О!.. Кто тут?.. Тентажиль, мой маленький Тентажиль!.. Ты слышишь меня?.. Что случилось?.. Что произошло?.. Тентажиль!.. Тебе не сделали больно?.. Где ты?.. Ты здесь?..

Тентажиль. Сестрица Игрена, сестрица Игрена!.. Я умру, если ты мне не откроешь!..

Игрена. Подожди, я пытаюсь открыть, подожди... Я открываю, открываю...

Тентажиль. Ты меня не понимаешь!.. Сестрица Игрена!.. Некогда ждать!.. Она не смогла удержать меня... Я бил ее, бил... Я побежал... Скорей, скорей, она идет!..

Игрена. Сейчас, сейчас... Где она?

Тентажиль. Я ничего не вижу... Но я слышу... О, мне страшно, сестрица Игрена, мне страшно!.. Скорей, скорей!.. Ради бога, скорей, сестрица Игрена!..

Игрена *(лихорадочно ощупывая дверь)*. Я сейчас найду... Подожди немного... одну минуту... одно мгновение...

Тентажиль. Я не могу больше ждать, сестрица Игрена... Она дышит за моей спиной...

Игрена. Ничего, Тентажиль, мой маленький Тентажиль, не бойся... Тут темно, я ничего не вижу...

Тентажиль. Да нет же, у тебя светло!.. Мне виден свет твоей лампы, сестрица Игрена... А здесь, у меня, темно...

Игрена. Ты видишь меня, Тентажиль? Откуда? Тут щели нет...

Тентажиль. Есть, есть одна, только очень маленькая!..

Игрена. С какой стороны? Здесь? Ну, ну!.. Быть может, тут?

Тентажиль. Вот здесь, вот здесь... Ты слышишь? Я стучу...

Игрена. Тут?

Тентажиль. Выше... Но щелка очень маленькая!.. Иголку не просунешь!..

Игрена. Не бойся, я тут...

Тентажиль. О, я слышу, сестрица Игрена!.. Тяни! Тяни! Тяни сильнее! Она идет!.. Если б ты могла слегка приотворить... чуть-чуть... Ведь я так мал!..

Игрена. Нет, не могу, Тентажиль... Я тянула, я толкала, я стучала!.. Я стучала!.. *(Стучит, пытается расшатать неподатливую дверь.)* У меня два пальца задеревенели... Не плачь... О, это железо!..

Тентажиль *(безутешно рыдая)*. Неужели тебе нечем

открыть, сестрица Игрена?.. Хоть чуточку, хоть чуточку... и я бы прошел... Ведь я так мал, так мал... ты же знаешь...

Игрена. У меня ничего нет, кроме лампы, Тентажиль... Вот! Вот!.. *(Изо всех сил бьет в дверь глиняной лампой; лампа гаснет и разбивается.)* О!.. Полный мрак!.. Тентажиль, где ты?.. Слушай, слушай!.. Ты не можешь открыть изнутри?

Тентажиль. Нет, нет, здесь ничего нет... Я ничего не нащупываю... Я уже не вижу светлой щели...

Игрена. Что с тобой, Тентажиль?.. Я тебя почти не слышу...

Тентажиль. Сестрица, сестрица Игрена... Все кончено...

Игрена. Что с тобой, Тентажиль?.. Куда ты идешь?..

Тентажиль. Она тут!.. Мне трудно дышать... Сестрица Игрена, сестрица Игрена!.. Я чувствую ее близость!..

Игрена. Чью?.. Чью?..

Тентажиль. Не знаю... Не вижу... У меня нет сил!.. Она... она хватает меня за горло... Она положила руку мне на горло... О! О! Сестрица Игрена, иди сюда!..

Игрена. Иду, иду!..

Тентажиль. Вокруг меня так темно!..

Игрена. Защищайся, отбивайся, растерзай ее!.. Не бойся!.. Одно мгновение!.. Я тут!.. Тентажиль!.. Тентажиль! Ответь мне!.. На помощь!.. Где ты?.. Я помогу тебе... Поцелуй меня... через дверь... тут... тут...

Тентажиль *(чуть слышно)*. Я здесь... я здесь... сестрица Игрена...

Игрена. Вот тут, вот тут!! Я тебя целую — ты чувствуешь? Еще! Еще!..

Тентажиль *(все слабее и слабее)*. А я — тебя... Сестрица Игрена... Сестрица Игрена!.. О!

Слышно, как за железной дверью падает маленькое тело.

Игрена. Тентажиль!.. Тентажиль!.. Что с тобой?.. Верните мне его! Верните мне его!.. Верните, ради бога!.. Я ничего не слышу... Что вы с ним сделали?.. Не мучайте его!.. Он — малое дитя!.. Он не сопротивляется... Глядите же, глядите!.. Я не строптивая... Я стала на колени... Верните его нам, молю!.. Не ради меня одной... Я все для вас готова сделать... Я не злая, вы видите... Я вас молю... Я ошибалась... Я покоряюсь вам всецело... Я потеряла все... Надо было наказать меня иначе... Многое могло бы причинить мне больше горя... Если вы любите причинять горе... то вы увидите... Но этот бедный ребенок ничего дурного не сделал... Я говорила про вас неправду... Но я не зна-

ла... А теперь я знаю, как вы добры... Надо же наконец простить!.. Он так юн, так красив и так мал!.. Поймите, что это немыслимо!.. Он обвивает своими ручонками вашу шею, его уста приближаются к вашим устам; сам бог не мог бы устоять... Вы откроете дверь, не правда ли?.. Я почти ни о чем не прошу... Только бы свидеться с ним на миг, на краткий миг... Я не могу припомнить... Понимаете?.. Я не успела... Чуть-чуть приотворите — и он пройдет... Это ведь не трудно...

Долгое неумолимое молчание.

Чудовище!.. Чудовище!.. Я на тебя плюю!.. *(Опускается на пол и, обняв руками дверь, тихо рыдает во тьме.)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гвидо Колонна — начальник гарнизона в Пизе.
Марко Колонна — отец Гвидо.
Принчивалле — наемный полководец флорентийского войска.
Тривульцио — комиссар Флорентийской республики.
Борсо, Торелло — лейтенанты Гвидо.
Ведио — адъютант Принчивалле.
Джованна (Монна Ванна) — жена Гвидо.
Синьоры, воины, крестьяне, горожане.

Первое и третье действия происходят в Пизе, второе — в ее окрестностях. Конец XV века.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зала во дворце Гвидо Колонны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гвидо и его лейтенанты Борсо и Торелло стоят у открытого окна, в которое видны окрестности Пизы.

Гвидо. Мы — на краю гибели, и это вынудило синьорию поведать мне все то, что до сих пор она столь тщательно от нас скрывала. Флорентийцы окружили оба войска, которые в помощь нам снарядила Венеция: одно — под Биббиеной, другое — под Эльчи. Горные тропы Вернии, Кьюзи, Монталоне, Ареццо и все казентинские ущелья — в руках у неприятеля. Так! Мы отрезаны от всего мира, Флоренции мы отданы во власть, пред нею пасть нам ныне суждено: ведь не в ее обычаях и нравах щадить того, кто ей уже не страшен... Народ и войско пока еще не знают о наших неудачах, но тревожные слухи ползут, ползут... Что скажут воины и горожане, когда узнают истинную правду?.. Их лютый гнев, отчаянье и ужас падут на нас, падут на синьорию... Они озверепели, они обезумели от трехмесячной осады, от бесплодного героизма, от голода,— немногим городам пришлось столько вынести. Их покорность держится на волоске, и, если последняя надежда рухнет, они взбунтуются, враг ворвется — и городу конец...

Борсо. У воинов моих ни стрел, ни пуль. Подвалы обойдите все подряд — пожалуй, порошинки не найдете.

Торелло. Третьего дня я выпустил последнее ядро по батарее Сант-Антонио и по башне Стампаче. С одними шпагами даже страдиоты отказываются идти к бойницам.

Борсо. Вон там союзники венецианцы ту крепостную стену защищали, но брешь длиною сажен в пятьдесят в ней проломили пушки Принчивалле... Стада овец свободно там пройдут... Такой огонь не выдержит никто... Албанцы, пехотинцы из Романьи — все объявили мне, что, если нынче капитуляции мы не подпишем, они без промедленья разбегутся.

Гвидо. За последние десять дней синьория три раза посылала старейшин для переговоров о капитуляции, но ни один из них не возвратился...

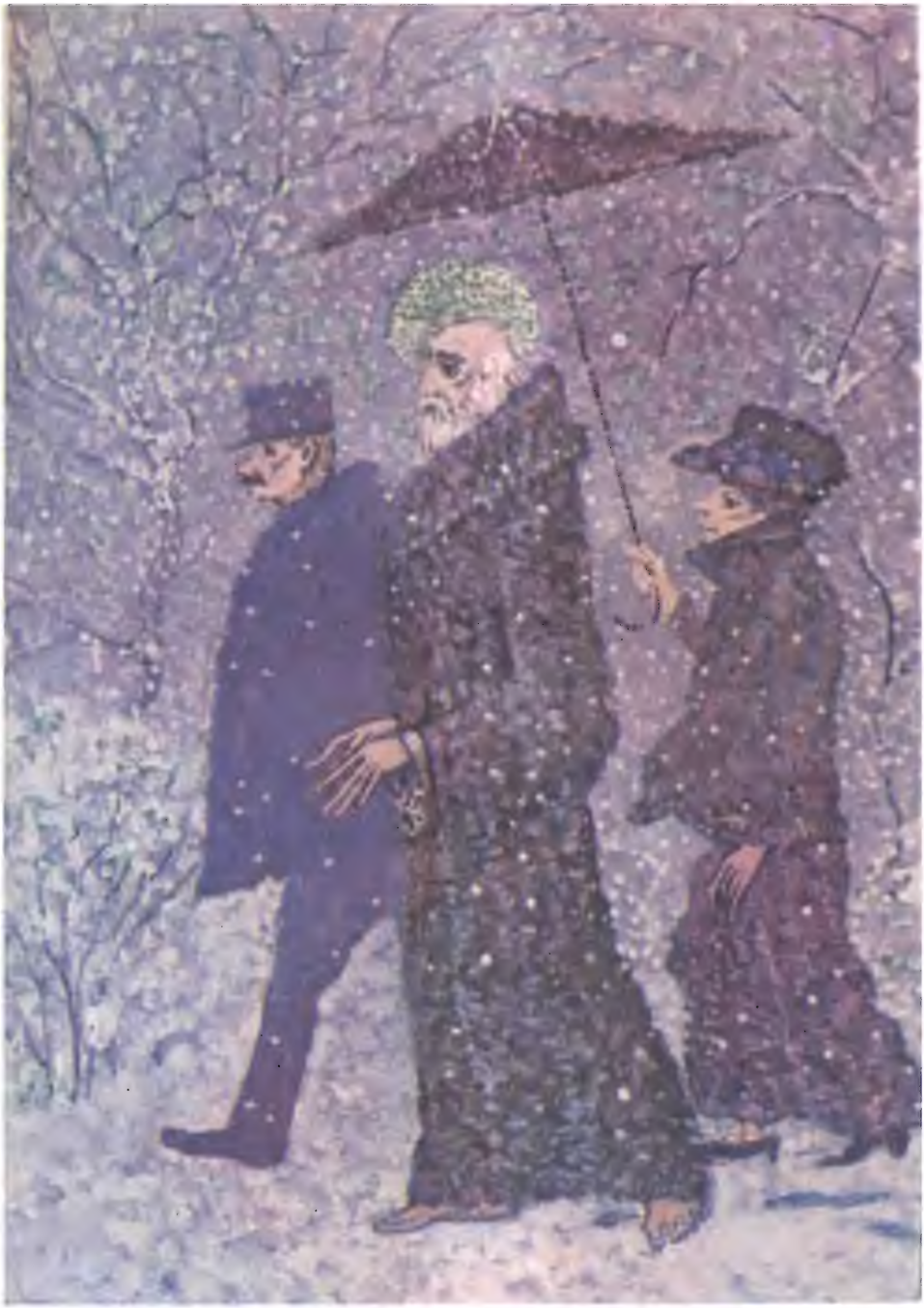
Торелло. Принчивалле не прощает нам убийства своего лейтенанта Антонио Рено, растерзанного на улице нашими рассвирепевшими крестьянами. Флоренция воспользовалась этим, чтобы объявить нас вне закона, и намеревается обойтись с нами, как с варварами.

Гвидо. Отца родного я послал с наказом все объяснить и как-нибудь загладить бесчинство обезумевшей толпы, которую мы не могли сдержать. Заложник то священный, но и он доселе не вернулся...

Борсо. Вот уж больше недели со всех четырех сторон беззащитный наш город открыт. Стены разрушены, пушки безмолвствуют. Что ж Принчивалле медлит на приступ идти? Боится ловушки? Решимости не хватает? Или тайный приказ из Флоренции он получил?

Гвидо. Запомните: Флоренции приказы таинственны, загадочны, темны, но замыслы ее, как день, ясны. С Венецией давно в союзе Пиза, а это, знаете, дурной пример для всех тосканских малых городов... Республику Пизанскую стереть!.. И вот Флоренция тайком, украдкой, с присущей ей коварною повадкой оружие отравой пропитала: ведь то она пизанцев подбивала и на жестокость и на вероломство, заранее пытаясь оправдать весь ужас будущих своих злодейств. Я убежден, что на расправу с Рено лазутчики, подосланные ею, крестьян пизанских тайно подстрекнули. И, право, не случайно Флоренция двинула на нас самого жестокого из своих наемников, этого зверя Принчивалле, который стяжал себе печальную славу при взятии Пьяченцы: будто бы по ошибке он перебил там всех воинов и продал в рабство пять тысяч женщин.

Борсо. Слух не достоверен. Во всем этом повинен не Принчивалле, а комиссары Флоренции. Сам я никогда не видел Принчивалле, но его знал один из моих братьев. По проис-



Метерлинк. «Чудо св. Антония»

хождению он варвар. Его отец — не то баск, не то бретонец — держал в Венеции ювелирную лавку. Принчивалле не знатного рода, это несомненно, но он не зверь. Говорят, что он человек вспыльчивый, своенравный, распутный, опасный, но честный. Я безбоязненно ему бы отдал шпагу...

Гвидо. Спешить не следует — она вам пригодится. Сначала давайте посмотрим, каков он на деле,— тогда будет видно, кто из нас прав. А пока что прибегнем к последнему средству — человеку нож в сердце вонзили, а он головой все еще бьется и все еще шевелит руками. Во-первых, надо сказать всю правду и ратникам, и крестьянам, укрывшимся в городе, и самим горожанам. Надо им втолковать, что противник капитуляции не предлагает и что эта война не похожа на прежние мирные войны, когда две несметные рати сойдутся, с утра до ночи бьются, бой утих — и осталось трое раненых в поле, не боле. Не безвредная это осада, когда в город входил победитель, точно гость дорогой, и потом до конца своих дней в дружбе жил с побежденным. То борьба не на жизнь, а на смерть, когда жены и дети...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Марко.

Входит Марко. Гвидо с распростертыми объятиями бросается к нему.

Гвидо. Отец!.. Нам, страждущим,— и вдруг такое счастье!.. Вот так в ненастье луч зари блестит. О чудо из чудес! Ты снова здесь, а я уже надеяться не смел!.. Но двигаешься ты с трудом... Ты ранен? Тебя пытали?.. И ты спасся бегством?.. Что сделала Флоренция с тобой?..

Марко. Ничего, слава богу! Флорентийцы — не варвары!.. Они меня приняли, как почетного гостя. Принчивалле знаком с моими трудами. Мы с ним толковали о трех диалогах Платона, которые я обнаружил и перевел. А хожу я с трудом, оттого что я стар, оттого что был долог мой путь... Отгадай, кого я увидел в походной палатке у Принчивалле?

Гвидо. Ну, конечно, неумолимых комиссаров Флоренции...

Марко. Да, они тоже там были, вернее — один из них, я одного только видел... Но сначала меня познакомили со знаменитым Фичино, открывшим Платона... Марсилио Фичино — это как бы душа самого Платона, снисшедшая снова на землю!.. Я бы отдал десять лет жизни, чтобы повидать его прежде, чем сокрыться туда, куда все люди уходят... Мы с ним были похожи

на братьев, наконец отыскавших друг друга... Мы говорили о Гесиоде, об Аристотеле и о Гомере... Ему удалось обнаружить неподалеку от ратного стана, в оливковой роще, покрывающей берег Арно, зарытый в песок торс богини — такой красоты, что, увидев его, ты не вспомнил бы о войне... Мы стали копать еще глубже — и нашли две руки. Эти прелестные, тонкие руки были созданы словно затем, чтобы вызывать на лицах улыбки, чтобы перлы росы рассыпать на заре... Одна из них была согнута так, словно персты ее касались груди, а в другой ручку от зеркала богиня держала...

Гвидо. Вспомни, отец, что народ умирает с голоду. Ему нет дела ни до тонких рук, ни до бронзовых торсов...

Марко. Это мраморный торс...

Гвидо. Но ведь речь идет о тридцати тысячах человеческих жизней! Малейшая неосторожность, малейшее промедление могут погубить их, тогда как вовремя сказанное слово или добрая весть могут спасти... Не за мраморным торсом, не за отбитой рукой мы тебя посылали туда... С какою ты вестью пришел?.. Принчивалле, Флоренция — что у них на уме?.. Объяви, душой не криви!.. Чего они ждут?.. Слышишь под окнами крики?.. То дерутся голодные из-за травы, пробивающейся меж камней...

Марко. Да, ты прав. Я забыл, что воюете вы в то самое время, когда к нам возвратилась весна; когда небо сияет, как младенец, воспрявший от сна; когда чуть колышется море, когда море похоже на чашу, полную света,— ту самую чашу, что богиня лазури морской подносит богам лазури небесной; когда наша земля так прекрасна и любвеобильна!.. Но у вас свои радости, у меня же — свои, и я слишком пространно о них говорю. Одним словом, ты прав: я должен был тотчас же все тебе рассказать... Весть, с которой я к вам пришел, тридцать тысяч жизней спасает, омрачает всего лишь одну. Но и этой одной моя весть предоставляет возможность покрыть себя славой еще более чистой и благородной, нежели бранная слава... Любовь к одному человеку блаженна, похвальна, но любовь ко всем людям прекрасней стократ... Целомудрие стойкое, верность — драгоценные свойства души, но подчас, в сравнении с тем, что творится вокруг, они мелкими кажутся нашим глазам... Итак... Но не принимай скороспелых решений, не отрезай себе путь к отступленью и от клятв воздержись, ибо клятвы налагают оковы на разум и мешают ему вернуться обратно...

Гвидо *(делает знак лейтенантам удалиться)*. Оставьте нас вдвоем!..

Марко. О нет, побудьте!.. Сейчас решается судьба всех нас... Напротив, я хочу, чтобы эту залу наполнили люди, от которых мы отведем угрозу смерти; чтобы несчастные, которых мы спасем, уловили, услышали под окнами и навеки запечатлели в своей памяти принесенную мною весть избавления, а я в самом деле принес им избавление, если только с этим примирится человеческий разум, я же именно того и опасаюсь, что никакие доводы не оправдают проступка, всю тяжесть коего я ощущаю больше, чем кто-либо иной, ибо я сам...

Гвидо. Отец! Загадками не говори!.. Зачем ты тратишь столько лишних слов? Мы ныне выслушать готовы все, ты нас ничем уже не удивишь...

Марко. Итак, я виделся с Принчивалле и беседовал с ним. Какое неверное, какое обманчивое представление создаем мы себе о человеке по рассказам тех, кто его боится!.. Я шел к нему, как Приам в палатку Ахилла... Я думал, что встречу варвара, надменного и тупоумного, обагренного кровью, упившегося вином, безумца, гений которого вспыхивает нежданно, как молния, только на поле битвы... Я приготовился к встрече с демоном войны, слепым и безрассудным, свирепым и тщеславным, коварным сластолюбцем...

Гвидо. Он именно таков, он только не коварен...

Борсо. Это правда: он служит Флоренции, но он честен — он доказал нам это дважды.

Марко. Словом, он был со мною почтителен, как ученик, обожающий своего учителя. Он начитан, красноречив, любознателен, преклоняется перед наукой. Он умеет внимательно слушать, все прекрасное находит в нем отзвук. У него тонкая усмешка; он добр, человечен, война ему не по сердцу. Он ищет причины страстей и событий, он строго следит за собой, он совестлив, чистосердечен, на службу к Флоренции вероломной он пошел скрепя сердце. Судьба, а может быть, случай вложил ему в руки оружье и к ратному стану его приковал. К воинским почестям он не стремится — он их ненавидит, он от них отречется, лишь бы только сбылась роковая его мечта. Такие мечты возникают у тех, кто рожден под опасной звездою — под звездою великой, единственной и неутолимой любви.

Гвидо. О голодающих, отец, подумай — им дольше ждать невмоготу. Что им достоинства, заслуги Принчивалле? Произнеси спасительное слово!

Марко. Ты прав. Я, может быть, напрасно медлю. Но эта весть для двух существ ужасна, а между тем, о Гвидо, у меня дороже их нет никого на свете.

Гвидо. Я ко всему готов, но кто другая жертва?

Марко. Послушай... Когда я... когда я шел сюда, я чувствовал, что это невозможно, что это невыполнимо, и вместе с тем я сознавал, что это единственное спасение, что это чудо...

Гвидо. Говори!..

Марко. Флоренция решила нас уничтожить. Таково мнение военного совета, а синьория к нему присоединилась. Этот приговор никто не властен отменить. Но лицемерная и предусмотрительная Флоренция не может не считаться с тем, что мир, в глазах которого она является очагом просвещения, осудит ее за кровавую победу. Поэтому она постарается изобразить дело так, будто она предложила Пизе капитуляцию на самых мягких условиях, а Пиза ее отвергла. Город будет взят приступом. Против нас будут брошены испанские и немецкие наемные войска, а войска эти не нуждаются в особых приказах, когда речь идет о насилиях, грабежах, пожарах, резне... Им достаточно не чувствовать над собою палки начальников, начальники же в этот день постараются сделать вид, что они бессильны. Вот что нас ожидает. И, если жестокость победителей превзойдет все ожидания флорентийцев, город Красной Лилии первый будет оплакивать нас и свалит всю вину на внезапно вышедших из повиновения ландскнехтов, которых Флоренция с негодованием тотчас же распустит, ибо после нашей гибели они будут ей уже не нужны...

Гвидо. Я узнаю Флоренцию.

Марко. Таковы тайные распоряжения, которые комиссары республики передали на словах Принчивалле. Они уже целую неделю торопят его начать решительный приступ... До сих пор он под разными предлогами медлил. Но он перехватил донесения, в которых комиссары, следящие за каждым его шагом, пытаются доказать синьории, что он изменник. После разгрома Пизы, после войны ему будет уготована во Флоренции участь многих опасных военачальников: суд, пытка и казнь. Он знает свой удел.

Гвидо. Так. Что же он предлагает?

Марко. Принчивалле ручается — насколько можно ручаться за этих непостоянных дикарей,— Принчивалле ручается за часть стрелков, которых он сам набирал. Во всяком случае, он уверен в сотне солдат, которые составят ядро его отряда,— они ему всецело преданы. И вот он предлагает ввести этих людей в наш город с тем, чтобы они защищали его от войска, которое он покидает.

Гвидо. В людях у нас недостатка нет. Подальше от таких опасных союзников! Пусть лучше он снабдит нас пулями, порохом и съестными припасами...

Марко. Так! Он предвидел, что его предложение покажется вам подозрительным и что вы его отвергнете. Он обещал послать нам триста повозок с боевыми припасами и продовольствием, только что прибывшими в его лагерь.

Гвидо. Как он это осуществит?

Марко. Не знаю... Я ничего не смыслю ни в военных, ни в политических хитростях... Но он делает все, что хочет. Пока его не отозвала синьория, хозяин в лагере он, а не флорентийские комиссары... Отозвать же его накануне победы она не посмеет — войско преисполнено к нему доверия и предвкушает добычу... Ей поневоле приходится ждать урочного часа...

Гвидо. Пусть так! Я понимаю, что он спасает нас, чтобы спасти себя и отомстить синьории. Но он мог бы сделать это искуснее и с бóльшим блеском. Какой ему смысл осыпать благодеяниями своих врагов? Что он затеял? Какой он замысел взлелеял? Чего он требует взамен?..

Марко. Миг настал, о мой сын, когда каждое слово мое обретает жестокую силу!.. Миг настал, о мой сын, когда каждое слово мое, вдруг повеяв дыханьем судьбы, обречет себе в жертву кого-то... И дрожу я при мысли, что даже мой голос, самый звук его — да, самый звук — столько жизней спасет иль погубит...

Гвидо. Ума не приложу... Ко всем несчастьям нашим жестокие слова навряд ли что прибавят...

Марко. Ты уже знаешь, сколь мудр Принчивалле. Он человечен, он благоразумен... Но у каждого мудреца могут быть свои странности. Каждый праведник распалялся дикой мечтой... По эту сторону — разум, милосердие и справедливость, по другую — страсть, вожделенье, безумье, то безумье, которое всеми нами овладевает в свой час... Оно владело и мной; быть может, тобой овладеет и снова охватит меня... Человек так устроен... Но тебя, о мой сын, нечеловеческие ожидают мученья... Я знаю: они ужаснее даже, чем то, что их вызовет, и, однако, я обещание дал, своим безумием превосходящее твою грядущую скорбь... Я, мудрец, к твоему рассудку взывая, безрассудное свое обещанье безрассудно пытаюсь сдержать... Я дал слово, что, если мой сын предложение Принчивалле отвергнет, в стан врага я тотчас же вернусь... И что меня там ожидает?.. Пытка и казнь, вернее всего, мне наградою будут за мою глупую чест-

ность... И все же туда я пойду... Напрасно твержу я себе, что безумье свое облекаю я в пурпур. Я сам осуждаю безумный свой шаг, но я его сделаю, ибо покорствовать разуму нет больше сил... Ах нет, я не то говорю!.. Мысли путаются... Я фразы сцепляю, я нанизываю слова, чтоб решительный миг отдалить... Но, быть может, я напрасно в тебе сомневаюсь?.. Так знай: огромный обоз с припасами, который я видел сам, возы с хлебом, вином, плодами и овощами, стада овец и коров, благодаря которым население будет обеспечено мясом на несколько месяцев, бочки с порохом и слитки свинца, с помощью которых можно победить Флоренцию и возродить Пизу,— все это сегодня же вечером вступит в город, если ты в обмен пошлешь ее к Принчивалле только на одну ночь, ибо с первым же лучом зари он отошлет ее обратно... Но в знак покорности, но в знак победы он требует, чтобы пришла она к нему одна, пришла совсем нагая, чтоб ей служил покровом только плащ...

Гвидо. Но кто, но кто она?..

Марко. Джованна...

Гвидо. Кто?.. Моя жена?..

Марко. Твоя Джованна... Я уже сказал...

Гвидо. Но почему же именно Джованна?..

Марко. Она прекрасней всех. Он ее любит...

Гвидо. Джованну любит?.. Он ее не знает... Он разве видел где-нибудь ее?..

Марко. Он знает, он видел, но только скрывает — где и когда...

Гвидо. А Джованна?.. Где встречал он ее?..

Марко. Она не видала его или просто не помнит...

Гвидо. Откуда ты знаешь?

Марко. Она сама мне об этом сказала.

Гвидо. Когда?

Марко. Когда я шел к вам сюда...

Гвидо. И ты ей сказал?..

Марко. Все.

Гвидо. Как?.. Все сказал?.. Про этот торг бесстыдный?.. И ты дерзнул?..

Марко. Дерзнул.

Гвидо. А что она?

Марко. Она не ответила. Она побледнела и молча ушла...

Гвидо. Вот это хорошо, я одобряю!.. Она могла упасть к твоим ногам, могла вскочить, могла вскочить и плюнуть тебе в глаза. Но лучше так... Бесспорно... Вдруг побледнела и ушла... Вот так бы господень ангел поступил... Джованну

я узнаю! Да, тут не нужно слов. И мы, храня молчанье, займем свои места у городской стены. И если нам погибнуть суждено, то нашу гибель, наше пораженье бесчестием мы все ж не осквернim...

Марко. Гвидо, я тебя понимаю! Испытание это так же тягостно мне, как тебе. Но удар нанесен. Пусть же разум уравновесит нашу скорбь и наш тягостный долг.

Гвидо. Предложение столь гнусно, что по отношению к нему может быть только один долг. И, чем больше мы будем над ним размышлять, тем отчетливее выступит перед нами весь его ужас.

Марко. И все же задай себе вопрос, Гвидо: имеешь ли ты право обречь на смерть целый народ единственно для того, чтобы неотвратимую беду отсрочить всего на несколько часов? Ведь если город возьмут, Ванна неизбежно окажется в руках победителя...

Гвидо. Это касается только меня...

Марко. А тысячи жизней? Сознайся, что это много — может быть, даже слишком много — и что ты поступаешь несправедливо... Если б от этого выбора зависело только твое счастье и ты выбрал бы смерть, я бы понял тебя, несмотря на то, что, прожив целую жизнь, повидав на своем веку немало людей, а значит, и горя, я пришел к заключению, что выбрать смерть, страшную, холодную смерть с ее вечным молчаньем, предпочесть ее какой угодно телесной или душевной муке, которая хотя бы отдалила ее, может только человек неразумный... А здесь речь идет о тысячах жизней, о соратниках, женщинах, детях... Исполни просьбу безумца — и люди, которые будут жить после нас, вменят тебе в доблесть именно то, против чего сейчас восстает все твое существо. Наши потомки взглянут на твой поступок взором спокойным, справедливым и человечным... Спасти чью-нибудь жизнь — это самый высокий подвиг, поверь мне. Все добродетели, все человеческие совершенства, всё, что зовем мы верностью, честью, чем хочешь еще,— все по сравнению с этим пустая игра... Ты хочешь остаться чистым, ты хочешь из страшного испытания выйти героем, но напрасно ты думаешь, будто у героизма нет, кроме смерти, других вершин. Самый доблестный подвиг — это наитруднейший, а жизнь нередко тяжелее, чем смерть.

Гвидо. Ты — мой отец?..

Марко. И этим я горжусь... И если я борюсь сейчас с тобою, то и с самим собою я борюсь. Когда бы ты мне уступил мгновенно, я бы тебя, о сын мой, разлюбил...

Гвидо. О да, ты мой отец, и вслед за мною ты тоже предпочтешь позору смерть. Я отвергаю гнусное условье, и ты, вернувшись в лагерь флорентийцев, страданий чашу осуши до дна...

Марко. Сын мой, не обо мне идет речь. Я — никому не нужный старик, и жить мне все равно осталось недолго... Мне нет смысла бороться с закоренелым моим безрассудством, вершины мудрости мне все равно уже не достигнуть... Зачем я должен идти к флорентийцам — это для меня так и останется непостижимым... В моем старом теле живет молодая душа. Время благоразумия от меня еще далеко... И я горюю о том, что силы прошлого препятствуют мне безрассудное мое обещанье нарушить...

Гвидо. Я последую твоему примеру.

Марко. Что ты хочешь этим сказать?..

Гвидо. Я поступлю так же, как ты, и я останусь верен тем силам прошлого, которые ты теперь презираешь, но которые, к счастью, еще имеют власть над тобой...

Марко. Когда речь идет о других, они всякую власть надо мною теряют. И если, дабы просветить твою душу, мне должно пожертвовать моим жалким старческим честным словом, то я не сдержу своего обещанья. Как хочешь, но я туда не пойду...

Гвидо. Довольно, отец! Иначе у меня с языка сорвутся слова, которые сын не вправе бросать отцу, даже если отец сбился с прямого пути...

Марко. Сын мой, произнеси любые слова, какие только в сердце твоем рождает негодованье! Я приму их за выраженье истинной скорби... Что бы ты мне ни сказал, я тебя не разлюблю... Но место проклятий, которые ты станешь сейчас изрыгать на меня, пусть заступят в твоей душе благоразумие и состраданье!..

Гвидо. Довольно! Я не хочу больше слушать. Ты только подумай, ты только представь себе, на что ты меня толкаешь. Это тебе изменил твой высокий и благородный разум; страх смерти помрачил твою мудрость. Я же смотрю в лицо смерти спокойно. Я помню те уроки отваги, которые успел ты мне преподать в то самое время, когда тебя еще не согнули ни годы, ни бесплодная книжная мудрость... Мы здесь одни. Мои два лейтенанта и я — твоей мы слабости минутной не разгласим. И тайна эта с нами умрет. А наша смерть не за горами. Итак, нам предстоит последний бой...

Марко. Нет, мой сын, это не слабость. Годы и бесполезные книги открыли мне, что всякая человеческая жизнь драго-

ценна. Ты чтишь только один род отваги, и ты полагаешь, что я эту отвагу утратил, но во мне живет иная отвага, правда, не такая блестящая и не столь прославленная, ибо она меньше зла причиняет, а люди преклоняются лишь перед тем, что приносит им горе... Она-то мне и поможет исполнить свой долг до конца.

Гвидо. Как — до конца?

Марко. Неудачно мной начатое я хочу завершить. Ты — один из моих судей, но не единственный, и все те, чья решается участь сейчас, вправе знать свой удел, вправе знать, от чего их спасенье зависит...

Гвидо. Я не совсем понимаю тебя. По крайней мере, мне хочется думать, что я не так тебя понял... Ты говоришь...

Марко. Я говорю, что выйду к народу и объявлю, в чем состоит предложение Принчивалле и что ты отказался его принять.

Гвидо. Хорошо. На сей раз я понял. Мне жаль, что этот бесполезный разговор так далеко нас завел. И еще я жалею, что из-за твоего ослепления я вынужден не пощадить твой возраст. Но долг сына — защитить заблудшего отца даже от него самого. Как бы то ни было, пока Пиза еще не разрушена, я ее повелитель и страж ее чести. Борсо и Торелло, вашим заботам я поручаю моего отца. Вы будете за ним смотреть, пока на него не найдет просветление. Итак, отец, все это между нами. Мы не проговоримся. Я тебя от всей души прощаю. Но и ты в свой смертный час простишь меня, конечно: ты вспомнишь, что меня ты воспитал бесстрашным, мужественным человеком.

Марко. О, я тебя уже сейчас прощаю! Я так же поступил бы, как и ты. Ты властен у меня отнять свободу, но мысль мою тебе не заточить! Теперь никто не заглушит мой голос!

Гвидо. Что это значит?

Марко. То, что в эту самую минуту синьория обсуждает предложение Принчивалле.

Гвидо. Как? Синьория?.. Кто же ей сказал?..

Марко. Я ей сказал сперва, потом тебе...

Гвидо. О, неужели смерти страх и старость твой ясный ум навеки помрачили? Ужель твоя душа так очерствела, что всю мою любовь, восторг, блаженство, одежды нашей брачной чистоту согласен ты предать в чужие руки? И руки эти примутся спокойно все взвешивать и измерять, как будто они в лавчонках взвешивают соль!.. Не может быть!.. Тогда лишь я по-

верю, когда воочию увижу срам... Когда же я во всем удостоверюсь, взгляну я на тебя, о мой отец, которого я некогда любил, которого, казалось мне, я знал, которому я тщился подражать... И я взгляну с таким же омерзеньем, как на того распутного злодея, который хочет окунуть нас в грязь...

Марко. Сын мой, ты прав! Ты недостаточно хорошо меня знал, и это всецело моя вина. Когда пришла ко мне старость, я не делился с тобою всем тем, чему она ежедневно учила меня, а ведь я уже по-иному стал смотреть на жизнь, на любовь, на счастье и горе земное... Так часто бывает: живешь рядом с дорогим существом, беседуешь с ним, а единственно важное таишь про себя... Словно в тумане живешь, по теченью плывешь. И мнится тебе, что вокруг все меняется вместе с тобой. Когда же несчастье прерывает твой сон, с удивлением видишь, как далеко мы теперь друг от друга... Если б я раньше поведал тебе, какие в сердце моем произошли перемены, как одно за другим от него отлетали пустые мечтанья, как трезвые истины заступали их место, я не стоял бы сейчас пред тобою жалким и ненавистным тебе незнакомцем...

Гвидо. Я счастлив, что тебя я лишь сейчас узнал... Ну, а я... я готов ко всему. Я наперед могу сказать, как решит синьория. В самом деле, это так просто — спасти всех за счет одного человека! Перед таким соблазном не устояли бы и более благородные сердца, а про этих торгашей, дрожащих за свои прилавки, и говорить нечего. Но я им не слуга! Я никому не слуга. Я пожертвовал им своим сном, своей кровью, я делил с ними муки и тяготы долгой осады — и довольно, конец! Остальное мое. Я им не подчиняюсь. Я покажу им всем, что я еще начальник. Три сотни моих стрелков повинуются только мне, а трусов они слушать не станут!..

Марко. Сын мой, ты ошибаешься. Напротив: пизанская синьория, вот эти самые торгаши, о которых ты, еще не зная их решения, столь презрительно отзываешься, выказали в беде необычайное благородство и стойкость. Они не захотели покупать свое спасение ценою женской стыдливости, женской любви. Когда я направился от них к тебе, они послали за Джованной, чтобы сказать ей, что судьба города в ее руках.

Гвидо. Они осмелились к ней с этим обратиться?.. Они осмелились в мое отсутствие передать ей гнусное предложение этого бешеного сатира?.. О Джованна!.. Я так ясно представляю себе, как от единого взгляда кровь то отливает, то вновь приливает к ее нежным щекам, как бы для того, чтобы освежить блеск

ее красоты!.. И вот сейчас моя Ванна стоит перед этими стариками с масляными глазками, перед этими плюгавыми лавочниками с их лицемерной улыбкой, которые прежде благоговели пред ней, как пред святыней... И они ей прикажут: «Иди нагая к нему — так пожелал Принчивалле... Отдай ему свое тело, свое чистое тело, которое ни один посторонний взор не осквернил вожделеньем...» Я, супруг, снимая с него покровы, молил свои руки, молил свои взоры быть целомудренными и стыдливыми, ибо даже невольный трепет желанья мог бы его оскорбить... Сейчас они с ней говорят... Это люди благородные, стойкие: они Джованну принуждать не станут... Вернее, не дерзнут, пока я жив... Они Джованну просят согласиться... А моего согласья кто просил?..

Марко. Я просил, сын мой. И если не добьюсь его я, то к тебе не замедлят прийти они...

Гвидо. Им не для чего приходить — Ванна ответит им за нас обоих.

Марко. Если ты одобришь ее решение, то, разумеется, незачем.

Гвидо. Ее решенье?.. Ты в ней усомнился? Но разве ты, отец, ее не знаешь? Ведь ты же виделся с ней ежедневно. Ты помнишь, как с улыбкой на устах и вся в цветах, полна любви ко мне, она вошла впервые в эту залу, где ты ее бесстыдно продаешь. Ты сомневаешься в ее ответе отцу, забывшемуся до того, что он намерен собственную дочь...

Марко. Сын мой, люди друг друга по-разному воспринимают. Каждый судит о другом по себе...

Гвидо. Я о тебе, отец, судил неверно... Когда ж очам моим судил господь раскрыться вновь — и снова обмануться, то пусть они закроются навек...

Марко. Они откроются при ярком свете... В Джованне я, мой сын, провижу силу, еще незримую твоим очам,— вот почему я в ней не сомневаюсь...

Гвидо. Тем меньше я могу в ней сомневаться. Ее решение я принимаю, ему заранее я подчиняюсь — послушно, непреложно, простодушно. И если мы в решеньях не сойдемся, так, значит, мы друг в друге ошибались до самого последнего мгновенья. И я скажу: «То не любовь — обман»,— и он как дым рассеется, исчезнет. Я раз и навсегда пойму тогда: ее достоинства существовали в моем доверчивом воображенье, в моей душе безумной и несчастной, которая одно лишь знала счастье, обманчивую, призрачную радость!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Ванна.

Снаружи доносится гул толпы, повторяющей имя: «Монна Ванна». Дверь в глубине отворяется, и в залу входит смертельно бледная Ванна. На пороге, прячась друг за друга и не решаясь войти, теснятся мужчины и женщины.

Увидев Ванну, Гвидо бросается к ней, берет ее за руки, затем порывисто обнимает и целует.

Гвидо. Джованна!.. Они тебя истерзали?.. О нет, не повторяй мне их слов!.. Дай мне на тебя наглядеться, дай заглянуть в глубь очей... О! Они все так же чисты и ясны, как источник, в котором совершают омовение ангелы!.. Они не могли осквернить то, что я обожал. Все их слова падали, словно камни: камень закинешь как можно выше, а он упадет сверху вниз, не омрачив ни на мгновенье спокойной лазури небес! Как только они увидали эти глаза, они ни о чем не стали просить, я уверен... Они не потребовали от тебя никакого ответа — им ответила чистота твоих глаз. Между их мыслями и твоими образовалось широкое и глубокое озеро — озеро света, любви... А теперь подойди, посмотри... Пред тобою стоит человек, которого я называю отцом... Погляди: голову он опустил, седые пряди волос закрывают его лицо... Ты на него не сердись: ведь он стар, у него от старости помутился рассудок... Надо его пожалеть, надо себя превозмочь. Даже твой взгляд не пробудит его — так бесконечно далек он от нас... Он нас с тобою не знает — наша любовь прошла над его ослепшею старостью, точно апрельский дождь над кремнистым утесом... Его не коснулся ни один ее луч, ни один наш поцелуй ему не порадовал взора... Он полагает, что мы любим друг друга безлюбой любовью... Ему нужно все объяснить, только тогда он поймет. Ему нужен ответ... Ты скажи ему прямо...

Ванна *(приближается к Марко)*. Я ухожу, отец.

Марко *(целует ее в лоб)*. Я так и знал...

Гвидо. Что?.. Повтори!.. Я не расслышал... Ванна, ты с ним или со мною говоришь?..

Ванна. С тобою и с отцом... Я повинуюсь...

Гвидо. Кому? Вот в чем вопрос. Неясно мне...

Ванна. Я к Принчивалле вечером уйду.

Гвидо. Уйдешь? И ты ему отдашься?

Ванна. Да.

Гвидо. И вместе с ним умрешь?.. Убьешь злодея?.. Мне это в голову не приходило... О, если так, тогда мне все понятно!..

Ванна. Убью его — тогда погибнет Пиза...

Гвидо. Что слышу я?.. Так ты меня не любишь?.. Когда ты Принчивалле полюбила?..

Ванна. Я никогда не видела его...

Гвидо. Тебе о нем хоть что-нибудь известно?.. Тебе они, наверное, сказали...

Ванна. Сказали мне сейчас, что он — старик... И это все, что мне о нем известно...

Гвидо. О нет, он не стар!.. Он молод, красив... Он гораздо моложе меня... Почему ж он потребовал именно это?.. Я пополз бы к нему на коленях, руки скрестив на груди, лишь бы он город не тронул... Я бы с нею ушел, бесприютный и нищий, и, прося подаянья, бродил по безлюдным дорогам до конца моих дней... Но этот дикарь с его плотоядной мечтой... Никогда и нигде еще ни один победитель не смел... *(Приближается к Ванне и обнимает ее.)* О Ванна! О Ванна!.. Я отказываюсь этому верить!.. Это не ты говорила!.. Я ничего не слыхал, все забыто навеки!.. То был отзвук речей моего обезумевшего отца... Скажи, что ослышался я, что против позорного этого выбора восстала наша любовь, восстала стыдливость твоя!.. До меня донеслось запоздалое эхо... А сейчас тебе предстоит нарушить эту девственную тишину. Погляди: все приковали к тебе свои взоры, никто ничего не знает, за тобою первое слово... Произнеси же его, Джованна, развей страшный сон — пусть они узнают тебя, пусть они, наконец, постигнут силу нашей любви!.. Произнеси это слово — я его жду,— а иначе все рухнет внутри у меня...

Ванна. Гвидо, я сознаю, что самая тяжкая доля досталась тебе...

Гвидо *(невольно отстраняет ее)*. Я несу эту тяжесть один! Кто любит, тот все должен взять на себя... Ты меня никогда не любила... Для бездушных существ все безразлично... Больше того: это для них приятная неожиданность... Даже праздник, пожалуй... Да, но праздник я отменяю!.. Как бы то ни было, я еще властвую здесь!.. А что, если я воспротивлюсь?.. А что, если я в темницу тебя заточу, в глухую тюрьму, в подземелье, вот под этою залой, у зарешеченных окон поставлю своих стradиотов и продержу тебя там до тех пор, пока не остынет твой пыл, пока доблестный твой порыв не пройдет?.. Возьмите ее! Вы слышали мое приказанье?.. Исполните его немедля!..

Ванна. Гвидо!

Гвидо. Что значит это неповиновенье?.. Торелло, Борсо, вы окаменели?.. Или вам слух внезапно изменил?.. А те подслушивают у дверей — так что же, и они меня не слышат?.. От крика моего и скалы рухнут!.. Ну, что же вы? Кто хочет —

пусть берет!.. Ах, вот что означает промедленье: вы все еще надеетесь спастись!.. Вы жить хотите, я же умираю!.. О боже правый, как все это просто!.. Один против толпы!.. Один за всех, один за всех страдает!.. Почему — я, а не вы?.. У вас у всех есть жены!.. *(Обнажив наполовину свою шпагу, приближается к Ванне.)* А если я смерть предпочту бесчестью?.. Ты не подумала об этом? Нет? Смотри: довольно одного движенья...

Ванна. Ты сделаешь это движение, Гвидо, если тебе прикажет любовь...

Гвидо. «Если прикажет любовь»!.. Ты еще смеешь говорить о любви!.. Но ведь ты же не знала ее!.. Ты никогда меня не любила!.. Ты словно пустыня, поглотившая все мои чувства!.. Ничего, ни слезинки!.. Я только прибежищем был для тебя... И если сию минуту...

Ванна. Мне трудно говорить... Взгляни, о Гвидо,— я вся застыла, я сейчас умру...

Гвидо *(порывисто обнимает ее)*. В моих объятиях ты оживешь...

Ванна *(отстраняясь и выпрямляясь)*. О нет, о нет!.. Я понимаю все... но ничего тебе я не скажу... иначе я тотчас же обессилю... Я все обдумала и все решила... Я всем тебе обязана, о Гвидо!.. Нет, даже больше: я тебя люблю... А все ж, как ни ужасен мой поступок, а все же я пойду, пойду, пойду!..

Гвидо *(отталкивает ее)*. Ну, хорошо, иди, иди туда, прочь с глаз моих! А я остался нищий... Ступай!.. Я отрекаюсь от тебя...

Ванна *(хватает его за руки)*. Послушай, Гвидо...

Гвидо *(отталкивает ее)*. Разомкни кольцо своих прелестных, теплых, нежных рук... Отец был прав — он лучше знал тебя... Ну, что же ты, отец? Вот, полюбуйся на дело рук своих — и доверши: веди ее в палатку Принчивалле! Веди скорей!.. Я погляжу вам вслед... Но я и крошки хлеба не возьму, оплаченного ласками Джованны!.. Одно осталось мне, и скоро ты...

Ванна *(прижимаясь к нему)*. Гвидо, смотри на меня!.. И взгляда не отводи!.. Ведь ты только грозишь... Посмотри... Я хочу в глаза твои заглянуть...

Гвидо *(смотрит на Ванну и уже не порывисто, а холодно отстраняет ее)*. Уходи!.. Я не хочу тебя знать... Торопись: уже смерклось, он ждет... Не тревожься, не бойся... Я не стану безумствовать: ведь на руинах любви не умирают... Рассудок мутится только у тех, кто любит... Мой разум уже прояснел... Теперь я знаю предел женской верности и любви... Вот и все... Нет, нет, не держи меня: любовь уходит, и руки твои ее не удержат... Все

кончено — и навсегда... И следа не осталось... Погибло прошлое, гибнет грядущее... О эти руки, эти ясные очи, эти уста!.. Я им верил когда-то... А теперь у меня ничего не осталось... *(Отстраняет сперва одну, потом другую руку Ванны.)* Ничего, совсем ничего, даже меньше, чем ничего... Прощай, Ванна, прощай, иди!.. Ты уходишь к нему?

Ванна. Да.

Гвидо. И ты не вернешься?..

Ванна. Вернусь...

Гвидо. Хорошо, хорошо!.. Увидим, увидим... Мог ли я думать, что отец мой знал ее лучше меня?.. *(Пошатнувшись, хватается за мраморную колонну.)*

Ванна, не оглядываясь, медленно направляется к выходу.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Палатка Принчивалле. Беспорядочная роскошь. Шелковые и парчовые занавеси. Оружие, дорогие меха, большие раскрытые сундуки, набитые драгоценностями и блестящими тканями. В глубине вход в палатку, завешенный ковром.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принчивалле стоит у стола и разбирает пергаменты, планы, оружие. Входит Ведио.

Ведио. Письмо от комиссара республики.

Принчивалле. От Тривульцио?

Ведио. Да. Мессере Маладура, второй комиссар, еще не вернулся.

Принчивалле. Как видно, венецианское войско, угрожающее Флоренции со стороны Казентино, не так-то легко одолеть... Дай письмо. *(Берет письмо и читает.)* В последний раз под страхом немедленного взятия под стражу он приказывает мне выступить на рассвете... Отлично! Значит, ночь в моем распоряжении... Немедленное взятие под стражу!.. Они ничего не подозревают!.. Они думают, что громкими фразами можно запугать человека, ожидающего единственной минуты во всей своей жизни... Угрозы, взятие под стражу, следствие, суд, что еще?.. Все это я себе представляю... Они бы давно меня схватили, да руки у них были коротки...

Ведио. Мессере Тривульцио, когда передавал мне приказ, объявил, что следом за мной явится к вам для переговоров.

Принчивалле. Наконец отважился?.. Это будет решительная встреча. Невзрачный, ничтожный писец, который представляет здесь могущество Флоренции и вместе с тем боится смотреть мне в глаза, человечек с испитым лицом, ненавидящий меня лютой ненавистью, и не подозревает, что̀ его ждет нынче ночью... Так просто он не осмелился бы войти к зверю в клетку... Кто стоит на страже у входа?

Ведио. Два старых солдата из галисийского отряда. Один из них, если не ошибаюсь,— Эрнандо, другой — Диего...

Принчивалле. Это хорошо. Они бы меня послушались, даже если б я им приказал заковать в цепи бога-отца... Однако темнеет. Вели зажечь огонь. Который час?

Ведио. Десятый.

Принчивалле. Марко Колонна не вернулся?..

Ведио. Я приказал часовым привести его к вам, как только он перейдет через ров.

Принчивалле. Если мое предложение отвергнуто, он должен был вернуться к девяти часам... Близится роковая минута... К этой минуте, точно корабль на раздутых парусах, стремится вся моя жизнь... Как странно! Мужчина связывает свою судьбу, свой разум, свое сердце, свою волю, долю, недолю с непрочной женской любовью... Ведь это смешно, только вот мне сейчас не до смеха... Марко не возвращается... Значит, она придет... Пойди посмотри, не горит ли сигнальный огонь — он должен возвестить мне ее приход. Пойди посмотри, не освещает ли он путь робким шагам женщины, которая жертвует собой ради всех, которая спасает не только свой народ, но и меня... Нет, нет, я пойду сам!.. Я не хочу, чтобы чужие глаза, даже глаза моего друга, хотя бы на одно мгновение раньше, чем я, увидели счастье, которого я жду измлада, с малолетства... *(Идет к выходу, отодвигает ковер и глядит в темноту.)* Огонь зажегся, Ведио!.. Взгляни! Он ярок до того, что ослепляет ночь!.. По-видимому, его зажгли на колокольне... Он навис над ночною тьмой... Это единственный огонь во всем городе... О, никогда еще Пиза не возносила к небу такого дивного светоча, столь долгожданного и нежданного!.. О мои славные пизанцы! Сегодня вечером у вас будет праздник, и вы его запомните навсегда. А я — если б я спас не Пизу, а свой родной город, я бы все же не так ликовал!..

Ведио *(хватает его за руку)*. Идемте в палатку! С той стороны идет мессере Тривульцио...

Принчивалле *(входит в палатку)*. Да, ничего не поделаешь... Впрочем, разговор у нас с ним будет короткий... *(Подходит к столу и начинает рыться в бумагах.)* Три его письма у тебя?

Ведио. Только два...

Принчивалле. Два перехваченных и нынешний приказ?..

Ведио. Письма — вот они, а приказ вы скомкали...

Принчивалле. Я слышу шаги Тривульцио...

Часовой отодвигает ковер. Входит Тривульцио.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Тривульцио.

Тривульцио. Вы заметили сигнальный огонь на колокольне?..

Принчивалле. Вы думаете, это огонь сигнальный?..

Тривульцио. Уверен... Мне надо с вами переговорить, Принчивалле...

Принчивалле. Я вас слушаю. Оставь нас, Ведио, но только далеко не уходи. Ты мне еще понадобишься...

Ведио уходит.

Тривульцио. Вам ведомо, Принчивалле, как я вас чту. Я неоднократно доказывал свое уважение к вам на деле, и вы об этом наслышаны, но о некоторых доказательствах вам пока еще ничего не известно, ибо политика Флоренции, которую принято считать вероломной, хотя в сущности это политика мудрая — и только, требует, чтобы многое скрывалось долгое время даже от тех, кому не воспрещен доступ в ее святая святых. Мы все повинуемся ее предначертаниям, исполненным глубокого смысла. Каждому из нас надлежит безропотно нести бремя ее тайн, составляющих духовную мощь нашей родины. Надобно вам знать, что своим неуклонным продвижением по службе, тем, что, несмотря на вашу молодость и темное происхождение, вам неукоснительно вверялось командование отборными воинскими частями республики, вы отчасти обязаны мне. Впрочем, нам ни разу не пришлось раскаяться в нашем выборе. Но дело в том, что с некоторых пор против вас образовалась целая партия. Не знаю,— может быть, я, раскрывая козни ваших врагов, тем самым жертвую своим долгом во имя истинно

дружеского расположения к вам. Но слепое исполнение долга часто бывает вреднее самого безрассудного мягкосердечия. Итак, я считаю необходимым поставить вас в известность, что ваша медлительность, ваша нерешительность подвергаются резким нападкам. Некоторые даже подозревают вас в измене. Поступившие за последнее время доносы усилили эти подозрения. Они произвели крайне неблагоприятное впечатление на ту часть городского совета, которая была и до этого вам враждебна. Раздавались голоса, требовавшие немедленно взять вас под стражу и отдать под суд. К счастью, меня вовремя известили. Я выехал во Флоренцию и без труда опроверг все эти изветы. Я за вас поручился. Теперь вы должны оправдать мое доверие, а доверяю я вам вполне. Но если вы по-прежнему будете бездействовать, то мы погибли. Мой сослуживец, мессере Маладура, окружен под Биббиеной войсками венецианского комиссара. Еще одно войско движется на Флоренцию с севера. Город в кольце. Но все еще можно поправить, если вы назначите на завтра долгожданный приступ. Тогда высвободится наше лучшее войско и лучший наш полководец — единственный, не ведавший поражений. Мы вернемся во Флоренцию, вернемся с гордо поднятой головой, вернемся триумфаторами, и вчерашние ваши враги превратятся в ваших приверженцев и самых горячих поклонников.

Принчивалле. Это все, что вы хотели мне сказать?

Тривульцио. Почти. Я умолчал о том, что искренняя приязнь, которую я почувствовал к вам при первом же знакомстве, росла во мне с каждым днем... Она окрепла, несмотря на трудное положение, в которое ставят нас законы — законы часто противоречивые, требующие, чтобы в опасные моменты власть главнокомандующего уравновешивалась таинственным могуществом Флорентийской республики, скромным представителем которой на то время, пока грохочут пушки, являюсь я...

Принчивалле. Я только что получил вот этот приказ. Он составлен вами?..

Тривульцио. Да.

Принчивалле. Это ваш почерк?

Тривульцио. Конечно, мой. Какие тут могут быть сомнения?

Принчивалле. А эти два письма вы узнаете?

Тривульцио. Да, пожалуй... Впрочем, наверное сказать не могу... О чем в них говорится?.. Я хотел бы знать...

Принчивалле. Достаточно того, что знаю я.

Тривульцио. Ах, это те два письма, которые вы перехватили? На это я и рассчитывал... Моя цель достигнута.

Принчивалле. Я вам не дитя. Не будем прибегать к недостойным приемам и прекратим этот разговор — я спешу получить высочайшую награду, в сравнении с ней самое пышное торжество, которое может устроить в мою честь Флоренция, для меня ничто... В этих письмах вы на меня клевещете, клевещете отвратительно, возмутительно, клевещете без всякой надобности, только ради удовольствия мне навредить и чтобы заранее оправдать скупость неблагодарной Флоренции, которая всякий раз трясется от страха, как бы признательность наемнику-победителю не обошлась ей слишком дорого... Вы всё так искусно подстроили, что минутами сам начинаешь сомневаться в собственной невиновности!.. Бессильный и близорукий завистник, яростный злопыхатель, вы исказили, очернили, опорочили каждый мой шаг, начиная с первых дней осады вплоть до того блаженного мига, когда я наконец прозрел и решил оправдать ваши подозрения. Я велел снять точные копии с ваших писем, а затем отослал их во Флоренцию. Ответы я перехватил. Вам верят на слово. Верят тем охотнее, что сами же подсказали вам, как писать на меня доносы. Меня судили заочно и приговорили к смертной казни... Будь я даже чист, как ангел, я бы неминуемо пал под бременем тяжких улик... И вот я быстрым движением рву ваши слабые цепи и опережаю вас... До сих пор я не был изменником, но после этих двух писем я замыслил погубить вас... Сегодня вечером я предам вас, вас и ваших бездарных начальников, предам со всей жестокостью, со всей беспощадностью, на какую я только способен... И это будет мой самый благородный поступок: я сделаю все для того, чтобы развеять величие единственного на всем свете города, который считает вероломство гражданской доблестью и который стремится к тому, чтобы миром правили лукавство, лицемерие, жестокосердие, низость и ложь!.. Сегодня вечером благодаря мне исконный ваш враг, который не позволял вам и, пока жив, никогда не позволит развращать кого-либо за пределами вашего города, сегодня вечером благодаря мне Пиза будет спасена и, воспрянув духом, снова вызовет вас на бой... Сидите спокойно, не делайте лишних движений!.. Я принял все меры. Ничего поправить нельзя. Вы — в моих руках, так же как и судьба всей Флоренции...

Тривульцио *(выхватывает кинжал и замахивается)*. Еще нет... Пока мои руки свободны, я...

Принчивалле *(инстинктивно хватается за кинжал и приподнимает его; удар приходится ему в лицо. Схватив Тривульцио за руку)*. А, вы вот как!.. Этот приступ страха явился

для меня полной неожиданностью... Теперь уж вы в буквальном смысле слова в моих руках. Вы, конечно, чувствуете, что я отлично справлюсь с вами и одной... Вот ваш кинжал... Мне стоит только опустить его... Он как будто сам ищет ваше горло... А вы и глазом не моргнули... Вы не боитесь?..

Тривульцио *(холодно)*. Нет. Вонзите кинжал, вы вправе это сделать. Я проиграл...

Принчивалле *(отпускает его)*. Вы уверены? А все-таки это удивительно... Редчайший случай... Даже среди воинов найдется немного таких, которые очертя голову бросились бы на верную смерть. Я и не подозревал, что в этом маленьком теле...

Тривульцио. Вы и вам подобные, привыкшие по всякому поводу хвататься за оружие, склонны думать, что храбрость сверкает только на острие меча...

Принчивалле. Может быть, вы и правы... Ну что ж... Вы не свободны, но ничего дурного вам не сделают... Мы служим разным богам... *(Отирает с лица кровь.)* А, кровь!.. Удар был хороший... Чересчур поспешный, но зато мощный... Еще бы немного... А что бы сделали вы, если бы в вашей власти оказался человек, который одним ударом чуть было не отправил вас в тот мир, куда никто добровольно не уходит?..

Тривульцио. Я бы его не пощадил.

Принчивалле. Я отказываюсь вас понимать... Странный вы человек... Сознайтесь, что ваши письма гнусны... Я проливал кровь в трех великих битвах... Я отдавал все свои силы и в награду не требовал ничего; я верой и правдой служил тем, кто остановил свой выбор на мне, и мысль об измене никогда не приходила мне в голову... Вы должны были это знать, раз вы за мной следили... И тем не менее в своих письмах, из зависти, по злобе или из жадности, вы превратно истолковывали каждый мой поступок, хотя все они были направлены к вашему же спасению, вы лгали заведомо, вы нанизывали одну нелепицу на другую...

Тривульцио. Все ваши действия были мною выдуманы, но это не существенно. Мне надо было предупредить тот опасный момент, когда солдат, возгордясь двумя-тремя победами — их число не имеет значения,— перестает повиноваться своим начальникам, которые его напяли и которые преследуют более высокие цели, чем он. Такой момент наступил — то, что сейчас произошло, служит этому наилучшим доказательством. Флорентийский народ боготворит вас. Наш долг — свергать кумиры, которые он себе создает. Первое время он на нас за это сердится, но поставил он нас именно для того, чтобы про-

тиводействовать его случайным прихотям. Народ сознает свое назначение лучше, чем вы думаете. Когда мы устраняем тех, кому он поклонялся, он чувствует, что мы творим его волю, хотя и наперекор ему самому. Вот почему я решил, что пришел час указать на новый кумир. Я предостерег Флоренцию. Она знала заранее, чем вызваны мои вымыслы...

Принчивалле. Этот час не настал и так никогда и не наступил бы, если б не ваши подлые письма.

Тривульцио. Достаточно того, что он мог бы настать...

Принчивалле. Что? Хладнокровно погубить невинного человека по одному только подозрению, из страха перед мнимой опасностью?..

Тривульцио. Что такое один человек в сравнении с целой Флоренцией?

Принчивалле. Так, значит, вам дорога участь Флоренции, ее призвание, ее жизнь?.. А вот мне это чувство незнакомо...

Тривульцио. Мне дорога только Флоренция. Все остальное для меня не существует...

Принчивалле. Что ж, это возможно... Раз она вам дорога, значит, вы по-своему правы... А у меня нет родины... Мне это непонятно... Иногда я чувствую, что родина мне необходима... Но зато у меня есть другое, чего нет у вас и чем ни одного смертного судьба еще не одаряла с такой щедростью, как меня... И я буду этим обладать вот здесь, сейчас, сию минуту. Это вознаградит меня за все... Ну, а теперь давайте расстанемся — ни мне, ни вам недосуг разгадывать все эти тайны... Мы с вами далеки и вместе с тем почти сходимся... У каждого человека своя судьба... Один живет ради идеи, другого волнует страсть... Вам так же трудно было бы отказаться от своей идеи, как мне — от своей страсти... Человек с более сильной душой, чем простые смертные, идет своим путем до конца... И, что бы ни совершил он на этом пути, он прав — ведь человек так жаждет свободы!.. Прощайте, Тривульцио! Пути наши расходятся... Дайте руку!

Тривульцио. Еще не время... Я протяну вам руку, когда возмездие...

Принчивалле. Хорошо. Сегодня вы проиграли, завтра можете выиграть... *(Зовет.)* Ведио!..

Входит Ведио.

Ведио. Господин начальник! Что с вами? Вы ранены?.. У вас на лице кровь...

Принчивалле. Пустое!.. Вели часовым увести его, но предупреди, чтобы они обращались с ним по-человечески, чтобы они его пальцем не трогали... Это враг, но враг, которого я уважаю... Пусть спрячут в надежном месте, где его никто не увидит... Они за него в ответе. По моему приказу они его выпустят...

Ведио уводит Тривульцио. Принчивалле перед зеркалом рассматривает свою рану.

Да, правда, кровь так и хлещет, по-видимому, задета артерия... Рана не глубока, но она проходит через всю щеку. Кто бы мог подумать, что этот испитой, хилый человечек...

Входит Ведио.

Мое приказание исполнено?..

Ведио. Да... Господин начальник, вы себя губите!..

Принчивалле. Я гублю себя!.. О, я хотел бы губить себя так всю свою жизнь!.. Я гублю себя, Ведио!.. Но во всем подлунном мире еще ни одному человеку не доставалось по праву мести блаженство, о котором мечтал он с тех пор, как только мечтать научился!.. Я всюду подстерегал бы это блаженство, я бы за ним гонялся, ради него я бы не остановился перед любым преступленьем, ибо иначе мне жизнь не мила, ибо это блаженство — мое... Вот оно, вот: во имя справедливости и состраданья оно нисходит ко мне по серебристым лучам моей счастливой звезды, а ты говоришь мне, будто себя я гублю!.. О жалкие существа без огня в груди!.. О жалкие существа без любви в душе!.. Неужели ты не сознаешь, что в эту минуту судьба моя взвешивается на небесах и что на чашу мою бросают множество радостей, участь целого сонма влюбленных!.. О, я это чувствую! Подобно всем тем, кому суждены торжество или гибель, я нежданно взлетел на гребень волны, и все улыбается мне, все мне благоприятствует, и все мне дается легко... А потом — будь что будет!.. Мы знаем, что человек для таких великих событий не создан, что столь тяжкая ноша ему не по силам...

Ведио *(с белой повязкой в руке подходит к Принчивалле)*. А кровь все не останавливается... Позвольте, я сделаю вам перевязку...

Принчивалле. Сделай, если находишь нужным... Но только так, чтобы она не закрывала глаз, не сползала на губы... *(Смотрит на себя в зеркало.)* Я похож на больного, сбежавшего от лекаря, а между тем я — влюбленный, который спешит навстречу любви... Не так, не так!.. А что станется с тобой, бедный мой Ведио?..

Ведио. Я последую за вами, господин начальник...

Принчивалле. Нет, тебе придется меня покинуть... Я сам не знаю, куда я денусь, что со мной будет... Одному тебе скрыться легко, искать тебя не станут, а вот если ты попадешься со своим начальником... Эти сундуки набиты золотом. Возьми его, оно твое, мне оно больше не нужно... Где стада и обозы?..

Ведио. Недалеко от вашей палатки.

Принчивалле. Отлично. Когда я подам знак, ты начнешь действовать...

Вдали раздается выстрел.

Что это?

Ведио. Стреляют на аванпостах...

Принчивалле. Разве был такой приказ?.. Нет, это недоразумение... А вдруг стреляли в нее?.. Ты предупредил?..

Ведио. Да... Не может быть, чтоб в нее... Я расставил часовых, и они тотчас же отведут ее к вам...

Принчивалле. Пойди посмотри...

Ведио уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Принчивалле, Ванна.

Некоторое время на сцене остается один Принчивалле. Немного погодя Ведио отодвигает ковер у входа и говорит вполголоса: «Господин начальник!» Затем он исчезает, а у входа появляется Монна Ванна. Принчивалле вздрагивает и делает шаг к ней навстречу.

Ванна *(сдавленным голосом)*. Вы требовали, чтобы я пришла...

Принчивалле. Вы ранены? Рука у вас в крови...

Ванна. Мне пуля оцарапала плечо...

Принчивалле. Когда и где?..

Ванна. Сейчас, когда я шла.

Принчивалле. А кто стрелял?..

Ванна. Да он мгновенно скрылся.

Принчивалле. Где рана?

Ванна *(приоткрывает на груди плащ)*. Вот она...

Принчивалле. Над левой грудью... Пуля не впилась, она только слегка задела плечо. Вам больно?..

Ванна. Нет.

Принчивалле. Хотите, я велю перевязать рану?

Ванна. Нет.

Молчание.

Принчивалле. Итак, вы решились?..

Ванна. Да.

Принчивалле. Надо ли напоминать вам условия, на которых...

Ванна. Не нужно. Я знаю все.

Принчивалле. Вы не жалеете, что пришли?..

Ванна. А это что, одно из ваших условий?..

Принчивалле. Ваш супруг дал свое согласие?..

Ванна. Дал.

Принчивалле. Я предоставляю вам полную свободу... У вас еще есть время отказаться...

Ванна. Я не изменю своего решения.

Принчивалле. Почему?

Ванна. Потому что люди уже сегодня умирают с голоду, а что будет завтра?..

Принчивалле. Другой причины у вас нет?..

Ванна. Какая же может быть другая причина?..

Принчивалле. Я хочу сказать, что женщина добродетельная...

Ванна. Да.

Принчивалле. ...любящая своего мужа...

Ванна. Да.

Принчивалле. ...и притом горячо?..

Ванна. Да.

Принчивалле. Кроме плаща, на вас никакой другой одежды нет?..

Ванна. Нет. *(Хочет сбросить с себя плащ.)*

Принчивалле *(останавливает ее жестом)*. Вы видели неподалеку от моей палатки стада и повозки?

Ванна. Видела.

Принчивалле. Там двести возов с лучшей тосканской пшеницей, двести возов с кормом для скота, с сиенскими плодами и вином, тридцать возов с немецким порохом и пятнадцать небольших возов со свинцом. Туда же согнано шестьсот апулийских быков и тысяча двести баранов. По вашему приказанию все это двинется в Пизу. Хотите посмотреть, как это произойдет?..

Ванна. Да.

Принчивалле. Подойдите к выходу.

Принчивалле отодвигает ковер, отдает приказ и делает знак рукой. Сильный, но глухой шум. Колеблются огни факелов, щелкают бичи. Возы трогаются с места, быки ревут, бараны блеют, слышен топот копыт, Ванна и Принчивалле, стоя у входа в палатку, смотрят, как бесконечный обоз уходит при свете факелов в звездную ночь.

Сегодня благодаря вам Пиза уже не будет голодать. Она вновь превратится в грозную силу. Завтра же она будет восторженно славить победу, на которую никто из вас не надеялся... Вы удовлетворены?..

Ванна. Да.

Принчивалле. Закроем вход в палатку. Дайте мне вашу руку. Вечер теплый, однако ночь обещает быть холодной. Вы явились ко мне без оружия и без яда?..

Ванна. На мне сандалии и плащ. Снимите с меня все, если боитесь подвоха.

Принчивалле. Я боюсь не за себя, а за вас...

Ванна. Спасение моих сограждан для меня выше всего...

Принчивалле. Прекрасно! Вы правы... А теперь — отдохните... Это ложе воина: оно сурово и жестко, оно узко, как гроб, оно недостойно вас... Прилягте на шкуры баранов и зубров — они ощутят впервые всю нежность, всю красоту женского тела... Положите под голову то, что помягче... Хотя бы вот этот рысий мех, который я после одной победы получил в подарок от вождя африканского племени...

Ванна, плотно закутавшись в плащ, садится.

Свет от лампы вам прямо в глаза... Хотите, я ее отодвину?

Ванна. Не надо...

Принчивалле *(становится на колени и берет Ванну за руку)*. Джованна!

Ванна выпрямляется и смотрит на него с изумлением.

Ванна! Ванна! Я привык вас называть по имени... И что же? Сейчас едва я не лишился чувств... Уже давно томится ваше имя, томится, словно узник, в этом сердце, и, не разрушив стен своей тюрьмы, ему уже не вырваться на волю... Джованны имя с сердцем Принчивалле слились, срослись, они неотделимы. В нем что ни звук, то часть моей души, и с каждым звуком имени «Джованна» душа как будто расстается с телом... Да, имя ваше стало мне родным, я выговаривал его без страха, как слово чародейное любви, твержу его вседневно и всечасно, почтительно, и ласково, и страстно, но звуки эти к вам не донеслись, и вы ни разу не отозвались... Мои невольно складывались губы, как требует его произнесенье, и я мечту в душе своей лелеял — при встрече с вами так самозабвенно, с таким смиреньем вымолвить его, чтоб вам передалась, чтоб вам открылась тоска, и боль, и вся любовь моя... И вот вы здесь, а слово уж не

то — в нем нет волшебной власти заклинанья... Когда оно из уст моих исходит, то я его уже не узнаю: его напев рыданья приглушают, и ужасом черты искажены... Я все вложил в него: восторг, волненье,— вот почему мне силы изменяют, вот почему слабеет голос...

Ванна. Кто вы?

Принчивалле. Как? Вы меня, Джованна, не узнали?.. О времени стремительный поток!.. Он так жесток — он чудеса смывает!.. А впрочем, лучше, что они забыты: не будет ни надежд, ни сожалений... Ведь я для вас ничто... Я — человек, который на мгновенье увидел свою мечту заветную, цель жизни... Я не прошу вас ни о чем, я даже не знаю сам, о чем мне вас просить... Я лишь хочу, чтоб вы уразумели, чем для меня вы прежде были, Ванна, и чем пребудете, пока я жив...

Ванна. Вы знаете меня?.. Кто вы такой?..

Принчивалле. Вы никогда не видели того, кто в этот миг вас обнимает взором, каким глядят на радость бытия не наяву, но в чудном сновиденье... каким не чаял я на вас глядеть?..

Ванна. Не помню я...

Принчивалле. Увы! Я так и знал... Вам было восемь лет, а мне — двенадцать, когда я вас впервые встретил...

Ванна. Где?

Принчивалле. В Венеции, в июне, в воскресенье... Отец мой — ювелир. Как раз в тот день жемчужное принес он ожерелье для вашей матери. Я в сад ушел — и вдруг у мраморного водоема среди тенистых миртовых деревьев увидел вас: вы плакали навзрыд — нечаянно вы уронили в воду колечко золотое... И тогда я, не рассуждая, прыгнул в водоем, едва не утонул, достал кольцо и вам его надел на палец... Вы от радости меня поцеловали...

Ванна. Да, да... Джанелло, белокурый мальчик... Так ты — Джанелло?..

Принчивалле. Да.

Ванна. Кто б вас узнал?.. Тем более что на лице повязка... Одни глаза я вижу...

Принчивалле *(сдвигает повязку)*. Ну, а так?..

Ванна. Пожалуй... Та же детская улыбка... Вас тоже ранили?.. Лицо в крови...

Принчивалле. Я — что!.. Вот вы безвинно пострадали...

Ванна. Позвольте, я поправлю вам повязку... *(Перевязывает ему рану.)* Ну что? Так лучше? Правда? Я привыкла ухаживать за ранеными... Да, я помню сад, гранаты, розы, лавры...

Мы с вами днем любили там играть, когда песок от солнца раскален...

Принчивалле. Я насчитал всего двенадцать встреч... Могу напомнить, что̀ вы говорили, могу все наши игры перечислить...

Ванна. Я к вам тогда успела привязаться... Какой вы были ласковый и тихий!.. Ну прямо девочка!.. А на меня смотрели вы с каким-то обожаньем: так смотрит паж на юную принцессу... Однажды вас я прождала напрасно...

Принчивалле. Отец мой в Африку меня увез... Мы долго с ним в пустынях там блуждали... К кому я только в плен не попадал!.. К арабам, к туркам, наконец — к испанцам!.. Когда же я в Венецию вернулся, узнал я, что скончалась ваша мать... Ваш сад заглох... И вас, моя Джованна, я из виду сначала потерял... И вновь нашел: неизгладимый след повсюду оставляет ваша прелесть...

Ванна. Сегодня вы меня узнали сразу?..

Принчивалле. О, если бы вошли в мою палатку одновременно десять тысяч женщин, одетых в одинаковый наряд, равно прекрасных, как родные сестры, которых мать не в силах различить, я и тогда не мог бы ошибиться — я тотчас же сказал бы: «Вот она!..» Не правда ль, странно, что любимый облик живет в душе такою полной жизнью?.. В моей душе ваш облик изменялся, как изменялся он на самом деле. Вчерашний облик вытеснялся новым... Он расцветал, он хорошел, и годы его, словно растущего младенца, дарами всеми щедро осыпали... Когда же вы предстали предо мной, меня как будто зренье обмануло... Я думал, что мои воспоминанья прекрасны и верны, но тут я понял, как робки и медлительны они... Они боялись вам придать тот блеск, который ослепил меня мгновенно... Я был похож сейчас на человека, который в пасмурный, туманный день цветок увидел, проходя по саду, увидел и запомнил, а потом увидел в поле под лучами солнца таких цветов ковер живой, безбрежный... Я узнаю и волосы, и лоб, и милых глаз все то же выраженье, но ваша нынешняя красота затмила ту, что я изо дня в день, из года в год накапливал безмолвно... И вереница дней моих и лет во мраке непроглядном озарялась медлительным моим воспоминаньем, а жизнь давно обогнала его!..

Ванна. Разлука странным обладает свойством — приукрашать, расцвечивать любовь...

Принчивалле. Мы часто, истине наперекор, клянемся, будто любим мы впервые... Но нет! Мы равнодушие свое, свое

мы вожделенье облекаем торжественно в святые ризы скорби, а эти ризы мы берем у тех, кто создан для единственной любви... Когда же кто-нибудь из них прибегнет к словам, которые, в устах счастливцев звуча приятною для слуха ложью, давно утратили от повторенья свое значенье, силу, яркость, свежесть, и в них захочет выразить всю правду, глубокую, мучительную правду, ту правду, что ему сгубила жизнь,— священные, печальные слова избраннице до сердца не доходят: она непредумышленно, невольно им придает игривый, пошлый смысл...

Ванна. Нет, я любовь такую понимаю: в начале жизни все мы ждем ее, потом она с годами угасает, хотя ведь мне не так уж много лет... Но что же все-таки произошло, когда, вернувшись в Венецию, вы напали на мой след?.. Почему вы не искали встречи с той, которую вы так любили?..

Принчивалле. В Венеции я узнал, что ваша мать перед смертью разорилась, что вы вышли замуж за одного тосканского вельможу, самого могущественного и самого богатого человека во всей Пизе, что он на вас молится и окружает вас царской роскошью... Я же мог вам предложить бездомную нищету искателя приключений, у которого нет ни родины, ни крова... Мне казалось, что сама судьба требует от моей любви этой жертвы... Я несколько раз подходил к Пизе и останавливался у городских ворот — я жаждал видеть вас и в то же время боялся спугнуть ваше счастье... Я стал наемным полководцем, участвовал в нескольких войнах, мое имя приобрело известность... Я жил сегодняшним днем, уже ни на что не надеясь, как вдруг Флоренция послала меня воевать с Пизой...

Ванна. Как нерешительны в любви мужчины!.. Не обольщайтесь: я вас не люблю... И вместе с тем сама душа любви во мне мятется, ропщет, негодует, когда подумаю, что человеку, так пламенно любившему меня, как я сама его любить могла бы, вдруг недостало смелости в любви!..

Принчивалле. О нет, я трусом не был никогда!.. И вы не представляете себе, как дерзко, смело я бежал из плена... Но было поздно...

Ванна. Никогда не поздно единственную высказать любовь... Любовь преодолеет все преграды. Когда ей нечего уж больше ждать, надеждою она еще живет, но и утратив всякую надежду, последние усилья напрягает... О, если б я любила так, как вы!.. На все, на все тогда бы я решилась,— и не без боя отнял бы надежду коварный, злобный случай у меня... Я устремилась бы за ним в погоню... «С дороги прочь!..» — сказала б

я судьбе... И камни приняли б во мне участье, и мой любимый, обо мне услышав, все за собою сжег бы корабли!..

Принчивалле *(хочет взять ее за руку)*. Так ты его не любишь, нет?

Ванна. Кого?

Принчивалле. Не любишь Гвидо?..

Ванна *(отдергивает руку)*. Не держите руку... Я выскажусь яснее. Когда Гвидо сделал мне предложение, я была одинока, мне грозила нищета. Одинокая бедная женщина, в особенности если она красива и если она не падка на тонкую лесть, очень скоро становится жертвой многообразной клеветы... Гвидо пренебрег этой клеветой — он в меня поверил и этим привлек к себе. И я с ним счастлива, насколько может быть счастлив человек, отказавшийся от безрассудных мечтаний, которые никогда не сбываются на этом свете... С течением времени и вы уверитесь — я в этом почти убеждена,— что можно быть счастливым, и не проводя все дни в ожидании какого-то особенного, неведомого счастья... Я люблю Гвидо не такой необычайной любовью, какою будто бы любите меня вы, но зато, конечно, более ровной, верной и постоянной... Она даровала мне самой судьбой. Я не была слепа, когда принимала этот дар, но другой любви мое сердце не знало. Быть может, кто-нибудь и разобьет наше счастье, только не я... Вы меня не так поняли. Когда я пыталась объяснить вам вашу ошибку, то делала я это не ради вас и не ради нас обоих — я говорила от имени любви, которую сердце предчувствует на заре жизни; мне кажется, что такая любовь существует на свете, но только она не похожа ни на мою любовь, ни на вашу, ибо вы не совершили подвигов, которых такое чувство требует от человека...

Принчивалле. Вы слишком строго меня судите, Ванна, вы не знаете, что́ я испытал и что́ я совершил для того, чтобы настало наконец счастливое это мгновенье, которое всякого другого влюбленного привело бы в отчаяние... Но пусть я даже ничего не совершил, ничего не предпринял ради такой любви,— все равно я знаю, что она существует, ибо я ее жертва, ибо она у меня в груди, ибо она составляет смысл всей моей жизни, ибо из-за нее я охладел ко всем земным почестям и утехам... С тех пор, как она завладела мной, каждый мой шаг, каждое мое движение подчинены единой цели: хотя бы на миг приблизиться к вам и, ничем вам не повредив, попытать счастья... О, верьте мне, Ванна! Я знаю, что в конце концов вы мне поверите: ведь мы охотно верим тем, кто ни на что не надеется и ни о чем не просит... Вы у меня в палатке и вся в моей

власти... Мне стоит сказать слово, простереть руки — и я овладею всем, чем обладает самая обыкновенная любовь... Но вы знаете не хуже меня, что любовь, о которой я говорю, нуждается в ином. Поэтому я прошу вас не сомневаться в ней... Я дотронулся до вашей руки, так как полагал, что вы мне верите, но я больше не коснусь ее ни пальцами, ни устами, лишь бы, Ванна, расставаясь со мной навсегда, вы убедились, что я любил вас именно такой любовью и что остановился я только перед невозможным!..

В а н н а. Именно потому что для нее есть что-то невозможное, я надеюсь, что еще могу в ней сомневаться... Не думайте, что я была бы в восторге, если бы вы преодолели невероятные препятствия; не думайте, что я жажду подвергнуть вас сверхъестественным испытаниям... Про одну даму в Пизе рассказывают, будто она бросила перчатку в львиный ров и попросила своего возлюбленного достать ее. При нем не было другого оружия, кроме хлыста. Однако он спустился в ров, отогнал зверей, поднял перчатку и, преклонив колена, отдал ее своей даме, а затем, ни слова не говоря, удалился, и только она его и видела... Так вот, я нахожу, что он слишком мягко с ней обошелся. При нем был хлыст, и с его помощью ему надлежало дать этой женщине, позволившей себе издеваться над божественным чувством, точное и наглядное представление о правах и обязанностях истинной любви... В такого рода доказательствах я не нуждаюсь — я испытываю потребность только в вере... Но для вашего же и для моего блага я бы хотела сомневаться... В такой необыкновенной любви, как ваша, есть нечто священное, способное встревожить женщину самую холодную и добродетельную... Вот почему я со всех сторон рассматриваю каждый ваш поступок. И, в сущности, я была бы счастлива убедиться, что ни одно ваше деяние не отмечено великой печатью роковой и почти всегда злополучной страсти... Я думаю, что мне легко было бы в этом удостовериться, если б не ваш последний шаг, когда вы безрассудно бросили в бездну свое прошлое, будущее, славу, жизнь — все, что у вас было, только для того, чтобы я на несколько часов явилась к вам сюда: в любви ко мне, пожалуй, вы и точно не ошиблись...

П р и н ч и в а л л е. Этот последний шаг как раз ничего не доказывает...

В а н н а. Что?..

П р и н ч и в а л л е. Я открою вам всю правду... Вызвав вас сюда и пообещав спасти за это Пизу, я ничем решительно не пожертвовал...

Ванна. Я вас не совсем понимаю... Разве вы не изменили родине? Не поставили крест на своем прошлом? Не погубили своего будущего? Не обрекли себя на изгнание, а может быть, даже на смерть?..

Принчивалле. Начнем с того, что родины у меня нет... Будь у меня родина, я бы ей не изменил ради самой пламенной любви... Но ведь я всего лишь наемник, а наемник верен до тех пор, пока верны ему; когда же его предают, то предает и он... Я оклеветан флорентийскими комиссарами и без суда осужден республикой купцов, нравы которых вы знаете не хуже меня. Мне грозила гибель. Сегодняшний же мой поступок меня не погубит, а скорее спасет, если только меня еще что-нибудь может спасти...

Ванна. Итак, вы пожертвовали для меня немногим?

Принчивалле. Ничем. Я обязан был вам об этом сказать... Ценою лжи купить хотя бы одну вашу улыбку — на это я не способен...

Ванна. Браво, Джанелло! Это выше всякой любви, выше самых благородных ее проявлений... Я больше не стану прятать от тебя свою руку. Вот она...

Принчивалле. О, если бы ее любовь завоевала!.. А впрочем, все равно!.. Она моя, Джованна, я держу ее в своих руках, любуюсь перламутровым отливом ее кожи, чувствую в ней биение жизни, упиваюсь сладостною мечтою. Я ощущаю свежесть ее и тепло, я сжимаю ее, отпускаю, а она как будто бы мне отвечает на волшебном, таинственном языке всех влюбленных. Я покрываю ее поцелуями, и ты не отнимаешь ее у меня... Прощаешь ли ты мне жестокость испытанья?..

Ванна. Я точно так же поступила бы на твоем месте...

Принчивалле. А когда ты дала согласие прийти ко мне, ты знала, кто я?..

Ванна. Этого никто не знал... О флорентийском военачальнике ходили странные слухи... Одни говорили, что ты безобразный старик, другие — что ты юный прекрасный принц...

Принчивалле. Отец Гвидо, Марко, видел меня,— разве он тебе ничего не сказал?..

Ванна. Нет.

Принчивалле. А ты его не расспрашивала?..

Ванна. Нет.

Принчивалле. Когда же, беззащитная, во мраке ты шла одна и думала о том, что некий варвар ждет тебя в шатре,— ужели ты всем телом не дрожала, не замирало сердце у тебя?..

Ванна. Я знала, что должна идти...

Принчивалле. А после, меня увидев, не поколебалась?..

Ванна. Лицо твое повязка закрывала...

Принчивалле. Ну, а потом, когда я снял повязку?..

Ванна. Тогда уже тебя я не боялась... Ну, а когда вошла я в твой шатер, ужели ты и правда, Принчивалле, воспользовался бы моей бедой?..

Принчивалле. Да я и сам не знал, как поступлю!.. Казалось мне: лечу стремглав я в бездну, и всех увлечь хотел я за собой... Тебя я и любил и ненавидел... Когда б другую женщину я ждал, я бы свое намеренье исполнил... Я воспылал бы мщением и злобой... Мне стоит лишь напрячь воображенье — и тотчас все плывет перед глазами... И если б даже ты, моя Джованна, вдруг перестала быть самой собой, не то сказала слово иль не то движенье вырвалось бы у тебя, то с цепи сорвался бы хищный зверь... Но ты вошла — и зверь был укрощен...

Ванна. Да, укрощен, мне это стало ясно, едва переступила я порог. И страх меня покинул... Как ни странно, без слов мы поняли друг друга... Я бы, наверно, точно так же поступила, когда бы я любила так, как ты... Минутами мне кажется, что это ты слушаешь признания мои...

Принчивалле. И я тотчас же ощутил, о Ванна, как вдруг прозрачной сделалась стена, что разделяла нас. Я погружал свой взор как будто бы в прохладу волн, и выходил он из воды, пронизан лучами прямодушья и доверья... Казалось мне, что люди изменились, что я до сей поры в них ошибался... А главное, я изменился сам. Как будто неожиданно я вышел из долговременного заключенья, как будто бы все двери распахнулись, и рухнули решетки под напором цветов и листьев, и распались камни, и неоглядная открылась даль, и в душу хлынул чистый воздух утра, овеяв, опахнув мою любовь...

Ванна. Во мне разительная перемена с тобой одновременно происходит... Я от природы очень молчалива... Я до тебя так говорила с Марко, и то, пожалуй, не совсем... К тому же он погружен в свои мечты и думы, и наши с ним беседы крайне редки... Во взгляде у других сквозит желанье; оно печать кладет мне на уста и не дает проникнуть в глубь души. Желанье и в твоих глазах сквозит, но не отталкивает, не пугает... Еще не вспомнив про былые встречи, уже чутьем догадывалась я, что мы с тобой знакомы с давних пор...

Метерлинк. «Синяя птица»

Принчивалле. Джованна! Полюбила б ты меня, когда бы вовремя я возвратился?

Ванна. Мой утвердительный ответ, Джанелло, не значит ли, что я люблю сейчас? Но ты же знаешь: это невозможно... Твоя палатка — это как бы остров необитаемый... Будь я одна, тогда другое дело. Нас с тобой улыбчивые грезы о былом так увлекли, что мы совсем забыли, как мучается, как страдает третий... В моих ушах — упавший голос Гвидо, я вижу бледное его лицо... Я не могу здесь больше оставаться... Встает заря... Скорей!.. Но чу! Шаги! Дотронулся до стен палатки кто-то... Не мы, а случай сжалился над Гвидо... У входа шепчутся... Что это значит?..

Слышен шепот и торопливые шаги вокруг палатки. Затем раздается голос Ведио.

Ведио *(за сценой)*. Господин начальник!

Принчивалле. Это голос Ведио!.. Войди!.. Что случилось?..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Ведио.

Ведио *(у входа в палатку)*. Я бежал... Спасайтесь, господин начальник!.. Время не ждет... Мессере Маладура, второй комиссар Флоренции...

Принчивалле. Он был в Биббиене...

Ведио. Он вернулся... С ним шестьсот флорентийцев... Я видел, как они шли сюда... Весь лагерь в волнении... Мессере Маладура привез с собой приказ... Он объявил вас изменником... Он ищет Тривульцио... Боюсь, что он найдет его, прежде чем вы успеете...

Принчивалле. Иди, Ванна!..

Ванна. Куда?

Принчивалле. Ведио и еще два верных человека отведут тебя домой...

Ванна. А ты куда пойдешь?..

Принчивалле. Не знаю... Все равно. Не бойся! Мир велик, убежище найдется...

Ведио. Берегитесь, господин начальник!.. Они обложили город, вся Тоскана наводнена лазутчиками...

Ванна. Пойдем со мной!

Принчивалле. С тобой?..

Ванна. Да.

Принчивалле. Не могу...

Ванна. Хотя бы на несколько дней... Пока угомонятся преследователи...

Принчивалле. А что скажет твой муж?..

Ванна. Он не хуже тебя знает законы гостеприимства...

Принчивалле. А он тебе поверит?..

Ванна. Поверит... А если бы не поверил... Нет, этого не может быть... Пойдем!..

Принчивалле. Нет.

Ванна. Но почему?.. Чего ты боишься?..

Принчивалле. Я боюсь за тебя...

Ванна. Одна я возвращусь или с тобой — мне это одинаково опасно... Я за тебя боюсь... Ты Пизу спас, теперь она спасти тебя должна... Ты под моей охраною пойдешь... Я за тебя в ответе...

Принчивалле. Ну, идем!..

Ванна. Свою любовь ко мне ты доказал!..

Принчивалле. А рана как твоя?..

Ванна. Твоя — опасней...

Принчивалле. Не беспокойся — мне не привыкать... А вот твоя!.. Посмотрим... Кровь как будто... *(Хочет распахнуть ее плащ.)*

Ванна *(отводит его руку и еще плотнее запахивает на груди плащ)*. Нет, нет, Джанелло!.. Ведь мы с тобой уже не враги... Мне холодно...

Принчивалле. Ах, я и забыл, что ты почти раздета, и я же, варвар, этого потребовал!.. В этих сундуках я сберег для тебя военную добычу... Вот шитые золотом платья, вот парчовые мантии...

Ванна *(берет первое попавшееся покрывало и закутывается)*. Больше мне ничего не надо... Мне только бы спасти тебя... Отдерни ковер...

Принчивалле, за которым идет Ванна, отдергивает ковер. Смутный гул, покрываемый далеким радостным звоном колоколов, внезапно наполняет ночную тишину. Вдали видна ярко освещенная праздничными огнями Пиза, над которой в еще темном небе стоит широко раскинувшееся зарево.

Принчивалле. Джованна!.. Посмотри!..

Ванна. Джанелло, что это?.. А, понимаю!.. То Пиза в твою честь зажгла огни... В огнях все стены, и сияют башни, со звездами успешно соревнуясь, и факелом пылает колокольня, и укрепленья пламенем объяты!.. От освещенных улиц в небесах

дороги световые протянулись!.. Гляжу я в вышину и ясно вижу знакомых улиц тесный лабиринт, как видела я их, когда ступала еще вчера по плитам мостовой!.. Вот площадь и светящийся собор, вот кладбище — как будто остров мрака... Казалось, город мертв, а ныне жизнь торопится вступить в свои права: горит на шпилях, на камнях сверкает, переплеснула городскую стену и залила окрестные поля, идет навстречу к нам, манит к себе... Прислушайся! Ужели ты не слышишь и голосов бушующее море, и радостный трезвон колоколов, как будто я опять венчаюсь в храме?.. Я счастлива, я счастлива вдвойне: всем этим торжеством и ликованьем всецело я обязана тебе, а я вполне уверилась сегодня: никто меня так не любил, как ты!.. Джанелло, подойди!.. Вот это будет мой первый и последний поцелуй... *(Целует его в лоб.)*

Принчивалле. О, на такой, Джованна, поцелуй моя любовь надеяться не смела!.. Но что с тобой?.. Шатаешься, бледнеешь... Ты на мое плечо скорей склонись, обвей руками шею...

Ванна. Ничего... Так, небольшое головокруженье... Идем... Я понадеялась напрасно на силы слабые свои... А ты меня держи покрепче... За всю жизнь то первые счастливые шаги... Как хорошо, когда заря встает!.. Но медлить нечего, скорее в путь!.. Иначе к празднику мы опоздаем...

Принчивалле и Ванна уходят обнявшись.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Парадная зала во дворце Гвидо. Высокие окна, мраморные колонны, портики, драпировки и т. д. Налево, на заднем плане, широкая терраса; на ее балюстраде большие вазы с цветами; снаружи к ней с двух сторон ведет лестница. В середине залы между колоннами видны широкие мраморные ступени, ведущие на ту же террасу. С террасы открывается вид на город.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гвидо, Марко, Борсо и Торелло.

Гвидо. Я поступил так, как она хотела, так, как хотели вы и весь народ. Пришла пора мою исполнить волю. Я спрятался, я затаил дыханье — так робкий прячется хозяин, видя, что в дом к нему забрались лиходеи... Но я был честен в самом униженье!..

Я добросовестным стал торгашом... Смотрите: рассвело... Я до сих пор стоял как вкопанный, не шевелясь... Я взвешивал свое бесчестье... Я позорной сделки выполнил условья, за все припасы уплатил сполна... Не потерпел убытку покупатель: он этой выторгованною ночью сумел воспользоваться до конца... И то сказать: недорого он взял за овощи, за мясо и за хлеб!.. Теперь вы сыты, я же вновь свободен, я вновь повелеваю, я избавлюсь от своего позора наконец...

Марко. Сын мой! Твой замысел мне неизвестен. Твою рану никто бередить не вправе, и никто не в силах эту рану уврачевать... Из твоего горя выросла радость, веселье кипит повсюду, куда ты ни кинешь взор, но от этого твои первые слезы будут особенно жгучи... Теперь, когда город спасен, мы готовы отказаться от такого спасенья, которое так дорого тебе обошлось... Ты принял на себя всю тяжесть удара; мы сознаем, что это несправедливо, и почтительно склоняемся перед тобой... Однако, если б сызнова все начать, я бы действовал так же, я бы те же наметил жертвы, я бы то же неправое дело свершил, ибо, к несчастью, человек, желающий быть справедливым, между несколькими несправедливостями всю жизнь выбирать принужден... Не знаю, с какими словами к тебе обратиться, но если мой голос, который ты прежде любил, в последний раз до твоего сердца дойдет — а сердце твое всегда внимало ему,— я бы стал умолять тебя, сын мой, не поддаваться первым порывам отчаянья, гнева... Пусть пройдут опасные эти мгновенья, когда у человека невольно вырываются злые слова,— потом он и рад бы взять их обратно, но уже поздно... Ванна вернется... Не суди ее нынче и не отталкивай, непоправимых поступков не совершай... Все, что мы делаем, все, что мы говорим в исступленье, так непоправимо жестоко!.. Ванна вернется подавленная, но и счастливая... Не упрекай же ее ни в чем!.. Если ты не в силах говорить с нею так, как будто после ее возвращенья прошло уже несколько дней, постарайся не видеться с нею... Мы — жалкие существа, нами играют тайные мощные силы, нас какие-нибудь два-три часа могут смягчить, умудрить и исправить. Только те слова что-нибудь весят (о, если бы человек предугадывал их, когда он не помнит себя от душевной боли!), только те, которые он произносит, все поняв, все простив и вновь полюбив...

Гвидо. Ты все сказал?.. Довольно! Сладкими речами меня не проймешь!.. Я дал тебе высказаться в последний раз — мне хотелось уяснить себе, что́ твоя мудрость даст мне взамен жизни, которую она же и разбила... Так вот что она мне предлагает! Ждать, терпеть, принять, забыть, простить и слезу пролить!.. Ну

нет, мне этого мало!.. К славе мудреца я равнодушен... Чтобы избыть свой позор, мне нужны не слова!.. Я поступлю очень просто. Несколько лет назад ты бы сам мне это посоветовал. Чужой человек овладел Джованной; пока он существует, Джованна мне не принадлежит. Я живу не по тем правилам, которым подчиняются глаголы и прилагательные. Я руководствуюсь великим законом, и этот закон признают все люди, у которых сердце еще не устало биться... Мои сограждане теперь сыты, им есть чем защищаться, и я имею право потребовать свою долю. С этого дня солдаты вновь поступают в мое распоряжение — по крайней мере, лучшие из них, те, кого я сам завербовал и содержал. У города я ничего не отнимаю — я беру обратно то, что принадлежит мне. Мои солдаты возвратятся в город только после того, как исполнят мой приказ... Теперь — о Джованне... Я ей прощаю... вернее, я ей прощу все, когда его уже не будет в живых... Ее оплели. Это было чудовищное, но вместе с тем героическое заблуждение... Вы подло злоупотребили ее отзывчивостью и великодушием... Забыть окончательно ее проступок, пожалуй, нельзя, но он может так далеко уйти в прошлое, что его сама ревность не разыщет... Но среди нас находится человек, на которого я не смогу смотреть без стыда и ужаса... У него было единственное назначение — охранять и покоить большое и чистое счастье... Он же ему позавидовал, он это счастье разбил... И сейчас на ваших глазах произойдет нечто ужасное, но справедливое: на ваших глазах, потрясая основы всего мирозданья, сын осуждает, сын проклинает родного отца, сын от него отрекается, сын его изгоняет, сын презирает и ненавидит его!..

Марко. Сын, проклинай меня, но Джованну прости!.. Если доблестный подвиг, спасший столько жизней, простить, на твой взгляд, нельзя, то вина вся на мне, доблесть проявили другие... Мой совет был хорош, но советовать было легко, раз я сам ничем не пожертвовал... Сейчас, когда у меня отнимают то, что мне дороже всего, мой совет представляется мне еще более мудрым, чем прежде... Ты по совести рассудил, и я рассудил бы так же, если бы был помоложе... Дитя мое, я ухожу, и ты больше меня не увидишь. Ты меня видеть спокойно не можешь. Но я надеюсь, оставаясь невидимым, когда-нибудь снова увидеть тебя... И коль скоро я ухожу, не смея надеяться, что доживу до того мгновенья, когда ты мне все простишь,— а я прожил долгую жизнь и знаю по опыту, что в твоем возрасте люди прощают друг другу с трудом,— коль скоро жребий мой незавиден, то пусть я уйду с сознаньем, что я уношу с собой всю ненависть, злобу, всю жестокую память твоей души, чтобы ты ничего не таил против той,

кто сейчас в эту залу войдет... И еще у меня к тебе просьба: я хочу посмотреть, как Джованна кинется в объятья твои... А затем я уйду — без упреков, без жалоб... Самый старший должен взвалить себе на плечи всю тяжесть, какую он в силах нести: ведь ему остается пройти каких-нибудь два шага — и эту тяжелую ношу сбросят с него навсегда...

Уже при последних словах Марко снаружи доносится слитный и мощный гул. В тишине, воцаряющейся на сцене, слышно, как шум растет, близится, становится внятнее. Сначала это был ропот ожидания, затем — далекие крики движущейся толпы. Немного погодя в глухом многоголосом шуме можно уже явственно различить тысячекратно повторяемые восклицания: «Ванна! Ванна!», «Наша Монна Ванна!..», «Слава Монне Ванне!..», «Ванна! Ванна! Ванна!..» и т. д. и т. д.

(Бросается на террасу.) Да, это Ванна!.. Она идет!.. Она пришла!.. Толпа приветствует ее, приветствует ее! Вы слышите приветственные клики?..

Борсо и Торелло идут за ним на террасу. Гвидо остается один; прислонившись к колонне, он смотрит вдаль. В продолжение последующей сцены крики становятся все громче и громче и стремительно приближаются.

(На террасе.) Улицы, площадь, деревья и окна — всюду, куда ни посмотришь, народ... Машут руками, глядят неотрывно... Камни, листья и кровли преобразились в людей... Но где же Джованна?.. Я только облако вижу, оно то рассеивается, то надвигается!.. Борсо! Мое слабое зренье изменяет моей любви... Старость, слезы, тревога мне застилают глаза... Они лишь одно существо ищут в огромной толпе, ищут — и не находят... Где она?.. Ты ее видишь? Куда мне идти к ней навстречу?..

Борсо *(удерживает его)*. Нет, нет, не ходите!.. В толпе не проберешься. Народ валом валит... Давят женщин, детей... Да и к чему? Ванна сама скоро здесь будет... Вот она, вот она!.. Подняла голову, заметила нас... Ускоряет шаги, смотрит и улыбается...

Марко. Вы видите ее, а я не вижу!.. О мертвые мои глаза!.. Впервые я проклинаю немощную старость... Она так много мне открыла, ныне ж лицо Джованны скрыла от меня... Вам, Борсо, хорошо видна Джованна?.. Какое выраженье у нее?

Борсо. Она возвращается с великою славой... Она как бы озаряет толпу...

Торелло. А что за человек идет с Джованной рядом?..

Борсо. Не знаю... Он мне незнаком... Лицо его скрывает повязка...

Марко. Прислушайтесь к крикам восторга... Дворец весь дрожит, сыплется дождь лепестков, колышется мраморный пол,

из-под ног ступени уходят, бешеный вихрь ликованья нас от земли оторвет... Я прозреваю!.. Толпа у решетки... Толпа расступилась...

Борсо. Да, толпа раздалась, и Джованна проходит между двумя живыми стенами — стенами славы, любви... К ногам Джованны бросают драгоценности, пальмовые ветви, цветы... Матери протягивают ей младенцев, чтобы она их коснулась, мужчины падают ниц и целуют камни, по которым она ступает... Берегитесь!.. Они приближаются... Они не владеют собой... Если они взберутся по лестнице, мы будем смяты, растоптаны... К счастью, со всех сторон сбегается стража и преграждает дорогу толпе... Я прикажу оттеснить народ и, если еще не поздно, запереть сейчас же ворота...

Марко. Нет, нет! Пусть и в этом дворце расцветает веселье, как расцвело оно в сердце народа!.. Любовь народа безмерна, безбрежна, ей нужен простор, так пусть же она все преграды сметет!.. Народ столько вынес, теперь он спасен, так пусть же радость его выйдет из берегов!.. О мой бедный, мой добрый народ!.. Я вместе с тобою готов кричать во весь голос!.. О Ванна! О Ванна!.. Тебя ли я вижу?.. *(Бросается навстречу к Ванне.)*

Борсо и Торелло удерживают его.

Скорей, скорей поднимайся!.. Они меня не пускают... Они боятся веселья!.. Скорей, скорей поднимайся! Ты прекрасней Юдифи и непорочней Лукреции!.. Скорей, скорей поднимайся! Иди по цветам! *(Подбегает к мраморным вазам, рвет обеими руками цветы и усыпает ими лестницу.)* И у меня есть цветы, чтобы приветствовать жизнь!.. И у меня есть лавры, лилии, розы, чтоб увенчать ими славу!

Исступленный рев толпы. На террасе появляется Ванна вместе с Принчивалле. Она бросается в объятия Марко, который стоит на нижней ступени внутренней лестницы. Толпа затопляет лестницу, террасу, галереи, но все же держится на почтительном расстоянии от группы, образуемой Ванной, Принчивалле, Марко, Борсо и Торелло.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Принчивалле и Ванна.

Ванна *(в объятиях Марко)*. Я счастлива, отец...

Марко *(сжимает ее в объятиях)*. Я тоже счастлив, что снова вижу дочь!.. Сквозь поцелуи дай наглядеться на тебя,

Джованна!.. Ты вся сияешь — ты как будто с неба явилась к нам, и небо торжествует и славит возвращение твое!.. Ни одного луча в твоих глазах заклятому, проклятому врагу не удалось, как видно, погасить; он с уст твоих улыбки не согнал...

Ванна. Я все тебе скажу... Но где же Гвидо?.. Сейчас ему на сердце станет легче...

Марко. Поди к нему — он тут... Меня он гонит, и, может быть, по-своему он прав. Тебе ж простит он благородный грех. Приди скорей к нему в объятья, Ванна! Мой взгляд последний пусть запечатлеет воскресшую в сердцах у вас любовь!..

Гвидо идет навстречу к Ванне. Ванна хочет с ним заговорить, хочет кинуться к нему в объятия, но Гвидо резким движением останавливает и отталкивает ее.

Гвидо *(обращаясь к окружающим, отрывисто, резко и властно)*. Оставьте нас!

Ванна. Нет, нет, не уходите!.. Ведь ты же ничего не знаешь, Гвидо!.. Сейчас я расскажу тебе и всем... Я непорочною к тебе вернулась, меня никто не вправе упрекнуть...

Гвидо *(прерывает ее, отталкивает и в порыве ярости возвышает голос)*. Не подходи, не прикасайся ко мне!.. *(Наступая на толпу, которая начала было наполнять залу, но теперь подается назад.)* Вы слышали?.. Я прошу вас удалиться и оставить нас одних. Я здесь такой же господин, как вы у себя. Борсо и Торелло, позовите стражу! А, я вас понял!.. После пира вам непременно нужно зрелище!.. Но на зрелище я вас не позову — оно не для вас, вы его недостойны...У вас есть и вино и мясо. Я заплатил за всех, чего же вам еще?.. А я прошу об одном: оставьте мне мое горе,— кажется, небольшое одолжение... Ступайте есть и пить, а мне не до пиров!.. Идите! Все равно вам слез моих не видеть!.. Без промедления!..

Безмолвное движение в толпе, после чего она постепенно начинает расходиться.

Прочь, прочь, вам говорят!.. *(Хватает за руку отца.)* И ты тоже уходи! Главное, ты уходи! Прежде всего ты уходи, потому что это твоя вина!.. Ты моих слез не увидишь!.. Я хочу быть один, совершенно один, как в могиле, тогда я наконец пойму все!.. *(Заметив стоящего неподвижно Принчивалле.)* А вы?.. Кто вы такой? Вы стоите, подобно статуе под покрывалом... Кто вы — позор или смерть?.. Разве вы не слышали, что я всех просил удалиться?.. *(Выхватив у стража алебарду.)* Вы ждете, чтобы я вас

ударил?.. Вы беретесь за шпагу?.. Моя шпага при мне, но сейчас я ее не обнажу... Я прибегну к ней при встрече с другим человеком... и только с ним... Но что означает повязка у вас на лице?.. Мне сейчас не до маскарадов... Вы не отвечаете?.. Погодите, я узнаю, кто вы такой... *(Хочет сорвать повязку с лица Принчивалле.)*

Ванна *(становится между ним и Принчивалле и отводит его руку)*. Не трогай его!..

Гвидо *(в изумлении)*. Это ты, Ванна?.. Откуда у тебя сила взялась?..

Ванна. Этот человек — мой спаситель...

Гвидо. А, он тебя спас!.. Спас уже после... когда уже было поздно... Что и говорить, благодеяние великое... Но все же лучше...

Ванна *(в сильном волнении)*. Дай же мне наконец сказать, Гвидо!.. Умоляю тебя!.. Ты все поймешь с первого слова... Говорят тебе, он меня спас, он меня пощадил, он меня оберег... Он не тронул меня... Сюда он пришел под моею охраной... Я дала ему слово за себя, за тебя — за нас обоих... Возьми себя в руки... Не прерывай меня... Он не сказал ни единого слова, он не сделал ни одного движения, которое могло бы...

Гвидо. Но кто ж он? Кто ж он?.. Кто ж он?..

Ванна. Принчивалле...

Гвидо. Кто?.. Он?.. Вот этот? Это Принчивалле?..

Ванна. Да, он твой гость... Тебе судьбу он вверил... Спаситель наш стоит перед тобой...

Гвидо *(после минутного оцепенения, с нарастающим возбуждением и страстью, не позволяющей Ванне прервать его)*. Ах вот что!.. Джованна!.. На меня словно пала роса с высоты небес!.. О Ванна, о Ванна!.. Ты великая женщина! Я преклоняюсь перед тобой. Я только сейчас тебя понял!.. Да, ты права: если уж это было нам суждено, ты должна была поступить именно так... Твоя хитрость оказалась сильнее его злодейства... Но разве я мог догадаться, разве я мог предвидеть?.. Другая на твоем месте убила бы Принчивалле, как Юдифь Олоферна... Но злодеяние Принчивалле ужасней, чем злодеяние Олоферна, оно влечет за собой жесточайшую кару... Надо было сюда его привести, и тебе это удалось... Надо было провести его сквозь толпу жертв, которые скоро превратятся в его палачей... Какое полное торжество!.. Он проворно, покорно бежал за поцелуями Ванны, как ягненок за веткой в цвету!.. Что стоит поцелуй, отравленный презреньем?.. Теперь он в западне... Джованна, ты права: хуже,

если бы ты умертвила его там, в палатке, когда вы были вдвоем, тотчас после злодейства,— если свидетелей нет, всегда возникают сомненья... О соглашении подлом знали решительно все, пусть же весь город удостоверится ныне, что человеческое достоинство безнаказанно унижать нельзя... Но как же тебе удалось?.. Никогда еще женская честь не одерживала столь блестящей победы!.. Ты им все расскажи!.. *(Выбегает на террасу и громко кричит.)* Принчивалле! Принчивалле!.. Враг пойман!..

Ванна *(бежит за ним и старается удержать его)*. Да нет же, Гвидо, выслушай меня!.. Ты ошибаешься!.. Ты не...

Гвидо *(вырываясь, кричит еще громче)*. Пусти!.. Я хочу, чтобы все узнали... *(Горожанам.)* Теперь вы не только можете, теперь вы должны войти... *(К Марко.)* И ты тоже, отец! Ты выглядываешь из-за перил и следишь за моей судьбой, как бы ожидая, что вот сейчас явится некий бог, уничтожит то зло, которое ты причинил, и водворит мир. Войди же и ты! Мир и впрямь водворился, свершилось великое чудо!.. Пусть даже камни смотрят и слушают!.. Мне нечего больше таиться, позор мой смыт навсегда!.. Я выйду отсюда чище, чем самые чистые, и счастливее тех, кто никогда ничего не терял! Прославьте же все Джованну!.. А я прославлю ее громче всех!.. *(Вталкивает в залу тех, кто теснится на террасе.)* Зрелище все-таки будет!.. Справедливость есть на земле!.. Я это знал, но не думал, что правосудье свершится так скоро!.. Я приготовился долгие, долгие годы выслеживать моего врага!.. Я решил посвятить этой слежке всю свою жизнь, я дал себе слово караулить врага на перекрестках, на узких дорожках, подстерегать его в чаще лесной... И вот правосудье тут, в этой зале, передо мной, перед нами, на этих ступенях!.. Но каким же чудом?.. Сейчас мы узнаем. То чудо свершила Джованна!.. Но раз правосудие здесь, так пусть же оно совершится!.. *(Берет Марко за руку.)* Ты видишь этого человека?..

Марко. Вижу. Кто это?..

Гвидо. А ведь ты его знаешь, ты с ним беседовал, ведь ты же его услужливый посланец...

Принчивалле смотрит в сторону Марко, и тот его узнает.

Марко. Принчивалле!..

Движение в толпе.

Гвидо. Да, это он, он, он, сомненнй нет!.. Ну, подойди, дотронься до него, заговори!.. Быть может, ты опять ему потре-

буешься для услуг?.. Нет, он сейчас уже не в блеске славы, но жалости к нему я не питаю!.. Он отнял у меня, коварный змей, сокровище бесценное мое... И вот сейчас, влекомый правосудьем, влекомый доблестным коварством Ванны, ко мне явился изверг естества за тем единственным вознагражденьем, которое он заслужил вполне... Нет, я не лгал, вам чудо обещая!.. Преодолейте страх и подойдите: теперь он не опасен... Только двери на всякий случай затворите плотно, чтоб новое, враждебное нам чудо не отняло преступника у нас!.. Не трогайте его!.. Мы Принчивалле прибережем для долгих наслаждений... О братья бедные мои, взгляните: вот человек, который вас измучил, который жаждал всех вас истребить, а жен с детьми продать навеки в рабство!.. Да, это он! Он — мой, он — ваш, он — наш!.. Но больше всех меня он истерзал... Джованна привела его сюда, чтоб наше мщенье смыло наш позор!.. *(Обращаясь непосредственно к толпе.)* Так будьте же свидетелями все!.. Моей супруги подвиг беспримерный — дошел ли он до вашего сознанья?.. Вот этот человек владел Джованной. Предотвратить не мог я ничего. Вы продали ее — я подчинился... Что сделано, то сделано, увы! Я никого из вас не проклинаю. Что значу я, что значит мое счастье в сравненье с жизнью целого народа?.. Но вы подумали, как оживить любовь, которую вы умертвили?.. Убили, так сумейте ж возродить!.. За вас все сделала моя Джованна, Лукрецию с Юдифью превзойдя!.. Лукреция покончила с собой, Юдифь же умертвила Олоферна, но обе действовали втихомолку, они избрали слишком легкий путь... Джованна, с ним оставшись с глазу на глаз, в шатре его не стала убивать — она живую жертву привела и отдает народу на закланье... Мы все себя позором запятнали, и смыть его должны мы сообща... Как удалось ей подвиг совершить?.. Она сама об этом вам расскажет...

Ванна. Я расскажу, но только о другом...

Гвидо *(перебивает ее и хочет обнять)*. Дай мне обнять тебя, чтоб все прониклись...

Ванна *(с силой отталкивает его)*. Нет, нет, пусти меня, сейчас не время, а если ты не дашь мне досказать, то никогда меня ты не обнимешь!.. Помешан ты на чести и на счастье, и я о том же буду говорить, но только в более глубоком смысле... Я рада, что вокруг меня народ: быть может, он меня услышит прежде, чем ты приклонишь слух к моим словам; быть может, и поймет меня он прежде, чем ты сумеешь до конца понять... В последний раз: пока ты не узнаешь...

Гвидо *(снова прерывает ее и пытается обнять)*. Узнаю после, а сейчас, сейчас...

Ванна. Я не обманывала никого, но я тебе скажу такую правду, какую люди говорят раз в жизни, способную убить иль воскресить... Прошу тебя, смотри мне прямо в очи: такою ты меня еще не видел. Сейчас меня ты можешь полюбить, как я хочу, чтобы меня любили; сейчас иль никогда — ты слышишь, Гвидо?.. Я полный отдаю себе отчет, как много значил ты в моей судьбе, какое место заняла Джованна в твоей душе... Вот почему, о Гвидо, тебя я призываю в этот миг: поверь в невероятное, поверь!.. Мной этот человек не обладал... Я отдана была ему во власть, он мог со мною сделать что угодно, но он меня не тронул, не коснулся... Я вышла утром из его шатра, какою б вышла от родного брата.

Гвидо. Но почему же он...

Ванна. Он меня любит...

Гвидо. Ах, вот в чем состояло это чудо!.. Я помню: первые твои слова тогда же странными мне показались... Они, как вспышка молнии, мелькнули, и я внимания не обратил... Я думал, что смущение и ужас... Ну что ж, прольем на это «чудо» свет... *(Внезапно успокоившись.)* Итак, хотя, почти совсем нагая, ты провела всю ночь в его шатре, он этим не воспользовался?..

Ванна *(твердо)*. Нет!..

Гвидо. Тебя не обнял он и не коснулся?..

Ванна. Друг друга мы поцеловали в лоб...

Гвидо. В лоб!.. Посмотри на меня, Ванна!.. Ну, похож ли я на человека, который принимает звезды за зерна чемерицы и способен поверить, что, плюнув в колодезь, можно погасить луну?.. Я не хочу губить нас безвозвратно, однако что же у тебя за цель?.. Или то бред ужасной этой ночи? И кто из нас рассудок потерял?..

Ванна. О, то не бред, то истина святая!

Гвидо. Я только истины и добиваюсь, но истины, доступной пониманью!.. Как! Ради обладания тобой неслыханную совершил он подлость: он изменил отечеству, он продал и всех и вся, себя сгубил навеки, он сам себя поставил вне закона, чтоб только ночь с тобою провести! Как! С ним проводишь ты вдвоем всю ночь,— ночь, купленную дорогой ценой,— и он довольствуется поцелуем, смиренным, чистым поцелуем в лоб, идет сюда, чтоб в этом нас уверить?.. О нет! Довольно! Слишком долго он над горем человеческим глумится!.. Положим, он о большем не мечтал — зачем же он измучил весь наш город, заставив ночь такую пережить? Зачем меня он до того довел, что я едва в уме не повредился и постарел на целых десять лет?.. А впрочем, что

же, я — судья пристрастный, пускай другие судят за меня... *(Взывая к толпе.)* Вы слышали все, что сказала Ванна?.. Мне непонятна речь ее... Однако что сказано, то сказано,— судите!.. Она спасла вас, вы должны ей верить!.. Скажите, верите ль вы Монне Ванне?.. Пусть те, кто верит, выступят вперед и вызов бросят разуму... Я жду... Хочу я знать, кто эти смельчаки и что они собою представляют...

В толпе слышится тихий и невнятный ропот. Затем от нее внезапно отделяется Марко.

Марко *(устремляясь на середину сцены)*. Я верю ей!..

Гвидо. Но ты же их сообщник!.. Ну, а другие? Где же те, что верят?.. *(Ванне.)* Взгляни вокруг: ты их спасла, и что же? Они с трудом удерживают смех. И даже ропщущие не дерзают на мой призыв откликнуться... А я, я почему-то должен верить...

Ванна. Должен, затем что, Гвидо, любишь ты меня, они же не обязаны мне верить...

Гвидо. Я должен оставаться в дураках лишь потому, что я тебя люблю?.. Нет, ради бога, выслушай меня!.. Мне голос изменил... Мой гнев утих... Такая мука не проходит даром... Я как-то сразу одряхлел... Из сердца внезапно что-то вытеснило злобу: безумье, старость ли — я сам не знаю... Я ощупью брожу в себе самом, ищу напрасно, где погребены останки счастья моего былого... Последняя надежда так слаба, что ухватиться за нее не смею... Одно лишь слово — и она мертва... Но скорбь моя мне смелости придаст... Я допустил ошибку: мне бы прежде поговорить с тобой наедине, а уж потом сзывать сюда народ — забыл я, что безмолвствует стыдливость... Ты не решаешься при всех сознаться, что этот зверь тобою овладел... Нет, истину зазорную не спрячешь!.. Не я один — ее весь город знает... Таиться бесполезно... Говори!.. Стыдливость все равно восторжествует... Я знаю: ты поймешь и не осудишь... Есть от чего сойти с ума...

Ванна. О Гвидо!.. В глаза мне посмотри — и ты уловишь, что в этот мой последний взгляд вложила я всю свою супружескую верность... При чем тут стыд? То истина сама: да, этот человек меня не тронул...

Гвидо. Что ж, хорошо, прекрасно, превосходно!.. Мое отчаяние безысходно... Теперь я знаю истинную правду, а правда в том, что любишь ты его... Обманом выгородить Принчивалле решила ты, Джованна... Ночь одна — и что с моей любимой стало?.. Нет, спасти его могла бы ты иначе!.. *(Возвысив голос.)* Внимание — все, сколько вас ни есть! Сейчас я дам торжественную клятву... Пока еще я на краю обрыва, одно мгновение — и

я сорвусь... Упавший голос мой до вас доходит?.. Приблизьтесь, если вам меня не слышно!.. Вы видите вот этого мужчину и женщину?.. Они друг друга любят... Я взвешиваю все свои слова — так взвешивают тщательно лекарство пред тем, как умирающему дать... Они отсюда выйдут невредимы, а вы дорогу дайте им пошире, цветами их засыпьте... Пусть идут, куда их страсть слепая повлечет... Но пусть мне эта женщина всю правду сейчас откроет, истинную правду, одну-единственную правду, ибо двух правд на свете не было и нет,— вот плата за мое благодеянье... Иной же я не требую, Джованна... Итак, тобой он обладал?.. Ответь: да или нет?.. Ведь это не ловушка. Я клятву дал — свидетелей полно...

Ванна. Я не лгала... Меня он не коснулся...

Гвидо. Так... Приговор ему произнесен... Всему конец... Теперь я пробуждаюсь... *(Подходит к страже; указывая на Принчивалле.)* Связать его, упрятать в подземелье!.. Я сам сейчас спущусь за вами следом!.. *(Ванне.)* Вы видите его в последний раз. А я вернусь поведать вам ту правду, что мне последние его слова в последний миг откроют, без сомненья...

Стража хватает Принчивалле.

Ванна *(бросается к страже)*. Нет, нет, он мой!.. Он мой!.. Я солгала! Он мною обладал, он мной владел!.. *(Отстраняет стражу.)* Прочь! Прочь! Не трогайте мою добычу!.. Нет, я сама!.. Он мне принадлежит!.. Он низко, подло мною овладел...

Принчивалле *(стараясь перекричать ее)*. Лжет, лжет она, чтобы спасти меня!.. Но и под пыткой...

Ванна. Замолчи!.. *(Толпе.)* Он трусит!.. *(Подходит к Принчивалле, как бы для того, чтобы связать ему руки.)* Гей! Гей! Веревки, цепи, кандалы!.. Сама сейчас свяжу исчадье ада и справедливым мщением упьюсь... *(Шепотом, к Принчивалле, связывая ему руки.)* Он нас спасает и соединяет!.. Молчи!.. Люблю тебя!.. Я вся твоя!.. Дай мне связать тебя... Я твой тюремщик... Я выпущу тебя... Мы убежим... *(Как бы стараясь заставить Принчивалле замолчать.)* Молчать!.. *(Толпе.)* Разжалобить меня он хочет!.. *(Снимает повязку с лица Принчивалле.)* Вот! Полюбуйтесь на его лицо!.. На нем следы ужасной этой ночи... *(Откидывает плащ и показывает свое окровавленное плечо.)* Но и на мне оставила свой знак чудовищная ночь любви — смотрите!.. *(Указывая на Принчивалле.)* Вам видно гнусное его обличье, отталкивающее, злое?.. Право, он может вызвать только отвращенье...

Стража хочет увести Принчивалле.

Нет, нет, оставьте! То моя добыча! Я никому ее не уступлю!.. Держите вы его! Глядите в оба!.. Он порывается бежать!.. Держите!..

Гвидо. Зачем он здесь?.. Зачем ты солгала?..

Ванна *(запинаясь от смущения)*. Я солгала... не знаю почему... Я не решалась... Но зато теперь... Я все скажу, и ты меня поймешь... Как мы поступим — этого мы сами подчас сказать не в состоянье... Трудно предугадать... Когда я шла туда, об этом я не думала совсем... Но в жизни все бывает... Ну так вот... Завеса сорвана! Теперь уж поздно... Крепись... Терпи... Ты сам ее сорвал... Ты сам... Ну, слушай же... Я трепетала и за тебя, и за твою любовь; мне сердце говорило, что она не выдержит такого испытанья... Но ты настаиваешь?.. Хорошо!.. *(Более спокойным и уверенным тоном.)* Нет, я вела его не к палачам, я не хотела, чтоб мы мстили оба... Мой замысел не столь был хитроумен. зато в нем было несравненно больше любви к тебе... Я лютой. страшной казни предать его решила; вместе с тем на все готова я была пойти, чтобы позорное воспоминанье об ужасе позорной этой ночи не тяготело над тобой всю жизнь, чтобы во время наших поцелуев оно не выросло перед тобой... Мечтала я о сокровенной мести, о том, что медленной умрет он смертью, что совершенное им преступленье отмоет кровь его, сочась по капле... Я многого, безумная, хотела, несбыточной мечтой увлечена... *(Толпе.)* Отрезаны дороги к отступленью. Его любовь, мою любовь не в силах я уберечь — судите ж вы меня!.. Я вам уже сказала: Принчивалле мной овладел... Едва я не убила насильника, развратника, злодея... И тут отчаянная завязалась борьба. Но он меня обезоружил... Тогда, жестокую измыслив кару, я улыбнулась, и моей улыбке поверил он... О, люди безрассудны!.. Прав тот, кто их обманывает... Ложь — вот их единственное божество!.. Они готовы жизнь принять за смерть, а смерть за жизнь... Он был вполне уверен, что мной владеет,— что же оказалось? Я незаметно овладела им... Вот он, в гробу, осталось только крышку забить — и я ее приколочу!.. Он всю дорогу, словно агнец кроткий, покорно шел за мной, и всю дорогу я поцелуями его манила... Уж я его не выпущу из рук!.. Поверь, о мой прекрасный Принчивалле: никто еще тебя не целовал, как я сегодня поцелую!

Гвидо *(приближаясь)*. Ванна!

Ванна *(к Гвидо)*. Ты стань к нему поближе и взгляни... Он полон был надежд еще недавно... Поверил он, когда я прошептала: «О Принчивалле, я тебя люблю!..» За мной сошел бы он и в ад кромешный... Я Принчивалле целовала так... *(Страстно*

целует его.) Джанелло, я тебя люблю!.. Вот это мой настоящий поцелуй, Джанелло!.. Теперь целуй меня!.. Ты видишь, Гвидо? Он все еще меня целует!.. О!.. Не правда ли, смешно?.. Смешно и страшно?.. Теперь он мой — перед людьми и богом!.. Так вот она, высокая награда за эту ночь!.. *(Пошатывается и хватается за колонну.)* Я падаю! Держите!.. Мне радости не перенесть!.. *(К Марко, прерывающимся голосом.)* Отец, я Принчивалле поручаю вам, пока с минутной слабостью я справлюсь... Гей, стража! Уведите вы его, в глубокое упрячьте подземелье, чтобы никто... А ключ отдайте мне!.. А ключ отдайте мне!.. Никто не смеет дотрагиваться до моей добычи, моей добычи... Слышишь, Гвидо, слышишь? Он мне принадлежит!.. *(Делает шаг по направлению к Марко.)* Отец! Он мой, вы отвечаете мне за него... *(Пристально смотрит на Марко.)* Вы поняли?.. Под вашей он охраной, и даже легкая тень оскорбленья коснуться не должна его лица... Каков он здесь, таким же вы его вернете мне...

Стража ведет Принчивалле к выходу.

Прощай, мой Принчивалле!.. О, мы еще увидимся с тобой!..

Стража подталкивает Принчивалле к выходу. У Ванны вырывается крик, она шатается. Марко бросается к ней и успевает подхватить ее.

Марко *(наклонившись над ней, быстрым шепотом).* Я понял все... Ясна мне ложь твоя... Ты невозможного достигла, Ванна... Поступок твой и дурен и прекрасен, как все, что совершается на свете... Жизнь такова... А жизнь всегда права... Приободрись!.. Коль скоро нам не верят, то надо лгать и лгать... *(К Гвидо.)* Поди к ней, Гвидо! Она зовет тебя... Она очнулась...

Гвидо *(подбегает и заключает Ванну в объятия).* Ты улыбаешься, моя Джованна!.. Я никогда в тебе не сомневался... Все кончено... В возмездии святом потонет все... То был тяжелый сон...

Ванна *(открывает глаза; слабым голосом).* Где он?.. Ах да, я знаю... Дайте ключ... Ключ от тюрьмы... Никто, кроме меня...

Гвидо. Сейчас тебе вручит его охрана.

Ванна. Ключ этот должен у меня храниться, чтоб не проник туда никто другой... О да, ты прав: то был тяжелый сон... А вот сейчас — сейчас начнется светлый...

Занавес

ЧУДО СВЯТОГО АНТОНИЯ

Сатирическая легенда
в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Св. Антоний.
Густав.
Ахилл.
Аббат.
Доктор.
Иосиф.
Пристав.
Двое полицейских.
Гортензия.
Виргиния.
Племянники, племянницы, дяди, кузины, гости и другие.

Действие происходит в наше время в маленьком провинциальном городке.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Передняя в старом просторном буржуазном доме в маленьком провинциальном городке. Слева входная дверь. На заднем плане несколько ступенек и большая стеклянная дверь в комнаты. Направо тоже дверь. Вдоль стен обитые кожей скамьи, табуретки. На вешалке висят шляпы и верхнее платье. При поднятии занавеса старая служанка Виргиния, подоткнув юбку, в грубых деревянных башмаках на босу ногу, окруженная ведрами, тряпками, метлами и щетками, моет пол. Временами она бросает работу, громко сморкается и концом синего передника вытирает слезу. Раздается звонок. Виргиния открывает дверь. На пороге показывается старик, худощавый, высокий, босой, с непокрытой головой, с нечесаными волосами и бородой; на нем грязный, плохо сшитый, заношенный и во многих местах порванный подрясник.

Виргиния *(приотворяет дверь)*. Это еще кто? В двадцать пятый раз звонят. Опять нищий! Вам чего?

Св. Антоний. Мне бы войти.

Виргиния. Нельзя. Больно грязны. Стойте на месте. Чего вам?

Св. Антоний. Мне бы войти в дом.

Виргиния. Зачем?

Св. Антоний. Хочу воскресить вашу барыню Гортензию.

Виргиния. Воскресить барыню Гортензию? Это еще что за новости? Да вы кто такой?

Св. Антоний. Я — святой Антоний.

Виргиния. Падуанский?

Св. Антоний. Да. *(Вокруг его головы зажигается ореол.)*

Виргиния. Мать пресвятая богородица! Он самый! *(Настежь раскрывает дверь, падает на колени и, опираясь на метлу, шепчет молитву. Затем целует край одежды святого и несколько раз бессознательно, машинально повторяет.)* Святой Антоний, моли бога о нас! Святой Антоний, моли бога о нас!

Св. Антоний. Дайте же мне войти и закройте за мной дверь.

Виргиния *(поднимается с колен; сердито)*. Вот половик, вытирайте ноги.

Св. Антоний неловко исполняет ее приказание.

Еще немножко, посильнее! *(Закрывает дверь.)*

Св. Антоний *(указывает на дверь направо)*. Барыня лежит там.

Виргиния *(в радостном изумлении)*. Правда! Откуда вы знаете? Вот чудо! Она лежит в большой комнате. Бедная барыня! Ей было только семьдесят семь лет. Ведь это еще не старость, правда? Богомольная была и, скажу вам, много добра делала. Ну и натерпелась тоже. А уж богатая! Говорят, два миллиона оставила. Два миллиона — ведь это большие деньги?

Св. Антоний. Да.

Виргиния. Наследников у нее двое: племянники Густав и Ахилл с детьми. Густаву достался этот дом. Немало отказала и другим: церкви, аббату, служке, пономарю, бедным, викарию, четырнадцати иезуитам и всей прислуге, в зависимости от того, кто сколько у нее прослужил. Мне — больше всех. Я в услужении тридцать три года, поэтому мне полагается три тысячи триста франков. Ведь правда порядочные деньги?

Св. Антоний. Правда.

Виргиния. Ничего мне не задолжала. Жалованье выплачивала аккуратно. Пусть говорят про нее что хотят, а все-таки немногие господа так делают, когда умирают. Святая была женщина. Сегодня вынос. Все цветов прислали. Вы бы посмотрели, что там делается! Сердце радуется. На кровати, на столе, на стульях, на креслах, на рояле — всюду цветы. И все белые. Это тоже чего-нибудь да стоит. Господа не знают, куда девать венки.

Звонок.

(Открывает дверь и возвращается с двумя венками в руках.) Вот еще два венка. *(Осматривает венки и взвешивает их на руке.)* Ишь какие красивые! Подержите немножко. Я только пол домою.

Виргиния передает венки св. Антонию, тот с готовностью берет по венку в каждую руку.

Сегодня вынос. Нужно все привести в порядок. А я захлопоталась...

Св. Антоний. Отведите меня к усопшей.

Виргиния. Отвести к усопшей? Сейчас?

Св. Антоний. Да.

Виргиния. Нет, это не дело. Нужно подождать. Они еще за столом.

Св. Антоний. Господь меня торопит. Пора.

Виргиния. Что вы хотите с ней сделать?

Св. Антоний. Я уже вам сказал: хочу воскресить ее из мертвых.

Виргиния. Воскресить из мертвых? Вправду? Вы хотите ее оживить?

Св. Антоний. Да.

Виргиния. Но она уже три дня как скончалась.

Св. Антоний. Потому-то я и хочу воскресить ее.

Виргиния. И она будет жить, как прежде?

Св. Антоний. Да.

Виргиния. Но тогда никто не получит наследства?

Св. Антоний. Разумеется.

Виргиния. Что же скажет барин Густав?

Св. Антоний. Не знаю.

Виргиния. А мои три тысячи триста франков? Она их возьмет обратно?

Св. Антоний. Разумеется.

Виргиния. Это не годится.

Св. Антоний. А разве у вас других денег нет? Разве у вас нет сбережений?

Виргиния. Ни гроша. У меня больная сестра. Все, что заработаю, идет на нее.

Св. Антоний. Если вы боитесь, что потеряете три тысячи франков...

Виргиния. Три тысячи триста.

Св. Антоний. Если вы боитесь, что потеряете их, то я не призову ее к жизни.

Виргиния. А нельзя сделать так, чтобы деньги я получила, а чтобы она была жива?

Св. Антоний. Нельзя. Что-нибудь одно. Я услышал вашу молитву и сошел на землю. Выбирайте, что хотите.

Виргиния *(после короткого раздумья)*. Так и быть, воскресите ее.

Вокруг головы святого снова зажигается ореол.

Что это у вас?

Св. Антоний. Вы доставили мне большую радость.

Виргиния. И тогда зажигается вот эта штука, ваш фонарь?

Св. Антоний. Да, сам собой.

Виргиния. Не стойте так близко от занавесок. Еще подожжете.

Св. Антоний. Не бойтесь. Это небесный огонь. Ведите меня к усопшей.

Виргиния. Сказано — подождите. Не стану я мешать господам. Они еще за столом.

Св. Антоний. Кто?

Виргиния. Боже ты мой, господа! Вся семья. Двое племянников, Густав и Ахилл, с женами и детьми, Георг, Альберик, Альфонс, Дезире, дяди, кузины, священник, доктор, мало ли еще кто!.. Друзья, родственники... Никогда ее не видали, а съехались отовсюду. Все люди богатые.

Св. Антоний. А!

Виргиния. Вы видели улицу?

Св. Антоний. Какую улицу?

Виргиния. Боже милостивый, да нашу! Улицу, где стоит наш дом.

Св. Антоний. Видел.

Виргиния. Красивая улица! Так вот, все дома по левую руку, кроме первого, того — знаете? — маленького, где пекарь живет,— все до одного принадлежат нашей барыне. А дома по правую руку принадлежат барину Густаву. Их всего двадцать два. Деньжищ-то сколько!

Св. Антоний. Да, действительно.

Виргиния *(указывая на ореол)*. Глядите: эта штука, фонарь-то ваш потух!

Св. Антоний *(протягивая руку к ореолу)*. Да, кажется.

Виргиния. Значит, он не долго горит?

Св. Антоний. Смотря какие у меня мысли.

Виргиния. Чего-чего у них! Леса, фермы, дома... У барина Густава еще большая крахмальная фабрика «Крахмал Густава»,— наверно, слышали? Да, знатные люди, состоятельные. Четверо рантье. Живут, ничего не делают. Легкая жизнь. А что друзей, знакомых среди фермеров! Все на похороны явились. Многие издалека. Кто-то из них две ночи напролет ехал, только чтобы поспеть. Я вам его покажу. С такой красивой бородой. Сейчас все завтракают. Еще за столом. Нельзя их тревожить. Завтрак большой, на двадцать четыре персоны. Я видела, что́

подавать будут. Сперва устрицы, потом два супа, три закуски, заливное из омаров, форели под соусом Шуберт,— знаете, что это такое?

Св. Антоний. Нет, не знаю.

Виргиния. И я не знаю. Должно быть, что-нибудь вкусное, не про нас с вами. Шампанского не будет из-за траура. Зато все другие вина налицо. Поднесу вам ужо стаканчик, если всего не выпьют. Увидите сами каково. Постойте, пойду посмотрю, что они делают. *(Поднимается на ступеньки, отодвигает занавеску и заглядывает в стеклянную дверь.)* Кажется, за форель принялись, за форель под соусом Шуберт. Иосиф снимает ананас. Работы еще часа на два. Присядьте.

Св. Антоний хочет сесть на обитую кожей скамью.

Нет, только не на скамейку, а то вы обивку запачкаете. Вот сюда, на табуретку, а я пока что домою пол.

Св. Антоний садится на деревянную табуретку.

(Берет ведро с водой.) Эй, эй! Ноги выше — лью! Эх, мешаете вы мне! Я тут еще не вымыла. Сядьте вон там, в уголке. Возьмите табуретку, поставьте у стены.

Св. Антоний садится в углу.

Ну вот, так я вас не замочу. Вы не голодны?

Св. Антоний. Нет, благодарю. Я тороплюсь. Доложите обо мне своим господам.

Виргиния. Торопитесь? Что же, у вас дела?

Св. Антоний. Да, еще несколько чудес.

Виргиния. Нельзя их беспокоить, когда они за столом. Придется подождать, пока выпьют кофе. Барин Густав сердитый. Уж и не знаю, как он вас примет. Он терпеть не может нищих в доме. А ведь вы на богача не похожи.

Св. Антоний. Святые богатыми не бывают.

Виргиния. Да ведь им подают немало.

Св. Антоний. Подают-то подают, но до неба это не доходит.

Виргиния. Быть не может! Неужто священники все себе забирают? Я про это слыхала, да мне что-то не верилось. Ну, вот и вся вода. Скажите...

Св. Антоний. Что вам?

Виргиния. Видите, рядом с вами, направо, медный кран?

Св. Антоний. Да.

Виргиния. Это кран, откуда вода идет. Вот пустое ведро. Можете налить в него воды?

Св. Антоний. Конечно.

Виргиния. Мне одной не управиться. А помощи ждать неоткуда. Все потеряли голову. Стоит кому-нибудь умереть — и пойдет суматоха. Да вы сами небось знаете. К счастью, это случается не каждый день. Храни вас господь от такой напасти. Барин ругается, если не все блестит и сверкает при гостях. Ему угодить нелегко. Еще медную посуду чистить надо. Теперь поверните кран направо, вот так. Подайте мне ведро. У вас ноги не мерзнут? Поднимите платье повыше, а то замочите. А венки положите на табуретку. Вот так, отлично.

Св. Антоний подает ей ведро с водой.

Благодарю. Вы настоящий кавалер. Мне бы еще ведро...

Слышны голоса и стук отодвигаемых стульев.

Слышите? Что это? Пойду посмотрю. *(Подходит к стеклянной двери.)* Глядите, барин вскочил! Что это с ним? Неужто повздорили? Нет, другие едят. Иосиф наливает аббату вина. Только что справились с форелью. Барин, кажется, идет сюда. Я ему про вас скажу...

Св. Антоний. Да, да, пожалуйста, поскорее!

Виргиния. Поставьте ведро. Мне больше не нужно. Да возьмите метлу. Не так! Да уж сидите!

Св. Антоний послушно хочет сесть на табуретку, на которой лежат венки.

Эй, эй, что вы делаете? Вы же на венки садитесь.

Св. Антоний. Простите, я плохо вижу.

Виргиния. Ах, какой вы неловкий! Хороши они теперь! Что скажет барин Густав, когда их увидит? Слава богу, вы их только примяли. Отходят помаленьку. Положите их на колени и сидите смирно. Не двигайтесь с места, а то опять натворите бед. *(Становится перед ним на колени.)* Что я хотела у вас попросить...

Св. Антоний. Просите, не стесняйтесь.

Виргиния. Благословите меня, пока мы одни. Когда придут господа, меня отсюда попросят, и я вас больше не увижу. Дайте мне свое благословение! Я уже старуха — мне оно может пригодиться.

Св. Антоний встает и благословляет ее. Ореол вокруг его головы начинает сиять.

Св. Антоний. Благословляю тебя, дочь моя, ибо ты добра, проста духом, проста сердцем, заповеди соблюдаешь, несложные свои обязанности исполняешь добросовестно. Иди с миром, дочь моя, и доложи обо мне своим господам.

Виргиния уходит. Св. Антоний опять садится на табуретку. Немного погодя стеклянная дверь отворяется. Входят Густав и Виргиния.

Густав *(строго и сердито)*. Что такое? Что вам нужно? Кто вы такой?

Св. Антоний *(скромно встает)*. Я — святой Антоний...

Густав. Вы с ума сошли!

Св. Антоний. ...Падуанский.

Густав. Вы что, шутки шутить со мной вздумали? Я не расположен смеяться. Выпили лишнее, вот и все. Зачем вы здесь? Что вам нужно?

Св. Антоний. Я хочу воскресить вашу умершую тетку.

Густав. Что? Воскресить мою тетку? *(Виргинии.)* Он пьян в стельку. Зачем ты его впустила? *(Св. Антонию.)* Послушайте, друг мой, не валяйте дурака, нам теперь не до шуток. У нас сегодня вынос. Приходите завтра. Вот вам десять су.

Св. Антоний *(оказывает мягкое, но решительное сопротивление)*. Мне нужно воскресить ее сегодня.

Густав. Хорошо. Отлично. После выноса. Согласны? Вот дверь.

Св. Антоний. Я уйду только после того, как воскрешу ее из мертвых.

Густав *(вспылив)*. Нет, это уже слишком! Вы становитесь невыносимы. Меня гости ждут, понимаете? *(Хочет отворить входную дверь.)* Марш! Вот дверь. Да поживее!

Св. Антоний. Я уйду только после того, как воскрешу ее из мертвых.

Густав. Ах вот как! Ну, это мы посмотрим! *(Отворяет стеклянную дверь.)* Иосиф!

Иосиф *(появляется на лестнице; в руках у него дымящееся блюдо)*. Что прикажете?

Густав *(взглянув на блюдо)*. Что это?

Иосиф. Рябчики.

Густав. Хорошо. Передай блюдо Виргинии, а сам выставь этого бродягу на улицу. Да поскорее!

Иосиф *(передает блюдо Виргинии)*. Слушаю-с. *(Наступает на святого.)* Отчаливай, старина! Ну? Напиться — это полдела, надо еще домой дорогу найти. Пошел, тебе говорят! Живо! Уходи подобру-поздорову, а то и костей не соберешь. У меня

кулак здоровый. Ты все еще тут? Ну погоди ж, старичина! Виргиния, открой дверь!

Густав. Погоди, я открою. *(Отворяет дверь на улицу.)*

Иосиф. Вот так. Довольно. Ручаюсь, что не в карете выедет. *(Засучивает рукава и поплевывает на руки.)* Сейчас увидите.

Иосиф обхватывает св. Антония за плечи и хочет одним махом вытолкнуть его на улицу. Св. Антоний стоит как вкопанный.

(В изумлении.) Что же это такое?

Густав. Ну, что же ты?

Иосиф. Не могу понять, в чем дело. Стоит как вкопанный. С места не сдвинешь.

Густав. Я тебе подсоблю.

Густав и Иосиф вдвоем пытаются вытолкать св. Антония, тот остается неподвижен.

(Вполголоса.) Послушай, осторожнее! Это опасно. Он силач. Лучше попросить добром. Друг мой, вы сами понимаете, в такой день... Сегодня мы хороним мою бедную тетку, почтенную женщину...

Св. Антоний. Я пришел воскресить ее.

Густав. Но вы понимаете, что сейчас не время. Рябчики остынут, гости ждут, и нам всем не до смеха.

На лестнице появляется Ахилл с салфеткой в руке.

Ахилл. Кто там? Густав, что случилось? Мы ждем рябчиков.

Густав. Этот юродивый не хочет уходить.

Ахилл. Пьян, что ли?

Густав. Разумеется.

Ахилл. Выставить его за дверь — и баста. Не расстраивать же наш поминальный завтрак из-за этого бродяги!

Густав. Он не уходит.

Ахилл. То есть как — не уходит? Ну, это мы еще посмотрим!

Густав. Попробуй сам.

Ахилл. Стану я руки марать об этого нищего! Достаточно Иосифа и кучера.

Густав. Мы уже пытались. Тут силой ничего не поделаешь, если хочешь избежать скандала.

На пороге появляются гости. Большинство — с полным ртом, с салфеткой под мышкой или вокруг шеи.

Первый гость. Что здесь происходит?

Второй гость. В чем дело, Густав?

Третий гость. Что тут делает этот нищий?

Четвертый гость. Откуда он взялся?

Густав. Не хочет уходить. Ох уж эта мне дура Виргиния! Вечно что-нибудь натворит; стоит ей увидеть нищего, и она уже теряет голову. Уж больно жалостлива. Это она впустила юродивого. Он во что бы то ни стало хочет видеть тетку и воскресить ее.

Первый гость. Пошлите в полицию! Вызовите двух полицейских!

Густав. Нет, нет, только без полиции! Я не хочу, чтобы у меня в доме распоряжалась полиция. Умоляю: обойдемся без скандалов ради такого дня!

Ахилл. Густав!

Густав. Что?

Ахилл. Ты заметил: вон там, налево, плиты дали трещину?

Густав. Да, видел. Пустяки! Надо будет заменить плиты мозаичным полом.

Ахилл. Да, так будет изящно.

Густав. А главное, в новом вкусе. Для этой двери с белыми занавесками я думаю заказать цветные стекла с изображением охоты, промышленности, прогресса, цветов, дичи...

Ахилл. Ты прав, это будет очень красиво.

Густав. Кабинет я намерен устроить там. *(Указывает на комнату направо.)* А напротив — комнату для служащих.

Ахилл. Когда ты переезжаешь?

Густав. Через несколько дней после похорон. На следующий же день — неловко.

Ахилл. Да, но все-таки надо выпроводить этого субъекта.

Густав. Он тут как у себя дома.

Ахилл *(св. Антонию)*. Не прикажете ли подать вам кресло?

Св. Антоний *(простодушно)*. Благодарю. Я не устал.

Ахилл. Предоставь мне. Я с ним справлюсь. *(Подходит к святому; дружелюбно.)* Скажите, друг мой, кто же вы такой?

Св. Антоний. Я — святой Антоний.

Ахилл. Да, да, вы совершенно правы. *(Всем остальным.)* Он стоит на своем, но, в сущности, безвреден. *(Заметив, что среди гостей, окруживших св. Антония и рассматривающих его с насмешкой или с недоверием, находится аббат)*. А вот и аббат! Он узнал вас и хочет засвидетельствовать вам свое почте-

ние. Подойдите поближе, глубокочтимый отец. Святые — это ведь по вашей части. Я специалист по сельскохозяйственным орудиям, по плугам и прочему. А вот посланник небес, сам преподобный Антоний во плоти,— он хочет с вами побеседовать. *(Аббату, тихо).* Мы незаметно подтолкнем его к двери, потом за порог — и до свиданья!

Аббат *(отечески елейным тоном).* Преподобный Антоний! Покорный ваш слуга приветствует вас здесь, на земле, которую вы осчастливили своим посещением. Что угодно вашей святости?

Св. Антоний. Воскресить усопшую Гортензию.

Аббат. Она воистину скончалась. Бедная женщина! Но свершить такое чудо величайшему из наших святых будет нетрудно. Наша дорогая усопшая питала к вам особое благоговение. Я проведу вас к ней. Следуйте за мной, ваша святость. *(Направляется к входной двери и указывает на нее св. Антонию.)* Вот сюда.

Св. Антоний *(указывает на дверь направо).* Нет, она там.

Аббат. Простите, ваша святость, но я позволю себе не согласиться с вами. Ее тело было перенесено в дом напротив из-за большого количества собравшихся. Тот дом, как и этот, принадлежит нашей дорогой усопшей.

Св. Антоний *(указывает на дверь направо).* Она там.

Аббат *(еще елейнее).* Чтобы убедиться в противоположном, соблаговолите, ваша святость, на одну минутку выйти со мной на улицу — там вы увидите свечи и траурную драпировку.

Св. Антоний *(по-прежнему непоколебимо, указывая на дверь направо).* Я пойду туда.

Первый гость. Его не проведешь.

Густав. До каких же пор, однако, это будет продолжаться!

Первый гость. Откройте дверь! Вышвырнем его общими силами!

Густав. Нет, нет! Только без насилия! Он может обозлиться. С ним не шутите. Силища, как у медведя. Не трогайте его! Мы с Иосифом не из тщедушных, а так и не могли сдвинуть его с места. Просто удивительно! Точно пригвожден к полу.

Ахилл. Кто ему сказал, что тело — там?

Густав. Кто же? Конечно, Виргиния! Все разболтала.

Виргиния. Кто, я? Ну уж нет, барин, извините. Я зани-

малась своим делом. Отвечала только «да» и «нет». И больше ни слова. Ведь правда, святой Антоний?

Св. Антоний молчит.

Отвечайте, когда вас спрашивают.

Св. Антоний *(все так же послушно)*. Она мне ничего не говорила.

Виргиния. Вот видите! Он святой. Он все знал наперед. Он все знает, уверяю вас!

Ахилл *(подходит к святому и добродушно треплет его по плечу)*. Ну, мой милый, довольно! Проваливай! Ко всем чертям!

Гости. Уйдет!..

— Не уйдет!..

Ахилл. У меня явилась мысль.

Густав. Какая?

Густав. Где доктор?

Первый гость. Все еще за столом. Доедает форель.

Густав. Позовите-ка его!

Некоторые из гостей уходят за доктором.

Ты прав, это сумасшедший. Это по его части.

Доктор *(появляется с полным ртом, с повязанной вокруг шеи салфеткой)*. Что случилось? Сумасшедший? Больной? Пьяный *(Увидев святого.)* Просто нищий. Тут я ничего не могу поделать. Что с вами, друг мой? Что вам нужно?

Св. Антоний. Мне нужно воскресить усопшую Гортензию.

Доктор. Ага, понимаю! Вы, очевидно, не врач. Позвольте вашу руку. *(Щупает ему пульс.)* У вас что-нибудь болит?

Св. Антоний. Нет.

Доктор *(трогает ему голову и лоб)*. А здесь? Не больно, когда я надавливаю?

Св. Антоний. Нет.

Доктор. Отлично. Вы страдаете головокружениями?

Св. Антоний. Нет.

Доктор. Вспомните былые годы. Припадков никаких с вами не бывало? А как насчет ошибок молодости? Вы понимаете, на что я намекаю. Запорами не страдаете? А язык? Покажите язык. Отлично. Теперь вздохните. Глубже, еще глубже. Превосходно. Что же вам, собственно, нужно, друг мой?

Св. Антоний. Я хочу пройти в ту комнату.

Доктор. Зачем?

Св. Антоний. Воскресить покойную Гортензию.

Доктор. Ее там нет.

Св. Антоний. Она там, я вижу ее.

Густав. Вот упрямый!

Ахилл. А что, если ему сделать подкожное впрыскивание?

Доктор. Зачем?

Ахилл. Чтобы усыпить его. Мы бы вынесли его на улицу.

Доктор. Нет, нет, ни в коем случае! Это крайне опасно.

Ахилл. Опасно для него, а нам-то что! Мы не обязаны возиться со всеми помешанными, бродягами, пропойцами.

Доктор. Хотите знать мое мнение?

Густав. Ну конечно!

Доктор. Мы имеем дело с помешанным, совершенно безвредным, но могущим сделаться опасным, если ему начать противоречить. Этот тип больных мне хорошо известен. Во-первых, здесь все свои, а во-вторых, в таком посещении, в сущности, нет ничего оскорбительного для памяти нашей дорогой усопшей. Поэтому я считаю, что во избежание скандала мы вполне можем исполнить пустячную просьбу больного и впустить его на минуту в комнату...

Густав. Ни за что на свете! Где это слыхано, чтобы первый встречный врывался в порядочный дом под нелепым предлогом воскресить умершую, которую он при жизни в глаза не видал?

Доктор. Как хотите. Дело ваше. Или верный скандал, так как вы все равно не заставите его отказаться от нелепой затеи, или ничтожная уступка, которая вам ничего не будет стоить.

Ахилл. Доктор прав.

Доктор. Бояться нечего — я вам ручаюсь. А кроме того, мы все войдем вместе с ним.

Густав. Хорошо, но только поскорее! А главное, никому ни слова об этой дикой истории.

Ахилл. Драгоценности тетки лежат на камине.

Густав. Знаю, знаю. Я за ним буду смотреть в оба. Признаться, он мне особого доверия не внушает. *(Св. Антонию.)* Ну, хорошо, пожалуйте в комнату. Только скорее. Мы еще не кончили завтракать.

Все идут в комнату направо. За ними идет св. Антоний, и вокруг его головы внезапно ярким светом загорается ореол.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Большая комната. На заднем плане на просторной кровати под балдахином лежит тело умершей Гортензии. Две зажженные свечи, ветки букса и т. п. Слева дверь. Направо стеклянная дверь в сад. Все лица первого действия входят в дверь слева, за ними — св. Антоний.

Густав *(указывая ему на кровать)*. Здесь лежит наша дорогая усопшая. Как видите, она действительно умерла. Ну, вы довольны? А теперь оставьте нас в покое. Ваш визит и так уже затянулся. Проведите этого господина через сад.

Св. Антоний. Позвольте. *(Выходит на середину комнаты и становится лицом к умершей. Громким, спокойным голосом.)* Встань!

Густав. Нет, это уже слишком! Мы не можем допустить, чтобы незнакомец оскорблял самое святое, что есть у нас в душе. В последний раз прошу вас...

Св. Антоний. Перестаньте. *(Подходит к кровати; еще более властно.)* Встань!

Густав *(теряя терпение)*. Довольно! Мы за себя не ручаемся! Прошу вас! Вот дверь.

Св. Антоний. Подождите. Смерть многое успела сделать. *(Еще более сильным и властным голосом.)* Вернись к жизни и встань!

Ко всеобщему изумлению, мертвая делает слабое движение, приоткрывает глаза, раскидывает сложенные крестом руки, садится на постели, поправляет чепец и обводит комнату угрюмым, недовольным взглядом. Потом как ни в чем не бывало начинает соскабливать ногтем с рукава ночной кофты стеарин.

Давящее молчание. Первою от безмолвной группы отделяется Виргиния, подбегает к кровати и бросается в объятия к воскресшей.

Виргиния. Барышня! Ожила!.. Смотрите, соскабливает стеарин!.. Ищет очки... Вот они, вот!.. Святой Антоний! Святой Антоний! Чудо!.. Чудо!.. На колени!.. На колени!..

Густав. Перестань!

Ахилл. Сомнений нет, она жива.

Гость. И все-таки это невозможно. Что он с ней сделал?

Густав. Этому нельзя придавать значение. Еще минута — и она снова рухнет.

Ахилл. Ручаюсь, что нет. Обратите внимание, как она на нас смотрит.

Густав. И все-таки я не верю. На каком свете мы живем? Разве уже не существует законов природы? Что вы скажете, доктор?

Доктор. Что скажу?.. *(Неуверенно.)* Что скажу?.. А что я должен сказать? Это не мое дело... Не по моей части. Это нелепо и в то же время чрезвычайно просто. Если она жива, значит, она не была мертва. Тут нечему удивляться, нечего кричать о чуде.

Густав. Вы же сами говорили...

Доктор. «Говорил», «говорил»... Прежде всего я ничего положительно не утверждал и обращаю ваше внимание на то, что не я установил факт смерти. У меня даже возникли серьезные сомнения, которыми я не счел нужным делиться с вами, чтобы не подать вам ложной надежды... Затем все это еще ничего не доказывает, и едва ли можно ожидать, что она проживет долго...

Ахилл. Но кто же станет спорить против очевидности...

Виргиния. Да, да, теперь этому уже нельзя не верить. Какие еще могут быть сомнения? Говорила я вам: он святой, великий святой. Посмотрите, какая она живая. Свежая, точно розан.

Густав *(подходит к кровати и целует воскресшую)*. Тетя, милая тетя, ты ли это?

Ахилл *(тоже подходит к кровати)*. А меня ты узнаешь, тетушка? Я — Ахилл, твой племянник Ахилл.

Старая дама. А меня, тетушка? Я твоя племянница Леонтина.

Молодая девушка. А меня, тетушка? Я твоя маленькая Валентина, которой ты отказала все серебро.

Густав. Смотрите: улыбается.

Ахилл. Нет, как будто чем-то недовольна.

Густав. Всех нас узнала.

Ахилл *(видя, что тетка открывает рот и шевелит губами)*. Тише!.. Она хочет говорить.

Виргиния. Отец небесный!.. Она видела бога... Она расскажет нам о райском блаженстве... На колени!.. На колени!..

Ахилл. Слушайте, слушайте!

Гортензия *(смотрит на св. Антония с презрением и гневом; сердито и резко)*. Это еще что за тип? Кто пустил ко мне в комнату нищего? Все ковры запачкал... Вон, вон! Тебе что было сказано, Виргиния? Нищих...

Св. Антоний *(властно протягивает руку)*. Молчи!

Гортензия замолкает на полуслове и, не в силах произнести ни единого звука, так и остается с открытым ртом.

Метерлинк. «Синяя птица»

Густав *(св. Антонию)*. Вы уж ее извините! Она не знает, чем она вам обязана. Но мы-то знаем! Тут уж ничего не скажешь. То, что вы сделали, не всякому по силам. Может быть, это случайность или что-нибудь еще... Не знаю, не знаю... Во всяком случае, я счастлив и горжусь тем, что могу пожать вашу руку...

Св. Антоний. Мне пора идти. У меня дела.

Густав. Ну нет, черт возьми! Так не годится. С пустыми руками вы отсюда не уйдете. Не знаю, что вам даст тетушка,— это ее дело, я за нее не отвечаю, а я переговорю с моим двоюродным братом, и пусть даже это чистая случайность или же еще что-нибудь, мы вам заплатим не торгуясь, так что вы не пожалеете. Правда, Ахилл?

Ахилл. Само собой. Не только не пожалеете, а наоборот...

Густав. Мы не очень богаты, у нас дети, надежды на наследство лопнули, но за услугу мы отблагодарить должны — к этому нас обязывает семейная честь. Пусть потом не говорят, что чужой, незнакомый человек — все равно, богатый или бедный,— оказал нам услугу и не получил вознаграждения,— разумеется, не превышающего наших возможностей, а они у нас, как я уже сказал, ограничены. Но в пределах наших возможностей вы будете удовлетворены. О, я знаю, есть услуги неоценимые и неоплатные! Мне вы об этом можете не говорить... Знаю, знаю, не прерывайте меня... Но все-таки что-нибудь дать нужно... Назовите сумму... Сколько, по-вашему, мы вам должны? Конечно, вы не потребуете от нас золотых гор... Их у нас нет... Но любое ваше благоразумное требование будет удовлетворено.

Ахилл. Мой кузен прав. А пока мы сговоримся, я предлагаю тут же устроить маленькую подписку. Она вас ни к чему не обязывает, а вместе с тем даст возможность удовлетворить самые насущные ваши потребности.

Св. Антоний. Мне пора идти. У меня дела.

Густав. «Дела», «дела»... Какие там у вас могут быть дела! Нет, так не полагается... Это даже невежливо! Что скажут о нас люди, когда узнают, что вы нам вернули нашу дорогую усопшую и ушли от нас с пустыми руками? Если вы не хотите денег — я понимаю и ценю вашу щепетильность,— то, может быть, вы доставите нам удовольствие и примете от нас что-нибудь на память?.. О, ничего особенного, не бойтесь!.. Портсигар, булавку для галстука или же настоящую пенковую трубку... Мы бы вырезали на ней ваше имя, адрес, день рождения...

Св. Антоний. Благодарю вас... Не могу...

Густав. Наотрез отказываетесь?

Св. Антоний. Наотрез.

Ахилл *(вынимает портсигар)*. Ну, так доставьте мне удовольствие — выкурите со мной сигару! Уж от этого-то вы, надеюсь, не откажетесь?

Св. Антоний. Благодарю вас. Я не курю.

Густав. Беда мне с вами!.. Короче говоря, чего же вы хотите? Есть же у вас какое-нибудь желание? Вам стоит только слово сказать... Вы внесли радость в наш дом, и здесь все к вашим услугам... Все к вашим услугам... К этому я ничего не могу прибавить... Во всяком случае, в пределах благоразумия... Но так уйти — значит оскорбить нас.

Ахилл. Постой! У меня мелькнула мысль, и, кажется, счастливая... Поскольку он ничего не хочет взять,— а я, как и ты, понимаю и одобряю такую щепетильность, потому что за жизнь платить нельзя, жизнь не имеет рыночной цены,— так вот подобное бескорыстие поднимает его до нас; следовательно, почему бы ему не оказать нам честь и не принять участие в нашем завтраке, который он так удачно прервал?.. Все с этим согласны?

Шепот одобрения.

Густав. Да, это самое лучшее. Так все уладится. Ты отлично придумал. *(Св. Антонию.)* Вы ничего не имеете против? Мы потеснимся и освободим для вас место. Слышите? Почетное место! Жаль, конечно, что рябчики остыли, но если вы проголодались, то и так съедите. Идемте, идемте! Без церемоний! Как видите, мы люди радушные и не гордые.

Св. Антоний. Нет, право... Увольте... Мне очень жаль, но я не могу... Меня ждут.

Густав. Не откажетесь же вы позавтракать с нами! Да кто там ждет вас?

Св. Антоний. Еще есть покойник...

Густав. Покойник! Еще покойник! Не убежит ваш покойник. Полагаю, что с нами вам будет интереснее. Не предпочтете же вы наше общество покойнику.

Ахилл. Постойте, я понял, в чем дело. Вам, может быть, приятнее поесть на кухне? Там уютнее, не правда ли?

Густав. А кофе он мог бы выпить с нами.

Ахилл. Хе-хе!.. Не отказывается... Так ему больше по душе... Понимаю... Виргиния, оставь барыню, ты ей больше не нужна. Проводи этого господина в свое царство и угости на славу. Дай ему всего попробовать... Ха-ха! В обществе Вирги-

нии вы, надеюсь, не соскучитесь. *(Подходит к святому и покровительственно хлопает его по животу.)* Ну что, угадал я? Не так ли, старый греховодник? Старый плут, ха-ха, старый плут ты этакий!..

Виргиния *(тревожно)*. Барин...

Густав. Что такое?

Виргиния. Не знаю отчего, но только барыня не может больше говорить...

Густав. Как так — не может говорить?..

Виргиния. Посмотрите сами, барин. Они раскрывают рот, шевелят губами, машут руками, но не могут подать голос.

Густав. Тетушка, что с тобой? Хочешь сказать что-нибудь?

Гортензия утвердительно кивает головой.

И не можешь? Постарайся, сделай усилие! Ты устала. Это скоро пройдет.

Гортензия жестами показывает, что не может говорить.

Что с тобой? Ты чего-нибудь хочешь? *(Св. Антонию.)* Что это значит?

Св. Антоний. Она больше не будет говорить.

Густав. Не будет говорить? Но ведь она только что разговаривала. Вы сами слышали. Она даже обругала вас.

Св. Антоний. Это было мое упущение. Теперь у нее отнялся язык навсегда.

Густав. И вы не можете вернуть ей дар слова?

Св. Антоний. Нет.

Густав. Когда же к ней опять вернется голос?

Св. Антоний. Больше никогда.

Густав. Как? Она на всю жизнь останется немою?

Св. Антоний. Да.

Густав. Но почему?

Св. Антоний. Ей открылись тайны, которые она никому не смеет поведать.

Густав. Тайны? Какие тайны?

Св. Антоний. Тайны мира усопших.

Густав. Мира усопших? Это что еще за новости? За кого вы нас принимаете? Нет, черт возьми, это уже слишком! Она разговаривала — мы все слышали, мы свидетели. Вы ее лишили голоса, и я начинаю догадываться, с каким намерением. Сию же минуту верните ей голос, или...

Ахилл. Раз вы оставляете ее в таком состоянии, тогда, значит, не стоило возвращать ей жизнь.

Густав. Если вы не можете вернуть ее нам такою, какою она была до вашего настойчивого и нелепого вмешательства, то зачем вы ее воскрешали?

Ахилл. Это низость.

Густав. Это злоупотребление нашим доверием.

Ахилл. Вот-вот, злоупотребление доверием. Возмутительно!

Густав. Вы что же это, шантажировали нас?

Ахилл. Нашли дураков!

Густав. Кто вас сюда звал? Как ни больно сознаться, но я должен сказать, что мне легче было бы видеть ее мертвой, чем в таком состоянии. Это слишком мучительное зрелище для ее близких. Кто вам позволил якобы для того, чтобы сотворить чудо, врываться к мирным людям, которые ничего плохого вам не сделали, и причинять им горе? Но мы этого так не оставим.

Доктор. Полно, успокойтесь! Этот человек поступил, вне всякого сомнения, дурно, но он явно невменяем. *(Подходит к святому.)* Покажите-ка, друг мой, ваши глаза. Так и есть, так я и знал. Пока вы торжественно выражали ему свою признательность за чудесное воскрешение из мертвых, я не считал себя вправе вмешиваться. Меня это, в сущности, не касается, но я с самого начала прекрасно понимал, в чем дело, и теперь вы видите, что я был прав: она не умирала. Тут нет ничего ни сверхъестественного, ни таинственного. Этот человек обладает лишь незаурядной нервной энергией и злоупотребляет ею. Вытворяет же он эти штуки, видимо, с какой-то целью. Как бы то ни было, это недопустимо. Он только вовремя подоспел, а если б он не явился, то я, да и каждый из вас, по всей вероятности, совершил бы такое же чудо,— я говорю «чудо», так как элемент чудесного здесь несомненно присутствует.

Густав. Как же нам быть?

Доктор. Поскольку он представляет опасность для общества, то его необходимо обезвредить, упрятать как можно дальше.

Густав. Так ему и надо! И вообще пора покончить с этой историей,— она у меня вот где сидит! Иосиф!

Иосиф. Что прикажете?

Густав. Сбегай в участок и приведи двух полицейских. Пусть захватят с собой наручники. Скажи, что речь идет об опасном для общества субъекте, который, как мы видели, готов на все.

Иосиф. Иду, барин. *(Убегает.)*

Св. Антоний. Позвольте мне уйти.

Густав. Ну, старичок, продолжайте валять дурака. Подождите, вы скоро отсюда уйдете. Даже с прекрасными и благородными провожатыми. Потерпите немного.

Ахилл. Да, друг мой, там вы не соскучитесь. Вы сможете показывать свои фокусы и проявлять свои таланты в более приятном и достойном вас обществе, а именно — в участке. Слыхали вы о чистке табаком?

Св. Антоний. Табаком? Благодарю вас, я не курю.

Ахилл. Ну, там вас научат. И еще один совет. Когда явится за вами почетный караул, поговорите с ним о египетских фараонах. Они этим очень интересуются, вы им доставите большое удовольствие. Но, кажется, я уже слышу музыкальный звук их легких шагов. Да, вот и они.

Входят Иосиф, сержант и полицейский.

Сержант *(указывая на св. Антония)*. Вот этого надо арестовать?

Густав. Его, его.

Сержант *(кладет св. Антонию руку на плечо)*. Паспорт!

Св. Антоний. Какой паспорт?

Сержант. Без паспорта? Так я и знал. Имя и звание!

Св. Антоний. Преподобный Антоний.

Сержант. Что значит «преподобный»? Мне собачьих кличек не надо. Как ваша фамилия?

Св. Антоний. Фамилии у меня нет.

Сержант. Говорите без утайки. Где вы украли халат?

Св. Антоний. Я ничего не крал. Это мой собственный.

Сержант. Значит, я солгал? Так, что ли? Повторите, не стесняйтесь.

Св. Антоний. Не знаю... Я полагаю... Вероятно, вы ошибаетесь.

Сержант. Запомним ваши дерзости. Откуда вы родом?

Св. Антоний. Из Падуи.

Сержант. Падуя? Это где? В каком департаменте?

Густав. Это в Италии.

Сержант. Я знаю, я хочу, чтобы он сам сказал... Значит, вы итальянец? Ага... Я так и думал. Откуда прибыли к нам?

Св. Антоний. Из рая.

Сержант. Из какого рая? Это еще что за вздор? Где ваше постоянное местожительство?

Св. Антоний. Там, куда возносятся после смерти души праведных.

Сержант. Так-так, понимаю. Хитрить вздумал. Меня в дураках оставить. Сперва дерзить, а потом хитрить. Дело ясное. Валандаться не будем. Так что же он натворил? Украл что?

Густав. Я не беру на себя смелость утверждать, украл он что-нибудь или нет. У меня не было времени проверить, а я враг необоснованных обвинений. Справедливость — прежде всего. Но то, что он сделал, гораздо хуже воровства.

Сержант. Так я и знал.

Густав. Вам известно, какое несчастье постигло нас. Покуда мы оплакивали нашу дорогую усопшую и сидели за поминальным завтраком, этот субъект под каким-то предлогом проник в наш дом. О намерениях его догадаться нетрудно. Он воспользовался доверчивостью нашей простоватой старой служанки и добился того, что ему отворили дверь в комнату, где лежала усопшая. Вероятно, он рассчитывал на беспорядок в доме и на наш траур, чтобы наловить рыбы в мутной воде, и рыбы довольно крупной. Может быть, через разведчика он узнал, что на камине лежали все драгоценности и все серебро умершей. На его беду, наша тетушка не была мертва. И когда она вдруг увидела в своей комнате эту подозрительную личность, она вскочила и стала гнать его прочь. Раздосадованный своей неудачей, он в отместку — уж не знаю, каким способом, это вам объяснит доктор,— лишил ее дара речи и, несмотря на все наши просьбы, отказывается вернуть: очевидно, это с его стороны шантаж. Прошу, однако, иметь в виду, что я не жалуюсь, а только констатирую факт. Об остальном спросите доктора.

Доктор. Я дам все нужные объяснения в присутствии господина пристава. Если угодно, могу даже представить письменный доклад.

Ахилл. Ошибка тут невозможна. Он либо преступник, либо сумасшедший, а может быть, и то и другое. Во всяком случае, опасный для общества субъект, и его нужно посадить в тюрьму.

Сержант. Дело ясное, мы избавим вас от этого молодца. Рабюто!

Полицейский. Что прикажете?

Сержант. Давай наручники.

Густав. Мы вас потревожили, господа. Сделайте милость, выпейте по стаканчику на дорожку!

Сержант. Что ж, Рабюто, отказываться не след. Тем более что уж очень скучный арестант нам попался.

Густав. Иосиф! Бутылку и стаканы!

Иосиф уходит.

Выпьем за выздоровление нашей тетушки!

Сержант. В такую погоду стаканчик не повредит.

Густав. Дождь все идет?

Сержант. Настоящий потоп. Я только улицу перешел — полюбуйтесь на мой плащ.

Полицейский. Не то дождь, не то снег — не разберешь.

Иосиф возвращается с подносом и всех обносит вином.

Сержант. Ваше здоровье, честная компания!

Густав *(чокается с ним)*. Ваше здоровье, господин сержант!

Все чокаются с полицейскими.

Еще по стаканчику!

Сержант. Не откажусь. *(Щелкает языком.)* Славное винцо!

Св. Антоний. Я пить хочу. Дайте мне стакан воды.

Сержант *(презрительно)*. «Стакан воды»! Вы видите, что на дворе? Там будет вам воды вдоволь. Дайте только выйти. Сама в рот будет течь... Ну, довольно канителиться! Рабюто, наручники! А вы подставьте руки.

Св. Антоний. Да я ничего.

Сержант. Что? Сопротивляться? Этого недоставало! Все вы на одну стать.

Раздается звонок.

Густав. Звонок!

Иосиф идет отворять.

Который теперь час? Неужели это уже на вынос?

Ахилл. Нет. Ведь только еще три часа.

Входит пристав.

Пристав. Милостивые государи и милостивые государыни, мое почтение! Мне уже обо всем рассказали. *(Взгля-*

нув на св. Антония.) Да, я так и думал. Святой Антоний собственной персоной, преподобный Антоний Падуанский.

Густав. Разве вы его знаете?

Пристав. Как же мне его не знать? Он уже третий раз бежит из больницы. Понимаете, он — того. *(Стучит пальцем по лбу.)* И каждый раз, когда он вырывается на свободу, выкидывает одни и те же штуки: лечит больных, выпрямляет горбатых,— отнимает хлеб у докторов. Словом, совершает уйму противозаконных поступков. *(Подходит к святому и внимательно его разглядывает.)* Да, это он... Или, во всяком случае... Он как будто изменился с прошлого раза... Ну, если не он, так его брат... Что-то во всей этой истории мне кажется подозрительным... Ну, да там разберем... в участке... А теперь марш! Сейчас нам некогда... Марш, ребята! В участок, в участок, в участок!

Густав. Проведите его через сад. Не надо привлекать к себе внимание.

Дверь в сад открывается настежь. В комнату врывается снег, дождь и ветер.

Ахилл. Собачья погода! Снег, дождь, крупа!

Полицейские тащат св. Антония к двери.

Виргиния *(бросается к св. Антонию)*. Барин, посмотрите! Ведь он, бедняга, босой!

Густав. Ну так что же? Карету ему, что ли, купить? Или устроить для него нишу?

Виргиния. Я дам ему свои башмаки. Возьмите, святой Антоний,— у меня еще есть пара.

Св. Антоний *(надевает башмаки)*. Благодарю. *(Вокруг его головы зажигается ореол.)*

Виргиния. Наденьте что-нибудь на голову, а то простудитесь.

Св. Антоний. У меня ничего нет.

Виргиния. Возьмите мой платок. Сейчас принесу зонтик. *(Убегает.)*

Ахилл. Старая дура!

Густав. В дверь отчаянно дует... Ступайте в участок — и дело с концом.

Виргиния *(является с огромным зонтиком и протягивает его святому)*. Возьмите мой зонтик.

Св. Антоний *(показывает на свои руки)*. Они сковали мне руки.

Виргиния. Я понесу. *(Раскрывает на пороге зонтик и держит его над головой святого.)*

Святого Антония ведут двое полицейских. Сзади идет пристав. Под зонтиком у святого сияет ореол. В саду их сразу окутывает метель — и они скрываются из виду.

Густав *(затворяет дверь)*. Наконец-то!

Ахилл. Уф! Насилу справились! Ну и шельма!

Густав *(подходит к кровати)*. Как вы себя чувствуете, тетушка?

Ахилл. Что с нею? Она лишилась чувств, она падает...

Доктор *(подбежав)*. Непонятно... Я думаю...

Густав *(нагнувшись над кроватью)*. Тетушка!.. Тетушка!.. Что с вами?

Доктор. На этот раз она скончалась. Я вам говорил!..

Густав. Не может быть!

Ахилл. Нельзя ли ее спасти, доктор?

Доктор. К сожалению, нельзя.

Молчание. Все столпились около кровати.

Густав *(первый приходит в себя)*. Ну и денек!

Ахилл. На дворе вьюга...

Густав. По правде сказать, мы довольно жестоко поступили с бедным стариком. В сущности, он нам ничего плохого не сделал.

Занавес

СИНЯЯ ПТИЦА

Феерия в шести действиях, двенадцати картинах

КАРТИНЫ

Картина первая	Хижина дровосека.
Картина вторая	У Феи.
Картина третья	Страна Воспоминаний.
Картина четвертая	Дворец Ночи.
Картина пятая	Лес.
Картина шестая	Перед занавесом.
Картина седьмая	Кладбище.
Картина восьмая	Перед занавесом, изображающим красивые облака.
Картина девятая	Сады Блаженств.
Картина десятая	Царство Будущего.
Картина одиннадцатая	Прощание.
Картина двенадцатая	Пробуждение.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке их выхода на сцену)

Мать Тиль.
Тильтиль.
Митиль.
Фея.
Души Часов.
Хлеб.
Огонь.
Пес.
Кошка.
Вода.
Молоко.
Сахар.
Душа Света.
Отец Тиль.
Бабушка Тиль.
Дедушка Тиль.
Пьеро.
Робер.
Жан.
Мадлена.
Пьеретта.
Полина.
Рикетта.
Ночь.
Сон.
Смерть.
Призраки.
Насморк.
Духи Тьмы.
Ужасы.
Звезды.
Дух Дуба.
Дух Бука.
Дух Вяза.
Дух Тополя.
Дух Сосны.
Дух Кипариса.
Дух Липы.
Дух Каштана.
Дух Березы.
Дух Ивы.
Дух Дубка.
Кролик.
Дух Плюща.
Конь.
Бык.
Вол.
Корова.
Волк.
Баран.
Свинья.
Петух.
Коза.
Осел.
Медведь.
Тучные Блаженства.
Самое Тучное Блаженство.
Рабыни.
Великие Радости.
Детские Блаженства.
Домашние Блаженства.
Лазоревые Дети.
Хранительницы Детей.
Король Девяти Планет.
Время.
Соседка Берленго.
Ее внучка.

КОСТЮМЫ

Тильтиль — костюм Мальчика-с-Пальчик из сказок Перро: темно-красные панталоны, коротенькая курточка нежно-голубого цвета, белые чулки, желтые башмаки.

Митиль — костюм Гретель или Красной Шапочки.

Душа Света — газовое платье лунного цвета, то есть бледно-золотистое с серебряными блестками; от этого платья словно исходят лучи. Покрой новогреческий или же англо-греческий в духе Вальтера Крэна или же близкий к ампиру. Высокая талия, голые руки. Прическа — нечто вроде диадемы или даже легкой короны.

Фея Берилюна, она же соседка Берленго — традиционный костюм нищенок из волшебных сказок. Превращение Феи в принцессу в первом действии можно опустить.

Отец Тиль, Мать Тиль, Дедушка Тиль, Бабушка Тиль — костюмы дровосеков и немецких крестьян из сказок братьев Гримм.

Братья и сестры Тильтиля — варианты костюма Мальчика-с-Пальчик.

Время — классический костюм бога времени: широкая черная или же темно-синяя мантия, длинная седая борода, коса, песочные часы.

Материнская Любовь — костюм, напоминающий одежду Души Света, а именно: легкие, белоснежные, почти прозрачные покровы греческой статуи. Жемчуга и драгоценных камней на ней может быть сколько угодно и самых что ни на есть ярких, лишь бы это не нарушало чистой и целомудренной гармонии целого.

Великие Радости — как сказано в пьесе, блистающие одежды тонких и нежных оттенков: распускающейся розы, сверкающих на солнце вод, янтарной росы, утренней лазури и т. д.

Домашние Блаженства — платья разных цветов или, если угодно, костюмы крестьян, пастухов, дровосеков и т. п., но только приукрашенные, феерически преображенные.

Тучные Блаженства — до превращения: просторные тяжелые мантии из красной и желтой парчи, крупные, массивные драгоцен-

ности и т. д.; после превращения: трико шоколадного или же кофейного цвета, как у картонных паяцев.

Ночь — широкая, черная, с огненно-золотистым отливом риза, усыпанная таинственно мерцающими звездами. Вуаль, темно-красные маки и т. д.

Внучка соседки — золотистые волосы, длинное белое платье.

Пес — красный фрак, белые панталоны, лакированные сапожки, клеенчатая шляпа — костюм, отчасти похожий на наряд Джона Буля.

Кошка — трико из черного шелка с блестками.

Головы Пса и Кошки должны лишь отдаленно напоминать головы животных.

Хлеб — роскошный наряд паши: широкий халат из шелка или из алого, шитого золотом бархата. Высокий тюрбан. Ятаган. Огромный живот, необыкновенно толстые, румяные щеки.

Сахар — шелковое платье, вроде тех, что носят евнухи, синее с белым, как бумага, в которую завертывают сахарные головы. Головной убор, как у хранителя сераля.

Огонь — красное трико, багровый, на золотой подкладке, переливчато сверкающий плащ. Шляпа с султаном из разноцветных огненных языков.

Вода — платье из сказки «Ослиная шкура», то есть голубовато-зеленоватое, с прозрачным отливом, из как бы струящегося газа; покрой платья тоже новогреческий или же англо-греческий, но только оно шире и воздушнее. Головной убор из цветов и водорослей или же из метелок камыша.

Животные — костюмы крестьянские, простонародные.

Деревья — одежды зеленого цвета самых разнообразных оттенков или же цвета древесной коры. Их можно отличить по листьям и ветвям.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ХИЖИНА ДРОВОСЕКА

Сцена представляет хижину дровосека, по-деревенски простую, но не убогую. Догорающий очаг, кухонная утварь, шкаф, квашня, часы с гирями, веретено, умывальник и т. п. На столе зажженная лампа. По обеим сторонам шкафа спят, свернувшись клубком, собака и кошка. Между ними большая синяя с белым сахарная голова. На стене висит круглая клетка с горлицей. В глубине два окна с закрытыми изнутри ставнями. Под одним окном скамья. Налево входная дверь на крепкой задвижке. Направо другая дверь. Лестница на чердак. Тут же, справа, две детские кроватки; у изголовья каждой из них аккуратно сложена на стуле одежда.

При поднятии занавеса Тильтиль и Митиль спят сладким сном на своих кроватках. Мать Тиль в последний раз поправляет им на ночь одеяла и, склонившись над ними, любуется их безмятежным сном, затем машет рукой Отцу Тилю, который в эту минуту просовывает голову в приотворенную дверь. Приставив палец к губам в знак того, чтобы он не нарушал тишины, она гасит лампу и на цыпочках уходит в дверь направо. Сцена некоторое время погружена во мрак, потом сквозь щели ставен начинает пробиваться постепенно усиливающийся свет. Лампа на столе зажигается сама собой. Дети просыпаются и садятся на своих кроватках.

Тильтиль. Митиль!

Митиль. Тильтиль!

Тильтиль. Ты спишь?

Митиль. А ты?..

Тильтиль. Значит, не сплю, если говорю с тобой...

Митиль. Сегодня рождество, да?..

Тильтиль. Нет, не сегодня, а завтра. Только в нынешнем году святочный дед ничего нам не принесет...

Митиль. Почему?..

Тильтиль. Мама говорила, что она не успела сходить за ним в город... Он придет к нам на будущий год...

Митиль. А долго ждать до будущего года?..

Тильтиль. Порядочно... Сегодня ночью он придет к богатым детям...

Митиль. А-а!..

Тильтиль. Что я вижу!.. Мама забыла потушить лампу!.. Знаешь что?..

Митиль. ?..

Тильтиль. Давай встанем!..

Митиль. Нам это не разрешается...

Тильтиль. Да ведь никого нет... Ты видишь ставни?..

Митиль. Ой, как они светятся!..

Тильтиль. Это праздничные огни.

Митиль. А у кого праздник?

Тильтиль. Напротив, у богатых детей. У них елка. Мы сейчас откроем ставни.

Митиль. А разве можно?

Тильтиль. Конечно, можно, раз мы одни. Слышишь — музыка?.. Вставай!

Дети встают, бегут к окну, взбираются на скамью и открывают ставни. Комнату заливает яркий свет. Дети жадно смотрят на улицу.

Тильтиль. Все видно!..

Митиль *(заняв на скамье неудобное место)*. А я ничего не вижу.

Тильтиль. Снег идет!.. Вон две кареты шестериком!..

Митиль. Вышли двенадцать мальчиков!..

Тильтиль. Глупышка! Это не мальчики, а девочки!

Митиль. Да они же в штанишках!

Тильтиль. Много ты понимаешь! Не толкайся!

Митиль. Я тебя не трогаю.

Тильтиль *(захватил один всю скамью)*. Заняла всю скамью!..

Митиль. Это ты занял, а не я!

Тильтиль. Да замолчи ты! Вон елка!

Митиль. Какая елка?..

Тильтиль. Рождественская!.. А ты смотришь на стену!

Митиль. Смотрю на стену, потому что ты меня совсем столкнул.

Тильтиль *(уступает ей крошечное местечко на скамье).* Ладно уж!.. Ну что, успокоилась?.. А свечей-то сколько, свечей!..

Митиль. А что это они так гремят?

Тильтиль. Вон те?.. Это музыканты.

Митиль. Они сердятся?

Тильтиль. Нет, они просто устали.

Митиль. Еще карета, запряженная белыми конями!..

Тильтиль. Молчи!.. Смотри лучше!..

Митиль. А что это там такое золотое висит на ветках?..

Тильтиль. Ах, боже мой, игрушки!.. Сабли, ружья, солдатики, пушки...

Митиль. А кукол там тоже понавесили?..

Тильтиль. Кукол?.. Нет, куклы — это чепуха, это им неинтересно...

Митиль. А что это там расставлено на столе?..

Тильтиль. Пирожки, фрукты, пирожные с кремом...

Митиль. Когда я была маленькая, я как-то раз ела пирожное...

Тильтиль. Я тоже. Это вкуснее, чем хлеб, но только пирожных много не дают...

Митиль. А там много пирожных... Весь стол заставлен... Неужели они все съедят?..

Тильтиль. Еще как съедят! А что же, смотреть на них?..

Митиль. А почему они еще не едят?..

Тильтиль. Потому что они не голодны...

Митиль *(поражена).* Не голодны?.. Почему?..

Тильтиль. Они могут есть, когда захотят...

Митиль *(недоверчиво).* Каждый день?..

Тильтиль. Я так слыхал...

Митиль. Неужели они все съедят?.. Неужели они ничего не оставят?..

Тильтиль. Кому?..

Митиль. Нам...

Тильтиль. Они нас не знают...

Митиль. А если попросить?..

Тильтиль. Попросить нельзя.

Митиль. Почему?..

Тильтиль. Потому что это запрещается...

Митиль *(хлопает в ладоши).* Ах, какие же они красивые!..

Тильтиль *(в восторге)*. И они смеются, смеются!..

Митиль. А малыши танцуют!..

Тильтиль. Да, да!.. Давай и мы с тобой танцевать!..

Прыгают от радости на скамейке.

Митиль. Ах, как весело!..

Тильтиль. Им раздают пирожки!.. Они берут их в руки!.. Они едят! Едят! Едят!

Митиль. И малыши тоже!.. По два, по три, по четыре!..

Тильтиль *(вне себя от радости)*. Как вкусно! Как вкусно!.. Как вкусно!..

Митиль *(считает воображаемые пирожки)*. Мне дали двенадцать!..

Тильтиль. А мне — четырежды двенадцать!.. Но я с тобой поделюсь...

Стук в дверь.

(Сразу притих; испуганно.) Кто это?..

Митиль *(в ужасе)*. Это отец!..

Они не отпирают, тогда задвижка сама собой со скрипом отодвигается, дверь приотворяется и пропускает старушонку в зеленом платье и в красном чепце. Она горбата, хрома, одноглаза, нос крючком, ходит с палочкой. Сразу видно, что это — Фея.

Фея. Нет ли у вас Поющей Травы или Синей Птицы?..

Тильтиль. Трава у нас есть, только она не поет...

Митиль. У Тильтиля есть птица.

Тильтиль. Я ее не отдам...

Фея. Почему?..

Тильтиль. Потому что она моя.

Фея. Это, конечно, веский довод. А где птица?..

Тильтиль *(показывает на клетку)*. В клетке...

Фея *(надевает очки и рассматривает птицу)*. Я такую птицу и не возьму — она недостаточно синяя. Вам придется пойти поискать ту птицу, которая мне нужна.

Тильтиль. А я не знаю, где она.

Фея. Я тоже. Потому-то и надо ее искать. Обойтись без Поющей Травы я еще в крайнем случае могу, но Синяя Птица мне просто необходима. Я ищу ее для моей внучки — моя внучка очень больна.

Тильтиль. Что с ней?..

Фея. Трудно понять. Она хочет быть счастливой...

Тильтиль. Ах вот что!..

Фея. Вы знаете, кто я?..

Тильтиль. Вы немного похожи на нашу соседку, госпожу Берленго...

Фея *(вдруг вспылив)*. Ничуть не похожа!.. Ни малейшего сходства!.. Это возмутительно!.. Я — Фея Берилюна...

Тильтиль. Ах, очень приятно!..

Фея. Вам придется пойти сейчас же.

Тильтиль. А вы с нами пойдете?..

Фея. Мне никак нельзя. Я утром поставила варить суп, а когда я запаздываю, он непременно выкипает... *(Показывает сперва на потолок, потом на очаг, потом на окно.)* Откуда вы хотите выйти: отсюда, отсюда, отсюда?..

Тильтиль *(робко показывает на дверь)*. Нельзя ли отсюда?..

Фея *(снова вспылив)*. Никак нельзя! Отвратительная привычка!.. *(Указывает на окно.)* Мы выйдем отсюда... Ну?.. Что же вы?.. Одевайтесь!..

Дети проворно одеваются.

Я помогу Митиль...

Тильтиль. У нас башмаков нет...

Фея. Это не важно. Я вам дам волшебную шапочку. Где ваши родители?..

Тильтиль *(показывает на дверь направо)*. Там. Они спят...

Фея. А дедушка с бабушкой?..

Тильтиль. Умерли...

Фея. А братишки и сестренки у вас есть?..

Тильтиль. Да, есть. Три братца...

Митиль. И четыре сестренки...

Фея. Где же они?..

Тильтиль. Тоже умерли...

Фея. Хотите с ними повидаться?..

Тильтиль. Еще бы!.. Прямо сейчас же!.. Покажите их нам!..

Фея. Я их в кармане не ношу... Но все складывается чудесно: вы с ними увидитесь, когда будете проходить через Страну Воспоминаний. Это как раз по дороге к Синей Птице. Четвертый поворот налево. Что вы тут делали до моего прихода?..

Тильтиль. Мы играли, что едим пирожки.

Ф е я. У вас есть пирожки?.. Где же они?..

Т и л ь т и л ь. Во дворце у богатых детей... Поглядите — там так красиво!.. *(Тянет Фею к окну.)*

Ф е я *(у окна)*. Да ведь это другие едят, а не вы!..

Т и л ь т и л ь. Да, но нам все видно...

Ф е я. И ты не завидуешь?..

Т и л ь т и л ь. А чему же завидовать?..

Ф е я. Тому, что они все съедают сами. По-моему, это очень дурно, что они с тобой не делятся...

Т и л ь т и л ь. На то они и богатые... Ах, до чего же у них красиво!..

Ф е я. У тебя не хуже.

Т и л ь т и л ь. Ну да!.. У нас темно, тесно, пирожков нет...

Ф е я. Никакой разницы, только ты этого не видишь...

Т и л ь т и л ь. Я хорошо вижу, у меня отличное зрение. Я вижу, который час на церковных часах, а отец не видит...

Ф е я *(вдруг вспылив)*. А я говорю, что ты ничего не видишь!.. Вот, например, какою я тебе представляюсь?.. Какая я, по-твоему?..

Тильтиль сконфуженно молчит.

Что же ты? Отвечай!.. Вот я сейчас проверю, как ты хорошо видишь!.. Красива я или уродлива?..

Тильтиль еще больше конфузится и молчит.

Почему же ты не отвечаешь?.. Молода я или стара? Румяна или бледна?.. Может быть, у меня горб?..

Т и л ь т и л ь *(стараясь выразиться мягче)*. Нет, что вы, горб у вас небольшой!..

Ф е я. А по выражению твоего лица можно заключить, что огромный... Нос у меня крючком, левый глаз выколот?..

Т и л ь т и л ь. Нет, нет, я этого не говорил... А кто вам его выколол?..

Ф е я *(все сильнее раздражаясь)*. Никто мне его не думал выкалывать!.. Дерзкий мальчишка! Противный мальчишка!.. Он еще красивее, чем правый. Больше и яснее. Цвет его — небесно-голубой... А вот мои волосы!.. Золотистые, как спелые колосья... Как самородное золото!.. Они у меня такие густые, что

даже голове тяжело... Они падают волнами... Следи за моими руками... *(Вытаскивает из-под чепца две жидкие пряди седых волос.)*

Тильтиль. Да, я вижу несколько волосков...

Фея *(с возмущением)*. «Несколько волосков»!.. Снопы! Охапки! Заросли! Потоки золота!.. Люди обычно говорят, что они этого не видят, но ты-то, надеюсь, не принадлежишь к числу этих злых слепцов?..

Тильтиль. Нет, нет, те ваши пряди, что на виду, я различаю явственно...

Фея. Надо быть смелым, надо уметь различать и те, что не на виду!.. Странный народ эти Люди!.. Когда Феи вымерли, Люди ослепли, но они даже не замечают этого... Хорошо, что я всегда ношу с собой то, что может зажечь угасшее зрение... Что это я достаю из мешка?..

Тильтиль. Какая хорошенькая зеленая шапочка!.. А что это у нее блестит на пряжке?..

Фея. Большой алмаз, он возвращает зрение...

Тильтиль. Ах вот оно что!..

Фея. Да. Сперва надо надеть шапочку, а затем осторожно повернуть алмаз справа налево — вот так, понимаешь?.. Алмаз надавливает на шишку на голове — про эту шишку никто не знает,— и глаза открываются...

Тильтиль. А это не больно?..

Фея. Нисколько — ведь алмаз чудодейственный... Ты сейчас же начинаешь видеть то, что заключают в себе различные предметы, например душу хлеба, вина, перца...

Митиль. И душу сахара тоже?..

Фея *(вдруг рассердившись)*. Ну разумеется!.. Терпеть не могу глупых вопросов... Душа перца не менее интересна, чем душа сахара... Вот все, что я могу дать, чтобы помочь вам найти Синюю Птицу... Кольцо-невидимка и ковер-самолет вам больше бы пригодились... но я потеряла ключ от шкафа, в котором они у меня хранятся... Ах да, я и забыла!.. *(Указывает на алмаз.)* Смотри!.. Если его держать вот так, а потом слегка повернуть, то открывается Минувшее... Еще немного повернуть — и открывается Грядущее... Все это вам будет очень интересно, очень полезно, и притом алмаз не производит ни малейшего шума...

Тильтиль. Отец отнимет у меня алмаз...

Фея. Он не увидит. Пока алмаз на голове, никто его не увидит... Хочешь попробовать?.. *(Надевает Тильтилю на голову*

зеленую шапочку.) Теперь поверни алмаз... Один поворот, другой...

Только успел Тильтиль повернуть алмаз, как со всеми предметами произошла внезапная и чудесная перемена. Старая колдунья вдруг превращается в прекрасную сказочную принцессу. Камни, из которых сложены стены хижины, светятся синим, как сапфир, светом, становятся прозрачными, искрятся и ослепительно сверкают, точно это самые драгоценные камни. Бедная обстановка хижины оживает и преображается: простой деревянный стол держит себя так величественно, с таким достоинством, точно он мраморный. Циферблат стенных часов прищуривается и добродушно усмехается; дверца, за которой ходит взад и вперед маятник, открывается, и оттуда выскакивают Души Часов; держась за руки и весело смеясь, они начинают танцевать под звуки прелестной музыки. Тильтиль, понятно, изумлен, у него невольно вырывается восклицание.

Тильтиль *(показывая на Души Часов)*. Кто эти прекрасные дамы?..

Фея. Не бойся — это Часы твоей жизни, они рады, что хоть ненадолго вырвались на свободу и что их видно...

Тильтиль. А почему стены такие светлые?.. Разве они из сахара или из драгоценных камней?..

Фея. Все камни одинаковы, все драгоценны, но человек видит лишь некоторые из них...

Феерия тем временем продолжается и разрастается. Из квашни вылезают Души Караваев в виде человечков, одетых в трико цвета хлебной корки. Все в муке, они скачут с оторопелым видом вокруг стола, а за ними гоняется, корчась от смеха, вырвавшийся из очага Огонь, одетый в трико цвета киновари с серой.

Тильтиль. Что это за уродцы?..

Фея. Особы не очень важные. Это Души Караваев; пользуясь тем, что наступило Царство Истины, они вышли из квашни, где им было тесно...

Тильтиль. А этот долговязый красный дьявол, от которого дурно пахнет?..

Фея. Тссс!.. Тише! Это Огонь... У него прескверный характер.

Феерия между тем не прекращается. Собака и кошка, до сего времени спавшие, свернувшись клубком, возле шкафа, вдруг просыпаются; слышится дикий вой собаки и мяуканье кошки, затем они проваливаются в люк, а вместо них появляются два существа, одно из которых носит маску бульдога, а другое — маску кошки. В ту же минуту человечек с маской бульдога — впредь мы будем именовать его Псом — бросается к Тильтилю, душит его в объятиях, осыпает бурными и шумными ласками, а в это время маленькая женщина с маской кошки — мы будем называть ее просто Кошка,— прежде чем подойти к Митиль, умывается и разглаживает усы. Пес рычит, прыгает, толкается, ведет себя ужасно.

Пес. Мое маленькое божество!.. Здравствуй, здравствуй, мое маленькое божество!.. Наконец-то, наконец-то мне можно говорить! Мне столько нужно сказать тебе!.. Напрасно я лаял и вилял хвостом — ты не понимал меня!.. Но теперь!.. Здравствуй! Здравствуй!.. Я люблю тебя... Я люблю тебя!.. Хочешь, я выкину что-нибудь из ряда вон выходящее?.. Хочешь, покажу фокус?.. Хочешь, пройдусь на передних лапах, попляшу на канате?..

Тильтиль *(Фее)*. Кто этот господин с собачьей головой?..

Фея. Разве ты его не узнал?.. Это Душа Тило́,— ты ее освободил...

Кошка *(подойдя к Митиль, жеманно и недоверчиво протягивает ей руку)*. Здравствуйте, барышня!.. Какая вы сегодня хорошенькая!..

Митиль. Здравствуйте, сударыня... *(Фее.)* Кто это?..

Фея. Нетрудно догадаться — тебе протягивает руку Душа Тилетты... Поцелуй ее!..

Пес *(отталкивает Кошку)*. И я!.. Я тоже хочу поцеловать мое маленькое божество!.. Я хочу поцеловать девочку!.. Я хочу расцеловать всех!.. Давайте веселиться! Ух ты!.. Я сейчас попугаю Тилетту!.. Гав! Гав! Гав!

Кошка. Милостивый государь, я с вами незнакома...

Фея *(грозит Псу волшебной палочкой)*. Перестань сейчас же, а то ты снова погрузишься в Молчание до конца света...

А феерия идет своим чередом: веретено в углу кружится с невероятной быстротой и прядет пряжу из дивных лучей света. В другом углу вода в кране начинает петь тонким голосом и, превратившись в сверкающий фонтан, низвергает в раковину потоки изумрудов и жемчужин. Из этих потоков выходит Душа Воды в обличье плаксивой девушки с распущенными волосами, в как бы струящихся одеждах и немедленно вступает в бой с Огнем.

Тильтиль. Кто эта мокрая дама?..

Фея. Не бойся — это Вода вышла из крана...

Со стола падает на пол и разбивается кувшин с молоком. Из разлитого молока поднимается высокая белая фигура, робкая и стыдливая.

Тильтиль. А кто эта боязливая дама в одной рубашке?..

Фея. Это Душа Молока разбила кувшин...

Сахарная голова, стоявшая около шкафа, растет, ширится и разрывает обертку. Из обертки выходит слащавое, фальшивое существо в холщовой синей с белым одежде и, подобострастно улыбаясь, подходит к Митиль.

Митиль *(опасливо)*. Что ему нужно?..

Ф е я. Да ведь это Душа Сахара!..

М и т и л ь *(успокоившись)*. А у него есть леденцы?..

Ф е я. У него все карманы полны леденцов, каждый его палец — это тоже леденец...

Со стола падает лампа, из нее мгновенно вымахивает пламя и превращается в светозарную д е в у ш к у несравненной красоты. На девушке длинное прозрачное, ослепительно яркое покрывало. Она стоит неподвижно, как бы в экстазе.

Т и л ь т и л ь. Это королева!

М и т и л ь. Это богородица!..

Ф е я. Нет, дети, это Душа Света...

В это время кастрюли на полках начинают вертеться волчком, бельевой шкаф распахивает дверцы, разворачиваются, одна великолепнее другой, ткани лунного и солнечного цвета, с чердачной лестницы скатываются не менее роскошные тряпки и обноски и вливаются в поток тканей. Но вдруг кто-то довольно сильно стучит три раза в дверь направо.

Т и л ь т и л ь *(испуганно)*. Это отец!.. Он услышал!..

Ф е я. Поверни алмаз!.. Слева направо!..

Тильтиль резким движением поворачивает алмаз.

Не так быстро!.. Ах, боже мой! Что ты наделал!.. Зачем ты так круто повернул? Они не успеют занять свои прежние места, и у нас будут большие неприятности...

Фея вновь превращается в старуху, стены меркнут, Души Часов возвращаются в свой футляр, веретено останавливается и т. д. Поднимается суматоха и кутерьма. Огонь мечется как сумасшедший по комнате и все не может найти очаг, а один из Хлебов, не уместившись в квашне, рыдает и испускает вопли ужаса.

Ф е я. Что с тобой?..

Х л е б *(весь в слезах)*. В квашне нет больше места!..

Ф е я *(заглядывает в квашню)*. Есть, есть!.. *(Подвигает другие Караваи, возвратившиеся на свои места.)* А ну, потеснитесь!..

Снова стук в дверь.

Х л е б *(в отчаянии, тщетно пытаясь влезть в квашню)*. Я погиб!.. Он меня первого съест!..

П е с *(скачет вокруг Тильтиля)*. Мое маленькое божество!.. Я еще здесь!.. Я еще могу говорить с тобой! Я еще могу поцеловать тебя!.. Еще! Еще! Еще!..

Ф е я. Как, и ты?.. И ты еще не спрятался?..

П е с. Мне повезло... Я не могу погрузиться в Молчание — слишком скоро захлопнулся люк.

К о ш к а. И мой тоже... Что же теперь с нами будет?.. Нам грозит опасность?

Ф е я. Ничего не поделаешь, я должна сказать вам правду: все, кто пойдет с детьми, умрут в конце путешествия...

К о ш к а. А кто не пойдет?..

Ф е я. Те умрут на несколько минут позже...

К о ш к а *(Псу)*. Скорее в люк!..

П е с. Нет, нет!.. Я не хочу в люк!.. Я хочу идти с маленьким божеством!.. Я хочу все время с ним разговаривать!..

К о ш к а. Болван!..

Снова стук в дверь.

Х л е б *(плачет горькими слезами)*. Я не хочу умереть в конце путешествия!.. Я хочу в квашню!..

О г о н ь *(все еще мечется по комнате и шипит от страха)*. Я не могу найти очаг!..

В о д а *(тщетно пытается войти в кран)*. Я не могу войти в кран!..

С а х а р *(суетится вокруг обертки)*. Я прорвал свою обертку!..

М о л о к о *(стыдливо и вяло)*. Мой кувшин разбился!..

Ф е я. Боже мой, как вы глупы!.. Как вы глупы и трусливы!.. Значит, вам больше нравится жить в дрянных футлярах, в люках и в кранах, чем идти с детьми за Синей Птицей?..

В с е *(кроме Пса и Души Света)*. Да, да!.. Скорей, скорей!.. Где мой кран?.. Где моя квашня?.. Где мой очаг?.. Где мой люк?..

Ф е я *(Душе Света, задумчиво глядящей на осколки лампы)*. А ты, Душа Света, что скажешь?..

Д у ш а С в е т а. Я пойду с детьми...

П е с *(рычит от радости)*. И я!.. И я!..

Ф е я. Вот молодцы! Да и потом отступать уже поздно — у вас другого выхода нет, вы все пойдете с нами... Но только ты, Огонь, ни к кому близко не подходи, ты, Пес, не приставай к Кошке, а ты, Вода, держись прямо и старайся не брызгаться...

Опять слышен сильный стук в дверь.

Т и л ь т и л ь *(прислушивается)*. Опять стучится отец... Это его шаги...

Ф е я. Мы выйдем через окно... Вы все пойдете ко мне — я подберу подходящий наряд и для Животных, и для Предме-

тов... *(Хлебу.)* Хлеб, держи клетку для Синей Птицы... Клетку понесешь ты... Скорей, скорей, нельзя терять ни минуты!..

Окно внезапно удлиняется и превращается в дверь. Все уходят. Затем окно снова принимает свою обычную форму и как ни в чем не бывало закрывается. Комната снова погружается во мрак; детские кроватки окутаны тьмой. Дверь справа приотворяется, и показываются головы Отца и Матери Тиль.

Отец Тиль. Да нет, ничего... Это сверчок пел...

Мать Тиль. Ты их видишь?..

Отец Тиль. Конечно, вижу... Они крепко спят...

Мать Тиль. Да, я слышу их дыхание...

Дверь затворяется.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

У ФЕИ

Роскошная передняя во Дворце Феи Берилюны. Белые мраморные колонны с золотыми и серебряными капителями, лестницы, портики, балюстрады и пр.

В глубине направо появляются расфранченные Кошка, Сахар и Огонь. Выходят они из комнаты, откуда льются лучи света,— там гардеробная Феи. Кошка на свое черное шелковое трико накинула легкий газ. Сахар вырядился в шелковое белое с голубым платье, Огонь — в шляпе с пестрым султаном и в длинной багровой мантии на золотой подкладке. Кошка ведет Огонь и Сахар через переднюю направо под портик, и тут все трое останавливаются.

Кошка. Сюда! Я знаю все ходы и выходы в этом Дворце. Фее Берилюне он достался в наследство от Синей Бороды... Пока дети и Душа Света навещают внучку Феи, давайте воспользуемся последней минутой свободы... Я позвала вас сюда, чтобы обсудить наше бедственное положение... Все ли налицо?..

Сахар. Из гардеробной выходит Пес...

Огонь. Что это у него, черт побери, за наряд?..

Кошка. Он выбрал себе ливрею одного из выездных лакеев Золушки... Это как раз для него... Холопская душа... Давайте спрячемся за балюстраду... Я ему почему-то не доверяю... Я не хочу, чтобы он слышал наш разговор...

Сахар. Поздно... Он уже учуял... А вот и Вода выходит из гардеробной... Боже, как она прекрасна!..

Пес и Вода подходят к первой группе.

Пес *(скачет)*. Вот и мы! Вот и мы!.. До чего мы красивы! Поглядите, какие кружева, какие вышивки!.. Золото, настоящее золото!..

Кошка *(Воде)*. Если не ошибаюсь, это платье из «ослиной шкуры»?..

Вода. Да, из всех платьев только оно мне и подошло...

Огонь *(сквозь зубы)*. Она без зонтика...

Вода. Что вы сказали?..

Огонь. Так, ничего...

Вода. Мне послышалось, будто вы заговорили о большом красном носе, который я недавно у кого-то видела...

Кошка. Полно, не ссорьтесь! У нас с вами дела поважнее... Где же Хлеб? Мы только его и ждем...

Пес. Он там все перерыл — никак не мог подобрать себе костюм...

Огонь. Какой ему смысл наряжаться, когда у него такое глупое лицо и такой толстый живот?..

Пес. В конце концов выбрал турецкий халат, унизанный драгоценными камнями, ятаган и тюрбан...

Кошка. Вот он!.. На нем самый богатый наряд Синей Бороды...

Входит Хлеб в вышеописанном костюме. Шелковый халат еле застегнулся на его огромном животе. Одной рукой он придерживает рукоять ятагана, висящего у него за поясом, а в другой руке у него клетка для Синей Птицы.

Хлеб *(важно переваливается с боку на бок)*. Ну как?.. Хорош я?..

Пес *(скачет вокруг Хлеба)*. Как хорош! Как пригож! Как пригожа глупая эта рожа!..

Кошка *(Хлебу)*. Дети нарядились?..

Хлеб. Да. Тильтиль выбрал костюм Мальчика-с-Пальчик, а Митиль — платье Гретель и туфельки Золушки... Труднее всего было одеть Душу Света...

Кошка. Почему?..

Хлеб. Фея сказала, что она и так прекрасна... Тогда я выразил протест от имени всего нашего почтенного сословия — сословия первоосновных элементов. В конце речи я прямо заявил, что при таких условиях отказываюсь с ней идти...

Огонь. Ей абажур надо купить!..

Кошка. А что на это ответила Фея?..

Хлеб. Несколько раз ударила меня палочкой по голове и по животу...

Кошка. Ну, а ты?..

Хлеб. Это меня сразу убедило, но в последнюю минуту Душа Света остановилась на платье лунного цвета — оно лежало на самом дне сундука с сокровищами Ослиной шкуры...

Кошка. Ну, довольно болтать, время не ждет!.. Речь идет о нашей дальнейшей судьбе... Нам сама Фея сказала, что в конце путешествия окончится и наша жизнь... Значит, нужно во что бы то ни стало продлить путешествие... Но это еще не все. Нам нужно подумать об участи всей нашей породы, о судьбе наших детей...

Хлеб. Браво! Браво!.. Кошка говорит дело!..

Кошка. Слушайте дальше... Мы все, здесь присутствующие,— Животные, Предметы, Стихии — обладаем Душой, которую Человек до сих пор не разгадал. Только благодаря этому мы еще не совсем утратили независимость. Но, как только он найдет Синюю Птицу, он постигнет все и окончательно поработит нас... Я это недавно узнала от моей близкой подруги Ночи — хранительницы тайн Бытия... Итак, в наших интересах любой ценой добиться того, чтобы он так и не нашел Синюю Птицу, хотя бы для этого пришлось пожертвовать жизнью детей...

Пес *(в негодовании)*. Что она говорит?.. А ну, повтори! Я, должно быть, ослышался.

Хлеб. Замолчите!.. Я вам слова не давал!.. Я — председатель собрания...

Огонь. А кто вас выбирал?..

Вода *(Огню)*. Молчать!.. Вам-то что за дело?..

Огонь. Значит, есть дело... А вы мне не указ...

Сахар *(примирительно)*. Позвольте!.. Не будем ссориться... Вопрос очень важный... Нам нужно решить, какие мы должны принять меры...

Хлеб. Я вполне разделяю мнение Сахара и Кошки...

Пес. Ну и дурак!.. Человек — это все!.. Надо его слушаться и исполнять все его желания!.. В этом вся истина... Я признаю только его!.. Да здравствует Человек!.. Жить и умереть ради Человека!.. Человек — это божество!..

Хлеб. Я вполне разделяю мнение Пса.

Кошка *(Псу)*. Это еще надо доказать...

Пес. Никаких доказательств!.. Я люблю Человека, вот и все!.. Посмейте только задумать что-нибудь против него — я сначала вас загрызу, а потом пойду к нему и все открою...

Сахар *(слащаво)*. Позвольте!.. Не надо так горячиться...

С известной точки зрения, права и та и другая сторона... Есть доводы и «за» и «против»...

Хлеб. Я вполне разделяю мнение Сахара!..

Кошка. Разве все мы — Вода, Огонь и даже вы, Хлеб и Пес,— разве мы не являемся жертвами чудовищной тирании?. Вспомните, как было до появления деспота: мы тогда свободно ходили по земле... Вода и Огонь были единственными властелинами мира,— поглядите же, что с ними сталось теперь!.. А мы, хилые потомки могучих хищников!.. Тсс!.. Примем самый невинный вид... Сюда идут Фея и Душа Света... Душа Света перешла на сторону Человека — это наш злейший враг... Вот они...

Справа входят Фея и Душа Света, за ними Тильтиль и Митиль.

Фея. Это еще что такое?.. Что вы там притаились в углу, как заговорщики?.. Пора и в путь... Вашей предводительницей будет Душа Света... Вы будете ее слушаться, как меня. Мою волшебную палочку я передаю ей... Сегодня дети навестят своих умерших Бабушку и Дедушку... А вы проявите деликатность и не ходите туда с ними... Пусть они проведут вечер в лоне усопшей семьи... Тем временем вы приготовите все, что нужно, для завтрашнего долгого перехода... Ну, каждый на свое место — и в путь!..

Кошка *(лицемерно)*. Я как раз то самое им и говорила, госпожа Фея... Я их призывала добросовестно и неуклонно исполнять свой долг. К сожалению, Пес не давал мне говорить..

Пес. Что такое?.. Ну погоди ж ты у меня!.. *(Хочет броситься на Кошку.)*

Тильтиль *(заметив его движение, грозит ему)*. Тило, не смей!.. Смотри у меня: если ты еще раз...

Пес. Мое маленькое божество, ты же не знаешь, что она...

Тильтиль *(грозит ему)*. Перестань!..

Фея. Довольно, прекратите!.. Хлеб, передай на сегодня клетку Тильтилю... Быть может, Синяя Птица скрывается в Прошлом, у Предков... Во всяком случае, надо это иметь в виду... Ну, Хлеб, давай клетку!..

Хлеб *(торжественно)*. Будьте добры, госпожа Фея, одну минутку!.. *(В позе оратора, произносящего речь.)* Прошу всех быть свидетелями, что серебряная клетка, доверенная мне...

Фея *(прерывает его)*. Довольно!.. Без лишних фраз!.. Мы выйдем отсюда, а дети — отсюда...

Тильтиль *(с некоторым беспокойством)*. Мы пойдем одни?..

Митиль. Я есть хочу!..

Тильтиль. Я тоже!..

Фея *(Хлебу)*. Распахни свой турецкий халат и отрежь им по ломтю от твоего объемистого живота...

Хлеб распахивает халат, достает из-за пояса ятаган, отрезает от своего толстого живота два куска и дает детям.

Сахар *(подходит к детям)*. Позвольте вас угостить леденцами... *(Ломает один за другим все пять пальцев на левой руке и предлагает их детям.)*

Митиль. Что он делает?.. Он ломает себе пальцы!..

Сахар *(заискивающе)*. Попробуйте, как вкусно... Это настоящие леденцы...

Митиль *(сосет один из пальцев)*. Какие сладкие!.. У тебя их много?..

Сахар *(скромно)*. Сколько угодно...

Митиль. И тебе не больно, когда ты их ломаешь?..

Сахар. Нисколько... Напротив, это очень удобно. Они сейчас же отрастают, и, таким образом, у меня всегда новые и чистые пальцы...

Фея. Не ешьте много сахару, дети! Не забудьте, что вам предстоит ужинать у Дедушки и Бабушки...

Тильтиль. Они тут?..

Фея. Вы их сейчас увидите...

Тильтиль. Как же мы их увидим, когда они умерли?..

Фея. Раз они живут в вашей памяти, значит, не умерли... Люди не знают этой тайны, они вообще мало что знают. Но ты благодаря алмазу сейчас увидишь, что мертвые, о которых вспоминают, живут счастливо, так, как будто они и не умирали...

Тильтиль. А Душа Света пойдет с нами?..

Душа Света. Нет. Побудьте в своем домашнем кругу... Я боюсь показаться навязчивой, я буду ждать вас поблизости... Ведь они меня не звали...

Тильтиль. Как туда пройти?..

Фея. Вот этой дорогой... Вы как раз на рубеже Страны Воспоминаний. Повернешь алмаз — и сейчас же увидишь большое дерево с надписью,— значит, ты пришел куда следует... Только не забудьте, что без четверти девять вы должны вернуться... Это чрезвычайно важно... Будьте же точны. Если опоздаете, то все погибло... Ну, до свиданья!.. *(Подзывает Кошку, Пса, Душу Света и других.)* Вы — сюда... а дети — туда...

Уходит направо вместе с Душой Света, Животными и другими, а дети уходят налево.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

СТРАНА ВОСПОМИНАНИЙ

Из густого тумана с правой стороны встает могучий дуб с прибитой к его стволу дощечкой. Молочно-белый, мутный, непроницаемый свет. Тильтиль и Митиль стоят у подножия дуба.

Тильтиль. Вот и дерево!..

Митиль. А на нем надпись!..

Тильтиль. Не могу разобрать, что там написано... Погоди, сейчас влезу на пень... Так и есть... Здесь написано: «Страна Воспоминаний».

Митиль. Она тут и начинается?..

Тильтиль. Да, вот стрелка...

Митиль. Ну, а где же Дедушка с Бабушкой?..

Тильтиль. За туманом... Сейчас увидим...

Митиль. Ничего я не вижу!.. Своих рук и ног не разгляжу... *(Хнычет.)* Мне холодно!.. Не хочу я больше путешествовать!.. Хочу домой!..

Тильтиль. Да будет тебе! Что ты все плачешь, как Вода?.. Не стыдно?.. Большая девочка!.. Гляди, туман поднимается... Сейчас увидим, что там за ним...

В самом деле, туман зашевелился: он редеет, светлеет, рассеивается, тает. Свет становится все более и более прозрачным, и немного погодя можно уже различить под сводом зелени веселый крестьянской домик, увитый плющом.

Окна и дверь раскрыты. Под навесом ульи, на подоконниках горшки с цветами, клетка, в которой спит дрозд, и т. д. У двери скамья, на ней сидят старый крестьянин и его жена. Оба погружены в глубокий сон. Это Дедушка и Бабушка Тильтиля.

Тильтиль *(сразу узнает их)*. Вон Дедушка и Бабушка!..

Митиль *(хлопает в ладоши)*. Да, да!.. Это они!.. Это они!..

Тильтиль *(еще сомневается)*. Погоди!.. Еще неизвестно, могут ли они двигаться... Постоим за деревом...

Бабушка Тиль открывает глаза, поднимает голову, потягивается, вздыхает, потом оглядывается на Дедушку Тиля. Дедушка в это время тоже медленно просыпается.

Бабушка Тиль. У меня такое предчувствие, что наши внуки, которые еще живы, нынче придут нас проведать...

Дедушка Тиль. Они, наверно, думают о нас. Со мной творится что-то неладное. В ногах какой-то зуд...

Бабушка Тиль. Должно быть, они совсем близко — слезы радости застилают мне глаза...

Дедушка Тиль. Нет, нет, они далеко... У меня слабость еще не прошла...

Бабушка Тиль. А я тебе говорю, что они где-то тут — ко мне вернулись силы...

Тильтиль и Митиль *(выбегают из-за дуба)*. Мы здесь!.. Мы здесь!.. Дедушка, Бабушка!.. Это мы!.. Это мы!..

Дедушка Тиль. Ага!.. Вот видишь!.. Что я тебе говорил?.. Я так и знал, что они придут сегодня...

Бабушка Тиль. Тильтиль!.. Митиль!.. Это ты!.. Это она!.. Это они!.. *(Пытается бежать им навстречу.)* Нет, не могу!.. Ревматизм замучил!

Дедушка Тиль *(ковыляет им навстречу)*. Я тоже не могу... Я ведь когда-то давно упал с высокого дуба и сломал ногу, с тех пор хожу на деревяшке...

Дедушка, Бабушка и дети крепко целуются.

Бабушка Тиль. А ты, Тильтиль, вырос, поздоровел!..

Дедушка Тиль *(гладит Митиль по головке)*. А Митиль!.. Посмотри-ка на нее!.. Какие у нее волосики, какие глазки!.. И как приятно от нее пахнет!..

Бабушка Тиль. Дайте-ка, я вас еще расцелую!.. Садитесь ко мне на колени...

Дедушка Тиль. А я что же, ни при чем остался?..

Бабушка Тиль. Нет уж, сначала я... Ну как поживают папа с мамой?..

Тильтиль. Очень хорошо, Бабушка... Они спали, когда мы ушли...

Бабушка Тиль *(любуется ими и осыпает ласками)*. Какие же они хорошенькие, чистенькие!.. Это мама вас так хорошо вымыла?.. И чулки у тебя целые!.. Бывало, раньше я вам их штопала... Отчего вы так редко нас навещаете?.. Это такая радость для нас!.. Мы уже несколько месяцев никого не видим — совсем вы нас забыли...

Тильтиль. Это не от нас зависит, Бабушка. Сегодня мы только благодаря Фее...

Бабушка Тиль. А мы тут все поджидаем, не заглянет ли к нам кто-нибудь из живых... Но только редко они нас навещают!.. Когда мы с вами виделись в последний раз?.. А, вспомнила: в день всех святых, когда зазвонили в церкви...

Тильтиль. В день всех святых?.. В этот день мы не выходили из дому — мы были простужены...

Бабушка Тиль. Но ведь вы о нас думали?..

Тильтиль. Да...

Метерлинк. «Синяя птица»

Бабушка Тиль. Ну вот, всякий раз, как вы о нас подумаете, мы просыпаемся и снова видим вас...

Тильтиль. Значит, стоит лишь...

Бабушка Тиль. Да ты же сам это отлично знаешь...

Тильтиль. Нет, не знаю...

Бабушка Тиль *(Дедушке Тилю)*. Чудные они там... Ничего-то они не знают!.. И чему их только учат!..

Дедушка Тиль. Все как было при нас... Живые обыкновенно такой вздор городят про неживых!..

Тильтиль. Вы все время спите?..

Дедушка Тиль. Да, мы спим немало, пока нас не разбудит мысль кого-нибудь из живых... Хорошо поспать, когда жизнь прожита!.. Но и просыпаться время от времени тоже приятно...

Тильтиль. Значит, вы на самом деле не умерли?..

Дедушка Тиль *(подскочив на месте)*. Что ты говоришь!.. Вы послушайте, что он говорит!.. Употребляет какие-то непонятные выражения... Это что, какое-нибудь новое слово, какая-нибудь новая выдумка?..

Тильтиль. Слово «умерли»?..

Дедушка Тиль. Да, да... Что это значит?..

Тильтиль. Так говорят про тех, кого уже нет в живых...

Дедушка Тиль. Какая дичь!..

Тильтиль. А вам тут хорошо?..

Дедушка Тиль. Да, недурно, недурно. Вот если бы вы еще там за нас молились...

Тильтиль. Отец говорит, что молиться не надо...

Дедушка Тиль. Как же не надо! Как же не надо!.. Молиться — значит вспоминать...

Бабушка Тиль. Да, да, вы уж нас почаще навещайте — тогда нам совсем будет хорошо... Помнишь, Тильтиль?.. Последний раз я испекла яблочный пирог... Ты еще им объелся...

Тильтиль. Я с прошлого года не ел яблочного пирога... В этом году яблоки не уродились...

Бабушка Тиль. Не говори глупостей... У нас яблоки не переводятся...

Тильтиль. То у вас, а то у нас...

Бабушка Тиль. А какая разница?.. И там мы целовались и здесь целуемся...

Тильтиль *(смотрит то на Дедушку, то на Бабушку)*. Ты ничуть не изменился, Дедушка, ничуть... И Бабушка ничуть не изменилась... Вы только похорошели...

Дедушка Тиль. Да, грех жаловаться... Мы не стареем...

А вы — вы растете!.. Ишь как вытянулись!.. Давайте посмотрим: мы тут на двери зарубку прошлый раз сделали... В день всех святых... Ну-ка, стань прямей!..

Тильтиль становится у двери.

На целых четыре пальца!.. Здорово!.. А Митиль — на четыре с половиной!.. Ах ты, дрянная девчонка!.. И куда только растут, и куда только растут!..

Тильтиль *(в восторге все осматривает)*. Все по-старому, все на своем месте!.. Только все еще лучше стало!.. Вон часы,— это я отломал кончик от большой стрелки...

Дедушка Тиль. А от этой суповой миски ты отбил краешек...

Тильтиль. А эту дырку в двери я просверлил буравом...

Дедушка Тиль. Да уж, нашкодил ты у нас!.. А вот слива... Стоит мне, бывало, уйти — ты уже на дереве... На ней всегда отменные красные сливы...

Тильтиль. Только теперь они еще красивей...

Митиль. А вон старый дрозд!.. Он еще поет?..

Дрозд просыпается и начинает громко петь.

Бабушка Тиль. Вот видишь... Как только ты о нем подумала...

Тильтиль *(к своему изумлению, замечает, что дрозд совершенно синий)*. Да он синий!.. Это и есть та Синяя Птица, которую я должен принести Фее!.. Что же вы мне не сказали, что она у вас?.. Ах, какой же он синий! Синий-синий, точно шар из синего стекла!.. *(С мольбой.)* Дедушка, Бабушка, подарите мне его!..

Дедушка Тиль. Что ж, я не прочь... А ты что скажешь, жена?

Бабушка Тиль. Конечно, конечно... Нам он совсем не нужен... Только и знает, что спать... Его и не слышно-то никогда...

Тильтиль. Я посажу его в клетку... Стой, а где же клетка?.. Ах да, я ее оставил под деревом... *(Бежит к дереву, возвращается с клеткой и сажает в нее дрозда.)* Значит, вы мне его правда дарите? Правда?.. То-то Фея будет довольна!.. И Душа Света!..

Дедушка Тиль. Только вот что: я за птицу не отвечаю... Боюсь, как бы она не испугалась вашей суеты и при первом удобном случае не вернулась обратно... Ну, там дело видно будет... Клетку ты пока поставь — пойдем поглядим на корову...

Тильтиль *(обращает внимание на ульи)*. А как пчелы?..

Дедушка Тиль. Ничего... Их тоже, как вы выражаетесь, нет в живых, а трудятся они на славу...

Тильтиль *(подходит к ульям)*. Да уж!.. Медом сильно пахнет!.. Соты, наверно, полны... А какие красивые цветы!.. А мои умершие сестренки тоже здесь?..

Митиль. А где мои три братца, которых похоронили?..

При этих словах семеро детей мал мала меньше, образуя нечто похожее на свирель Пана, один за другим выходят из дома.

Бабушка Тиль. Вот они, вот они!.. Только о них подумаешь, только про них заговоришь, а уж они тут как тут, сорванцы этакие!..

Тильтиль и Митиль бегут навстречу детям. Все толкаются, целуются, пляшут, кружатся, визжат от радости.

Тильтиль. Эй, Пьеро!..

Тильтиль и Пьеро вцепляются друг другу в волосы.

Давай подеремся, как прежде!.. А вон Робер!.. Здравствуй, Жан!.. Где твой волчок?.. Вон Мадлена, Пьеретта, Полина, а вон Рикетта!..

Митиль. Ой, Рикетта, Рикетта! Она все еще ползает на четвереньках!..

Бабушка Тиль. Да, она больше не растет...

Тильтиль *(обратив внимание, что вокруг него носится и тявкает собачка)*. Это Кики! Я ей хвост отрезал Полининими ножницами... И она все такая же...

Дедушка Тиль *(наставительно)*. Здесь ничто не меняется...

Тильтиль. А у Полины все еще на носу прыщик!..

Бабушка Тиль. Да, никак не проходит. Видно, уж так и останется...

Тильтиль. Как они хорошо выглядят! Какие они пухленькие, румяные!.. Какие у них кругленькие щечки!.. Должно быть, они едят досыта...

Бабушка Тиль. Они здесь гораздо лучше себя чувствуют... Здесь ничего не надо бояться, болеть тут не болеют, забот никаких...

Часы в доме бьют восемь раз.

Бабушка Тиль *(в изумлении)*. Что это?..

Дедушка Тиль. Право, не знаю... Скорей всего часы...

Бабушка Тиль. Вряд ли... Они никогда не бьют...

Дедушка Тиль. Потому что мы о них не думаем... Может, кто-нибудь о них подумал?..

Тильтиль. Это я подумал... Который час?..

Дедушка Тиль. Не сумею тебе сказать... Позабыл я часы... Било восемь раз — стало быть, теперь то, что у вас там называется — восемь часов.

Тильтиль. Душа Света будет ждать меня без четверти девять... Так велела Фея... Это чрезвычайно важно... Надо идти...

Бабушка Тиль. Ну нет, мы вас без ужина не отпустим!.. Давайте-ка вынесем сюда стол, живей, живей!.. У меня как раз нынче вкусный суп с капустой, и пирог со сливами вышел удачный...

Из дома выносят стол, ставят его перед дверью, приносят блюда, тарелки и пр. Все помогают друг другу.

Тильтиль. Ну, уж раз Синяя Птица у меня... А потом я так давно не ел супа с капустой!.. С тех пор, как отправился в путешествие... В гостиницах его не подают...

Бабушка Тиль. Ну вот... Все готово... Детки, садитесь за стол!.. Раз вы торопитесь, так нечего зря время терять...

Лампа зажжена, суп подан. Дедушка, Бабушка и дети садятся ужинать. Толчки, тумаки, визг и веселый смех.

Тильтиль *(ест с жадностью)*. Как вкусно!.. Ах, как вкусно!.. Еще хочу! Еще!.. *(Стучит деревянной ложкой по тарелке.)*

Дедушка Тиль. Ну-ну, сядь как следует!.. Все такой же баловник... Вот разобьешь тарелку, тогда...

Тильтиль *(привстает)*. Еще хочу, еще!..

Тильтиль дотягивается до суповой миски и подвигает ее к себе, миска опрокидывается, суп разливается по столу и стекает на колени к ужинающим. Суп горячий — дети кричат и визжат от боли.

Бабушка Тиль. Неслух ты этакий!.. Что я тебе говорила?..

Дедушка Тиль *(дает Тильтилю звонкую затрещину)*. Вот тебе!..

Тильтиль *(на мгновение оторопел; прикладывает руку к щеке и неожиданно приходит в восторг)*. Да, да, точно такие оплеухи ты давал мне, когда был жив... Если б ты знал, Дедушка, как это приятно — получать от тебя пощечины!.. Дай, я тебя за это поцелую!..

Дедушка Тиль. Что ж, если это тебе по вкусу, так за мной дело не станет...

Часы бьют половину девятого.

Тильтиль *(вскакивает)*. Половина девятого!.. *(Кладет ложку на стол.)* Митиль, мы опоздаем!..

Бабушка Тиль. Куда вы?.. Посидите еще немножко!.. На пожар вам, что ли?.. Мы так редко видимся!..

Тильтиль. Ничего не поделаешь... Душа Света так с нами добра... А я ей обещал... Идем, Митиль, идем!..

Дедушка Тиль. Беда с этими живыми! Вечно они куда-то спешат, суетятся...

Тильтиль *(берет клетку и второпях целует всех подряд)*. Прощай, Дедушка!.. Прощай, Бабушка!.. Прощайте, братцы и сестренки: Пьеро, Робер, Полина, Мадлена, Рикетта!.. Прощай и ты, Кики!.. Нам пора... Не плачь, Бабушка, мы часто будем к вам приходить...

Бабушка Тиль. Приходите каждый день!..

Тильтиль. Хорошо, хорошо! Мы будем приходить как можно чаще...

Бабушка Тиль. У нас только и радости! Когда ваша мысль навещает нас — это для нас праздник...

Дедушка Тиль. У нас тут других развлечений нет...

Тильтиль. А где моя клетка, птица?.. Скорей, скорей!..

Дедушка Тиль *(подает ему клетку)*. Держи!.. Но только я за нее не ручаюсь: если она полиняет...

Тильтиль. Прощайте! Прощайте!..

Братья и сестры Тиль. Прощай, Тильтиль!.. Прощай, Митиль!.. Не забудьте принести нам леденцов!.. Прощайте!.. Приходите к нам!.. Приходите!..

Все машут платками, а Тильтиль и Митиль медленно удаляются. Тем временем туман, все застилавший вначале, постепенно сгущается вновь, последние реплики звучат уже глухо, к концу сцены прощания все исчезает во мгле, и, перед тем как занавесу опуститься, можно различить лишь Тильтиля и Митиль, снова очутившихся под могучим дубом.

Тильтиль. Сюда, сюда, Митиль!..

Митиль. Где Свет?..

Тильтиль. Не знаю... *(Смотрит на птицу в клетке.)* Ой, погляди!.. Птица уже не синяя... Она почернела!..

Митиль. Дай руку, братец!.. Мне холодно, мне страшно!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ДВОРЕЦ НОЧИ

Обширная пышная зала, дышащая строгим и суровым величием, веющая холодом металла, холодом склепа, напоминающая не то греческий, не то египетский храм с колоннами, архитравами, полом и орнаментом из черного мрамора, золота и черного дерева. Зала имеет форму трапеции. Базальтовые ступени почти во всю ее ширину делят ее на три плана, причем каждый следующий план выше предыдущего. Справа и слева, между колоннами, двери из темной бронзы. В глубине громадная медная дверь. Тускло поблескивают мрамор и черное дерево, и только этот рассеянный свет освещает залу.

При поднятии занавеса Ночь в образе прекрасной женщины в длинном черном одеянии сидит на ступенях второго плана, между двумя младенцами, один из которых, почти голый, как Амур, во сне улыбается, а другой стоит неподвижно, закутанный с головы до ног. Справа на переднем плане появляется Кошка.

Ночь. Кто идет?..

Кошка *(в изнеможении опускается на мраморные ступени)*. Это я, матушка Ночь!.. Я совсем без сил!..

Ночь. Что с тобой, дитя мое?.. Ты бледна, худа, в грязи по самые усы... Опять дралась на крыше под дождем и снегом?..

Кошка. Мне теперь не до крыш!.. Речь идет о нашей Тайне!.. Это начало конца!.. Я вырвалась на минутку, чтобы тебя предупредить. Боюсь только, что теперь уж ничего нельзя будет поделать...

Ночь. Что такое?.. Что случилось?..

Кошка. Я уже тебе говорила о маленьком Тильтиле, сыне дровосека, и о волшебном алмазе... Ну так вот, он идет к тебе за Синей Птицей...

Ночь. Пока еще у него ее нет...

Кошка. Если мы не пустимся на какую-нибудь необыкновенную хитрость, то он скоро завладеет ею... Дело вот в чем: Душа Света всех нас предала и окончательно перешла на сторону Человека, и теперь она, узнав, что настоящая Синяя Птица, единственная, которая выносит дневной свет, прячется здесь, среди Синих Птиц Сновидения, питающихся лунным сияньем и умирающих на солнце, ведет Тильтиля сюда. Переступать порог твоего дворца ей запрещено, поэтому она посы-

лает сюда детей. Помешать Человеку распахнуть врата твоих Тайн ты не властна, вот я и не знаю, что же теперь будет... Во всяком случае, если, на наше несчастье, Человек сцапает настоящую Синюю Птицу, то все мы сгинем...

Ночь. Боже всемогущий! Боже всемогущий!.. В какое ужасное время мы живем! Ни минуты покоя... За последние годы я перестала понимать Человека... До чего это дойдет?.. Неужели он со временем узнает все?.. Он и так уже завладел третью моих Тайн, все мои Ужасы дрожат от страха и не смеют выйти наружу, Призраки разбежались, большинство Болезней хворает...

Кошка. Знаю, матушка Ночь, знаю, времена суровые, только ты да я и ведем сейчас борьбу с Человеком... Вот они идут!.. Я знаю лишь одно средство: ведь это все-таки дети, мы их запугаем, и они не будут настаивать, чтобы мы отворили главные врата в глубине, за которыми живут лунные птицы... Тайны других пещер отвлекут их внимание и нагонят страху...

Ночь *(прислушивается к шуму извне)*. Что я слышу?.. Разве их много?..

Кошка. Это не должно тебя смущать: с ними идут наши друзья — Хлеб и Сахар... Вода заболела, а Огонь не мог прийти, оттого что он в родстве с Душой Света... Только Пес против нас, но от него не избавишься...

Справа, на переднем плане, появляются робкие фигуры Тильтиля, Митиль, Хлеба, Сахара и Пса.

Кошка *(бежит навстречу Тильтилю)*. Сюда, сюда, мой маленький повелитель!.. Я известила Ночь, она рада тебя видеть... Только она просит ее извинить, что не вышла тебя встретить,— ей нездоровится...

Тильтиль. Добрый день, госпожа Ночь.

Ночь *(оскорблена)*. Добрый день? Не понимаю, что это значит... Ты должен был мне сказать: «Доброй ночи», или уж в крайнем случае: «Добрый вечер»...

Тильтиль *(смущен)*. Извините, сударыня... Я не знал... *(Указывает на младенцев.)* Это ваши дети?.. Какие славные!..

Ночь. Да. Вот это — Сон...

Тильтиль. Отчего он такой толстый?..

Ночь. Оттого что он хорошо спит...

Тильтиль. А тот, что кутается?.. Зачем он закрывает лицо?.. Он болен?.. Как его зовут?..

Ночь. Это сестра Сна... Лучше не называть ее имя...

Тильтиль. Почему?..

Ночь. Потому что ее имя неприятно для слуха... Поговорим лучше о другом... Кошка мне сказала, что вы пришли сюда за Синей Птицей,— это правда?..

Тильтиль. Да, сударыня, если позволите... Скажите, пожалуйста, где она?..

Ночь. Не знаю, дружок... Одно могу сказать наверное: здесь ее нет... Я ее ни разу не видела...

Тильтиль. Нет, нет!.. Душа Света мне сказала, что она здесь, а Душа Света зря говорить не станет... Дайте мне, пожалуйста, ключи!..

Ночь. Нет, дружок, пойми: как я могу отдать ключи первому встречному?.. Я — хранительница всех Тайн Природы, я за них отвечаю, мне строго-настрого запрещено открывать их кому бы то ни было, в особенности — ребенку.

Тильтиль. Вы не имеете права отказывать Человеку... Я это знаю...

Ночь. Кто тебе сказал?..

Тильтиль. Душа Света...

Ночь. Опять Душа Света!.. Вечно Душа Света!.. И чего она вмешивается не в свое дело?..

Пес. Мое маленькое божество, хочешь, я отниму у нее ключи?..

Тильтиль. Молчать! Веди себя прилично!.. *(Ночи.)* Будьте любезны, сударыня, дайте мне ключи...

Ночь. А знак у тебя есть?.. Где он?..

Тильтиль *(дотрагивается до шапочки)*. Вот алмаз...

Ночь *(склоняясь перед неизбежностью)*. Ну что ж... Вот ключ от всех дверей в этом чертоге... Если что случится, то уж пеняй на себя... Я ни за что не отвечаю.

Хлеб *(с беспокойством)*. А это не опасно?..

Ночь. Еще бы не опасно!.. Я и за свою судьбу не поручусь в случае, если отворятся некоторые из бронзовых дверей, ибо за ними — бездна. В каждой из базальтовых пещер, расположенных вокруг этого чертога, таятся все бедствия, все бичи, все недуги, все ужасы, все катастрофы, все тайны, испокон веков омрачающие жизнь Человека... Даже при содействии Судьбы мне еле-еле удалось запереть их там. С большим трудом усмиряю я эти непокорные существа, уверяю вас... Беда, если кто-нибудь из них вырвется и объявится на Земле...

Хлеб. В силу моего преклонного возраста, опыта и моей преданности детям, я по праву являюсь их телохранителем... На основании этого, госпожа Ночь, позвольте задать вам один вопрос...

Ночь. Сделай одолжение...

Хлеб. Куда бежать в случае опасности?..

Ночь. Бежать некуда.

Тильтиль *(берет ключ и начинает подниматься вверх по ступенькам)*. Начнем отсюда... Что за этой бронзовой дверью?..

Ночь. Призраки, насколько я помню... Я давно не отворяла эту дверь и не выпускала их...

Тильтиль *(вставляет ключ в замочную скважину)*. Сейчас увидим. *(Хлебу.)* Клетка для Синей Птицы при тебе?..

Хлеб *(ляская зубами)*. Я нисколько не боюсь, но все-таки лучше, по-моему, заглянуть сначала в замочную скважину...

Тильтиль. Я тебя не спрашиваю...

Митиль *(вдруг начинает плакать)*. Я боюсь!.. Где Сахар?.. Я хочу домой!..

Сахар *(угодливо и предупредительно)*. Я здесь, барышня, я здесь!.. Не плачьте! Я сейчас отломлю себе палец и угощу вас леденцами...

Тильтиль. Открываю...

Тильтиль поворачивает ключ и осторожно приотворяет дверь. Из-за двери немедленно выскакивают пять-шесть Призраков разного и весьма странного обличья и разбегаются врассыпную. Хлеб от страха роняет клетку и прячется в глубине залы. Ночь гонится за Призраками и кричит Тильтилю:

Ночь. Запри дверь!.. Скорей, скорей!.. А то они выскочат все, и мы не сумеем их изловить!.. Им скучно там сидеть — Человек их теперь в грош не ставит... *(Бегает за Призраками с бичом, сплетенным из змей, и пытается загнать их в тюрьму.)* Помогите мне!.. Туда их!.. Туда!..

Тильтиль *(Псу)*. Помоги ей, Тило! А ну-ка!

Пес *(с лаем накидывается на Призраков)*. Гав! Гав! Гав!..

Тильтиль. А где же Хлеб?..

Хлеб *(из глубины залы)*. Я здесь!.. Стою у двери, смотрю, чтобы они не убежали...

Один из Призраков направляется к нему. Хлеб с отчаянным воплем бежит от него со всех ног.

Ночь *(держит за шиворот трех Призраков)*. Сюда, вам говорят!.. *(Тильтилю.)* Приоткрой дверь... *(Вталкивает Призраков в пещеру.)* Ну, теперь все в порядке...

Пес приводит еще двух.

Ах, еще эти!.. Ну, живо, живо, на место!.. Вы же знаете, что вам разрешено выходить только в день всех святых. *(Запирает дверь.)*

Тильтиль *(идет к другой двери)*. А за этой что?..

Ночь. Ну зачем?.. Синяя Птица никогда сюда не залетала, можешь мне поверить... Впрочем, дело твое... Открой, если хочешь... Там — Болезни...

Тильтиль *(вкладывает ключ)*. Открывать надо с осторожностью?..

Ночь. Нет, ничего... Они присмирели, бедняжки... Их время прошло... С некоторых пор Человек ведет с ними беспощадную борьбу... Особенно после того, как открыты микробы... Отпирай — сам увидишь...

Тильтиль настежь распахивает дверь. Никого не видно.

Тильтиль. Почему они не выходят?..

Ночь. Я тебе уже сказала: они почти все хворают, хандрят... Доктора их мучают... Войди туда на минутку — увидишь...

Тильтиль *(входит в пещеру и сейчас же возвращается)*. Синей Птицы там нет... У ваших Болезней очень болезненный вид... Они даже головы не поднимают...

Одна маленькая Болезнь в домашних туфлях, капоте и ночном колпаке выскакивает из пещеры и начинает бегать по зале.

Ой!.. Какой-то малыш выскользнул... Кто он?..

Ночь. Это не страшно. Перед тобой самая маленькая из болезней — Насморк... Таких, как он, не особенно жестоко преследуют, поэтому он держится смелей... *(Подзывает Насморк.)* Поди сюда, малыш!.. Слишком рано ты выбежал, подожди до весны...

Насморк, чихая, кашляя и сморкаясь, возвращается в пещеру, и Тильтиль запирает за ним дверь.

Тильтиль *(идет к следующей двери)*. Теперь откроем эту... Что там?..

Ночь. Берегись!.. Там — Войны... Никогда еще не были они так ужасны и так сильны, как теперь... Не дай бог, если одна из них вырвется!.. К счастью, они все довольно тучные, неповоротливые... А все-таки мы должны быть настороже: ты только загляни — и мы сейчас же захлопнем дверь...

Тильтиль *(с величайшей осторожностью приотворяет дверь и, заглянув через крошечную щелку в пещеру, сейчас же*

отшатывается). Закрывайте!.. Скорей, скорей!.. Они меня увидели!.. Они идут сюда!.. Ломятся в дверь!..

Ночь. А ну все разом!.. Наляжем на дверь!.. А ты, Хлеб, почему не помогаешь? Наляжем все вместе!.. И силачи же они!.. Ага!.. Ну, вот и все... Сдались... А еще бы секунда... Ты видел их?..

Тильтиль. Как же не видел!.. Огромные, страшные!.. Я думаю, Синей Птицы у них нет...

Ночь. Конечно, нет... Они бы ее сейчас же съели... Ну как, не довольно ли с тебя?.. Ты сам видишь, что тебе здесь нечего делать...

Тильтиль. Я должен все осмотреть... Так сказала Душа Света...

Ночь. «Душа Света», «Душа Света»!.. Ей легко говорить, а сама струсила и не пошла...

Тильтиль. Перейдем к следующей двери... Что там?..

Ночь. Там у меня заперты Духи Тьмы и Ужасы...

Тильтиль. Можно отпереть?..

Ночь. Пожалуйста!.. Они такие же тихие, как и Болезни...

Тильтиль *(с некоторым страхом отворяет дверь и робко заглядывает в пещеру).* Их там нет...

Ночь *(вслед за ним заглядывает в пещеру).* Эй, Духи Тьмы, где вы там?.. Выйдите на минутку, вам полезно размяться. И вы, Ужасы!.. Не бойтесь...

Несколько Духов Тьмы и несколько Ужасов в обличье закутанных женщин (Духи Тьмы — под черными покрывалами, Ужасы — под зеленоватыми) несмело выходят из пещер, но при первом движении Тильтиля быстро прячутся.

Стойте!.. Куда же вы?.. Ведь это ребенок, он вас не обидит... *(Тильтилю.)* Они все очень запуганы, кроме самых больших, которые там, в глубине...

Тильтиль *(заглядывает в глубь пещеры).* У, какие страшные!..

Ночь. Они прикованы... Они одни не боятся Человека... Запри-ка дверь, а то как бы они не рассердились...

Тильтиль *(идет к следующей двери).* А эта дверь темней других... Это отчего?..

Ночь. За ней — Тайны... Отопри, если уж тебе так хочется... Но не входи... Отпирай осторожно, а мы будем наготове и, как тогда, с Войнами, тут же захлопнем дверь...

Тильтиль *(крайне осторожно приотворяет дверь и боязливо просовывает голову).* У, как холодно!.. Даже глаза щип-

лет!.. Закрывайте скорей!.. Налягте все разом!.. Оттуда наседают!..

Ночь, Пес, Кошка и Сахар захлопывают дверь.

Что я там видел!..

Ночь. Что же именно?..

Тильтиль *(потрясен)*. Не знаю, что-то ужасное!.. Там сидели какие-то безглазые чудища... Кто этот великан, который чуть было меня не схватил?..

Ночь. Вероятно, Молчание. Он охраняет эту дверь... Ну что, испугался?.. Ты все еще бледен и весь дрожишь...

Тильтиль. Я и не подозревал... Я никогда ничего подобного не видел... У меня руки замерзли...

Ночь. То ли еще будет, если ты не угомонишься...

Тильтиль *(идет к следующей двери)*. Ну, а эта?.. Такая же страшная?..

Ночь. Нет, тут всего понемножку... Здесь я поместила лишние Звезды, мои любимые Ароматы и принадлежащие лично мне светочи — Блуждающие Огни, Светляки. Вместе с ними находятся Роса, Соловьиное Пение и еще кое-что...

Тильтиль. Вот-вот: Звезды, Соловьиное Пение... Наверное, она там.

Ночь. Что ж, открой, если хочешь. Это все безобидно...

Тильтиль настежь распахивает дверь. Вслед за тем из темницы выбегают Звезды в обличье прекрасных девушек, закутанных в покрывала, сверкающие разноцветными огнями; они рассыпаются по зале и в огнистом сумраке начинают вести на ступенях и между колонн стройные хороводы. Почти невидимые Ночные Ароматы, Блуждающие Огни, Светляки и прозрачная Роса присоединяются к ним. В то же время из пещеры потоками льется соловьиное пение, и этими звуками полнится весь Дворец Ночи.

Митиль *(в восторге хлопает в ладоши)*. Ах, какие красивые девушки!..

Тильтиль. А как они хорошо танцуют!..

Митиль. А как от них хорошо пахнет!..

Тильтиль. А как они хорошо поют!..

Митиль. А вот это кто, которых почти не видно?..

Ночь. Это Ароматы моей тени...

Тильтиль. А те, вон там, будто сотканные из стекла?..

Ночь. Это Роса лесов и долин... Ну, довольно!.. А то это никогда не кончится... Они как пойдут танцевать, то уж их потом никакими силами не загонишь... *(Хлопает в ладоши.)* А ну, Звезды, скорей!.. Сейчас не время танцевать... Небо все в

тучах... Скорей, скорей на место, а не то я пойду за солнечным лучом!..

Испуганные Звезды, Ароматы и все остальные прячутся в пещере, дверь за ними захлопывается. Одновременно стихает соловьиное пение.

Тильтиль. Вот большая средняя дверь...

Ночь *(многозначительно)*. Не отпирай ее...

Тильтиль. Почему?..

Ночь. Потому что это запрещено...

Тильтиль. Значит, Синяя Птица здесь. Душа Света мне говорила...

Ночь *(материнским ласковым тоном)*. Послушай, дитя мое... Я была с тобой мила и любезна... Я никому не сделала столько одолжений, сколько тебе... Я открыла тебе все мои Тайны... Я очень тебя люблю, мне жаль тебя — ты молод и неопытен; я говорю с тобой, как мать... Поверь мне, послушайся меня, дитя мое: отступись, не ходи дальше, не испытывай Судьбу, не отпирай эту дверь...

Тильтиль *(поколебавшись)*. Но почему?..

Ночь. Потому что я не хочу твоей гибели... Потому что никто из тех — понимаешь? — никто из тех, кто ее приотворял хотя бы на волосок, не возвращался живым... Потому что все самое жуткое, все страхи, все ужасы, все, чего боятся у вас на Земле, не идет ни в какое сравнение с самыми безобидными из тех, что бросаются на Человека, едва лишь взор его коснется первых грозных видений бездны, которой никто еще не решился дать название... Это так страшно, что, если ты все же будешь настаивать, я удалюсь в мою башню без окон, — отпирай без меня... А теперь думай сам, решай сам...

Митиль с нечленораздельными воплями ужаса пытается оттащить Тильтиля от двери.

Хлеб *(лаская зубами)*. Не надо, мой маленький повелитель!.. *(Падает на колени.)* Пожалей нас!.. На коленях тебя прошу!.. Ночь совершенно права...

Кошка. Ты всех нас обрекаешь на гибель...

Тильтиль. Я должен открыть...

Митиль *(плачет и топает ногами)*. Не хочу!.. Не хочу!..

Тильтиль. Сахар и Хлеб, возьмите Митиль под руки и уходите... Я открываю...

Ночь. Спасайся, кто может!.. Скорей!.. Не то будет поздно!.. *(Убегает.)*

Хлеб *(бежит сломя голову)*. Дай нам добежать до конца залы!..

Кошка *(тоже убегает)*. Погоди!.. Погоди!..

Ночь, Митиль, Хлеб, Сахар и Кошка прячутся за колоннами в другом конце залы.
Перед громадной дверью стоят Тильтиль и Пес.

Пес *(тяжело дышит от еле сдерживаемого страха)*. Я остаюсь, я остаюсь... Мне не страшно... Я остаюсь!.. Я остаюсь с моим маленьким божеством... Я остаюсь!.. Я остаюсь...

Тильтиль *(ласкает Пса)*. Молодец, Тило, молодец!.. Поцелуй меня!.. Вдвоем не страшно... А теперь, брат, берегись!..

Тильтиль вкладывает ключ в замочную скважину. В другом конце залы у беглецов вырывается вопль ужаса. Как только ключ коснулся двери, высокие ее створки раскрываются, движутся в разные стороны и исчезают в толще стен, а за створками внезапно открывается дивный, бесконечный, неизъяснимо, сказочно прекрасный сад — сад мечты и ночного света, где среди звезд и планет, озаряя все, к чему бы они ни прикоснулись, без устали порхая с одного драгоценного камня на другой, с одного лунного луча на другой и исчезая вдали, волшебные синие птицы стремят свой беспрерывный и плавный полет, и так их тут много, что кажется, будто это уже не птицы, а дыхание, лазурный воздух, душа чудесного сада.

Тильтиль *(ослепленный, ошеломленный, стоит так, что свет сада падает прямо на него)*. О, какое дивное небо!.. *(Беглецам.)* Скорей сюда!.. Они здесь!.. Это они!.. Это они!.. Это они!.. Наконец-то мы их нашли!.. Здесь тысячи синих птиц!.. Миллионы!.. Миллиарды!.. Не сочтешь!.. Поди сюда, Митиль!.. Поди сюда, Тило!.. Идите сюда все!.. Помогите мне!.. *(Бросается к птицам.)* Их можно брать голыми руками!.. Они ручные!.. Они нас не боятся!.. Ко мне! Ко мне!..

Подбегают Митиль и другие. Все они, за исключением Ночи и Кошки, входят в ослепительный сад.

Поглядите!.. Их тут видимо-невидимо!.. Они сами летят мне в руки!.. Смотрите: они питаются лунными лучами!.. Митиль, где же ты?.. Столько синих крыльев, столько падает перьев, что за ними ничего не видно!.. Тило, не смей их кусать!.. Не обижай их!.. Бери осторожно!

Митиль *(в вихре синих птиц)*. У меня уже семь!.. Ой, как они хлопают крыльями!.. Мне их не удержать!..

Тильтиль. Мне тоже!.. Я слишком много набрал!.. Они вырываются!.. Они улетают прочь!.. У Тило тоже много!.. Они утянут нас за собой!.. Поднимут на воздух!.. Идем отсюда!..

Душа Света нас ждет!.. То-то она будет довольна!.. Сюда, сюда!..

Тильтиль, Митиль и Пес выходят из сада, в руках у них бьются птицы; так, под бешеное хлопанье лазурных крыльев, проходят они всю залу и вместе с Хлебом и Сахаром, у которых птиц нет, уходят направо — туда, откуда они пришли. Ночь и Кошка, оставшись одни, поднимаются в глубину залы и с тревогой заглядывают в сад.

Ночь. Ее они не поймали?..

Кошка. Нет... Вон она сидит на лунном луче... Слишком высоко, они до нее не дотянулись.

Занавес падает. Тотчас после того, как занавес опустился, слева входит Душа Света, а справа одновременно вбегают Тильтиль, Митиль и Пес. У всех троих руки полны только что пойманных синих птиц, но у птиц уже бессильно свешиваются головки, крылья опущены,— дети принесли безжизненную добычу.

Душа Света. Ну что, поймали?..

Тильтиль. Поймали, поймали!.. Вон сколько!.. Там их тысячи!.. Вот они!.. Гляди!.. *(Подносит птиц к Свету и вдруг видит, что они мертвые.)* Ай!.. Да они мертвые!.. Кто же их умертвил?.. И твои тоже, Митиль!.. И у Тило тоже. *(В бешенстве швыряет мертвых птиц наземь.)* Ах, какая подлость!.. Кто же их убил?.. Что я за несчастный!.. *(Закрывает лицо руками; все тело его сотрясается от рыданий.)*

Душа Света *(с материнской нежностью прижимает его к себе.)* Не плачь, моя деточка... Той единственной Синей Птицы, которая выносит дневной свет, ты еще не поймал... Она улетела куда-нибудь еще... Но мы ее отыщем...

Пес *(смотрит на мертвых птиц).* А этих съесть можно?..

Все уходят налево.

КАРТИНА ПЯТАЯ

ЛЕС

Лес. Ночь. Лунный свет. Старые Деревья разных пород — дуб, бук, вяз, тополь, сосна, кипарис, липа, каштан и другие. Входит Кошка.

Кошка *(кланяясь всем Деревьям подряд).* Здравствуйте, Деревья!..

Шелест листьев. Здравствуй!..

Кошка. Сегодня великий день!.. Наш недруг идет сюда, он хочет освободить скрытые в вас силы и довериться вам... Это

Тильтиль, сын дровосека, который наделал вам столько зла... Тильтиль ищет Синюю Птицу, ту, что вы искони прячете от Человека, ту единственную Птицу, которая знает нашу Тайну...

Шелест листьев.

Что вы сказали?.. А, Тополь заговорил!.. Да, у Тильтиля алмаз, обладающий свойством освобождать на время наши души. Тильтиль может отнять у нас Синюю Птицу, и тогда мы уже всецело в руках Человека.

Шелест листьев.

Кто это?.. А, Дуб!.. Как поживаешь?..

На Дубе шелестят листья.

Все прихварываешь?.. Плохо, значит, за тобой Лакрица ухаживает... Застарелый ревматизм?.. Поверь мне, это все из-за мха. Ты слишком много кладешь его под ноги... Синяя Птица по-прежнему у тебя?..

На Дубе шелестят листья.

Что ты говоришь?.. Да, колебаниям тут не должно быть места, надо воспользоваться случаем и уничтожить его...

Шелест листьев.

Что?.. Да, и сестренку тоже, она тоже должна умереть...

Шелест листьев.

Да, их сопровождает Пес, от него никакими силами не избавишься...

Шелест листьев.

Что ты сказал?.. Подкупить его?.. Немыслимо... Чего я только не делала...

Шелест листьев.

А, это ты, Сосна?.. Да, приготовь четыре доски... Да, с ними еще Огонь, Сахар, Вода и Хлеб... Они все за нас, кроме Хлеба,— Хлеб не надежен... Одна лишь Душа Света благоволит к Человеку, но она сюда не придет... Я уговорила малышей улизнуть, пока она спит... Случай редчайший...

Шелест листьев.

А, это голос Бука!.. Да, ты прав, надо предупредить Животных...

Есть ли у Кролика барабан?.. А сам Кролик здесь?.. Отлично, пусть немедленно бьет сбор... Да вот и они!..

Слышен все удаляющийся барабанный бой Кролика. Входят Тильтиль, Митиль и Пес.

Тильтиль. Сюда?..

Кошка *(с заискивающим, угодливым и подобострастным видом спешит навстречу детям)*. А, это ты, мой маленький повелитель!.. Как ты хорошо выглядишь, какой ты сегодня красивый!.. Я пошла вперед, чтобы предупредить о твоем приходе... Все обстоит прекрасно. На этот раз Синяя Птица у нас в руках, можешь мне поверить... Я только что послала Кролика бить сбор — надо созвать самых главных Животных этого леса... Вот уже слышно, как они пробираются сквозь чащу... Слышишь?.. Они слегка оробели, не решаются подойти ближе...

Слышно мычание коров, хрюканье свиней, ржание лошадей, верещание ослов и т. д.

(Отводит Тильтиля в сторону; тихо.) Зачем ты взял с собой Пса?.. Я же тебе сказала, что он со всеми перессорился, даже с Деревьями... Боюсь, как бы его несносный нрав нам не напортил...

Тильтиль. Я никак не мог от него отделаться... *(Грозит Псу.)* Уходи отсюда, противное создание!..

Пес. Кто? Я — противное создание?.. Почему?.. Чем я провинился?..

Тильтиль. Говорят тебе: уходи!.. Тебе тут делать нечего, только и всего... Надоел ты нам, вот что!..

Пес. Я буду молчать... Буду наблюдать издали... Хочешь, покажу фокус?..

Кошка *(Тильтилю, тихо)*. Как ты можешь терпеть такое непослушание?.. Стукни его палкой по носу — он в самом деле невыносим!..

Тильтиль *(бьет Пса)*. Ты будешь слушаться или нет?..

Пес. Ай! Ай! Ай!..

Тильтиль. Ну как?..

Пес. Дай, я тебя поцелую за то, что ты меня побил... *(Набрасывается на Тильтиля с ласками и поцелуями.)*

Тильтиль. Ну, ладно!.. Хорошо, хорошо!.. Довольно!.. Пошел прочь!..

Митиль. Нет, нет, я его не пущу... Когда его нет, я всего боюсь...

Пес наскакивает на Митиль, чуть не сбивает ее при этом с ног и осыпает стремительными и восторженными ласками.

Пес. Хорошая ты моя девочка!.. Красивая! Добрая!.. Красивая! Ласковая!.. Дай, я тебя поцелую!.. Еще, еще, еще!..

Кошка. Вот идиот!.. Ну, мы еще посмотрим... А пока не будем терять время... Поверни алмаз...

Тильтиль. Куда мне стать?

Кошка. Вот под этот луч месяца — там тебе будет виднее... Вот так! Теперь поворачивай осторожно...

Тильтиль поворачивает алмаз — ветви и листья отвечают на это долгим трепетом. Стволы самых старых и наиболее величественных Деревьев раскрываются и выпускают таящиеся в них Души. Наружность каждого Духа соответствует наружности и нраву того Дерева, которое он олицетворяет. Так, Дух Вяза представляет собой нечто вроде сердитого, пузатого, страдающего одышкой гнома; Дух Липы миролюбив, простодушен, жизнерадостен; Дух Бука изящен и ловок; Дух Березы бел, скрытен, неспокоен; Дух Ивы приземист, всклокочен, плаксив; Дух Сосны длинноног, молчалив; Дух Каштана претенциозен, хлыщеват; у Тополя Дух веселый, неугомонный, болтливый.

Одни выходят из своих стволов медленно, разминаясь, потягиваясь, как после долгого плена или же векового сна, другие, проворные, расторопные, выскакивают одним прыжком, и все тотчас же обступают детей, причем каждый из них старается держаться как можно ближе к родному Дереву.

Дух Тополя *(выбегает первый и кричит во все горло)*. Люди!.. Маленькие Люди!.. С ними можно будет поговорить!.. Конец Молчанию!.. Конец!.. Откуда они?.. Кто они?.. Кто такие?.. *(Духу Липы, который приближается, невозмутимо куря трубку.)* Ты их знаешь?

Дух Липы. Что-то они мне незнакомы...

Дух Тополя. Как же так — незнакомы!.. Кому же знать Людей, как не тебе? Ты вечно разгуливаешь вокруг их домов...

Дух Липы *(вглядывается в детей)*. Да нет же, уверяю тебя!.. Я их не знаю... Они еще очень юны... Я хорошо знаю только влюбленных, потому что они приходят ко мне в лунные ночи, да тех, кто потягивает пиво под сенью моих ветвей...

Дух Каштана *(с презрительным видом вставляет монокль)*. Кто они такие?.. Деревенские нищие?..

Дух Тополя. Ну уж, господин Каштан, с тех пор как вы повадились на бульвары больших городов...

Дух Ивы *(подходит, стуча деревянными башмаками, и начинает ныть)*. Боже мой, боже мой!.. Опять они обломали мне голову и руки!..

Дух Тополя. Тише!.. Дуб выходит из своего дворца!.. Ему, видно, нездоровится... Вы не находите, что он постарел?.. Сколько ему лет?.. Сосна утверждает, что четыре тысячи, но, по-моему, это она хватила... Погодите, сейчас он нам все объяснит...

Медленно приближается Дух Дуба. Он невероятно стар, на голове у него венок из омелы, на нем длинная зеленая одежда, расшитая мхом и лишайником. Он слеп. У него длинная седая борода. Одной рукой он опирается на суковатую палку, другой — на молодой Дубок, который служит ему поводырем. На плече у него сидит Синяя Птица. При его приближении Деревья выстраиваются в ряд и почтительно ему кланяются.

Тильтиль. Синяя Птица у него!.. Скорей, скорей ко мне!.. *(Духу Дуба.)* Дайте мне ее!..

Деревья. Молчать!..

Кошка *(Тильтилю)*. Сними шапочку — это Дуб!..

Дух Дуба *(Тильтилю)*. Кто ты?..

Тильтиль. Я — Тильтиль, сударь... Можно взять у вас Синюю Птицу?..

Дух Дуба. Тильтиль, сын дровосека?..

Тильтиль. Да, сударь...

Дух Дуба. Твой отец наделал нам много зла... В одной только моей семье он перебил шестьсот моих сыновей, четыреста семьдесят пять дядей и теток, тысячу двести двоюродных братьев и сестер, триста восемьдесят невесток и двенадцать тысяч правнуков!..

Тильтиль. Мне это неизвестно, сударь... Думаю, что он не нарочно...

Дух Дуба. Зачем ты сюда пришел? Зачем ты вызвал наши Души из их жилищ?..

Тильтиль. Извините за беспокойство, сударь... Но Кошка мне сказала, что вы нам откроете, где находится Синяя Птица...

Дух Дуба. Знаю, знаю: ты ищешь Синюю Птицу, то есть ты хочешь разгадать величайшую Тайну Бытия, Тайну счастья,— разгадать для того, чтобы Люди нас потом окончательно поработили...

Тильтиль. Да нет же, сударь! Я ищу ее для внучки Феи Берилюны — девочка тяжело больна...

Дух Дуба *(прерывает его)*. Довольно!.. Я не слышу Животных... Где они?.. Это их тоже касается... Мы, Деревья, не должны нести всю ответственность за те крутые меры, которые нам придется принять... Когда Люди узнают, что́ мы предпримем, они обрушат на нас жесточайшие кары... Решение наше должно быть единодушным, дабы потом все хранили молчание...

Дух Сосны *(смотрит поверх других Деревьев)*. Подходят Животные... Их ведет Кролик... Вот Души Коня, Быка, Вола, Коровы, Волка, Барана, Свиньи, Петуха, Козы, Осла и Медведя...

По мере того как Сосна называет Души Животных, они входят одна за другой и рассаживаются меж Деревьев. Только Душа Козы все бродит по лесу да Душа Свиньи подрывает корни.

Дух Дуба. Все ли в сборе?

Кролик. Курица сидит на яйцах, Заяц где-то бегает, у Оленя болят рога, Лисица больна — вот медицинское свидетельство,— Гусь ничего не понял, а Индюк рассердился...

Дух Дуба. Их неявка меня крайне огорчает... Тем не менее нас достаточно... Вы знаете, братья, о чем идет речь. Вот этот мальчик благодаря алмазу, похищенному у могущественных сил Земли, может завладеть нашей Синей Птицей и таким путем вырвать Тайну, которую мы хранили с того времени, как на Земле зародилась Жизнь... Но мы с вами хорошо знаем Человека и легко можем себе представить, какая участь ожидает нас, когда он откроет Тайну. Поэтому я полагаю, что колебаться тут было бы, мало сказать, глупо — преступно... Настал решительный час: пока не поздно, ребенок должен погибнуть...

Тильтиль. Что он сказал?..

Пес *(оскалив клыки, ходит вокруг Духа Дуба)*. Видел мои зубы, старый паралитик?..

Дух Бука *(в негодовании)*. Он оскорбляет Дуб!..

Дух Дуба. Это Пес?.. Прогоните его! Предателю среди нас нет места!..

Кошка *(Тильтилю, тихо)*. Убери Пса... Тут вышло какое-то недоразумение... Положись на меня — я все улажу... Только убери поскорее Пса...

Тильтиль *(Псу)*. Пошел вон!..

Пес. Дай, я только разорву этому старому ревматику его туфли из мха!.. То-то смеху будет!..

Тильтиль. Молчать!.. Уходи отсюда!.. Да уйдешь ты наконец, противное создание?..

Пес. Ладно, ладно, уйду... Когда я тебе понадоблюсь, я вернусь...

Кошка *(Тильтилю, тихо)*. Лучше бы привязать его, а то он наделает дел... Деревья рассердятся, и все может кончиться плохо...

Тильтиль. Как же быть?.. Я куда-то задевал цепочку...

Кошка. А вот как раз подходит Плющ — у него крепкие нити...

Пес *(рычит)*. Я еще вернусь, я еще вернусь!.. Подагрик! Кашлюн!.. Заморыш старый, корень гнилой!.. Это тут Кошка всем вертит!.. Ну да я ей сейчас покажу!.. Что ты все шепчешься, Иуда-предатель, тигр кровожадный, маршал Базен?.. Ррр, ррр, ррр!..

Кошка. Видишь? Он всем грубит...

Тильтиль. Это верно, он невыносим, так у нас ничего не получится... Господин Плющ, свяжите его, пожалуйста!..

Дух Плюща *(довольно робко подходит к Псу)*. А он не укусит?..

Пес *(ворчит)*. Не укушу, не укушу!.. Напротив — расцелую!.. Вот ты сейчас увидишь!.. А ну, подойди, подойди, куча старых веревок!..

Тильтиль *(грозит ему палкой)*. Тило!..

Пес *(ползает у ног Тильтиля и виляет хвостом)*. Что прикажешь, мое маленькое божество?..

Тильтиль. Ляг ничком!.. Слушаться Плюща!.. Дай себя скрутить, а не то...

Дух Плюща связывает его.

Пес *(тихонько ворчит)*. Бечевка!.. Удавка!.. Путы для лошадей!.. Веревка для свиней!.. Мое маленькое божество, погляди!.. Он связывает мне лапы!.. Он душит меня!..

Тильтиль. Так тебе и надо!.. Заслужил!.. Молчи, лежи смирно, покою от тебя нет!..

Пес. А все-таки ты это напрасно... У них недоброе на уме... Мое маленькое божество, берегись!.. Он зажимает мне рот!.. Я не могу говорить!..

Дух Плюща *(связав по рукам и ногам Пса)*. Куда его отнести?.. Я ему рот заткнул... Пусть-ка теперь попробует поговорить!..

Дух Дуба. Привяжите его покрепче там, за моим стволом, к моему большому корню... Потом надумаем, как с ним поступить...

Дух Плюща и Дух Тополя относят Пса за ствол Дуба.

Отнесли?.. Хорошо. Наконец мы избавились от этого нежелательного свидетеля, от этого отступника и теперь можем вынести решение, какое нам подсказывают истина и справедливость... Не скрою от вас: я взволнован до глубины души... Впервые нам дано право судить Человека и дать ему почувствовать нашу силу... Он всегда был с нами до того жесток, так чудовищно несправедлив, что, по-моему, не может быть двух мнений относительно того, какой вынести ему приговор...

Деревья и Животные. Не может быть двух мнений!.. Не может! Не может! Не может! Повесить!.. Смерть ему!.. Слишком он был несправедлив!.. Слишком злоупотреблял своей властью!.. Растоптать его!.. Съесть его!.. Сейчас же!.. Сейчас же!..

Тильтиль *(Кошке)*. Что это они?.. Чем-нибудь недовольны?..

Кошка. Не беспокойся... Они слегка не в духе, оттого что весна в этом году поздняя... Положись на меня — я все улажу...

Дух Дуба. Ваше единодушие вполне естественно... Теперь нужно только во избежание кары выбрать для него казнь наиболее целесообразную, наименее нас уличающую, наиболее быструю и наиболее верную, чтобы после, когда Люди найдут в лесу трупы детей, на нас не пало подозрение...

Тильтиль. Что все это значит?.. К чему он клонит?.. В конце концов мне это надоело... Синяя Птица у него, пусть он мне ее отдаст...

Бык *(выступает вперед)*. Самое целесообразное и самое верное — это рогами в живот. Хотите, я его бодну?..

Дух Дуба. Кто это говорит?..

Кошка. Это Бык.

Корова. Ну чего выскочил?.. Я в эти дела не вмешиваюсь... Мне нужно съесть всю траву с той лужайки, что залита голубым светом луны... У меня своих забот немало...

Вол. У меня тоже. Я заранее со всем согласен...

Дух Бука. Я предлагаю повесить их на моем самом высоком суку...

Дух Плюща. А я скручу петлю...

Дух Сосны. А я пожертвую четыре доски на домовинку...

Дух Кипариса. А я предоставлю место вечного упокоения...

Дух Ивы. Самое простое — утопить их в одной из моих рек... Беру это на себя...

Дух Липы *(примирительно)*. Полно, полно!.. Это уж слишком жестоко! Они еще так молоды!.. Их отлично можно обезвредить таким образом: я берусь обнести их оградой из моих ветвей и сучьев — это будет их темница...

Дух Дуба. Кто это говорит?.. Мне кажется, я узнаю медоточивый голос Липы...

Дух Сосны. Так оно и есть...

Дух Дуба. Значит, и среди нас завелся отступник, как и среди Животных?.. До сих пор мы оплакивали только измену Плодовых Деревьев, но ведь это же не настоящие Деревья...

Свинья *(вращая своими жадными глазками)*. А по-моему, прежде всего надо съесть девочку. У нее, наверно, очень нежное мясо...

Тильтиль. Что она говорит?.. Ты у меня дождешься, такая-сякая...

Кошка. Не могу понять, что с ними случилось. Во всяком случае, дело принимает неважный оборот...

Дух Дуба. Тише!.. Мы должны решить, кому предоставить честь нанесения первого удара, кто отвратит от наших верхушек величайшую из всех опасностей, которым мы подвергались со дня рождения Человека...

Дух Сосны. Честь эта принадлежит тебе, нашему царю и патриарху...

Дух Дуба. Это Сосна говорит?.. Увы, я слишком стар! Я слеп, слабосилен, мои коченеющие руки мне уже не повинуются... Нет, это ты, брат мой, вечно зеленый, всегда стройный, ты, присутствовавший при рождении большинства этих Деревьев, ты вместо меня покроешь себя славой, послужив благородному делу нашего освобождения...

Дух Сосны. Покорно благодарю, отче... Но мне и так уже досталась честь похоронить жертвы, я боюсь вызвать естественную зависть моих товарищей. По-моему, после нас с тобой самый старший и самый достойный, обладающий притом наилучшей палицей,— это Бук...

Дух Бука. Я, знаете ли, источен червями, да и палица у меня ненадежная... Вот у Вяза и у Кипариса оружие мощное...

Дух Вяза. Я бы с удовольствием, но я еле стою... Ночью крот вывихнул мне большой палец на ноге...

Дух Кипариса. Ну, а я готов... Но только дело вот в чем: моему брату, Духу Сосны, предоставлено право похоронить детей, за мной же, во всяком случае, остается право плакать на их могиле... Я не хочу, чтобы меня так выделяли,— это несправедливо... Обратитесь лучше к Тополю...

Дух Тополя. Ко мне?.. Помилуйте!.. Мое дерево нежнее тела ребенка!.. И потом мне что-то не по себе... Меня знобит. Посмотрите на мои листья... Наверно, я простудился на зорьке...

Дух Дуба *(в гневе)*. Вы боитесь Человека!.. Даже беспомощные, беззащитные дети внушают вам тот непонятный страх, который и делает нас всех рабами Человека!.. Но нет! Довольно!.. Подобный случай нам больше не представится, и вот я, старый, дряхлый, весь трясущийся, слепой, пойду один на исконного врага!.. Где он?.. *(Нащупывая дорогу посохом, направляется к Тильтилю.)*

Т и л ь т и л ь *(достает из кармана нож)*. Так это ты на меня, старик, со своей дубиной?..

Все Деревья, испустив вопль ужаса при виде ножа — таинственного и непобедимого оружия Человека — становятся между Тильтилем и Духом Дуба и пытаются удержать старика.

Д е р е в ь я. У него нож!.. Берегись!.. У него нож!..

Д у х Д у б а *(вырываясь)*. Пустите!.. Нож ли, топор ли — не все ли равно?.. Кто меня держит?.. Как, вы все?.. Как, вы все меня не пускаете?.. *(Бросает на землю посох.)* Ну что ж!.. Стыд и позор нам, Деревьям!.. Пусть нас освобождают Животные!..

Б ы к. Вот и отлично!.. Я это беру на себя!.. Раз боднуть — и дело с концом!..

В о л и К о р о в а *(держат его за хвост)*. Куда ты лезешь?.. Не валяй дурака!.. Недоброе это дело... И не добром оно кончится... А расхлебывать придется нам... Не суйся... Это дело Диких Зверей...

Б ы к. Нет, нет!.. Это мое дело!.. Погодите!.. Да держите же меня, не то я натворю бед!..

Митиль визжит от страха.

Т и л ь т и л ь *(к Митиль)*. Не бойся!.. Спрячься за меня... у меня нож...

П е т у х. Бедовый малый...

Т и л ь т и л ь. Так это вы на меня разозлились?..

О с е л. Ну конечно, мальчик! А ты только сейчас догадался?..

С в и н ь я. Молись — настал твой последний час. А девочку не прячь... Я хочу на нее полюбоваться... Я сначала съем ее...

Т и л ь т и л ь. Что я вам сделал?..

Б а р а н. Ровно ничего, мальчуган... Ты только съел моего маленького брата, двух сестер, трех дядей, тетку и дедушку с бабушкой... Погоди, погоди, пусть только тебя сшибут с ног — тогда ты увидишь, что у меня тоже есть зубы...

О с е л. А у меня копыта!..

К о н ь *(горделиво ржет)*. Вот я ему сейчас покажу!.. Как, по-вашему, лучше: загрызть его или затоптать?..

Конь с решительным видом идет на Тильтиля, тот замахивается на него ножом. На Коня внезапно нападает страх, и он во весь дух бежит от Тильтиля.

Э, нет!.. Это нечестно!.. Какая же это игра?.. Он защищается!..

П е т у х *(не может скрыть свое восхищение)*. А мальчуган-то не робкого десятка!..

Свинья *(Медведю и Волку)*. Давайте вместе!.. Я вас буду поддерживать с тыла... Мы их повалим, а потом поделим девочку...

Волк. Отвлеките их внимание... а я обойду их сзади... *(Нападает на Тильтиля сзади и едва не сбивает с ног.)*

Тильтиль. Какое вероломство!..

Тильтиль становится на одно колено и, размахивая ножом, старается защитить сестренку, та кричит не своим голосом. Видя, что Тильтиль почти повержен, Животные и Деревья подходят ближе и стараются ударить его. Внезапно темнеет. Тильтиль в отчаянии зовет на помощь.

Ко мне! Ко мне!.. Тило! Тило!.. Где Кошка?.. Тило!.. Тилетта!.. Тилетта!.. Помогите! Помогите!..

Кошка *(в отдалении, фальшивым тоном)*. Я не могу подойти!.. Я вывихнула себе лапку...

Тильтиль *(отражает удары и храбро защищается)*. На помощь!.. Тило! Тило!.. Я выбился из сил!.. Их много!.. Медведь! Свинья! Волк! Осел! Сосна! Бук!.. Тило! Тило! Тило!..

Таща за собой обрывки нитей, из-за ствола Дуба выскакивает Пес и, растолкав Деревья и Животных, бросается к Тильтилю и яростно его защищает.

Пес *(с остервенением кусает всех подряд)*. Вот тебе! Вот тебе!.. Не бойся, мое маленькое божество!.. Я им задам!.. Зубы у меня острые!.. Что, Медведь? Лихо я тебя куснул в твой толстый зад?.. Еще кто желает?.. Вот тебе, Свинья, вот тебе, Конь, а Быку я хвост откусил! Так, так! На Буке изорвал штаны, а на Дубе — юбку!.. Сосна дала тягу!.. А все-таки бой еще жаркий!..

Тильтиль *(в изнеможении)*. Я больше не могу... Кипарис изо всех сил ударил меня по голове...

Пес. Ай! Это Ива меня так... Лапу мне сломала...

Тильтиль. Опять они наступают!.. Все сразу!.. Теперь Волк!..

Пес. Погоди, сейчас я его уважу!..

Волк. Дурак!.. Ведь ты же наш брат!.. А его родители утопили твоих детей!..

Пес. И хорошо сделали!.. Туда им и дорога!.. Они на тебя были похожи!..

Деревья и Животные. Отступник!.. Глупец!.. Изменник! Коварная душа! Круглый дурак!.. Предатель!.. Брось Человека! Он несет нам гибель! Иди к нам!

Пес *(в боевом пылу и в жертвенном порыве)*. Нет, нет!.. Один против всех!.. Нет, нет!.. Я верен божествам!.. Наилучшим божествам! Величайшим!.. *(Тильтилю.)* Берегись: на тебя идет

Медведь... А вон Бык!.. Сейчас я схвачу его за горло... Ай!.. Он меня ногой... Осел вышиб мне два зуба...

Тильтиль. Я больше не могу, Тило!.. Ай!.. Это Вяз меня ударил... Погляди: на руке кровь... Это Волк или Свинья...

Пес. Погоди, мое маленькое божество... Дай, я тебя поцелую. Лизну языком... и все заживет... Спрячься за меня... Теперь они уже не посмеют... Да, как бы не так!.. Опять наступают!.. Вот это удар так удар!.. Держись!..

Тильтиль *(падает наземь)*. Ну, конец!..

Пес. Кто-то идет!.. Я слышу, я чую!..

Тильтиль. Где?.. Кто?..

Пес. Там, там!.. Это Душа Света!.. Она разыскала нас!.. Мы спасены, мой королевич!.. Поцелуй меня!.. Мы спасены!.. Смотри!.. Они испугались!.. Они бегут!.. Они струсили!..

Тильтиль. Душа Света!.. Душа Света!.. Иди сюда!.. Скорей!.. Они взбунтовались!.. Они все против нас!..

Входит Душа Света.
В это время над лесом занимается заря.

Душа Света. Что такое?.. Что здесь происходит?.. Глупенький! Как же ты не догадался?.. Поверни алмаз — они тотчас погрузятся в Мрак и Молчание и ты уже не будешь видеть их чувства...

Тильтиль поворачивает алмаз. В то же мгновение Души Деревьев бросаются к своим стволам, и стволы за ними закрываются. Души Животных тоже исчезают. Издали видно, как мирно пасутся на лужайке Корова и Баран. Лес снова принимает вполне безобидный вид. Тильтиль в изумлении оглядывается по сторонам.

Тильтиль. Куда они убежали?.. Что это с ними было?.. Должно быть, взбесились...

Душа Света. Да нет, они всегда такие, только обычно это не видно... Я тебя предупреждала: когда меня нет, будить их опасно...

Тильтиль *(вытирает нож)*. Хорош бы я был без Пса и без ножа!.. Я не представлял себе, что они такие злые!..

Душа Света. Теперь ты понимаешь, что в этом мире Человек — один против всех...

Пес. Мое маленькое божество, тебе очень больно?..

Тильтиль. Ничего, пройдет... Митиль они не тронули... А с тобой-то что они сделали, милый мой Тило!.. Пасть у тебя в крови, лапа сломана...

Пес. Пустяки!.. К завтрему все заживет... Да, жаркое было сражение!..

К о ш к а *(хромая, выходит из кустов)*. Уж на что жарче!.. Бык боднул меня в живот... Следов не видно, но страх как больно... А Дуб сломал мне лапку...

П е с. Интересно знать, какую...

М и т и л ь *(гладит Кошку)*. Так это правда, бедная моя Тилетта?.. Где же ты была?.. Я тебя не видела...

К о ш к а *(фальшивым тоном)*. Меня, мамочка, ранили очень скоро — как только я бросилась на эту гадкую Свинью, которая хотела тебя съесть... Тут-то Дуб и оглушил меня своим ударом...

П е с *(Кошке, сквозь зубы)*. Я с тобой еще поговорю с глазу на глаз... Найду время!..

К о ш к а *(к Митиль, жалобно)*. Мамочка, он меня обижает!..

М и т и л ь *(Псу)*. Оставь ты ее в покое, противное создание!..

Все уходят.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Входят Т и л ь т и л ь, М и т и л ь, Д у ш а С в е т а, П е с, К о ш к а, Х л е б, О г о н ь, С а х а р, В о д а и М о л о к о.

Д у ш а С в е т а. Я получила записку от Феи Берилюны — она пишет, что Синяя Птица, по всей вероятности, находится здесь...

Т и л ь т и л ь. Где — здесь?..

Д у ш а С в е т а. Вон там, на кладбище, за оградой... По-видимому, кто-то из покойников прячет ее у себя в могиле... Надо узнать, кто именно... Придется их всех осмотреть...

Т и л ь т и л ь. Осмотреть?.. Каким образом?..

Д у ш а С в е т а. Очень просто: чтобы не слишком их тревожить, ты поверни алмаз ровно в полночь. Тогда они выйдут из могил. А кто не выйдет, тех ты увидишь в гробах...

Т и л ь т и л ь. А они не рассердятся?..

Д у ш а С в е т а. Нисколько. Они даже не заметят... Вообще они не любят, когда их тревожат, но в полночь они сами привыкли выходить, так что это их не затруднит...

Тильтиль. Почему Хлеб, Сахар и Молоко такие бледные? Почему они молчат?..

Молоко *(пошатываясь)*. Я, наверно, сейчас скисну...

Душа Света *(Тильтилю, тихо)*. Не обращай внимания... Они боятся покойников...

Огонь *(резвится)*. А я не боюсь!.. Я привык сжигать их... Прежде я их всех сжигал. Тогда было веселее, чем теперь...

Тильтиль. А почему Тило дрожит?.. Он тоже боится?..

Пес *(ляская зубами)*. Кто, я?.. Я не дрожу!.. Я ничего не боюсь. Но, если умрешь ты, я тоже умру...

Тильтиль. А почему Кошка молчит?..

Кошка *(таинственно)*. Я знаю, что это такое...

Тильтиль *(Душе Света)*. А ты с нами побудешь?..

Душа Света. Нет, я лучше постою с Душами Предметов и Животных у кладбищенских ворот... Мой час еще не пришел... Свет еще не волен проникать к мертвецам... Я оставлю тебя одного с Митиль...

Тильтиль. А Тило нельзя остаться с нами?..

Пес. Да, да, я останусь, останусь здесь... Я хочу быть с моим маленьким божеством!..

Душа Света. Нет, это невозможно... Фея строго-настрого запретила... Да и чего бояться?..

Пес. Ну что ж, ничего не поделаешь... Но если покойники злые, то ты, мое маленькое божество, сделай так *(свистит)* — и я тут как тут... Будет то же, что в лесу: гав! гав! гав!..

Душа Света. Ну, прощайте, мои дорогие!.. Я буду близко... *(Целует детей.)* Кто меня любит и кого люблю я, те всегда меня найдут... *(Душам Предметов и Животных.)* А вы — сюда...

Душа Света, Души Предметов и Животных уходят. Дети остаются одни на середине авансцены. Занавес раздвигается, а за ним открывается картина седьмая.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

КЛАДБИЩЕ

Ночь. Лунный свет. Деревенское кладбище. Много могил, обложенных дерном холмиков, деревянных крестов, могильных плит и т. д. Тильтиль и Митиль стоят возле памятника.

Митиль. Я боюсь!

Тильтиль *(не очень бодро)*. А я не боюсь...

Митиль. А что, покойники злые?..

Тильтиль. Да нет, ведь они не живые...

Митиль. А ты их когда-нибудь видел?..

Тильтиль. Да, как-то раз, давно, когда я был еще совсем маленький...

Митиль. Ну, ну? Какие же они?..

Тильтиль. Совсем белые, очень спокойные, очень холодные и ничего не говорят...

Митиль. Мы их сейчас увидим?..

Тильтиль. Раз Душа Света обещала, значит, увидим...

Митиль. А где же они?..

Тильтиль. Вот здесь, под дерном, под этими большими камнями...

Митиль. Они тут круглый год?..

Тильтиль. Да.

Митиль *(показывает на плиты)*. А это двери их домов?..

Тильтиль. Да.

Митиль. А в хорошую погоду они выходят погулять?..

Тильтиль. Они могут выходить только ночью...

Митиль. Почему?..

Тильтиль. Потому что они в одних рубашках...

Митиль. Ну, а в дождь?..

Тильтиль. В дождь они не выходят...

Митиль. А у них хорошо?..

Тильтиль. Говорят, очень тесно...

Митиль. А дети у них есть?..

Тильтиль. Конечно. Все мертвые дети — с ними...

Митиль. Чем же они питаются?..

Тильтиль. Корни едят...

Митиль. Так мы их увидим?..

Тильтиль. Конечно, увидим. Когда алмаз повёрнут, все видно.

Митиль. А что они нам скажут?..

Тильтиль. Ничего не скажут — они же не говорят...

Митиль. А почему они не говорят?..

Тильтиль. Потому что им нечего сказать.

Митиль. А почему им нечего сказать?..

Тильтиль. Ты мне надоела...

Молчание.

Митиль. Когда ты повернешь алмаз?..

Тильтиль. Ты же слышала, что Душа Света велела, чтобы мертвецам было меньше беспокойства, дождаться полночи...

Митиль. А почему им так меньше беспокойства?..

Тильтиль. Потому что в это время они выходят подышать воздухом.

Митиль. А полночь еще не наступила?..

Тильтиль. Тебе церковные часы видны?..

Митиль. Видны. Я даже вижу маленькую стрелку...

Тильтиль. Ну так сейчас будет бить полночь... Вот!.. Как раз... Слышишь?..

Бьет полночь.

Митиль. Уйдем отсюда!..

Тильтиль. Нельзя... Я сейчас поверну алмаз...

Митиль. Не надо, не надо!.. Не поворачивай!.. Уйдем отсюда!.. Мне страшно, братец!.. Мне так страшно!..

Тильтиль. Да нет же ничего опасного...

Митиль. Я не хочу смотреть на покойников!.. Не хочу!..

Тильтиль. Не хочешь — не смотри, закрой глаза...

Митиль *(вцепившись в Тильтиля)*. Нет, Тильтиль, я ни за что здесь не останусь!.. Я не могу!.. Они выйдут из могил!..

Тильтиль. Чего ты так дрожишь?.. Ну выйдут на минутку...

Митиль. Да ты сам дрожишь!.. Они такие страшные!..

Тильтиль. Пора! Время не ждет!..

Тильтиль поворачивает алмаз. Страшный миг молчания и оцепенения. Но вот зашатались кресты, потом разверзаются холмы, поднимаются плиты.

Митиль *(прижимаясь к Тильтилю)*. Выходят!.. Вот они!..

И тут из всех разверстых могил медленно поднимаются целые снопы цветов; сначала смутные, неуловимые, точно клубы дыма, цветы эти постепенно наливаются девственной белизной, растут, пленяют взор своей пышностью, обилием, великолепием и, заполонив в конце концов все кладбище, превращают его в некий волшебный, чистый, как брачные одежды, сад, а в это время над садом встает заря. Блестит роса, распускаются цветы, в ветвях шелестит ветер, жужжат пчелы, просыпаются птицы и наполняют пространство первыми восторженными гимнами Солнцу и Жизни. Потрясенные, ошеломленные Тильтиль и Митиль, держась за руки, ходят среди цветов и не могут найти следы могил.

Митиль *(ищет в траве)*. Где же мертвые?..

Тильтиль *(тоже ищет)*. Мертвых нет...

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, ИЗОБРАЖАЮЩИМ КРАСИВЫЕ ОБЛАКА

Входят Тильтиль, Митиль, Душа Света, Пес, Кошка, Хлеб, Огонь, Сахар, Вода и Молоко.

Душа Света. Я думаю, что теперь Синяя Птица у нас в руках. С самого начала мне это как-то не приходило в голову... Только сегодня, когда я на рассвете набиралась сил, меня, точно луч солнца, озарила одна мысль... Мы сейчас стоим у входа в волшебные Сады, где под надзором Рока обитают все земные Радости и Блаженства...

Тильтиль. А их много? Их можно будет взять с собой? Они маленькие?..

Душа Света. Есть маленькие и большие, тучные и стройные, прелестные и непривлекательные... Впрочем, наиболее отталкивающие недавно были изгнаны из Садов и пошли искать пристанища у Несчастий. Надо вам сказать, что Несчастья живут совсем рядом, в Пещере, и Пещера эта сообщается с Садами Блаженств, ее отделяет от них что-то вроде легкой дымки или тончайшего занавеса, который все время колышется от ветра, дующего с Вершин Правосудия и из Недр Вечности... Теперь нам надо обо всем сговориться и принять меры предосторожности. Почти все Блаженства в высшей степени добродушны, однако среди них встречаются еще более опасные и коварные, чем величайшие Несчастья...

Хлеб. У меня есть предложение! Раз они опасны и коварны, то не лучше ли нам подождать у входа с тем, чтобы немедленно протянуть руку помощи детям, если им придется бежать?..

Пес. Ни в коем случае! Ни в коем случае!.. Я хочу всюду следовать за моими маленькими божествами!.. А кто боится, тот пусть останется у входа!.. Нам не нужны *(смотрит на Хлеб)* ни трусы, ни *(смотрит на Кошку)* предатели...

Огонь. Я пойду!.. Там, говорят, весело!.. Все время пляшут!..

Хлеб. А там едят?..

Вода *(хнычет)*. Я никогда не видела Блаженства, даже самого маленького!.. Дайте же мне посмотреть!..

Душа Света. Помолчите! Никто вас не спрашивает... Вот что я решила: Пес, Хлеб и Сахар пойдут с детьми. Вода не пойдет — она очень холодная, Огонь тоже не пойдет — он бедокур. Молоку я очень советую подождать у входа — оно че-

ресчур впечатлительно. Что же касается Кошки, то как она хочет сама...

Пес. Она трусит!..

Кошка. Я зайду по дороге к моим закадычным друзьям Несчастьям — они живут рядом с Блаженствами...

Тильтиль. А ты, Душа Света, пойдешь?..

Душа Света. Я не могу войти туда в таком виде — многие Блаженства меня не выносят... Но у меня есть с собой плотное покрывало, в которое я кутаюсь всякий раз, когда мне предстоит посетить счастливцев... *(Развертывает длинное покрывало и тщательно в него кутается.)* Ни единый луч моей Души не должен проглядывать, а то ведь много есть на свете Блаженств пугливых и несчастных... Вот теперь самые прекрасные и самые тучные и те не убоятся...

Занавес раздвигается, а за ним открывается картина девятая.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

САДЫ БЛАЖЕНСТВ

Когда занавес раздвигается, то перед входом в Сады открывается нечто вроде залы с высокими мраморными колоннами, между которыми, закрывая глубину сцены, висят на золотых шнурах тяжелые пурпуровые занавесы. Убранство залы напоминает искусство наиболее чувственных и наиболее пышных художников венецианского и фламандского Возрождения (Веронезе, Рубенса). Гирлянды цветов, рога изобилия, вазы, статуи, всюду масса позолоты. Посредине тяжелый роскошный стол из яшмы и золоченой меди, заставленный канделябрами, хрусталем, золотыми и серебряными блюдами с дивными яствами. За столом и вокруг стола едят, пьют, орут, поют, размахивают руками, валяются на полу, спят среди недоеденной дичи, райских плодов, кувшинов и опрокинутых чаш самые тучные земные Блаженства. Они огромны, неимоверно грузны, румяны, одеты в бархат и парчу, на головах у них золотые венцы, украшенные жемчугом и драгоценными камнями. Красивые рабыни разносят одно украшенное султаном блюдо за другим и пенящиеся напитки. Пошлая, бравурная, грубая музыка с преобладанием медных инструментов. Сцену заливает тяжелый красный свет. Тильтиль, Митиль, Пес, Хлеб и Сахар на переднем плане, справа, робко жмутся к Душе Света. Кошка молча проходит по той же стороне в глубину сцены, приподнимает какой-то темный занавес и скрывается за ним.

Тильтиль. Что это за толстяки веселятся и едят такие вкусные вещи?

Душа Света. Это самые тучные земные Блаженства, их узнать легко. Может быть, Синяя Птица на минутку случайно

к ним залетела, но, впрочем, это маловероятно. Все-таки не поворачивай пока алмаза. Для очистки совести давай обследуем эту часть залы.

Тильтиль. А подойти к ним можно?

Душа Света. Разумеется. Они не злые, но они пошляки, да еще к тому же довольно плохо воспитанные пошляки!..

Митиль. Какие у них чудные пирожные!..

Пес. А дичь! А колбаса! А баранина! А телячья печенка!.. *(Торжественно.)* Знаток самый тонкий не найдет ничего лучше телячьей печенки!..

Хлеб. Кроме разве каравая из наилучшей пшеницы! Он у них божественен!.. До того вкусен, до того вкусен!.. И еще толще, чем я!..

Сахар. Простите, простите! Простите, пожалуйста!.. Позвольте, позвольте... Я никого не хочу обидеть, однако не забудьте, что краса и гордость этого стола — сладости — своим блеском и великолепием затмевают, если можно так выразиться, все, что есть лучшего в этой зале, а может быть, и во всем мире...

Тильтиль. Какой у них довольный и счастливый вид!.. Горланят! Хохочут! Поют!.. По-моему, они нас заметили...

В самом деле, около десяти наиболее тучных Блаженств встают из-за стола и с трудом, поддерживая руками животы, идут к детям.

Душа Света. Не бойся, они очень радушны... По всей вероятности, они хотят угостить тебя обедом... Не соглашайся, ни в коем случае не соглашайся, иначе ты забудешь, что́ тебе поручено...

Тильтиль. Как, нельзя попробовать ни одного пирожного? А они на вид такие вкусные, свежие, политы сахаром, вареньем, кремом!..

Душа Света. Они вредны — они расслабляют волю. Надо жертвовать всем во имя долга. Откажись вежливо, но наотрез. Вот они...

Самое Тучное Блаженство *(протягивает Тильтилю руку)*. Здравствуй, Тильтиль!..

Тильтиль *(в изумлении)*. Откуда вы меня знаете?.. Вы кто?..

Самое Тучное Блаженство. Я — Самое Тучное из Блаженств: Блаженство Быть Богатым. Я пришло от имени моих братьев просить вас и ваших близких почтить своим при-

сутствием нашу бесконечную трапезу. Вы попадете в общество лучших представителей истинно Тучных Земных Блаженств. Позвольте вас познакомить с главнейшими из них. Вот мой зять, Блаженство Быть Собственником,— у него живот в виде груши. Вот Блаженство Утоленного Тщеславия — оно отличается красивой округлостью щек.

Блаженство Утоленного Тщеславия кланяется свысока.

Вот Блаженство Пить, Когда Уже Не Чувствуешь Жажды, и Блаженство Есть, Когда Уже Не Чувствуешь Голода,— они близнецы, ноги у них заплетаются.

Оба Блаженства, пошатываясь, кланяются.

Вот Блаженство Ничего Не Знать — оно глухо, как стена, и Блаженство Ничего Не Понимать — оно слепо, как крот. Вот Блаженство Ничего Не Делать и Блаженство Спать Больше, Чем Нужно,— руки у них, как хлебный мякиш, а глаза, как желе из персиков. Вот, наконец, Утробный Смех — рот у него до ушей, перед этим Смехом ничто не устоит...

Утробный Смех, заливаясь хохотом, кланяется.

Тильтиль *(показывает пальцем на одно из Тучных Блаженств, которое держится в стороне)*. А вон то, что не решается подойти и стоит к нам спиной,— кто это?..

Самое Тучное Блаженство. Не зовите его — оно слегка смущено, ему неловко показываться детям... *(Берет Тильтиля за обе руки.)* Идемте! Пиршество начинается сызнова... Это уже двенадцатое за сегодняшний день. Мы ждем только вас... Слышите крики? Это вас зовут пирующие... Я не имею возможности представить вам всех — им нет числа... *(Протягивает детям руки.)* Позвольте посадить вас на почетные места...

Тильтиль. Благодарю вас, глубокоуважаемое Тучное Блаженство... Мне, право, очень жаль... но сейчас я никак не могу... Мы спешим... Мы ищем Синюю Птицу... Вы случайно не знаете, где она прячется?

Самое Тучное Блаженство. Синяя Птица?.. Погодите... Да, да, да, я припоминаю... Где-то я о ней слышало... По-моему, она несъедобна... Во всяком случае, у нас за столом она никогда не подавалась. Это значит, что она здесь не очень высоко ценится... Но вы не огорчайтесь: у нас есть кое-что по-

вкуснее... Вот поживете с нами — увидите, чем мы тут занимаемся...

Тильтиль. Чем же вы занимаетесь?

Самое Тучное Блаженство. Мы только и делаем, что ничего не делаем... Отдыхать мы никогда не отдыхаем... Надо пить, надо есть, надо спать. На это уходит все время...

Тильтиль. И вам не скучно?

Самое Тучное Блаженство. Не скучно, нет!.. Да и потом на Земле все равно ведь не найдешь другого занятия...

Душа Света. Вы так думаете?..

Самое Тучное Блаженство *(Тильтилю, тихо, показывая на нее пальцем)*. Кто эта молодая невоспитанная особа?..

Во время этого разговора толпа Тучных Блаженств пониже сортом окружили Пса, Хлеб и Сахар и вовлекла их в свою оргию. Тильтиль вдруг замечает, что эти трое в дружеском объединении с хозяевами едят, пьют и веселятся напропалую.

Тильтиль. Душа Света, посмотри!.. Они за столом!..

Душа Света. Позови их, иначе дело плохо!..

Тильтиль. Тило, Тило, поди сюда!.. Сейчас же иди сюда, слышишь?.. А вам, Сахар и Хлеб, кто позволил отходить от меня?.. Вы у меня спросились?..

Хлеб *(с полным ртом)*. Нельзя ли повежливее?..

Тильтиль. Что-о-о? Как ты смеешь говорить со мной таким тоном?.. Какая муха тебя укусила?.. А ты, Тило? Так-то ты меня слушаешься?.. А ну, иди сюда, и на колени, на колени!.. Живо!..

Пес *(на другом конце стола, вполголоса)*. Когда я ем, я умер для остального мира, я ничего не слышу...

Сахар *(медоточивым голосом)*. Извините, но мы не можем обидеть наших гостеприимных хозяев...

Самое Тучное Блаженство. Вот видите!.. Они подают вам пример... Идемте, идемте, вас ждут!.. Никаких отговорок!.. Иначе мы для вашего же блага применим насилие... Ну-ка, Тучные Блаженства, помогите мне!.. Тащите их к столу — они должны быть счастливы наперекор самим себе!..

Тучные Блаженства с радостными криками, резвясь и играя, тащат отбивающихся детей к столу, а в это время Утробный Смех пытается заключить Душу Света в свои мощные объятия.

Душа Света. Поверни алмаз! Скорей!..

Тильтиль исполняет приказание Души Света. В то же мгновение сцена озаряется несказанно чистым, божественно нежным, ласкающим взгляд розовым светом. Тяжелые украшения переднего плана, плотные красные занавесы падают и исчезают, а за ними открывается волшебный тихий сад бездумного, безмятежного покоя, нечто вроде храма зелени с прямыми аллеями, сад, где могучие, пышные, буйно растущие и в то же время рассаженные в определенном порядке деревья, отягченные яркозеленой листвой, где целомудренно сладострастные цветы и ликующая свежесть текущих, струящихся и бьющих отовсюду вод как бы разносят весть о счастье далеко вокруг. Пиршественный стол исчезает бесследно. От светоносного дуновения, проносящегося по сцене, бархат, парча, венцы и смешные маски Тучных Блаженств приподнимаются, рвутся на части и падают к ногам ошеломленных сотрапезников. Сами Блаженства мгновенно опадают, точно проколотые пузыри, переглядываются, жмурятся от необычного для них, раздражающего их глаза света. Представ же наконец друг перед другом в своем настоящем виде, нагие, безобразные, дряблые, жалкие, они от стыда и от ужаса начинают дико кричать, причем всех их перекрикивает Утробный Смех. Только Блаженство Ничего Не Понимать сохраняет полнейшее спокойствие, меж тем как его товарищи мечутся в страхе, пытаются бежать и жмутся по углам, думая, что там их не видно. Но в ослепительно ярком саду нет тени. Поэтому большинство с решимостью отчаяния стремится проникнуть за грозный занавес, который в правом углу прикрывает вход в Пещеру Несчастий. Всякий раз, когда кто-нибудь из них в панике приподнимает край этого занавеса, в глубине Пещеры разражается буря брани, угроз и проклятий. Пес, Хлеб и Сахар с виноватым видом подходят к детям и робко прячутся у них за спиной.

Тильтиль *(глядя вслед Тучным Блаженствам)*. Какие же они уроды!.. Куда это они?..

Душа Света. Они обезумели от страха... Ищут убежища у Несчастий, а уж оттуда их вряд ли когда-нибудь выпустят...

Тильтиль *(смотрит вокруг; в восторге)*. Ах, какой красивый сад, какой красивый сад!.. Где мы?..

Душа Света. Мы все на том же месте, изменился лишь твой взгляд на вещи... Теперь мы видим подлинную сущность вещей, а немного погодя нашему взору откроются Души тех Блаженств, которые выносят свет алмаза.

Тильтиль. Как красиво!.. Какая красота!.. Можно подумать, что сейчас лето... Ой, глядите: к нам идут! Должно быть, нас заметили...

В самом деле, Сады начинают наполняться ангелоподобными существами, как бы пробудившимися от долгого сна,— они плавно движутся меж деревьев. На них блистающие одежды тонких и нежных оттенков: распускающейся розы, сверкающих на солнце вод, утренней лазури, янтарной росы и т. д.

Душа Света. К нам идут милые и занятные Блаженства, они нам все расскажут.

Тильтиль. Ты с ними знакома?

Душа Света. Да, я их всех знаю. Я к ним часто прихожу, хотя они об этом и не подозревают...

Тильтиль. Сколько их, сколько их!.. Со всех сторон!.. Со всех сторон!..

Душа Света. Прежде их было еще больше. Им очень навредили Тучные Блаженства.

Тильтиль. Да их и сейчас не мало...

Душа Света. Когда влияние алмаза распространится на все Сады, ты увидишь великое множество Блаженств... На Земле их гораздо больше, чем принято думать, но большинство Людей не умеет их искать...

Тильтиль. А вон малютки! Побежим к ним навстречу!..

Душа Света. Незачем. Те, что нас интересуют, подойдут сами. А со всеми подряд у нас нет времени знакомиться...

Стайка Маленьких Блаженств с громким смехом выбегает вприскочку из гущи зелени и начинает водить вокруг детей хоровод.

Тильтиль. Какие они хорошенькие, какие они хорошенькие!.. Откуда они? Кто они?..

Душа Света. Это Детские Блаженства...

Тильтиль. А поговорить с ними можно?..

Душа Света. Бесполезно. Они поют, танцуют, смеются, а говорить еще не умеют...

Тильтиль *(дрожит от восторга)*. Здравствуйте! Здравствуйте!.. Посмотрите вон на то пухленькое дитя — оно все время улыбается!.. Какие у них щечки! Какие у них платьица!.. Они все здесь богатые?..

Душа Света. Нет, что ты! Здесь, как и везде, больше бедных, чем богатых...

Тильтиль. Кто же из них бедные?..

Душа Света. Отличить невозможно... Блаженство всякого ребенка одето во все самое лучшее, что только есть на земле и на небесах.

Тильтиль *(не может устоять на месте)*. Я хочу с ними потанцевать!

Душа Света. Никак нельзя. Нам некогда... Синей Птицы у них, видимо, нет... Да ведь и они торопятся. Видишь? Уходят... Им тоже нельзя терять время — детство мимолетно...

Еще одна группа Блаженств чуть повыше ростом предыдущих врывается в Сад, распевая во все горло: «Они здесь! Они здесь! Вот и мы! Все и мы!..» — и начинает танцевать вокруг детей веселую фарандолу. По окончании танца Блаженство, которое, по-видимому, командует им маленьким отрядом, подходит к Тильтилю и протягивает ему руку.

Б л а ж е н с т в о. Здравствуй, Тильтиль!..

Т и л ь т и л ь. Еще один знакомый!.. *(Душе Света.)* Куда ни придешь — везде меня знают... Кто ты?..

Б л а ж е н с т в о. Ты не узнал меня?.. Бьюсь об заклад, что ты никого из нас не узнаёшь...

Т и л ь т и л ь *(слегка смущен)*. Нет... Я вас не знаю... Не помню, чтобы я вас когда-нибудь видел...

Б л а ж е н с т в о. Слышите?.. Так я и знало!.. Он никогда нас не видел!..

Блаженства хохочут.

Да что с тобой, Тильтиль? Ты нас отлично знаешь!.. Мы всегда с тобой!.. Мы едим, пьем, просыпаемся, дышим, живем вместе с тобой!..

Т и л ь т и л ь. Да, да, совершенно верно, теперь я припоминаю... А скажите, как вас зовут?..

Б л а ж е н с т в о. Ничего-то ты не понимаешь!.. Я — начальник Блаженств твоего дома, а это всё Блаженства, живущие в твоем доме...

Т и л ь т и л ь. Значит, в нашем доме живут Блаженства?..

Блаженства хохочут.

Б л а ж е н с т в о. Вы слышали?.. И ты еще спрашиваешь, живут ли в твоем доме Блаженства!.. Ах ты, глупыш!.. Да нас там полным-полно!.. Мы смеемся, поем, у нас идет такое веселье, что стены дрожат, потолок вот-вот рухнет, а ты все равно ничего не видишь и не слышишь... Ну да с годами авось поумнеешь... А сейчас поздоровайся с самыми почтенными из нас... Потом тебе легче будет нас узнавать... А когда-нибудь, в один прекрасный день, ты научишься ободрять нас улыбкой, приветствовать нас, благодарить — право же, мы делаем все для того, чтобы жизнь твоя была легка и красива... Вот перед тобою я, твой покорный слуга, Блаженство Быть Здоровым: я не особенно красиво, но зато я самое степенное. Будешь теперь меня узнавать?.. Вот Блаженство Дышать Воздухом — оно почти прозрачно... Вот Блаженство Любить Родителей — оно во всем сером, и ему всегда чуть-чуть грустно, оттого что на него никто не обращает внимания... Вот Блаженство Голубого Неба — оно, понятно, в голубом... Вот Блаженство Леса — оно, опять-таки вполне естественно, в зеленом, его ты увидишь всякий раз, как выглянешь в окно... А вот милое Блаженство Солнечных Дней — в одежде цвета алмаза и Блаженство Весны — в одежде изумрудного цвета...

Т и л ь т и л ь. А вы всегда такие красивые?..

Блаженство. Ну конечно! В каждом доме, где живут с открытыми глазами, все дни недели — воскресные... А чуть начнет вечереть — появляется Блаженство Заходящего Солнца. Смотри — оно прекраснее всех земных царей. За ним идет Блаженство Видеть Зажигающиеся Звезды, все в золоте, как древний идол... В ненастье является Блаженство Дождя, все унизанное жемчугом, а за ним идет Блаженство Зимнего Очага — оно прячет руки от холода в свой пурпуровый плащ... А вот и лучшее из нас — лучшее, ибо оно в близком родстве с великими и чистыми Радостями: это Блаженство Невинных Мыслей, самое светлое среди нас... А вот еще... Нет, уж очень их много!.. Мы так никогда не кончим, а ведь я должно еще известить о вашем приходе Великие Радости — они там, наверху, в глубине, у небесных врат, и еще ничего не знают... Я пошлю за ними Блаженство Бегать По Росе Босиком — оно у нас самое расторопное... *(Обращаясь к только что названному Блаженству, которое подбегает вприпрыжку.)* Ступай!..

В эту минуту какой-то Чертенок в черном трико, расталкивая всех и выкрикивая нечто нечленораздельное, приближается к Тильтилю; выплясывая вокруг него дикую пляску, он осыпает его градом щелчков, подзатыльников и пинков.

Тильтиль *(ошеломлен и глубоко возмущен)*. Кто этот дикарь?

Блаженство. Ах ты! Опять Блаженство Быть Невыносимым вырвалось из Пещеры Несчастий! Прямо не знаешь, куда бы это получше его запрятать. Оно убегает отовсюду. Даже Несчастья и те не хотят больше держать его у себя.

Чертенок все еще пристает к Тильтилю, тот никакими силами не может от него отвязаться. Потом вдруг Чертенок с громким хохотом исчезает так же неожиданно, как и появился.

Тильтиль. Что это с ним? На него находит?

Душа Света. Не знаю. Наверно, и ты бываешь таким же, когда не слушаешься. Однако надо спросить про Синюю Птицу. Может быть, предводитель Блаженств твоего дома знает, где она...

Тильтиль. Где Синяя Птица?..

Блаженство. Он не знает, где Синяя Птица!..

Домашние Блаженства хохочут.

Тильтиль *(уязвлен)*. Да, не знаю... Ничего тут смешного нет...

Новый взрыв хохота.

Блаженство. Полно, не сердись!.. А вы перестаньте

смеяться!.. Не знает — и не знает, что ж тут поделаешь! Не он первый, не он последний... Но вот маленькое Блаженство Бегать По Росе Босиком известило Великие Радости, и они направляются к нам.

В самом деле, к ним медленно приближаются высокие, прекрасные, ангелоподобные существа в блистающих одеждах.

Тильтиль. Как они прекрасны!.. Но почему они не смеются?.. Они несчастны?

Душа Света. Счастье не в смехе...

Тильтиль. Но кто они?..

Блаженство. Это Великие Радости...

Тильтиль. Ты знаешь их по именам?..

Блаженство. Конечно. Мы с ними часто играем... Вот впереди всех— Великая Радость Быть Справедливым, она улыбается всякий раз, когда нарушенная справедливость восстанавливается. Я еще молодо, и поэтому мне пока не приходилось видеть ее улыбку. За ней идет Радость Быть Добрым — самая счастливая, но и самая печальная. Ее так и тянет к Несчастьям, ей все хочется их утешить, и удержать ее стоит больших усилий. Справа — Радость Завершенного Труда, а рядом с ней — Радость Мыслить. Дальше — Радость Понимать, она вечно ищет своего брата — Блаженство Ничего Не Понимать...

Тильтиль. А я видел ее брата!.. Он вместе с Тучными Блаженствами ушел к Несчастьям...

Блаженство. Так я и знало!.. Он на неправильном пути, дурное общество испортило его окончательно... Только не надо говорить об этом его сестре. Она примется искать его, и мы упустим одну из наипрекраснейших Радостей... А вот среди самых высоких — Радость Созерцать Прекрасное, она ежедневно прибавляет по нескольку лучей к тому свету, который царит здесь...

Тильтиль. А кто это там, далеко-далеко, в золотых облаках? Я еле вижу ее, даже когда становлюсь на цыпочки...

Блаженство. Это Великая Радость Любить... Но ты напрасно тянешься — ты еще слишком мал, чтобы видеть ее всю...

Тильтиль. А кто вон те, в самой глубине, те, что закутаны в покрывала и держатся в отдалении?..

Блаженство. Это Радости, людям еще неведомые...

Тильтиль. А почему вот эти на нас рассердились?.. Почему они уходят?..

Блаженство. Они дают дорогу еще одной Радости, быть может, самой чистой из всех, которые обретаются здесь...

Тильтиль. Какая это Радость?..

Блаженство. Неужели ты ее еще не узнал?.. Посмотри повнимательнее, раскрой глаза до самых глубин твоей души!.. Она тебя увидела, она тебя увидела!.. Простирает руки и бежит к тебе!.. Это Радость твоей матери, Радость неповторимая, Радость Материнской Любви!..

Другие Радости, набежавшие отовсюду, приветствуют Радость Материнской Любви, а затем молча перед ней расступаются.

Материнская Любовь. Тильтиль! И Митиль!.. Вас ли, вас ли я вижу здесь?.. Вот неожиданно!.. Дома я была одна, и вдруг вы оба возноситесь к небу, где сияют в радости Души всех матерей!.. Но только сперва я буду целовать вас, целовать, сколько хватит сил!.. Придите оба в мои объятия — в мире нет большего счастья!.. Тильтиль, что же ты не смеешься от радости?.. И ты, Митиль?.. Вы не узнаете любви вашей матери?.. Да посмотрите же на меня: разве это не мои глаза, не мои губы, не мои руки?..

Тильтиль. Да, вот теперь я узнаю... Ты похожа на маму, только гораздо красивее ее...

Материнская Любовь. Это естественно — ведь я же не старею... Каждый новый день прибавляет мне сил, юности, счастья... Каждая твоя улыбка молодит меня на год... Дома это не видно, а здесь видно все: это и есть истина...

Тильтиль *(смотрит на нее восхищенным взглядом и время от времени принимается ее целовать)*. А из чего соткано твое прелестное платье?.. Из шелка, из серебра или из жемчуга?..

Материнская Любовь. Нет, оно из поцелуев, из взглядов, из ласк... Каждый поцелуй вплетает в него по лунному или по солнечному лучу...

Тильтиль. Удивительно! Я и не знал, что ты так богата... Где же ты прятала это платье?.. Не в том ли шкафу, ключ от которого у отца?..

Материнская Любовь. Нет, нет, оно всегда на мне, но только его не видно, оттого что с закрытыми глазами ничего нельзя увидеть... Все матери богаты, если они любят своих детей... Нет ни бедных матерей, ни некрасивых, ни старых... Их любовь неизменно пребывает прекраснейшею из всех Радостей... Когда же они грустят, стоит им поцеловать ребенка, стоит ребенку поцеловать их — и все слезы, подступающие к их глазам, превращаются в звезды...

Тильтиль *(смотрит на нее с изумлением)*. Да, да, верно, твои глаза полны звезд... Это твои глаза, только они стали гораздо красивее... И рука тоже твоя — на ней колечко... Даже

остался след от ожога — помнишь, ты как-то раз обожгла себе руку, когда зажигала лампу?.. Только сейчас она у тебя белее... И какая нежная кожа!.. Как будто насквозь светится... Работает та, что дома, а эта, наверно, не работает?..

Материнская Любовь. Это та же самая рука. Разве ты не заметил, как она белеет и светится всякий раз, когда ласкает тебя?..

Тильтиль. Чудеса! И голос тоже твой, мама, только говоришь ты гораздо красивее, чем та, у нас...

Материнская Любовь. Там, у нас, я очень занята, мне всегда некогда. Но и недосказанное можно услышать... Ну, а после нашей сегодняшней встречи ты узнаешь меня завтра в нашей хижине, когда я покажусь тебе в моем дырявом платье?..

Тильтиль. Я не хочу домой... Раз ты здесь, я останусь с тобой...

Материнская Любовь. Да ведь и я живу там, мы все там живем, разницы нет никакой... Ты пришел сюда, только чтобы научиться видеть меня, когда ты смотришь на меня там... Понимаешь, Тильтиль?.. Тебе кажется, что ты на небе, а на самом деле небо всюду, где мы с тобой ласкаемся... Двух матерей ни у кого не бывает, и у тебя только одна мать... У каждого ребенка есть одна-единственная, всегда одна и та же мать, прекраснее которой ни у кого нет... Надо только хорошо знать ее и уметь на нее смотреть... Но как же ты сюда попал, как нашел дорогу? Ведь Люди ищут ее с тех самых пор, как появились на Земле...

Тильтиль *(показывает на Душу Света, которая из скромности отошла в сторонку)*. Это она меня привела...

Материнская Любовь. Кто это?..

Тильтиль. Душа Света...

Материнская Любовь. В первый раз ее вижу... Я только слышала, что она вас очень любит и что она очень добрая... Но почему же она прячется?.. Она никому не показывает свое лицо?..

Тильтиль. Показывает, только она боится, как бы Блаженства не испугались, увидев себя при ярком свете...

Материнская Любовь. Да разве она не знает, с каким нетерпением мы ее ждем?.. *(Подзывает другие Великие Радости.)* Сестры, сестры, сюда! Бегите все сюда! Наконец к нам пришла Душа Света!..

Волнение среди Великих Радостей. Они приближаются. Слышны возгласы: «Душа Света здесь!.. Свет, Свет!..»

Радость Понимать *(отстраняет всех и целует Душу Света)*. Ты — Свет, а мы этого и не знали!.. Мы давно-давно-давно тебя ждем!.. Ты узнаёшь меня?.. Я — Радость Понимать, я тебя искала, искала!.. Мы здесь очень счастливы, но только мы не видим дальше самих себя...

Радость Быть Справедливым *(целует Душу Света)*. А меня ты узнаешь?.. Я — Радость Быть Справедливым, я тебе так часто молилась!.. Мы здесь очень счастливы, но только мы не видим дальше своих теней...

Радость Созерцать Прекрасное *(целует Душу Света)*. А меня ты узнаешь?.. Я — Радость Красоты, я тебя так люблю!.. Мы здесь очень счастливы, но только мы не видим дальше своих снов...

Радость Понимать. Полно, полно, сестра, не томи нас!.. Мы сильны и чисты душой... Откинь покрывало, которое все еще скрывает от нас последние оставшиеся непознанными Истины и Блаженства!.. Смотри: все мои сестры опустились перед тобой на колени... Ты — наша владычица, ты — наша награда!..

Душа Света *(закутывается еще плотнее)*. Сестры, прекрасные мои сестры, я исполняю приказание моего Повелителя... Час еще не настал, но когда-нибудь он пробьет, и тогда я приду к вам открыто и смело... Прощайте! Встаньте! Давайте еще раз обнимемся, как обнимаются нашедшие друг друга сестры! Близок день нашей новой встречи...

Материнская Любовь *(целует Душу Света)*. Ты была так добра к моим деткам!..

Душа Света. Я всегда буду добра к тем, кто любит друг друга...

Радость Понимать *(подходит к Душе Света)*. Запечатлей на моем лбу последний свой поцелуй...

Уста их сливаются в продолжительном поцелуе. Когда же они отрываются друг от друга и поднимают головы, на глазах у них выступают слезы.

Тильтиль *(в изумлении)*. Вы плачете?.. *(Обводит глазами другие Радости.)* И вы тоже... Почему глаза у всех полны слез?..

Душа Света. Тсс, дитя мое!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

ЦАРСТВО БУДУЩЕГО

Необъятные залы Лазоревого Дворца, где ожидают Дети, которым предстоит родиться. Бесконечные ряды сапфировых колонн, на которых держатся бирюзовые своды. Все здесь, начиная со света, начиная с плит из ляпис-лазури и кончая еле видной глубиной сцены, в которой теряются последние арки,— все до последней мелочи ярко-голубого, сказочно голубого, волшебно голубого цвета. Только капители и цоколи колонн, замки сводов да несколько кресел и круглых скамеек сделаны из белого мрамора и алебастра. Справа, между колонн, большие опаловые двери. За этими дверями, которые в конце картины распахивает Время, находятся Земная Жизнь и Гавань Зари. Залу наполняют, образуя красивые группы, Дети в длинных лазоревых одеждах. Одни играют, другие гуляют, третьи беседуют или мечтают. Многие спят. Многие, расположившись между колонн, трудятся над своими будущими изобретениями. Их орудия, инструменты, приборы, которые они делают, растения, цветы и плоды, которые они выращивают или же срывают, такого же, сверхъестественной яркости, голубого цвета, как и весь воздух Дворца. В толпе Детей скользят взад и вперед высокие фигуры, отличающиеся величавой и строгой красотой, в одеждах тоже голубых, но только более бледного тона и более прозрачных,— они напоминают ангелов.

Слева, на переднем плане, точно прячась за колоннами, появляются Тильтиль, Митиль и Душа Света. Их приход вызывает движение среди Лазоревых Детей. Они сбегаются отовсюду, обступают нежданных гостей и с любопытством разглядывают их.

Митиль. А где же Сахар, Кошка и Хлеб?

Душа Света. Им сюда нельзя. Если они узнают Будущее, они перестанут слушаться...

Тильтиль. А Пес?..

Душа Света. Ему тоже не следует знать, что его ожидает в веках... Я их заперла в церковном подземелье...

Тильтиль. А мы-то где же?..

Душа Света. В Царстве Будущего, среди еще не родившихся Детей. Люди не подозревают о существовании этой страны, нам же благодаря алмазу все будет явственно видно, и, по всей вероятности, мы здесь-то и найдем Синюю Птицу...

Тильтиль. Синей она будет непременно — здесь все такое синее!.. *(Смотрит вокруг.)* Какая красота!..

Душа Света. Смотри — отовсюду сбегаются Дети...

Тильтиль. Они недовольны, что мы пришли?..

Душа Света. Ничуть... Ты же видишь: они улыбаются, они только удивлены.

Толпа Лазоревых Детей все растет.

Лазоревые Дети. Маленькие Живущие Существа!.. Идите смотреть на Маленькие Живущие Существа!..

Тильтиль. Почему они нас называют Маленькими Живущими Существами?..

Душа Света. Потому что сами они еще не живут...

Тильтиль. Что же они делают?..

Душа Света. Ждут, когда настанет час их рождения...

Тильтиль. Час их рождения?..

Душа Света. Да, Дети, которые рождаются у нас на Земле, приходят отсюда. Каждый ждет своей очереди... Когда отцы и матери желают иметь детей, вон те большие двери, что направо, отворяются и малыши спускаются на Землю...

Тильтиль. Сколько их тут! Сколько их тут!..

Душа Света. Их гораздо больше... Всех сейчас не видно... Ты только подумай — надо же чем-нибудь наполнить Землю до конца времен... Их и не сочтешь...

Тильтиль. А что это за высокие голубые фигуры?..

Душа Света. В точности неизвестно... Предполагают, что это Хранительницы Детей... Говорят, будто они сойдут на Землю после Людей... Но расспрашивать их не позволяется...

Тильтиль. Почему?

Душа Света. Потому что это Тайна Земли...

Тильтиль. А с малышами можно разговаривать?..

Душа Света. Конечно! Вам непременно надо с ними познакомиться... Вот этот, по-моему, будет занятней других... Поди, поговори с ним...

Тильтиль. О чем?

Душа Света. О чем хочешь. Говори с ним, как с товарищем...

Тильтиль. А можно с ним поздороваться за руку?

Душа Света. Разумеется, можно, он тебя не обидит... Да чего же ты стесняешься?.. Я вас оставлю вдвоем — без меня вы будете свободнее себя чувствовать... А мне, кстати, нужно побеседовать вот с этой высокой, голубой...

Тильтиль *(подходит к Лазоревому Ребенку и протягивает ему руку)*. Здравствуй!.. *(Дотрагивается до его голубой одежды.)* Что это у тебя?

Ребенок *(с серьезным видом дотрагивается до шапочки Тильтиля)*. А это что?..

Тильтиль. Это?.. Это моя шапочка... А у тебя разве нет шапочки?..

Ребенок. Нет. А для чего она?..

Тильтиль. Чтобы здороваться... И еще от холода...

Ребенок. А что такое холод?..

Тильтиль. Это когда вот так дрожишь — бррр! бррр! — дуешь на руки, а потом руками вот так... *(С ожесточением трет себе руки.)*

Ребенок. На Земле холодно?..

Тильтиль. Да, зимой бывает холодно, когда нет дров...

Ребенок. А почему нет дров?

Тильтиль. Потому что они дороги, они денег стоят...

Ребенок. А что такое деньги?

Тильтиль. Это то, чем платят...

Ребенок. А-а!..

Тильтиль. У одних деньги есть, а у других нет...

Ребенок. Почему у других нет?..

Тильтиль. Потому что они небогаты... А ты богат?.. Тебе сколько лет?..

Ребенок. Я скоро должен родиться... Я рожусь через двенадцать лет... А что, рождаться приятно?..

Тильтиль. Еще бы!.. Очень забавно!..

Ребенок. Как это у тебя получилось?..

Тильтиль. Не помню... Это было давно-давно!..

Ребенок. Говорят, что и Земля, и сами Живущие — это все так красиво!..

Тильтиль. Да, там у нас неплохо... Птицы, пирожные, игрушки... У некоторых есть всё, а у кого нет, те могут на них смотреть...

Ребенок. Нам сказали, что матери ждут нас за дверями... Правда, что они добрые?..

Тильтиль. Еще какие добрые!.. Лучше мам никого нет на свете. Бабушки тоже добрые, только они очень скоро умирают...

Ребенок. Умирают?.. Что это значит?..

Тильтиль. Однажды вечером они уходят и уже не возвращаются...

Ребенок. Почему?..

Тильтиль. Неизвестно... Может быть, потому что они грустные...

Ребенок. А твоя ушла?

Тильтиль. Кто? Бабушка?..

Ребенок. Мама или бабушка — я почем знаю?..

Тильтиль. Это разница!.. Бабушки уходят раньше. Их тоже бывает очень жаль... Моя бабушка была такая добрая!..

Ребенок. Что у тебя с глазами?.. Почему в них блестят жемчужины?..

Тильтиль. Это не жемчужины...

Ребенок. А что же?..

Тильтиль. Ничего. Просто все здесь ярко-голубое, и мне немножко режет глаза...

Ребенок. Как это называется?..

Тильтиль. Что?..

Ребенок. То, что у тебя падает...

Тильтиль. Пустяки! Это капельки воды...

Ребенок. Она течет из глаз?..

Тильтиль. Да, когда плачешь...

Ребенок. Что значит «плачешь»?

Тильтиль. Я-то не плакал — это все из-за голубого света... Но так бывает и когда плачешь...

Ребенок. А часто плачут?..

Тильтиль. Мальчики — редко, зато девочки!.. А здесь не плачут?..

Ребенок. Я не умею...

Тильтиль. Ничего, научишься... Во что это ты играешь? Что это за большие голубые крылья?..

Ребенок. Это?.. Это для изобретения, которое я сделаю на Земле...

Тильтиль. Какое изобретение?.. Ты разве что-нибудь изобрел?..

Ребенок. А разве ты не знаешь?.. На Земле я должен буду изобрести Машину Счастья...

Тильтиль. Она съедобная?.. Она гремит?..

Ребенок. Да нет, ее совсем не слышно...

Тильтиль. Жаль...

Ребенок. Я тружусь над ней каждый день... Она почти готова... Хочешь посмотреть?..

Тильтиль. Конечно... Где она у тебя?..

Ребенок. Вон там, между колоннами, ее видно отсюда...

Второй Лазоревый Ребенок *(подходит к Тильтилю и начинает тянуть его за рукав)*. А на мое изобретение хочешь посмотреть?..

Тильтиль. С удовольствием. А что это такое?..

Второй Ребенок. Тридцать три способа продления жизни... Вон там, в голубых склянках...

Третий Ребенок *(выступает вперед)*. А я несу на Землю свет, пока еще ей неведомый!.. *(Весь сияет небывалым светом.)* Правда, интересно?..

Четвертый Ребенок *(тянет Тильтиля за руку)*. Поди посмотри мою машину — она летает по воздуху, как птица, только без крыльев!..

Пятый Ребенок. Нет, нет, сперва мою — она отыскивает сокровища, спрятанные на Луне!..

Лазоревые Дети толпятся вокруг Тильтиля и Митиль и кричат все сразу: «Нет, мою!..», «Нет, моя лучше!..», «Моя — это что-то поразительное!..», «Моя вся из сахара!..», «Его машина не интересная...». «Он украл у меня идею!..» и т. д. Под эти выкрики Дети тащат Тильтиля и Митиль к лазоревым мастерским, и там каждый изобретатель приводит в движение свою идеальную машину. Поднимается голубая круговерть дисков, маховиков, шестерен, блоков, приводных ремней и каких-то странных, еще не имеющих названия предметов, окутанных голубоватой дымкой необычайного. Множество затейливых и загадочных летательных аппаратов поднимается в воздух, кружит под самыми сводами или ползает у подножия колонн, а в это время Дети развертывают карты и чертежи, открывают книги, снимают покровы с лазоревых статуй, приносят огромные цветы, исполинские плоды, отливающие сапфиром и бирюзой.

Лазоревый Малыш *(согнувшись под тяжестью громадных голубых маргариток)*. Посмотрите, какие у меня цветы!..

Тильтиль. Что это за цветы?.. Я таких никогда не видел...

Лазоревый Малыш. Это маргаритки!..

Тильтиль. Не может быть!.. Они величиной с колесо...

Лазоревый Малыш. Как они хорошо пахнут!..

Тильтиль *(нюхает)*. Чудесно!..

Лазоревый Малыш. Вот такие-то я буду выращивать на Земле...

Тильтиль. А когда ты будешь на Земле?..

Лазоревый Малыш. Через пятьдесят три года четыре месяца и девять дней...

Двое Лазоревых Детей несут на шесте похожую на люстру кисть винограда невероятной величины; каждая ее виноградинка больше груши.

Один из Детей, несущих кисть винограда. Как тебе нравится мой виноград?..

Тильтиль. Целая ветка груш!..

Ребенок. Да нет же, это виноград!.. Когда мне минет тридцать лет, он будет точно такой... Я нашел способ...

Второй Ребенок *(сгибаясь под тяжестью корзины, наполненной голубыми яблоками величиной с дыню)*. А вот и я!.. Посмотри, какие у меня яблоки!..

Тильтиль. Да это дыни!..

Ребенок. Нет, не дыни!.. Это яблоки, да еще не самые крупные!.. Когда я буду жить на Земле, яблоки будут такими... Я открыл систему...

Третий Ребенок *(везет на голубой тачке голубые дыни больше тыквы)*. Ну как мои дыньки?..

Тильтиль. Да это же тыквы!..

Ребенок *(с дынями)*. Когда я сойду на Землю, моим дыням будет чем гордиться!.. Меня возьмет в садовники Король Девяти Планет...

Тильтиль. Король Девяти Планет?.. А где он?..

Король Девяти Планет гордо выступает вперед. На вид ему года четыре, он еле держится на своих кривых ножках.

Король Девяти Планет. Вот он я!

Тильтиль. Ну, ростом ты невелик...

Король Девяти Планет *(важно и многозначительно)*. Зато я совершу великие дела.

Тильтиль. Какие же такие дела?

Король Девяти Планет. Я создам Всеобщую Конфедерацию Планет Солнечной Системы.

Тильтиль *(не поняв)*. Ах вот оно что!

Король Девяти Планет. В ее состав войдут все Планеты, за исключением Сатурна, Урана и Нептуна — нас с ними разделяет огромное, бесконечное пространство. *(С достоинством удаляется.)*

Тильтиль. Забавный!..

Лазоревый Ребенок. А вон тот?

Тильтиль. Который?

Ребенок. Вон тот малыш, что стоит у колонны...

Тильтиль. Ну так что же?

Ребенок. Он принесет на Землю ничем не омраченную радость...

Тильтиль. Каким образом?..

Ребенок. Через мысли, которые еще никому не приходили в голову...

Тильтиль. А что сделает тот бутуз, который ковыряет в носу?..

Ребенок. Он должен найти огонь, который будет согревать Землю, когда остынет Солнце...

Тильтиль. А те двое, что держатся за руки и поминутно целуются,— это брат и сестра?..

Ребенок. Да нет!.. Они очень смешные... Это влюбленные...

Тильтиль. А что это значит?..

Ребенок. Понятия не имею... Это старик Время дал им такое шутливое прозвище... Они не могут наглядеться друг на друга, все целуются и прощаются...

Тильтиль. Зачем?

Ребенок. Кажется, им нельзя будет уйти отсюда вместе...

Тильтиль. А кто тот румяный карапуз, который с таким серьезным видом сосет палец?..

Ребенок. Насколько мне известно, он должен уничтожить на Земле Несправедливость...

Тильтиль. Ах вот как!..

Ребенок. Говорят, что это ужасно трудно...

Тильтиль. А тот рыжий мальчуган, который ходит так, будто он не видит,— он что, слепой?..

Ребенок. Пока еще нет, но потом ослепнет. Приглядись к нему повнимательнее... Кажется, он должен победить Смерть...

Тильтиль. Что это значит?

Ребенок. Толком не знаю, но говорят, что это очень важно...

Тильтиль *(указывая на множество Детей, спящих возле колонн, на ступенях, на скамьях и т. д.)*. А те, что спят,— ой, сколько их! — они ничего не изобретут?..

Ребенок. Они думают...

Тильтиль. О чем?..

Ребенок. Они сами этого пока еще не знают, но они непременно должны с чем-нибудь прийти на Землю — с пустыми руками туда не пускают...

Тильтиль. Кто не пускает?..

Ребенок. У дверей стоит старик по имени Время... Когда он отворит двери, ты его увидишь... Он такой упрямый...

Еще один Лазоревый Ребенок *(протиснувшись, подбегает к Тильтилю)*. Здравствуй, Тильтиль!..

Тильтиль. Вот тебе раз!.. Почем он знает, как меня зовут?..

Ребенок, который только что подбежал, крепко целует Тильтиля и Митиль.

Ребенок. Здравствуй!.. Как поживаешь?.. Да поцелуй же меня! И ты тоже, Митиль!.. Ничего нет удивительного, что я знаю, как тебя зовут: ведь я твой будущий брат... Мне сейчас

только сказали, что ты здесь... Я был в глубине залы, собирал свои мысли... Скажи маме, что я готов...

Тильтиль. А ты что, хочешь к нам прийти?..

Ребенок. Ну конечно! На будущий год, в вербное воскресенье... Не дразни меня, когда я буду маленький... Я очень рад, что заранее расцеловал вас... Скажи отцу, чтобы он починил колыбельку... Ну как у вас там, хорошо?..

Тильтиль. Да, неплохо... Мама у нас такая добрая!..

Ребенок. А кормят хорошо?..

Тильтиль. Как когда... Иной раз бывают даже пирожные. Правда, Митиль?..

Митиль. На Новый год и четырнадцатого июля. Мама сама делает...

Тильтиль. А что у тебя в мешке?.. Ты нам что-нибудь несешь?..

Ребенок *(с гордостью)*. Я несу три болезни: скарлатину, коклюш и корь...

Тильтиль. Только и всего?.. А потом что ты сделаешь?..

Ребенок. Потом?.. Потом я от вас уйду...

Тильтиль. Стоило приходить!..

Ребенок. Разве это от нас зависит?..

Внезапно возникает и распространяется по зале долгий, сильный, хрустально чистый звон, как бы исходящий от колонн и опаловых дверей, которые в эту минуту начинают светиться более ярким светом.

Тильтиль. Что это?..

Ребенок. Это Время!.. Сейчас оно отворит двери!..

Среди Лазоревых Детей тотчас поднимается переполох. Большинство бросает свои приборы, свою работу, спящие пробуждаются, и все, устремив взор на опаловые двери, направляются к ним.

Душа Света *(подходит к Тильтилю)*. Станем за колонны... А то нас увидит Время...

Тильтиль. Что это за звон?..

Ребенок. Это занимается Заря — час, когда Дети, которым предстоит родиться сегодня, спускаются на Землю...

Тильтиль. А как же они спустятся?.. По лестнице?..

Ребенок. Сейчас увидишь... Время уже отодвигает засовы...

Тильтиль. А что такое Время?..

Ребенок. Это старик, который вызывает тех, кому пора уходить...

Тильтиль. Он сердитый?..

Р е б е н о к. Нет, он только несговорчивый... Проси не проси — вне очереди никого не пустит...

Т и л ь т и л ь. А Детям хочется уйти отсюда?..

Р е б е н о к. Кто остается — те недовольны, но и уходить отсюда грустно... Смотри, смотри!.. Отворяет!..

Большие опаловые двери медленно отворяются. С Земли, точно далекая музыка, доносится неясный гул. В залу вливается зеленый и красный свет, и на пороге вырастает В р е м я, высокий бородатый старик с косой и песочными часами, а вдали виднеются белые и золотые паруса корабля, стоящего в гавани, которую образует предутренний розовый туман.

В р е м я *(на пороге)*. Те, чей пробил час, готовы?..

Л а з о р е в ы е Д е т и *(сбегаются отовсюду и пробиваются вперед)*. Мы здесь!.. Мы здесь!.. Мы здесь!..

В р е м я *(проходящим мимо него Детям, ворчливо)*. По одному!.. Всегда вас больше, чем нужно!.. Опять та же история!.. Ну да меня не проведешь!.. *(Отталкивает Ребенка.)* Твоя очередь еще не пришла!.. Приходи завтра... А ты приходи через десять лет... Ты уже тринадцатый пастух. А требуется всего только двенадцать — времена Феокрита и Вергилия давно прошли... Опять врачи?.. На Земле жалуются, что их и так девать некуда... А инженеры есть?.. Еще требуется честный человек, хотя бы один, в качестве необычайно редкого явления... Есть честный человек?.. Кто, ты?..

Ребенок утвердительно кивает головой.

Уж больно ты чахлый... Долго не протянешь!.. Эй, вы там, спокойно, спокойно!.. А ты что несешь?.. Ничего? С пустыми руками?.. Так не пройдешь... Приготовь хоть что-нибудь — ну, скажем, крупное преступление или болезнь, мне все равно... Только что-нибудь непременно надо... *(Замечает, что одного Малыша другие подталкивают, а он упирается.)* Ну, ну, что там такое?.. Ты же знаешь, что твой час пришел!.. Требуется герой, чтобы побороть Несправедливость. Это ты. Значит, надо идти...

Л а з о р е в ы е Д е т и. Он не хочет, дедушка!..

В р е м я. Как так — не хочет?.. Ты что это выдумал, недоносок?.. А ну без разговоров! Время не ждет...

М а л ы ш *(которого толкают)*. Нет, нет!.. Не хочу!.. Я не хочу рождаться!.. Я лучше здесь останусь!..

В р е м я. Тебя никто не спрашивает... Пора — значит, пора!.. Ну, живо, вперед!..

Е щ е о д и н Р е б е н о к *(пробравшись вперед)*. Пропустите меня!.. Вместо него!.. Говорят, мои родители старые и они заждались меня!..

Время. Ничего, ничего!.. Всему свой черед и свое время... С вами так никогда не кончишь... Один хочет, другой не желает, этому слишком рано, другому слишком поздно... *(Отталкивает Детей, сгрудившихся у порога.)* Не напирать, детвора!.. Пошли отсюда, любопытные!.. Кто не уходит на Землю, тому здесь делать нечего... Когда вас не зовут, вы все лезете вперед, а как до дела, так вас нет: струсили... А эти четверо дрожат словно осиновый лист... *(Одному из четверых, который совсем было собрался перешагнуть через порог и вдруг пятится назад.)* Ну, ну?.. Что с тобой?..

Ребенок. Я забыл коробку с двумя преступлениями, которые мне предстоит совершить...

Второй Ребенок. А я забыл пузырек с идеей, которая должна просветить народы...

Третий Ребенок. А я забыл черенок от моей лучшей груши!..

Время. Сбе́гайте!.. Нам осталось всего шестьсот двенадцать секунд... Уж плещут паруса на корабле Зари — это знак, что вас там ждут... Опоздаете — тогда уже не родитесь... Скорей, скорей на корабль!.. *(Схватывает Ребенка, который хотел прошмыгнуть у него между ног и выбежать на пристань.)* Ты куда?.. Третий раз пытаешься родиться не в очередь... Смотри, больше не попадайся, не то будешь вечно ждать в царстве сестры моей — Вечности, а это, знаешь ли, не очень весело... Ну как, все готовы?.. Все на своих местах?.. *(Окидывает взглядом Детей, собравшихся на пристани и занявших места на корабле.)* Одного не хватает... Не прячься, не прячься, я все равно тебя вижу!.. Меня не проведешь... Ну, так называемый Влюбленный, прощайся со своей красоткой!..

Двое Детей, которых зовут Влюбленными, с помертвевшими от горя лицами, нежно обнявшись, подходят к Времени и бросаются ему в ноги.

Первый Ребенок. Дедушка Время, позволь мне остаться с ней!..

Второй Ребенок. Дедушка Время, позволь мне уйти с ним!..

Время. Нельзя!.. В вашем распоряжении всего триста девяносто четыре секунды...

Первый Ребенок. Лучше бы мне вовсе не родиться!..

Время. Это не от тебя зависит...

Второй Ребенок *(умоляюще)*. Дедушка Время, я приду слишком поздно!..

Первый Ребенок. Когда она спустится на Землю, меня уже не будет!..

Второй Ребенок. Я его там не увижу!..

Первый Ребенок. Мы будем так одиноки!..

Время. Это меня не касается... Обращайтесь к Жизни... Я соединяю и разлучаю, как мне приказано... *(Хватает Первого Ребенка.)* Ступай!..

Первый Ребенок *(отбиваясь)*. Не хочу, не хочу, не хочу!.. Только с ней!..

Второй Ребенок *(вцепившись в Первого)*. Не отнимай его у меня!.. Не отнимай его у меня!..

Время. Да ведь он идет не умирать, а жить!.. *(Подталкивает Первого Ребенка.)* Иди, иди!..

Второй Ребенок *(в отчаянии простирает руки к Первому)*. Подай мне знак!.. Хоть какой-нибудь знак!.. Скажи, как тебя найти!..

Первый Ребенок. Я всегда буду любить тебя!..

Второй Ребенок. А я буду печальнее всех!.. Так ты меня и узнаешь... *(Падает без чувств.)*

Время. Вместо того чтобы предаваться отчаянию, вы бы лучше надеялись... Ну, всё... *(Смотрит на часы.)* Остается шестьдесят три секунды...

Последний сильный трепет волнения пробегает по толпе уходящих и остающихся Детей. Слышно, как они второпях прощаются: «Прощай, Пьер!.. Прощай, Жан!.. Ты все взял?.. Возвести мою идею!.. Ты ничего не забыл?.. Постарайся узнать меня!.. Я тебя отыщу!.. Не растеряй своих идей!.. Не наклоняйся слишком низко над бездной Бесконечности!.. Дай о себе знать!.. Говорят, нельзя!.. Можно, можно, ты уж постарайся!.. Сообщи, хорошо ли там!.. Я выйду к тебе навстречу!.. Мне суждено родиться на троне!..» — и т. д. и т. д.

Время *(размахивая ключами и косой)*. Довольно! Довольно!.. Якорь поднят!..

Паруса проплывают и скрываются. Слышны удаляющиеся крики Детей: «Земля!.. Земля!.. Вот она!.. Какая она красивая!.. Какая она светлая!.. Какая она большая!..» Затем, точно из недр земли, доносится далекое-далекое пение, и в нем звучит радость скорой встречи.

Тильтиль *(Душе Света)*. Кто это поет?.. Это не Дети... У них не такие голоса...

Душа Света. Их встречают Матери, это они и поют...

Между тем Время затворяет опаловые двери и, обернувшись, чтобы в последний раз оглядеть залу, неожиданно замечает Тильтиля, Митиль и Душу Света.

Время *(в изумлении и в гневе)*. Это что такое?.. Что вам здесь нужно?.. Откуда вы взялись?.. Почему вы не Лазоревые?.. Как вы сюда попали?.. *(Грозя косой, наступает на них.)*

Душа Света *(Тильтилю)*. Не отвечай!.. Синяя Птица у меня... под покрывалом... Бежим!.. Поверни алмаз — и Время нас не увидит...

Душа Света, Тильтиль и Митиль прячутся за колоннами на переднем плане, на левой стороне.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

ПРОЩАНИЕ

Стена, в ней калитка. Рассвет.
Входят Тильтиль, Митиль, Душа Света, Хлеб, Сахар, Огонь и Молоко.

Душа Света *(Тильтилю)*. Ни за что ты не догадаешься, где мы сейчас...

Тильтиль. Конечно, нет, Душа Света,— я же тут никогда не был...

Душа Света. Ты не узнаёшь ни стены, ни калитки?..

Тильтиль. Красная стена, зеленая калитка...

Душа Света. И тебе это ничего не напоминает?..

Тильтиль. Я помню только, что старик, которого зовут Время, выставил нас за дверь...

Душа Света. Как странно все бывает во сне!.. Собственной руки не узнаешь...

Тильтиль. А кто же спит?.. Разве я сплю?..

Душа Света. Может быть, я... Как знать?.. Словом, этой стеной обнесен дом, который тебе не раз приходилось видеть с тех пор, как ты появился на свет...

Тильтиль. Дом, который мне не раз приходилось видеть?..

Душа Света. Ну да, соня ты этакий!.. Мы вышли отсюда вечером, ровно год тому назад, день в день...

Тильтиль. Ровно год?.. Стало быть...

Душа Света. Когда ты так широко раскрываешь глаза, они у тебя как два сапфировых грота... Да, да, это уютный домик твоих родителей...

Тильтиль *(подходит к калитке)*. Нет, что-то не то... А впрочем... Кажется, да... Вот и калитка... Знакомая щеколда... Значит, папа с мамой здесь?.. Значит, мама совсем близко?.. Я хочу скорей к маме!.. Я хочу ее поцеловать!..

Душа Света. Погоди!.. Они спят крепким сном, не надо будить их... Да и калитка откроется не раньше, чем настанет время...

Тильтиль. Время чего?.. А долго еще ждать?..

Душа Света. Увы, нет!.. Всего несколько минут...

Тильтиль. Ты не рада, что вернулась домой?.. Что с тобой, Душа Света?.. Ты побледнела, уж не больна ли ты?..

Душа Света. Нет, что ты, мой мальчик!.. Просто я загрустила, оттого что мне скоро придется с вами расстаться...

Тильтиль. Расстаться?..

Душа Света. Да, так надо... Больше мне тут нечего делать. Минул год, скоро придет Фея и спросит, нашел ли ты Синюю Птицу...

Тильтиль. Да ведь у меня же нет Синей Птицы!.. Птица из Страны Воспоминаний почернела, птица из Царства Будущего стала красная, птицы из Дворца Ночи умерли, а в лесу я не сумел поймать птицу... Кто же виноват, что они то изменят окраску, то не выживут, то упорхнут?.. Фея на меня не рассердится? Что она скажет?..

Душа Света. Мы сделали все, что от нас зависело... Синяя Птица, по-видимому, или вовсе не существует, или меняет окраску, как только ее сажают в клетку...

Тильтиль. А клетка где?..

Хлеб. Вот она, мой повелитель... Она была поручена моим неусыпным заботам на все время нашего долгого и опасного путешествия. Сегодня моя миссия окончена, и я возвращаю тебе ее в целости и сохранности, в том виде, в каком ее принял... *(С видом оратора, который собирается произнести речь.)* А теперь от имени всех нас я позволю себе в кратких чертах...

Огонь. Ему никто слова не давал!..

Вода *(Огню)*. Замолчите!..

Хлеб. Враждебные выпады моего презренного недруга и завистливого соперника *(повысив голос)* не помешают мне исполнить мой долг до конца... Итак, от имени всех нас...

Огонь. Только не от моего!.. У меня тоже язык есть!..

Хлеб. Итак, от имени всех нас я хочу сказать, что ныне

эти двое детей выполнили ту важную миссию, которая досталась им в удел, и мы расстаемся с ними, затаив глубокую и непритворную печаль. Со смешанным чувством неизъяснимой нежности и неизъяснимой горечи говорим мы им: «Прощайте!» — и чувством этим мы всецело обязаны тому взаимному уважению...

Тильтиль. Как, и ты прощаешься?.. Ты тоже с нами расстаешься?..

Хлеб. Увы! Так надо... Я расстаюсь с вами, это правда, но разлука наша будет лишь кажущаяся... Вы больше не услышите моего голоса...

Огонь. Потеря не велика!..

Вода *(Огню)*. Замолчите!..

Хлеб *(с большим достоинством)*. Я на булавочные уколы не обращаю внимания... Ну так вот: вы больше не услышите моего голоса, вы больше не увидите меня одушевленным... Глаза ваши перестанут различать невидимую жизнь Предметов, но я всегда буду там, в квашне, на полке, на столе, около тарелки с супом,— смело могу сказать, что я самый верный сотрапезник и самый старинный друг Человека...

Огонь. А я хуже тебя, что ли?..

Душа Света. Послушайте: минуты бегут, скоро пробьет час, когда мы снова должны будем погрузиться в Молчание... Не теряйте времени, прощайтесь с детьми!..

Огонь *(бросается к детям)*. Я первый, я первый!.. *(Накидывается на них с бурными ласками.)* Прощайте, Тильтиль и Митиль!.. Прощайте, милые детки!.. Если вам придет в голову что-нибудь поджечь, то вспомните обо мне...

Митиль. Ай-ай!.. Горячо!..

Тильтиль. Ай-ай!.. Он мне нос обжег!..

Душа Света. Послушай, Огонь, умерь ты свои порывы!.. Это тебе не очаг...

Вода. Идиот!..

Хлеб. Вот невежа!..

Вода *(подходит к детям)*. Я, детки, поцелую вас нежно, вам совсем не будет больно...

Огонь. Подальше от нее! Она вас намочит!..

Вода. Я незлобива, любвеобильна. Я Людям добра желаю...

Огонь. А как же утопленники?..

Вода. Любите Фонтаны, вслушивайтесь в журчание Ручейков... Я всегда буду там...

Огонь. Она все затопила!..

Вода. Сидя вечером у одного из Родников — а здесь в лесу их много,— старайтесь понять, что он хочет сказать... Нет, я больше не могу... Слезы душат меня и не дают говорить...

Огонь. Что-то незаметно!..

Вода. Когда вам попадется на глаза налитый графин, то вспомните обо мне... Еще вы увидите меня в кувшине, в лейке, в водоеме, в кране...

Сахар *(своим обычным фальшивым и слащавым тоном).* Если в вашей памяти останется свободное местечко, то вспомните, что мое присутствие было для вас порою сладостно... Больше я ничего не могу вам сказать... Мне вредно плакать: чуть только слеза капнет мне на ногу,— и я уже корчусь от боли.

Хлеб. Иезуит!..

Огонь *(выкрикивает).* Леденец! Конфета! Карамель!..

Тильтиль. А куда делись Тилетта и Тило?.. Что с ними случилось?..

Слышно, как где-то дико орет Кошка.

Митиль *(встревожена).* Это Тилетта!.. Ее кто-нибудь мучает!..

Вбегает Кошка, взъерошенная, растрепанная, в разодранном платье, прижав носовой платок к щеке, как будто у нее болят зубы. Она вопит истошным голосом, а по пятам за ней гонится Пес и угощает ее тумаками и пинками.

Пес *(колотит Кошку).* Вот тебе!.. Что, мало?.. Еще хочешь?.. Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!..

Душа Света, Тильтиль и Митиль *(бросаются разнимать их).* Тило!.. Да ты взбесился?.. Это еще что?.. Не сметь!.. Пошел прочь!.. Безобразие!.. Ты у меня дождешься!..

Пса и Кошку оттаскивают друг от друга.

Душа Света. Что такое?.. Что у вас вышло?..

Кошка *(хнычет и утирает слезы).* Это все он, сударыня!.. Он меня оскорбил, насыпал гвоздей мне в суп, дернул за хвост, избил меня, а я ничего ему не сделала, ничего, ничего!..

Пес *(передразнивает ее).* Ничего, ничего!.. *(Показывает ей кулак; вполголоса.)* А все-таки тебе досталось, досталось, здорово досталось и еще достанется!..

Митиль *(ласкает Кошку)*. Бедная Тилетта! Скажи, где тебе больно?.. Мы с тобой вместе поплачем...

Душа Света *(Псу, строго)*. Как тебе не совестно?.. Нашел время затевать ссоры! Нам и без того невесело: настал час разлуки с нашими милыми детьми...

Пес *(сразу присмирев)*. Час разлуки с детьми?..

Душа Света. Да, тот час, о котором вас предупредили, вот-вот пробьет... Мы снова погрузимся в Молчание... Мы уже не сможем говорить с детьми...

Пес *(с отчаянным воем бросается к детям и осыпает их порывистыми, бурными ласками)*. Нет, нет!.. Не хочу!.. Не хочу!.. Я всегда буду с вами говорить!.. Ты теперь будешь меня понимать, мое маленькое божество?.. Да, да, да!.. Мы всё, всё, всё будем говорить друг другу!.. И я теперь всегда буду слушаться!.. Научусь читать, писать, играть в домино!.. Я теперь всегда буду чистоплотным!.. Ничего больше не утащу из кухни!.. Хочешь, я выкину что-нибудь из ряду вон выходящее?.. Ну, хочешь, я поцелую Кошку?..

Митиль *(Кошке)*. А ты, Тилетта?.. Тебе нечего нам сказать?..

Кошка *(холодно и загадочно)*. Я люблю вас обоих, насколько вы этого заслуживаете...

Душа Света. Теперь позвольте и мне, детки, поцеловать вас в последний раз...

Тильтиль и Митиль *(вцепившись в Душу Света)*. Нет, нет, нет, Душа Света!.. Оставайся с нами!.. Отец ничего не будет иметь против... А маме мы расскажем, как ты была с нами ласкова...

Душа Света. Увы, это не в моей власти!.. Эта дверь для нас закрыта. Я должна расстаться с вами...

Тильтиль. Куда же ты от нас уйдешь?

Душа Света. Уйду я недалеко, детки,—туда, в Страну Молчания Предметов...

Тильтиль. Нет, нет, я не хочу... Мы пойдем с тобой... Я скажу маме...

Душа Света. Не плачьте, дорогие мои!.. В отличие от Воды у меня нет голоса. У меня есть только сияние, но Человек не слышит его. Я же бодрствую над Человеком до конца его дней... Помните: я говорю с вами в каждом скользящем лунном луче, в каждой ласково глядящей на вас звездочке, в каждой занимающейся заре, в каждой зажженной лампе, в каждом вашем чистом и ясном помысле...

За стеной бьет восемь часов.

Вы слышали?.. Час нашей разлуки пробил... Прощайте!.. Калитка отворяется!.. Входите! Входите! Входите!..

Душа Света подводит детей к калитке. Калитка приотворяется и тотчас же захлопывается за детьми. Хлеб украдкой утирает слезы. Сахар, Вода, вся в слезах, и другие разбегаются в разные стороны. Из-за кулис доносится вой Пса. Сцена некоторое время остается пустой, затем декорация, изображающая стену с калиткой, раздвигается, а за ней открывается картина последняя.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Обстановка та же, что и в первой картине, только стены, воздух — словом, все здесь волшебно преобразилось, стало несравненно новее, радостнее, веселее. Ликующий дневной свет проникает во все щели запертых ставен.

В глубине сцены, направо, Тильтиль и Митиль спят сладким сном на своих кроватках. Собака, кошка и все предметы на своих местах, как в первой картине, до прихода Феи.
Входит Мать Тиль.

Мать Тиль *(с напускной строгостью)*. Вставайте, вставайте, лентяи!.. Как вам не стыдно?.. Восемь часов пробило, солнце уже из-за леса вышло!.. Господи! Ну и спят, ну и спят!.. *(Наклоняется и целует детей.)* Разрумянились... От Тильтиля пахнет лавандой, а от Митиль — ландышами... *(Целует их еще раз.)* До чего же хороши дети!.. А все-таки не дам я им спать до двенадцати часов... а то обленятся... Да и говорят, будто это для здоровья вредно... *(Легонько трясет Тильтиля.)* Полно, полно, Тильтиль!..

Тильтиль *(просыпается)*. Это ты, Душа Света?.. Где она?.. Нет, нет, не уходи!..

Мать Тиль. Свет?.. Ну да, уже светло... И давно... Хоть и ставни закрыты, а светло, как днем... Погоди, я сейчас открою... *(Открывает ставни.)*

Ослепительно яркий дневной свет заливает комнату.

Вот видишь!.. Но что с тобой?.. Ты словно с луны свалился...

Тильтиль *(трет глаза)*. Мама, мама!.. Это ты!..

Мать Тиль. Ну конечно, я... А то кто же?..

Тильтиль. Это ты... Да, да, это ты!..

Мать Тиль. Ну да, я... За ночь я не изменилась... Что

ты смотришь на меня, как на диво?.. Нос у меня свернулся набок, что ли?..

Тильтиль. Как я рад тебя видеть!.. Ведь мы так давно, так давно... Дай, я тебя поцелую!.. Еще, еще, еще!.. А это моя кроватка!.. Я дома!..

Мать Тиль. Да что с тобой?.. Ты еще не проснулся?.. Может, ты болен?.. Покажи-ка язык!.. А ну вставай сейчас же, вставай, одевайся!..

Тильтиль. Э, да я в одной рубашке!..

Мать Тиль. А в чем же еще?.. Надевай курточку и штанишки... Вон там, на стуле...

Тильтиль. Неужели я так и путешествовал?..

Мать Тиль. Путешествовал?..

Тильтиль. Да, я в прошлом году отправился в путешествие...

Мать Тиль. В прошлом году?..

Тильтиль. Ну да!.. Я ушел из дому под рождество...

Мать Тиль. Ушел из дому?.. Да ты из комнаты не выходил... Вчера вечером я тебя уложила, а сейчас пришла будить... Тебе все это приснилось?..

Тильтиль. Ты ничего не понимаешь!.. В прошлом году я ушел из дому с Митиль, с Феей, с Душой Света — Душа Света такая добрая! — с Сахаром, с Водой и с Огнем. Вода и Огонь все время дрались... Ты на нас не сердилась?.. Ты не очень скучала?.. А что отец?.. Я не мог отказаться... Я оставил вам записку и все объяснил...

Мать Тиль. Что ты несешь?.. Или ты болен, или еще не проснулся... *(Шутя дает ему шлепка.)* Да ну же, проснись!.. Что, теперь проснулся?..

Тильтиль. Нет, мама, уверяю тебя: это ты спишь, а не я...

Мать Тиль. То есть как это — я сплю?.. Да я с шести часов на ногах... Убралась, печку затопила...

Тильтиль. Спроси у Митиль, если мне не веришь... Какие у нас с ней были приключения!..

Мать Тиль. У Митиль?.. Она-то тут при чем?..

Тильтиль. Мы вместе путешествовали... Мы видели Дедушку и Бабушку...

Мать Тиль *(в полном недоумении)*. Дедушку и Бабушку?..

Тильтиль. Да, в Стране Воспоминаний... Нам было по дороге... Они умерли, но чувствуют себя хорошо... Бабушка угостила нас вкусным пирогом со сливами... А еще мы видели на-

ших младших братьев и сестер: Робера, Жана с волчком, Мадлену, Пьеретту, Полину, Рикетту...

Митиль. Рикетта все еще ползает на четвереньках!..

Тильтиль. А у Полины по-прежнему на носу прыщик...

Митиль. Мы и тебя видели вчера вечером.

Мать Тиль. Вчера вечером? Ничего удивительного нет — я тебя спать укладывала.

Тильтиль. Да нет же, в Садах Блаженств,— ты там была гораздо красивей, но похожа на себя...

Мать Тиль. В Садах Блаженств? Да я там сроду не была...

Тильтиль *(любуется ею, потом целует)*. Да, там ты была красивее, но я больше люблю тебя такой, как ты сейчас...

Митиль *(тоже целует ее)*. И я, и я...

Мать Тиль *(умилена, но вместе с тем встревожена)*. Господи, да что же это с ними?.. Других потеряла, как бы еще и этих не потерять... *(Охваченная внезапным страхом, зовет.)* Папа Тиль! Папа Тиль!.. Иди скорей! Дети больны!..

С невозмутимым видом входит Отец Тиль; в руке у него топор.

Отец Тиль. Что такое?..

Тильтиль и Митиль *(весело бегут ему навстречу и целуют его)*. Вот и папа!.. Это папа!.. Здравствуй, папа!.. Ты славно потрудился в этом году?..

Отец Тиль. Да что такое?.. В чем дело?.. Совсем они не похожи на больных, у них вполне здоровый вид...

Мать Тиль *(со слезами в голосе)*. На это нельзя полагаться... А то будет, как с теми... У тех до самого конца был вполне здоровый вид, пока господь их не прибрал... Не пойму, что с ними такое... Вечером уложила спать — все было хорошо, а проснулись — ровно кто подменил их... Бог знает что говорят, толкуют про какое-то путешествие... Видели они и свет, и дедушку с бабушкой — умерли, говорят, а чувствуют себя хорошо...

Тильтиль. Дедушка по-прежнему ходит на деревяшке...

Митиль. А у Бабушки ревматизм...

Мать Тиль. Слышишь?.. Беги скорей за доктором!..

Отец Тиль. Да погоди, погоди!.. Не умирают же они... Еще успеем...

Стук в дверь.

Войдите!

Входит Соседка — старушка, похожая на Фею из первого действия; ходит она с палочкой.

Соседка. Здравствуйте! С праздником вас!

Тильтиль. Это Фея Берилюна!

Соседка. Я пришла дровец у вас попросить — хочу получше суп сварить ради праздника... На дворе нынче студено... Здравствуйте, детки! Как поживаете?..

Тильтиль. Госпожа Фея Берилюна, я не нашел Синей Птицы...

Соседка. Что он говорит?..

Мать Тиль. Уж и не спрашивайте, госпожа Берленго!.. Они сами не знают, что говорят... Проснулись — и все никак не могут прийти в себя... Верно, съели что-нибудь несвежее...

Соседка. Что же ты, Тильтиль? Разве ты не узнаешь тетушку Берленго, свою соседку?..

Тильтиль. Как мне вас не узнать, сударыня!.. Вы — Фея Берилюна!.. Вы на меня не сердитесь?..

Соседка. Как? Бери...

Тильтиль. Берилюна.

Соседка. Берленго, ты хочешь сказать — Берленго...

Тильтиль. Берилюна, Берленго — это как вам будет угодно, сударыня... Митиль тоже может подтвердить...

Мать Тиль. И Митиль туда же — вот что скверно...

Отец Тиль. Ничего, ничего! Пройдет!.. Вот я их сейчас нашлепаю...

Соседка. Не надо, это совершенно лишнее... Я догадываюсь, в чем тут дело: это им пригрезилось... На них, наверно, падал лунный свет, когда они спали... С моей больной внучкой это часто случается...

Мать Тиль. Кстати, как здоровье вашей внучки?..

Соседка. Так себе... Не встает... Доктор говорит — нервы... А я знаю, что́ бы ей помогло... Нынче она меня просила подарить ей на рождество... ведь вот вбила себе в голову...

Мать Тиль. Да, да, я помню: она все мечтает о птице Тильтиля... Ну так как же, Тильтиль, подаришь ты ее бедной девочке?..

Тильтиль. Что мне ей подарить, мама?..

Мать Тиль. Птицу... Ведь она тебе не нужна... Ты на нее и не смотришь... А девочка прямо жить без нее не может!..

Тильтиль. Верно, верно, у меня есть птица... Где же она?.. А, вот и клетка!.. Митиль, смотри: вон клетка!.. Это та, которую носил Хлеб... Да, да, та самая, но в ней только одна

птица... А другую он съел, что ли?.. Постой, постой!.. Да ведь она синяя!.. Да ведь это моя горлица!.. Да ведь, когда я уходил, она была не такая синяя!.. Да ведь это же и есть та Синяя Птица, которую мы искали!.. Мы за ней этакую даль ходили, а она, оказывается, здесь!.. Вот это я понимаю!.. Митиль, ты видишь птицу?.. То-то бы Душа Света обрадовалась!.. Я сейчас сниму клетку... *(Залезает на стул, снимает клетку и передает Соседке.)* Вот, пожалуйста, госпожа Берленго... Со временем она станет совсем-совсем синяя, вот увидите... Отнесите ее скорей вашей внучке...

Соседка. Нет, правда?.. Ты мне ее отдаешь? Даром отдаешь?.. Господи, вот радость-то для моей внучки!.. Дай, я тебя поцелую!.. *(Целует Тильтиля.)* Бегу!.. Бегу!..

Тильтиль. Да, да, идите скорей!.. А то некоторые птицы меняют окраску...

Соседка. Я еще к вам зайду, расскажу... *(Уходит.)*

Тильтиль *(долгим взглядом окидывает хижину)*. Папа, мама, что вы сделали с нашей комнатой?.. Все на своем месте, но все теперь гораздо красивее...

Отец Тиль. Как это — красивее?..

Тильтиль. Ну да, все выкрашено, все отделано заново, все сверкает, блестит... В прошлом году было не так...

Отец Тиль. В прошлом году?

Тильтиль *(подходит к окну)*. А вон лес!.. Какой же он большой, какой же он красивый!.. И тоже как будто совсем новый!.. До чего же здесь хорошо!.. *(Заглядывает в квашню.)* А где Хлеб?.. Ишь ты, даже не пошевельнулся!.. А вот Тило!.. Тило, Тило, здравствуй!.. Ты, брат, храбрец, молодчина!.. Помнишь, в лесу?..

Митиль. Посмотри на Тилетту!.. Она узнала меня, а сказать ничего уже не может...

Тильтиль. Господин Хлеб!.. *(Хватает себя за голову.)* Ой, алмаз пропал! Кто взял мою зеленую шапочку?.. Ну, ладно, все равно; теперь она мне больше не нужна... А, Огонь!.. Вот забияка!.. Шипит, а сам хохочет — все дразнит Воду... *(Подбегает к крану.)* А Вода?.. Здравствуй, Вода!.. Что она сказала?.. Она все время что-то говорит, но я ее уже не понимаю...

Митиль. Я не вижу Сахара...

Тильтиль. Как я счастлив, как я счастлив, как я счастлив!..

Митиль. И я тоже, и я тоже, и я тоже!..

Мать Тиль. Да что это они так расшумелись?..

Отец Тиль. Пусть их! Не беспокойся... Они играют в то, что они счастливы...

Тильтиль. Я больше всех любил Душу Света... Где ее лампа?.. Можно ее зажечь?.. *(Снова оглядывает хижину.)* Господи, как у нас тут красиво! И как же я рад!..

Стук в дверь.

Отец Тиль. Войдите!..

Входит Соседка и ведет за руку белокурую Девочку необыкновенной красоты, Девочка прижимает к груди горлицу Тильтиля.

Соседка. Перед вами чудо!..

Мать Тиль. Не может быть!.. Она ходит?..

Соседка. Она ходит!.. Какое там: она бегает, танцует, летает!.. Увидала птицу — и прыг к окну, поглядеть при свете, правда ли это горлица Тильтиля... А потом на улицу — и-и полетела, словно ангелочек на крылышках... Я еле-еле за ней поспела...

Тильтиль *(подходит к Девочке; в изумлении)*. Ой, как она похожа на Душу Света!..

Митиль. Только гораздо меньше...

Тильтиль. Понятно!.. Ну, она еще подрастет!..

Соседка. Что они говорят?.. Все еще не в себе?..

Мать Тиль. Ничего, пройдет... Позавтракают — все как рукой снимет...

Соседка *(толкает внучку в объятия Тильтиля)*. Деточка, поблагодари Тильтиля!..

Тильтиль, смущенный, пятится назад.

Мать Тиль. Тильтиль, что это с тобой?.. Девочку испугался?.. А ну, поцелуй-ка ее!.. Только покрепче... Еще крепче!.. А ведь такой всегда бойкий!.. Еще разок!.. Да что с тобой?.. Никак, у тебя глаза на болоте?..

Тильтиль неумело целует Девочку.
Оба молча смотрят друг на друга.

Тильтиль *(гладит горлицу по головке)*. Она достаточно синяя?..

Девочка. Да, да, я очень рада...

Тильтиль. Я видел совсем синих... Понимаешь: синих-пресиних! Но только их не поймать!

Девочка. Ничего, она и так красива.

Тильтиль. Ты ее покормила?..

Девочка. Нет еще... А что она ест?..

Тильтиль. Да все: зерно, хлеб, кукурузу, кузнечиков...

Девочка. А как она ест?..

Тильтиль. Она клюет, клювиком. Вот смотри, я тебе сейчас покажу...

Тильтиль хочет взять у Девочки птицу. Девочка инстинктивно сопротивляется, а горлица, воспользовавшись замешательством, вырывается у Девочки из рук и улетает.

Девочка *(в отчаянии)*. Бабушка!.. Она улетела!.. *(Рыдает.)*

Тильтиль. Ничего, не плачь, я ее поймаю!.. *(Выходит на авансцену и обращается к зрителям.)* Мы вас очень просим: если кто-нибудь из вас ее найдет, то пусть принесет нам — она нужна нам для того, чтобы стать счастливыми в будущем...

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

Первое свое стихотворение Эмиль Верхарн опубликовал в апреле 1876 года в брюссельском журнале «Ревю женераль».

В 1883 году вышла из печати его первая книга стихов «Фламандки».

Первый сборник избранных произведений Верхарна «Друзьям поэта» («Pour les amis du poète») был издан брюссельским издателем Э. Деманом в 1896 году. В 1895—1910 годы парижское издательство «Меркюр де Франс» осуществляет двенадцатитомное издание сочинений Эмиля Верхарна (без общего названия), в которое вошло 30 поэтических сборников.

В 1912—1933 годах «Меркюр де Франс» предпринимает второе издание сочинений Верхарна, в девяти томах, под общим названием «Сочинения» («Oeuvres»).

Различия между текстами этих двух изданий весьма существенны, так как Верхарн внес в последнее издание значительные изменения в части синтаксиса, словаря, версификации; эти изменения, приглушавшие некоторые характерные особенности его прежней художественной манеры, вызвали сожаление у ценителей его поэзии. Так, В. Я. Брюсов, которому принадлежит честь первооткрывателя Верхарна для России, считал, что «выпущенные места и ранние редакции представляют высокий художественный интерес... так писал и так думал Верхарн в определенный период своего творчества» (в кн.: Э. Верхарн, Поэмы, М. 1923).

По данным Андре Фонтена, одного из лучших знатоков творчества бельгийского поэта на Западе, особенно безжалостным был Верхарн к своим произведениям 1884—1892 годов. Наибольшей правке подвергся сборник «Крушения»; последующие сборники уже не знали таких «экзекуций», в которых «умудренный возрастом критик нередко изменял поэту» (A. Fontaine, Verhaeren et son oeuvre d'après les documents inédits, Paris, 1929).

Верхарн почти полностью переведен на русский язык.

Первые его переводы появились в России в 1900 году — Валерий Брюсов опубликовал в своей книге «Tertia vigilia» («Скорпион», М. 1900) переведенные им стихотворения «Женщина на перекрестке» (сб. «Черные факелы») и «К северу» (сб. «Лозы моей стены»).

В 1906 году московское издательство «Скорпион» выпустило первую книгу поэта: Эмиль Верхарн, Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова (название сборника было согласовано с автором), что явилось большим событием для русской литературной общественности — представленная в сборнике гражданская лирика нашла самый живой отклик в обстановке революционного движения тех лет.

Мятежная поэзия Верхарна открыла, по словам Александра Блока, «широкие объятия миру» (А. Блок, Собр. соч. в 8-ми томах, Гослитиздат, М.—Л. 1962, т. 5, стр. 627).

С 1907 года в России появляется целый ряд отдельных изданий Верхарна, которого восприняли как «апостола энтузиазма», предвестника «радостного пробуждения» (В. Л. Львов-Рогачевский, Народный трибун.— В кн.: Э. Верхарн, Безумие полей, СПб. 1914).

В ноябре 1913 года Верхарн посетил Россию, выступил с лекциями в Москве и Петербурге, встречался с деятелями русской культуры. Большевистская «Правда» писала о нем, как о «выдающемся поэте-социалисте», который «воодушевлялся великой борьбой пролетариата» («За правду» — под таким названием выходила «Правда» в то время — 1913, 24 и 26 ноября).

Наиболее значительным дооктябрьским изданием Верхарна явилось «Собрание стихов» (1883—1915) в переводе В. Брюсова, М. 1915.

Особенно широкую известность приобретает у нас поэзия Верхарна в первые годы Советской власти; его творчество оказалось в высшей степени созвучно эпохе переживаемых Россией «великих революционно-исторических бурь и восстаний... потому что новое искусство, новая литература, новый театр в своих героических поисках новой пролетарской культуры нашли для себя в творчестве Эмиля Верхарна столь драгоценный, столь жизненный и огненно-мятежный источник» (В. Мясников, Эмиль Верхарн, Ташкент, 1921).

Влияние верхарновских традиций испытали на себе многие из русских пролетарских поэтов (В. Александровский, Борис Николаев, Семен Родов, Михаил Ар, С. Малашкин, Ив. Филиппченко и др.).

7 ноября 1918 года в Москве был открыт памятник Эмилю Верхарну.

В последующие десятилетия произведения Верхарна неоднократно переиздаются, появляется множество новых переводов на русский язык и языки народов СССР.

Основные издания:

Эмиль Верхарн, Поэмы. В переводе В. Брюсова, изд. 4-е, дополненное и переработанное, М. 1923; Полное собрание поэм. В переводе Г. Шенгели, тт. 2, 3, 5, 6, М. 1922—1923; Лирика и поэмы, М. 1935; Драмы и проза, М. 1936; Избранное, М. 1955; Стихи, М.—Л. 1961.

ФЛАМАНДКИ
(LES FLAMANDES)

Сборник вышел в свет 1 февраля 1883 года в Брюсселе у издателя Гоштейна с посвящением Леону Кладелю — писателю, участнику Парижской коммуны.

Эта первая книга Верхарна сразу принесла ему известность. Рукопись «Фламандок» начинающий поэт представил на суд Камилла Лемоннье, с которым не был ранее знаком. Признанный мэтр бельгийской литературы собственноручно внес в текст свои многочисленные поправки и благословил это крупное поэтическое начинание. Один из экземпляров «Фламандок» молодой автор посылает своему любимому поэту Виктору Гюго.

«Фламандки» создавались в 1878—1882 годы. По свидетельству своего друга, поэта Ивана Жилькена, Верхарн написал одно из ранних стихотворений цикла — «Коровницу» — еще в Лувене около 1878 года. В сборнике 27 стихотворений, которые тематически делятся на несколько групп: фламандская деревня, национальное искусство, пейзаж.

«Фламандки» написаны традиционным александрийским стихом — двенадцатисложником, иногда восьмисложником.

Сборник отражает эволюцию мировоззрения поэта в начале 80-х годов. Поначалу жизнь бельгийской деревни представляется ему вечным праздником природы, здоровья, изобилия, как на картинах живописцев прежних времен; он смотрит на фламандского крестьянина, его жизнь и труд глазами стороннего наблюдателя, не стремясь вникнуть в существо изображаемого; но постепенно, по наблюдению А. В. Луначарского, сквозь картины старых мастеров перед Верхарном начинает вырисовываться подлинное лицо действительности» (А. В. Луначарский, Верхарн. Литературная энциклопедия, 1929, т. 2).

Стихотворения отмечены влиянием традиций национальной культуры — живописи (Рубенс, Иорданс) и литературы (К. Лемоннье).

В 1879 году, в одном из писем к своему другу Ван-Аренбергу, Верхарн писал: «Я хотел бы суметь наполнить те разнообразные стихи, на которые меня вдохновляет Фландрия, обильным здоровьем, тучной жизнью, так восхитительно подчеркнутыми Иордансом во всем его творчестве».

Далеко не все современники увидели во «Фламандках» то «нежное и неотвязное видение Фландрии», которое, по словам известного бель-

гийского писателя Анри Давиньона, «Верхарн внес... в свои первые литературные опыты».

Молодого поэта обвиняли в отсутствии благопристойности, критика изощрялась в выборе прозвищ, среди которых имело место и такое: «Рафаэль навоза».

Но такие признанные писатели и критики, как Камилл Лемонье, Альбер Жиро, Эдмон Пикар и другие, приветствовали молодого поэта.

В России первые переводы из этого цикла были выполнены Валерием Брюсовым: «Свиньи» («Адская почта», 1906, № 1), «Старые мастера» (Эмиль Верхарн, Стихи о современности в переводе В. Брюсова, М. 1906).

Некоторые переводы из этого сборника (А. Голембы, А. Ибрагимова, С. Шервинского), помещенные в настоящем томе «Библиотеки всемирной литературы», публикуются впервые.

МОНАХИ
(LES MOINES)

Сборник вышел из печати в июне 1886 года в парижском издательстве Лемерра.

Книга посвящена поэту Жоржу Кнопфу.

Как свидетельствуют биографы Эмиля Верхарна, стихи эти связаны с впечатлениями детства. Отец поэта, Гюстав Верхарн, посещавший ежемесячно бернардинский монастырь в Борнгеме (неподалеку от Сент-Амана), нередко брал с собой сына. Борнгемские отшельники, видимо, и дали будущему поэту образный материал для созданного много позже цикла. Чтобы оживить эти воспоминания, Верхарн удаляется в Форжский монастырь, где проводит в полном одиночестве 21 день, в течение которых присутствует при всех церемониях, наблюдает все стороны монастырской жизни.

Известно, что, выйдя из этого добровольного монастырского заточения, молодой поэт поспешил наградить себя за три недели сурового воздержания — «назло» «Монахам» в нем жили «Фламандки».

Стихотворения, составившие сборник, были написаны в 1883—1884 годах.

По мнению Стефана Цвейга, «именно в «Монахах» кристаллизуется в первый раз тонкое понимание психических оттенков». Валерий Брюсов относил этот сборник к первому периоду творчества Верхарна, периоду здоровья, «когда фламандский дух — дух Иорданса и Рубенса — казался ему прекраснее всех идей».

Стихи этого цикла переводились В. Брюсовым, Г. Шенгели, Н. Рыковой, В. Давиденковой. Переводы В. Микушевича выполнены для настоящего тома «Библиотеки всемирной литературы».

ВЕЧЕРА
(LES SOIRS)

Впервые опубликовано в 1887 году в Брюсселе издателем Э. Деманом.

Цикл посвящен писателю Жоржу Роденбаху, с которым Верхарн находился в дружеских отношениях.

Время работы над сборником (октябрь 1884 — июль 1886 года) было указано самим поэтом в первом издании книги. Здесь же сообщалось, что эта книга — лишь «первая часть произведения, за которой последуют «Крушения» и «Черные факелы».

Леон Базальжет свидетельствует, что почти вся трилогия Верхарна была создана в Лондоне, где поэт неоднократно и подолгу бывал в годы работы над нею.

Трилогию «Вечера», «Крушения» и «Черные факелы» обычно называют трагической, так как в ней нашел отражение тяжелый духовный кризис, переживаемый поэтом в те годы. Быстрое развитие капитализма в недавно еще совсем патриархальной Бельгии, гибель любимого им деревенского уклада, болезнь самого поэта — все это надломило его духовно. Печатью сильного нервного напряжения отмечены все циклы трилогии.

Французский поэт Франсис Вьеле-Гриффен сообщает, что, по словам самого Верхарна, «Вечера» выражают упадочное состояние человеческого существа, взывающего о помощи, «Крушения» — это уже «самый крик больного человека», а «Черные факелы» передают новый, «изменившийся под влиянием болезни взгляд автора на мир».

Не исключено, что, работая над «Вечерами», Верхарн обдумывал и стихи, предназначенные для других циклов. Стихи входили в тот или иной сборник скорее не по хронологическому принципу, а в зависимости от замысла. Этим, по-видимому, объясняются и перестановки стихотворений из одной части в другую в последующих изданиях трилогии. Так, входивший ранее в сборник «Вечера» «Роковой цветок» был перенесен в цикл «Крушения», а стихотворение «Вдали» было перенесено из второй части в первую.

Сборник «Вечера» составлен из 25 стихотворений. О замысле его как первой части трилогии свидетельствует предпосланный автором подзаголовок «Вступительные декорации».

Отдельные переводы из этого цикла, выполненные В. Брюсовым, М. Волошиным, И. Тхоржевским, Г. Чулковым, Эллисом и др., появились в периодических изданиях 1905—1906 годов. Полностью цикл был переведен Г. Шенгели в 1922—1923 годах.

Печатаемые в данном томе переводы Ю. Александрова публикуются впервые.

КРУШЕНИЯ
(LES DÉBÂCLES)

Сборник вышел в Брюсселе в 1888 году у Э. Демана с посвящением группе художников — близких знакомых Верхарна: Тео ван Риссельбергу, Вилли Шлобаху, Дарио де Регойосу.

Эта вторая часть «трагической» трилогии, имеющая подзаголовок «Моральная деформация», создавалась в 1886—1887 годах.

Цикл состоит из 21 стихотворения, написанных классическим александрийским стихом.

Среди русских переводчиков этого цикла назовем В. Брюсова, М. Волошина, Мих. Донского, И. Тхоржевского, Г. Шенгели, Эллиса.

ЧЕРНЫЕ ФАКЕЛЫ
(LES FLAMBEAUX NOIRS)

Сборник издан Э. Деманом в 1891 году; посвящен адвокату Эдмону Пикару, известному общественному деятелю Бельгии.

Книга имеет подзаголовок — «Внешняя проекция».

Стихи создавались в основном в 1887—1888 годах. Поэт не был уверен, стоит ли ему публиковать книгу, которая была написана два года назад и в год опубликования явно не соответствовала его настроениям.

Цикл «Черные факелы» состоит из 14 стихотворений. Именно здесь Верхарн впервые обращается к вольному стиху (vers libre), стремясь, по его словам, «ухватить поэтическую идею в ее первоначальной форме, в самый момент ее рождения, со всеми чертами ее окраски и движения».

Стихи этого цикла переводил В. Брюсов. В 1922 году сборник был полностью переведен Василием Федоровым и вышел отдельным изданием: Эмиль Верхарн, Черные факелы, Госиздат, 1922; см. также: Г. Шенгели, Эмиль Верхарн, Полное собрание поэм, М. 1922—1923.

Перевод Ю. Александрова («Законы») публикуется впервые.

У ДОРОГИ
(AU BORD DE LA ROUTE)

Сборник издан впервые в 1890 году в Льеже издателем Вайан-Германом; посвящен художнику Полю Синьяку.

Сборник, составленный из 30 произведений, написанных в 1882—1891 годы, отражает эволюцию мировоззрения поэта в течение целого десятилетия.

Ранние стихи сборника, вошедшие в цикл «Като», создавались параллельно с первым верхарновским сборником — «Фламандками». Цикл «Фрески», также вошедший в этот сборник, создавался одновременно со стихами, составившими трагическую трилогию.

Первый перевод из этой книги (отрывки из стихотворения «Не знаю, где»), относящийся еще к 1896 году,— это первый известный пере-

вод из Верхарна на русский язык; опубликован в кн.: Эмиль Верхарн, Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова, М. 1906.

В этом же сборнике опубликован один из лучших брюсовских переводов из Верхарна — стихотворение «Часы».

Более полно цикл был переведен Г. Шенгели: Эмиль Верхарн, Лирика и поэмы, М. 1935. Переводы Ф. Мендельсона публикуются впервые.

ПРЕДСТАВШИЕ НА МОИХ ПУТЯХ
(LES APPARUS DANS MES CHEMINS)

Впервые опубликовано в конце 1891 года в Брюсселе издателем Лакомбле. Книга посвящена Эдмону Деману, с именем которого связано издание большинства произведений Верхарна. Первое издание сборника содержало 18 стихотворений, последующие — 14.

Книгу эту обычно называют переходной — между циклами трагической трилогии и последующими произведениями. Она свидетельствует о наметившихся переменах в мировоззрении Верхарна к концу 80-х годов. Сам поэт рассматривал ее «как новый поворот в своем искусстве» (письмо к Марте Верхарн от 30 мая 1891 г.).

Это почувствовали и современники. Так, в предисловии к первому сборнику своих переводов из Верхарна В. Брюсов писал, что «Представшие на моих путях» «напоминают в первой части «Черные факелы», но во второй уже занимается заря новой жизни».

Цикл был полностью переведен Г. Шенгели в 1922—1923 годах. Переводы Ю. Александрова публикуются впервые.

ПОЛЯ В БРЕДУ
(LES CAMPAGNES HALLUCINÉES)

Впервые — в апреле 1893 года в издательстве Э. Демана (Брюссель) с посвящением Виктору Десмету.

Сборник создавался в начале 90-х годов — во время наиболее тесного сближения Верхарна с социалистическим движением Бельгии. В эти годы поэт принимает активное участие в работе открытого социалистами в 1891 году Народного дома и Нового университета, выступает с лекциями перед рабочими. Современность властно приковывает к себе внимание поэта, вторгается в его искусство, принося вместо недавнего отчаяния семена надежды и веры.

В книге — 18 стихотворений, образующих первую часть серии, завершить которую должны были «Города-спруты» (стихи) и «Зори» (драма) — о чем прямо сообщалось в первом издании сборника.

Кроме того, в одном из писем, поясняя концепцию «Полей в бреду» («...я изобразил деревню... изможденной, израненной нищетой, непоправимо усталой и агонизирующей, добычей сосущего ее гигантского города, жестокого и полного сил... одна — пассивная нищета, другой —

активная нищета»), поэт далее свидетельствовал: «И над этими двумя видами нищеты когда-нибудь, я надеюсь, взойдут «Зори»; сюда я намерен вложить всю ту мечту, умиротворенную и сострадательную, которая живет в моем сердце и уме».

На русский язык стихи этого сборника переводили В. Брюсов, Г. Шенгели, Н. Васильев, Б. Серебряков и другие.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ
(LES DOUZE MOIS)

Сборник впервые опубликован в 1895 году в Брюсселе издательством «Дитрих», с посвящением художнику Тео ван Риссельбергу. Первоначальное название сборника — «Альманах».

Пейзажно-«календарная» лирика инструментована Верхарном ощутимо социально: меняются времена года и картины природы, но неизбывна нищета «соломенных кровель».

Первый перевод из этого сборника («Декабрь») был сделан В. Брюсовым («Слово», Приложение к № 430, 2 апреля 1906 г.). Книга переводилась также Б. Серебряковым (Петроград, 1919).

Стихотворения «Апрель» и «Октябрь» переведены Ю. Александровым для настоящего тома «Библиотеки всемирной литературы».

ГОРОДА-СПРУТЫ
(LES VILLES TENTACULAIRES)

Издано впервые Э. Деманом в 1895 году. Цикл посвящен Анри де Ренье.

Это вторая часть социальной трилогии Верхарна. Цикл создавался после знаменитой стачки бельгийского пролетариата 1893 года, во время наивысшего подъема активности рабочего движения в стране. Именно в эти годы творчество Верхарна, по словам В. Брюсова, «выходит на путь, еще никем не изведанный» («Весы», 1904, № 3).

Верхарн, по общему признанию, предстает тут певцом современного города.

К урбанистической теме Верхарн обращался и раньше (в трагической трилогии), но теперь восприятие города стало более глубоким, аналитическим, что выразилось в определенной диалектичности его концепции: «чудовищный спрут» — это и то, что несет в себе начало прекрасного будущего.

После выхода в свет «Городов-спрутов», по свидетельству Л. Базальжета, «вся художественная Бельгия заволновалась и решила публично выразить Эмилю Верхарну свое преклонение». По инициативе журнала «Молодое искусство» в честь поэта был устроен банкет (24 февраля 1896 г. в Брюсселе).

В первом издании цикл состоял из 19 произведений, позднее автор ввел в него еще одно стихотворение — «Города и поле. К будущему».

Первые переводы в России из этого цикла были выполнены в 1905—1906 годах В. Брюсовым.

В 1922 году книга вышла отдельным изданием — Эмиль Верхарн, Города-спруты, Харьков, 1922 (в переводе Г. Шенгели).

Переводы А. Ибрагимова и Ю. Александрова публикуются впервые.

ПРИЗРАЧНЫЕ ДЕРЕВНИ
(LES VILLAGES ILLUSOIRES)

Впервые опубликовано Э. Деманом в Брюсселе в 1895 году. Цикл посвящен Камиллу Лемоннье.

Сборник из 15 стихотворений закончен в 1894 году. Написанный после «Полей в бреду», но перед «Городами-спрутами», он тесно связан с ними всем своим содержанием.

Здесь, как и в трилогии, отчетливо звучат социальные мотивы, связанные с осознанием гибели фламандской деревни под натиском капиталистического города, с сочувствием обездоленной массе — жителям «хижин». По словам Л. Базальжета, автор «Призрачных деревень» «проник в искусство демократии, в искусство нашего времени».

Последние стихи сборника отличаются революционным пафосом, который характерен для многих произведений поэта тех лет.

Переводы Ю. Александрова и А. Голембы выполнены для настоящего тома «Библиотеки всемирной литературы».

ЛОЗЫ МОЕЙ СТЕНЫ
(LES VIGNES DE MA MURAILLE)

Впервые опубликовано в Брюсселе в 1899 году с посвящением Эжену Демольдеру. Цикл создавался в 1892—1897 годах.

Первый перевод из этой книги (стихотворение «К северу») принадлежит В. Брюсову (1900). Полностью сборник переводился Г. Шенгели. Переводы А. Ибрагимова и Ю. Александрова публикуются впервые.

ЛИКИ ЖИЗНИ
(LES VISAGES DE LA VIE)

Впервые цикл опубликован в 1899 году в Брюсселе Э. Деманом с посвящением французскому поэту Франсису Вьеле-Гриффену.

Работа над сборником была начата еще в 1895 году параллельно с работой над социальной трилогией и примыкавшими к ней сборниками. Цикл имел большой успех, был признан одним из лучших во французской литературе 1898—1902 годов и отмечен специальной премией.

Мнение современников несколько позже сформулировал Леон Базальжет: «Что бы ни создал еще Верхарн — по силе вдохновения ему

не подняться выше некоторых страниц «Ликов жизни», это — лучшее, что может воплотить человек в словесных образах».

Глубоко развивая мысль о вечном движении в мире, этот сборник открывает новый этап в творчестве поэта, предвещая его будущие философские сборники.

По словам В. Брюсова, Верхарн в «Ликах жизни» воспел «Радость, Милосердие, Лес, Толпу, Любовь, Смерть, Опьянение, Море... и обо всем сказал то именно, что выражает сущность этих вековечных начал жизни и природы, что их определяет в их самом характерном и что, вместе с тем, еще никогда не было сказано».

В 1906 году Валерием Брюсовым был опубликован перевод стихотворения «К морю» («Слово». Приложение к № 11, 1 мая 1906 г.).

Полностью цикл переведен Г. Шенгели в 1922—1923 годах.

Переводы Ю. Александрова («Лес», «Опьянение») публикуются впервые.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЕГЕНДЫ
(PETITES LÉGENDES)

Десять стихотворений, составившие этот сборник, были опубликованы в Брюсселе Эдмоном Деманом в 1900 году. Они посвящены известному бельгийскому поэту Максу Эльскампу.

В письме к Верхарну, где он благодарит его за посвящение ему «Маленьких легенд» (1900), Эльскамп пишет: «Это наша страна, которая говорит голосом людей, деревьев и животных, и какой ты чудесный художник... Ты умеешь жить всеми жизнями, даже жизнью вещей, что мне представляется самым невозможным».

Стр. 171. *Монтегю* — распространенное название деревень во Франции и Бельгии.

Стр. 173. *Арпан* — старинная французская земельная мера (около 1 гектара).

Стр. 175. *Денье* — старинная французская монета.

БУЙНЫЕ СИЛЫ
(LES FORCES TUMULTUEUSES)

Сборник опубликован впервые в январе 1902 года парижским издательством «Меркюр де Франс», с посвящением Огюсту Родену.

По данным дневника Верхарна, первоначальное заглавие сборника было «Современная кровь».

Цикл создавался в 1899—1901 годы. Поэтическое мастерство Верхарна-реалиста достигает здесь необычайной высоты.

«Никто до него не подозревал, что роман можно сжать до лирического стихотворения,— писал В. Брюсов,— Верхарн это сделал в своей

книге «Les Forces tumultueuses», где он дал лирику типов, воплотил в страницах стихов такие извечные образы, как Монаха, Полководца, Трибуна, Банкира, Тирана, Любовницы... здесь, как в фокусе, собраны все разнородные силы творчества Верхарна» («Весы», 1904, № 3).

Первые переводы из этого цикла принадлежат В. Брюсову («Трибун», «Банкир», «В вечерний час»).

Перевод А. Ибрагимова («Тем, кто отплывает») печатается впервые.

Стр. 184. *Теруань де Мерикур* (1762—1817) — одна из активных участниц французской буржуазной революции, бельгийка по происхождению.

МНОГОЦВЕТНОЕ СИЯНИЕ
(LA MULTIPLE SPLENDEUR)

Впервые издано в Париже («Меркюр де Франс») в 1906 году, с посвящением Эжену Каррьеру.

Первоначальное название сборника: «Восхищайтесь друг другом».

Цикл непосредственно продолжает «Буйные силы», раскрывая верхарновскую философию природы. Поэт обрел душевное равновесие; он стремится проникнуть в будущее, которое связано теперь для него с верой в бесконечный прогресс. Торжественно-спокойная интонация стихотворного сборника облечена в строгие формы александрийского стиха.

Стихи этого сборника переводились С. Бобровым, В. Брюсовым, М. Волошиным, В. Давиденковой, М. Донским, Н. Рыковой, Г. Шенгели и другими.

Переводы А. Ибрагимова, А. Голембы и Ю. Александрова публикуются впервые.

ДЕРЖАВНЫЕ РИТМЫ
(LES RYTHMES SOUVERAINS)

Опубликовано впервые в 1910 году издательством «Меркюр де Франс».

Первоначальное название «Державные подвиги».

Сборник состоит из 15 стихотворений. Как свидетельствует Валерий Брюсов, Верхарн в частной беседе с ним (осенью 1909 г., во время его второго посещения бельгийского поэта) поделился основным замыслом «Державных ритмов»: «В этой книге... я хочу передать в стихах те основные ритмы, которые управляют движениями современной жизни: ритмы страсти, изобретения, жажды блага, жажды обновления, протеста, гордости, сознания своей силы...» (В. Брюсов, За моим окном, М. 1913, стр. 29).

Первым из этого цикла явился перевод Валерием Брюсовым стихотворения «Золото» («Весы», 1909, № 12), прямо с рукописи, предоставленной ему автором. Более полно цикл был переведен Г. Шенгели (1935). Перевод А. Голембы («Влечения») выполнен для нашего издания.

Стр. 233. *Эта* — гора в Греции.

Стр. 236. *Гидра* — многоголовое чудовище, побежденное Гераклом.

Немейский лев — легендарный зверь, опустошавший одну из греческих областей — Немею; сражен Гераклом.

Авгий — царь Элиды; Геракл очистил его конюшни; эта работа оказалась под силу одному только Гераклу.

Стимфал — озеро в Греции, где Геракл вступил в схватку с легендарными меднокрылыми птицами.

Герион — царь острова Эритеи, обладатель охранявшегося двуглавым псом стада быков, которое должен был похитить Геракл.

Диомед — царь фракийцев, кормивший своих коней человеческим мясом.

Атлант — великан, державший на своих плечах небесный свод. Геракл на время заменил его, когда Атлант отправился за золотыми яблоками в сад Гесперид.

Стр. 237. *Иола, Мегара, Деянира* — подруги Геракла.

Кампанья — равнина, на которой расположен Рим.

Стр. 239. *Парус* — здесь архитектурный термин: часть свода, опирающаяся на колонну.

Стр. 240. *Юдифь* — героиня библейской легенды, отрубившая голову вавилонскому вождю Олоферну, войско которого осаждало иудейский город Ветулию.

Голиаф — по Библии, великан-филистимлянин, убитый в единоборстве Давидом.

Аман (б и б л.) — приближенный персидского царя, гонитель евреев. После женитьбы царя на еврейке был казнен.

Стр. 241. *Савонарола* — политический деятель Флорентийской республики (XV в.), монах, убежденный противник дома Медичи и папы; в 1498 году был объявлен еретиком и сожжен на костре.

ВСЯ ФЛАНДРИЯ
(TOUTE LA FLANDRE)

Издано в 1911 году (Деман).

В стихах этого цикла, посвященных родной стране, умудренный жизнью поэт вновь возвращается к темам своей первой книги: жизнь фламандского крестьянства, родные пейзажи.

В спокойном, неторопливом повествовании «Всей Фландрии» уже слышны отзвуки областнических настроений, которые были свойственны многим современникам Верхарна и которые более явственно дадут о себе знать в следующих книгах поэта. Одним из первых переводов из этой книги явился перевод стихотворения «Шаги», выполненный в декабре 1905 года Александром Блоком (впервые опубликовано в «Ниве», 1907, № 1).

Сборник «Вся Фландрия» состоит из пяти разделов: «Первая неж-

ность», «Гирлянда дюн», «Герои», «Островерхие города» и «Равнины». Эти части сначала издавались отдельными сборниками (соответственно в 1904, 1907, 1908, 1910 и 1911 гг.).

Переводы Ю. Александрова и З. Морозкиной публикуются впервые.

Стр. 254. *Гильом де Жюлье* — реальное историческое лицо; происходил из рода графов Фландрских, принимавших участие в борьбе фламандцев против французских королей. Событие, изображенное в стихотворении, так называемая «битва золотых шпор»,— имело место в 1302 г.

Стр. 257. *Королевские лилии* — герб французских королей.

ЧАСЫ
(LES HEURES)

Этот сборник интимной лирики состоит из трех частей: «Ранние часы» (опубликован в 1896 г. в Брюсселе Деманом), «Послеполуденные часы» (1905, там же) и «Вечерние часы» (1911, там же).

Книга посвящена Марте Верхарн, жене поэта, которая, по словам Стефана Цвейга, была «неугасимым светочем его души, ярким факелом, озарявшим всю его жизнь».

«...есть своеобразная прелесть в этих нежных песнях, в которых поэт, привыкший рисовать грандиозные картины или трубить призывы к бою, понижает свой голос, обращаясь к любимой женщине, до тихого, ласкового шепота»,— писал В. Брюсов в рецензии на французское издание «Ранних часов» и других книг Верхарна («Русская мысль», 1910, № 8, отд. 2, стр. 13).

ВОЛНУЮЩИЕСЯ НИВЫ
(LES BLÉS MOUVANTS)

Впервые издано в Париже в 1912 году в издательстве Крес.

Сборник посвящен Альфреду Валетту, директору издательства «Меркюр де Франс».

По своему содержанию сборник примыкает к заключительной части «Всей Фландрии» — циклу «Равнины». Здесь уже сильнее чувствуются настроения довольства и успокоенности, которых не избежал поздний Верхарн.

АЛЫЕ КРЫЛЬЯ ВОЙНЫ
(LES AILES ROUGES DE LA GUERRE)

Впервые издано в 1916 году («Меркюр де Франс»), с посвящением Морису Метерлинку.

Цикл является как бы лирическим продолжением публицистики Верхарна (книга «Окровавленная Бельгия», 1915).

Трагедия человечества, втянутого в войну германским милитариз-

мом, была воспринята поэтом прежде всего как трагедия его любимой Бельгии, о муках которой он «говорит... как отец, у которого отняли дочь» (Г. Чулков.— «Русская мысль», № 12, отд. 21, стр. 18).

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ ФЛАНДРИИ И БРАБАНТА (POÈMES LÉGENDAIRES DE FLANDRE ET DE BRABANT)

Сборник издан впервые 4 ноября 1916 года в Париже (издательство «Сосьете литерер де Франс»). Книга открывалась стихотворением, посвященным «захваченной Фландрии». Это был последний сборник поэта, опубликованный при его жизни.

В сборник вошли почти все произведения, составившие ранее цикл «Маленькие легенды» (см. выше), и 12 новых стихотворений.

Стр. 281. *Эгмонт Ламораль* (1522—1568) — родовитый нидерландский дворянин, граф, активный участник борьбы против испанского владычества; казнен герцогом Альбой.

ЗОРИ (LES AUBES)

Впервые — в журнале «Меркюр де Франс» в октябре — ноябре 1897 года (отдельное издание —30 января 1898 г.) с посвящением художнику Полю Синьяку.

Пьеса создавалась в 1896—1897 годах. В июле 1896 года журнал «Кок руж», в котором Верхарн принимал активное участие, сообщил: «Труппа театра «Эвр» под руководством Люнье По покажет будущей зимой «Зори», 3 акта в стихах, Эмиля Верхарна».

Однако объявленная постановка в театре Люнье По не состоялась, так как работа над «Зорями» еще не была завершена. Верхарн закончил ее только 29 апреля 1897 года. Написанная стихами и прозой, она состоит из четырех актов.

При жизни поэта «Зори» не переиздавались, текст пьесы остался без изменений. По свидетельству Стефана Цвейга, в 1914 году Верхарн начал переработку пьесы для театра Макса Рейнгардта, но не завершил ее из-за начавшейся войны.

Критики различных лагерей оказались единодушны во мнении о несценичности «Зорь»; они отмечали преобладание в пьесе лирического элемента над драматическим. Но, по словам Леона Базальжета, «неудавшаяся драма остается прекрасной поэмой». Георг Брандес заявил, что «Зори» «...следует считать самым замечательным и самым значительным произведением из всех, какие он создал».

Ромен Роллан рассматривал «Зори» как первое осуществление своей мечты о народном театре.

13 мая 1901 года пьеса впервые была поставлена на сцене Народ-

ного дома в Брюсселе секцией искусства, основанной за несколько лет до этого Верхарном, Экоудом и Вандервельде.

24 ноября 1908 года, в день национального праздника в честь Эмиля Верхарна, в брюссельском театре «Дю Парк» состоялось представление одного действия «Зорь» и одного действия его пьесы «Монастырь».

Еще при жизни автора «Зори» были переведены на ряд языков. В 1898 году ее переводит на английский язык Артур Симонз. В 1904 году в Кракове пьеса была опубликована на польском языке в переводе Марии Марковской. Станислав Костка Нейман познакомил с «Зорями» чешских читателей в 1905 году.

Русский читатель узнал пьесу в 1906 году. Одно за другим выходят три издания драмы «Зори» (Эмиль Верхарн, Зори, Пьеса в 4 актах. Перев. Георгия Чулкова, XI Сборник Знания, СПб. 1906; То же. Перев. А. Воротникова, М. 1906; То же. Перев. А. Воротникова и С. Шамбинаго, М. 1906).

И хотя «многое по-русски стало слабее, потускнело, многие оттенки сгладились, исчезли»,— замечает В. Брюсов по поводу этих переводов,— в целом верный, хотя и «не художественный», перевод был достаточен, чтобы познакомить с замыслом поэта («Весы», 1906, № 9, стр. 77—80).

В дальнейшем пьеса неоднократно переиздавалась (1908, 1911).

Первое советское издание «Зорь» относится к 1919 году (М. 1919; Нижний Новгород, 1919).

Публикуемый в настоящем издании перевод В. Левика был напечатан в 1955 году.

В первые годы Советской власти чрезвычайно возрастает интерес к пьесе «Зори», которую, наряду с драмой Ромена Роллана «Взятие Бастилии», считают самой революционной. Ее включают в свои репертуары столичные и провинциальные театры. Она входит в репертуар латышского рабочего театра в Москве (1918), поставлена в Муромском театре имени А. В. Луначарского (1918). В 1918 году постановкой «Зорь» отметил первую годовщину Великого Октября Замоскворецкий советский театр в Москве. В 1919 году к пьесе обращаются театральные труппы Петрограда и Киева.

В 1920—1922 годах пьеса ставилась театральными коллективами Иваново-Вознесенска, Тулы, Тбилиси (на грузинском языке).

В 1924 году «Зорями» открывается «Красный театр» в Тбилиси.

О постановке ее думал Евг. Вахтангов.

Но подлинным событием в истории советского театра явилась постановка верхарновских «Зорь» в третью годовщину Октября в Московском театре РСФСР I; театр открылся 7 ноября 1920 года пьесой Эмиля Верхарна «Зори», которые входили в репертуар театра до 1 мая 1921 года (театр просуществовал один сезон). Постановка была осуществлена Всеволодом Мейерхольдом (который предполагал ее к постановке еще

в 1905 году) и Валерием Бебутовым. В роли трибуна Эреньена выступил Александр Закушняк. Остальные роли исполняли: Клер — Ольга Демидова, Эно — А. Надлер, Ордэн — Олег Фрелих, Гислен — Игорь Ильинский, Пьер Эреньен — Василий Букин, Ле Бре — В. Кальянов и другие.

Внешнее оформление спектакля было выполнено В. Дмитриевым, учеником К. Петрова-Водкина (см. в кн. Советский театр, Л. 1968). И режиссерское решение пьесы, и художественное оформление ее были пронизаны стремлением создать новый революционный театр, подчинить искусство политическим задачам времени. В. Мейерхольд и В. Бебутов творчески пересмотрели текст драмы, стремясь максимально приблизить ее к современности, главным героем стал не Эреньен, а народная масса. В «Вестнике театра» в 1920 году была опубликована первая редакция «Зорь» по Верхарну — Чулкову в режиссерской обработке В. Мейерхольда и В. Бебутова (вторая редакция — «Вестник театра», 1921).

По замыслу постановщиков, непременным участником спектакля должен был стать зритель. Желая внести в пьесу жизненный материал, В. Мейерхольд вводил в монологи актеров последние сводки с фронта (так, во время одного из представлений Вестник сообщил о взятии Красной Армией Перекопа — см. «Театр», 1957, № 5).

Постановка вызвала оживленную дискуссию. Свое несогласие с мейерхольдовской трактовкой «Зорь» выразила в печати Н. К. Крупская («Правда», 1920, № 252).

В обсуждении спектакля, которое состоялось в понедельник 22 ноября 1920 года, приняли участие А. В. Луначарский, В. Маяковский, А. Мгебров, О. Брик и др. По предложению П. Когана в театре еженедельно стали устраивать так называемые «Понедельники «Зорь» (устраивались в течение двух месяцев) — публичные беседы по вопросам искусства. Театр пересмотрел пьесу заново, и в новой редакции она впервые была показана зрителю 27 декабря 1920 года.

При всех своих недостатках «Зори», по словам А. В. Луначарского, явились «настоящей зарей революционного театра».

М. Мыслякова

МОРИС МЕТЕРЛИНК

НЕПРОШЕНАЯ
(L'INTRUSE. 1890)

Первое представление пьесы состоялось в 1891 году в парижском «Театр д'ар» («Художественный театр») под руководством Поля Фора. Было объявлено, что сбор со спектакля пойдет в пользу П. Верлена и художника Гогена. В России пьеса была поставлена в Московском Художественном театре вместе с двумя другими: «Слепые» и «Там, внутри». Режиссерами спектакля были К. С. Станиславский, Г. С. Бурджалов и

Н. Г. Александров, художником — В. В. Сурепьянц. Премьера состоялась 2 октября 1904 года. Роль деда играл В. И. Качалов, отца — В. В. Лужский, дядю — Л. М. Леонидов. По свидетельству К. С. Станиславского, А. П. Чехов «очень интересовался спектаклем Метерлинка, который в то время усердно репетировался. Надо было держать его в курсе работ, показывать макеты декораций, объяснять мизансцены» (Собр. соч., т. I, стр. 272). Неудача спектакля тяжело переживалась руководителями МХТ, она свидетельствовала о временном кризисе театра. К. С. Станиславский позднее вспоминал о том, что «испытывал неудовлетворенность и тревогу после неудачи с пьесами Метерлинка» (там же, стр. 295).

СЛЕПЫЕ
(LES AVEUGLES. 1890)

Поставлена вместе с «Непрошеной» в парижском «Театр д'ар» и в МХТ (см. выше прим. к «Непрошеной»). В спектакле МХТ были заняты: В. И. Качалов, Л. М. Леонидов, И. М. Москвин.

Эта пьеса — одно из самых символических произведений Метерлинка. Судьба слепых стариков на заброшенном острове символизирует судьбу человечества, затерянного во вселенной. Океан — образ смерти. Мертвый проводник — образ веры, религии, утраченной современным человечеством. Каждый из слепых символизирует определенную сторону человеческой жизни: юная слепая — искусство и красоту, сумасшедшая — вдохновение, ее зрячий ребенок — новое, нарождающееся мистическое мировоззрение, маяк на берегу океана — науку.

ТАМ, ВНУТРИ
(INTÉRIEUR. 1894)

Эта пьеса вошла в изданный в 1894 году сборник Метерлинка «Три пьесы для марионеток» (вместе с пьесами «Алладина и Паломид» и «Смерть Тентажиля»). Первое представление ее состоялось в театре «Эвр» в оформлении художника Мориса Дени.

Поставлена со «Слепыми» и «Непрошеной» в МХТ (см. выше прим. к «Непрошеной»).

СМЕРТЬ ТЕНТАЖИЛЯ
(LA MORT DE TINTAGILES. 1894)

Пьеса была предназначена автором для театра марионеток (см. выше прим. к «Там, внутри»).

Жаном Нугесом к этой пьесе написана музыка. Музыкальная драма Нугеса была поставлена в 1905 году в Париже, в театре «Матюрен».

В 1905 году «Смерть Тентажиля» была поставлена В. Э. Мейерхольдом в студии МХТ на Поварской в приемах условного театра. Худож-

ники Н. Н. Сапунов и С. Ю. Судейкин решали декоративное оформление спектакля «на плоскостях». «Для этой пьесы, которую сам автор относил к пьесам для марионеток, и как единичный оригинальный прием это было недурно придумано» (А. В. Луначарский, О театре и драматургии, т. I, М. 1958, стр. 109). Спектакль шел в сопровождении музыки. Как внешние звуковые эффекты (вой ветра, шум морских волн), так и внутренние переживания героев подчеркивались музыкой. Мизансцены должны были представлять собой как бы фрески или барельефы. К. С. Станиславский писал об этом спектакле: «Талантливый режиссер пытался закрыть собой артистов, которые в его руках являлись простой глиной для лепки мизансцен, красивых групп, с помощью которых он осуществлял свои интересные идеи. Но при отсутствии артистической техники у актеров... интересные замыслы студии превратились в отвлеченную теорию, в научную формулу» (Собр. соч., т. I, стр. 285).

Вскоре после неудачной постановки «Смерти Тентажиля» студия на Поварской прекратила свое существование.

В 1915 году пьеса Метерлинка была поставлена Передвижным театром П. П. Гайдебурова — Н. Ф. Скарской в Петрограде (Игрена — Н. Ф. Скарская, Тентажиль — Е. Д. Головинская); этот спектакль выдержал 32 представления. Интересную музыку к спектаклю (а также и к спектаклю студии МХТ на Поварской) написал композитор Илья Сац, впоследствии создавший музыку к «Синей Птице» в МХТ.

МОННА ВАННА
(MONNA VANNA. 1902)

Впервые поставлена в театре «Эвр» 7 мая 1902 года. Роль Марко Колонна исполнял руководитель театра Люнье По. В роли Монны Ванны выступала Жоржетта Леблан, впоследствии жена Метерлинка. В Германии пьеса ставилась на сцене знаменитого «Немецкого театра», которым в то время руководил Отто Брам (с 1894 по 1904 г.). Первое представление состоялось здесь 8 октября 1902 года (см. рецензию на этот спектакль критика-марксиста Ф. Меринга в книге «Мировая литература и пролетариат», М. 1924).

«Монна Ванна» была одной из наиболее популярных на русской сцене пьес Метерлинка. Она шла в Петербурге в Александринском театре, в Малом театре, в Новом театре. В. Ф. Комиссаржевская играла Монну Ванну во время своих гастролей 1902—1904 годов. Пьесу ставили в Харькове, Одессе, Житомире, Ростове-на-Дону, Ярославле, Костроме, Киеве, Саратове, Рыбинске, Вильно.

В 1903 году пьесу показывал в России приехавший на гастроли парижский «Театр — Метерлинк». Роль Монны Ванны играла Жоржетта Леблан-Метерлинк. В пьесе нашли отклик реальные исторические собы-

тия. Между Флоренцией, не имевшей выхода к морю, и морским портом Пизой действительно шла длительная, ожесточенная борьба. В 1406 году Флоренция захватила Пизу.

Стр. 415. *Синьория* — главнейший государственный орган Флорентийской республики.

Стр. 416. *Страдиоты* — легкая конница, наемные войска, набиравшиеся в средние века итальянскими государствами в Албании. Страдиоты отличались большим мужеством и военным искусством.

Стр. 417. *Марсилио Фичино* (1433—1499) — итальянский философ-гуманист, содействовал распространению античной и арабской философии, выступал против безусловного преклонения перед церковными авторитетами, против мертвых догм, провозглашал высокое значение человеческой личности и принципы новой, светской морали.

...диалоги Платона.— Платон (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. Философское учение Платона известно нам из двадцати восьми его диалогов.

Стр. 418. *Гесиод* (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, создатель назидательного эпоса.

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Платона, колебавшийся между идеализмом и материализмом, в ряде вопросов вплотную подошедший к материализму. Аристотель был ученым-энциклопедистом, создателем логики, «величайшим мыслителем древности», по характеристике К. Маркса.

Стр. 419. *...шел к нему, как Приам в палатку Ахилла...*— В «Илиаде» рассказывается о том, как троянский царь Приам ночью явился с выкупом к ахейскому герою Ахиллу и умолял выдать ему для погребения тело его сына Гектора, убитого Ахиллом.

Стр. 420. *Ландскнехты* — наемные немецкие войска XV—XVII вв., набиравшиеся сначала из разорившегося дворянства и ремесленников, а позднее также из крестьян и горожан. Ландскнехты служили не только Германии, но и другим государствам.

Стр. 459. *Лукреция* — жена Тарквиния Коллатина, родственника Тарквиния Гордого. Ее обесчестил сын Тарквиния Гордого. Заставив отца и мужа поклясться, что они отомстят преступнику, Лукреция закололa себя на их глазах (VII в. до н. э.).

ЧУДО СВЯТОГО АНТОНИЯ
(LE MIRACLE DE SAINT-ANTOINE. 1903)

«Чудо святого Антония» в 1906 году было поставлено В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге в приемах «театра марионеток». Затем пьеса ставилась в Передвижном театре П. П. Гайдебурова — Н. Ф. Скарской в 1916 году. Художником спектакля

был О. Клевер. Но наиболее интересным и значительным был спектакль, поставленный Е. Б. Вахтанговым.

Первый вариант «Чуда святого Антония» был поставлен Вахтанговым в Студенческой студии Работа над ним велась в период 1916—1918 годов. В то время Вахтангову был еще чужд сатирический подход к материалу, на основе которого он создаст впоследствии второй вариант «Чуда святого Антония». «В «Антонии» нужно, чтобы чувствовалась улыбка Метерлинка, добродушная, незлобивая и приятная, по адресу людей, поставленных по его воле в такое необычное положение»,— писал Е. Б. Вахтангов 11 января 1917 года (Е. Б. Вахтангов, Записки, письма, статьи, 1939). Но в то же время он понимал, что может быть и другое решение спектакля, хотя и не принимал его. Он говорил, что «можно сыграть эту пьесу как сатиру на человеческие отношения, но это было бы ужасно». «Метерлинк написал комедию,— говорил Вахтангов,— а в комедии всегда что-то высмеивается. Но Метерлинк высмеивает здесь не так, как высмеивают другие, а по-своему. Это не бичующий смех Щедрина, не слезы Гоголя и т. п. Здесь только улыбка. Метерлинк улыбнулся по адресу людей». И далее: «Эта пьеса — улыбка Метерлинка. Когда он немного отстранился от «Аглавены и Селизетты», от «Слепых», от «Непрошеной» — словом, от всего того, где выявлялся крик его души...». «Эту пьесу нельзя играть так, чтобы Ашиль, Гюстав и другие были противны. Все это очень милые люди. Мы их отлично понимаем».

Второй вариант спектакля был создан Вахтанговым уже после революции, в 1921 году, в Третьей студии МХАТ. Теперь уже он смотрел на пьесу совершенно иначе. «Когда началась революция, мы почувствовали, что в искусстве не должно быть так, как раньше,— говорил Вахтангов 10 апреля 1922 года.— Мы еще не знали формы настоящей, той, которая должна быть, и поэтому она у нас в «Антонии» получилась какая-то переходная. Следующим этапом будет искание формы вечной... Сейчас театральные средства, которые мы употребляем в «Антонии»,— «клеймить буржуа» — совпали с требованиями жизни, с требованиями современности». Сценическую форму спектакля Вахтангов определял словом «гротеск». Критик Я. Тугендхольд («Экран», 1921, № 9) пишет, что Вахтангов, пользуясь мотивом траура в семье, превращает родственников мадемуазель Ортанс в черные сатирические силуэты, контрастирующие с белизной фона, мебели, венков. «...Особенно хороши здесь женщины с их разнообразно уродливыми профилями и одинаково автоматическими движениями. И, многозначительно контрастируя с этими черно-белыми карикатурами, выявляются средь общего фона только два красочных пятна: святой Антоний и прислуга Виржини... «Изолированность» Антония стала чрезвычайно убедительной благодаря своеобразно парадоксальному впечатлению: на сцене только он и Виржини кажутся живыми, настоящими людьми среди мелькаю-

щих черных арабесок, фантомов, механических кукол. Вахтангову удалось перенести центр тяжести мистики с фигуры святого на самую толпу. Это она кажется нереальной, как китайские тени — тени человеческой пошлости». Однако, раскрывая таким образом внутреннюю мертвенность и пустоту мира этих буржуа и мещан, Вахтангов не искажал действующих лиц, не превращал их в безжизненные схемы; перед зрителями были не просто буржуа и мещане, но французские провинциальные буржуа и мещане, типичные и конкретные. Добиваясь четкости и остроты формы, всячески подчеркивая основное и существенное, Вахтангов достиг в этом спектакле большой силы обобщения.

СИНЯЯ ПТИЦА
(L'OISEAU BLEU. 1905)

Первое представление состоялось 30 сентября 1908 года на сцене Московского Художественного театра, которому автор предоставил право первой постановки. Театр осуществил этот спектакль в ознаменование своего десятилетия. Спектакль сохранился в репертуаре МХАТ до наших дней, в марте 1958 года он шел двухтысячный раз. Спектакль ставил К. С. Станиславский. Режиссерами были Л. А. Сулержицкий и И. М. Москвин, декоратором — В. Е. Егоров, композитором — И. А. Сац. Тильтиля играли С. В. Халютина, А. П. Зуева, В. Д. Бендина, Митиль — А. Г. Коонен, С. В. Гиацинтова, Фею — М. Н. Германова, М. П. Лилина, Свет — В. В. Барановская, К. Н. Еланская, Пса — В. В. Лужский, Н. П. Баталов, Кота — И. М. Москвин, А. М. Комиссаров, Хлеб — В. Ф. Грибунин, М. М. Тарханов, Воду — Л. М. Коренева, О. Н. Андровская, Огонь — Г. С. Бурджалов, Н. П. Хмелев, Сахар — А. Ф. Горев, Е. Б. Вахтангов, Ночь — О. Л. Книппер-Чехова, Духа Дуба — И. М. Уралов, Л. М. Леонидов.

В начале 1911 года Л. А. Сулержицкий вместе со своим молодым учеником Е. Б. Вахтанговым поставил «Синюю птицу» в Париже, в театре Режан, по мизансценам МХТ.

Еще до постановки «Синей птицы» в МХТ в газете «Меркюр де Франс» (1907, № 240) была опубликована речь К. С. Станиславского, произнесенная перед началом репетиций, о том, какой должна быть новая постановка МХТ. Станиславский указывал на необходимость новых средств сценического воплощения для передачи сновидений, мечтаний, предчувствий, характерных для драматургии Метерлинка и не передаваемых традиционными театральными средствами. Постановка, говорил руководитель МХТ, должна быть наивной, простой, легкой, радостной, как сон десятилетнего ребенка, но в то же время и грандиозной, ибо она должна явиться воплощением мечты великого поэта. Спектакль, по мнению Станиславского, должен восхищать детей и будить серьезные мысли у взрослых.

В постановке МХТ большое место заняли технические новшества, которые, по мнению многих критиков, даже заслонили актеров. Некоторые рецензенты характеризовали этот спектакль как торжество техники и режиссера в ущерб актеру. Спектакль МХТ с течением времени менялся и совершенствовался. Он пользовался огромным успехом на сценах Лондона, Парижа, Нью-Йорка.

30 октября 4910 года «Синюю Птицу» смотрела в МХТ Жоржетта Метерлинк-Леблан. Позднее М. Метерлинк писал К. С. Станиславскому, что жена «со слезами восторга» рассказывала ему об этом спектакле.

«Синяя Птица» шла в Иркутске, Ярославле, Полтаве, Нижнем Новгороде, Курске, Одессе, Минске, Киеве, Казани, Петербурге. После революции пьеса была поставлена в Петрограде, в Большом драматическом театре (1923), и в Баку (1936).

Стр. 493. *...в духе Вальтера Крэна.*— Вальтер Крэн (или Уолтер Крейн, 1845—1908) — известный английский художник, отличающийся причудливой игрой воображения.

Стр. 494. *...наряд Джона Буля.*— Джон Буль — имя нарицательное, шутливое прозвище типичного английского буржуа.

Стр. 533. *...маршал Базен.*— Имя Ашиля Базена (1811—1888) стало во Франции нарицательным для обозначения предателя. Базен в войне 1870—1871 гг. командовал гарнизоном крепости Мец, но вступил в переговоры с Бисмарком и капитулировал перед пруссаками.

Стр. 544. *Веронезе,* Паоло (1528—1588) — знаменитый художник венецианской школы. С помощью ослепительно богатой палитры, обладавшей благородным серебристым оттенком, художник достигал в своих картинах впечатления праздничного великолепия и блеска.

Рубенс, Петер Пауль (1577—1640) — великий фламандский художник.

Стр. 549. *Фарандола* — южнофранцузский (провансальский) старинный народный танец.

Стр. 563. *14 июля* 1789 г. восставшие народные массы Парижа взяли приступом тюрьму Бастилию. Это было началом Французской буржуазной революции. 14 июля — национальный праздник Франции.

Стр. 564. *Феокрит* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт, создатель жанра «буколики» (пастушеской песни), где рисовались идиллические картины мирной пастушеской жизни.

Вергилий (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт. В «Буколиках» и «Георгиках» — поэме о земледелии — Вергилий рисует идиллических пастухов, счастливую, тихую жизнь земледельцев на лоне природы.

В. Столь ная

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Андреев. О двух знаменитых бельгийцах 5

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Фламандки
Старые мастера. *Перевод Г. Шенгели* 33
Равнины. *Перевод С. Шервинского* 35
Като. *Перевод В. Шора* 35
Воскресное утро. *Перевод А. Голембы* 37
Крытый ток. *Перевод А. Голембы* 38
Плодовые сады. *Перевод А. Голембы* 38
Нищие. *Перевод Е. Полонской* 39
Выпечка хлеба. *Перевод А. Ибрагимова* 39
Шпалеры. *Перевод Е. Полонской* 40
Зимой. *Перевод С. Шервинского* 40
Марина [I]. *Перевод С. Шервинского* 41
Марина [III]. *Перевод С. Шервинского* 41
Монахи
Монахи. *Перевод В. Микушевича* 42
Монах эпический. *Перевод В. Микушевича* 43
Монастыри. *Перевод В. Давиденковой* 44
Монах простодушный. *Перевод В. Микушевича* 46
Возвращение монахов. *Перевод В. Микушевича* . . . 47
Дикий монах. *Перевод Н. Рыковой* 50
Вечера
Человечество. *Перевод М. Волошина* 51
Под сводами. *Перевод М. Донского* 51
Холод. *Перевод Г. Шенгели* 52
Соломенные кровли. *Перевод М. Донского* 52
Лондон. *Перевод Г. Шенгели* 53

Морские скитальцы. *Перевод Ю. Александрова* 54
Умереть. *Перевод Ю. Александрова* 55
Крушения
Меч. *Перевод М. Донского* 57
Исступленно. *Перевод М. Донского* 58
Осенний час. *Перевод Г. Шенгели* 58
Вдали. *Перевод Б. Томашевского* 59
Черные факелы
Законы. *Перевод Ю. Александрова* 61
Мятеж. *Перевод В. Брюсова* 62
Города. *Перевод Г. Шенгели* 63
Мертвец. *Перевод Г. Шенгели* 65
У дороги
Часы. *Перевод В. Брюсова* 67
Декабрь. *Перевод Ф. Мендельсона* 68
Смутное. *Перевод Ф. Мендельсона* 68
Гимн. *Перевод Ф. Мендельсона* 69
Притча. *Перевод Ф. Мендельсона* 70
Лодка. *Перевод Ф. Мендельсона* 70
Не знаю, где. *Перевод В. Брюсова* 71
Дурной час. *Перевод Г. Шенгели* 72
Ноябрь. *Перевод Г. Шенгели* 72
Где-то там. *Перевод Б. Томашевского* 73
Некоторые. *Перевод Б. Томашевского* 73
Представшие на моих путях
Видение на горизонте. *Перевод Г. Шенгели* 75
Иная равнина. *Перевод Г. Шенгели* 76
Страх. *Перевод Ю. Александрова* 77
Затишье. *Перевод Ю. Александрова* 77
Поля в бреду
Город. *Перевод Г. Шенгели* 79
Тот, кто дает дурные советы. *Перевод В. Шора* 82
Паломничество. *Перевод В. Шора* 85
Мор. *Перевод В. Брюсова* 87
Исход. *Перевод Э. Линецкой* 92
Двенадцать месяцев
Апрель. Ветер. *Перевод Ю. Александрова* 96
Октябрь. Охота. *Перевод Ю. Александрова* 99
Декабрь. Гости. *Перевод В. Брюсова* 102
Города-спруты
Равнина. *Перевод Ю. Левина* 103
Душа города. *Перевод М. Волошина* 105
Порт. *Перевод Г. Шенгели* 108

Зрелища. *Перевод Ю. Александрова* 110
Скользящие в ночи. *Перевод Ю. Александрова* . . . 114
Заводы. *Перевод А. Ибрагимова* 116
Биржа. *Перевод Г. Шенгели* 119
Торжище. *Перевод В. Шора* 122
В музее. *Перевод Ю. Александрова* 124
Искания. *Перевод Ю. Александрова* 125
Идеи. *Перевод Ю. Александрова* 127
Города и поле. К будущему. *Перевод В. Брюсова* . . . 130
Призрачные деревни
Рыбаки. *Перевод Ю. Александрова* 133
Мельник. *Перевод Ю. Александрова* 135
Тишина. *Перевод Ю. Александрова* 138
Снег. *Перевод Э. Линецкой* 140
Столяр. *Перевод А. Голембы* 141
Звонарь. *Перевод А. Голембы* 143
Ветер. *Перевод Г. Шенгели* 145
Пылающие стога. *Перевод Г. Шенгели* 147
Лозы моей стены
На север. *Перевод М. Волошина* 149
Осенний вечер. *Перевод А. Ибрагимова* 150
Утром. *Перевод Ю. Александрова* 151
Победители. *Перевод Ю. Александрова* 152
Лики жизни
На набережной. *Перевод Ю. Александрова* 154
Толпа. *Перевод М. Волошина* 157
Опьянение. *Перевод Ю. Александрова* 160
Лес. *Перевод Ю. Александрова* 162
Вода. *Перевод В. Давиденковой* 165
К морю. *Перевод В. Брюсова* 167
Маленькие легенды
Пилигрим. *Перевод Вс. Рождественского* 171
Статуэтка. *Перевод Вс. Рождественского* 175
Буйные силы
Искусство. *Перевод В. Дмитриева* 179
Любовь
Венера. *Перевод Н. Рыковой* 182
Магдалина. *Перевод Н. Рыковой* 183
Теруань де Мерикур. *Перевод Н. Рыковой* 184
Трибун. *Перевод В. Брюсова* 186
Банкир. *Перевод В. Брюсова* 188
Тиран. *Перевод М. Донского* 190
Возлюбленная. *Перевод А. Ибрагимова* 191

Амазонка. *Перевод В. Дмитриева* 193
Города. *Перевод М. Волошина* 196
Наука. *Перевод А. Ибрагимова* 199
Заблуждение. *Перевод Э. Линецкой* 201
Часы творчества. *Перевод Э. Линецкой* 204
Невозможное. *Перевод М. Донского* 205
Утро. *Перевод В. Давиденковой* 206
Вперед. *Перевод В. Давиденковой* 207
Знание. *Перевод А. Ибрагимова* 208
Тем, кто отплывает. *Перевод А. Ибрагимова* 210
Многоцветное сияние
Мир. *Перевод В. Брюсова* 211
Слово. *Перевод Ю. Александрова* 213
Мыслители. *Перевод Ю. Александрова* 216
Хвала человеческому телу. *Перевод Г. Шенгели* . . . 219
Во славу ветра. *Перевод В. Брюсова* 220
Радость. *Перевод Ю. Александрова* 222
Далеко за вокзалами, вечером. *Перевод А. Ибрагимова* 224
Смерть. *Перевод Ю. Александрова* 225
Дерево. *Перевод М. Донского* 226
Завоевание. *Перевод М. Волошина* 228
Жизнь. *Перевод А. Голембы* 230
Идеи. *Перевод А. Голембы* 231
Державные ритмы
Геракл. *Перевод М. Донского* 233
Микеланджело. *Перевод Г. Шенгели* 237
Влечения. *Перевод А. Голембы* 241
Молитва. *Перевод В. Дмитриева* 247
Корабль. *Перевод Вс. Рождественского* 249
Вся Фландрия
Шаги. *Перевод А. Блока* 250
Кровля вдали. *Перевод А. Корсуна* 253
Гильом де Жюлье. *Перевод Г. Шенгели* 254
Общинники. *Перевод Ю. Александрова* 257
Старые дома. *Перевод А. Корсуна* 260
Шаланда. *Перевод В. Дмитриева* 261
Конец года. *Перевод З. Морозкиной* 263
Старая усадьба в день Всех святых. *Перевод З. Морозкиной* 263
Часы
Ранние часы
«Чтобы любовь жила в глазах у нас...» *Перевод Э. Линецкой* 265

«У нас, в саду любви, не увядает лето...» *Перевод Э. Линецкой* 265
«Когда меня подстерегала злоба...» *Перевод Э. Линецкой* 266
«Сегодня к нам явилась осень...» *Перевод Э. Линецкой* 267
Послеполуденные часы
«Я радость бытия принес тебе в подарок!..» *Перевод Э. Линецкой* 268
«Прозрачна тень, и радужна заря...» *Перевод Э. Линецкой* 268
«Окно распахнуто. В смятенье...» *Перевод Э. Линецкой* 269
«Когда на скорбное, мучительное кресло...» *Перевод Э. Линецкой* 269
«Я покидаю сна густую сень...» *Перевод Э. Линецкой* 270
Вечерние часы
«Касаньем старых рук откинув прядь седую...» *Перевод А. Гатова* 271
«Когда мои глаза закроешь ты навек...» *Перевод А. Гатова* 271
«Нет, жить тобой душа не уставала...» *Перевод А. Гатова* 272
Волнующиеся нивы
Покойник. *Перевод М. Донского* 273
Алые крылья войны
Герои Льежа. *Перевод В. Брюсова* 276
Поэмы и легенды Фландрии и Брабанта
Пиршество гёзов. *Перевод Ю. Александрова* 279
Зори. *Перевод В. Левика* 284

МОРИС МЕТЕРЛИНК

Непрошеная. *Перевод Н. Минского* и *Л. Вилькиной* . . . 344
Слепые. *Перевод Н. Минского* и *Л. Вилькиной* 360
Там, внутри. *Перевод Н. Минского* и *Л. Вилькиной* . . . 384
Смерть Тентажиля. *Перевод Н. Минского* и *Л. Вилькиной* 396
Монна Ванна. *Перевод Н. Любимова* 414
Чудо святого Антония. *Перевод Н. Минского* и *Л. Вилькиной* 466
Синяя Птица. *Перевод Н. Любимова* 492
Примечания *М. Мысляковой, В. Стольной* 581

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
Том 142

Эмиль Верхарн
СТИХОТВОРЕНИЯ. ЗОРИ

Морис Метерлинк
ПЬЕСЫ

*

Редактор М. Ваксмахер
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
С. Ефимова
Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 8/IX 1971 г. Подписано к печати 28/XII 1971 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 38 печ. л. 35,454 усл. печ. л. 32,32+6 нак.=33,256 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 2340. Цена 1 р. 71 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28